

С.П.Мельгунов

**Мартовскіе Дни
1917 года.**

Текстъ в старой орѳографіи
по парижскому изданію 1961 года

ЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА В.З.

<http://boomzoomer.livejournal.com>

Предисловіе П. Мельгуновой.

Работа С.П. Мельгунова "Мартовскіе дни" полностью выходит нынѣ впервые. Законченная в годы послѣдней міровой войны, книга эта была проредактирована самим автором. Только часть ея появилась в тетрадях "Возрожденія" (1950- 1954 г.)

Книга печатается по старой орфографіи, так как вышедшія раньше в издательствѣ "Возрожденіе" послѣдующія части тетралогіи были напечатаны по старой орфографіи.

П. Мельгунова.

1961 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. РЪШАЮЩАЯ НОЧЬ [1]

Днем 2-го марта, на перманентном митингѣ в Екатерининском залѣ Таврическаго дворца лидер думскаго прогрессивнаго блока и идейный руководитель образовавшагося 27-го февраля Временнаго Комитета членов Гос. Думы, Милюков сказал: "старый деспот, доведшій Россію до полной разрухи, добровольно откажется от престола или будет низложен". Почти в тот же час в Псковѣ, под давленіем верховнаго командованія в Ставкѣ, "старый деспот" подписал своё отреченіе от престола, окончательно оформленное вечером того же дня в момент пріѣзда "думской" делегаціи в лицѣ Гучкова и Шульгина. Таким образом отреченіе Государя "формально" не было "вынужденным" — устанавливает в своих воспоминаніях Набоков, выдающійся русскій юрист, которому суждено было сдѣлаться первым управляющим дѣлами революціоннаго Временнаго Правительства.

Насколько, однако, формальная юридическая сторона соответствовала реальной обстановкѣ, создавшейся в Петербургѣ и являвшейся рѣшающим

фактором в ходѣ революціи? Это совсѣм не праздный вопрос, ибо отвѣтъ на него опредѣляет собою двѣ совершенно отличныя друг от друга психологіи в кругѣ лиц, объединившихся около Временнаго Комитета Г. Д. и одновременно появившагося на ряду с ним Совѣта Р. и С. Д., т. е. тѣх учреждений, которыя обстоятельства поставили в тѣ дни как бы "во главѣ" политической жизни страны. Для одних Николай II добровольно отречся от престола, для других он был низложен — его отреченіе было "вынуждено", и добровольный отказ от власти, затушеванный в сознаниі современников, означал лишь то, что Император фактически не был свергнут насильственным путем, т. е. революціонным актом возставшаго народа. Формально добровольное отреченіе неизбѣжно накладывало извѣстныя моральныя обязательства на тѣх, кто стремился добиться этого отреченія и кто его принял; такого моральнаго обязательства могли не ощущать тѣ, кто не принимал участія в реализаціи плана сохраненія династіи путем устраненія лично дискредитированнаго монарха: для них исходным пунктом мог быть только вопрос о цѣлесообразности — так, как он представлялся тогда в пониманіи дѣйствовавших лиц.

Для того, чтобы уяснить себѣ роковыя противорѣчія, которыя выявились в первые дни революціи в силу недостаточно продуманных и ad hoc осуществленных политических замыслов, необходимо проанализировать всю сложную и запутанную обстановку того времени. Никто как-то не отдавал себѣ яснаго отчета в этих противорѣчіях тогда, когда закладывался фундамент строительства новой Россіи.

Нам нѣтъ необходимости в хронологической послѣдовательности воспроизводить событія первых февральско-мартовских дней, что сдѣлано уже с достаточной полнотой и отчетливостью в "Хроникѣ февральской революціи", составленной Заславским и Канюровичем (1924 г.) и в работѣ ген. Мартынова[2] "Царская армія в февральском переворотѣ" (1927 г.) К этим фактам мы будем обращаться лишь попутно, комментируя то или иное создавшееся положеніе. Прежде всего попытаемся возстановить картину отвѣтственных переговоров, которые в ночь с 1-го на 2-е марта происходили между Временным Комитетом Гос. Д. — "цензурой" общественностью по тогдашней терминологіи, и делегатами Исп. Ком. Совѣта, заявившаго

"претензію" представлять демократію[3]. Эта была поистинѣ рѣшающая ночь, и здѣсь завязался узел послѣдующей трагедіи русской революціи. Между тѣм возстановить болѣе или менѣе точно то, что происходило в указанную ночь, историку очень трудно. В нашем распоряженіи нѣтъ почти никаких документальных данных. В суматохѣ первых дней и ночей никто никаких протоколов не вел: отсутствует и газетный репортаж, подчас замѣняющій своим суррогатом протокольную запись — в "Извѣстіях", которыя издавал Комитет думских журналистов, нельзя отыскать никаких намеков на суть переговоров. Остаются воспоминанія, т. е. показанія современников, которыя должны помочь историку в данном случаѣ не только в "оцѣнкѣ подробностей" (Маклаков), но и в установкѣ первооснов. Значеніе этого субъективнаго самаго по себѣ источника познанія прошлаго в данном случаѣ безконечно преуменьшается не только при внесеніем послѣдующих настроеній, весьма отличных от подлинных авторских настроеній первых дней революціи, но и тѣм, что пелена тумана безсознательно для мемуариста застигает его память о том, что происходило в безсонныя ночи и сумбурные февральскіе и мартовскіе дни.

Нѣсколько мемуаристов уже коснулись исторической ночи с 1-го на 2-е марта. Казалось, можно было положиться на текст Милюкова, так как первый том его "Исторіи", приближающейся к воспоминаніям, написан был в Кіевѣ в 18-ом году в період политическаго полубездѣлія автора. Память мемуариста не застлана была еще его позднѣйшей политической эволюціей, и, таким образом, ему нетрудно было по сравнительно свѣжим впечатлѣніям воспроизвести исторію переговоров между членами Думы и совѣтскими делегатами, в которых автор принимал самое непосредственное участіе — тѣм болѣе, что в показаніях перед Чрезвычайной Сл. Комиссіей (7 августа 17 г.) Милюков засвидѣтельствовал, что им были проредактированы и исправлены "неточности", имѣющіяся в готовившейся Временным Комитетом Г. Д. к изданію книгѣ, гдѣ было дано "точное описаніе день за днем, как происходило". (Я никогда не видѣл этой книги и нигдѣ не встрѣчал ссылок на нее — надо думать, что она в дѣйствительности не была издана). И, тѣм не менѣе, суммарное изложеніе Милюкова с большими фактическими ошибками не дает нужных отвѣтов...

Имѣются и воспоминанія Керенскаго, но только во французском изданіи его "Революціи 17 г.". Внѣшне мемуарист хочет быть очень точным. Им указываются даже часы отвѣтственных рѣшеній в эти дни. Но это только внѣшняя точность, ибо даты безнадежно спутаны (выпустив книгу в 28 году, автор, слѣдуя установившимся плохим традиціям многих мемуаристов, не потрудился навести соотвѣтствующія справки и повѣствует исключительно по памяти). Память Керенскаго так же сумбурна, как сумбурны сами событія, в которых ему пришлось играть активнѣйшую роль, когда он падал в обморок от напряженія и усталости и когда, по его собственным словам, он дѣйствовал как бы в туманѣ и руководствовался больше инстинктом, нежели разумом. При таких условіях не могла получиться фотографія того, что было в 17 г. (на это Керенскій претендовал в своих парижских докладах). Нѣтъ ничего удивительнаго, что тогда у него не было ни времени, ни возможности вдумываться в происходившія событія. В воспоминаніях он пытается объяснить свое равнодушіе к программным вопросам тѣм, что никакія программы не могли измѣнить ход событій, что академическіе споры не представляли никакого

интереса, и что в силу этого "Он не принимал в них участія... Поэтому все самое существенное прошло мимо сознанія мемуариста, самоутѣшающагося тѣм, что событія не могли идти другим путем, и даже издѣвающагося над несчастными смертными (« Pauvres êtres humains »), которые думают по иному.

Еще меньше можно извлечь из воспоминаній Шульгина "Дни", которым повезло в литературѣ, и на которыя так часто ссылаются. Воспоминанія Шульгина — "живая фотографія тѣх бурных дней" (отзыв Тхоржевскаго) — надо отнести к числу полу-беллетристических произведеній, не могущих служить канвой для историческаго повѣствованія: вымысел от дѣйствительности не всегда у него можно отдѣлать, к тому же такого вымысла, сознательнаго и безсознательнаго, слишком много — автор сам признается, что впечатлѣнія от пережитого смѣшались у него в какую-то "кошмарную кашу". Воспоминанія Шульгина могли бы служить для характеристики психологических переживаній момента, если бы только на них не сказывалась так опредѣленно дата — 1925 год. Тенденціозность автора просачивается через всѣ поры[4].

Болѣ надежными являются "Записки о революціи" Суханова, гдѣ наиболѣе подробно и в хронологической послѣдовательности изложены перипетіи, связанныя с переговорами в ночь на 2-ое марта. Большая точность изложенія объясняется не только свойствами мемуариста, игравшаго первенствующую роль со стороны Исп. Ком. в переговорах, но и тѣм, что еще 23 марта ему было поручено Исп. Ком. составить очерк переговоров. Суханов порученія не выполнил, но, очевидно, подобрал предварительно соотвѣтствующій матеріал: поэтому он так отчетливо запомнил "все" до пятого дня — это была "сплошная цѣпь воспоминаній, когда в головѣ запечатлѣвался чуть ли не каждый час незабвенных дней". И совершенно неизбежно в основу разсказа надо положить изложеніе Суханова, хотя и слишком очевидно, что иногда автор теоретическія обоснованія подводит *post factum* и себѣ приписывает болѣе дѣйственную, провидящую роль, нежели она была в дѣйствительности.

I. Среди советской демократии.

1. Тактическое банкротство.

По чьей инициативѣ начались переговоры. Представитель крайняго течения, большевик Шляпников, определенно утверждает, что Исп. Ком. стал обсуждать вопрос о конструкции власти по "официальному предложению" со стороны Комитета Гос. Думы. Противоположную версию устанавливает другой представитель "революционной демократии", Суханов, не принадлежавший к группѣ лиц, входящих в ленинскую фалангу; понимая, что "проблема власти" — основная в революции, именно он настаивал на обсуждении ее в Исп. Ком., и по его инициативѣ возникла мысль о необходимости вступить в переговоры с представителями "цензовой общественности". Версия Суханова, как увидим, болѣе достоверна[5], хотя Стеклов, официальный докладчик Исп. Ком. на Совѣщании Совѣтов 30 марта, дававший через мѣсяц отчет перед собраніем и рассказавший историю "переговоров", развивал то же положеніе, что и Шляпников: думскій де Комитет начал переговоры "по собственной инициативѣ" и вел их с советски-

ми представителями, как с "равноправной политической стороной".

Так или иначе вопрос об организаціи власти подвергся обсужденію в Исп. Комитетѣ днем 1 марта — вѣрнѣе урывками происходил довольно случайный и безсистемный обмѣн мнѣній по этому поводу, так как текущіе вопросы ("куча вермишели", по выраженію Суханова) постоянно отвлекали вниманіе. Бесѣды происходили, как утверждает Шляпников, в связи с сообщеніем Чхеидзе, что Врем. Комитет, взяв на себя почин организаціи власти, не может составить правительство без вхожденія в него "представителей лѣвых партій". Намѣчались три теченія: одно из них (согласно традиціонной догмѣ) отвергало участіе социалистов во власти в період так называемой "буржуазной" революціи; другое (крайнее) требовало взять управленіе в свои руки; третье настаивало на соглашеніи с "цензовыми элементами", т. е. споры шли по схемѣ: власть буржуазная, коалиціонная или демократическая (социалистическая). В 6-м часу И. К. вплотную подошел к разрѣшенію проблемы власти и даже подверг вопрос баллотировкѣ, при чем 13 голосами против 7 или 8 поста-

новил не входить в цензовое правительство.

Впослѣдствіи была выдвинута стройная теоретическая схема аргументацій, объяснявшая почему демократія, которой яко бы фактически принадлежала власть в первые дни революціи в Петербургѣ, отказалась от выполненія павшей на нее миссіи. Такую попытку сдѣлал Суханов в "Записках о революціи". Другой представитель "совѣтской демократіи" Чернов, непосредственно не участвовавший еще в то время в революціонных событіях, касаясь в своей исторической работѣ "Рожденіе революціонной Россіи" рѣшенія передать власть "цензовой" демократіи, не без основанія замѣчает, что в данном случаѣ побѣдила "не теорія, не доктрина", а "непосредственное ощущеніе *обузы власти*" и желаніе свалить эту обузу под соусом теоретическаго обоснованія на "плечи цензовиков". Пять причин, побуждавших к такому дѣйствію и свидѣтельствовавших об отсутствіи "политической зрѣлости" и о "тактическом банкротствѣ (руководящаго) ядра, исчисляет Чернов:

1. Не хватало программнаго единодушія.
2. Цензовая демократія была на лицо "во всеоружіи всѣх своих духовных и политических ре-

сурсов", революціонная же демократія была представлена на мѣстѣ дѣйствія случайными элементами, "силами далеко не перваго, часто даже и не втораго, а третьяго, четвертаго и пятаго калибра". Самыя квалифицірованныя силы революціонной демократіи находились в далекой ссылкѣ или в еще болѣе далеком изгнаніи.

3. У цензовиков были "всероссійскія имена", руководители же революціонной демократіи за немногими исключеніями являлись "для широкаго общественнаго мнѣнія загадочными незнакомцами", о которых враги могли "распространять какія угодно легенды".

4. Крупнѣйшіе дѣятели рев. демократіи были "абсолютно незнакомы с техникою государственнаго управленія и аппаратом его" и "прыжок из заброшеннаго сибирскаго улуса или колоніи изгнанников в Женевѣ на скамьи правительства был для них сходен — с переселеніем на другую планету".

5. "Буржуазныя партіи" имѣли за собой свыше десяти лѣтъ открытаго существованія и устойчивой, гласной организаціи трудовыя, социалистическія и революціонныя партіи держались почти всегда лишь на голом скелетѣ кадров "профессіо-

нальных революціонеров".

Пространную аргументацію нѣсколько кичливых представителей эмигрантских "штабов"[6]— подобную же аргументацію развивает и Троцкій в "Исторіи русской революціи" — можно было бы кратко подытожить словами Милюкова на упомянутом митингѣ 2-го марта в Екатерининском залѣ Таврическаго дворца, когда бывший лидер думской оппозиціи с большим преувеличеніем говорил о единственно организованной "цензовой общестственности". Во всѣх этих соображеніях имѣется, конечно, доля истины, но всѣ они анулировались в тот момент аргументом, который представляло собой настроеніе масс и сочувствіе послѣдних революціонным партиям. "Престиж Думы" был огромен, несравним с вожаками лѣвых, извѣстных лишь в узком кругѣ, — усиленно подчеркивает и Маклаков, а между тѣм для успокоенія революціонной стихіи имѣло огромное значеніе вхождение именно Керенскаго в состав Временнаго Правительства, при чем играло роль само по себѣ не имя депутата, а его принадлежность к революціонной демократіи. Оспаривать этот факт не приходится, так как сама военная власть с мѣст,

гдѣ разбушевалась стихія, систематически взывала в первые дни к новой власти и требовала прибытія Керенскаго. Неоспоримо, что правительство, составленное из наличных членов Исп. Ком., было бы весьма неавторитетно, но почти столь же неоспоримо, что революціонная общественность могла бы составить такое правительство из имен болѣе или менѣе "всероссійских", которое имѣло бы в тѣ дни, быть может, больше вліянія, чѣм случайно составленное и не соотвѣтствовавшее моменту "Временное Правительство", которое приняло бразды правленія в революціонное время[7].

Основная причина "передачи" власти цензовым элементам или вѣрнѣе отказ от каких-либо самостоятельных попыток создать однородное демократическо-соціалистическое правительство лежала не в сознаніи непосильной для демократіи "обузы власти", а в полной еще неувѣренности в завтрашнем днѣ. В этом откровенно признавался впоследствии в совѣщаніи совѣтов докладчик о "временном правительствѣ", Стеклов — один из тѣх, кто непосредственно участвовал в ночных переговорах 1-2 марта: "...когда намѣчалось... соглашеніе, было совсѣм неясно, восторжествует ли

революція не только в формѣ революціонно-демократической, но даже в формѣ умѣренно-буржуазной. вы, ...которые не были здѣсь, в Петроградѣ, и не переживали этой революціонной горячки, представить себѣ не можете, как мы жили: окруженные вокруг думы отдѣльными солдатскими взводами, не имѣющими даже унтер-офицеров, не успѣвши еще сформировать никакой политической программы движенія... нам не было извѣстно настроеніе войск вообще, настроеніе Царскосельскаго гарнизона, и имѣлись свѣдѣнія, что они идут на нас. Мы получали слухи, что с сѣвера идут пять полков, что ген. Иванов ведет 26 эшелонов, на улицах раздавалась стрѣльба, и мы могли допускать, что эта слабая группа, окружавшая дворец, будет разбита, и с минуты на минуту ждали, что вот придут, и если не разстрѣляют, то заберут нас. Мы же, как древніе римляне, важно сидѣли и засѣдали, но полной увѣренности в успѣхѣ революціи в этот момент совершенно не было"

Слишком легко послѣ того, как событія произошли, отвергнуть этот психологическій момент и утверждать, что "царизм" распался, как карточный домик, что режим, сгнившій на корню, никакого

сопротивленія не мог оказать, что "военный разгром революціи был немыслим". Дѣло, конечно, было не так. Успѣх революціи, как показал весь историческій опыт, всегда зависит не столько от силы взрыва, сколько от слабости сопротивленія. Это почти "соціологическій" закон. У революціи 17 года не было организованной реальной военной силы. Всѣ участники революціи согласны с тѣм, что цитадель революціи — Таврической дворец, была в первые дни беззащитна. В ночь на 28 февраля, находившіеся в Гос. Думѣ фактически не располагали ни одним ружьем — признает Керенскій (La Verité). Имѣвшееся артиллерійское орудіе было без снарядов, бездѣйственны были и пулеметы (Мстиславскій). Потому так легко возникала паника в стѣнах Таврическаго дворца — и не только в первый день, как о том свидѣтельствуют мемуаристы; достаточно было дойти невѣрному слуху о сосредоточеніи в Академіи Генеральнаго Штаба 300 офицеров, вооруженных пулеметами, с цѣлью нападенія на революціонную цитадель. Казалось, что небольшая организованная воинская часть без труда ликвидирует возстаніе или по крайней мѣрѣ его внѣшній центр [8]. И если такой части не нашлось, то эхо объясняется не одной

растерянностью разложившейся власти, а и тѣм, что уличное неорганизованное движеніе в критическій момент оказалось сцѣплено с Государственной Думой — поднять вооруженную руку против народнаго представительства психологически было уже труднѣе, учитывая то обстоятельство, что во время войны армія превратилась в сущности в "вооруженный народ", как то неоднократно признавалось в самом правительстве (см., напр., сужденія в Совѣтѣ Министров в 15 году). Война парализовала в значительной степени волю к противодѣйствию, и Суханов совершенно прав, утверждая, что Комитет Гос. Думы служил "довольно надежным прикрытіем от царистской контр-революціи", отсюда рождалось впечатленіе, что власть "явно запускала движеніе" и подтверждалась распространенная легенда о "провокаціи".

Если в Петербургѣ 1-го марта, когда рѣшался вопрос о власти, переворот закончился уже побѣдоносно, то оставалось еще неизвѣстным, как на столичныя событія реагирует страна и фронт. Керенскій, не очень слѣдящій за своими словами, в одной из послѣдних книг (*La Verité*) писал, что к ночи 28-го вся страна с арміей присоединилась, к

революціи. Это можно еще с оговоркой сказать о второй столицѣ Имперіи гдѣ ночью 28-го было уже принято обращеніе Городской Думы, к населенію, говорившее, что "ради побѣды и спасенія Россіи Госуд. Дума вступила на путь рѣшительной борьбы со старым и пагубным для нашей родины строем". Но народ, который должен был фактически устранить "от власти тѣх, кто защищал старый порядок, постыдное дѣло измѣны", 1 марта в сущности стал лишь "готовиться к бою", как выражается в своих воспоминаніях непосредственный наблюдатель событій, будущій комиссар градоначальства с.-р. Вознесенскій. Полное бездѣйствіе власти под начальством ген. Мрозовскаго опредѣлило успѣх революціи и ея безкровность: три солдата и рабочій — такова цифра жертв возстанія в Москвѣ... В матери русских городов — Кіевѣ, гдѣ узнали о переворотѣ лишь 3-го, и гдѣ в этот день газеты все же вышли с обычными "бѣлыми мѣстами", еще перваго был арестован по ордеру губ. жанд. управленія старій народоволец, отставн. полковник Оберучев, вернувшійся из эмиграціи в серединѣ февраля "на родину". Во многих губерніях центра Россіи (Ярославль, Тула и др.) движеніе началось 3-го. Жители Херсона даже 5

марта могли читать воззваніе губернатора Червинскаго о народных беспорядках в Петербургѣ, прекращенных Родзянко в "пользу арміи, Государя и отечества". На фронт вѣсть о революціи естественно пришла еще позже — во многих мѣстах 5-6 марта; об отреченіи Императора на нѣкоторых отдѣльных участках узнали лишь в серединѣ мѣсяца. Мѣстечковый еврей, задавшій в это время одному из мемуаристов (Квашко) вопрос: "а царя, дѣйствительно, больше нѣтъ, или это только выдумка", — вѣроятно, не был одинок. В захолустье свѣдѣнія о происшедших событіях кое гдѣ проникли лишь к концу мѣсяца. Для иностранных читателей может быть убѣдительно свидѣтельство Керенскаго, что на всем протяженіи Имперіи не нашлось ни одной части, которую фактически можно было двинуть против мятежной столицы, то же, конечно, говорит и Троцкій в своей "Исторіи революціи". Но это мало убѣдительно для русскаго современника, знающаго, что фронтовая масса и значительная часть провинціи о событіях были освѣдомлены лишь послѣ их завершения.

Чернов дѣлает поправку (то же утвержденіе найдем мы и в воспоминаніях Гучкова): войско-

вую часть можно было отыскать на фронтѣ, но посылка ея не достигла бы цѣли, ибо войска, приходившія в Петербург, переходили на сторону народа. Но это только предположеніе, весьма вѣроятное в создавшейся обстановкѣ, но все-таки фактически невѣрное, вопреки установившейся версіи, даже в отношеніи того немногочисленнаго отряда, который дошел до Царскаго Села во главѣ с ген. Ивановым к вечеру 1 марта[9]. Большевицкіе историки желают доказать, что "демократія", из которой они себя выдѣляют, отступила на вторыя позиціи не из страха возможности разгрома революціи, а в силу паники перед стихійной революціонностью масс: в первые дни — вспоминает большевизанствующій с.-р. Мстиславскій — "до гадливости" чувствовалось, как "верховники" из Исп. Ком. боялись толпы[10]. Безспорно, страх перед неорганизованной стихіей должен был охватывать людей, хоть сколько-нибудь отвѣтственных за свои дѣйствія и не принадлежавших к лагерю безоговорочных "пораженцев", ибо неорганизованная стихія, безголовая революція, легко могла перейти в анархію, которая не только увеличила бы силу сопротивления режима, но и неизбѣжно породила бы контр-революціонное движеніе

страны во имя сохраненія государственности и во избѣжаніе разгрома на внѣшнем фронтѣ»

Керенскій, быть может, нѣсколько преувеличивая свои личныя ощущенія первых дней революціи, объективно прав, указывая, что никто не ожидал произошедшаго хаоса, и у всѣх была только одна мысль, как спасти страну от быстро наступающей анархіи. Элементарный здравый смысл заставлял демократію привѣтствовать рѣшеніе Временнаго Комитета взять на себя отвѣтственную роль в происходивших событіях и придать стихійному движенію характер "революціи", ибо исторія устанавливала и другой "соціологическій закон", в свое время в таких словах формулированный никѣм иным, как Лениным: "для наступленія революціи недостаточно, чтобы "низы не хотѣли", требуется, чтобы и "верхи не могли" жить по старому, т. е. "революціонное опьянѣніе", как выразился Витте в воспоминаніях, должно охватить и командующій класс. Витте довольно цинично называл это "умственной чесоткой" и либеральным "ожирѣніем" интеллигентной части общества, доказывая, что "революціонное опьянѣніе" вызывает отнюдь не "голод, холод, нищета", которыми

сопровождается жизнь 100 миллионнаго непривилегированнаго русскаго народа. В одном старый бюрократ был прав: "главным диктатором" революціи не является "голодный желудок" — этот традиціонный предразсудок, как нежизненный постулат, пора давно отбросить. Голод порождает лишь бунт, которому, дѣйствительно, обычно уготован один конец: "самоистребленіе". Алданов справедливо замѣтил, что о "продовольственных затрудненіях" в Петербургѣ, в качествѣ "причин революціи" историку послѣ 1920 г. писать "будет неловко".

Мотив этот выдвигался экономистами в началѣ революціи (напр., доклад Громана в Исп. Ком. 16 марта); в позднѣйшей литературѣ, пожалуй, один только Чернов все еще поддерживает версію, что на улицу рабочих вывел "Царь-Голод", — впрочем весьма относительный: сообщеніе градоначальника командующему войсками 23 февраля считало причиной беспорядков еще только слух, что будут отпускать 1 ф. хлѣба взрослому и полфунта на малолѣтних.

Ленин, который все всегда знал заранѣе на девять десятых, утверждал послѣ революціи, еще в

дни пребывания за границей, что буржуазія нужна была лишь для того, чтобы "революція побѣдила в 8 дней" [\[11\]](#).

Мемуаристы противоположнаго лагеря с той же убѣдительностью доказывают легкую возможность разгрома революціи при наличности нѣкоторых условій, в дѣйствительности по тѣм или другим причинам не оказалось. "Революція побѣдила в 8 дней" потому, что страна как бы слилась в едином порывѣ и общности настроеній, — столичный бунт превратился во "всенародное движеніе", показавшее, что старый порядок был уже для Россіи политическим анахронизмом и тогда (послѣ завершения переворота) в стихійности революціи начали усматривать гарантіи незыблемой ея прочности (рѣчь Гучкова 8 марта у промышленников).

В историческом аспектѣ можно признать, что современники в предреволюціонные дни недооцѣнивали сдвига, который произошел в странѣ за годы войны под воздѣйствіем оппозиціонной критики Гос. Думы, привившей мысль, что національной судьбѣ Россіи при старом режимѣ грозит опасность, что старая власть "безучастная к судьбѣ

родины и погрязшая в позорѣ порока... безповоротно отгородилась от интересов народа, на каждом шагу принося их в жертву безумным порывам произвола и самовластія" (из передовой статьи "Рус. Вѣд." 7 марта). В политической близорукости, быть может, повинны всѣ общественныя группировки, но от признанія этого факта нисколько не измѣняется суть дѣла: февральскія событія в Петербургѣ, их размах, отклик на них и итог оказались рѣшительно для всѣх неожиданными — "девятый вал", по признанію Мякотина (в первом публичном выступленіи послѣ революціи), пришел тогда, "когда о нем думали меньше всего". Теоретически о грядущей революціи всегда говорили много — и в лѣвых, и в правых, и в промежуточных, либеральных кругах. Предреволюціонныя донесенія агентуры департамента полиціи и записи современников полны таких предвидѣній и пророчеств — нѣкоторым из них нельзя отказать в прозорливости, настолько они совпали с тѣм, что фактически произошло. В дѣйствительности же подобныя предвидѣнія не выходили за предѣлы абстрактных расчетов и субъективных ощущеній того, что Россія должна стоять "на порогѣ великих событій". Это одинаково касается, как предска-

заній в 16 г. нѣкогого писца Александрo-Невской Лавры, зареєстрированных в показаніях филеров, которые опекали Распутина, так и предвидѣній политиков и соціологов. Если циммервальдец Суханов был убѣжден, что "міровая соціальная революція не может не увѣнчать собой міровой имперіалистической войны", то его прогнозы в сущности лежали в той же плоскости, что и размышленія в часы безсонницы в августѣ 14 г. вел. кн. Ник. Мих., записавшаго в дневник: "к чему затѣяли эту убійственную войну, каковы будут ея конечные результаты? Одно для меня ясно, что во всѣх странах произойдут громадныя перевороты, мнѣ мнится конец многих монархій и триумф всемірнаго соціализма, который должен взять верх, ибо всегда высказывался против войны". Писательница Гиппиус занесла в дневник 3 октября 16 г.: "никто не сомнѣвается, что будет революція. Никто не знает, какая и когда она будет, и не ужасно ли? — никто не думает об этом". (Предусмотрительность часто появляется в опубликованных дневниках *post factum*). Во всяком случаѣ не думали потому, что вопрос этот в конкретной постановкѣ в сознаніи огромнаго большинства современников не был актуален, — и близость рево-

люціи исчислялась не днями и даже не мѣсяцами, а может быть, "годами". Говорили о "революціи" послѣ войны (Шкловскій). Даже всевидящій Ленин, считавшій, что "всемирная империалистическая война" является "всесвѣтным режиссером, который может ускорить революцію" ("Письма изда-лека"), за два мѣсяца до революціи в одном из своих докладов в Цюрихѣ сдѣлал обмолвку: "Мы, старики, быть может, до грядущей революціи не доживем". По наблюдениям французскаго журналиста Анэ, каждый русскій предсказывал революцію на слѣдующій год, в сущности не вѣря своим предсказаніям. Эти общественные толки, поднимавшіеся до аристократических и придворных кругов, надо отнести в область простой разговорной словесности, конечно, показательной для общественных настроеній и создавшей психологию ожиданія чего-то фатально неизбежнаго через какой-то неопредѣленный промежуток времени.

Ожиданіе новаго катаклизма являлось доминирующим настроеніем в самых различных общественных кругах — и "лѣвых" и "правых", послѣ завершенія "великой русской революціи", как "сгоряча" окрестили 1905 год, Россію ждет "революція

безповоротная и ужасная" — положеніе это красной нитью проходит через перлюстрированную департаментом полиціи частную переписку (мы имѣем опубликованный отчет, напр., за 1908 г.). Человѣкъ весьма консервативных политических убѣжденій, харьковскій проф. Вязигин писал: "Самые черные дни у нас еще впереди, а мы быстрыми шагами несемъ к пропасти". Ему вторит политик умѣренных взглядов, член Гос. Сов. Шипов: "родина приближается к пропасти"... "предстоящая неизбежная революція легко может вылиться в форму пугачевщины". И все-таки Шипов, путем размышленія, готов признать, что "теперь чѣм хуже, тѣм лучше", ибо "чѣм скорѣе грянет этот гром, тѣм менѣе он будет страшен и опасен". И болѣе лѣвый Петрункевич хоть и признает, что наступила "полная агонія" правительственной власти, что "теперь борьба демократизировалась в самом дурном смыслѣ", что "выступили на арену борьбы необузданный и дикія силы", однако, все это, по его мнѣнію, свидѣтельствует, что "мы живем не на кладбищѣ". "Будущее в наших руках, если не впадет в протрацію само общество", успокаивает редактор "Рус. Вѣд." Соболевскій сомнѣвающегося своего товарища по работѣ проф. Анучи-

на и т. д. И очень часто в перепискѣ государственных дѣятелей, ученых и простых обывателей, с которой ознакамливались перлюстраторы, звучит мотив: "вряд ли без внѣшняго толчка что-нибудь будет". В кругах той либерально-консервативной интеллигенціи, которая под водительством думскаго прогрессивнаго блока претендовала на преемственность власти при новых парламентских комбинаціях, ожиданіе революціи, вышедшей из нѣдр народной толщи и рисовавшейся своим радикальным разрѣшеніем накопившихся соціальных противорѣчій какой-то новой "пугачевщиной", "русским бунтом, бессмысленным и беспощадным", по выраженію еще Пушкина, носило еще менѣе реалистическія формы. Революціонный жупел, поскольку он выявлялся с кафедры Гос. Думы, здѣсь был приѣмом своего рода педагогическаго воздѣйствія на верховную власть в цѣлях принудить ее капитулировать перед общественными требованіями. В дѣйствительности мало кто вѣрил, что то, "чего всѣ опасаются", может случиться, и в интимных разговорах, отмѣчаемых агентами деп. полиціи (и не только ими), ожидаемая революція замѣнялась "почти безкровным" дворцовым переворотом — до него в представ-

леніи оппозиціонных думских политиков оставалось "всего лишь нѣсколько мѣсяцев" даже, может быть, нѣсколько недѣль.

2. Неожданность революціи.

"Революція застала врасплох только в смыслѣ момента", утверждает Троцкій. Но в этом и была сущность реального положенія, предшествовавшего 27 февраля. Несомнѣнен факт, устанавливаемый Сухановым, что ни одна партія непосредственно не готовилась к перевороту. Будущій лѣвый с.-р. Мстиславскій выразился еще рѣзче: "революція застала нас, тогдашних партійных людей, как евангельских неразумных дѣв, спящими". Большевики не представляли собой исключенія — накануне революціи, по образному выраженію Покровскаго, они были "в десяти верстах от вооруженнаго возстанія". Правда, накануне созыва Думы они звали рабочую массу на улицу, на Невскій, противопоставляя свою демонстрацію в годовщину дня суда над с.-д. депутатами 10 февраля проекту оборонческих групп "хожденія к Думѣ" 14 февраля, но фактически это революціонное дѣйствіе не выходит из сферы обычной пропаганды стачек.

Нельзя обманываться лозунгами: "Долой царскую монархію" и "Да здравствует Временное Революціонное Правительство" и т. д. — то были лишь

традиційныя присказки всякой прокламаці, выходящей из революціоннаго подполья. Рабочіе не вышли на улицу. Быть может, свою роль сыграла агитація думских кругов, выступавших с предупрежденіем о провокаціонном характерѣ призывов[12], но еще в большей степени полная раздробленность и политическое расхожденіе революціонных штабов. Характерно, что близкіе большевикам так называемые "междурайонцы" в особом листкѣ, выпущенном 14 февраля, "признавали нецѣлесообразным общее революціонное выступленіе пролетаріата в момент не изжитаго тяжелаго внутренняго кризиса соціалистических партій и в момент, когда не было основанія рассчитывать "на активную поддержку арміи". "Обычное", конечно, шло своим чередом, ибо революціонные штабы готовили массы к "грядущему выступленію". И тот же петербургскій междурайонный комитет с.-дем, в международный день работниц 23 февраля (женское "первое мая") выпускает листовку с призывом протестовать против войны и правительства, которое "начало войну и не может ее окончить". Трудно поэтому уличное выступленіе 23 февраля, которое вливалось в нарастающую волну стачек, имѣвших всегда не толь-

ко економіческій, но и політическій оттѣнок, назвать "самочинным". Военные представители иностранных миссій в телеграммѣ в Ставку движеніе, начавшееся 23-го, с самага начала опредѣлили, как манифестацію економіческую по виду, и революціонную по существу (Легра). Самочинность его заключалась лишь в том, что оно возникло без обсуждения "предварительнаго плана", как утверждали донесенія Охр. Отд. 26 февраля. Дѣло касается партійных комитетов, которые были далеки от мысли, что "женскій день" может оказаться началом революціи и не видѣли в данный момент "цѣли и повода" для забастовок (свидѣтельство рабочаго Вѣтрова, состоявшаго членом выборгскаго районнаго комитета большевицкой партіи).

Уличная демонстрація, если не вызванная, то сплетавшаяся с обострившимся правительственным кризисом, была тѣм не менѣе поддержана революціонными организаціями (на совѣщаніи большевиков с меньшевиками и эсерами) — правда "скрѣпя сердце", как свидѣтельствуется Каюров, при чем в " тот момент никто не предполагал, во что оно (это движеніе) выльется". В смыслѣ этой поддержки и надо понимать позднѣйшія (25-26

февр.) донесенія агентов Охр. Отд., отмѣчавшія что "революціонные круги стали реагировать на вторые сутки", и что "намѣтился и руководящій центр, откуда получались директивы". В этих донесеніях агентура явно старалась преувеличивать значеніе подпольнаго замаскированнаго центра. (Преувеличенныя донесенія и послужили поводом для ареста руководителей "рабочей группы" при Цен. Воен. Пр. Ком., осложнившаго и обострившаго положеніе). Если о Совѣтѣ Раб. Деп., который должен "начать дѣйствія к вечеру 27-го", говорили, напр., на рабочем совѣщаніи 25-го, созванном по инициативѣ Союза рабочих потребительских обществ и по соглашенію с соц.-дем. фракціей Гос. Думы, если на отдѣльных заводах происходили уже даже выборы делегатов, как о том гласила больше, правда, городская молва, то этот вопрос стоял в связи с продовольственным планом, который одновременно обсуждался на совѣщаніи в городской Думѣ, а не с задуманным политическим переворотом, в котором Совѣт должен был играть роль какого-то "рабочаго парламента". Реальный Совѣт Р. Д. возник 27-го "самочинно", как и все в эти дни, внѣ связи с только что отмѣченными разговорами и предположеніями — инициаторами его

явились освобожденные толпой из предварительного) заключенія лидеры "рабочей группы", взявшие полученную по наслѣдству от 1905 г. традиціонную форму объединенія рабочих организацій, которая сохранила престиж в рабочей средѣ и силу дѣйствительнаго лозунга пропаганды социал-демократіи. Поэтому приходится сдѣлать очень большую оговорку к утвержденію Милюкова-историка, что "соціалистическія партіи рѣшили немедленно возродить Совѣт рабочих депутатов".

Как ни расцѣпывать роль революціонных партійных организацій в стихійно нараставших событіях в связи с расширявшейся забастовкой, массовыми уличными выступленіями и обнаруживавшимся настроеніем запасных воинских частей[13], все же остается несомнѣнным, что до перваго официальнаго дня революціи "никто не думал о такой близкой, возможной революціи" (восп. раб. больш. Каюрова). "То, что началось в Питерѣ 23 февраля, почти никто не принял за начало революціи,—вспоминает Суханов: "казалось, что движеніе, возникшее в этот день, мало чѣм отличалось от движенія в предыдущее мѣсяцы. Такіе безпорядки проходили перед глазами современников

многіє десятки раз". мало того, в момент, когда обнаружилось колебаніє в войсках, когда агенты охраны докладывали, что масса "послѣ двух дней безпрепятственнаго хожденія по улицам увѣрилась в мысли, что "началась революція", и "власть безсильна подавить движеніє , что, если войска перейдут "на сторону пролетаріата, тогда ничто не спасет от революціоннаго переворота", — тогда именно под вліянієм кровавых уличных эпизодов, имѣвших мѣсто 26-го, в большевицком подпольѣ был поднят вопрос о прекращеніи забастовок и демонстрацій. В свою очередь Керенскій в книгѣ "Experiences" вспоминает, что вечером 26-го у него собралось "информаціонное бюро" социалистических партій — это отнюдь не был центр дѣйствія, а лишь обмѣн мнѣніями "за чашкой чая". Представитель большевиков Юренев категорически заявил, что нѣт и не будет никакой революціи, что движеніє в войсках сходит на нѣт, и надо готовиться на долгій період реакціи... Слова Юренева (их приводил раньше Станкевич в воспоминаніях) были сказаны в отвѣт на указаніє хозяина квартиры, что необходимо приготовиться к важным событіям, так как мы вступили в революцію. Были ли такія предчувствія у Керенскаго? В другой сво-

ей книгѣ, изданной в том же 36-ом году, он по иному опредѣлял положеніе: даже 26 февраля, — пишет он в «La Verité », никто не ждал революціи и не думал о республикѣ. Соратник Керенскаго по партіи, участник того же инф. бюро, Зензинов в воспоминаніях, набросанных еще в первые дни революціи ("Дѣло Народа" 15 марта), подтверждал второе, а не первое заключеніе Керенскаго: он писал, что "революція ударила, как гром с неба, и застала врасплох не только правительство, но и Думу и существующія общественныя организаціи. Она явилась великой и радостной неожиданностью и для нас революціонеров". Упоминал об інформаціонных собраніях тѣх дней, на которых присутствовали представители всѣх существовавших в Петербургѣ революціонных теченій и организацій, он говорил, что событія разсматривались, как нѣчто "обычное" — "никто не предчувствовал в этом движеніи вѣянія грядущей революціи". Не показательно ли, что в упомянутой прокламаціи, изданной Междурайонным Комитетом 27 февраля, рабочая масса призывалась к организацій "всеобщей политической стачки протеста" против "безсмысленнаго", "чудовищнаго" преступленія, совершившагося наканунѣ, когда "Царь свинцом на-

кормил поднявшихся на борьбу голодных людей", и когда в "безсильной злобѣ сжимались наши кулаки", — здѣсь не было призыва к вооруженному возстанію. Также, очевидно, надо понимать и заявление представителя рабочих, большевика Самодурова, в засѣданіи Городской Думы 25 февраля требовавшего не "заплат", а совершеннаго уничтоженія режима.

3. Спор о власти.

Обстановка первых двух дней революціи (она будет обрисована в послѣдующих главах), обнаруживавшая несомнѣнную организаціонную слабость центров [\[14\]](#), которые вынуждены были пассивать перед стихіей, отнюдь не могла еще внушить демократіи непоколебимую увѣренность в то, что "разгром был немислим". Пѣшехонов вспоминал, что "на другой день послѣ революціи", при повышенном и ликующем настроеніи "не только отдѣльных людей, но и большія группы вдруг охватывал пароксизм сомнѣній, тревоги и страха". О "страшном концѣ" говорил временами и Керенскій, как свидѣтельствуем Суханов; пессимизм

Скобелева отмѣчает Милюков, проводившій с ним на одном столѣ первую ночь в Таврическом дворцѣ, о своей паникѣ рассказывает сам Станкевич; Чхеидзе был в настроеніи, что "все пропало" и спасти может только "чудо!" — утверждает Шульгин. О том, что Чхеидзе был "страшно напуган" солдатским возстаніем, засвидѣтельствовал и Милюков. Завадскій рассказывает о сомнѣніях в благополучном исходѣ революціи, возникших у Горькаго, когда ему пришлось наблюдать "панику" в Таврическом дворцѣ 28-го, но еще большая неувѣренность у него была в побѣдѣ революціи за предѣлами Петербурга. Противорѣчія эти были жизненны и неизбѣжны.

О том необычайном "парадоксѣ февральской революціи", который открыл Троцкій и который заключался в том, что демократія, послѣ переворота обладавшая всей властью (ей вручена была эта власть "побѣдоносной массой народа"), "сознательно отказалась от власти и превратила 1 марта легенду о призваніи варягов в дѣйствительность ХХ вѣка", приходится говорить с очень большими оговорками. В сущности, этого парадокса не было, и поэтому естественно, что на совѣщаніи Исп.

Ком., о котором идет рѣчь, никто, по воспоминанію Суханова, не заикался даже о совѣтском демократическом правительствѣ. Большевики в своей средѣ рѣшали этот вопрос, как утверждает Шляпников, но во внѣ не вступали в борьбу за свои принципы — только слегка "поговаривали", по выраженію Суханова[15]. Споры возникли около предположенія, высказаннаго "правой частью" совѣщанія, о необходимости коалиціоннаго правительства. Идея была выдвинута представителем "Бунда". Очевидно, большой настойчивости не проявляли и защитники коалиціи, тѣм болѣе, что самые видные и авторитетные ея сторонники (меньшевик Богданов и нар. соц. Пѣшихонов) в засѣданіи не присутствовали[16].

Совершенно ясно, что 1-го вообще никаких окончательных рѣшеній не было принято, несмотря на произведенное голосованіе. Это была как бы предварительная дискуссія. намѣчавшая лишь нѣкоторые пункты для переговоров с Вр. Ком. Гос. Думы и выяснявшая условія, при которых демократія могла бы поддержать власть, долженствовавшую создаться в результатѣ революціонной вспышки. Стеклов, как рассказывает Суханов, —

записывал пункты по мѣрѣ развивавшихся преній. Они были впослѣдствіи на Совѣщаніи Совѣтов оглашены докладчиком по сохранившемуся черновику, который передан был затѣм в "Музей исторіи". Эти 9 пунктов, записанных на клочкѣ плохой писчей бумаги, были формулированы так:

"1. Полная и немедленная амнистія по всѣм дѣлам политическим и религіозным, в том числѣ террористическим покушеніям.

2. Свобода слова, печати, союзов, собраній и стачек с распространеніем политических свобод на военнотружущих.

3. Воздержаніе от всѣх дѣйствій, предрѣшающих форму будущаго правленія.

4. Принятіе немедленных мѣр к созыву Учредительнаго Собранія на основах всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія.

5. Замѣна полиціи пародной милиціей с выборным начальством, подчиненным органам мѣстнаго самоуправленія.

6. Выборы в органы мѣстнаго самоуправленія на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія.

7. Отмѣна всѣх сословных, вѣроисповѣдных и національных ограничений.

8. Неразоруженіе и невывод из Петрограда воинских частей, принимавших участіе в революціонном движеніи.

9. Самоуправленіе армій."

В этих пунктах не было намека на социально-экономическіе вопросы, которые должны встать перед Временным Правительством с перваго дня его существованія: в них не было самаго существеннаго в данный момент — отношенія к войнѣ.

Большинство Исп. Ком., по мнѣнію Суханова, принадлежало к циммервальдскому объединенію, но, поясняет мемуарист — надо было временно снять с очереди лозунги против войны, если разсчитывать на присоединеніе буржуазіи к революціи. Свернуть "циммервальдское знамя" приходилось однако и для того, чтобы договориться в собственной "совѣтской средѣ". Совѣт с циммервальдскими лозунгами в то время не был бы поддержан солдатской массой, представители которой составляли большинство пленума. Равным образом тѣ же тактическія соображенія побужда-

ли не выдвигать и соціально-экономическіе лозунги. Как пояснял вышедшій через нѣсколько дней меньшевицкій орган — "Рабочая Газета", для рабочего класса "сейчас непосредственно соціальные вопросы не стоят на первом планѣ", надо напрячь "всѣ силы, чтобы создать свободную и демократическую Россію", т. е. добыть "политическую свободу" — единственное "средство, при помощи котораго можно бороться за социализм". Вспоминая "урок" 1905 г., "Рабочая Газета" указывала на невозможность для пролетаріата вести борьбу на "два фронта" — с "реакціей" и "капиталистами". Слѣдовательно, не столько книжная мудрость, заимствованная из "учебников", не столько догматика, опредѣляющая мартовскія событія, как "буржуазную революцію в классическом смыслѣ слова" и развитая в послѣдующем идеологическом осмысливаніи событій, сколько ощущение реальной дѣйствительности опредѣляло позиціи и тактику "верховников" из среды Исп. Ком. в смутные дни, когда, говоря словами того же доклада Стеклова, "нельзя было с увѣренностью сказать, что переворот завершен, и что старый режим дѣйствительно уничтожен".

Житейская логика требовала слѣдующаго шага — непосредственнаго участія представителей социалистической демократіи в той власти, которая пока существовала еще только в "потенціи": во время войны и продовольственной разрухи приходится выбирать между правительством буржуазіи и правительством из своей среды, как выразился один из делегатов на Совѣщаніи Совѣтов, не считаясь с "резолуціями конгресса международного социализма". Этому шагу в полной мѣрѣ не было сдѣлано. Был создан чреватый своими послѣдствіями убудочный компромисс, который никак нельзя разсматривать, как нѣчто, послѣдовательно вытекавшее из апріорно установленных в тѣ дни постулатов. Бундовец Рафес, один из тѣх, кто отстаивал в дневном совѣщаніи Исп. Ком. принцип коалиціонной власти, совершенно опредѣленно свидѣтельствуем в воспоминаніях, что в ночном засѣданіи организационнаго Комитета партіи с.-д. вопреки мнѣнію Батурина, представлявшаго линію Исп. Ком., принято было рѣшеніе об участіи членов партіи в образованіи правительства. Отсюда вывод, что партія не считала для себя обязательным случайное голосованіе происходившаго днем совѣтскаго совѣщанія. Столь же знамена-

тельно было появление на другой день в официальных советских "Извѣстіях" статьи меньшевика Богданова, отстаивавшаго участие демократіи в образованіи правительства и мотивировавшаго необходимость такого участія тѣм соображеніем, что думское крыло революціи не только склоняется к конституціонной монархіи, но и готово сохранить престол за прежним носителем верховной власти.

В бурные моменты самочинное дѣйствіе играет нерѣдко роль рѣшающаго фактора. Такое своевольное дѣйствіе от имени разнородная спектра социалистической общественности и совершила группа дѣятелей Исп. Ком., в сущности организационно никого не представлявшая и персонально даже довольно случайно кооптированная в руководящій орган советской демократіи. Их политическая позиція была неопредѣленна и неясна. В концѣ концов фактически неважно — был ли лично инициатором начала переговоров с думцами заносчивый и самомнительный Гиммер (Суханов), разыгрывавшій роль какого-то "советскаго Макиавели", или другая случайность (приглашеніе во Врем. Ком. для обсужденія вопроса об организациі

власти) превратила Суханова и его коллег Стеклова и Соколова в единственных представителей революционной демократіи в ночь на 2-ое марта при обсужденіи кардинальнаго вопроса революціи. Интересен факт, что формальной совѣтской делегаціи не было, и что лица, дѣйствительно самочинно составившія эту делегацію, никѣм не были уполномочены, на свой риск вели переговоры и выдвигали программу, никѣм в сущности не утвержденную.

II. В рядах цензовой общественности

1. Легенда о Государственной Думѣ.

Каково же было умонастроение в том крылѣ Таврическаго дворца, гдѣ засѣдали представители "единственно организованной цензовой общественности", для переговоров с которыми направились делегаты Совѣта? В представленіи Суханова они шли для того, чтобы убѣдить "цензовиков" взять власть в свои руки. Убѣждать надо было в сущности Милюкова, который в изображеніи мемуариста безраздѣльно царил в "цензовой общественности". Но Милюкова, конечно, убѣждать не

приходилось с момента, как Врем. Комитет высказался "в полном сознании ответственности" за то, чтобы "взять в свои руки власть, выпавшую из рук правительства — уступать кому-либо дававшуюся в руки власть, лидер прогрессивного блока отнюдь не собирався. Для него никаких сомнений, отмененных в предшествующей главе, не было. Довольно меткую характеристику Милюкова дал в своих воспоминаниях принадлежавший к фракции к. д. кн. Мансырев. Вот его отзыв: "человек книги, а не жизни, мыслящий по определенным, заранее схемам, исходящий из надуманных предпосылок, лишенный темперамента чувств, неспособный к непосредственным переживаниям. Революция произошла не так, как ее ожидали в кругах прогрессивного блока. И тем не менее лидер блока твердо и неуклонно держался в первые дни революции за схему, ранее установленную и связанную с подготовлявшимся дворцовым переворотом, когда кружок лиц, заранее, по его собственным словам, обсудил меры, которые должны быть приняты после переворота. Перед этим "кружком лиц" лежала старая программа прогрессивного блока, ее и надлежало осуществить в налетевшем вихре революционной бури, значительность кото-

рой не учитывалась в цензовой общественности та же, как и среди демократіи".

Большинство мемуаристов согласны с такой оцѣнкой позиціи "верховников" из думскаго комитета, а один из них, депутат Маклаков, даже через 10 лѣт послѣ революціи продолжал утверждать, что в мартовскіе дни программа блока требовала всего только нѣкоторой "ретуши", ибо революція «nullement» не была направлена против режима(?!). В представленіи извѣстнаго публициста Ландау дѣло было еще проще — революціи вообще не было в 17 г., а произошло просто "автоматическое паденіе сгнившаго правительства". Подобная концепція вытекала из представленія, что революція 17 г. произошла во имя Думы, и что Дума возглавила революцію. Маклаков так и говорит, вопреки самоочевидным фактам, что революція началась через 2 часа(!) послѣ роспуска Думы, правда, дѣлая оговорку, что революція произошла "во имя Думы", но "не силами Думы"! Милюков в первом вариантѣ своей исторіи революціи также писал, что сигнал к началу революціи дало правительство, распустив Думу. Миф этот возник в первые же дни с того самаго момента, как

Бубликов, занявшій 28-го временно должность комиссара по министерству сообщенія, разослал от имени предсѣдателя Гос. Думы Родзянко приказ, гласившій: "Государственная Дума взяла в свои руки созданіе новой власти", — и усиленно поддерживался на протяженіи всей революціи в рядах "цензовой общественности". Он подправлял дѣйствительность, выдвигая Гос. Думу по тактическим соображеніям на первый план в роли дѣйствительнаго фактора революціи. Еще в августовском Государственном Совѣщаніи, возражая ораторам, говорившим, что "революцію сдѣлала Гос. Дума в согласіи со всей страной", Плеханов сказал: "тут есть доля истины, но есть и много заблужденія" [17]. С теченіем времени от такого "заблужденія" отказался главный творец литературнаго мифа Милюков, нѣкогда озаглавившій первую главу исторіи революціи — "Четвертая Гос. Дума низлагает монархію", но потом в связи с измѣненіями, которыя произошли в его политических взглядах, признавшій, что Гос. Дума не была способна возглавить революцію, что прогрессивный блок был прогрессивен только по отношенію ко Двору и ставленникам Распутина [18], что революціонный взрыв не имѣл никакого отношенія к роспуску

Думы. о котором масса, ничего не знала ("Россия на переломѣ"), " что Дума, блок и его компромиссная программа были начисто сметены первым же днем революціи ("Сов. Зап.")".

2. Впечатлѣнія перваго дня.

Отвергнутая легенда передает, однако, болѣе точно идеологическія концепціи, во власти которых находились руководители "цензовой общестственности" в момент переговоров с совѣтскими делегатами. В думских кругах, для которых роспуск Думы был как бы *coup de foudre*, по выраженію Керенскаго, еще меньше, чѣм в социалистическом секторѣ предполагали, что февральскіе дни знаменуют революціонную бурю. Была попытка с самаго начала дискредитировать движеніе. Гиппиус записала 23 февраля: "опять кадетская версія о провокаціи... что нарочно, спрятали хлѣб..., чтобы "голодные бунты" оправдали желанный правительству сепаратный мир. Вот глупые и слѣпые выверты. Надо же такое придумать" [19]. "Событія 26-27 февраля — показывал Милюков в Чр. Сл. Ком. — застали нас врасплох, потому что они не

выходили из тѣх кругов, которые предполагали возможность того или другого переворота, но они шли из каких-то других источников или они были стихійны. Возможно, что как раз Протопоповская попытка разстрѣла тут и сыграла роль в предыдущее дни... Было совершенно ясно, что инсценировалось что-то искусственное..." "Руководящая рука неясна была, — добавлял Милюков в "Исторіи" — только она исходила, очевидно, не от организованных лѣвых политических партій".

"Полная хаотичность начала движенія" не могла подвинуть руководителей думскаго прогрессивнаго блока на героическій шаг. Когда днем 27-го члены Думы собрались в Таврическом дворцѣ на частное совѣщаніе, никакого боевого настроенія в них не замѣчалось. Сколько их было? "Вся Дума" была на лицо в представленіи Шульгина, собралось 200 членов — исчисляет Мансырев, литовскій депутат Ичас доводит эту цифру до 300. То, что происходило в Думѣ 27-го, остается до сих пор неясным я противорѣчивым в деталях, даже в том, что касается самага частнаго совѣщанія — каждый мемуарист рассказывает по своему. Не будем на этом останавливаться.

Создалась легенда, широко распространившаяся 27-го в Петербургѣ, о том, что Дума постановила не расходиться, как учрежденіе, и что Дума совершила революціонный акт, отказавшись подчиниться указу о роспускѣ. Так на периферіи воспринял Горькій, так воспринял молву и Пѣшехонов. В "Извѣстіях" думскаго Комитета журналистов это "рѣшеніе" было формулировано так: "Совѣт старѣйшин, собравшись на экстренном засѣданіи и ознакомившись с указом о роспускѣ, постановил: Госуд. Думѣ не расходиться. Всѣм депутатам оставаться на мѣстѣ". Милюков говорит, что безпартійный казак Караулов требовал открытія формальнаго засѣданія Думы (по словам Керенскаго этого требовала вся оппозиція в лицѣ его, Чхеидзе, Ефремова (прог.) и "лѣваго" к. д. Некрасова), но совѣт старѣйшин на этот революціонный путь не хотѣл вступать. В статьѣ, посвященной десятилѣтію революціи Милюков утверждал, что было заранѣе условлено (очевидно, при теоретическом разсужденіи о возможном роспускѣ) никаких демонстрацій не дѣлать. И потому рѣшено было считать Гос. Думу "не функціонирующей, но членам Думы не разѣзжаться". Члены Думы немедленно собрались на "частное совѣщаніе"[\[20\]](#), и, чтобы

подчеркнуть, что это "частное совѣщаніе", собрались не в большом Бѣлом залѣ, а в сосѣдном полукруглом за предсѣдательской трибуной[21]. О "частном совѣщаніи", помимо довольно противорѣчивых свидѣтельств мемуаристов, мы имѣем "почти стенографическую запись", опубликованную в 21 г. в эмигрантской газетѣ "Воля Россіи". Кѣм составлена была запись, очень далекая от "почти стенографическая" отчета, хотя и излагавшая происходившее по минутам, неизвѣстно, и всетаки она, очевидно, составленная в то время, болѣе надежна, чѣм слишком субъективныя позднѣйшія воспріятія мемуаристов. Засѣданіе открыто было в 2 / часа дня Родзянко, указавшаго на серьезность положенія и вмѣстѣ с тѣм признававшаго, что Думѣ "нельзя еще высказаться опредѣленно, так как мы еще не знаем соотношенія сил". Выступавшій затѣм Некрасов — тот самый, который только что перед этим в Совѣтѣ старѣйшин, по воспоминаніям Керенскаго, будто бы от имени оппозиціи среди других требовал, чтобы Дума совершила революціонное дѣйствіе, игнорируя приказ о роспускѣ — предлагал передать власть пользующемуся довѣріем челоуѣку: ген. Маниковскому с "нѣсколькими представителями Гос. Думы[22].

Проект Некрасова о приглашеніи генерала из состава правительства и передачи власти в "старыя руки" вызвал довольно единодушную критику. По отчету "Воли Россіи" возражали прогрессист Ржевскій и с. д. Чхеидзе, по воспоминаніям Мансырева, Караулов, по воспоминаніям Ичаса к. д. Аджемов, находившій "среднее рѣшеніе", предложенное Некрасовым, "безуміем". Большинство считало, что Дума сама должна избрать орган, которому надлежало вручить полномочія для сношенія с арміей и народом (Ржевскій). Соціалистическій сектор отстаивал положеніе, что иного выхода, как созданіе новой власти нѣтъ — трудовик Дзюбинскій предлагал, временную власть вручить сеньорен-конвенту Думы и послѣднюю объявить "Учредительным Собраніем" (по отчету "Воли Россіи" Мансырев тогда поддерживал Дзюбинскаго). Скептически высказывался Шингарев: "неизвѣстно, признает ли народ новую власть". Когда дѣло дошло до Милюкова, то он отверг всѣ сдѣланныя предложенія — не желал он признать и Комитет из 10 лиц, который мог бы "диктаторствовать над всѣми", признавал он "неудобным" предложеніе Некрасова и невозможность созданія новой власти, так как для этого "еще не настал момент". Сам Милюков не помнил

уже, что 27-го он предлагал. В "почти стенографической" записи Милюковская рѣчь запротоколирована в таких выраженіях: "Лично я не предлагаю ничего конкретнаго. Что же нам остается дѣлать? Поѣхать, как предлагает Керенскій, и успокоить войска, но вряд ли это их успокоит, надо искать что-нибудь реальное" (Дѣло в том, что в это время Керенскій — как гласит запись — обратился к Собранію с предложеніем уполномочить его вмѣстѣ с Чхеидзе поѣхать на автомобилѣ ко всѣм возставшим частям, чтобы объяснить им о поддержкѣ и солидарности Гос. Думы).

Через десять лѣт свои колебанія Милюков объяснил сознанием, что тогдашняя Дума не годилась для возглавленія революціи. Мемуаристы осторожность лидера объясняли неувѣренностью в прочности народнаго движенія (Шульгин). По утверженію Скобелева, Милюков заявил, что не может формулировать свое отношеніе, так как не знает, кто руководит событіями[23]. В изображеніи Ичаса Милюков заключил рѣчь словами: "характер движенія еще настолько неясен, что нужно подождать по крайней мѣрѣ до вечера, чтобы вынести опредѣленное рѣшеніе". "Тут мы,

болѣе экспансивные депутаты, выразили бурное несогласіе с нашим лидером", при чем Аджемов особливо настаивал, что "нельзя откладывать рѣшеніе до выясненія соотношенія сил" ("Воля Рос."). По стенографическому отчету Родзянко обратился тогда к собранію с просьбой "поторопиться с принятіем рѣшенія, ибо промедленіе смерти подобно". Большинством было принята рѣшеніе об образованіи "Особаго Комитета", "Долго еще спорили",— вспоминает Ичас — как его выбрать. Наконец, когда затянувшіяся длинныя рѣчи всѣх утомили (лѣвые депутаты Керенскій, Скобелев, Янушкевич, Чхеидзе постоянно выходили к толпѣ и возвращались на совѣщаніе, убѣждая скорѣе приступить к дѣйствию), рѣшили передать избраніе комитета сеньорен-конвенту, который должен был немедленно доложить Совѣщанію его состав. Послѣ получасового разговора Родзянко сообщил результаты. "У меня и моих товарищей — вновь вспоминает Ичас — было такое чувство, словно мы избрали членов рыболовной или тому подобной думской комиссіи. Никакого энтузіазма ни у кого не было. У меня вырвалась фраза: Да здравствует Комитет Спасенія. В отвѣт на это нѣсколько десятков членов Совѣщанія стали

аплодировать". "Временный Комитет[24]удалился на совѣщаніе (это было около 5 часов), а мы около 300 членов Думы бродили по унылым залам Таврическаго дворца. Посторонней публики еще не было. Тут ко мнѣ подошел с сіяющим лицом член Думы Гронскій: "знаешь новость. Сегодня в 9 час. веч. пріѣдет в Таврическій дворец в. кн. Мих. Ал. и будет провозглашен императором". Это извѣстіе стало довольно открыто курсировать по Екатерининскому залу".

Ичас был нѣсколько удивлен длинным названіем Временнаго Комитета — "Комитет членов Гос. Думы для водворенія порядка в столицѣ и для сношенія с лицами и учрежденіями", к. д. Герасимов объяснил: "это важно с точки зрѣнія уголовного уложенія, если бы революція не удалась бы". Скорѣе это было шуточное замѣчаніе, совершенно, конечно, прав Бубликов, утверждавшій в воспоминаніях, что в этот момент Дума (или ея суррогат) не поддержала революціи. Выжидательная позиція большинства оставалась — побѣдила по существу, осторожная линія лидера, несмотря на "бурное" несогласіе с ним многих его соратников, доказывавших, что невозможно ожидать "точ-

ных свѣдѣній". Рѣшеніе было принято при общем "недоумѣніи и растерянности" Шансыреву), в начинавшемся хаосѣ, под угрозой выступленія "тридцатитысячной" толпы, которую подсчитал Шульгин, и которая требовала, чтобы Дума взяла власть в свои руки, под крики и бряцаніе оружія вошедшей в Таврической дворец солдатской толпы, прорвавшей обычный думскій караул, при чем начальник караула был ранен выстрѣлом из толпы. (В изображеніи Мансырева, не совпадающем с впечатлѣніями Ичаса, беспорядочные разговоры о думском комитетѣ закончились при опустѣвшем уже залѣ). Впечатлѣніе явно преувеличенное. Гипноз мифической "тридцатитысячной толпы" сказался и в послѣдующих исторических интерпретаціях, когда, напр., Чернов повѣствует, как "чуть ли не десятки тысяч со всѣх сторон" устремились в Гос. Думу, узнав о разгонѣ Думы и ея отказѣ подчиниться. Это было довольно далеко от того, что было в первый день революціи, когда разношерстная уличная толпа с преобладаніем отбившихся от казарм солдатских групп и групп студенческой и рабочей молодежи стала постепенно проникать и заполнять думское помѣщеніе. На первый день переносится впечатлѣніе от послѣдующих дней,

когда Таврической дворец сдѣлался с двумя своими оппозиционными крылами — Временным и Испол. Комитетами, дѣйствительно, территориальным и идеологическим центром революціи и в то же время прибежищем для всѣх отпавших от частей одиночек солдат, которых воззвание Совѣта 27-го звало в Думу.

Что привело солдат в дневные часы 27-го к Государственной Думѣ? "Я буду очень озадачен — писал впоследствии один из современников, проф. Завадскій — если мнѣ докажут, что выход "волынцев... был обусловлен расправой правительства с Гос. Думой". Насколько прав Завадскій, свидѣлствуют воспоминанія фельдфебеля Кирпичникова, которому приписывается инициатива призыва не идти против народа и вывода солдат Волынского полка на улицу утром 27-го [\[25\]](#) — в них Гос. Дума даже не упомянута. Таврической дворец стал базой не в силу притяженія Думы, а в силу своего расположенія в "военном городѣ", гдѣ размѣщены были казармы тѣх гвардейских частей, в которых началось движеніе — утверждает Мстиславскій (отчасти Шкловскій). Возможно, что эта топографическая причина оказала косвенное вліяніе, возможно

сыграло свою роль воспоминаніе о несостоявшейся демонстраціи 14 февраля, возможно сюда повели оказавшихся на улицах солдат новоявленные вожаки движенія. Но 27-го это еще не было стихійным движеніем: Станкевич, напр., рассказывает, как он утром 27-го пытался толпу солдат, ворвавшуюся в школу прапорщиков на Кирочной и вооружившуюся там винтовками, убѣдить итти к Гос. Думѣ и как его слова были встрѣчены недоуверіем: "не заманивают ли в западню". Вѣроятно, гораздо большая толпа с Литейнаго пр. просочилась на Выборгскую сторону, которую издавна большевики считали своей вотчиной...

Керенскій не поѣхал по казармам, как он предлагал в частном совѣщаніи членов Гос. Думы. Об этом проектѣ он вообще ничего не говорит в воспоминаніях. Рассказывает он другое. С утра он принял мѣры к тому, чтобы мятежныя части направились в Думу, по телефону из Думы убѣдив нѣкоторых из своих друзей заняться этим дѣлом. В тревожном нетерпѣннн Керенскій ожидал прибытія этих частей, чтобы открыть им двери Думы и закрѣпить союз мятежных солдат с народными представителями — союз "единственно который

мог бы спасти положеніе". С волненіем Керенскій бѣгал от окна к окну, отправляя посланцев на сосѣднія улицы, посмотрѣть — не идут ли возставшія войска. Они не шли. Гдѣ же "ваши войска" — спрашивали его негодующіе и обезкураженные депутаты. Инициатор прихода мятежных войск к Думѣ начинал уже серьезно беспокоиться затяжкой, с которой войска и народ запаздывали появиться перед Таврическим дворцом, когда раздался крик: идут. Керенскій и другіе лѣвые депутаты бросились им навстрѣчу с привѣтствіем и убѣжденіем взять на себя защиту Думы от "царских войск". Революціонная армія приняла на себя охрану дворца. В "Извѣстіях" журналистов было напечатано: "около 2 час. сильные отряды революціонной арміи подошли к Государственной Думѣ". В эти сильные отряды превратились беспорядочныя группы, перемѣшанныя с разношерстной уличной толпой. Так положено было начало легенды, занесенной Черновым на страницы своего повѣствованія о рожденіи революціонной Россіи в таких выраженіях: первые три возставших полка, волынскій, литовскій и измайловскій, истребив одних офицеров и заставив разбѣжаться других, были приведены к Гос. Думѣ штатским

прис. пов. Н. Д. Соколовым". Впрочем, У этого послѣдняго имѣется конкурент: бывшая в то время в Петербурга французская журналистка Amelie de Nery (Маркович) записала в дневник, что честь и слава привести революціонную армію к Таврическому дворцу принадлежит близкой ея знакомой "Сонѣ Морозовой" ("тов. Соня" не мифическая личность — она фигурирует в большевицком окруженіи). Самага факта возстанія цѣлых полков и истребленія части офицеров не было — убит был начальник учебной команды волынскаго полка шт. кап. Лашкевич, — убит был в спину посланной вдогонку пулей (по другой официальной версіи он застрѣлился).

Одна легенда порождает другую. Можно считать установленным фактом, что к вечеру 27-го в Таврическом дворцѣ появилась сборная команда, имѣвшая признак нѣкоторой организованности, которая и приняла на себя охрану Думы и несла караульную службу в послѣдующіе дни. Эту часть, состоявшую преимущественно из солдат 4-й роты Преображенскаго полка (расположеннаго в Таврических казармах) привел унт. оф. этого полка Круглов. Легенда расцвѣтила факт, и на страницах

"Хроники февральской революціи" можно прочесть: вечером в Таврической позвонили из офицерского собрания Преображенского полка. В полном составѣ Преображенскій полк с офицерами во главѣ направлялся в Гос. Думу. Это положило конец колебаніям Милюкова. Временный думскій комитет в организованной войсковой части нашел свою поддержку и рѣшил взять власть в свои руки". В изображены секретаря Родзянко Садикова (предисловіе к посмертному изданію воспоминаній Родзянко) полк явился в полном составѣ со всѣми офицерами и командиром полка кн. Аргутинским-Долгоруковым[26]. Легенда эта происхождения 17 г., когда в кругах "цензурной общестственности", с одной стороны пытались объяснить, почему в момент революціи в распоряженіи Временнаго Комитета не оказалось ни одной организованной военной части, тогда как все предреволюціонное время проходило под знаком подготовки дворцоваго переворота, и стихійное выступленіе лишь предупредило ожидавшійся в началѣ марта акт, а с другой стороны пытались смягчить обостренія между командным составом и солдатской массой, вызванныя неучастіем офицерскаго состава в движеніи 27-го, и создать впечатлѣніе,

что офицеры полка всегда слѣдовали славным традиціям своих предшественников "декабристов" и что "первый полк" имперіи был всегда "за свободу". Эту цѣль и преслѣдовала изданная Временным Комитетом брошюра тогда еще начинавшего беллетриста Лукаша, который записал рассказы офицеров и солдат запаснаго батальона л. гв. Преображенскаго полка. Лукаш повѣствует, как 27-го утром в предвидѣніи надвигающейся грозы командный состав полка собрался в офицерском собраніи на Милліонной и по предложенію кап. Скрипицина рѣшил выйти на площадь Зимняго дворца и постараться собрать там другія гвардейскія части ("измайловцев, егерей и семеновцев") — не для того, чтобы противодѣйствовать революціи, но, чтобы избѣжать кровопролитія, "внести порядок в ея мятущійся поток", и, "как организованная сила, предъявить требованія правительству" [27].

Подражаніе "великому историческому стоянію" в декабрьскіе дни 1825 г. оказалось излишним, и собравшіеся 27-го на Дворцовой пл. ушли в казармы! Вечером, в 7 час, старшіе офицеры во главѣ с командиром полка "сошлись вновь в том же офицерском собраніи и рѣшили признать власть вре-

меннаго правительства. В энтузіазмѣ младшіе пре-
ображенцы бѣгут в казармы, произносят пламен-
ныя рѣчи о той свободѣ, которую ждали болѣе "ста-
лѣт". В разгар энтузіазма появился в. кн. Кир. Вл.,
который присоединился "всѣм сердцем" к проис-
шедшему. Было сообщено в Думу. В третьем часу
ночи в Преображенскій полк прибыл назначен-
ный комендантом возставших частей полк. Эн-
гельгардт и привѣтствовал героическое рѣшеніе
команднаго состава, прекратившее всѣ колебанія
Родзянко встать во главѣ Времен. Комитета: те-
перь можно сказать, что мы уже побѣдили". Утром
Преображенскій полк с оркестром музыки
двинулся по Милліонной ул. к Гос. Думѣ.

Канва разсказа шита бѣлыми нитками — искус-
ственность ея очевидна — она находится в корен-
ном противорѣчїи с тѣм, что показывал ген. Хаба-
лов: двѣ роты Преображенскаго полка вошли в тот
правительственный отряд, который днем был
направлен против бунтовщиков под начальством
полк. Кутепова. К вечеру, между 5-6 час, 27-го на
Дворцовой пл. был сосредоточен правительствен-
ный резерв, в состав котораго входили снова двѣ
роты Преображенскаго полка под начальством ко-

мандира полка Аргутинскаго-Долгорукова в соотвѣтствіи с разработанным ранѣе расписаніем случая возможнаго возникновенія безпорядков. Сюда же в район № 1, по расписанію с музыкой прибыли павловцы, отнюдь не для антиправительственной демонстраціи. Пріѣзжал на Дворцовую пл. и в. кн. Кирилл для того, чтобы освѣдомиться, как поступить ему с гвардейским экипажем. По словам Хабалова, он ему сказал: если части будут дѣйствовать против мятежников, "милости просим", если против своих не будут стрѣлять, пусть лучше остаются в казармѣ. Вел. кн. прислал двѣ наиболѣе надежныя роты учебной команды. Павловцы и преображенцы, однако, ушли с Дворцовой пл. — может потому, что у них не оказалось патронов и достать их негдѣ было (и "ѣсть было нечего"), может быть, потому, что нач. ген. шт. Занкевич, которому было передано общее командованіе, поговорив с солдатами, признал собранный резерв ненадежным и не задерживал части, которыя казались сомнительными. Все это очень далеко от героической идилліи, создавшейся вокруг Преображенскаго полка. И тѣм не менѣе извѣстная фактическая база под ней имѣлась. Чл. Врем. Ком. Шидловскій рассказал в мемуарах, что вечером, когда

Родзянко размышлял — принимать ли председательствованіе, ему по телефону позвонил племянник, бывший офицером в Преображенском полку и сообщил, что офицеры полка постановили "предоставить себя в распоряженіе Думы". Под влияніем этого сообщенія Родзянко, дѣйствительно, дал свое согласіе и просил Шидловскаго съѣздить на Милліонную и "поговорить" с офицерами. В собраніи Шидловскій застал "в полном сборѣ весь офицерскій состав полка и значительное количество важных генералов из команднаго состава гвардіи". По впечатлѣнію мемуариста "болѣе или менѣе разбиравшимся в том, что происходило, оказался лишь один офицер, остальные же ничего не понимали". Шидловскій объявил, что на слѣдующій день к ним пріѣдет полк. Энгельгардт для того, чтобы дать "дальнѣйшія указанія". На слѣдующій день, по утвержденію Шидловскаго, "Преображенскій полк прибыл в Таврической дворец в образцовом порядкѣ с оркестром во главѣ, без единаго офицера, с каким-то никому неизвѣстным штабс капитаном. Оказалось, что полк ушел без "вѣдома офицеров". Сейчас же посланы были автомобили, чтобы привезти офицеров, но офицеры вовремя не попали. (Эпизод этот подтверждается

сохранившимся в архивѣ военной комиссії приказом прапорщика Синани с двумя автомобилями направиться на Милліонную в казармы Преображенскаго полка и "привезти с собой офицеров этого полка". Приказ за подписью Ржевскаго был помѣчен 4 ч. 55 м. дня). Шидловскій пытался выяснить у солдат недоразумѣніе и получил отвѣтъ, что офицеры полка вообще "держатся как-то странно, все собираются в своем собраніи, о чем-то толкуют, принимают какія-то рѣшенія, но солдатам ничего не объясняют".

Эпизод с Преображенским полком, хотя очень далекій от легенды, но подчеркивающій пассивность и колебанія военной среды, должен был произвести впечатлѣніе в думском комитетѣ, показав, что "первый полк" имперіи отнюдь не представляет собой боевую силу в правительственном лагерѣ. Свѣдѣнія из других полков были приблизительно аналогичны. Впослѣдствіи отсутствіе боевого настроенія у команднаго состава отмѣтил в своих показаніях перед Чр. Сл. Ком. Хабалов, требовавшій соглашенія с Думой. (Есть свидѣтельство, что ген. Безобразов, находившійся в Адмиралтействѣ, предлагал попытаться взять присту-

пом революціонную цитадель, но не встрѣтил сочувствія в окружающем офицерствѣ).

Наиболѣе яркую иллюстрацію к предреволюціонному настроенію нѣкоторой части команднаго состава дает тот самый Балтійскій флот, гдѣ событія так трагически обернулись для морских офицеров. В эту психологическую обстановку накануне переворота вводит нас интереснѣйшій дневник кап. 1 ранга Рейнгартена, активнаго члена кружка прогрессивных моряков, сгруппировавшихся около адм. Непенина (см. мою книгу "На путях к дворцовому перевороту"). Дружески связанные между собою члены кружка систематически собирались на интимныя бесѣды для обсуждения "текущих вопросов". Так собрались они и 27-го в 6 час. вечера в цѣлях обмѣняться мнѣніями о "современном политическом положеніи". Они еще не знали того, что произошло в Петербургѣ в день их очередной бесѣды, но знали о начавшихся волненіях в столицѣ, которыя отнюдь не восприняли, как начало революціи. "В Петербургѣ — безобразія: всѣ говорят об участіи правительства в провокаціях ,— записал Рейнгартен[28], хотя сам он за нѣсколько дней перед тѣм говорил в днев-

никѣ: "мы вѣрно ускоренным движеніем приближаемся к великим событіям". "Событія приняли грозный оборот", — продолжает запись 27-го. "Обстоятельства не допускают промедленія. Момент уже пропущен. Нужны немедленные поступки и рѣшенія. Дума и всѣ общественные дѣятели вялы и мягкотѣлы. Надо дать им импульс извнѣ, для этого надо имѣть опредѣленный план". Эта "программа дѣйствій" в представленіи собравшихся на бесѣду 27-го активную роль отводила "отвѣтственным политическим дѣятелям" — Государственной Думѣ, которая совмѣстно с Гос. Совѣтом должна составить "Законодательный Корпус" и избрать отвѣтственную перед послѣдним исполнительную власть. "Происшедшее должно быть доведено до свѣдѣнія полковника" (т. е. Государя). По намѣчаемому плану предварительно на фронт должны быть посланы "авторитетныя лица" к высшим военным начальникам, которые должны обезпечить "спокойствіе" в дѣйствующей арміи во время "дальнѣйших дѣйствій в тылу".

Политически единомышленники, собравшіеся 27-го, допускали, что перед флотом может встать дилемма не подчиниться "Ставкѣ" и "Царю", если

оттуда послѣдует распоряженіе "поддержать старый порядок". "И мы обязаны сдѣлать, все, что в наших силах, чтобы рѣшеніе адмирала (т. е. Непенина) шло к спасенію Россіи". "Постановили мы так: по очереди итти к командующему и откровенно к рѣшительно высказать свои взгляды на вещи, указав на полную невозможность выполнить такой его приказ, который пошел бы в разрѣз с нашими убѣжденіями". (Как поступил Непенин, когда в Гельсингфорс дошло "потрясающее извѣстіе" о том, что Гос. Дума образовала Временное Правительство и что к нему примкнули "пять гвардейских полков", будет рассказано ниже). Событія опередили намѣченный план устройства предварительнаго совѣщанія с общественными дѣятелями с цѣлью повліять на них и сказать, что "нѣкоторые круги флота настойчиво просят дѣйствовать, ибо нельзя оставаться мягкотѣлыми и пассивными сейчас". — "Чаша терпѣнія переполнилась".

В момент, когда Рейнгартенскій кружок принимал "рѣшеніе", в Гельсингфорс пришли юзограммы о "безпорядках в войсках[29]— они реально поставили представителей Гос. Думы в тѣ же вечерніе

часы 27-го перед проблемой, которую теоретически обсуждала группа моряков. Продолжавшіяся колебанія Временнаго Комитета вызывались сознанием неопредѣленности положенія. Вот как охарактеризовал вечерніе часы 27-го один из авторов "Коллективной" Хроники февральской революціи и непосредственный участник движенія в индивидуальной статьѣ, посвященной памяти вольноопредѣляющагося Финляндскаго полка Федора Линде, который сумѣл проявить организационную инициативу и своим вліяніем на солдатскую стихію закрѣпить "поле битвы за революціей"[\[30\]](#); "сгущались сумерки, падало настроеніе, появились признаки сомнѣнія и тревоги... Сознание содѣяннаго рисовало уже мрачную картину возмездія. Расползалась видимость коллективной силы. Возставшая армія грозила превратиться в сброд, который становился тѣм слабѣе, чѣм он был многочисленнѣе. Наступил самый критическій момент перелома в настроеніи. И революція могла принять характер бунта, которому обычно уготован один конец: самоистребленіе"...

Наконец, в 11 / час. веч., когда выяснилось, что правительство "находится в полном параличѣ", как

выразился Родзянко в телеграммѣ Рузскому, "думскій комитет рѣшил, наконец, принять на себя бразды правленія в столицѣ. Может быть, в предвидѣніи, что эта власть получит высшую санкцію, ибо характер переговоров, которые вел в это время предсѣдатель Думы и предсѣдатель Времен. Ком. с правительством, как мы увидим, был очень далек от той формы, которую придал им в воспоминаніях другой член Врем. Ком. Вл. Львов, утверждавшій, что Родзянко получил отвѣтъ — с бунтовщиками не разговаривают: "на мятеж Совѣтъ Министров отвѣчает только оружіем". Первое возваніе Временнаго Комитета к народу, за подписью предсѣдателя Думы Родзянко, выпущенное в ночь с 27 на 28 февраля отнюдь не было революціонным. Напомним его: "Временный Комитет Г. Д. при тяжелых условіях внутренней разрухи, вызванной маразмом стараго правительства, нашел себя вынужденным взять в свои руки возстановленіе государственнаго и общественнаго порядка. Сознвая всю отвѣтственность принятаго им рѣшенія, Комитет выражает увѣренность, что населеніе и Армія помогут ему в трудной задачѣ созданія новаго правительства, соотвѣтствующаго желаніям населенія и могущаго пользоваться

довѣріем его".

В эти часы Таврической дворец и по внѣшности мало походил на "штаб революціи". Конечно, очень субъективны воспріятія, и каждый мемуарист запомнит лишь то, что ему бросилось в глаза и что так или иначе соотвѣтствовало его настроенію. Попав только "вечером" в Таврической дворец, Станкевич увидал перед дворцом лишь "небольшія, нестройныя кучки солдат", а "у дверей напирала толпа штатских, учащейся молодежи, общественных дѣятелей, старавшихся войти в зданіе"[\[31\]](#). Внутри, в "просторном залѣ" он нашел в "волненіи" Керенскаго и Чхеидзе. А гдѣ же остальные члены Думы — они "разбѣжались, потому что почувствовали, что дѣло плохо". "А дѣло вовсе не было плохо — заключает Станкевич — но только оно не сосредоточивалось в Таврическом дворцѣ, который только сам считал себя руководителем возстанія. На самом дѣлѣ возстаніе совершалось стихійно на улицах"[\[32\]](#), Этими уличными столкновеніями пыталась руководить образовавшаяся при Исп. Ком. военная комиссія под водительством ст. лейт. с. р. Филиповскаго и военного чиновника, библіотекаря Академіи ген. шт. с.-р.

Мстиславскаго (Масловскаго), в свое время выпустившаго нелегальное руководство по тактикѣ уличнаго боя. Они разсылали по городу для подкрѣпленія сражавшихся или для выполненія отдѣльных опредѣленных заданій, "ударныя группы" под начальством имѣвшихся в их распоряженіи десятка-другого прапорщиков — преимущественно случайно оказавшихся в Петербургѣ "фронтовиков", не связанных с мѣстным гарнизоном. Но "ударныя группы" подчас до мѣста назначенія не доходили — "расходились по дорогѣ". Был послан даже броневик для захвата правительства в Маріинском дворцѣ, но был обстрѣлян и вернулся. (Со слов "одного из членов правительства" Родзянко рассказывает, что неосуществившееся нападеніе на Маріинскій дворец вызвало такую там "панику", что поспѣшили потушить всѣ огни — и "когда снова зажгли огонь", собесѣдник Родзянко "к своему удивленію оказался под столом". Этот "нѣсколько анекдотическій" эпизод, по мнѣнію мемуариста, "лучше всего может характеризовать настроеніе правительства в смыслѣ полного отсутствія руководящей идеи для борьбы с возникающими беспорядками"). Это в послѣдствіи в отчетѣ военной комиссіи именовалось "боевым

руководством возставших войск"... При таких условиях естественно, что рѣшение Временнаго Комитета взять власть, сообщенное в кулуарах Милюковым, было в совѣтских кругах встрѣчено аплодисментами (Пѣшихонов), а Суханов внутренне сказал себѣ: теперь переворот не будет задушен "разрухой".

Волшебная палочка революціи совершенно изменила картину на слѣдующій день, когда правительственныя войска сами "постепенно... разошлись", по характеристикѣ главнокомандующаго Хабалова. На улицах, гдѣ шла почти "безпричинная" пальба, продолжали безцѣльно бродить толпы вооруженных солдат, "безумно" металась автомобили, переполненные солдатами, рабочей и учащейся молодежью, но эта внѣшняя анархія парализовалась притягательной силой, которую стала представлять "Государственная Дума", т. е. Таврическій дворец, к которому уже трудно было "протолкаться". "Революція нашла свой центр"... — заключают составители хроники февральских событій. Перваго марта перед Думой парадировали уже цѣлыя воинскія части с офицерским составом — революція приобрѣтала характер "парада" (так

выражалась "Рѣчь" в своем послѣдующем — 5 марта — обзорѣ событій), на котором перед солдатами в качествѣ офицеров почти "монопольно", по словам Шляпникова, выступали представители Комитета Гос. Думы. Отсюда создавалось впечатлѣніе, что только вмѣшательство Думы дало уличному движенію центр, знамя и лозунги. Это был самообман, если принять формулировку, которую в историческом повѣствованіи, предназначенном для иностраннаго читателя, дал другой видный юрист-историк проф. Нольде — в работѣ, характеризующей ход развитія революціи, он заявляет, что до 27-го движеніе

Не имѣло «aucun but, aucun objet». (Правда, столь рѣшительный вывод сдѣлан в книгѣ, преслѣдующей популяризаторскія цѣли). Подобная схема на каждом шагу, с перваго часу революціи, приходила в коллизію с дѣйствительностью. Не Дума руководила стихіей, а стихія влекла за собой Временный Комитет. Слишком многіе это непосредственно ощущали. Быть может, поэтому в рядах думских дѣятелей, не загипнотизированных теоретическими выкладками, наблюдалась "робость, растерянность, нерѣшительность", отмѣчае-

мыя в дневникѣ Гиппиус 28-го. Без соглашения с "демократіей", без поддержки совѣта — признает Родзянко — нельзя было водворить даже "подобіе порядка" В силу этих обстоятельств вечером 1-го "додумались", по выражению Шульгина, пригласить делегатов от Совѣта. Они пришли по собственной инициативѣ, как утверждает Суханов, но производило впечатлѣніе, что их ждали, что думские люди считали неизбежной "рѣшающую встрѣчу", но, не ориентируясь, как слѣдует, в совѣтских настроеніях, предпочитали выжидательную тактику.

3. Переговоры

Послѣдуем за Сухановым в рассказѣ о том, что происходило в "учредительном" и "отвѣтственном" засѣданіи, начавшемся в первом часу[33]. По мнѣнію Суханова, никакого официального засѣданія не происходило — это был обмѣн мнѣніями, "полуприватными репликами", засѣданіе без формального предсѣдателя и т. д. Вел бесѣду с совѣтскими делегатами Милюков — видно было, что он "здѣсь не только лидер", но и "хозяйин в правом крылѣ". Большинство хранило

"полнѣйшее молчаніе" — "в частности глава будущаго правительства кн. Львов не проронил за всю ночь ни слова". Сидѣл "все время в мрачном раздуміи" Керенскій, не принимавшій "никакого участія в разговорах". Суханов запомнил лишь отдѣльныя реплики Родзянко, Некрасова, Шульгина и Вл. Львова. С такой характеристикой в общем согласны всѣ мемуаристы из числа присутствовавших тогда лиц. Четверо (т. е. три совѣтских делегата и Милюков) вели дебаты — вспоминает Шульгин: "Мы изрѣдка подавали реплики из глубокой протраціи". Керенскій, в свою очередь, упоминает, что он ничего не может сказать о переговорах, так как он принимал в них очень маленькое участіе. В тѣх рѣдких случаях, когда он присутствовал на длительном "засѣданіи", был совершенно инертен и едва (а реіне) слушал то, о чем говорили [\[34\]](#). Керенскій — практик, а не теоретик — не придавал, по его словам, никакого значенія этим академическим разговорам общаго характера.

Бесѣда началась — по разсказу Суханова — с разговора о царившей в городѣ анархіи, о необходимости бороться с эксцессами, но "агитаторы —

замѣчает мемуарист — не замедлили убѣдиться, что они ломаются в открытую дверь", и что основная "техническая" задача Совѣта заключается в борьбѣ с анархіей. Суханов постарался перевести разговор на другія рельсы, указав, что основной цѣлью даннаго совѣщанія является выясненіе вопроса об организаціи власти и планов руководящих групп Государственной Думы. Совѣт представляет цензовым элементам образовать Временное Правительство, считая, что это соотвѣтствует интересам революціи, но, как единственный орган, располагающій сейчас реальной силой", желает изложить тѣ требованія, которыя он от имени демократіи предъявляет к правительству, создаваемому революціей. Вслѣд за тѣм, Стеклов торжественно огласил принятыя будто бы Совѣтом положенія. "На лицѣ Милюкова можно было уловить даже признаки полнаго удовлетворенія" — повѣствует рассказчик. Милюков, вѣроятно, ожидал, что будут выдвинуты боевые вопросы о войнѣ и соціальных заданіях революціи. Но боевые лозунги были сняты представителями "демократіи", выступившими со своей платформой в средѣ "цензовой общественности": даже рѣшено было "не настаивать перед прогрессивным блоком на самом терминѣ

Учредительнаго Собранія". То, что представители демократіи не заговорили о войнѣ, открывало будущему правительству извѣстную свободу дѣйствій в этом отношеніи, что и учитывалось в противном лагерѣ, как явленіе положительное.

Единственным боевым программным пунктом явился вопрос о монархіи. Милюков рѣшительно отказывался принять формулировку, предложенную в совѣтской платформѣ и гласившую, что "Времен. Правит, не должно предпринимать никаких шагов, предрѣшающих будущую форму правленія". Соглашаясь на то, что вопрос окончательно рѣшит Учредительное Собрание, лидер "прогрессивнаго блока" требовал сохраненія монархіи и династіи в переходный момент. Милюков считал, что царствующій император подлежит устраненію, но на вакантный престол должен быть возведен его наслѣдник при регентствѣ в. кн. Михаила. По увѣренію Суханова защитник монархическаго принципа пытался воздѣйствовать на представителей демократіи довольно грубой и упрощенной аргументаціей, доказывая им, что в переходное время монархія не опасна, принимая во вниманіе личныя качества ближайших претендентов на

власть: "один больной ребенок, а другой совсѣм глупый человек". Насколько подобная аргументация была распространена в думских кругах, показывает запись о разговорах, что "Михаил будет пѣшкой" и т. д. Тщетно противная сторона пыталась указать Милюкову на утопичность его плана, считая "совершенно абсурдным" попытку отстаивать династію и получить на это санкцію демократіи. Керенскій в воспоминаніях весьма скептически отозвался о позиціи совѣтской делегаціи — тѣх представителей революціонной демократіи, которые вмѣсто того, чтобы требовать немедленно провозглашенія республики, выступали на ролях каких-то непредрѣшенцев. Но тогда сам он не нарушил своего молчанія, хотя и знал, что большинство думскаго комитета стоит за монархію — не нарушил потому, что вопрос казался ему фактически предрѣшенным в сторону республиканскую: уже в ночь на 28-е Керенскій знал, что династія исчезла навсегда из исторіи Россіи [35].

По утверженію Милюкова, делегаты *согласились* отказаться от пункта, согласно которому "вопрос о формѣ правленія оставался открытым", ("в эту минуту—добавляет историк-мемуарист—в

этой скромной формѣ обезпечивалась возможность раврѣшенія этого вопроса в смыслѣ республики, тогда как *временное правительство (?) принимало меры к обезпеченію регентства Михаила*"). Суханов позже по другому информировал об итогѣ совѣщанія лѣвое крыло Таврическаго дворца: оставалось еще неликвидированным разногласіе о формѣ правленія, т. е. вопрос продолжал быть открытым — во всяком случаѣ для совѣтской стороны.

Другіе пункты, по мнѣнію Суханова, не вызывали больших возраженій. Милюков говорит, что по его настоянію "послѣ продолжительныхъ споровъ" делегаты согласились "вычеркнуть требованіе о выборности офицеровъ", т. е. отказались от введенія в число условій своей поддержки того самаго принципа, который уже утром 2-го марта они положили в основу знаменитаго приказа № 1. Выходит, как будто бы, что делегаты нарушили соглашеніе прежде, чѣм оно было окончательно заключено. Неувязка в текстѣ историка будетъ ясна, когда мы познакомимся с условіями изданія "приказа № 1", в которомъ нѣтъ ни слова о выборности офицеровъ. В тезисахъ, оглашенныхъ Стекловымъ, говори-

лось лишь о самоуправленіи арміи, под которым подразумевалась организація полковых комитетов, регулирующих внутреннюю жизнь войсковых частей. Так или иначе соглашение было достигнуто, повидимому, легко, добавленіем о распространеніи политических свобод на военнoслужащих "в предѣлах, допускаемых военно-техническими условіями" (п. 2). В пунктѣ 8 то же положеніе о солдатских правах в сущности еще раз было повторено с оговоркой: "при сохраненіи строгой военной дисциплины в строю и при несеніи военной службы". Вопреки утвержденіям, попадающимъ в исторических работах [\[36\]](#), о том, что думскій Комитет вынужден был признать столь роковой в послѣдствіи пункт о невыводѣ из Петербурга воинских частей, принимавших участіе в возстаніи, этот пункт не вызвал никаких возраженій, ибо имѣл "временный характер" и трактовался, как шаг, тактически необходимый для успокоенія солдатских масс. "В ту минуту" как-то о будущем думали мало и многого не предвидѣли. Обсудив "условія" поддержки Совѣтом вновь образующейся власти, Совѣщаніе перешло к разсмотрѣнію "требованій" цензовиков, которыя в формулировкѣ Суханова сводились к требованію заявленія со

стороны Совѣта, что новое правительство "образовалось по соглашенію с Совѣтом", и принятія Исп. Ком. соотвѣтствующих мѣр для водворенія спокойствія и особенно в налаживаніи контакта между солдатами и офицерами. Это не вызвало возраженій, и в дальнѣйшем совѣтскіе делегаты были информированы о предположеніях на счет личнаго состава правительства, при чем, по словам Суханова, имя представителя демократіи Керенскаго не было упомянуто.

Во время бесѣды Соколов принес составленную в алармистских тонах прокламацію, которая выпускалась Гучковым от имени объединенной военной комиссіи, им возглавленной. Хотя "ничего особенно страшнаго" в прокламаціи не было, делегаты Совѣта заволновались и указали на несвоевременность таких воинствующих выступленій, принимая во вниманіе, что Совѣт в цѣлях соглашенія снял с очереди свои военные лозунги. И здѣсь возраженій не послѣдовало, и думскіе представители согласились на задержаніе прокламаціи. Рѣшено было сдѣлать перерыв для того, чтобы Временный Комитет мог обсудить отдѣльно намѣченные пункты соглашенія. По предложенію

Милюкова во время перерыва совѣтскіе делегаты должны были заняться составленіем деклараціи для опубликованія ея совмѣстно с деклараціей Правительства. Постановлено было собраться через час, т. е. около 5 час. утра. Когда Суханов возвращался в помещеніе, занятое Исп. Ком., он встрѣтил в коридорѣ Гучкова, который только теперь направлялся в думскій Комитет. Суханов сообщил Гучкову о судьбѣ его прокламаціи и изложил мотив ея задержанія: "Гучков выслушал, усмѣхнулся и, ничего не сказав, пошел дальше". В Исп. Ком. Суханова ждал новый сюрприз. Появился листок, выпущенный совмѣстно петербургской организаціей соц. рев., руководимой большевизанствующим Александровичем, сторонником "соціалистической власти немедленно", и "междурайонцами". Прокламація была направлена против офицеров.

"Теперь, когда вы возстали и побѣдили — гласило воззваніе к солдатам — к вам приходят... бывшіе враги офицеры, которые называют себя вашими друзьями. Солдаты, лисій хвост нам страшнѣе волчьего зуба". Для того, чтобы "не обманули дворяне и офицеры — эта романовская шайка —

возьмите власть в свои руки, выбирайте сами взводных, ротных и полковых командиров... Всѣ офицеры должны быть под контролем ротных комитетов. Принимайте к себѣ только тѣх офицеров, которых вы знаете, как друзей народа". Слухи о прокламаціи проникли в думскую половину Таврическаго дворца. "Как буря" влетѣл Керенскій, обвиняя издателей прокламаціи в провокаціи. В объективной оцѣнкѣ факта сходились всѣ, и личный состав Исп. Ком. рѣшил задержать и эту прокламацію до рѣшенія Исп. Ком. на слѣдующій день... На сценѣ выдвинулись другія осложненія. Вновь появившійся Керенскій сообщил, что "соглашеніе сорвано", что цензовики не соглашаются "организовать правительство" при создавшихся условіях. Оказалось, что Соколов по собственной инициативѣ написал проект деклараціи и огласил ее в средѣ Думскаго Комитета[37].

Она была неудачна — признает Суханов. Посвятив декларацію цѣликом выясненію перед солдатами фізіономіи офицерства, Соколов сдѣлал это в тонах, которые давали основаніе для вывода, что никакого контакта, с офицерами быть не может. В думском помѣщеніи, куда немедленно направился

Суханов, уже не было "почти никого из прежних участников или зрителей Совѣщанія", и только за столом сидѣли Милюков и Соколов — Милюков передѣлывал соколовскую декларацію: "никаких слѣдов от какого-либо инцидента"... не было. Впоследствии Суханову говорили, что дѣло было вовсе не в неудачном текстѣ проекта Соколова, а в том, что Гучков "устроил род скандала" своим коллегам, и что он отказался участвовать в Правительствѣ, которое лишено права высказываться по "кардинальному вопросу своей будущей политики", т. е. о войнѣ. "Выступление Гучкова — пишет Суханов — произвело перетурбацію и возможно, что оно, дѣйствительно, подорвало тот контакт, который, казалось, уже обеспечивал образованіе правительства на требуемых нами основах". То, что говорили Суханову, подтверждает и Милюков в своей исторіи: "когда всѣ эти переговоры были уже закончены, поздно ночью... пріѣхал А. И. Гучков, проведшій весь день в сношеніях с военными частями и в подготовкѣ обороны столицы на случай ожидавшагося еще прихода войск, посланных в Петроград по приказу Николая. П. Возраженіе Гучкова по поводу уже состоявшагося соглашенія побудили оставить весь вопрос открытым". "Толь-

ко утром слѣдующаго дня, по настоянію М. В. Родзянко, П. Н. Милюков возобновил переговоры". Это утро слѣдующаго дня в изображеніи Суханова наступило через час. Инцидент с выстушеніем Гучкова, котораго мы еще коснемся, вліянія на соглашеніе не имѣл. Гораздо большее разногласіе у Милюкова и Суханова имѣется в вопросѣ о совѣтской деклараціи, которую отчасти написал, отчасти редактировал сам Милюков. Эта декларація в окончательном видѣ состояла из трех абзацев. Ее начал писать Суханов, продолжил, очевидно, Соколов, текст котораго и был замѣнен текстом Милюкова. "Товарищи и гражданае, — писал Суханов: приближается полная побѣда русскаго народа над старой властью. Но для побѣды этой нужны еще громадныя усилія, нужна исключительная выдержка и твердость. Нельзя допускать разъединенія и анархіи. Нужно немедленно пресѣкать всѣ безчинства, грабежи, врыванія в частныя квартиры, расхищенія и порчу всякаго рода имущества, безцѣльные захваты общественных учреждений. Упадок дисциплины и анархія губят революцію и народную свободу".

"Не устранена еще опасность военнаго движенія

против революціи" — заканчивал Милюков: "Чтобы предупредить ее, весьма важно обеспечить дружную согласованную работу солдат с офицерами. Офицеры, которым дороги интересы свободы и прогрессивнаго развитія родины, должны употребить всѣ усилія, чтобы наладить совмѣстную дѣятельность с солдатами. Они будут уважать в солдатѣ его личное и гражданское достоинство; будут бережно обращаться с чувством чести солдата... С своей стороны солдаты будут помнить, что армія сильна лишь союзом солдат и офицерства, что нельзя за дурное поведеніе отдѣльных офицеров клеймить всю офицерскую корпорацію. Ради успѣха революціонной борьбы надо проявить терпимость и забвеніе несущественных проступков против демократіи тѣх офицеров, которые присоединились к той рѣшительной борьбѣ, которую вы ведете со старым режимом". К этому тексту прибавлено было введеніе, написанное Стекловым: "Новая власть, создающаяся из общественно умѣренных слоев общества, объявила сегодня о всѣх тѣх реформах, которыя она обязуется осуществить частью еще в процессѣ борьбы со старым режимом, частью по окончаніи этой борьбы. Среди этих реформ нѣкоторыя должны привѣтство-

ваться широкими демократическими кругами: политическая амнистия. обязательство принять на себя подготовку Учредительного Собрания, осуществление гражданских свобод и устранение национальных ограничений. И мы полагаем, что в той мѣрѣ, в какой нарождающаяся власть будет дѣйствовать в направлении осуществления этих обязательств и рѣшительной борьбы со старой властью — демократія должна оказать ей свою поддержку". Милюков утверждает, что первая часть была добавлена на другой день» послѣ обсуждения соглашения в Совѣтѣ, и что в этих словах сказалась "подозрительность", с которой Совѣт обѣщал правительству поддержку. Здѣсь была принята "впервые та знаменитая формула: "постолько - поскольку", которая заранее ослабляла авторитет первой революционной власти среди населения". Из не совсем определенных указаний Суханова вытекает, что этот абзац был введен послѣ его ухода Стекловым, продолжавшим совѣщаться с Милюковым. С категоричностью можно утверждать лишь то, что "на другой день" (вѣрнѣе в ту же ночь) при окончательной редакціи приведеннаго in extenso текста введение было санкціонировано Милюковым без протеста (в Совѣтѣ соглашение

обсуждаться еще не могло).

Если сравнить рассказ Суханова (с добавлениями, взятыми у Милюкова) с рассказом Шульгина о том, что происходило в ночь с 1-го на 2-е, ясно будет, почему приходится безоговорочно отвергнуть драматическое изложение послѣдняго. Упомянув о "грызнѣ" Вр, Ком. с "возрастающей наглостью" Исполкома. Шульгин сообщает, что "вечером додумались пригласить в Комитет Гос. Думы делегатов от Исполкома, чтобы договориться до чего-нибудь". Всѣм было ясно, что возрастающее двоевластiе представляло грозную опасность, В сущности вопрос стоял — "или мы или они". Но "мы не имѣли никакой реальной силы". И вот пришли трое — "какіе-то мерзавцы, по слишком образной характеристик мемуариста. "Я не помню, с чего началось"... но "явственно почему-то помню свою фразу: одно из двух — или арестуйте всѣх нас... и правьте сами. Или уходите и дайте править нам"...

"За этих людей взялся Милюков". "С упорством, ему одному свойственным, он требовал от них написать воззваніе, чтобы не дѣлали насилій над офицерами"...

"Чтобы спасти офицеров, мы должны были чуть

не на колѣнях молить "двух мерзавцев" из жидов и одного "русскаго дурака" (слова эти почему-то берутся в кавычки!)... Мы, "всероссійскія имена", были безсильны, а эти "неизвѣстно откуда взяшіеся" были властны рѣшить, будут ли этой ночью убивать офицеров"[38]. И "сѣдовласый" Милюков должен был убѣждать, умолять, заклинать. "Это продолжалось долго, бесконечно", Затѣм начался столь же бесконечный спор насчет выборнаго офицерства. Наконец, пошли писать (все тѣ же "трое"). Написали. "Засѣданіе возобновилось... Началось чтеніе документа. Он был длинен. Девять десятых его были посвящены тому, какіе мерзавцы офицеры... Однако, в трех послѣдних строках было сказано, что все-таки их убивать не слѣдует... Милюков вцѣпился в них мѣртвой хваткой... Я не помню, сколько часов это продолжалось... Я совершенно извѣлся и перестал помогать Милюкову... Направо от меня лежал Керенскій... в состояніи полного изнеможенія... Один Милюков сидѣл упрямый и свѣжій. С карандашом в руках он продолжал грызть совершенно безнадежный документ... Мнѣ показалось, что я слышу слабый запах эфира... Керенскій, лежавшій пластом, вскочил, как на пружинах... Я желал бы поговорить с вами...

Это он сказал тѣм трем: Рѣзко, тѣм безапелляционным, шекспировским тоном, который он усвоил в послѣдніе дни... — Только наединѣ!... Идите за мной!... Через четверть часа дверь "драматически" раскрылась. Керенскій блѣдный, с горящими глазами: представители Исп. Ком. согласны на уступки... Трое снова стали добычей Милюкова. На этот раз он быстро выработал удовлетворительный текст... Бросились в типографію. Но было уже поздно: революціонные наборщики прекратили уже работу. Было два-три часа ночи"... Ничего подобного не было. Впрочем сам Шульгин замѣчает: "я не помню"... "Тут начинается в моих воспоминаніях кошмарная каша". И это вполне соответствует тому, что мы читаем в напечатанных воспоминаніях Шульгина. От всѣх переговоров в ночь на 2-е марта у Шульгина осталось впечатлѣніе, что рѣчь шла только о каком-то умиротворяющем воззваніи к солдатам[39]. Болѣе, чѣм произвольное, изложеніе мемуариста сопровождается опредѣленным акомпаниментом, мало соответствующим настроеніям, которыя господствовали в эту ночь. Они, надо думать, в дѣйствительности не отвѣчали тогдашнему самочувствію самаго Шульгина. В 28 году Шульгину были отвратитель-

ны призывы: "свобода, свобода, свобода — до одури, до рвоты". Свои эмигрантскія переживанія он переносит в годы, о которых рассказывает, как мемуарист. По воспоминаніям он с перваго часа революціи мечтал о том, как бы "разогнать всю эту сволочь", всю эту "многотысячную толпу", имѣвшую "одно общее неизрѣченно гнусное лицо": "вѣдь это — были воры в прошлом (?), грабители в будущем". "Как я их ненавиждѣл!" Умереть, "лишь бы не видѣть отвратительнаго лица этой гнусной толпы, не слышать этих мерзостных рѣчей, не слышать воя этого подлаго сброда". "Ах, пулеметов — сюда, пулеметов!" — вот "чего мнѣ хотѣлось, ибо я чувствовал, что только язык пулеметов доступен уличной толпѣ, и что только он, свинец, может загнать обратно в его берлогу вырвавшася на свободу страшнаго звѣря. Увы! — этот звѣрь был... Его Величество русскій народ". Такими образами буквально переполнены страницы, посвященныя февральским дням, при чем сокращенная цитаты дают лишь блѣдную копію всѣх перлов литературнаго краснорѣчія автора воспоминаній. Конечно, может быть, таковы и были подлинныя чувства праваго націоналиста. Если это было так, то Шулгин, очевидно, в революціонной столицѣ умѣл то-

гда скрывать свои настроенія. (Мы увидим, что в Псковѣ, как свидѣтельствуєт официальная запись, Шульгин выявил свой облик довольно близко к тому, что он пишет в воспоминаніях). Иначе совершенно непонятно, как мог бы Керенскій получить впечатлѣніе, что в тѣ дни Шульгин проявлял « *un esprit révolutionnaire sincère* »? Как мог самый правый член думскаго комитета числиться в кандидатах революціоннаго правительства? — "он мог войти в правительство, если бы захотѣл", — говорит Милюков, но "отказался и предпочел остаться в трудную минуту для родины при своей профессіи публициста". Иным, чѣм в собственных воспоминаніях, рисуется Шульгин в часы переговоров и Суханову, в изложеніи котораго Шульгин, рекомендуясь монархистом, "был мягче Милюкова, высказывая лишь свои общіе взгляды по этому предмету" и не выражая никаких "ультимативных" требованій. Сопартнер Суханова при ночных переговорах, Стеклов в докладѣ, сдѣланном в Совѣщаніи Совѣтов, характеризуя "перерожденіе в дни революціоннаго пожара в вихрѣ революціонных событій психологіи... группы цензовых буржуазных слоев", упоминал о Шульгинѣ, который, выслушав текст одного из пунктов платформы, опредѣляв-

шей ближайшую деятельность будущаго временнаго правительства — "принять немедленно мѣры к созыву Учр. Собранія"... "потрясенный встал с своего мѣста, подошел и заявил: "Если бы мнѣ сказали два дня тому назад, что я выслушаю это требованіе и не только не буду против него возражать, но признаю, что другого исхода нѣтъ, что эта самая рука будет писать отреченіе Николая II, два дня назад я назвал бы безумцем того, кто бы это сказал, и себя считал бы сумасшедшим, но сегодня я ничего не могу возразить. Да, Учред. Собраніе на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія". Не один Шульгин был в таком настроеніи. Стеклов утверждал, что Родзянко также "потрясенный" событіями, которыя для него "были еще болѣе неожиданны, чѣм для нас", слушая "ужасные пункты", говорил: "по совѣсти ничего не могу возразить". Очевидно, общій тон переговоров здѣсь передан значительно вѣрнѣе, нежели в личных воспоминаніях Шульгина. Только так переживая эти моменты, сам Шульгин позднѣе мог сказать на собраніи членов Думы 27 апрѣля: "мы спаялись с революціей", ибо не могли бы спаяться ни при каких условіях с "горсточкой негодяев и маниаков, которые знали, что хотѣли гибели

Россіи", патриотически настроенные люди, даже "раздавленные тяжестью сваливагося" на них бремени.

4. Настроения перваго марта.

Послѣ крушенія "самой солнечной, самой праздничной, самой безкровной" революціи (так восторженно отзывался прибывшій в Россію французскій социалист министр Тома), послѣ того, как в густом туманѣ, заставшем политическіе горизонты, зашло "солнце мартовской революціи" — многіе из участников ея не любят вспоминать о том "опьянѣніи", которое охватило их в первые дни "свободы", когда произошло "историческое чудо", именовавшееся февральским переворотом. "Оно очистило и просвѣтило нас самих" — писал Струве в №1 своего еженедельника "Русская Свобода". Это не помѣшало Струве в позднѣйших размышленіях о революціи сказать, что "русская революція подстроена и задумана Германіей". "Восьмым чудом свѣта" назвала революцію в первой статьѣ и "Рѣчь". Епископ уфимскій Андрей (Ухтомскій) говорил, что в эти дни "совершился суд Божій". Обновленная душа с "необузданной

радостью" спѣшила инстинктивно во внѣ проявить свои чувства, и уже 28-го, когда судьба революціи совсѣм еще не была рѣшена, улицы Петербурга переполнились тревожно ликующей толпой, не отдававшей себѣ отчета о завтрашнем днѣ [40]. В эти дни "многіе целовались" — скажет лѣвый Шкловскій. Незнакомые люди поздравляли друг друга на улицах, христосовались будто на Пасху" — вспоминает в "Былом" Кельсон. Таково впечатлѣніе и инженера Ломоносова: "в воздухѣ что-то праздничное, как на Пасху". "Хорошее, радостное и дружное" настроеніе, отмѣчает не очень лѣво настроенный депутат кн. Мансырев. У всѣх было "праздничное настроеніе", по характеристикѣ будущаго члена Церковнаго Собора Руднева, чловѣка умѣренно правых взглядов. Также "безоглядно и искренно" всѣ радовались кругом бывш. прокурора Судебной палаты Завадскаго. "Я никогда не видѣл сразу в таком количествѣ столько счастливых людей. Всѣ были именинниками" — пишет толстовец Булгаков [41]. Всегда нѣсколько скептически настроенная Гиппіус в "незабвенное утро" 1 марта, когда к Думѣ текла "лавина войск" — "стройно, с флагами, со знаменами, с музыкой", видѣла в толпѣ все "милыя, радостныя, вѣрющія

лица".

Таких свидѣтельств можно привести немало, начиная с отклика еще полудѣтскаго в дневникѣ Пташкиной, назвавшей мартовскіе дни "весенним праздником". Это вовсе не было "дикое веселье рабов, утративших страх", как опредѣлял ген. Врангель настроеніе массы в первые дни революціи. И, очевидно, соотвѣтствующее опьянѣніе наблюдалось не только в толпѣ, "влюбленной в свободу" и напоминавшей Рудневу "тетеревов на току". Известный московскій адвокат, видный член централн. комитета партіи к. д., польскій общественный дѣятель Ледницкій рассказывал, напр., в Московской Думѣ 2-го марта о тѣх "счастливых днях", которые он провел в Петербургѣ. Москвичи сами у себя находились в состояніи не менѣе радужном: "ангелы поют в небесах" — опредѣляла Гиппиус в дневникѣ тон московских газет. На вопрос из Ставки представителя управленія передвиженіем войск полк. Ахшарумова 2 марта в 11 час. о настроеніи в Москвѣ — жителей и войск, комендант ст. Москва-Александровская без всяких колебаній отвѣчал: "настроеніе прекрасное, всѣ ликуют". В этом всеобщем ликованіи — и повсемѣстном в

странѣ — была вся реальная сила февральскаго взрыва[42]. Очевидно, ликовали не только "опредѣленно лѣвые", как пытался впоследствии утверждать знаменитый адвокат Карабчевскій. Недаром, по утверженію Вл. Львова, даже Пуришкевич в дни "мартовскаго ликованія" ходил с "красной гвоздичкой".

Конечно, были и пессимисты — и в средѣ не только дѣятелей исчезавшаго режима. Трудовик Станкевич, опредѣлявшій свое отношеніе к событіям формулой: "через десять лѣт будет хорошо, а теперь — через недѣлю нѣмцы будут в Петроградѣ", склонен утверждать, что "такія настроенія были, в сущности, главенствующими... Официально торжествовали, славословили революцію, кричали "ура" борцам за свободу, украшали себя красным бантом и ходили под красными знамёнами... Но в душѣ, в разговорах наединѣ, — ужасались, содрогались и "чувствовали себя плѣнными враждебной стихіей, идущей каким-то невидимым путем... Говорят, представители прогрессивнаго блока плакали по домам в истерикѣ от безсильнаго отчаянія". Такая обобщающая характеристика лишена реального основанія. Смѣло можно утвер-

ждать, что отдѣльные голоса — может быть, даже многочисленные — тонули в общей атмосферѣ повышеннаго оптимизма. Ограниченія, пожалуй, надо ввести, — как мы увидим, только в отношеніи лиц, отвѣтственных за внѣшній фронт, — и то очень относительно. Не забудем, что ген. Алексѣев столь рѣшительно выступавшій на Моск. Гос. Сов., все же говорил о "свѣтлых, ясных днях революціи".

"Широкія массы легко поддавались на удочку всенароднаго братства в первые дни" — признает историк-коммунист Шляпников.

Пусть это "медовое благолѣпіе" первых дней, "опьянѣніе всеобщим братаніем", свойственным "по законам Маркса", всѣм революціям, будет только, как предсказывал не сантиментальный Ленин, "временной болѣзнью", факт остается фактом, и этот факт накладывал своеобразный отпечаток на февральско-мартовскіе дни. И можно думать, что будущій член Временнаго Правительства, первый революціонный синодскій обер-прокурор Вл. Львов искренне "плакал", наблюдая 28-го, "торжественную картину" подходивших к Государ. Думѣ полков со знаменами. "Плакали", по его словам, и

солдаты, слушавшіе его слащавую рѣчь: "Братцы! да здравствует среди нас единство, братство, равенство и свобода", — рѣчь, которая казалась реалистически мыслящему Набокову совершенно пустой. Однако, окружавшая обстановка побѣдила первоначальный скептицизм Набокова, просидѣвшаго дома весь первый день революціи, и он сам почувствовал 28-го тот подъем, который уже разсѣян был в атмосферѣ. Это было проявленіе того чувства имитативности, почти физическаго стремленія слиться с массой и быть заодно с ней, которое может быть названо революціонным психозом.

Колебанія и сомнѣнія должны были проявляться в средѣ тѣх, кто должен был "стать на первое мѣсто", конечно, гораздо в большей степени, нежели в обывательской безотвѣтственной интеллигентной массѣ. Допустим, что прав французскій журналист Анэ, посѣщавшій по нѣскольکو раз в день Думу и писавшій в статьях направляемых в «Petit Parisien» [43], что "члены Думы не скрывают своей тоски". И тѣм не менѣе всеобщаго гипноза не мог избѣжать и думскій Комитет. Поэтому атмосфера ночных переговоров, обрисованная в то-

нах Шульгина, не могла соотвѣтствовать дѣйствительности. Вѣдь трудно себѣ даже представить через тридцать лѣт, что в заключительной стадіи этих переговоров столь чуждый революціонному экстазу Милюков расцѣловался со Стекловым — так, по крайней мѣрѣ, со слов Стеклова рассказывает Суханов[44]. Симптомы политических разногласій двух группировок, конечно, были на лицо; их отмѣчала телеграмма, посланная главным морским штабом (гр. Капнистом) перваго марта в Ставку (адм. Русину) и помѣченная 5 час. 35 мин. дня: ..."порядок налаживается с большим трудом. Есть опасность возможности раскола в самом Комитетѣ Г. Д. и выдѣленія в особую группу крайних лѣвых революціонных партій и Совѣта Раб. Деп.", но эти разногласія в указанной обстановкѣ вовсе не предуказывали еще неизбежность разрыва и столкновенія, на что возлагала свои надежды имп. Алек Фед, в письмѣ к мужу 2-го марта: "два теченія — Дума и революціонеры — двѣ змѣи, которыя, как я надѣюсь, отгрызут друг другу голову — это спасло бы положеніе".

Надо признать довольно бесплодной попытку учесть сравнительно удѣльный вѣс того и другого

революціоннато центра в условіях уличных волнений первых дней революціи — и совершенно бесплодна такая попытка со стороны лиц, не проникавших по своему положенію в самую гущу тогдашних настроеній массоваго столичнаго жителя и солдатской толпы. Талантливый мемуарист проф. Завадскій совершенно увѣрен, что звѣзда "примостившегося" к Гос. Думѣ Совѣта Раб. Деп. "меркла в первое время в лучах думскаго комитета" и что "временный комитет Думы обладал тогда такую полнотою власти духовной и физической, что без существенных затрудненій мог взять под стражу членов совѣтских комитетов". Такія слишком субъективныя позднѣйшія оцѣнки (Завадскій ссылается на "впечатлѣніе многих уравнишенных" и на его взгляд "не глупых людей") не имѣют большого историческаго значенія уже потому, что этот вопрос просто не мог тогда возникнуть в сознаніи дѣйствовавших лиц — и не только даже в силу отмѣченных идеалистических настроеній. По утвержденію Шульгина подобная мысль не могла придти в голову уже потому, что в распоряженіи Комитета не было никаких "вооруженных людей"[\[45\]](#). По позднѣйшему признанію Энгельгардта, сдѣланному Куропаткину в маѣ, он был "хозяй-

ном лишь первые шесть часов". Лишь очень поверхностному и случайному наблюдателю могло казаться, что весь Петербург руках комитета Гос. Думы. Так докладывал 2-го прибывшій в Москву в исключительно оптимистическом настроеніи думскій депутат, член партій к. д., проф. Новиков (это отмѣтил № 3 Бюллетеня Ком. Общ. Организ.). "Спасти русскую государственность", как нѣсколько высокопарно выражается Керенскій, Врем. Комит. без содѣйствія Совѣта было крайне трудно. Совѣт, по своему составу естественно стоявшій в большой непосредственной близости к низам населенія, легче мог вліять на уличную толпу и вносить нѣкоторый "революціонный" порядок в хаос и стихію. Отрицать такое организующее начало Совѣта в первые дни может только тот, кто в своем предубѣжденіи не желает считаться с фактами[46]. Подобное сознание неизбежно само по себѣ заставляло избѣгать столкновенія и толкало на сотрудничество. Также очевидно было и то, что без активного содѣйствія со стороны Совѣта думскій комитет, связавшій свою судьбу, судьбу войны и страны с мятежом, не мог бы отразить подавленіе революціи, если бы извнѣ организовалась такая контр-революціонная правительственная

сила. А в ночь с 1-го на 2-е марта для Временнаго Комитета совершенно неясно было, чѣм закончится поход ген. Иванова, лишь смутныя и противорѣчивыя свѣдѣнія о котором доходили до Петербурга. Довольно показательно, что именно по инициативѣ Милюкова в согласительную декларацію от Совѣта, выработанную в ночном совѣщаніи, было введено указаніе на то, что "не устранена еще опасность военнаго движенія" против революціи. Эта опасность служила не раз темой для рѣчей Милюкова, обращенных к приходившим в Таврической дворец воинским частям. Так, напр., по тогдашней записи 28-го лидер думскаго комитета, обращаясь к лейб-гренадерам, говорил: "Помните, что враг не дремлет и готов стереть нас с вами с лица земли"[\[47\]](#). Вѣроятно, в ночь на второе отсутствовавший на переговорах Гучков, кандидат в военное министерство и руководитель военной комиссіи Вр, Комитета, пытался, если не организовать защиту, как утверждал в своей рѣчи 2-го Милюков, то выяснить положеніе дѣл со стороны возможной обороны. Надо было обезвредить Иванова и избѣжать гражданской войны.

Неопредѣленная обстановка, вопреки всѣм схе-

мам и теоретическим предпосылкам, накладывала и во Временном Комитетѣ отпечаток на переговоры, которые велись с ним от имени Исп. Ком. Совѣта. Этот отпечаток довольно ясно можно передать записью в дневникѣ Гиппиус, помѣчанной 11 час. 1-го марта: "весь вопрос в эту минуту: будет ли создана власть или не будет. Совершенно понятно, что... ни один из Комитетов, ни думскій, ни совѣтскій, властью стать не может. Нужно что-то новое, третье..." "Нужно согласиться — записывает перед писательница — и не через 3 ночи, а именно в эту ночь". "Вожаки Совѣта" и "думскіе комитетчики" "обязаны итти на уступки"... "Безвыходно, они понимают"... "положеніе безумно острое". По записям Гиппиус, сдѣланным на основаніи информаціи, которую "штаб" Мережковских получал от Иванова-Разумника (преимущественно, однако, в передачѣ Андрея Бѣлаго) можно заключить, что в теченіе всего перваго марта шли непрерывные переговоры о конструкціи власти между "вожаками совѣта" и "думцами-комитетчиками" и "все отчетливѣе" выяснялся "разлад" между Врем. Комитетом и Совѣтом. Напр., под отмѣткой "8 час." можно найти такую запись: "Борѣ телефонировал из Думы Ив. Разумник. Он сидит там в

видѣ наблюдателя, вклеенаго между Комитетом и Совѣтом, слѣдит, должно быть, как развертывается это историческое, двуглавое засѣданіе". Такое представленіе, как бы опровергающее версію Суханова, будет, очевидно, очень неточно. Дѣло может итти лишь о том "неуловимом" контактѣ, который неизбѣжно устанавливался между двумя дѣйствующими "параллельно" крыльями Таврическаго дворца и сводился к частным разговорам и официальной информации. Никаких конкретных данных, свидѣтельствующих о том, что члены думскаго комитета были болѣе или менѣе осведомлены о теченіях, намѣчавшихся в Совѣтѣ, мы не имѣем. Скорѣе приходится предположить, что дѣятели Комитета не имѣли представленія о том, что при обсужденіи программнаго вопроса в совѣтских кругах была выдвинута нѣкоторой группой идея коалиціоннаго правительства. По собственной инициативѣ люди "прогрессивнаго блока" такой идеи выдвинуть не могли, ибо они по своей психологіи туго осваивались с тѣм новым, что вносила революція — органически "еще не понимали" — как записывает Гиппіус —, что им суждено дѣйствовать во "время" и в "стихіи революціи", Невѣрный учет происходивших событій

искривлял историческую линію — быть может, единственно правильную в то время. В ночь, когда двѣ руководящія в революціи общественныя группы вырабатывали соглашеніе, никто не поднял вопроса о необходимости попытаться договориться по существу программы, которая должна быть осуществлена в ближайшее время. Извѣстная договоренность, конечно, требовала и другого состава правительства. "Радикальная" программа, которая была выработана, являлась только внѣшной оболочкой — как бы преддверіем к свободной дискуссіи очередных соціально-политических проблем. В дѣйствительности получался гнилой компромисс, ибо за флагом оставались всѣ вопросы, которые неизбежно должны были выдвинуться уже на другой день.

Возможен ли был договор по существу при внѣшне діаметрально противоположных точках зрѣнія? Не должен ли был трезвый ум во имя необходимая компромисса заранѣе отвергнуть утопіи? Как ни субъективен будет отвѣт на вопрос, который может носить лишь предположительный характер, подождем с этим отвѣтом до тѣх пор, пока перед нами не пройдет фильмовая лента фак-

тов, завершивших собой событія рѣшающей ночи. В них, быть может, найдем мы прямое указаніе на то, что в тогдашней обстановкѣ не было презумпціи, преуказывающей невозможность фактическаго соглашенія. Можно констатировать один несомнѣнный факт: вопрос, который представлялся кардинальным для хода революціи, не был в центрѣ вниманія современников. Объяснить это странное явленіе макиавелистической тактикой, которую примѣняли обѣ договаривающаяся стороны, желая как бы сознательно обмануть друг друга — так вытекает из повѣствованія мемуаристов — едва ли возможно... Наложили свой отпечаток на переговоры ненормальный условія, в которых они происходили... Никто не оказался подготовленным к революціи — во всяком случаѣ в тѣх формах, в которых она произошла. Всѣ вопросы пришлось таким образом разрѣшать ех abrupto в обстановкѣ чрезвычайной умственной и физической переутомленности, когда лишь "нѣсколько человѣк", по выраженію Шульгина "в этом ужасном сумбурѣ думали об основных линіях". Но и эти "нѣсколько человѣк" отнюдь не могли спокойно проанализировать то, что происходило, и больше плыли по теченію. Вдуматься в событія им

было нѣкогда. Вѣдь с перваго дня революціи общественных дѣятелей охватил какой-то по истинѣ психоз говоренія: "только лѣнивый не говорил тогда перед Думой" (Карабчевскій). Автор одного из первых историко-психологических очерков русской революціи, озаглавленнаго "Русскій опыт", Рысс писал, что будущій историк первый фазис революціи будет принужден назвать "періодом рѣчей". Керенскій вспоминает, какое величайшее удовлетвореніе доставляла ему возможность произносить слова о свободѣ освобождающемуся народу. Вѣроятно, не один Керенскій — оратор по призванію и профессіи — испытывал такое ощущеніе потребности высказаться[48]. И только впоследствии начинало казаться, что дѣлали они это поневолѣ, чтобы "потокѣм красивых слов погасить огонь возбужденія или наоборот пожарѣм слов поднять возбужденіе". По выраженію американскаго наблюдателя инж. Рута, прибывшаго в Россію с желѣзнодорожной миссіей, Россія превратилась в націю из 180 милліонов ораторов. Этого психоза далеко не чужд был и тот, кто по общему признанію доминировал в рядах "цензовой общественности" и был вдохновителем политической линіи Временнаго Комитета. Сам Милюков

охотно воспользовался антитезой біографа кн. Львова, противопоставившаго в революціи "чувство" Керенскаго "уму" Милюкова. Приходится, однако, признать, что синтетическій ум Милюкова не сыграл в рѣшающую ночь должной роли и не только потому, что Милюков, как записывала та же Гиппіус, органически не мог понять революціи.

Отрицательные результаты недоговоренности сказались очень скоро. В ближайшіе же дни неопредѣленность в вопросѣ об юридическом завершеніи революціи, о формах временной правительственной власти и о методѣ дѣйствія согласившихся сторон создала трудное положеніе. Это роковым образом прежде всего сказалось на судьбах отрешагося от престола монарха.

ГЛАВА ВТОРАЯ. В ПОИСКАХ КОМПРОМИССА

І. Не состоявшаяся поѣздка Родзянко.

В предварительных ночных переговорах представители думскаго комитета отвергли непрѣрѣшенческую формулу рѣшенія вопроса о государственной власти, предложенную делегатами Совѣта, — отвергли потому, что Врем. Ком., по словам Милюкова, уж предпринимал мѣры к замѣнѣ Николая II Михаилом. К сожалѣнію, Милюков сам не рассказал, какіе были сдѣланы в этом отношеніи конкретные шаги, и потому остается неизвѣстным, что именно имѣл в виду здѣсь историк-мемуарист. Представители революціонной демократіи, как пытаются утверждать мемуаристы и историки лѣваго сектора нашей общественности, вообще не интересовались в это время Царем и династіей, "не придавал всей этой политической вознѣ никакого значенія" (Чернов). До такой степени все "само собой разумѣлось", вплоть до "низложенія Николая II", что в "эти дни, — вспоминает Суханов, — никто из нас не заботился о практиче-

ском и формальном осуществленіи этого "акта": никакія усилія, никакая дипломатія, никакія козни "праваго крыла" тут ничего не могли измѣнить ни на іоту".

В дѣйствительности такое отношеніе объяснялось в гораздо большей степени неопредѣленностью положенія, когда практически не исключалась возможность даже гораздо большаго компромисса, чѣм тот, который формально представителями демократіи намѣчался в часы ночных переговоров. В "записках" Суханова имѣется одно мемуарное отступленіе, как-будто вѣрно передающее настроеніе нѣкоторых кругов демократіи: "я даже немного опасался, как бы вопрос о династіи не вытѣснил в порядкѣ дня проблему власти, разрѣшавшуюся совершенно независимо от судьбы Романовых. В этом послѣднем ни у кого не было сомнѣній. Романовых можно было возстановить, как династію, или использовать, как монархическій принцип, но их никак нельзя было уже принять за фактор созданія новых политических отношеній в странѣ". Современники передают (в частности, Зензинов), что сам Суханов в эти первые дни в интимных бесѣдах не проявлял большо-

го политическаго ригоризма, считая кандидатуру в. кн. Михаила фактически вполне благопріятствующей для "дальнѣйшей борьбы демократіи", т. е. допуская, что отречение имп. Николая II может и не предрѣшать собой еще "формы правленія" в ближайшем будущем. Составители "Хроники февральской революціи", сами непосредственно участвовавшіе в совѣтской работѣ того времени, формулировали вопрос так: "поглощенный непосредственной организационной работой в городѣ, он (т. е. Исп. Ком.) как-то не интересовался вопросом о формѣ власти, о Царѣ, династіи. Предполагалось, что вопросы этого рода входят, естественно, в компетенцію Врем. Комитета". Позднѣйшія утвержденія (их можно найти у Чернова и др.), что "цензовая демократія" скрывала от "совѣтской демократіи" свои переговоры со старой властью, надо считать ни на чем не основанными... Косвенныя данныя указывают на то, что дѣятели Исп. Ком. были в достаточной мѣрѣ освѣдомлены о "закулисных переговорах". Это не дѣлалось официально, как и всё в тѣ дни... И, быть может, разговоры в "частном порядкѣ", как выражается большевицкій историк Шляпников, являвшіеся суррогатом открытой и опредѣленной постановки вопроса,

надо признать одной из роковых черт тактики первых дней революціи.

Опираясь, очевидно, главным образом на показанія Суханова, авторы "Хроники" говорят, что вопрос о Царѣ перед Исп. Ком. встал "совершенно случайно" утром 1-го марта в связи с предположенной поѣздкой Родзянко на ст. "Дно" : для непосредственных переговоров с носителем верховной власти. Родзянко не мог де выѣхать, так как желѣзнодорожники не дали ему поѣзда без разрѣшенія Исп. Ком." Из праваго крыла Таврическаго дворца для урегулированія недоразумѣнія был прислан нѣкій полковник. "Вопрос о поѣздѣ Родзянко был рѣшен очень быстро одним дружным натиском", — утверждает Суханов. Он лично говорил: "Родзянко пускать к Царю нельзя. Намѣреній руководящих групп буржуазіи, "прогрессивнаго блока", думскаго комитета мы еще не знаем и ручаться за них никто не может. Они еще ровно ничѣм всенародно не связали себя. Если на сторонѣ Царя есть какая-нибудь сила, — чего мы также не знаем, — то "революціонная" Гос. Дума, ставшая на сторону народа, непременно станет на сторону Царя против революціи". Рѣшено было в

поѣздкѣ Родзянко "отказать". Через короткое время в комнату влетѣл блѣдный уже совершенно истрепанный Керенскій. На его лицѣ было отчаяніе... "что вы сдѣлали?..." — заговорил он прерывающимся, трагическим шепотом. "Родзянко должен был ѣхать, чтобы заставить Николая подписать отреченіе, а вы сорвали это... Вы сыграли в руку монархіи". Керенскій в обморкѣ или полубморкѣ упал на кресло [49]. Когда его привели в чувство, он произнес рѣчь о необходимости контакта между правым и лѣвым крыльями Таврическаго дворца и требовал пересмотра принятаго рѣшенія. В результатѣ всѣми голосами против трех поѣзд Родзянко был разрѣшен; "Родзянко, однако, не уѣхал. Времени прошло слишком много, а снарядить поѣзд было можно не так скоро"... Царь не дождался Родзянко на ст. Дно и выѣхал в Псков. Так повѣствует полумемуарист, полуисторик первых дней революціи.

Нѣтъ основанія цѣликом отвергать рассказанный эпизод, проходящій в том или другом видѣ через ряд мемуаров, — правда, с очень существенными и коренными противорѣчіями. Как. всегда, эпизод пріобрѣтает особо заостренный характер у Шуль-

гина. Этот мемуарист вообще изображает председателя Думы внѣ себя от негодованія на "мерзавцев из числа "собачьих депутатов"[50] независимо даже от афронта полученнаго им в первоначальном рѣшеніи Исп. Комитета фактически отмѣнить поѣздку на встрѣчу с Императором. Такая характеристика очень мало вяжется с отзывом, идущим с противоположной стороны, т. е. от тѣх именно "мерзавцев", как образно именует чуть не попавшій в революціонное правительство Шульгин представителей "совѣтской" общественности. Родзянко "не был ни агрессивен, ни безтактен по отношенію к Совѣту", утверждает Суханов, рассказывая о выступленіях председателя Думы перед демонстрирующими полками; он старался "облечь в возможно болѣе дипломатическія формы, окутать демократическими лозунгами свою агитацію, направленную к одной цѣли, бьющую в единый или двуединый пункт: сплоченія вокруг Врем. Правительства для борьбы с внѣшним врагом". Родзянко, "выполнял свою миссію добросовѣстно и удачно", — заключает первый совѣтскій исторіограф. Для подтвержденія своей характеристики Шульгин примѣняет пріем, явно непригодный в данном случаѣ. Он передает негодующій рассказ

Родзянко о том, как послѣ очередной его рѣчи к депутаціи, прибывшей из одной воинской части, один из "мерзавцев" стал задавать ему каверзные вопросы о "землѣ". "Вот, предсѣдатель Думы все требует от вас, чтобы вы, товарищи, русскую землю спасали. Так, товарищи, это понятно... У господина Родзянко есть, что спасать... не малый кусочек у него этой самой русской земли в Екатеринославской губерніи... Так вот Родзянкам и другим помѣщикам Гос. Думы есть что спасать... Эти свои владѣнія, княжескія, графскія и баронскія... они и называют русской землей... А вот вы спросите предсѣдателя Гос. Думы, будет ли он так же заботиться о спасеніи русской земли, если эта русская земля... из помѣщичьей... станет вашей, товарищи" и т. д. Нѣчто подобное, очень, впрочем, далекое от пошлой демагогіи и грубой красочности шульгинскаго беллетристическаго повѣствованія, произошло на собесѣдованіи с одним полком, когда Чхеидзе предсѣдателю Думы, дѣйствительно, задал вопрос о "землѣ". Родзянко тогда удачно парировал удар (Мансырев и Суханов). Но только этот діалог происходил 15 марта, а не перваго, и он тогда же нашел отклик в газетах (напр., в "Бирж. Вѣд."). Это было, таким образом, не на третій день

революціи и не в той обстановкѣ, которую мы описываем. У Шульгина вся сцена отнесена непосредственно к моменту, послѣдовавшему за отказом Исп. Ком. в поѣздѣ. Совершенно ясно, что это не мемуарный отклик, а непосредственное воздѣйствіе текста воспоминанія самого Родзянко, допустившаго хронологическую ошибку в своем позднѣйшем рассказѣ. "Сегодня утром, — добавляя, по словам Шульгина, Родзянко, — я должен был ѣхать в ставку для свиданія с Государем Императором, доложить Его Величеству, что, может быть, единственный исход — отреченіе. Но эти мерзавцы узнали... и сообщили мнѣ, что ими дано приказаніе не выпускать поѣзд... Они заявили, что одного меня они не пустят, а что должен ѣхать со мной Чхеидзе и еще какіе-то... Ну, слуга покорный, — я с ними к Государю не поѣду... Чхеидзе должен был сопровождать батальон революціонных солдат. Что они там учинят... Я с этим скот..." Тут Шульгина яко бы вызвали по "неотложному дѣлу", касающемуся Петропавловской крѣпости[51].

Сам Родзянко в своих воспоминаніях ни одним словом не обмолвился об этом инцидентѣ, хотя забыть его едва ли он мог. Да такого эпизода и не

могло быть в том видѣ, как изобразил Шульгин. Чхеидзе фактически не мог бы сопровождать Родзянко с батальоном солдат, если бы даже Исп. Ком. и пожелал принять непосредственное участие в переговорах об отреченіи Царя. Он был бы безсилен отправить изолированный отряд на территорию, на которой центр, т. е. новая революціонная власть, не мог еще распоряжаться желѣзными дорогами. Матеріал для фантазіи, вышедшей из-под пера Шульгина, очевидно, дали изданныя раньше (в 1922 г.) воспоминанія другого виднаго члена прогрессивнаго блока и участника Врем. Ком. — Шидловскаго. Вот этот текст своеобразно и расцвѣтили беллетристическія наклонности Шульгина. Воспоминанія Шидловскаго, написанныя в других, спокойных тонах, не могут, с своей стороны, служить *vade mesum* при разрѣшеніи спорных вопросов, хотя в данном случаѣ, казалось бы, мемуарист и был заинтересован в особой точности и мог обладать большими данными, нежели другіе свидѣтели: по его словам, он должен был сопровождать Родзянко в его предположенной поѣздкѣ. *Dichtung* в этих воспоминаніях выступает с большой очевидностью. "Как-то раз, — рассказывает Шидловскій (очевидно, это могло быть

только 1-го утром), — пришел я во Вр. Ком. часов в семь утра... Сразу же Родзянко сказал мнѣ, чтобы я готовился через час ѣхать вмѣстѣ с ним к Государю, предлагать ему отречение от престола" (Автор утверждает, что к этому времени "было рѣшено" потребовать отречение Николая II от престола). "Вопрос о поѣздкѣ был рѣшен поздно ночью в мое отсутствіе и разработан был весьма мало. Не были предусмотрѣны возможность нашего ареста, возможность вооруженнаго сопротивления вѣрных Государю войск, а, с другой стороны, предусматривалась возможность ареста нами Государя, причем в послѣднем случаѣ не было рѣшено, куда его отвезти, что с ним дѣлать и т. д. Вообще предпріятіе было весьма легкомысленное... Проходил час, другой, третій, неоднократно звонили по телефону на станцію Николаевской жел. дор., спрашивали, готов ли поѣзд, но из этого ничего не выходило, и всегда по каким-то причинам ничего не было готово. Наконец, пришел во Врем. Ком. предсѣдатель Совѣта Раб. Деп. Чхеидзе и объявил, что Совѣт рѣшил не допускать поѣздки Родзянко к Государю. Во Врем. Ком. был уже заготовлен черновик этого документа, кажется, составленный Милюковым и изложенный в двух абза-

цах. Первый заключал в себѣ самое отреченіе от престола, а второй передачу его сыну. Чхеидзе было предложено ознакомиться с содержаніем документа здѣсь же и затѣм распорядиться предоставленіем нам поѣзда. Чхеидзе отвѣтил, что он не может дать своего заключенія по содержанію и формѣ документа без предварительнаго разсмотрѣнія его в пленумѣ Совѣта... Чхеидзе взял с собою упомянутый черновик и пошел в Совѣт... Время между тѣм шло; прошел день, наступила ночь, а Чхеидзе обратно не являлся. Наконец, поздно вечером пришел Чх. и довел до нашего свѣдѣнія рѣшеніе Совѣта, который обезпечивал возможность проѣзда Родзянко при соблюденіи двух условій. Во-первых, с нами должен поѣхать и Чхеидзе, против чего мы совсѣм не возражали, а, во-вторых, Совѣт соглашался только на первый абзац нашего текста, а второй отвергал совершенно. Тогда Родзянко и я заявили, что такого отреченія мы Государю не повезем... На этом предпріятіе и закончилось, и Родзянко никуда не поѣхал". Не будем спеціально разбирать версіи, данной Шидловским, — вся необоснованность ея в деталях выступит сама по себѣ в дальнѣйшем изложеніи, но и так уже ясно, в каком непримиримом проти-

ворѣчіи стоит она с послѣдовавшими затѣм ночными переговорами членов Врем. Ком. с представителями Совѣта. Никакого рѣшенія об отреченіи императора ночью 28-го не было принято, никакого соотвѣтствующаго документа во Временном Комитетѣ составлено еще не было, ни Испол. Ком., ни Совѣт подобных предложеній, поступивших со стороны "цензовой общественности", не обсуждали. В хронологической мѣшанинѣ, представленной Шидловским, предположенія и разговоры выданы за рѣшенія.

Один однородный мотив проходит через всѣ приведенныя версіи, вышедшія с двух противоположных сторон: вмѣшательство Исп. Ком. так или иначе помѣшало поѣздкѣ Родзянко. Шляпников от себя еще добавил, что послѣ инцидента с Родзянко Исп. Ком. рѣшил изолировать Царя и его семью, и группѣ членов Исп. Ком. было поручено произвести соотвѣтствующій арест. Несуразица утвержденія мемуариста слишком очевидна: он явно спутал и постановленія Исп. Ком. 3-го марта и даже 6-го, о которых рѣчь впереди, и которыя были приняты уже в иной совѣм обстановкѣ, отнес на первое марта. У мемуаристов лѣваго сек-

тора ініціатором возбужденія вопроса о разрѣшеніи Родзянко выступают желѣзнодорожные рабочіе: их революціонная послѣдовательность, бдительность и предусмотрительность клали де препоны закулисным компромиссным интригам буржуазіи. В февральскіе дни превносится нѣчто из обстановки позднѣйшаго октябрьскаго большевицкаго переворота, когда "Викжель" играл рѣшающую роль в вопросах продвиженія поѣздов. Подобное утвержденіе рѣшительно противорѣчит воспоминаніям тогдашних вершителей желѣзнодорожной политики — члена Гос. Думы Бубликова, назначеннаго Вр. Ком. комиссаром в мин. путей сообщ. и его помощника инженера Ломоносова. В их руках была вся инициатива.

В исторію продвиженія императорскаго поѣзда, вышедшаго из Ставки по направленно к Царскому Селу в момент полученія свѣдѣній о начавшихся беспорядках в столицѣ, надо внести существенный корректив по сравненію с трафаретным изображеніем, присущим революціонной исторіографіи. Царскій поѣзд в дѣйствительности без видимых затрудненій повернул с Николаевской линіи и через ст. Дно прибыл в Псков. Ниже придется вер-

нуться к "последнему рейсу" Императора. Сейчас история этих перипетий может интересовать нас только со стороны технических условий поезда Родзянко. Получив сообщение о том, что императорский поезд подошел около 4 ч. утра 1 марта к ст. М. Вишера на Николаевской ж. д., Бубликов запросил инструкций от Врем. Комитета. Пока там обсуждали, что делать, поезд повернул обратно на Бологое, куда прибыл в 9 час. утра. Из Думы послѣдовало распоряженіе: "задержать поезд в Бологом, передать Императору телеграмму председателя Думы и назначить для этого послѣдняго экстренный поезд до ст. Бологое[52]. Однако, поезд под литерой А, не дожидаясь "назначенія" из центра, тотчас же направился по Виндавской дорогѣ через Дно в сторону Пскова. Тогда начальствующіе в железнодорожном центрѣ рѣшили искусственным путем задержать поезд и лишить Императора возможности "пробраться в армию". Для истории сохранился документ в видѣ телеграммы Бубликова нач. движенія Виндавской дороги от 11 час. утра перваго марта, в которой предписывалось загородить товарными поездами какой-либо перегон "возможно восточнѣе ст. Дно и сдѣлать физически невозможным движеніе каких бы то ни

было поѣздов в направленіи от Бологое в Дно". "За неисполненіе или недостаточно срочное исполненіе настоящаго предписанія, — заключала телеграмма, — будете отвѣчать, как, за измѣну перед отечеством"[53]. Из этого плана ничего не вышло, и поѣзд под литерой А без осложненій продолжал свое продвиженіе.

Между тѣм на Николаевском вокзалѣ в Петербургѣ стоял готовый экстренный поѣзд и в присутствіи самого Ломоносова ждал пріѣзда Родзянко. Из Думы систематически отвѣчали: Родзянко выѣдет через / часа. Время шло. Тогда, по разсказу Ломоносова, было рѣшено перехватить Императорскій поѣзд на ст. Дно, куда Родзянко должен был выѣхать по Виндавской дорогѣ. Родзянко послал "вторую телеграмму" Царю. Может быть, эта "вторая телеграмма" была в дѣйствительности единственной. — только она одна среди официальных документов до сих пор опубликована. Вот ея текст: "Станція Дно. Его Императорскому Величеству. Сейчас экстренным поѣздом выѣзжаю на ст. Дно для доклада Вам, Государь, о положеніи дѣл и необходимых мѣрах для спасенія Россіи. Убѣдительно прошу дождаться моего пріѣзда, ибо доро-

га каждая минута". Ломоносов передает записку, полученную по телефону: "Литерный поѣзд прибыл на Дно. Государь Император прогуливаются по платформѣ и ожидают прибытія предсѣдателя Думы". В отвѣт на очередной звонок в Думу Ломоносов получает непосредственное от Родзянко распоряженіе: "Прикажите доложить Его Величеству, что чрезвычайныя обстоятельства не позволяют мнѣ оставить столицу. Императорскій поѣзд назначьте, и пусть он идет со всѣми формальностями, присвоенными императорским поѣздам". Вмѣстѣ с тѣм якобы тут же Родзянко сообщил, что должен быть готов поѣзд на Псков, так как туда поѣдут "члены Думы с порученіем особой важности".

Воспоминанія Ломоносова вообще требуют поправок и, как увидим ниже, мѣстами очень существенных. Послѣдняго разговора с Родзянко в такой формѣ, как он изложен мемуаристом, не могло быть в это время. Фактически Царь, не дождавшись Родзянко на ст. Дно. приказал дворц. коменданту Воейкову телеграфировать предсѣдателю Думы о том, чтобы тот пріѣхал в Псков. Отвѣт Родзянко, о котором упоминает Ломоносов, и был

направлен в 8 час. 41 м. веч. в Псков: "чрезвычайныя обстоятельства не позволяют мнѣ выѣхать, о чем доношу Вашему Величеству". Одно не может вызвать сомнѣній в воспоминаніях Ломоносова: экстренный поѣзд ждал Родзянко, и эта поѣздка никакого активнаго противодѣйствія со стороны желѣзнодорожных рабочих не встрѣчала[54]. Бубликов, с своей стороны, рассказывая о "колебаніях" Родзянко, говорит, что он "держал для него под паром три экстренных поѣзда на каждой из прилегающих к Петербургу дорог". Почему же все-таки Родзянко не поѣхал? Совершенно очевидно, что обстановка, в которой происходило обсужденіе поѣздки Родзянко в Псков, не могла помѣшать ему выѣхать из Петербурга для переговоров с Царем, так как версія Суханова о затяжкѣ со снаряженіем экстреннаго поѣзда должна быть отвергнута. Не могло быть у Родзянко и внутренняго отталкиванія, ибо он болѣе чѣм кто-либо, готов был выступить (и выступил в эти дни) парламентаром между верховной властью и возставшим народом. В напечатанных воспоминаніях Родзянко довольно глухо говорит, что по "суммѣ разных причин" он не имѣл возможности "ни на один миг оставить столицу". В разговорѣ с ген. Рузским но-

чью с 1-го на 2-е (около 3 час.) на просьбу послѣд-
няго сообщить для "личнаго" его свѣдѣнія "истин-
ный причины" отмѣны поѣздки в Псков [55],
Родзянко подробнѣе и с нѣкотою большей, но
очень все же недостаточной отчетливостью пояс-
нил: "С откровенностью скажу, причины моего не-
пріѣзда двѣ: во-первых, эшелоны, вызванные в
Петроград, взбунтовались, вылѣзли в Лугѣ из ваго-
нов, объявили себя присоединившимися к Гос.
Думѣ и рѣшили отнимать оружіе и никого не про-
пускать, даже литерные поѣзда. Мною немедленно
приняты были мѣры, чтобы путь для проѣзда Его
Вел. был свободен, не знаю, удастся ли это; вторая
причина — полученныя мною свѣдѣнія, что мой
отѣзд может повлечь за собой нежелательныя
послѣдствія и невозможность остановить разбу-
шевавшіяся народныя страсти без личнаго при-
сутствія, так как до сих пор вѣрят только мнѣ и
исполняют только мои приказанія". Событія в
Лугѣ, невѣрныя свѣдѣнія о которых дошли до Пе-
тербурга, сами по себѣ не могли помѣшать поѣзд-
кѣ Родзянко. Поэтому приходится толковать сло-
ва Родзянко скорѣе всего так: он хотѣл сказать, что
при измѣнившихся условіях отпадала возмож-
ность его мирнаго посредничества; это слѣдует,

как увидим дальше, из всей конъюнктуры разговора. Под "нежелательными послѣдствіями" можно, конечно, подразумѣвать противодѣйствіе Совѣта, но в дѣйствительности область этих "нежелательных послѣдствій" надо значительно расширить. Сопоставил: двойной текст Милюкова — историка и мемуариста. В качествѣ историка он ограничился лишь расплывчатой оговоркой, что "отѣзд из Петрограда предсѣдателя Думы в то время, как только что сформировалась новая революціонная власть, признан был небезопасным". На первый взгляд здѣсь нѣтъ двусмысленности, и замѣчаніе историка совпадает с заключеніем предсѣдателя Думы в приведенном разговорѣ с ген. Рузским. Но, как мемуарист, впоследствии Милюков пояснил, что поѣздка Родзянко считалась нежелательной, ибо боялись его авторитарности: "Мих. Вл. уже чувствовал себя в роли диктатора русской революціи", — боялись, что Родзянко окажется в "сговорѣ с вождями арміи". Другими словами, часть Думскаго Комитета, склонявшаяся уже к болѣе радикальному рѣшенію конфликта с верховной властью, выдвигала против поѣздки Родзянко приблизительно тѣ самые аргументы, которые, по словам Суханова, он высказывал в Исп. Ком.

В таком свѣтѣ нѣсколько по иному приходится разсматривать то, что происходило, по разсказу Суханова, в Исп. Ком. в связи с преніями по поводу поѣздки Родзянко на встрѣчу Царя. По утверждению другого участника Совѣщанія, члена Гос. Думы Скобелева, Керенскій прибыл на засѣданіе не по собственной инициативѣ, а был вызван Исп. Ком., который был освѣдомлен желѣзнодорожниками[56] о том, что готовится по требованію Врем. Ком. экстренный поѣзд. По словам Скобелева, Керенскаго вызвали для того, чтобы узнать, кто в сущности поѣдет к Царю. Керенскій усмотрѣл в этом недовѣріе к себѣ, контроль над его дѣйствіями, отвѣчал "вызывающе"... В концѣ концов, мы не знаем, что именно говорилось в Исп. Ком., но приходится усомниться, что Керенскій доказывал необходимость послать Родзянко для того, чтобы добиться отреченія Николая II. Болѣе правдоподобно предположить, что Керенскій мотивировал аргументом противоположным, т. е. тѣм, что поѣдет не Родзянко, склонявшейся к компромиссной тактикѣ. Приписывать Родзянко мысль поѣхать к Царю с предложеніем отречься от престола, как это дѣлает Шидловскій, невозможно, — днем перваго марта он психологически даже не

был подготовлен к подобному радикальному рѣшенію. Какой путь намѣчал Родзянко? Вот что записал англійскій посол перваго марта: "Великій князь Михаил, проживавшій на частной квартирѣ около посольства, попросил меня зайти к нему. Он сказал мнѣ, что, несмотря на случившееся в Бологом, он все-таки ожидает, что Государь пріѣдет в Царское около 6-ти вечера, и что Родзянко предложит Его Вел. для подписи манифест, дарующій конституцію и возлагающій на Родзянко избраніе членов новаго правительства. Сам он вмѣстѣ с вел. кн. Кириллом приложили свои подписи к проекту манифеста, чтобы придать просьбѣ Родзянко больше вѣсу"[\[57\]](#). Это был тот самый проект отвѣтственного министерства, который был составлен 28 февраля в квартирѣ в. кн. Павла Александровича и вручен перваго марта Врем. Комитету "под расписку" Милюкова. Конечно, не только Родзянко во Врем. Ком. сочувствовал такому именно разрѣшенію государственнаго кризиса, и поэтому нѣтъ основанія приписывать ему особую "собственную политику" как это сдѣлал Щеголев в довольно развязно написанном этюдѣ "Послѣдній рейс Николая Второго"[\[58\]](#). Недаром в. кн. Павел в письмѣ к своему племяннику Кириллу 2 марта от-

мѣчал "новое теченіе", которое накаунѣ к вечеру стало намѣчаться во Врем. Комитетѣ. Он писал: "Ты знаешь, что я через Н. И. [59] все время в контактѣ с Госуд. Думой. Вчера мнѣ ужасно не понравилось новое теченіе, желающее назначить Мишу регентом. Это недопустимо и возможно, что это только интрига Брасовой. Может быть, это — только сплетни, но мы должны быть на чеку и всячески, всѣми способами сохранить Ники престол. Если Ники подпишет манифест, нами утвержденный, о конституціи, то вѣдь этим исчерпываются всѣ требованія народа и Времен. Правительства. Переговори с Родзянко и покажи ему это письмо" [60].

Ночной разговор Родзянко с Рузским по прямому проводу довольно отчетливо рисует психологию, на почвѣ которой родилось то "новое теченіе" во Врем. Комитетѣ, о котором говорится в письмѣ кн. Павла. Первостепенное значеніе имѣет то обстоятельство, что разговор мы можем воспроизвести не в субъективном воспріятіи мемуаристов, а по объективному документу, который передает стенографическую запись телеграфной ленты. Значеніе документа тѣм большее, что это единствен-

ный источник, свидѣтельствующій о непосредственных переговорах Родзянко с командным составом арміи сѣвернаго фронта — никаких "безконечных лент разговоров со Ставкой", о которых сообщает Шульгин, не было. Имѣющійся в нашем распоряженіи документ анулирует легенды, в изобиліи пущенныя в обиход безотвѣтственными сужденіями мемуаристов, и потому надлежит напомнить содержаніе хорошо уже извѣстнаго разговора. Русскій передал Родзянко, что Царь согласился на отвѣтственное министерство, что порученіе образовать кабинет дается Родзянко, что спроектирован манифест, который может быть объявлен немедленно, если намѣренія Царя найдут соотвѣтствующій отклик. — "Очевидно, что Е. В. и вы не отдаете отчета в том, что здѣсь происходит. Настала одна из страшнѣйших революцій, побороть которую будет не легко... Государственной Думѣ вообще и мнѣ в частности оставалось только попытаться взять движеніе в свои руки и стать во главѣ для того, чтобы избѣжать такой анархіи при таком расчлененіи, которая грозила гибелью государству. К сожалѣнію, это мнѣ не удалось... Народныя страсти так разгорѣлись, что сдержать их вряд ли будет возможно, войска окон-

чательно деморализованы; не только не слушают, но убивают своих офицеров, ненависть к Государынѣ Императрицѣ дошла до крайних предѣлов; вынужден был, во избѣжаніе кровопролитія, всѣх министров, кромѣ военнаго и морского, заключить в Петропавловскую крѣпость. Очень опасуюсь, что такая же участь постигнет и меня, так как агитація направлена на все, что болѣе умѣренно и ограничено в своих требованіях. Считаю нужным вас освѣдомить, что то, что предлагается вами, уже недостаточно и династическій вопрос поставлен ребром. Сомнѣваюсь, чтобы возможно было с этим справиться". На замѣчаніе Рузскаго, что "на фронтѣ" до сих пор обстановка рисовалась "в другом видѣ" и что необходимо найти средства "для умиротворенія страны", так как анархія "прежде всего отразится на исходѣ войны", Родзянко добавлял: "еще раз повторяю, ненависть к династіи дошла до крайних предѣлов, но весь народ, с кѣм бы я ни говорил, выходя к толпам, войскам, рѣшил твердо войну довести до побѣднаго конца и в руки нѣмцам не даваться... нигдѣ нѣт разногласія, вездѣ войска становятся на сторону Думы и народа, и грозное требованіе отреченія в пользу сына при регентствѣ Мих. Алекс. становится опредѣленным

требованіем"... "Присылка ген. Иванова с георгіевским батальоном, — заключал Родзянко, — только подлила масла в огонь и приведет только к междоусобному сраженію... Прекратите присылку войск, так как они дѣйствовать против народа не будут. Остановите ненужныя жертвы".

"Этот вопрос ликвидируется", — пояснил Рузскій: "Иванову нѣсколько часов тому назад Государь Император дал указаніе не предпринимать ничего до личного свиданія... Равным образом Государь Император изволил выразить согласіе, и уже послана телеграмма два часа тому назад, вернуть на фронт все то, что было в пути", Затѣм Рузскій сообщил проект заготовленнаго манифеста. Как реагирует Родзянко? — "повторяю вам, что сам вишу на волоскѣ. и власть ускользает у меня из рук; анархія достигает таких размѣров, что я вынужден сегодня ночью назначить временное правительство. К сожалѣнію, манифест запоздал, его надо было издать послѣ моей первой телеграммы немедленно... время упущено и возврата нѣтъ".

Несомнѣнно в этом разговорѣ поставлен вопрос об отреченіи, но, впервые, как "требованіе" гласа народа[61]. Для самого Родзянко все-таки вопрос

еще окончательно не рѣшен. "Послѣднее слово, скажите ваше мнѣніе, нужно ли выпускать манифест?" — настойчиво допрашивает Рузскій. "Я, право, не знаю, — говорит Родзянко с сомнѣніем, — как вам отвѣтить? Все зависит от событій, которыя летят с головокружительной быстротой". Едва ли Родзянко мог бы дать такой уклончивый отвѣт, если бы еще утром перваго марта с готовым проектом манифеста об отреченіи собирався ѣхать навстрѣчу Николаю II?

Легко усмотрѣть в информации, которую давал Родзянко Рузскому, рѣзкую двойственность — переход от крайняго пессимизма к оптимистическим выводам. "Молю Бога, чтобы Он дал сил удержаться хотя бы в предѣлах теперешняго разстройства умов, мыслей и чувств, но боюсь, как бы не было еще хуже". И тут же, "наша славная армія не будет ни в чем нуждаться. В этом полное единеніе всѣх партій... Помогай Вам Бог, нашему славному вождю, в битвах уничтожить проклятаго нѣмца". "Насильственный переворот не может пройти безслѣдно", — замѣчает Рузскій: "что если анархія, о которой говорите вы, перенесется в армію... подумайте, что будет тогда с родиной на-

шей?". "Не забудьте, — спѣшит подать реплику Родзянко, — переворот может быть добровольный и вполне безболѣзненный для всѣх и тогда все кончится в нѣсколько дней, — одно могу сказать: ни кровопролитія, ни ненужных жертв не будет, я этого не допущу". Самоувѣренность преждевременная в обстановкѣ, которая могла грозить самому Родзянко, по его мнѣнію, Петропавловской крѣпостью! Информація полна преувеличеній в обѣ стороны. — то в смыслѣ нажима педали я сторону "анархіи" , то роли, которую играет в событіях предсѣдатель Думы: "до сих пор вѣрят только мнѣ и исполняют только мои приказанія". Говорил Родзянко не по шпаргалкѣ, заранѣе обдуманной, — это была импровизація, непосредственно вытекавшая из разнородных переживаній в сумбурную ночь е 1-го на 2-е марта. Суханов, может быть, до нѣкоторой степени и прав, указывая, что Родзянко описал положеніе дѣл под впечатлѣніем той бесѣды, которая была прервана вызовом предсѣдателя Думы для разговора по прямому проводу со Псковом. Родзянко был взволнован наличностью параллельной с думским комитетом силы. Мемуарист, по обыкновенію, сгущает краски, когда рассказывает, что Родзянко требовал от

делегатов Совѣта предоставленія ему охраны или сопровожденія его самими делегатами во избѣжаніе возможности ареста. Родзянко, чуждый предреволюціонным заговорщицким планам, должен был почувствовать с развитіем событій, как почва из-под ног его ускользала даже во Временном Комитетѣ. Довольно мѣтко эту эволюцію, выдвигавшую на авансцену "лѣвое" крыло думскаго комитета[62] в противовѣс его "октябристскому" большинству, охарактеризовали составители "Хроники февральской революціи": "октябристы были в первые же два дня отстранены от власти, и Милюков, бывшій 27-го только суфлером Родзянко, 28-го негласным вождем, уже 1-го марта без всякой жалости разставался с Родзянко". В лихорадочной сутолкѣ, может быть, Родзянко не отдавал себѣ яснаго отчета или не хотѣл признать крушеніе своего компромисснаго плана. Отсюда преувеличенія, которыя давали повод говорить о "диктаторских" замашках и личных честолюбивых замыслах предсѣдателя Думы. Была и доля сознательной тактики в нѣкоторых из этих преувеличеній: говорил Родзянко с явной цѣлью воздѣйствовать на верховное командованіе, от котораго, дѣйствительно, в значительной степени я этот мо-

мент зависѣло "безболѣзненное" разрѣшеніе государственнаго кризиса. Родзянко, однако, проявил себя реалистом. Ночное бдѣніе, когда "ни у кого, — по утверждению Милюкова, — не было сомнѣній, что Николай II больше царствовать не может", убѣдило Родзянко в неизбѣжности отреченія от престола царствовавшего императора, и в утренніе часы 2-го марта, как мы знаем, с одной стороны, он настаивал на завершеніи переговоров с лѣвой общественностью, а с другой, писал в. кн. Михаилу: "Теперь, все запоздало. Успокоит страну только отреченіе от престола в пользу наслѣдника при Вашем регентствѣ. Прошу Вас повліять, чтобы это совершилось добровольно, и тогда сразу все успокоится. Я лично сам вишу на волоскѣ и могу быть каждую минуту арестован и повѣшен(?!— очевидно, словоупотребленію Родзянко в то время не надо придавать большого значенія). Не дѣлайте никаких шагов и не показывайтесь нигдѣ. Вам не избѣжать регентства"...

II. «Coup d'Etat» Гучкова.

Когда Родзянко в разговорѣ с Рузским оцѣнивал "глас народный" в смыслѣ династическаго вопроса,

он заглядывал в будущее, правда, очень близкое: этот "глас народный" явно еще не выражался. Династическим вопросом в массах "как-то" мало внешне интересовались [63], и видимое равнодушіе способно было обмануть не слишком прозорливых политических дѣятелей. К числу таковых не принадлежал член Временнаго Комитета Шульгин. Он в мартовскіе дни 17 г. предвидѣл то, что позднѣе подсказывало ему необузданное воображеніе мемуариста эмигранта в 25-м году. Уже 27-го, ночью перваго дня революціи усматривая полную невозможность разогнать "сволочь" ружейными залпами, он задумывается над тѣм, как спасти "цѣною отреченія... жизнь Государя и спасти монархію". "Вѣдь этому проклятому сброду надо убивать. Он будет убивать... кого же? Кого? Ясно. Нѣт, этого нельзя. Надо спасти".

Шульгин любит драматизировать свои, иногда воображаемая, переживанія. Выступая в роли историческаго повѣствователя, он не считает нужным вдуматься в тот факт, что "сброд", к которому он так презрительно относится, был совершенно чужд мысли о цареубійствѣ — в теченіе всей революціи періода Врем. Правительства мы не услы-

шим призыва: "смерть тирану" — *нигдѣ и никогда*. Но этот лозунг получал актуальное значеніе в атмосферѣ предфевральских планов дворцоваго переворота, и к нему склонялся, как. утверждает в. кн. Ник. Мих., не кто иной, как націоналист Шульгин, этот "монархист по крови", с трепетом приближавшійся к "Тому, кому послѣ Бога одному повинуются". Поэтому так фальшиво для первых дней революціи звучат патетическія слова Шульгина. Засвидѣтельствовал предреволюціонное настроеніе волынскаго депутата в. кн. Ник. Мих. не в воспоминаніях, а в дневникѣ. 4 января 17 г. опальный историк из царской семьи, отправленный в ссылку в свое имѣніе, послѣ "бесѣды" в Кіевѣ, записал в вагонѣ поѣзда: "какое облегченіе дышать в другой атмосферѣ! Здѣсь другіе люди, тоже возбужденные, но не эстеты, не дегенераты[64], а люди. Шульгин, — вот он бы пригодился, но конечно, не для убійства, а для переворота! Другой тоже цѣльный тип. Терещенко... вѣрит в будущее, вѣрит твердо, увѣрен, что через мѣсяц все лопнет, что я вернусь из ссылки раньше времени... Но какая злоба у этих двух людей к режиму, к ней, к нему, и они это вовсе не скрывают, и оба в один голос говорят о возможности цареубійства!" Шульгин, по его

словам, никакого непосредственного участія в осуществленіи проектов организаці дворцоваго переворота не принимал. Повѣрим ему, но в ходячих разговорах того времени общественные дѣтели давно уже свыклись с мыслью устраненія царствовавшаго монарха. И поэтому довольно естественно, что на третій день революціи, когда стала понемногу выясняться складывавшаяся конъюнктура, имѣвшая уже традицію, схема стала занимать умы совершенно независимо от презумпціи специфической кровожадности современных тираноборцев. "Эта мысль об отреченіи Государя была у всѣх, но как-то об этом мало говорили", — вспоминает Шульгин... "обрывчатые разговоры были то с тѣм, то с другим, но я не помню, чтобы этот вопрос обсуждался комитетом Гос. Думы, как таковым. Он был рѣшен в послѣднюю минуту".

Такой "послѣдней минутой" и надо считать то вмѣшательство Гучкова в намѣтившееся соглашеніе между Врем. Ком. и делегатами Совѣта, о котором рассказывал Суханов. В показаніях 2 августа Чрез. Слѣд. Ком. Гучков, говоря об участіи в подготовки дворцоваго переворота, так формально изложил свою точку зрѣнія: ... "Самая мысль об

отреченіи была мнѣ настолько близка и родственна, что *с перваго момента*, когда только что выяснились... шатаніе, а потом развал власти, я и *мои друзья* сочли этот выход именно тѣм, что слѣдовало искать. Другое соображеніе, которое заставляло на этом остановиться, состояло в том, что при участіи сил, имѣвшихся на фронтѣ и в странѣ, в случаѣ, если бы не состоялось добровольное отреченіе, можно было опасаться гражданской войны... Всѣ эти соображенія с самаго перваго момента, с 27-28 февраля, привели меня к убѣжденію, что нужно, во что бы то ни стало, добиться отреченія Государя, и тогда же в думском комитетѣ я поднял этот вопрос и настаивал на том, чтобы предсѣдатель Думы Родзянко взял на себя эту задачу[65]... Был момент, когда рѣшено было, что Родзянко примет на себя эту миссію, но затѣм нѣкоторыя обстоятельства помѣшали. Тогда 1 марта в думском комитетѣ я заявил, что, будучи убѣжден в необходимости этого шага, я рѣшил его предпринять, во что бы то ни стало и, если мнѣ не будут даны полномочія от думскаго комитета, я готов сдѣлать это за свой страх и риск, поѣду, как политическій дѣятель, как русскій человек, и буду совѣтовать и настаивать, чтобы этот шаг был

сдѣлан. *Полномочія были мнѣ даны...* Я знал, что со стороны нѣкоторых кругов, стоящих на болѣе крайнем флангѣ, чѣм думскій комитет, вопрос о добровольном отреченіи, вопрос о тѣх новых формах, в которых вылилась бы верховная власть я будущем, и вопрос о попытках воздѣйствія на верховную власть встрѣтят отрицательное отношеніе".

Из осторожных и нѣсколько уклончивых показаній Гучкова перед слѣдственной революціонной комиссіей слѣдует, что автор показаній ночью с 1-го на 2-е марта, дѣйствительно, как бы форсировал вопрос и добился рѣшенія о поѣздкѣ в Псков за отреченіем, будучи заранѣе увѣрен в противодѣйствіи со стороны совѣтских кругов. Как-будто бы это своего рода *coup d'état* в момент не окончившихся еще переговоров. Так и выходит под пером Шульгина. "Кажется в четвертом часу ночи вторично пріѣхал Гучков". — рассказывает Шульгин. "Нас был в это время неполный состав... ни Керенскаго, ни Чхеидзе не было. Мы были в своем кругу. И потому Гучков говорил совершенно свободно". "Гучков был сильно разстроен", — рѣчь его Шульгин изображает в излюбленной для себя манерѣ

под стать своим личным позднѣйшим переживаніям. "Надо принять какое-нибудь рѣшеніе", - говорил ("приблизительно") Гучков. "Положеніе ухудшается с каждой минутой. Вяземскаго убили только потому, что офицер[66]... То же самое происходит, конечно, и в других мѣстах. А если не происходит этой ночью, то произойдет завтра... Идучи сюда, я видѣл много офицеров в разных комнатах Гос. Думы они просто спрятались сюда... Они боятся за свою жизнь... Они умоляют спасти их... В этом хаосѣ... надо, прежде всего, думать о том. чтобы спасти монархію... Можем ли мы спокойно и безучастно дожидаться той минуты, когда весь этот революціонный сброд начнет сам искать выход... И сам расправится с монархіей... это неизбежно будет, если мы выпустим инициативу из наших рук..." И Гучков предложил "дѣйствовать тайно и быстро, никого не спрашивая...ни с кѣм не совѣтуясь... Надо поставить их перед совершившимся фактом... Надо дать Россіи новаго государя... Я предлагаю немедленно ѣхать к Государю и провести отреченіе в пользу наслѣдника"... Шульгин вызвался сопровождать Гучкова. По словам Гучкова, он просил послать с ним Шульгина. "Я отлично понимал, излагает послѣдній мотив своего

рѣшенія, — почему я ѣду... Отреченіе должно быть передано в руки монархистов и ради спасенія монарха... Я знал, что офицеров будут убивать за то... что они захотят исполнить свой долг присяги... Надо было, чтобы сам Государь освободил их от присяги. Я знал, что в случаѣ отреченія в наши руки, революціи как бы не будет. Государь отречется от престола по собственному желанію, власть перейдет к Регенту, который назначит новое правительство. Государственная Дума... передаст власть новому правительству. Юридически революціи не будет". Для осуществленія "всякаго иного плана" "нужны были немедленно повиனுющіеся нам штыки, а таковых-то именно и не было".

Вся эта аргументація представляется в большой мѣрѣ придуманной *post factum*. Психологія дѣйствовавших лиц в предразсвѣтные часы 2 марта рисуется значительно проще. В окружавшей обстановкѣ, прежде всего, не было того зловѣще страшнаго, о чем говорят нѣкоторые мемуаристы — напротив, на третій день революціи стал намѣчатся нѣкоторый порядок и успокоеніе в взбаломученном морѣ стихіи. На основаніи фактов,

как увидим, это можно установить с достаточной определенностью. Поэтому инициатор рѣшенія 2 марта о необходимости немедленно добиваться отреченія монарха вовсе не был, повидимому, в том разстроено-паническом состоянїи, как представляет нам мемуарное перо Шульгина, — напр., упоминавшійся выше Мстиславскій, активный член совѣтскаго повстанческаго "штаба", слившася с думской военной комисеіей под общим руководством Гучкова, рисует настроеніе послѣдняго и всего его окруженія из офицеров ген.штаба в критическіе дни 28 февраля и 1 марта "оптимистическим и самоувѣренным". Быть может, такая оцѣнка не так далека от дѣйствительности, — вѣдь надо было обладать большой дозой спокойствія и увѣренности в будущем для того, чтобы в атмосферѣ нависших угроз, о которых говорит Шульгин, руководитель внѣшней обороны революціи мог провести *шесть часов* в уютной обстановкѣ частной квартиры в академической бесѣдѣ о русских финансах, — так рассказывает гр. Коковцев о посѣщенїи его Гучковым в 8 час. вечера 28 февраля а даже "быть может" в рѣшающую ночь перваго марта. Именно самоувѣренность должна была скорѣе побудить Гучкова форсировать в думском

комитетъ вопрос о поѣздкѣ в Псков тогда, когда по позднѣйшему увѣренію Милюкова, нѣсколько персонифицированному, ни у кого уже не было сомнѣнія в том, что Николай II больше царствовать не может. Эта убѣжденность в окончательной формѣ могла, конечно, сложиться под давленіем лѣвых кругов. Отпадала компромиссная тенденція, представителем которой был Родзянко, и очередной становилась проблема отреченія. Естественно, отходила на задній план и кандидатура уступчиваго Родзянко и выдвигалась кандидатура человекѣка, извѣстнаго своим враждебным отношеніем к личности монарха, способнаго дѣйствовать слѣдовательно болѣе рѣшительно и проявить большую настойчивость в достиженіи поставленной цѣли, согласно плану, разработанному им еще до революціи. Возлагались надежды и на отношенія его с представителями верховнаго командованія в арміи. В этой комбинаціи понятно и выдвиженіе монархиста Шульгина, связаннаго с участниками заговора.

Внѣшнія условія (реальныя, а не воображаемыя) поѣздки Гучкова весьма мало подходят к акту, которому приписывают характер *coup d'état*[\[67\]](#) и

который прикрывают пеленой большой таинственности. И это дѣлает не один только Шульгин, показанія котораго, как непосредственного участника псковскаго дѣйствія, заслуживали бы особаго вниманія. Но мемуарист остается вѣрен себѣ. "В пятом часу ночи мы сѣли с Гучковым в автомобиль, который по мрачной Шпалерной, гдѣ нас останавливали какіе-то посты и заставы... довез нас до квартиры Гучкова", — повѣствует Шульгин.... "Там А. И. набросал нѣсколько слов. Этот текст был составлен слабо, а я совершенно был неспособен его улучшить, ибо всѣ силы были на исходѣ". Гучков в своих показаніях засвидѣтельствовал противоположное: "Наканунѣ, — говорил он. — был набросан проект акта отреченія Шульгиным, кажется, он тоже был показал и в комитетѣ (не смѣю этого точно утверждать). Я тоже его просмотрѣл, внес нѣкоторыя поправки". Припомним, как, по словам Стеклова, в ночном собесѣдованіи с совѣтскими делегатами сам Шульгин упоминал, что рука его писала отреченіе [\[68\]](#).

"Чуть сѣрѣло, — продолжаетъ рассказ Шульгин, — когда мы подѣхали к вокзалу. Очевидно, революціонный народ, утомленный подвигами вче-

рашняго дня, еще спал. На вокзалѣ было пусто. Мы прошли к начальнику станціи. А. И. сказал ему: "Я — Гучков. Нам совершенно необходимо по важнѣйшему государственному дѣлу ѣхать в Псков... Прикажете подать нам поѣзд..." Начальник станціи сказал: "Слушаюсь", и двадцать минут спустя поѣзд был подан". Вот это "чуть сѣрѣло" сразу выдает беллетристическое измышление... По свидѣтельству Гучкова "делегаты" думскаго комитета выѣхали в 1 час дня, а по свидѣтельству других официальных лиц из желѣзнодорожнаго міра около 3 часов. (По документу, воспроизводящему разговор по прямому проводу Ставки со штабом Сѣвернаго фронта, можно точно установить, что гучковскій экстренный поѣзд вышел из Петербурга в 2 часа 47 мин.). Любопытно, все для того же Шульгина, что мемуарист забыл даже о том, что он сам в мартѣ 17 года в циркулярном інформаціонном рассказѣ, переданном представителям печати по возвращеніи из Пскова, говорил о выѣздѣ думской "делегации" из Петербурга в 3 часа дня.

Вопреки очевидности версія о "секретной" поѣздкѣ Гучкова и Шульгина утвердилась в литературѣ и стала почти общепринятой не только у

мемуаристов, но и в работах, претендующих на исследовательскій характер. Мы имѣем яркій примѣръ того, как на другой день послѣ событія рождается легенда. Эту легенду сотворили члены обоих политических лагерей, — конечно, по весьма отличным внутренним побужденіям. Для Шидловскаго поѣздка Гучкова так до конца и остается частной антрепризой, предпринятой инициатором ея на свой риск послѣ того, как Родзянко отказался везти проект отреченія в формѣ, якобы предложенной Совѣтом. Неожиданно "пропал куда-то Гучков, назначенный военным министром", — рассказывает Шидловскій. Без военнаго министра было очень трудно принять необходимый мѣры к успокоенію гарнизона, и поэтому "Гучкова искали по всему городу днем с огнем, но отыскать, либо узнать, куда он пропал, не удавалось. Точно также исчез с горизонта и Шульгин. Спустя день обнаружилось, что Гучков с Шульгиным *без вѣдома* временнаго комитета и Совѣта рабочих депутатов умудрились похитить на Варшавском вокзалѣ паровоз и вагон и укатили я Псков, откуда весьма скоро возвратились, привезя с собой подлинный акт отреченія Государя"[\[69\]](#). "Шульгин мнѣ рассказывал, — добавляет мемуарист, — как все произо-

шло".

"Категорически утверждаю, — заявляет с противоположной стороны Суханов, — что Исп. Ком. узнал о поѣздкѣ "только на слѣдующій день", "уже получив акт об отреченіи, не зная, при каких условіях он был подписан, и ничего не подозрѣвая ни о миссіи, ни о поѣздкѣ Гучкова и Шульгина". "Со стороны Гучковых и Милюковых эта поѣздка была не только попыткой «coup d'état», но и предательским нарушеніем нашего фактически состоявшаяся договора. Допустим, вопрос о "третьем пунктѣ", о формѣ правленія оставался открытым до момента формальнаго окончанія переговоров, но, вѣдь, Гучков и Милюков предприняли свой шаг за спиной у Совѣта — в процессѣ самих переговоров..." В официальном докладѣ, сдѣланном Стекловым от имени Исп. Ком. в Совѣщаніи Совѣтов и совпадающем с общей оцѣнкой Суханова, можно найти, однако, рѣшительное противорѣчіе с категорическим утвержденіем, что Исп. Ком. узнал о поѣздкѣ Гучкова лишь "на слѣдующій день". "Мы на этом пунктѣ (т. е. формѣ власти) разстались", — докладывал Стеклов о ночной с 1-го на 2-е-марта. "Мы не поставили ультиматума на

этом пунктѣ по той простой причинѣ, что слишком хорошо знали, что... русскія трудящіяся массы и, вѣроятно, значительная часть русской буржуазіи не будут отстаивать... монархіи... во всяком случаѣ... и не сомнѣвались, что в ближайшіе дни, по мѣрѣ того, как волны русской революціи будут докатываться... до других центров русской жизни... общим кличем русской страны будет демократическая республика" и поэтому..., не добившись от них включенія этого пункта, все-таки могли понимать результат наших переговоров так, что они не предпримут никаких шагов, хотя они... не дали никакого ручательства, но большинство министров, с которыми мы говорили, — так как и на другой день эти переговоры продолжались, — нас завѣрили, что они от этого воздержатся и повлияют и на Милюкова в этом направленіи. Вы можете поэтому представить себѣ, как мы были поражены и возмущены, когда узнали, что Гучков и Шульгин *ьдут* в Ставку, чтобы там заключить с Романовыми какой-то договор... Тут-то наш Совѣт(?) проявил "двоевластіе", ибо дал повелѣніе своим комиссарам остановить поѣзд, который заказали Гучков и Шульгин, и ни в коем случаѣ не допустить их до поѣздки. Должен сказать, к чести рабо-

чаго класса, что именно рабочіе сѣв.-зап. жел. до-
рог первые подняли тревогу, узнав о поѣздкѣ Гуч-
кова и дали знать Исп. Ком.. К сожалѣнію, каким-
то образом эти господа проскочили"...

Тенденція докладчика выступает опредѣленно,
когда он пытается дѣйствія Исп. Ком., которыя, по
утвержденію мемуаристов, были предприняты 1
марта в отношеніи проектировавшейся поѣздки
Родзянко, отнести к осуществленной 2 марта
поѣздкѣ Гучкова и Шульгина. Это "проскочили"
становится общим мѣстом. Если Суханов ограни-
чивается осторожным замѣчаніем. что он не знает,
как поѣздка Гучкова была "организована с техни-
ческой стороны", то остальные мемуаристы того
же политическая круга слѣдуют за Стекловым и
высказываются весьма безапелляціонно: Гучков
"конспиративно, чтобы не сказать обманом, про-
брался в Псков", — утверждает Мстиславскій. То-
гда же сообщали — добавляет Шляпников — что
думскіе посланцы выѣхали "на автомобилях". Вы-
ступавшій в качествѣ историка революціи Чернов,
безоговорочно принимая шульгинскую версію, че-
рез 15 лѣт послѣ событія, говорил, что послы от
Думы "контрабандой проскочили через проволоч-

ныя загражденія революціи". И нѣтъ никому дѣла до того, что неоспоримым фактом является установленное уже документом обстоятельство, что посланцы Времен. Комитета выѣхали не на разсвѣтъ, а днем, не на автомобилѣ, а поѣздом. Французскій посол уже тогда в дневникѣ от 2 марта занес болѣе правдоподобную версію: Гучков и Шульгин выѣхали в 9 часов утра при содѣйствіи инженера, вѣдающаго передвиженіем на жел. дорогах; они получили спеціальній поѣзд, *не возбуди́в недоувѣрія* соціалистических комитетов[70].

Из непосредственнаго свидѣтельства "инженера" мы знаем, что стоявшій под парами экстренный поѣзд ждал выѣзда делегатов "с порученіем особой важности" еще задолго до рѣшенія, принятаго во Врем. Ком. на разсвѣтъ 2 марта. По воспоминаніям Ломоносова все это происходило совершенно открыто и не сопровождалось каким-либо давленіем бдительнаго революціоннаго ока со стороны желѣзнодорожных рабочих или протестом со стороны руководящих кругов Исп. Ком. Напротив, — утверждает, по крайней мѣрѣ, Ломоносов, — дѣло организовывалось как бы по взаимному, даже не молчаливому, соглашенію. И, дѣйстви-

тельно, так выходит, судя по всей внѣшней обстановки, в которой протекала отвѣтственная поѣздка в Псков думских посланцев, и которая была до чрезвычайности далека от какой-либо конспиративной скрытности.

Перед Слѣдственной Комиссіей Гучков показывал, что он телеграфно увѣдомил ген. Рузскаго о своем пріѣздѣ, но для того, чтобы на телеграфѣ не знали о "цѣли" поѣзда, он пояснял, что ѣдет "для переговоров по важному дѣлу, не упоминая, с кѣм эти переговоры должны были вестись" Этот секрет полишинеля не раскрывается в опубликованных документах, т. к. среди них нѣтъ, странным образом, указанной телеграммы, но вся телеграфная переписка Ставки и штаба Сѣверн. фронта не оставляет никакого сомнѣнія в том, что пріѣзд думской делегаціи носил совершенно официальный характер и мотивировался необходимостью непосредственных переговоров с Царем. По дорогѣ Гучков послал другую телеграмму — ген. Иванову, "так как желал встрѣтить его на пути и уговорить не предпринимать никаких попыток к приводу войск в Петроград"[\[71\]](#). Гучков утверждал даже, что "дорогой пришлось нѣсколько раз

обмѣниваться телеграммами". По дорогѣ в Псков, Гучков и Шульгин останавливались в Лугѣ, что привело к значительному запозданію с их прибытіем в Псков. Чѣм же вызвана была такая остановка? Гучков не упомянул об этой остановке в показаніях. Ничего не сказал специально о ней и Шульгин, упоминая о информаціонном разговорѣ по прямому проводу с Ивановым и каких-то остановках на станціях, гдѣ Гучков "иногда говорил короткія рѣчи с площадки вагона... это потому, что иначе нельзя было: во-первых, стояла толпа народа, которая *все знала*... т. е. она знала, что мы ѣдем к Царю... И с ней надо было говорить". Историк и мемуарист каждый по своему будут толковать остановку в Лугѣ "контрабандой" выѣхавших из Петербурга думских посланцев. Ген. Мартынов, автор одной из наиболее цѣнных работ, посвященных февральскому перевороту, на основаніи неизвѣстных нам данных (автор имѣл возможность пользоваться и неопубликованными архивными матеріалами) изображает дѣло так, что делегаты были задержаны на ст. Луга "возставшими рабочими и солдатами", которых "с величайшим трудом удалось убѣдить в том, что поѣздка в Псков не преслѣдует никаких контр-рево-

люціонных цѣлей. Инж. Ломоносов, имѣющій тенденцію преувеличивать реальную опасность, которая грозила "революціи" со стороны продвигавшихся с фронта эшелонов ген. Иванова, — опасность совершенно не эфемерную в обстановкѣ 2 марта, — со слов правительственнаго инспектора Некрасова, который сопровождал гучковскій поѣзд и систематически сносился с центром, задержку в Лугѣ объяснял именно этим опасеніем. Будущій предсѣдатель мѣстнаго совѣта солдатских депутатов ротм. Воронович даст совершенно иную версію. Утром 2-го в 9 час. с экстренным поѣздом из Петербурга прибыл в Лугу по порученію Врем. Комитета член Думы Лебедев в сопровожденіи полк. ген. штаба по фамиліи тоже Лебедев. Эта миссія имѣла задачей наладить порядок в городѣ, организовать мѣстную власть и обезпечить путь слѣдованія Императора в Царское Село. Лебедев объявил, что "через нѣсколько часов из Петрограда выѣдут в Псков члены Думы Гучков и Шульгин, которым поручено вести переговоры с Государем, и результатом этих переговоров явится пріѣзд Государя в Ц. Село, гдѣ будет издан ряд важнѣйших государственных актов". Военный комитет отвѣтил Лебедеву, что "не будучи поставлен в из-

вѣстность относительно истинной цѣли поѣздки Николая II Царское, и не зная, как к этому отнесутся петроградскіе солдаты и рабочіе, он отказывается дать сейчас какія-либо гарантіи". (Ждали возвращенія из Петербурга специально посланнаго за інформаціей делегата). Пытался получить "гарантіи" и прибывшій затѣм Гучков, "болѣе часа" ведшій в "парадных комнатах" вокзала переговоры с представителями временнаго военнаго комитета "Расстроенному упорством комитета Гучкову так и пришлось уѣхать в Псков, не добившись успѣха". Таковы поясненія Вороновича... По тѣм или иным причинам выѣзд делегатов из Луги носил болѣе помпезный характер, нежели это рисовалось в Петербургѣ, — по крайней мѣрѣ ген. Болдырев, занимавшій пост ген.-квартир. штаба Сѣвернаго фронта, в дневникѣ отмѣтил, что Гучков и Шульгин прибыли в Псков в сопровожденіи "5 красногвардейцев" (так Болдырев назвал гучковскую свиту, потому что у них на груди были "красные банты").

Вѣрится с трудом, что совѣтскіе дѣятели в Петербургѣ могли ничего не знать о только что описанном путешествіи думских посланцев вплоть до момента, когда тѣ вернулись из Пскова, но всетаки

предположительно допустим такую возможность. По шульгинской версии, повторенной в записи Палеолога, поѣздка в Псков была рѣшена и организована в отсутствіе членов Врем. Комитета, принадлежавших к социалистической группѣ, т. е. Керенскаго и Чхеидзе. Поэтому особенно важно выслушать Керенскаго, тѣм болѣе, что в "записках" Суханова ставится вопрос: "от чьего имени была организована поѣздка в Псков Гучкова и Шульгина? Если от имени Временнаго Комитета Гос. Думы, то извѣстно ли было о ней его членам Керенскому и Чхеидзе? Если им было об этом извѣстно, то почему не было доведено до свѣдѣнія Исп. Комитета?" Керенскій, как мы знаем из собственнаго его признанія, совершенно не интересовался разговорами во Врем. комитетѣ о формѣ правленія и не трудился даже представлять свои возраженія, так как он ни минуты не думал, что проекты о сохраненіи монархіи могут осуществиться. Поэтому сам по себѣ вопрос о поѣздкѣ Гучкова совершенно исчезает из орбиты вниманія мемуариста. Возможно, что Керенскій в момент, когда рѣшался окончательно вопрос, дѣйствительно, не был в Таврическом дворцѣ, — он отправился (впервые за эти дни) домой, чтобы в иной обстановкѣ наединѣ обсудить во-

прос о своем участіи в правительствѣ [72]. То, что рассказывает Керенскій, еще болѣе запутывает вопрос. Он вспоминает, как "утром" 2 марта случайной, текущей толпѣ, заполнявшей Екатерининскій зал Думы, Милюков объявил о созданіи временнаго правительства и о регентствѣ Мих. Алекс. (О рѣчи Милюкова будет сказано дальше, — необходимо отмѣтить только, что произнесена она была не "утром", как изображает Керенскій, а в 3 часа дня, т. е. в момент, когда экстренный поѣзд Гучкова "прорвался" уже через Гатчину). Заявленіе Милюкова вызвало взрыв негодованія среди демократических элементов Таврическаго дворца. Исп. Ком. поспѣшил собрать внѣочередное собраніе и подвергнуть Керенскаго пристрастному, почти враждебному («des plus hostoles») допросу. Керенскій отказался вступать в дискуссію и ограничился заявленіем, которое и приводится (в кавычках) в воспоминаніях [73]: "Да, такой проект существует, но он никогда не будет реализован. Он не осуществим, и нѣтъ основанія волноваться. Со мной не совѣтовались по вопросу регентства, и я не принимал никакого участія в спорах по этому поводу. В крайнем случаѣ, я могу всегда потребовать от правительства отказа от этого проекта или

принятія моей отставки" ... Тѣм не менѣ Исп. Ком. рѣшил предпринять мѣры для противодѣйствія осуществленію думскаго проекта о регентствѣ. Он пожелал послать собственную делегацію в Псков одновременно с Гучковым и Шульгиным, которая должна была выѣхать в "тот же день [74], а при невозможности это осуществить, лишитъ "наших делегатов", как выражается мемуарист, возможности выѣзда. отказав им я подачѣ поѣзда". Никто из других мемуаристов лѣваго политическаго сектора прямо не упоминает о таком засѣданіи Исп. Ком., и, как мы увидим, в дальнѣйшем к разсказу Керенскаго приходится относиться весьма скептически, насколько он касается перипетій, связанных с поѣздкой в Псков. Перед нами лишь новая форма все той же легендарной версіи. Однако, Керенскій не только не отрицает факта, что он знал о поѣздкѣ Гучкова и Шульгина, но и того, что фактически об этой поѣздкѣ были освѣдомлены представители Исп. Ком. Надо думать, что они были освѣдомлены раньше, ибо из рѣчи Милюкова отнюдь не вытекало сообщеніе. что Гучков выѣхал в Псков или готовится к отѣзду, — вытекало совсѣм другое: "И вот теперь, когда я в этой залѣ говорю, — сказал Милюков, — Гучков на улицах столицы ор-

ганизует нашу побѣду". Керенскій заканчивает свой разсказ лаконическим заявленіем: «*mais. tout finit par s'arranger*».

Что же должны были привезти из Пскова "наши делегаты"? В изложеніи Керенскаго, естественно, это не совсѣм ясно. В то время, когда Гучков давал свои показанія Чр. Сл. Комиссіи, член послѣдней Соколов (тот самый, который вмѣстѣ с Сухановым участвовал в ночных переговорах) пытался Гучкова уличить не то в противорѣчіях, не то в двойной роли, которую он сыграл, проводя послѣ соглашения с Совѣтом свою линію в Псковѣ. В отвѣтъ Гучкова *имѣлось нѣчто существенное*, Гучков утверждал, что, когда он ѣхал в Псков, "самый вопрос о формированіи правительства, самый *момент* формированія не был рѣшен". "Мы стояли между двумя возможностями — или добровольнаго, на извѣстных началах, сохраненія монархіи, провозглашенія какого-то лица будущим государем и между возможностью сверженія и всяких иных политических форм"... "Предполагалось, — показывал Гучков, — рекомендовать Государю назначить только одно лицо, именно предсѣдателя. Лицо это должно договорился с тѣми, кого оно

желает пригласить, а тѣ могут ставить свои условія относительно того, о кѣм они хотят итти и по какой программѣ"... " Я имѣл порученіе от Врем. Ком. дать совѣт Государю назначить предсѣдателем Совѣта министров кн. Львова". Относительно всего остального "были тогда одни предположенія". "При извѣстных комбинаціях, при извѣстных условіях" Гучков соглашался войти в правительство в качествѣ военнаго министра. Вернувшись в Петербург и увидѣв на расклеенных плакатах свою фамилію среди лиц, вошедших в правительство, Гучков был удивлен, ибо для него "это было "неожиданностью",— он думал, что "тот Временный Комитет, тот кружок лиц, который предполагал войти в состав правительства", дождется его "возвращенія итого акта", который он вѣз.

Такою же "неожиданностью" для Гучкова был и "акт соглашенія" между двумя комитетами, вѣрнѣе, та комбинація, при которой Исп. Ком. Совѣта Р. С. Д. являлся одним из рѣшающих "факторов" в строеніи государственной власти... На вопрос Сокколова, как же все это могло быть "неожиданностью", раз Гучков участвовал в совѣщаніи в ночь с

перваго на второе, Гучков отвѣчал: "Условія, которыя легли потом в основаніе, я нашел, когда я вернулся, окончательно скрѣпленными, видѣл их раньше, как проект, но проекты были разные, даже помню, что против нѣкоторых я возражал, но соглашеніе состоялось в моем отсутствіе со 2-го на 3-е, в то время, когда я был в Псковѣ [75]...

"Ваши товарищи по министерству, — продолжал вновь Соколов, — не указывали, что они другого от вас ожидали, что вы привезете отреченіе в пользу наслѣдника... и не высказывали они вам, что этим привозом иного манифеста вы преступили полномочія, данныя вам Времен. Комитетом?" "Члены Комитета нѣт. — пояснял Гучков, — а на совѣщаніи у в. кн. Михаила Алекс. А. Ф. Керенскій мнѣ говорил, что я нарушил *полномочія*, но я заявил, что я мог привезти только тот акт, который мнѣ дали. Этот акт там оставить и ничего не привезти я не считал себя в правѣ" [76].

Не всегда искреннія, сознательно подчас уклончивыя, не всегда вполнѣ точныя показанія Гучкова тѣм не менѣе довольно опредѣленно рисуют задачи, которыя возлагались на посланцев Врем. Комитета, Одна дошедшая до нас посторонняя за-

пись отчетливо вскрывает подноготную, которую в революціонное время, подлаживаясь под господствующей тон, современники затушевывали. 14 іюля в. кн. Андрей Влад. занес в дневник подробный разсказ о "псковской трагедіи", выслушанный им в теченіе четырех часов непосредственно в Кисловдскѣ от ген. Рузскаго. Разсказ заканчивается упоминаніем о рѣчи, произнесенной Гучковым перед "толпой", собравшейся у царскаго вагона послѣ подписанія манифеста об отреченіи, Гучков будто бы сказал: "Господа, успокойтесь, Государь дал больше, нежели мы желали". "Вот эти слова Гучкова остались для меня совершенно непонятными", — добавлял Рузскій: Ёхали ли они с цѣлью просить об отвѣтственном министерствѣ или отреченіи, я так и не знаю. Никаких документов они с собой не привезли, ни удостовѣренія, что они дѣйствуют по порученію Гос. Думы, ни проекта об отреченіи. Рѣшительно никаких документов я в их руках не видѣл. Если они ёхали просить об отреченіи и получили его, то незачѣм Гучкову было говорить, что они получили больше, нежели ожидали. Я думаю..., что *они оба на отреченіе не расчитывали*", Свидѣтели слишком часто передают слышанное не точно. Безого-

ворочно, конечно, нельзя принимать запись Ан. Вл. сообщающую как бы во второй инстанціи то, что говорил Гучков в Псковѣ[77]. Но смысл сдѣланнаго им завѣренія представляется соотвѣтствующим дѣйствительности. Миссія от думскаго комитета носила двойственный характер: Гучков и Шульгин должны были добиваться отреченія, но, очевидно, допускалась возможность и иного исхода в неопредѣлившейся еще окончательно обстановкѣ. До послѣдняго момента перед выѣздом Гучкова позиція Временнаго Комитета была колеблющаяся, но и в лѣвом секторѣ далеко еще неясен был путь, по которому твердо надлежало итти. Много позже в некрологѣ, посвященном Милюкову и напечатанном в 5 кн. американскаго "Новаго Журнала", Керенскій изобразил Гучкова специальным делегатом, который был послан в Псков Временным Правительством. Это уже идет совсѣм наперекор тому, что было.

* * *

Противорѣчія, которыми полны показанія людей, примыкавших к лѣвой общественности, скорѣе доказывают, что руководящее ядро Исп.

Комитета в той или иной мѣрѣ было освѣдомлено о поѣздкѣ думскихъ делегатовъ и отнюдь ей активно не противодѣйствовало. Можно сказать, что оно *молчаливымъ признаніемъ, в сущности, санкціонировало компромиссный план и тактику, намѣтившуюся во Времен. Комитетѣ.* Только в такой концепціи можно попятъ однородныя утвержденія у мемуаристовъ, принадлежащихъ к разнымъ общественнымъ формаціямъ, о соглашеніи, которое было установлено в теченіе дня перваго марта между думскими и совѣтскими кругами. Формальную исторію переговоровъ, т. е. официальную ихъ сторону, повидимому, довольно точно передал Сухановъ. К утру 2 марта они не были закончены, и намъ предстоитъ еще к нимъ вернуться. За кулисами шли частныя разговоры, и этотъ обмѣнъ мнѣній молва, зарегистрированная в дневникахъ и воспоминаніяхъ, выдавала за принятыя рѣшенія. Такъ, французскій посолъ, связанный с либеральными кругами и оттуда черпавшій свои информации, под четвергомъ 2 марта помѣчаетъ: "Исполнительные Комитеты Думы 'и Совѣта депутатовъ рабочихъ согласились на слѣдующихъ пунктахъ:

1. Отреченіе Императора,

2. Возведете на престол Цесаревича,
3. Регентство в. кн. Михаила, брата Императора,
4. Созданіе отвѣтственнаго министерства,
5. Учредительное Собраніе, избранное всеобщимъ голосованіемъ.
- 6 Равенство народовъ передъ закономъ".

Ломоносов со словъ все того же Рулевскаго, сообщавшаяся по телефону с "друзьями" из Совѣта, говорит о вечерѣ перваго марта: "весь в Думѣ.. спор... шел о том, что дѣлать: предлагали низложеніе, отреченіе или внушеніе, т. е. заточеніе Царицы и назначеніе отвѣтственнаго министерства Остановились на среднем". Припомним записку Гиппиус, помѣченную "8 часовъ", о том, как "развертывается., историческое двуглавое засѣданіе": "начало засѣданія теряется в прошлом, не видѣн и конец; очевидно, будетъ всю ночь". Вот почему 3 марта, когда стало извѣстно отреченіе Царя, и когда Суханов сдѣлал "внѣочередное" сообщеніе и передал, по его словамъ, в Исп. Ком., полученную им от доктора Манухина информацію о поѣздкѣ Гучкова в Псков, которая была организована за "спиной" Совѣта думскимъ комитетомъ, "особаго значенія это-

му дѣлу никто не придавал" и "официальнаго обсуждения никто не потребовал". Вот почему в то время никому "не пришло в голову" вмѣнить в вину членам президіума Совѣта, состоявшим одновременно и членами думскаго комитета, соучастіе в попыткѣ "плутократіи" сохранить я послѣдній момент монархію и династію. Это равнодушіе Суханов старается объяснить тѣм, что не стоило уже обращать вниманіе на "хитроумный махинаціи" думских "политиканов", которыя "пошли прахом и разсѣялись, как дым". Явно придуманное искусственное объясненіе, ибо 3 марта, когда Исп. Ком., по словам Суханова, не удѣлил "ни малѣйшаго вниманія самому факту отреченія", им одновременно было внесено постановленіе об арестѣ, отрекшагося от престола императора. Об этом постановленіи, выступающій в качествѣ почти официальнаго историка дѣятельности Исп. Ком в первые дни революціи, мемуарист умолчал.

Ничего подобнаго не могло бы быть, если бы безотвѣтственные закулисные переговоры, неясные, неопредѣленные, противорѣчивые, принимавшіе внѣшне форму какого-то *coup d'état*, были замѣнены с самага начала опредѣленной догово-

ренностью по основному, поставленному революціей вопросу. Можно ли было в дѣйствительности сознательной волей тогдашних политиков соединить двѣ принципиально непримиримыя позиціи? Как-будто бы приходится признать, что принципиальная непримиримость в тѣ дни вовсе не означала тактическаго ригорізма, но дѣятели Совѣта оказались формально не связанными с тѣми переговорами, которые в заключительной стадіи привели к реальному отреченію царствовавшего монарха. Мы должны выяснить теперь, что повліяло на измѣненіе психологіи "верховников" лѣваго сектора, ибо от молчаливаго признанія думской тактики до рѣшенія арестовать носителя верховной власти послѣ благополучнаго завершения компромисснаго плана — дистанція огромнаго размѣра.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ВТОРОЕ МАРТА

І. «Приказ № 1».

2 марта "стихія" начала входить в русло, и в Петербургѣ наступило замѣтное успокоеніе. "В городѣ совершенно тихо, вездѣ флаги. Стрѣльбы уже нѣтъ. Поражает громадное количество людей" — вспоминает Ломоносов, смогшій прервать свою напряженную работу в мин. пут. сообщенія для очереднаго визита к зубному врачу. На улицах "мирно" уничтожают царскія эмблемы (двухглавых орлов), а "дворники подметають", — записывает Гиппиус. "Дисциплина возстанавливается понемногу в войсках. Порядок царит в городѣ", вносит того же числа в свой дневник французскій посол. На улицах, если не исчезают индивидуумы, вооруженные с головы до нот — саблей, винтовкой, револьвером, ручными бомбами, с перекинутой через плечо пулеметной лентой, то эта "модная" форма одежды стоит уже на грани превращенія в сюжет для революціонной каррикатуры, как и гарцующіе на улицах всадники на дрессированных ло-

шадях, реквизируемых в циркъ Чинизелли .

В этом успокоеніи, несомнѣнно, значительную роль сыграла инициатива совѣтскихъ круговъ. Отсюда былъ дан толчекъ организаціи на мѣстахъ столичнаго населенія и гражданской милиціи, — "милиціи младенцевъ", какъ назвалъ ее одинъ изъ ея руководителей, такъ какъ наряду со студенческой и рабочей молодежью записывались и скауты 10-15 лѣт. Сдѣлавшись 28-го неожиданно для себя комиссаромъ Петербургской стороны, по предложенію членовъ Исп. Ком. Совѣта, одинъ изъ редакторовъ "Русскаго Богатства", Пѣшехоновъ, счелъ "необходимымъ зайти въ Исп. Ком. Гос. Думы, чтобы получить отъ него полномочія". Писателю пришлось бесѣдовать съ Милюковымъ, и онъ вынесъ впечатлѣніе, что въ думскомъ Комитетѣ вопросъ объ организаціи власти на мѣстахъ даже не поднимался "Для меня все яснѣе становилось, что Совѣтъ Р. Д. рѣшительно опережаетъ думскій комитетъ", — таково тогдашнее заключеніе мемуариста: ужъ в 4 часа въ ночь на 28-ое Исп. Ком. приступилъ къ организаціи районныхъ комитетовъ. При наличности Думскаго Комитета въ Петербургѣ не могло создаться центрального объединенія на подобіе тѣхъ комитетовъ обществен-

ных организацій, в состав которых входили совѣтскіе представители, как одна из составных частей, и в руки которых в других городах фактически перешла власть в первые дни революціи. Так с перваго дня на столичной периферіи создалось своего рода двоевластіе, перешедшее очень скоро к полной административной, почти анекдотической неразберихѣ, когда всякаго рода самочинные "гражданскіе" и иные районные комитеты с их комендантами и комиссарами проявляли "сепаратистскія" вольности. Но в первые дни "комиссаріат" на Петербургской сторонѣ, созданный в цѣлях "водворить здѣсь свободу и установить народную власть", как видно из ярких воспоминаній его руководителя, имѣл огромное сдерживающее и организующее начало, ибо "праздничное, даже ликующее настроеніе" в массѣ при пароксизмѣ "сомнѣнія, тревоги и страха" само по себѣ вовсе не гарантировало ещё эксцесов. Не стоит говорить о возможных послѣдствіях той "неслыханной" свободы, которая водворилась для "преступнаго міра" с открытіем тюремных дверей[78].

Вопреки распространенному представленію в тѣ дни для столичной солдатской массы имѣл умиро-

творяющее значеніе и пресловутый "приказ № 1". "Утром 2 марта (т. е. в то самое утро, когда на улицах и в казармах стал извѣстен "Приказ № 1" и со-здалась в изображеніи Шульгина и его единомышленников сгущенная атмосфера "убійств") офицеры свободно могли появляться на улицах" — свидѣтельствуеет на основаніи непосредственного наблюденія Набоков, подчеркивавшій в воспоминаніях, что выходить с утра 28-го на улицу в офицерской формѣ стало опасно. Но в первые два-три дня эта опасность все же была относительна — не смерть витала, конечно, над тѣм, кто носил офицерскую форму, а ему грозило насильственное разоруженіе со стороны возбужденной толпы. Что может быть нагляднѣе показаній командира 82 пѣх. Дагестанскаго полка, барона Радека, офиціально доносившаго 1 марта нач. Штаба верх. главноком. Алексѣеву о перипетіях, им пережитых 28 фев. в Петербургѣ, когда он возвращался из отпуска. Толпа хотѣла разоружить его на Балтійском вокзалѣ, но оставила, как только узнала, что он ѣдет на фронт. Барон с Балтійскаго вокзала пошел пѣшком на Царскосельскій и в донесеніи со-общал, что "по дорогѣ... солдаты честь отдавали, хотя не всѣ. а чернь угрожала и старалась напу-

гать, стрѣляя через голову на воздух". Командир Дагестанскаго полка был офицером, враждебно относившимся к революціи, и держал себя, пожалуй, в толпѣ даже вызывающе. На вокзалѣ, — писал он в рапортѣ, — "на предложеніе ѣхать в Гос. Думу, гдѣ засѣдал какой-то комитет, узурпировавшій власть и называвшій себя Временным Правительством, я, конечно, отказался".

Так было в разгар солдатскаго мятежа[79]. Конечно, были насилія, были убійства и в Петербургѣ. Но могут ли отдѣльные эксцессы свидѣтельствовать о специфической атмосферѣ убійств, которая создалась в первые дни революціи? Общій колорит эпохи настолько очевиден и ясен, что испытываешь нѣкоторое чувство неловкости за озлобленіе мемуариста, который в своих личных переживаніях стремится изобразить перед потомством дѣйствительность в сугубо мрачных тонах. Он возводит клевету на тогдашнюю современность — она была очень далека от фанатичной проповѣди своего рода "варфоломеевской ночи". Трудно случайной статистикой что-либо доказать. В свое время в статистическом отдѣлѣ петербургскаго комитета союза городов был составлен спи-

сок "пострадавших" в дни февральско-мартовской революціи. Данныя тогда же были опубликовали в газетах с указаніем, что они были собраны студенческой организаціей союза. Основаніем для составленія списка послужили свѣдѣнія, доставленныя из больниц и лазаретов. Немало пострадавших в такую регистрацію, понятно, не было включено. Ген. Мартынов, пользовавшійся архивным матеріалом Чр. Сл. Ком., куда эти данныя были представлены, приводит Цифру 1.315 пострадавших (убитых и раненых)[80]. Распредѣляется это число так: офицеров 53, солдат 602, чинов полиціи 73, граждан обоого пола 587. Сколько среди них было убитых, мы не знаем. Число "жертв революціи" (их было по официальной статистикѣ 181), торжественно похороненных 23 марта на Марсовом полѣ, ничего не говорит, ибо это была революціонная демонстрація, мало считавшаяся с реальностью[81]. Запись Гиппиус 7 марта, говорящая об "уродливом" копаніи могил для "гражданскаго там хороненія собранных трупов, державшихся в ожиданіи", повидимому, не очень далека от дѣйствительности[82]. Сколько среди этого неизвѣстнаго количества убитых погибло от шальной "революціонной" пули в дни бессмысленной уличной

перестрѣлки, носившей или демонстративный характер, или вызванной паникой, неумѣніем обращаться с оружіем, а нерѣдко служившей забавой подростков? Мы этого никогда не узнаем. Шкловскій, непосредственный участник революціонных дѣйствій, убѣжден, что большинство погибших надо отнести к числу случайных жертв. Конечно, воспріятія современников были крайне субъективны, — напр., ген. Селиванов на фронтѣ заносил в дневник со слов письма от "Тамуси": "в газетах не было /того, что было на дѣлѣ. Ужасно! Вот вам и свобода печати и слова".

Поскольку мы можем признать относительную цѣнность приведенной статистики, поскольку приходится заключить, что она опровергает граничащая с инсинуаціей сужденія мемуаристов, пытающихся подчас сознательно каким-то кровавым туманом окутать первые дни февральской революціи. Как ни далека была от уличной жизни придворная дама Нарышкина, все же она не могла бы написать в свой дневник 28-го: на улицах полный порядок, нигдѣ ни малѣйшаго насилія. Не только люди в "офицерской формѣ", но и люди в ненавистном массѣ полицейском мундирѣ не под-

вергались на улицах Петербурга жестокой расправѣ в дни "солдатскаго бунта". Когда бывший член Гос. Думы Бородин (к. д.) в день десятилѣтія революціи вспоминал в нью-іоркском "Новом Русском Словѣ", как "полицейских безпощадно убивали в участках и на улицѣ", его память, быть может, и бессознательно воспроизводила под напором послѣдующих переживаній нѣчто такое, что было очень далеко от дѣйствительности — слишком разительна была та цифра — 70, которую давала "статистика". Наблюдавшіе уличную толпу, реально отмѣчают нам "озлобленность" против полицейских в моменты, когда обнаруживалась стрѣльба с крыш из пулеметов (воображаемых), или когда ловили переряженных "фараонов". На этих расправах особо останавливается в своих воспоминаніях бар. Врангель (отец); ряженые городовые, — по его словам, — становились "гипнозом, форменным сумасшествіем" толпы, их ловили и убивали, принимая подчас бѣднаго трубочиста с метлой за коварнаго и хитроумнаго фараона. Но, — должен отмѣтить мемуарист, — очень скоро интерес к городовым пропал.

В Петербургѣ, гдѣ происходили уличныя столк-

новенія, неизбѣжно эксцессов было больше, нежели там, гдѣ переворот по инерціи совершался в мирном порядкѣ, и в силу этого носил характер переворота, дѣйствительно, безкровнаго. Таков, однако, был характер революціи почти по всей Россіи, и он опредѣляет собой общее настроеніе в гораздо большей степени, чѣм отдѣльные, всегда возможные эксцессы; как передавал корреспондент "Русских Вѣдомостей.", в Кіевѣ говорили, что в революціонные дни в городѣ погиб всего один человек, да и тот из мѣди (памятник. Столыпину)[83]. Убіиства офицеров в Петербургѣ были единичными случаями. Этот факт тогда же отмѣтил французскій генерал Лавери в донесеніи шефу своей военной миссіи в Ставкѣ ген. Женену (донесеніе 28-го помѣченное 1 / час. дня). Черным пятном на революціи остаются происшедшія в специфической обстановкѣ трагическія событія в Кронштадтѣ и Гельсингфорсѣ: по официальным приблизительным данным в Кронштадтѣ погибло около 60 офицеров, в Гельсингфорсѣ 39 (этих событій мы еще коснемся в другом контекстѣ).

Для того, чтобы понять психологію эксцессов, в сущности надлежит разслѣдовать каждый случай

в отдѣльности, ибо подчас вовсе не "офицерскій мундир" сам по себѣ, а случайно сопутствующія обстоятельства приводили переменчивую в настроеніях толпу к эксцессу... Никакой "правильной, организованной облавы" на офицеров, конечно, не было (утвержденіе Врангеля-отца). Среди таких случайных причин едва ли не на первом мѣстѣ надо поставить злостную провокацію. В революціонной толпѣ, вѣроятно, шныряло немало "озлобленных, мстительных людей", пытавшихся сдѣлать ставку на разнуздываніе стихіи (это отмѣчает Петрищев). Их пропаганда успѣха не имѣла, преломляясь в миролюбивом скорѣе настроеніи толпы. Есть и еще нѣкоторая особенность и этих первых эксцессах против офицеров, специально отмѣченная адм. Колчаком в телеграммѣ Алексѣеву 6 марта. В Черноморском флотѣ было спокойно: "только на нѣкоторых кораблях, — сообщал Колчак. — существует движеніе против офицеров, носящих нѣмецкую фамилію". Эту особенность надлежит отмѣтить и в отношеніи Петербурга. Ген. Врангель, прибывшій в началѣ марта в Петербург, упоминает среди "жертв обезумѣвшей толпы и солдат" нѣсколько своих знакомых: "престарѣлый гр. Штакельберг, бывшій

командир Кавалергардскаго полка гр. Менгден, лейб-гусар гр. Клейнмихель"... Послѣдніе два были убиты в Лугѣ своими же солдатами запасных частей гвардейской кавалеріи[84].

Трудно не увидать здѣсь проявленіе рикошетом в примитивной, грубой формѣ революціоннаго эксцесса той псевдонаціоналистической пропаганды, которая в атмосферѣ военнаго психоза родилась в предреволюціонное время, нервируя массы, распространяя фантастическіе слухи о предательствѣ и измѣнѣ даже в царской семьѣ. Надо призадуматься еще над тѣм, кто является подлинным виновником рожденія чреватой по своим послѣдствіям легенды "о генералах-измѣнниках" (см. мои книги "Легенда о сепаратном мирѣ" и "На путях к дворцовому перевороту"). С 1 марта нельзя зарегистрировать ни одного факта убійства "офицера" в столичном градѣ Петра. Это само за себя уже говорит. Показательно и то, что в тѣх немногих случаях, которые могут быть зарегистрированы, месть почти всегда производилась выстрѣлом неизвѣстнаго "из толпы".

Конечно, никакой непроходимой попасти между офицером и солдатом на исходѣ третьяго года

войны не было. Много ненормального оставалось в быту, порожденном сословными перегородками старого режима) но совершенно неизбежно взаимное общение в окопных бивуаках и изменение, демократизация состава низшего командования смягчали искусственно устанавливаемую разнь. Но условия, в которых произошла революция, когда солдатская масса почти всегда выступала без офицерского состава, совершенно естественно порождали недоверие к настроениям верхнего слоя армии — что в значительной степени вытекало при неуверенности еще за будущее из страха ответственности за содеянное. Этот безотчетный страх "ответственности" спаивал до некоторой степени массу и заставлял ее держаться за коллектив. Пешехонов рассказывает, какія огромныя трудности предстали перед ним, как комиссаром Петербургской стороны, когда из Ораниенбаума 28-го пришел в столицу "дѣлать революцію" второй пулеметный полк и потребовал отвода себѣ помѣщения. Солдат было... 16 тысяч. "До нельзя испуганные, чуть не в паникѣ, они ужасно боялись расправы, которая может их постигнуть за то, что они надѣлали", я потому требовали "помѣстить их и одном мѣстѣ" [85]. Их помѣстили в знаменитом

Народном Домѣ, Вся масса производила впечатлѣніе "потревоженнаго улья", — солдатам казалось, что их с умыслом завели в стоящее особняком помѣщеніе, гдѣ их могут взорвать или иначе как-нибудь уничтожить. Офицерам была отведена небольшая комната, гдѣ они должны были проводить все время, оставаясь в сущности под арестом. Через образовавшійся полковой комитет комиссар убѣдил полк вернуться в Ораніенбаум, если будет "такой приказ от Совѣта". Но получить "такой приказ" оказалось не так легко, ибо "революціонныя войска не могут быть выводимы из Петрограда и должны оставаться здѣсь, чтобы защищать завоеванія революціи", — сказали в Исп. Ком. Пѣшехову, а нѣкоторым в его просьбѣ почудилась даже "контр-революціонная затѣя"....

Такова была психологическая обстановка, и поэтому первая же попытка от имени Временнаго Комитета ввести стихію в опредѣленныя рамки вызвала нѣкоторое волненіе в гарнизонѣ. За подписью Родзянко был выпущен "приказ" по поискам, в котором предписывалось всѣм отдѣльным нижним чинам и воинским частям немедленно возвратиться в свои казармы, всѣм офицерским

чинам явиться в свои части и принять всѣ мѣры к водворенію порядка. Командиры частей вызывались в Гос. Думу к 11 час. утра 28-го для получения распоряженій. Тогдашній предсѣдатель военной комиссіи, состоявшей формально при Временном Комитетѣ и фактически объединявшей представителей обоих политических секторов, полк. Энгельгардт в воспоминаніях, напечатанных в бурцевском "Общем Дѣлѣ", говорит, что "приказ" Родзянко не появился, так как, был захвачен в типографіи и уничтожен рабочими, увидѣвшими в "желаніи ввести солдат в рамки дисциплины и порядка" — попытку "пріостановить, даже задушить, начавшуюся революцію". Надо думать, что "приказ" в том или ином видѣ все же был опубликован [86].

Офицеры стали появляться в своих частях, командный состав возвращался на посты, воинскія части дефилируют с утра 28-го в Гос. Думѣ, выражая свою вѣрность новому порядку и т. д. Представители Временнаго Комитета говорили успокоительныя рѣчи, призывая солдат слушаться офицеров: без начальников воинская часть превращается в толпу, которая неспособна выступить организованно и содѣйствовать водворенію порядка — убѣждали Родзянко, Милюков и др. Но о каких

офицерах шла рѣчь? Только о тѣх, конечно, которые дѣйствуют в "согласіи с Гос. Думой". Пока еще трудно при отсутствіи систематически опубликованнаго матеріала, без спеціальных архивных изысканій представить себѣ бытовую жизнь воинских частей в первые дни этого переходнаго періода. В соотвѣтствіи со всеобщим хаосом нѣчто хаотическое было и здѣсь. В однѣх частях сохранялся старый командный состав, в других военная комиссія сама назначала во временное командование кого-либо из наличнаго состава офицеров (напр., в Волынском полку — приказом Энгельгардта, помѣченным 8 ч. 30 м. утра 28-го командование вручено было двум прапорщикам), в третьих происходили выборы. Не всегда это было самозванным дѣйствіем образующейся солдатской вольницы в обстановкѣ "мятежнаго движенія". Найдите своих офицеров, которые стоят под командой Гос. Думы, и сами встаньте под их команду — рекомендовал 28-го не кто иной, как Милюков, лейб-гренадерам (по отчету "Извѣстій" Комитета Журналистов).

Как будто бы дѣло шло к мирному разрѣшенію с того момента, как около 2 час он 28-го самоликви-

дировались сосредоточенныя в Адмиралтействѣ "вѣрныя части", которыми располагала еще существовавшая военная правительственная власть. Их было немного по официальным данным: 600 чел. пѣхоты, 500 кавалеріи, 15 пулеметов, 12 орудій при 80 патронах. Символом завершения этого процесса могла служить резолюція многолюднѣйшаго — "нѣсколько тысяч" — собранія офицеров утром 1 марта в помѣщеніи "Арміи и Флота", единогласно признававшая власть Исп. Ком. Гос. Думы "впредь до созыва Учредительнаго Собранія[87]. В тот же день около 4 час. произошло демонстративное присоединеніе к Гос. Думѣ от имени Гвардейскаго Экипажа в. кн. Кирилла, обратившаяся перед тѣм с аналогичным призывом к начальникам Царскосельскаго гарнизона, послѣ чего дворцовая полиція, царскій конвой, собственный Е. В. сводный полк и желѣзнодорожники послали в Таврической дворец своих представителей с заявленіем о переходѣ на сторону новаго правительства. Под звуки Марсельезы с красными флагами, по утвержденію коменданта Таврическаго дворца Перетца, в Думу прибыл и жандармскій дивизион...

Итак, на петербургском небосклонѣ не было ви-

димой пелены контр-революціонных настроеній, а по утвержденію арестованной престарѣлой гр. Клейнмихель, находившейся в Таврическом дворцѣ в момент великокняжеской демонстраціи, "революціонная осанка" представителя императорской фамиліи даже "восхищала" солдат[88]. Но... "тут вдруг посыпались фантастическія, непонятныя извѣстія из цѣлаго ряда полков, — вспоминает Энгельгардт, — о том, что офицеры запирают солдат в казармах, отбирают оружіе, заставляют присягать на вѣрность старому порядку. Был отправлен ген. штаба полк. Балобан в Егерскій полк, чтобы выяснитъ там положеніе вещей, кор. Гуровскій и еще нѣсколько офицеров отправились в другіе полки для провѣрки свѣдѣній и для успокоенія солдат". Посланные принесли успокоительныя извѣстія, но "с другой стороны, ко мнѣ попрежнему прибѣгали солдаты, взволнованные и, видимо, убѣжденные, докладывали о контр-революціонных выступленіях офицеров... Было несомнѣнно, что тут была типичная провокація, и что провокація имѣла успѣх". Энгельгардт доложил думскому комитету о распространившихся слухах я о возможных эксцессах (мемуарист относит свое сообщеніе на вечер 1 марта), и было рѣшено для

успокоенія солдат издать приказ о недопустимости отбиранія у них оружія. Упомянув о слухах, которые были провѣрены и оказались ложными, временный командующій революціонной арміей объявил, что "будут приняты самыя рѣшительныя мѣры к недопущенію подобных дѣйствій, *вплоть до разстрѣлов*"... Очень знаменательно, что угроза "разстрѣлом" раздалась впервые со стороны Временнаго Комитета[89]. Она свидѣтельствовала о той неизбѣжной двойственности, которой отмѣчалась дѣятельность военной Комиссіи — с одной стороны, попытка внести успокоеніе, с другой — нервный страх перед неликвидированными еще силами стараго порядка.

Были ли какія-нибудь основанія для распространившихся слухов, была ли это "провокація" или просто у страха глаза были велики? Стоит взглянуть в опубликованную неполную серію входящих и исходящих бумаг Военной Комиссіи за 28 февраля для того, чтобы воочию себѣ представить фантастическіе слухи, распространявшіеся по городу и волновавшіе гарнизон. Отовсюду поступают частныя свѣдѣнія о больших полицейских засадах в тѣх или иных домах, о воображаемых пуле-

метах на крышах, о таинственных "черных автомобилях", разъѣзжающих ночью по улицам и разстрѣливающих прохожих, — свѣдѣнія, которыя подчас сопровождаются лаконическими помѣтками: "невѣрныя свѣдѣнія", "не оправдалось". Один из "караулов" доносит на основаніи свѣдѣній, доставленных "частными лицами", что в Академіи Ген. Штаба "собралось около 300 офицеров, вооруженных пулеметами, с цѣлью нападенія на Таврической дворец", от студентов с Балтійскаго вокзала поступают из "достоверных источников" свѣдѣнія о продвиженіи с фронта "36 эшелонов в Царское Село", из сапернаго батальона сообщают о прибытіи в Зимній дворец артиллеріи из Царскаго Села с 12-дюймовыми орудіями и т. д.

Среди подобных слухов могли быть и слухи, вовсе не провокаціонные о попытках разоруженія. Трудно, однако, представить себѣ, чтобы в обстановкѣ 28-го, а тѣм болѣе перваго, подобные случаи реально могли имѣть мѣсто. Современники не зафиксировали ни одного конкретнаго случая, и послѣдующія сообщенія повторяют лишь голословныя предположенія, высказанныя Стендовым 30-го марта: "нѣкоторые офицеры, очевидно, сторон-

ники стараго режима, начали разоружать солдат". При этом произошли эксцессы. Слухи в гораздо большей степени могли возникнуть в связи с отдѣльными распоряженіями военной комиссіи, имѣвшими цѣлью "возстановленіе порядка". Не надо забывать, что это был лишь второй день революціи, а для периферіи в сущности первый [90]. В то время, как думскіе представители в Таврическом дворцѣ, призывая солдатскія команды сорганизоваться и объединиться с офицерами под думским флагом, указывали на опасность, которая грозит еще революціи, военная комиссія или отдѣльные ея представители одновременно разсылали "приказанія" в родѣ того, которое было дано, напр., прап. Пикоку, адъютанту квартировавшаго в Красном Селѣ полка ("приказаніе" от 1 марта за подписью Энгельгардта): предписывалось передать "нижним чинам", оставшимся в Красном, чтобы они "никуда из расположенія полка не двигались и с особым усердіем немедленно приступили бы к занятіям". Такія "приказанія" могли быть в это время цѣлесообразными в отношеніи таких привилегированных военно-учебных заведеній, как пажескій корпус ("приказаніе" 28 фев.) и нѣкоторыя военныя училища (которым не вполнѣ

довѣряли)[\[91\]](#), — учебныя занятія "в полном нормальном порядкѣ" спасали училища от возможных эксцессов. Совсѣм по иному подобные приказы в "разгарѣ возстанія" могли отлагаться в солдатской психикѣ, — особенно, если они не совсѣм удачно формулировались в привычных терминах полицейскаго режима; напр., "дозорам", назначенным от Преображенскаго полка, 1 марта вмѣнялось в обязанность "разгонять различныя сборища на улицах" (приказ командира батальона "во исполнение распоряженія Временнаго Комитета охраны гор. Петрограда" с помѣткой: "не подлежит оглашенію". В царившем хаосѣ каждый член отдавал (нерѣдко самостоятельно) "приказанія" на различных официальных бланках — отсюда и рѣзкія противорѣчія. Впослѣдствіи военная комиссія в официальном отчетѣ представляла свою дѣятельность вполнѣ послѣдовательной и планомѣрной. Конечно, это было не совсѣм так в первые дни[\[92\]](#).

Расхождение между двумя политическими секторами должно было сказываться в самом подходе к вопросу о "возстановленіи порядка", расхождение, которое Энгельгардт в воспоминаніях опредѣлил так: "говорить нечего, что для консти-

туціоналистов и постепенцев, членов прогрессивнаго блока, дальнѣйшее "углубленіе" революціи уже было не нужно 28 февраля". И тѣм не менѣе я побоялся бы, не нарушая исторической перспективы, рѣзко противопоставить в данном случаѣ политику "думскую" политикѣ "совѣтской", как это дѣлают всѣ мемуаристы лѣваго сектора. Вот примѣр. Анализируя слова, с которыми Милюков 28-го обращался к воинским частям, Суханов отмѣчает проницательность того, кто "не в примѣр своей думской периферіи умѣл смотрѣть в корень" и в "первый же момент революціи", "еще до выясненія позиціи Совѣта", поставил "ребром будущій роковой вопрос о двоевластіи". Милюков, призывая подчиняться единой власти — Временному Комитету — указывал, дѣйствительно, на опасность двоевластія (слова его были воспроизведены в "Извѣстіях" журналистов). Между тѣм, едва ли имѣется сомнѣніе в том, что в своих опасеніях оратор был далек от мысли бросить "яблоко раздора" и отгораживаться от политики Совѣта, о строеніи котораго он был мало освѣдомлен, и который в первые дни не претендовал на власть; говоря о двоевластіи, Милюков имѣл в виду еще не ликвидированную старую власть, — это вытекает

из контекста всѣх его рѣчей. Суханов заключает: "с утра 28-го по всему фронту праваго крыла уже шла атака на гарнизон с кличем: "возвращайтесь спокойно в казармы, подчиняйтесь офицерам, подчиненным Гос. Думѣ и не слушайте никого больше, опасаясь двоевластія". Было ясно "нашему Исп. Ком... предстояло немедленно принять мѣры к постановкѣ агитаціоннаго дѣла... среди гарнизона... и немедленно озаботиться производством выборов во всѣх воинских частях в Совѣт Р. Д.". Итак, послѣдующая совѣтская политика, одним из звеньев которой было изданіе "приказа № 1", изображается в видѣ сознательнаго противодѣйствія политикѣ думской. Согласиться с этим без очень существенных оговорок нельзя. Нѣсколько, быть может, сусально зарисованная картина, на которой изображен член Гос. Думы октябрист свящ. Петров, из вестибюля Таврическаго дворца благословляющій 28 февраля подходящія воинскія части, и соц. дем. Чхеидзе, на колѣнях "с восторгом" цѣлующій, как символ побѣдившей революціи, красное знамя, выхваченное из рук солдат Инженернаго батальона, пришедшаго одним из первых "с офицерами" и "оркестром музыки" (воспоминанія Станкевича) — в большой степени даст

представленіе о подлинном господствовавшем тогда настроеніи...

"Знаменитый приказ Родзянко", изданный "без вѣдома значительной части членов даже думскаго комитета", утверждал Стеклов в докладѣ 30 марта, — привел к эксцессам. "Мы первые скорбили о смертях и насиліях", — говорил Стеклов: "Мы никогда не призывали к кровопролитію и убійствам. Наоборот, всѣм вѣсом своего авторитета мы старались воздѣйствовать против этих эксцессов... Мы не могли не видѣть, что армію толкают на эксцессы, что народ призывают к насилію этим, в лучшем случаѣ, неосторожным политическим актом, неразумность котораго не мог сразу оцѣнить его автор. Я должен сказать, что думскій комитет поспѣшил взять обратно и уничтожить приказ[93], но яблоко раздора было брошено: оказалось, не только революція, но и права солдата не обезпечены, и здѣсь стихійно вылилось... бурное стремленіе солдат как-нибудь оформить свои права". Эксцессы, вызванные "приказом" Родзянко и попытками разоруженія гарнизона (или только "провокаціонными" слухами), остаются неуловимыми и, думается, они должны в большей степени

быть отнесены за счет позднѣйшей придуманной аргументами, объяснявшей тѣ, скорѣе все же единичные факты революціоннаго насилія над отдѣльными офицерами, которые имѣли мѣсто в Петербургѣ в дни 28 февраля и перваго марта. В наличности у гарнизона оставалось напряженное, болѣзненно-взвинченное самочувствіе, всегда грозное в обстановкѣ угрожающей демагогіи, — как бы в преддверіи возможных эксцессов... Нельзя не повѣрить тому, что большинство членов Исп. Ком., как и люди, засѣдавшіе в думском комитетѣ, были чрезвычайно обезпкоены, поступившими из Кронштадта в утренніе часы перваго марта извѣстіями с происходивших там насилія над офицерами. "Кронштадтскія избіенія, — пишет Суханов, — могли вылиться в безудержную и гибельную стихійную бурю". Тогда же было рѣшено в Исп. Ком. немедленно опубликовать воззвание к солдатам с протестом против самосуда, с призывом установить "контакт" между солдатами и офицерами революціонной арміи, с указаніем на присоединеніе офицерской массы к революціи и на безопасность ея для "солдатской вольницы в новых условіях"

В такой атмосферѣ и родился "приказ № 1". "Совѣтскіе" мемуаристы довольно однородно рассказывают, как выработаны были основныя положенія, вошедшія в текст приказа. Происходило это на дневном общем собраніи Совѣта перваго марта, когда Совѣт с учрежденіем "солдатской секціи" превратился в представительство не только рабочих, но и солдатских депутатов. Объединеніе явилось естественным результатом событій и не может быть поставлено в зависимость от какого-то обдуманнаго плана противодѣйствія думской агитаціи, как хочет представить Суханов. Распыленныя солдатскія массы сдѣлались центром событій с момента, когда февральскія рабочія демонстраціи превратились в солдатскій бунт, рѣшившій судьбу стараго политическаго строя. Оставаться дезорганизованными в вихрѣ революціонных событій эти массы, конечно, не могли. По утвержденію Шляпникова, только "послѣ долгаго колебанія" из-за боязни вовлечь армію в "политическую борьбу" и сдѣлать ее тѣм самым "небоееспособной". Исп. Ком. постановил 28-го вечером организовать при Совѣтѣ спеціальную "солдатскую секцію". Не столько настойчивость представителей большевиков, выступавших против ар-

гументами, которая развивалась "в рядах оборонческих групп", сколько жизненная необходимость разрѣшила вопрос.

Совершенно естественно на первом общем собраніи Совѣта с делегатами от воинских частей был поставлен на обсужденіе волновавшій гарнизон "солдатскій" вопрос: о предѣлах компетенціи военной комиссіи, о выдачѣ оружія, об отношеніи к возвращающимся офицерам и т. п. В результатѣ совѣщанія, происходившаго под предсѣдательством вездѣсущаго Соколова, были приняты положенія, формулированныя, занимавшим отнюдь не крайнюю позицію с. д. Кливинским, одним из ближайших сотрудников газеты "День":

1. "немедленно предложить тов. солдатам не выдавать оружія никому.

2. ...немедленно избрать представителей в Совѣт солд. и раб. депутатов по одному на каждую роту.

3. предложить тов. солдатам подчиняться при своих политических выступленіях только Совѣту Р. и С. Д.;

4. предложить тов. солдатам, подчиняясь во фронтѣ офицерам, вмѣстѣ с тѣм считать их внѣ

фронта равноправными гражданами".

Засѣданіе не протекало в атмосферѣ какой-то особой непримиримости и враждебности. Разработка и окончательное редактирование положеній, установленных на совѣщаніи, были поручены комиссіи, куда вошли представители солдат, дополнительно избранные в Исполнительный Комитет. Суханов, мало интересовавшийся тѣм, что дѣлается на безотвѣтственном "митингѣ", каким в его глазах являлось общее собраніе, и занятый, как мы знаем, в это именно время в Исп. Ком. выясненіем основной политической линіи совѣтской демократіи, "лишь проходя" мог наблюдать картину, как писался текст будущаго "приказа № 1"; "за письменным столом сидѣл Н. Д. Соколов и писал. Его со всѣх сторон облѣпили сидѣвшіе, стоявшіе и наваливавшіеся солдаты и не то диктовали, не то подсказывали Соколову то, что он писал". "Приказ этот был в полном смыслѣ продуктом народнаго творчества" — заключает Суханов. Заключение это стало общим мѣстом, и его любили повторять тѣ, кто хотѣл снять отвѣтственность за "приказ № 1" с дѣятелей Исп. Ком. "И если среди всѣх актов Совѣта Р. и С. Д., если среди всѣх документов, но-

сящих подпись Исп. Ком. — докладывал Стеклов в Совѣщаніи Совѣтов, — имѣется какой-либо, который был подлинным творчеством народных масс, то это был приказ № 1, выработанный солдатскими депутатами, пришедшими с улицы и из революціонных казарм; это настолько был акт творчества этих масс, что большинство членов И. К... узнали об этом актѣ, когда он был уже напечатан". И всетаки это, конечно, не совсѣм так — уже потому, что "представители солдат", "товарищи" Садовскій, Падерин, Линде, Кудрявцев и др. (не говоря уже о прис. пов. Соколовѣ, который, по мнѣнію Суханова, был лишь "техническим исполнителем предначертаній самих масс"), были партійными людьми — нѣкоторые из них были враждебны согласительной политикѣ, доминировавшей в руководящем центрѣ Исп. Ком.[\[95\]](#).

Общія "положенія", принятыя в Совѣтѣ, значительно заострились в конкретной формулировки "редакціонной" комиссіи. Вопрос о невыдачѣ оружія был формулирован так: "всякаго рода оружіе... должно находиться в распоряженіи и под контролем ротных и батальонных комитетов и *ни в коем случаѣ не выдаваться офицерам* даже по их

требованиям". Текст о подчиненіи гарнизона Совѣту в политических выступлениях получил добавление: "Приказы военной комиссіи Гос. Думы слѣдует исполнять за исключеніем тѣх случаев, когда они противорѣчат приказам и постановленіям Совѣта Р. и С. Д.". Положеніе о подчиненіи "во фронтѣ офицерам" и о гражданском равноправіи "внѣ фронта" формулировано было слѣдующим образом: "в строю и при отправленіи служебных обязанностей солдаты должны соблюдать строжайшую военную дисциплину, но внѣ службы и строя в своей политической общегражданской и частной жизни солдаты ни в чем не могут быть умалены в правах, коими пользуются всѣ граждане". Пункт этот добавлялся указаніем, что "обязательное отданіе чести внѣ службы отмѣняется"; "равным образом отмѣняется титулованіе офицеров", "воспрещается обращеніе к солдатам на "ты" и т. д. Вводный первый пункт устанавливал немедленное учрежденіе комитетов "из выборных представителей от нижних чинов" "во всѣх ротах, батальонах, полках.,., отдѣльных служб... разнаго рода военных управленіях и на судах военного флота". На этот абзац надлежит обратить особое вниманіе, ибо в послѣдствіи со стороны тѣх, кто в

"приказъ № 1" видѣл первооснову разложенія арміи, шли настойчивыя утвержденія, что приказ устанавливал выборность офицерскаго состава. Нам придется ниже вернуться к "приказу № 1" и давать его оцѣнку по существу в связи с правительственными попытками реформировать уклад арміи. Сейчас болѣе интересна для нас формальная сторона вопроса. Между совѣтскими мемуаристами получилось существенное расхождение в опредѣленіи пути официальнаго прохожденія по инстанціям приказа. Суханов, как и Стеклов, утверждает, что Исп. Ком. познакомился с подлинным содержаніем злополучнаго документа только на другой день из текста, напечатаннаго в "Извѣстіях". По иному излагает, как непосредственный свидѣтель, Шляпников. Он подчеркивает, что члены Исп. Ком. не вмѣшивались в техническую работу редакціонной комиссіи, но по окончаніи работы текст был оглашен Соколовым в Исп. Ком.. Ни одного приципiального возраженія не была представлено, и "той же группѣ товарищей" было предложено провести "приказ" на собраніи Совѣта, еще не разошедшагося, хотя время было "под вечер". Текст был заслушан. "Солдаты были внѣ себя от восторга"... Если даже допу-

стить, что память мемуариста точно и объективно воспроизвела обстановку формального принятія "приказа № 1", все же довольно ясно, что текст был принят в порядкѣ простой митинговой резолюціи и не подвергся предварительному разсмотрѣнію по существу в исполнительном органѣ Совѣта. Этот роковой в нѣкоторых отношеніях документ исторіи революціи прошел фуксом, как и многія другія отвѣтственныя рѣшенія в тѣ дни. Творцы его, загипнотизированные текущей столичной дѣйствительностью, едва ли серьезно задумывались о завтрашнем днѣ. Вѣрно в этом отношеніи опредѣлил суть дѣла ген. Алексѣев на московском августовском государственном совѣщаніи, — он сказал: — "Говорят, что этот акт отвѣчал моменту. Может быть. Но отвѣчал ли он милліонам моментов будущаго, через которые должна пройти наша родина? Безпристрастная исторія в очень скором времени укажет мѣсто и этому акту: явился ли этот акт актом государственнаго недоразумѣнія или актом государственнаго преступленія"...

* * *

Остается открытым, быть может, самый важный

вопрос, — по чьей инициативѣ совѣтской резолюціи была придана внѣшняя форма "приказа", — вѣдь именно это, создав прецедент, оказалось чревато своими послѣдствіями. В воспоминаніях Энгельгардта имѣется чрезвычайно интересное поясненіе, фактическая сторона котораго могла бы быть заподозрѣна в силу очевидных неточностей, если бы в архивных документах Временнаго Комитета не сохранилась аналогичная тогдашняя запись б. предсѣдателя военной комиссіи. Сообщив о своем объявленіи, грозившем разстрѣлами офицерам за контр-революціонныя дѣянія, Энгельгардт продолжает: "Засѣданіе Врем. Ком. продолжалось (дѣло было "поздно вечером"), когда доложили, что явилась депутація от воинских частей петроградскаго гарнизона. Дѣйствительно, собралось человѣк 20-25 солдат, из коих нѣкоторые предъявили удостовѣреніе в том, что они выбраны представителями своих полков[96]. Они единодушно заявили, что солдаты утратили довѣріе к офицерам, которые с первых минут революціи покинули их и заняли неопредѣленную выжидательную позицію. В виду этого пославшіе их части требуют изданія правил *об избраніи офицеров*, представленія солдатам контроля над всѣми хозяй-

ственно-операционными частями и установления новых взаимоотношений между начальниками и нижними чинами[97]. Я поспѣшил сообщить об этом Родзянко и Гучкову[98]. Они самым категорическим образом протестовали против изгнания чего-либо подобнаго и поручили мнѣ так или иначе *спроводить*, прибывшую депутацию, успокоив ее заявленіем, что в ближайшем будущем будет создана особая комиссія... Успокоив этим заявленіем солдат, я вернулся в помещеніе Врем. Ком., гдѣ уже не застал Гучкова, — он отправился на вокзал, чтобы ѣхать в Псков к Царю. Вскорѣ меня вызвали вновь в корридор. Ко мнѣ подошел довольно распущеннаго вида солдат, который отрекомендовался членом Совѣта Р. Д. — "К вам являлись представители цѣлаго ряда частей с просьбой выработать новыя правила воинской дисциплины", — сказал он. "Совѣт Р. Д. очень заинтересован этим вопросом и предлагает Врем. Комитету *разработать его совмѣстно*"[99]. Я возразил ему, что Врем. Ком. Г. Д. находит опубликованіе таких правил недопустимым. "Тѣм лучше", — отвѣтил он мнѣ: — "сами напишем". На слѣдующій день между двумя и четырьмя часами дня на стѣнах Петрограда появился знаменитый "приказ № 1".

Нам нѣтъ необходимости вводить фактическія поправки к изложенію мемуариста, — эти поправки вновь выступают сами собой. Из его повѣствованія мы можем заключить, что Врем. Ком. был достаточно освѣдомлен о происходившем, и поэтому никак нельзя сказать, как это сдѣлал Милюков в "Исторіи революціи", что "как то со стороны и врасплох был подсунут Времен. Ком. Г. Д., поздно вечером 1 марта, текст знаменитаго приказа № 1". Когда Милюков говорил о том, что текст "приказа" был "подсунут" Врем. Ком., он имѣл в виду появленіе того неизвѣстнаго члена Исп. Ком. в "солдатской формѣ", о котором рассказывал Энгельгардт. Почему всетаки мемуаристы, принадлежавшіе к составу Врем. Ком., так упорно говорят о "приказѣ № 1", связывая его с ночным бдѣніем при участіи совѣтских делегатов и в частности с именем Соколова? Может ли это быть отнесено к той только спутанности воспріятія в царившем хаосѣ, которую мы отмѣчали, и которую усилила литературная небрежность мемуарных перьев? Не исключена, конечно, возможность, что Соколов, предсѣдательствовавшій на совѣтском "митингѣ" и редактировавшій текст резолюціи, пытался в той или иной мѣрѣ легализировать полезное с его точ-

ки зрѣнія дѣйствіе Совѣта через членов военной комиссіи.

Вѣдь нельзя же было в дѣйствительности ограничиться только энгельгарттовской угрозой разстрѣла заподозрѣнных в контр-революціонных намѣреніях офицеров и обѣщаніем создать соотвѣтствующую комиссію[100]. Если бы текст "приказа № 1" был разработан совмѣстно, вѣроятно, и формулировка одіозных пунктов получилась бы нѣсколько иная, и издан "приказ", очевидно, был бы не от имени Совѣта. В отрывкѣ воспоминаній, напечатанном еще в 18 г. в самарской газетѣ "Волжскій День", член Врем. Правительства Вл. Львов рассказывал, спутывая всѣ даты и излагая совершенно фантастически содержаніе документа, что Соколов появился на засѣданіи уже образовавшагося правительства вечером 2-го и предлагал издать "приказ" от имени правительства. Думскій Комитет как-то отмахнулся (недаром Энгельгардт употребил слово "спровадить" в отношеніи прибывшей солдатской делегаціи) от той настоятельной потребности откликнуться на взволнованность солдатской массы, которая с очевидностью выступила в ту рѣшающую ночь, когда фак-

тически была опредѣлена судьба изданія "приказа № 1". И тогда "иниціативная" группа произвольно опубликовала "приказ". Весьма вѣроятно, что среди этой иниціативной группы был скорый на руку, не очень вдумчивый, обуреваемый благими намѣреніями "оборонец" из большевиков прис. пов. Соколов, признавшій у Гиппиус (запись 6 марта), что в "бурлящей атмосферѣ" им было "что называется хвачено".

* * *

Может показаться невѣроятным утверждение, что оглашение того "знаменитаго приказа", который по позднѣйшему выраженію Терещенко (на июльском совѣщаніи в Зим. Дворцѣ) являлся "величайшим преступленіем", и о котором другой член Врем. Правит. Верховскій в дневникѣ-исповѣди записал: "будь проклят тот, кто придумал эту гадость"[\[101\]](#), вовсе не произвело впечатлѣнія разорвавшейся бомбы, как утверждает большинство мемуаристов. Потому ли, что в Петербургѣ, гдѣ все уже было "перевернуто вверх ногами", и гдѣ казалась любая цѣна сходной, лишь бы начать приводить "солдатчину" в порядок ("Все

пропало, Армія разлагается", — говорил Станкевич Керенскому); потому ли, что "приказ № 1", по утверждению Керенскаго во французском изданіи его мемуаров, имѣл не больше значенія, чѣм очередные приказы полк. Энгельгардта. У Керенскаго, принимая во вниманіе роль, им сыгранную, имѣется совершенно удивительное признаніе, что с текстом "приказа № 1" он познакомился лишь в декабрѣ 18 г. в Лондонѣ (!!). Характерно, что "Русскія Вѣдомости" даже не отмѣтили его в своей революціонной хроникѣ. "Приказ № 1", другими словами, до нѣкоторой степени был признан отвѣчающим моменту, — в нем не усмотрѣли первой ласточки, предвѣщавшей анархію двоевластія, не очень вдумывались в его содержаніе и форму, в которую он был облечен, и относили скорѣе в область положительной революціонной пропаганды. Французскій журналист Клод Анэ, вращавшійся отнюдь не в совѣтских кругах, мог даже в своем "дневникѣ", воплощенном в корреспонденціи из Петербурга, в весьма преувеличенных тонах написать: если Совѣт предполагает организовать революціонную армію в духѣ этого приказа, мы можем привѣтствовать русскую армію — она пережила кризис. Конечно, члены Врем. Комитета были

очень далеки от того, чтобы вслѣд за французским журналистом привѣтствовать "дух", которым был проникнут "приказ № 1". Они попросту отнеслись к нему спокойно и равнодушно[102]. Поэтому совѣтское выступленіе в теченіе дня 2-го марта никак не отразилось на ходѣ и завершеніи переговоров двух исполнительных комитетов. Не соответствует истинѣ, что Врем. Ком. было сдѣлано распоряженіе считать этот приказ недѣйствительным и незаконным, *как только* до свѣдѣнія Врем. Ком. дошли сообщенія о разсылкѣ "приказа". Уже послѣ фактическаго завершения революціоннаго переворота — этой датой надо считать 3-ье марта или даже слѣдующій день, когда манифесты были опубликованы — в связи с протестом с фронта со стороны высшаго командованія арміей, поднялся вопрос о пересмотрѣ и соответствующем разъясненіи "приказа № 1". Не новое правительство, а председатель Временнаго Комитета послал на фронт разъясненіе, что "приказы" Совѣта не имѣют значенія, так как Совѣт "в составѣ правительства не состоит".

В главѣ о "трагедіи фронта" в связи с вопросом о реформах в арміи, предпринятых революціонной

властью, мы коснемся роковой роли, которую сыграл в психології военной среды "приказ № 1". Быть может, ему приписывали большее значеніе, чѣм он сам по себѣ имѣл в дѣйствительности. Но он стал как бы символом мѣропріятій, разлагавших армію. Отсюда острота, с которой относились в теченіе всей революціи к этому совѣтскому акту и повышенныя требованія к правительству о безоговорочном признаніи его "ошибочным"[\[102\]](#). В петербургской обстановкѣ перваго марта "приказ", дѣйствительно, не мог имѣть разлагающаго вліянія — непосредственное его воздѣйствіе в первый момент имѣло противоположные результаты. Несомнѣнно напряженная атмосфера среди гарнизона сильно смягчилась (эта напряженность значительно была преувеличена современниками). Внѣшнія уличныя наблюденія Набокова могут быть подтверждены и другими свидѣтельствами. Тот же подвижной французскій наблюдатель, слонявшійся по улицам столицы в поисках впечатлѣній, рассказывал в дневникѣ-статьѣ под 5-м марта, как он в сопровожденіи кн. Ливена, адъютанта одного из наиболѣе аристократических полков — кавалергардскаго, — прогуливался по Невскому проспекту, и как большинство встрѣч-

ных солдат, также гулявших в одиночку или группами, салютировали по военному офицера-кавалергарда: "каждый день наблюдается прогресс", — замѣтил своему спутнику кн. Ливен, — "вчера отдавали честь больше, чѣм накануне, а сегодня вы видите сами". Не трудно, конечно, процитировать и показанія иного характера, но они едва ли измѣнят общую картину. Попавшій через нѣсколько дней в город ген. Врангель, рѣзко обвиняющій тѣх офицеров, которые "не побрезгали украсить форменное пальто модным революціонным цвѣтом" и перестарались "трусостью, малодушіем и раболѣпіем перед новыми властителями", утверждает, что он "постоянно ходил по городу пѣшком в генеральской формѣ с вензелями Наслѣдника Цесаревича на погонах... и за все время не имѣл *ни одного столкновенія*". Отдадим должное мужеству ген. Врангеля, но, очевидно, коса в данном случаѣ не находила на камень,— окружающія условія не создавали атмосферы, в которой родятся столкновенія и эксцессы. Так житейски понятно, что люди, подвергшіеся аресту и выпущенные, надѣвали красные банты, что служило для них своего рода иммунитетом.

Не то же ли мы видим внутри казарм? Кн. Мансырев, в качествѣ депутата Думы, посѣтившій 2 марта казармы Петроградскаго и Измайловскаго полков, найдет "настроение солдат вездѣ... хорошее, радостное и дружеское". Он расскажет, как солдаты вытолкали вон самозванных агитаторов, комментировавших "приказ № 1" в смыслѣ неповиновенія офицерам и ведших пораженческую пропаганду. Правда, на другой день в тѣх же казармах Измайловскаго полка депутату в одной ротѣ пришлось услышать "реплики недоброжелательнаго свойства". "Изгнанные из полка агитаторы, — меланхолически замѣчает мемуарист, — успѣли достигнуть своего... Это был первый *признак* разложенія арміи". В первое время вообще солдаты без разрѣшенія Исп. Ком. никого не пропускали; конечно, то была фикція контроля, ибо сам Шляпников признался, что он в качествѣ члена Исп. Ком. десятками подписывал чистые бланки. Одного мемуариста всегда можно побить другим. Не разбираясь в безчисленных субъективных контрверсах, ограничимся ещё одним противоположным приведенному свидѣтельством, которое мы можем сопоставить с имѣющимся документом. Рѣчь идет о преображеніях. Вот картина,

изображенная секретарем Родзянко Садиковым. Она столь характерна, что приведем ее, *in extenso*. "Одним из первых послѣ переворота в полном составѣ в Думу явился запасной бат. л.-гв. Преображенскаго полка со всѣми офицерами и командиром полк. кн. Аргутинским-Долгоруким", — пишет Садиков, воспроизводя легенду, нами уже разсмотрѣнную. Батальон первые нѣсколько дней нес наружную и внутреннюю охрану Таврическаго дворца, а также и караулы у министерскаго павильона, гдѣ находились арестованные министры. Солдаты были дисциплинированы и безприкословно подчинялись всѣм приказаніям своих офицеров. И вот через нѣсколько дней батальон смѣнил другой полк, а преображенцы отправились к себѣ в казармы. В тот же день картина совершенно измѣнилась. В казармы явились агитаторы, и к вечеру всѣ офицеры были уже арестованы, подверглись всевозможным издевательствам и, как потом мнѣ рассказывали, к ним в комнату ворвались окончательно распропагандированные, обезумѣвшіе и вооруженные до зубов их же солдаты, обезоружив всѣх офицеров, хватали их и *тащили для немедленной расправы* во двор казарм. Кто-то догадался крикнуть: "тащите, товарищи, их

в Думу, там разберут". Этот призыв спас несчастных. Всѣх офицеров, как они были, без шинелей, без фуражек, гурьбой по морозу и снѣгу гнали в Думу. Их втащили в Екатерининскій зал. Возбужденіе росло с каждой минутой. Уже раздавались крики: "бей измѣнников, бей предателей". Случайно увидѣвъ эту картину, я понял, что спасти положеніе может только М. Вл. Я бросился к нему. Через нѣсколько минут в залѣ появилась могучая фигура предсѣдателя Гос. Думы. Воцарилась тишина. Громовым голосом он приказал немедленно освободить всѣх офицеров и вернуть им оружіе, а затѣм, обратившись к солдатам, громил их и в концѣ концов выгнал обратно в казармы. В полном порядкѣ солдаты, молча, покинули помѣщеніе Думы. Послѣ этого случая в батальонѣ надолго воцарился относительный порядок. Офицеры со слезами на глазах благодарили М. В. за спасеніе и просили разрѣшенія на эту ночь остаться в Думѣ". "Не одну тысячу жизней спас М. В.", — заключает мемуарист...

Перед нами, таким образом, яркій образчик разложенія, к которому привел "приказ № 1". Однако подобныя воспоминанія можно объяснить лишь

своего рода психозом воспріятія — так далеко это от того, что было. По совокупности того, что мы знаем о жизни батальона в первые дни революціи, можно сказать, что эта жизнь протекала не так спокойно, как воспринимал ее секретарь Родзянко. Напряженность атмосферы внутри казарм на Милліонной выступает вполне опредѣленно, и она, дѣйствительно, проявлялась в отношеніи солдат к нѣкоторой части команднаго состава. У потомков "декабристов" не все было благополучно во внутренней жизни батальона. Вот что говорит Шидловскій, старавшійся, как мы знаем, перваго марта через солдат выяснить настроеніе в полку, "Подробныя разьясненія", между прочим, "нарисовали мнѣ такую картину, существованіе которой я не считал возможным даже в самом глухом полку арміи, а не то, что в первом полку гвардіи. Мнѣ потом рассказывали офицеры других гвардейских частей, что им давно уже было извѣстно о существованіи в Преображенском полку таких дисциплинарных взысканій, которыя никакими уставами не были предусмотрѣны и с чувством человеческого достоинства совершенно несовмѣстимы". Этот "тюремный режим" создавал повышенное настроеніе в батальонѣ до революціи; возмож-

но, что как раз Преображенскій полк надо отнести к тѣм частям, гдѣ в дни переворота пытались неудачно произвести свои эксперименты сторонники диктатуры, что осложнило положеніе. Поскольку в нашем распоряженіи находятся протоколы 1-4 марта батальонных комитетов, мы можем судить, что как раз в Преображенском полку с наибольшим напряженіем происходило урегулированіе взаимных отношеній между офицерами и солдатами. Так, напр., если в л.-гв. гренадерском полку командиром батальона был избран полк. Коренев, а в Измайловском полк. Козено, то в Преображенском на этот пост попал подпор. Зарнич. Группу офицеров солдаты не хотѣли принимать, и этот вопрос должен был обсуждаться в засѣданіи батальоннаго комитета 5 марта. Временный командир батальона совмѣстно с председателем бат. комитета рядовым Падериным (большевиком) составили список офицеров, которые не подлежат привлеченію к работѣ в батальон и должны были быть распущены "по своим квартирам", полк. кн. Аргутинокаго-Долгорукова и еще 6 офицеров предполагалось "арестовать *впредь до выясненія в собраніи* на Милліонной под отвѣтственность командира и адъютанта". Протокол

засѣданія 5 марта дает матеріал для характеристики, произведенной сортировки офицерскаго состава, но ничего не говорит об арестах, которые должны были быть произведены в условіях, совершенно не соотвѣтствовавших описанію Садикова.

К 5 марта полоса самочинных арестов в Петербургѣ в значительной степени отошла в прошлое... Наиболѣе ярким доказательством того, что в гарнизонѣ наступило успокоеніе (это, конечно, нельзя цѣликом отнести за счет "приказа № 1", но важно то, что "приказ № 1" не углубил разрухи), служат протоколы, возникших батальонных комитетов, т. е. делегатов, избранных от рот. Они рѣзко выдѣляются своим дѣловым характером и, дѣйствительно, почти исключительно посвящены насущным нуждам воинских частей петербургскаго гарнизона. Трудно усмотрѣть в них проявленіе непримиримой "ненависти" к каждому, носящему "офицерскій мундир". На первом планѣ всюду стремленіе внести порядок послѣ революціонной встряски и установить желѣзную "просвѣщенную дисциплину", как выразался в первом приказѣ по батальону л.-гв. Измайловскаго полка новый командир его Козено, предлагавшій "немедленно собрать комис-

сію из выбранных от всѣх строевых частей батальона солдат, *бывших на войну* и равнаго числа офицеров" для разработки начал этой дисциплины. "Командир батальона, — гласит первый протокол от 2 марта засѣданія комитета в Измайловском батальонѣ, — получает "полную власть по своей должности. Его приказанія, как исходящія с одобренія делегатов, должны исполняться безпрекословно всѣми офицерами и нижними чинами батальона. Это единственный путь к полной организаціи нашего батальона"... В засѣданіи 3 марта "единогласно" постановлено предложить офицерам выбрать из своей среды делегата для присутствія на батальонных засѣданіях: 4 марта также "единогласно" рѣшено; в состав комитета ввести командира батальона, четырех ротных, начальников учебной и нестроевой команд и засѣдать под предсѣдательством командира батальона. Очень характерно и постановление, опять принятое единогласно, о том, что начальствующія лица избираются лишь на срок, "*до появленія перваго закона об организаціи батальонов*". Приказ полк. Козено от 3 марта, изливающаяій "восторг, радость и счастье", которыми переполнена его "душа", красочный бытовой документ, заканчи-

вающейся патетическим призывом: "Да здравствует великая русская побѣда над подлым нѣмцем, такая же полная и славная, какая совершена нашими гражданами внутри отечества". Протоколы засѣданія комитета запаснаго батальона л.-гв. Измайловскаго полка отнюдь не представляют исключеніе, как явствует из протоколов других батальонных комитетов, образцы которых опубликованы в работѣ Шляпникова. Они опровергают утвержденія этого автора, что в первыя недѣли солдаты не довѣряли и выборному командному составу.

Такова общая картина состоянія петербургскаго гарнизона послѣ изданія "приказа № 1". Ее можно подытожить разговором по прямому проводу в 10 час. утра 3 марта представителя морского штаба верх. главноком. Гончарова с представителем главнаго морского штаба Альфатером.

Г.: Скажите, как обстановка?

А.: Обстановка значительно спокойнѣе, постепенно все налаживается.

Г.; Вчера распространился (слух), что вчера была произведена рѣзня офицеров и Наморштаверх

просит узнать, всѣ ли офицеры здоровы.

А.: Все это сплошной вздор. Всѣ живы и здоровы.

Г.: Наморштаверх просит также выяснить, сильно ли в настоящее время правительство Гос. Думы или авторитет его уже поколебался.

А.: Полагаю, что сильно".

Не без основанія, таким образом, в тот же день посол Соед. Штатов телеграфировал своему правительству: "Революція, повидимому, удачна и находится в надежных руках. В городѣ вполнѣ спокойно".

II. Экспедиція генерала Иванова.

Перваго марта министр ин. д. стараго правительства сообщил союзным послам англійскому, французскому и итальянскому, что "революція — совершившейся факт" — и что "у правительства нѣтъ войск для ея подавленія". Сообщение Покровскаго зарегистрировано было в спеціальной телеграммѣ, отправленной Бьюкененом в Лондон. Оно подводило итог событіям и Петербургѣ. Событія во внѣ еще были не ясны, но в ночь с 1-го на

2-ое обстановка вырисовалась болѣе отчетливо и с этой стороны. Мы знаем, что Рузскій в первой же своей бесѣдѣ с Родзянко передал послѣднему, что отдано распоряженіе о приостановкѣ движенія эшелонов, назначенных в распоряженіе ген. Иванова, которому были даны диктаторскія полномочія. Отпадали, таким образом, опасенія правительственнаго разгрома петербургскаго "мятежа" при содѣйствіи двинутых с фронта войск, построения которых 'были неизвѣстны. Это должно было, с своей стороны, содѣйствовать успокоенію в столицѣ — особенно в рабочих кварталах и в солдатских казармах.

Многіе из отвѣтственных дѣятелей революціи впослѣдствіи склонны были утверждать, что никакой реальной опасности продвиженіе эшелонов ген. Иванова не представляло и большого впечатлѣнія в Петербургѣ не произвело. Прежде всего это засвидѣтельствовал в показаніях перед Чр. Сл. Ком. Гучков. То же повторяли его помощники (напр., Половцов). Впечатлѣніе кн. Мансырева — явно преувеличенное в воспоминаніях — было иное. Он говорит даже о "паническом ужасѣ", охватившем Думскій комитет и руководящіе по-

литическіе круги. По словам Керенскаго, нервничавшей и возбужденной была лишь толпа, затоплявшая зданіе Таврическаго Дворца. В дѣйствительности, со стороны Ивановскаго отряда никакой опасности не могло быть (*rien à craindre*). Ея не было, конечно, потому что ни одну воинскую часть нельзя было направить против возставшаго народа. Мемуарист, не слишком считающійся с необходимостью изложеніе фактов вставлять в рамки хронологической точности, во второй своей книгѣ, больше уже претендующей на историческое повѣствованіе, патетично описывает иностранному читателю трагическое положеніе вечером 1-го марта прибывшаго в Псков Царя. Единственную новость, которую могли ему сообщить явившіеся генералы — Рузскій и нач. шт. Данилов, — заключалась в том, что части, посланныя с фронта на поддержку "диктатора" Иванова, *одна за другой* присоединились к революціи. У Императора, таким образом, не оставалось выхода,— заключает Керенскій. Единственный факт, зарегистрированный лѣтописью событій, произошел в Лугѣ через нѣсколько часов послѣ прибытія Николая II в Псков и имѣл лишь подобіе того, о чем в ночном разговорѣ с Рузским передавал в невѣрном

освѣщеніи весьма неточно информированный Родзянко. На этом эпизодѣ надо остановиться, ибо он послужил канвой при созданіи легенды, крѣпко укоренившейся в сознаніи современников.

О том, как произошло назначеніе Иванова будет сказано в главѣ, посвященной позиціи и намѣреніям монарха. Для ясности прослѣдим судьбу Ивановской миссіи с момента, как "диктатор" выѣхал в 11 час. утра 28-го из Могилева во главѣ эшелона Георгіевскаго батальона по направленно к Царскому Селу по прямой линіи через Витебск и ст. Дно[104]. Иванов предполагал, прибыв в Царское, остановиться "на вокзалѣ для выясненія обстановки" и выждать назначенныя в его распоряженіе войска с фронта, причем войска посылаемая с Западнаго фронта должны были сосредоточиться в Царском, а частям с Сѣвернаго фронта мѣстом высадки была назначена ст. Александровская вблизи Ц. Села. Всего Иванов рассчитывал имѣть 13 батальонов, 16 эскадронов и 4 батареи — для расквартированія такого количества он просил Царкосельскаго коменданта приготовить помѣщеніе; дополнительно предполагалась отправка нѣкоторых гвардейских частей и с Юго-

Западнаго фронта. Войска были взяты с разных фронтов, с цѣлью не ослаблять боевой силы дѣйствующих армій. Предполагалось, что первые эшелоны, из расчета 18 часов в пути, могут прибыть в Петербург "не ранѣе разсвѣта 1 марта".

В 9 час. вечера 1 марта Иванов с небольшим опозданіем, без каких-либо осложненій, прибыл в Царское Село, имѣя в своем распоряженіи, по исчисленію придворнаго исторіографа ген. Дубенскаго, около 800 человѣк. Сообщение о том, что в Вырицах (в нѣскольких перегонах от Царскаго — 30 с небольшим верст) поѣзд был задержан желѣзнодорожным начальством, и Иванов требовал пропуска, угрожая примѣнить силу, надо отнести к числу позднѣйших наслоеній в воспоминаніях инж. Ломоносова[105]. Также "спокойно", по выраженію тогдашней телеграммы ген. Лукомскаго, проходили и эшелоны с фронта, К моменту, когда Иванов прибыл в Царское, а Николай II в Псков, по официальным данным, положеніе эшелонов было таково. Головной эшелон— 67 Тарутинскій полк дошел до мѣста назначенія — ст. Александровская; второй эшелон — 68 Бородинскій полк — достиг Луги; остальные находились в пути меж-

ду Лугой и Псковом, Псковом и Двинском. Первые войска, двигавшіяся с Западнаго фронта, прошли Полоцк. Задержка с продвиженіем вызвана была не "саботажем", а подготовкой ожидавашагося продвиженія императорскаго поѣзда.

С Бородинским полком и произошел тот самый лужскій эпизод, о котором упоминалось. Перваго в Лугѣ произошло возстаніе гарнизона, с бытовой стороны довольно ярко описанное кап. Вороновичем. Для февральских дней здѣсь можно почерпнуть много характерных черт, но остановимся только на интересующем нас сейчас эпизодѣ, как его излагает главное дѣйствующее лицо. Около 2 час. ночи в Лугѣ получено было телеграфное сообщеніе о приближеніи эшелона с бородинцами. В согласіи с установившейся для воспоминаній "лѣваго" сектора традиціей, Воронович пишет: "хотя прибывающій по частям эшелон ген. Иванова и не мог оказать никакого вліянія на событія, тѣм не менѣе Петроград распорядился, во избѣжаніе могущаго произойти безцѣльнаго кровопролитія, обязательно задержать и обезоружить бородинцев". (Из разсказа самого Вороновича довольно очевидно, что никаких "распоряженій" из Петер-

бурга не могло быть получено). "Военный комитет, — продолжает Воронович, не знал, что ему предпринять: в эшелонъ было до 2.000 человек и 8 пулеметов, в лужском же гарнизонъ было не болѣе 1.500 вооруженных солдат, причем по тревогѣ можно было собрать самое большее 300-400. В запасном арт. дивизионѣ всѣ пушки были учебныя, и ни одна из них для стрѣльбы не годилась, а во 2-ой особой арт. бригадѣ пушек совсѣм не было. Представленное на платформѣ учебное орудіе являлось бутафорским, к пулеметам не было лент". Поэтому для разоруженія "бородинцев" рѣшено было прибѣгнуть к слѣдующей "уловкѣ". "Как только эшелон подойдет к вокзалу, три офицера (пор. Гукowski, Коночадов (прап.) и я) выѣдут ему навстречу и начальническим тоном прикажут солдатам не выходить из вагонов, так как поѣзд сейчас же отправится дальше. Затѣм члены военного комитета войдут в офицерскій вагон, приставят к нему часовых и предложат командиру полка от имени Комитета Г. Д. немедленно сдать орудіе, пригрозив в случаѣ отказа открыть по эшелону артиллерійскій огонь". В качествѣ артиллеріи должно было фигурировать бутафорское орудіе. Командиру полка было рѣшено указать, что весь 20

тыс. гарнизон Луги примкнул к Петербургу, и всякое сопротивление является безцѣльным..."Все произошло так, как мы предполагали. Бородинцы мирно спали в теплушках, и никто из солдат не попытался вылѣзть из поѣзда"... Командир, полк. Сѣдачев, подчинился "силѣ". Солдаты отнеслись очень спокойно к требованію выдать винтовки, и сами стали сносить их на платформу. Одновременно вагон с пулеметами и ручными гранатами был отцѣплен и отвезен на запасный путь... Между тѣм стало разсвѣтать. Бородинцы с недоумѣніем посматривали на совершенно пустую платформу... Офицеры стали нервничать... Нужно было, как можно скорѣе, отправить бородинцев в Псков[106]... С трудом удалось уговорить командира оставить в Лугѣ нѣскольких офицеров и солдат для сопровожденія возвращаемаго оружія, а остальных немедленно направить в Псков. Послѣ отхода эшелона, в Петербург была послана "краткая телеграмма с извѣщеніем о том, что бородинцы нами разоружены". Краткая телеграмма, очевидно, и превратила разоруженіе в "бунт" в мемуарной литературѣ, поддержанной и Шульгиным. Разсказ Вороновича вполне подтверждается сохранившейся лентой разговора 2-го представи-

теля Ставки со штабом Сѣвернаго фронта о том, как "68-й полк частично присоединился к лужскому гарнизону". Представитель Ставки, полк. Бармин, выслушав информацію, вполнѣ резонно замѣтил: "значит, никто не переходил на их сторону". Конечно, остается в высшей степени показательной для момента обстановка, в которой произошло разоруженіе Бородинскаго полка, — это как бы жизненная иллюстрація к словам в дневникѣ ген. Болдырева 28-го по поводу экспедиціи ген. Иванова: "Так не хотѣлось бы вовлекать во все это армію. За что еще хотят бороться — за призрак. Вѣдь кругом тайное и явное сочувствіе". Эту дѣйствительность революціонное чувствоваіе и тогда уже стремилось разцвѣтить. До каких предѣлов может доходить подобная тенденція, показывает текст Шляпникова. Вот характерный из него строки (сравним с безхитростным рассказом Вороновича): "Стоявшій в Лугѣ гарнизон по своей революціонной инициативѣ задерживал всѣ двигающіяся на столицу войска, разоружая их или поворачивая обратно. Двадцать тысяч штыков и сабель были наготовѣ и преграждали контр-революціи путь на Петербург. Двадцать батарей различного калибра были готовы первому сигналу

смѣсти с лица земли любую часть осмѣливагощущаго сопротивляться революціонной волѣ солдат лужскаго гарнизона. Добравшіеся другими путями просто перешли на сторону петроградских рабочих и солдат". Но и этого "просто" не было: головные эшелоны (Тарутинскій полк), дошедшіе до назначенія на ст. Александровская, сохраняли свою "лояльность" до послѣдняго момента и распоряженіем военной власти были возвращены на фронт, в Двинск, окружным путем, дабы избѣжать возможнаго "конфликта" с лужским гарнизоном[107].

Что же касается эшелона с георгіевскими кавалерами, прибывшими в Царское под непосредственным водителством Иванова, то при описаніи перипетій, с ним бывших, повидимому, наиболее правильным было бы слѣдовать за показаніями в Чр. Сл. Ком. самого "диктатора". Его простое, безыскусственное повѣствованіе (правда, стенограмма довольно невразумительна) не вступает, по крайней мѣрѣ, в непримиримую коллизію с фактами, как это происходит с другими версиями. Прибыв в Царское Село, Иванов побывал во дворцѣ[108], выяснил, что царская семья под на-

дежной охраной, и в это время получил сообщеніе, что к вокзалу идет с пулеметами и тяжелой батареей батальон перваго гвардейскаго своднаго полка... "Что же бой разводить?" ... "Я очень хорошо понимал, что если пойдет толпа, то тысячи уложишь". — Оставаться в Царском не было цѣли, хотя выходило, "как-будто удираю". Иванов рѣшил с одобренія "всѣх окружающих" вывести батальон на ст. Вырицу в цѣлях избѣжать возможных столкновеній... В революціонной литературѣ отход Иванова и представляется в видѣ "бѣгства" диктатора из Царскаго Села, вслѣдствіе ненадежности Георгіевскаго батальона. Основано это заключеніе отчасти на данных, приведенных в сводной работѣ Блока и цитируемых во всѣх послѣдующих работах. Батальон объявил себя "нейтральным", имѣющим цѣлью "охрану личности Царя", а командир георгіевцев, ген. Пожарскій, заявил, что его солдаты стрѣлять не будут. Что таково могло быть приблизительно основное настроеніе георгіевцев, пожалуй, сомнѣваться не приходится, — сам Иванов показывал, что безоговорочно на войска нельзя было рассчитывать. Но всетаки, свѣдѣнія, почерпнутыя Блоком из позднѣйших показаній солдат и офицеров Георгіевскаго батальона, проходили че-

рез призму слѣдовательскаго допроса послѣ завершенія революціи и совершенно естественно окрашивали событія в соотвѣтствіи моменту — этого не слѣдует забывать. Такую же цѣнность имѣет опрос георгіевских кавалеров, произведенный при первом посѣщеніи Ставки Керенским в серединѣ мѣсяца. Солдаты ему дружно отвѣчали, что они не знали, зачѣм их везут и, когда узнали, отказались быть усмирителями ("Рус. Вѣд."). Равным образом, конечно, нельзя признать версію, которую Иванов пытался пустить в оборот, послѣ своего ареста, в личном письмѣ к военному министру Гучкову 9 апрѣля: "Раздутая газетами моя поѣздка, случайно совпавшая с поѣздкой Георгіевскаго батальона в район Петрограда, являлась и для меня, и для батальона слѣдованіем к мѣсту новаго назначенія и отнюдь не преслѣдовала каких-либо карательных цѣлей"[\[109\]](#). В показаніях перед Чр. Сл. Ком. Иванов пытался лишь обосновать свое рѣшеніе, принятое будто бы еще в Псковѣ и одобренное Царем, не вводитъ войска в Петербург для того, чтобы избѣжать "междоусобицы и кровопролитія": "Если войска вѣрны, то можно (я буду прямо говорить) десятки тысяч уложить... Я буду так поступать, а в это время Государь объявит об отвѣтственном ми-

нистерствѣ" ... "Затѣм, если войска невѣрны, то (извините за выраженіе) лѣзть будетъ глупо".

Если бы рѣшеніе, о которомъ говорилъ Иванов, и не было заранѣе принято, обстановка, с которой встрѣтился "диктатор", должна была побудить его занять выжидательную позицію, — его маленькій отрядъ сам по себѣ до подхода воинскихъ частей с фронта, понятно, не могъ прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Когда в Петербургѣ узнали о движеніи ивановскихъ эшелоновъ, отсюда к нему выѣхали в тот же вечеръ 1-го "по уполномочію от управленія ген. штаба" полк. Доманевскій и подп. Тилле, и "диктатор" былъ освѣдомлен о столичныхъ событіяхъ. Остается неяснымъ, была ли организована эта поѣздка по инициативѣ или с согласія Думскаго комитета, но явно цѣли ея были направлены к тому, чтобы удержать Иванова от какихъ-либо активныхъ дѣйствій. Мнѣ лично Гучковъ говорилъ, что он, в порядкѣ одиночномъ, ходилъ к ген. Занкевичу в штабъ, спрашивалъ, что тотъ будетъ дѣлать? Занкевичъ отвѣтилъ, что будетъ ждать Иванова. Очевидно, соотвѣтствующее воздѣйствіе было оказано[110]. В письменномъ докладѣ, представленномъ Иванову и напечатанномъ в воспоминаніяхъ коменданта Таври-

ческаго Дворца полк. Перетца (что подтверждает участие в дѣлѣ посылки по крайней мѣрѣ представителей военной комиссіи, находившихся уже в контактѣ со старым штабом[111], Доманевскій указывал Иванову, что "вооруженная борьба с возставшими только осложнит и ухудшит положеніе" и что легче возстановить порядок соглашеніем с Временным Правительством: Доманевскій говорил, что среди "самых возставших обозначалось два совершенно опредѣленных теченія: одни примкнули к думскому выборному Временному Правительству, другіе поддерживали Совѣт Р. Д. Первые оставались вѣрными монархическому принципу, желая лишь нѣкоторых реформ, стремились к скорѣйшей ликвидаціи беспорядков с тѣм, чтобы продолжать войну, вторые искали крайних результатов и конца войны"...

В ночь с 1-го на 2-ое, еще до отъѣзда из Царскаго (в 1 ч. 15 мин.), Иванову была доставлена телеграмма Алексѣева, посланная ему в догонку 28-го. "Частныя свѣдѣнія говорят, — телеграфировал нач. верх. штаба, — что 28 февраля в Петроградѣ наступило полное спокойствіе... Войска, примкнувшія к Временному Правительству в полном

составѣ, приводятся в порядкѣ. Временное Правительство под предсѣдательством Родзянко, засѣдая в Государственной Думѣ, пригласило командиров воинских частей для получения, приказаній по поддержанію порядка. Воззваніе к населенію, выпущенное Временным Правительством, говорит о незыблемости монархическаго начала^[112] в Россіи, о необходимости новых основаній для выбора и назначенія правительства. Жду с нетерпѣніем пріѣзда Его Вел., чтобы представить ему все изложенное и просьбу принять это пожеланіе народа. Если эти свѣдѣнія вѣрны, то измѣняются способы ваших дѣйствій. Переговоры приведут к умиротворенно, чтобы избѣжать позорной междоусобицы, столь желанной нашему врагу... Воззваніе новаго министра путей сообщенія Бубликова к желѣзнодорожникам мною получено кружным путем, зовет к усиленной работѣ всѣх, дабы наладить разстроенный транспорт. Доложил все это Е. В. и убѣжден, что дѣло можно привести мирно к хорошему концу, который укрѣпит Россію"... Наконец, Иванов получил посланную Царем телеграмму под вліяніем разговора Рузским и настойчивых телеграфных указаній Алексѣева на то, что работой с думскими дѣятелями можно

остановить "всеобщій развал"... Телеграмма была помѣчена временем 0.20 мин. второго и гласила: "Надѣюсь, прибыли благополучно. Прошу до моего прїѣзда и доклада мнѣ *никаких* мѣр не предпринимать".

Итак рѣшеніе Иванова вывести свой отряд на ст. Вырицу, гдѣ стоятъ до тѣх пор, пока выяснится обстановка в Петербургѣ, логически вытекало из совокупности всѣх обстоятельств и распоряженій, им полученных. Возможно, что в мотивах продвиженія на "Вырицу" сыграла свою роль и возникшая под вліяніем разговора с Ал. Фед. мысль о необходимости, быть может, итти не на Петербург, а двигаться на выручку Царя. "Когда я уѣзжал, в Царском Селѣ была мертвая тишина, — показывал Иванов в Чр. Сл. Ком. — Среди желѣзнодорожников были, по видимому, попытки слабого саботажа. — произошли какія-то "затрудненія" с "переводом стрѣлок". "Я потребовал начальника станціи", — показывал Иванов: "через нѣсколько минут говорят, все в порядкѣ... Уже в Вырицѣ мнѣ доложили, что через 15 минут послѣ нашего ухода вся толпа ввалилась на вокзал"... Картина происшедшаго Керенским во французском изданіи пред-

ставлена так: отряд ген. Иванова, на разсвѣтѣ появившійся в Царском, разсѣялся с первыми солнечными лучами революціи, а самому генералу удалось скрыться (s'echapper).

Дальнѣйшая повѣсть о том, что дѣлал "диктатор", представлена потомству в двух совершенно противоположных вариантах: один из них принадлежит Ломоносову, другой изложен в официальных показаніях Иванова. Совѣтская информация почти безоговорочно пошла по стезѣ, намѣченной мемуаристом, которому в силу занимаемого в желѣзнодорожном мірѣ положенія пришлось играть в событіях этих дней весьма дѣйственную роль. Между тѣм повѣствованіе не вызывает никакого довѣрія — не всегда только можно опредѣлить, что в нем является результатом недостаточной освѣдомленности, легкаго воспріятія не провѣренных свѣдѣній и слухов, которые со всѣх сторон от желѣзнодорожных агентов и добровольцев стекались в центр, и что сознательно или безсознательно привнесено им во славу своего героизма и героизма желѣзнодорожников, спасших активной инициативой и жертвенностью революцію. Яркую, но злую характеристику этого бой-

каго "эквилибриста", задѣлавшагося "сто процентным коммунистом" послѣ октябрьскаго переворота и прославившагося в совѣтских кругах своим "лукулловским образом жизни", дал Саломон в книгѣ "Среди красных вождей". Фигура Ломоносова такова, что мемуарныя страницы, вышедшія изпод его пера, отнюдь не вызывают к себѣ довѣрія. В изображеніи Ломоносова Иванов в теченіе всего 2 марта дѣлал энергичныя, но тщетныя попытки со своими эшелонами прорваться к Петербургу через возведенные перед ним заградительныя революціонныя шлагбаумы. Уже в 4 часа утра 2-го в Петербургѣ была получена записка, что ген. Иванов "арестовал начальника станціи Вырица, гдѣ он ночевал, и во главѣ георгіевских кавалеров и двух других эшелонов отправился по направленно к Царскому Селу". (Итак в 8 часа ночи Иванов выѣхал из Царскаго и через час уже постарался туда вернуться — по официальным данным Иванов прибыл в Вырицу в 4 часа утра и в 5 сообщил Алексѣеву, что ночует в Вырицѣ). Но Иванова отбросили от Царскаго усиліями желѣзнодорожников, начиная от ст. Семрино до Царскаго были сняты крестовики со стрѣлок. Из Семрина Иванов бросается по передаточной вѣткѣ на ст. Владимір-

ская для того, чтобы прорваться в Гатчину. Там нѣсколько эшелонов правительственных войск и двадцать тысяч "лойяльнаго" гарнизона. А главное, из Пскова поѣзд за поѣздом напирают новыя войска! И здѣсь навстрѣчу Иванову спускают балласт поѣздов и снимают крестовики... Но что стоит Иванову 20 верст пройти походным порядком "Если бы ген. Иванов прорвался к Гатчинѣ, исход мартовской революціи мог быть иной", — мемуаристу мерещилась уже "царская висѣлица"... Иванов требует назначенія на Петроград и входит в непосредственные переговоры с Ломоносовым, который в почтительной формѣ предупреждает генерала, что для встрѣчи его поѣзда на 6-й верстѣ от Петербурга сосредоточены "4 батареи артиллеріи и тысяч двадцать пѣхоты" и рекомендует переговорить с Думой[113]. Тогда Иванов снова устремляется в Царское—"арестовывает служащих и грозит разстрѣлом". Неудача. Опять Гатчина. Потом Вырица, куда Иванов направляется за "подкрѣпленіем". Так мечется "диктатор", а сзади снимают "всѣ крестовики"... Героическими дѣйствіями желѣзнодорожников Иванов отрѣзан. Ни один шаг диктатора "не ускользнул" от бдительнаго ока революціонеров. Телеграфисты Виндавской

дороги оказались на высотѣ положенія и стучали свои записки в центр даже тогда, когда "за стѣной ген. Иванов разстрѣливал их товарищей". Бубликов послал в Вырицу телеграмму: "Мнѣ стало извѣстно, что вы арестовываете и терроризируете служащих желѣзных дорог, находящихся в моем вѣдѣніи. По порученію Временнаго Комитета Государственной Думы предупреждаю вас, что вы навлечете на себя этим тяжелую отвѣтственность. Совѣтую вам не двигаться из Вырицы, ибо по имѣющимся у меня свѣдѣніям народными войсками ваш полк будет обстрѣлен артиллерійским огнем". Но генерал не склонен послѣдовать совѣтам правительственнаго комиссара и настойчиво ищет путь к Петербургу. Ломоносов перехватывает "очень важныя" зашифрованныя телеграммы, которыя Иванов направлял в столицу: "Мама больна. Папѣ лучше. Скажите ей" и "Пришлите вторую корзинку булок". Телеграммы переданы министру юстиціи. Время идет. Наступила ночь. Опять новость об Ивановѣ: он еще раз требует именем императора пропустить его "со всѣми эшелонами в Петербург". "По повелѣнію какого императора, генерал?" — может спросить теперь ядовито Ломоносов: "Николай II отрекся от престола"... "Разго-

вор прервался. Через нѣсколько минут послѣдова-
ла просьба пропустить поѣзд обратно в Ставку.
Задержать я не имѣл физической возможности", —
прибавляет Ломоносов. "Южнѣе распоряжается
кто-то другой"... Ломоносов приказывает из обоих
тендеров выпустить воду, — "так генерал, отѣхав
семь верст, и просидѣл всю ночь с паровозами без
воды"...

Как всетаки могла родиться такая фантастиче-
ская эпопея под пером мемуариста, правда, очень
склоннаго к безотвѣтственным беллетристиче-
ским приѣмам изложенія? Сопоставляя показанія
Иванова с имѣющимися документами, можно до-
вольно отчетливо представить себѣ, что было в
дѣйствительности. В показаніях Гучкова, данных
той же Чр. Сл. Ком., было упомянуто, что послѣ
выѣзда из Петербурга им была дана уже в дорогѣ
телеграмма Иванову. Он говорил, что желал
встрѣтить Иванова на пути и "уговорить не пред-
принимать никаких попыток к приводу войск в
Петроград". Вот текст подлинной телеграммы:
"Бду в Псков. Примите всѣ мѣры повидать меня
либо в Псковѣ, либо на обратном пути из Пскова в
Петроград. *Распоряженіе дано о пропускѣ вас в*

этом направленіи". "Дорогой, — пояснял Гучков, — пришлось нѣсколько раз *обмѣняться* телеграммами"[114]. И мы имѣем в дѣлах Чр. Сл. Ком. отвѣтную телеграмму Иванова и вторую телеграмму Гучкова, "Рад буду повидать вас, — телеграфировал Иванов мы на ст. Вырица. Если то для вас возможно, телеграфируйте о времени пріѣзда". "На обратном пути из Пскова, — отвѣчал Гучков, — постараюсь быть в Вырицѣ. *Желательнѣе встрѣтитъ вас Гатчинъ варшавской*". Вспомним, что думскіе делегаты выѣхали из Петербурга в 2 ч. 47 м. дня. Слѣдовательно, не раньше этого времени могли имѣть мѣсто сношенія между Гучковым и Ивановым.

Обратимся теперь к показаніям Иванова. Он говорит, что, дѣйствительно, имѣл намѣреніе проѣхать утром 2-го в Царское Село для того, чтобы переговорить с командирами запасных батальонов ("они могли освѣтить дѣло"), но "старшій из командиров стрѣлковых полков" по телефону "как-то неопредѣленно отвѣтил, что мой пріѣзд не желателен, что это вызовет взрыв". Тогда Иванов намѣревался "на автомобилѣ" (т. е., очевидно, один) проѣхать на ст. Александровскую и пови-

дать Тарутинскій полк. В это время Иванов получил телеграмму от Гучкова. Совершенно очевидно, что тогда он рѣшил перевести, в соотвѣтствіи с предложеніем Гучкова, свой "батальон" в Гатчину по дополнительной вѣткѣ через ст. Владимірскую. Приблизительно в это же время (нѣсколько раньше — около 3 часов) Иванов должен был получить телеграмму нач. воен. сообщ. в Ставкѣ ген. Тихменева, передававшую копію "высочайшаго" распоряженія вернуть войска, "направляющіяся (на) станцію Александровскую обратно (в) Двинскій район". "Соизволеніе" это получено было Рузским в первом часу ночи, т. е. за три часа до разговора его с Родзянко, и распространялось на всѣ войска, двинутая с фронта, как это устанавливает циркулярная телеграмма ген. Лукомскаго, переданная на фронт в промежуток между 2 и 3 часами ночи 2-го марта. "Вслѣдствіе невозможности продвигать эшелоны войск, направляемых к Петрограду, далѣе Луги и разрѣшенія Государя Императора вступить главкосѣву в сношенія с Гос. Думой и высочайшаго соизволенія вернуть войска обратно в Двинскій район из числа направленных с Сѣвернаго фронта, наштоверх, — телеграфировал Лукомскій, — просит срочно распорядиться, тѣ части, кои еще не от-

правлены, не грузить, а тѣ, кои находятся в пути, *задержать* на больших станціях. Относительно дальнѣйшаго направленія или возвращенія перевозимых частей послѣдует дополнительное указаніе". Сравним с этим официальным сообщеніем повѣствованіе Ломоносова о том, как 2-го днем с юга подходили "новые и новые эшелоны", и как Бубликов получал из Ставки на свои запросы "уклончивые отвѣты"!

Попытка Иванова проѣхать на ст. Владимирскую и вызвала примѣненіе железнодорожниками мѣр саботажа. "Проѣхав верст 12, показывал Иванов, — я прилег отдохнуть... просыпаюсь, стоим. Час стоим, два стоим, три". Это было на ст. Сусанино. Оказывается, поставили в тупик, согласно распоряженію: "никуда не пускать". Здѣсь Иванов получает приведенную выше телеграмму Бубликова ("очень сильную" — по его выраженію) о том, что он терроризирует желѣзнодорожных служащих, — "а с его же разрѣшенія ѣхал". Никакого террора Иванов не примѣнял, — сообщеніе о "разстрѣлѣ телеграфистов" сплошная чушь, порожденная взбудораженным настроеніем освѣдомителей. Иванов имѣл полное право написать Гучкову 9

апрѣля, что его "войска не имѣли никаких столкновений"[\[115\]](#). Был ли правительственный комиссар плохо вообще освѣдомлен, недовѣрчиво ли относился к миролюбивой тактикѣ "диктатора", находился ли под вліяніем революціоннаго пыла своего окруженія, но он старался воспрепятствовать проѣзду ивановскаго эшелона в Гатчину. За первой телеграммой послѣдовала другая, но уже "очень любезная", по мнѣнію Иванова: "Ваше настойчивое желаніе ѣхать дальше ставит непреодолимое препятствіе для выполннія желанія Е. В. немедленно слѣдовать (в) Царское Село. Убѣдительно прошу остаться (в) Сусанино или вернуться (в) Вырицу". "Я ушел на Вырицу и тут рѣшил послать сообщеніе ген. Алексѣеву шифрованной телеграммой", — заключал Иванов. В то время эта послѣдняя телеграмма не была расшифрована "полностью" и давала повод для совершенно произвольных заключеній. В документах Ставки мы имѣем ее в расшифрованном видѣ. Иванов телеграфировал Алексѣеву в 1 ч. 30 м. на 3-ье марта: "До сих пор не имѣю никаких свѣдѣній о движеніи частей, назначенных в мое распоряженіе. Имѣю негласныя свѣдѣнія о пріостановкѣ движенія моего поѣзда. Прошу принятія экстренных мѣр для воз-

становленія порядка среди желѣзнодорожной администраціи, которая несомнѣнно получает директивы Временнаго Правительства". Редакція этой телеграммы стоит в нѣкотором противорѣчїи с помѣткой в Ставкѣ, что сообщеніе Тихменева о прїостановкѣ движенія эшелонов было вручено Иванову. Большого значенія отмѣченное противорѣчіе не имѣет, болѣе существенно то, что телеграмма, составленная на исходѣ 2-го марта, рѣшительно опровергает версію, развитую в воспоминанїях Ломоносова и усвоенную многими из послѣдующих исторических повѣствователей.

Были ли еще какія-нибудь шифрованный телеграммы, направленная Ивановым в какой-то таинственный петербургскій адрес? В архивѣ, гдѣ хранится "переписка, связанная с переходом к новому строю", повидимому, имѣется только "полностью не расшифрованная" телеграмма Алексѣеву; эта шифрованная переписка не нашла никаких откликов в Чр. Сл. Ком. — ни при допросѣ Иванова, ни в обзорѣ, сдѣланном Блоком. Но зато упоминаніе об этой шифрованной перепискѣ и даже текст телеграммы, близкой по содержанію к редакціи, которую дает Ломоносов ("Выѣзжаю в Выри-

цу. Оставляю корзинку, булки и хлѣб"), можно найти в газетах того времени (напр., я "Русской Волѣ" 10 марта). Есть и упоминаніе об "извѣстном реакціонерѣ" кн. Святополк-Мирском и нѣкой обывательницѣ, проживавшей в домѣ № 71 на Невском пр., в адрес которых были будто бы направлены ивановская телеграммы. Не эти ли газетныя сплетни, никѣм не провѣренныя и, вѣроятно, совершенно вымышленныя, нашли себѣ отклик в воспоминаніях Ломоносова? В своих записях он упоминает, что на другой день послѣ расшифрованія депеш Бубликов ему сказал, со слов министра юстиціи, что этот Святополк-Мирскій служил "повидимому", посредником между Ивановым и Ал. Фед.(?)....

Эпопею с приключеніями "диктатора" можно считать законченной. Он телеграфировал Гучкову, что не может пріѣхать и ждал послѣдняго в Вырицѣ. Утром третьяго Иванов получил телеграмму от Родзянко с сообщеніем о назначеніи на его мѣсто главнокомандующим петербургскаго военнаго округа ген. Корнилова и о предписаніи ему вернуться в Могилев. Иванов запросил Алексѣева и, получив подтвержденіе, выѣхал в тот же день со

своим "батальоном" в Могилев. На ст. Оредж, как, его предупредили, ему готовится "бенефис" и будет предъявлено требованіе, чтобы "батальон присоединился" к революціи. Но все «велось к демонстраціи рабочих — "человѣк сто в одной кучкѣ". В Ставкѣ Иванов простился с батальоном и пожелал ему "служить хорошо при новом правительствѣ".

Перипетіи, связанная с "экспедиціей ген. Иванова", породили и другую легенду, — діаметрально противоположную той, которая наиболѣе полно изложена в воспоминаніях Ломоносова. Родилась она в тот же день, что и первая, и в той же средѣ. И по своеобразному стеченію обстоятельств ее подержали в мемуарной литературѣ такіе антиподы, как лѣвый соц.-рев. Мстиславскій и в. кн. Николай Мих. Каждый из них придал легендѣ свою формулировку. Для титулованнаго историка — в записи, быть может, нѣсколько туманной, в дневникѣ от 27 апрѣля 17 г. — карательная экспедиція Иванова только "водевиль". Иванов позднѣе понял, что "вся эта инсценировка была созданием рук Гучкова... и Алексѣева, чтобы усыпить возможное безпокойство Императора и чтобы отдать себѣ отчет в ис-

тинном настроеніи войск Царскосельскаго гарнизона. Не слѣдует забывать, что все положеніе могло быть перевернуто сверху донизу, если бы Дума и большинство войск, сосредоточенных в Петроградѣ. не подчинились бы требованіям улицы, и что Гучков и Милюков на совѣщаніи с новыми министрами... у в. кн. Михаила голосовали за конституціонную монархію против всѣх своих коллег, высказывавшихся за демократическую республику. *Двойная игра этих двух министров не может никого болѣе обмануть*". Если великокняжескую версію перевести на "революціонный" язык, то она в основном совпадет с тѣм, что утверждает, в качествѣ мемуариста, состоявшій членом военной комиссіи Мстиславскій — и эту версію готова подхватить вся большевицкая исторіографія. Рассказывая о том, как между "карателем" Ивановым и "возставшим городом" оказалась "непосредственная, можно сказать, официальная связь" в лицѣ командированных Временным Комитетом офицеров ген. штаба, Мстиславскій заключал: "здѣшніе "возстановители порядка" отнюдь не противопоставляли себя "возстановителям", прибывающим с фронта". Мстиславскій легко нашел себѣ подражателей. В наиболѣе серьез-

ной "совѣтской" работѣ, — в очеркѣ ген. Мартынова, — мы найдем такой вывод: "Временный Комитет Гос. Думы видѣл в Ивановѣ не столько врага, сколько союзника, к помощи котораго в крайности можно прибѣгнуть для того, чтобы подавить беспорядки и остановить дальнѣйшій ход революціи". У Троцкого значится: "вмѣсто того, чтобы арестовать "диктатора" Иванова, прибывшаго с фронта для усмиренія столицы, Энгельгардт отправляет в его распоряженіе реакціоннаго офицера в качестве нач. штаба". Молодых историков "школы Покровскаго" обзорѣніе "многих других фактов" также приводило к выводу, что "буржуазія и думскій комитет в эти дни не только не препятствовали Иванову, но, пожалуй, не прочь были опереться на него для борьбы с революціей". Обстоятельства, однако, складывались так, что у "буржуазіи не могло быть надежды на возможность возстановить порядок вооруженной рукой"... Это и "предопредѣлило" всю ея (дальнѣйшую) позицію в февральскіе дни.

Отмѣчая эту легенду, нѣтъ надобности ее в подробностях разсматривать и тѣм болѣе опровергать. И позиція Алексѣева, выраженная в теле-

граммъ 28 февраля (в кн. Ник. Мих почему-то считает указанія Алексѣева "туманными"), и позиція думскаго Комитета, всемѣрно стремившагося избѣжать гражданской войны, достаточно ясно выступила уже на предшествующих страницах.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. ОБРАЗОВАНИЕ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

I. Кандидатура Керенскаго.

Давно пора оставить легенду о том, что революціонное временное правительство было создано "еще в 1916 г.": в "неясном предвидѣніи неясных событій", как выразился Алданов в упомянутой выше статьѣ "Третье марта", в юбилейном сборникѣ в честь Милюкова. Разсмотрѣнію этой легенды я достаточно уже удѣлил вниманія в книгѣ "На путях к дворцовому перевороту", потому возвращаться к ея анализу нѣтъ надобности. Напомним только, что в тогу временнаго революціоннаго правительства не совсѣм удачно в послѣдствіи облекли проект "министерства довѣрія", под лозунгом котораго шла общественная агитація предре-

волюціоннаго времени.

В революціонные дни "заранѣе установленное" временное правительство родилось с нѣкоторым опозданіем (значительным для тогдашней сумятицы), и вовсе не потому, что этому противодействовали новыя политическія силы, выступившія на авансцену. Милюков в своей "Исторіи революціи" объяснил запозданіе техническими условіями: "необходимость ввести в состав перваго революціоннаго правительства руководителей общественнаго движенія, происходившаго внѣ Думы, сдѣлала невозможным образованіе министерства в первый же день переворота". Но кн. Львов днем 28-го уже был в Петербургѣ. (Мы имѣем "приказаніе" военной комиссіи, помѣченное 4 ч. 30 м. дня 28-го: "выслать немедленно автомобиль Мойка 75, кв. бар. Меллер-Закомельскаго за кн. Г. Е. Львовым"). Между тѣм временное правительство оформилось лишь в дневные часы втораго марта, послѣ того длительнаго ночнаго бдѣнія, когда Родзянко, нѣсколько предрѣшая событія и выдавая предположенія за осуществленное авторитарно говорил Рузскому, что он "вынужден был" этой ночью назначить временное правительство. Болѣе правдо-

подобно то объясненіе опозданію с организаціей правительственной власти, которое дал Стеклов в докладѣ 30-го: "в эти первые моменты ни буржуазія, ни мы как-то не мыслили о созданіи правительства. И когда через два дня послѣ начала возстанія с достаточной ясностью стало опредѣляться, что возстаніе это несомнѣнно побѣдоносно, что оно ведет к установленію новаго режима, в этот момент на сцену всплыл вопрос об образованіи временнаго правительства"... Это значило, что концепція революціоннаго правительства была чужда дѣятелям "Временнаго Комитета членов Гос. Думы", имѣвшаго формально цѣлью лишь "возстановленіе порядка и сношенія с учрежденіями и лицами".

Побѣдоносный ход революціи не измѣнил первоначально основной линіи "думцев". Суть ея можно передать записью современника. 2-го марта Гиппиус посѣтил извѣстный репортер "Русскаго Слова" Руманов, пришедшій к писательницѣ из Таврическаго дворца. "Позицію думцев опредѣлил очень точно с наивной прямою" — заносит в дневник Гиппиус: "Они считают, что власть выпала из рук законных носителей. Они ее подобрали и

неподвижно хранят и передадут новой законной власти, которая должна имѣть со старой ниточку преемственности". В ожиданіи когда, по выраженію Милюкова, "наступит момент" образованія правительства, Временный Комитет ограничился немедленным назначеніем комиссаров из членов Думы во всѣ высшія правительственныя учрежденія и подготовкой списка будущих членов "общественнаго совѣта министров", предполагая, что премьер будет назначен "указом верховной власти". Хорошо освѣдомленный в настроеніях и планах лѣвой думской общественности англійскій посол отправил в Лондон 1 марта уже извѣстную нам телеграмму о предполагаемой поѣздкѣ думских делегатов для предьявленія Императору "требованія отречься от престола", добавляя: "должно быть назначено отвѣтственное министерство из 12 членов Думы, во главѣ с кн. Львовым и Милюковым в качествѣ министра ин. д.". Для перваго марта это еще был только проект — во всяком случаѣ, с опредѣленностью можно сказать, что днем окончательно оформившагося рѣшенія не было. Правда, в совѣтских изслѣдованіях ссылаются на протокол засѣданія Временнаго Комитета от 1-го марта, который, как будто бы, опровергает подобное

утверждение (к сожалѣнію, мы не имѣем возможности проверить точность цитат и опредѣлить весь контекст документа). В протоколѣ значитсѣ: "Временный Комитет Гос. Думы в цѣлях предотвращенія анархіи и для возстановленія общественнаго спокойствія, послѣ низложенія стараго государственнаго строя, постановил: организовать впредь до созыва Учр. Собр., имѣющаго опредѣлить форму правленія російскаго государства, правительственную власть, образовавъ для сего Временный Общественный Совѣтъ Министров в составѣ нижеслѣдующих лиц..." (Далѣе, какъ, пишетъ Генкина, приводящая выдержки изъ указаннаго архивнаго документа, перечислялся состав Временнаго Правительства, официально опубликованнаго 3 марта). Совѣтскій изслѣдователь допускаетъ возможность, что протоколъ составленъ *post factum* для того, чтобы формально закрѣпить образованіе правительства за инициативой думскаго комитета, принявшаго рѣшеніе еще до совѣщанія съ представителями Исп. Комитета. Совершенно очевидно, что перваго марта такого протокола, дѣйствительно, составлено быть не могло, ибо въ немъ упоминается Учред. Собраніе, на которое согласились при обмѣнѣ мнѣніями въ ночь на 2-ое, и которое явля-

лось для думскаго комитета весьма существенной компромиссной уступкой[116]. Но тѣм болѣе характерно употребленіе в протоколѣ термина "Временнаго Общественнаго Совѣта Министров" вмѣсто "Временнаго Правительства", от имени котораго 3 марта опубликована была программа, выработанная в ночном совѣщаніи. (Надо сказать, что термин "Временное Правительство" в первые дни 3—5 марта не употреблялся и в официальной перепискѣ, и Временное Правительство именуется почти всегда "совѣтом министров". Официальное постановленіе об именованіи революціонной власти "Временным Правительством" было сдѣлано 10 марта).

Едва ли состав этого "совѣта министров" намѣчался так упрощенно, как изобразил с обычной чрезмѣрной картинностью Шульгин, приписавшій себѣ инициативу. Надо было, "во что бы то ни стало, образовать правительства" утверждает мемуарист: — "Я повторно и настойчиво просил Милюкова, чтобы он поэтому занялся списком министров". И Милюков к вечеру перваго марта "занялся". "Так на кончикѣ стола, в этом диком водоротѣ полусумасшедших людей, родился этот

список из головы Милюкова, при чем голову эту пришлось сжимать обѣими руками, чтобы она хоть что-нибудь могла сообразить. Историк в будущем..., вѣроятно, изобразит это совершенно не так... Я же рассказываю, как было". Эмигрант-мемуарист в состояніи рецидива монархических чаяній издѣвается над этим списком, "общественным довѣріем облеченных". Но дѣло было не в том "мифѣ", который пытается опровергнуть Шульгин, а в том, что метод созданія революціонной власти совершенно не подходил к моменту. В этом тогда не отдавали себѣ отчета. Взяли старый ходячій список проектированнаго думскаго "министерства довѣрія" и подбавили к нему новых людей, которых, казалось, выдвигала создавшаяся конъюнктура прежде всего руководителей подготовлявшагося дворцоваго переворота, у которых естественно предполагались организаціонныя связи с военными кругами. Эта конъюнктура выдвинула и лѣвыя кандидатуры. В какой момент? По утверженію Суханова, в ночном засѣданіи делегатом Совѣта при перечисленіи личнаго состава министров имя Керенскаго не было упомянуто, и только послѣ окончанія предварительных переговоров, т. е. около 4 ч. утра, Суханов узнал, что Керенскому

предлагают портфель министра юстиціи. Это была уступка лѣвому сектору — намѣчались двѣ персональныя кандидатуры социалистов из среды членов Думы, входивших в состав Временнаго Комитета. Не было все принято рѣшеніе предоставить в правительствѣ два мѣста членам Совѣта Р. Д., как это утверждает Керенскій; не было и рѣшенія предоставить два портфеля (юстиціи и труда) членам социалистических партій, как говорится в историческом трудѣ Милюкова; не было это и попыткой созданія "коалиціоннаго кабинета", как безоговорочно отвѣтила редакція "Русских Вѣдомостей" на упоминавшійся запрос «Daile Chronicle». Это были двѣ личныя кандидатуры, причем кандидатура Чхеидзе, почти не принимавшаго участія в дѣлах Комитета, тут же отпала за его рѣшительным отказом, и оставалась кандидатура Керенскаго.

Судя по воспоминаніям Шульгина, имя Керенскаго и раньше называлось в кругах прогрессивнаго блока, при обсужденіи нѣкоторых комбинацій "министерства довѣрія" или "гаданія на кофейной гущѣ", по мнѣнію мемуариста. Ссылаясь на свою бесѣду с Шингаревым в январѣ 17 г., Шульгин

объясняет и мотивы, побуждавшіе тогда выдвигать кандидатуру представителя трудовой группы. Оба собесѣдника признавали; что настроеніе страны перешагнуло уже через голову "прогрессивнаго блока", и что в силу этого необходимо искать поддержки расширеніем блока "влѣво": "надо вырвать у революціи ея главарей", гораздо выгоднѣ имѣть Керенскаго "с собой, чѣм против себя". И именно Шульгин, по его словам, предложил "Керенскаго на пост министра юстиціи — на пост, который сейчас (т. е. до революціи) не имѣет никакого значенія"[\[117\]](#). В дни революціи выгода имѣть Керенскаго в своей средѣ должна была выясниться еще отчетливѣ дѣятелям прогрессивнаго блока в силу пріобрѣтенной лидером трудовиком совершенно исключительной популярности. "Душою движенія был Керенскій" — вспоминает Зензинов: "это необходимо признать, не боясь впасть в преувеличеніе". "Он выросал с каждой минутой" подтверждает и Шульгин, давая свое объясненіе причинам, выдвинувшим лидера думских трудовиков в дни переворота на первое мѣсто: "на революціонной трясинѣ привыкшій к этому дѣлу танцевал один Керенскій" — "талантливый актер", но его "одного слушают". "Магнетическій" дар Керенскаго

— отмѣчает Бьюкенен: это единственный министр, который производит впечатлѣніе. Его слова вызывают "энтузіазм". Он "самый популярный человек", его образ "всенародно опозитизирован", всѣ делегаты с фронта требуют свиданія именно с ним, появленіе его на эстрадѣ вызывает "бури восторга" (Станкевич, Вл. Львов и др.). "Обаяніе Керенскаго поднимает престиж Временнаго Правительства в глазах революціонной демократіи" — утверждают авторы "Хроники".

Роль, сыгранную Керенским в февральском переворотѣ, довольно образно охарактеризовал еще в первые мартовскіе дни в Московском Комитетѣ общественных организаций видный представитель партіи к. д. Кишкина: "Я только что вернулся из Петрограда — сказал назначенный правительственным комиссаром Кишкин — и могу засвидѣтельствовать, что если бы не Керенскій, то не было бы того, что мы имѣем. Золотыми буквами будет написано его имя на скрижалях Исторіи". При организациі власти органически нельзя было устранить того, кто воплощал в себѣ как бы весь пафос первых революціонных дней, и чье имя производила "магическое впечатлѣніе" на толпу.

Керенскій сдѣлался "романтическим героем революціи" — ея "любовью". Сам Керенскій рассказывает во французском текстѣ воспоминаній, что ему позднее стало извѣстно, что нѣкоторые члены намѣтившагося правительства соглашались вступить в его состав только при условіи включенія и Керенскаго.

Керенскій колебался. Его вхожденіе в правительство означало конфликт с Исп. Ком. и возможный уход из Совѣта. Всѣ друзья рассказывает он — убѣждали его покончить с Совѣтом и войти в кабинет. То же, в сущности, рекомендовали и члены Совѣта, с которыми в "частном порядкѣ" вел переговоры Керенскій в утренніе часы второго марта. Они, по словам Шляпникова, даже "угovarивали" Керенскаго вступить в правительство за свою личную отвѣтственность. — Шляпников присутствовал при бесѣдѣ Керенскаго со Стекловым, который доказывал, что Керенскій, не связанный партійным рѣшеніем, может в правительство вступить. "Совѣтскій Макиавелли" — Суханов, заставшій аналогичную бесѣду Керенскаго с Соколовым, не так был опредѣленен и дал двугранный отвѣт, когда его мнѣніе спросил Керенскій. Свой от-

вѣт в записках он формулирует так: "ни в Исп. Ком., ни в Совѣтѣ эти вопросы ещё не ставились (это, как мы видѣли, невѣрно), и говорить об этом было преждевременно. Но мое личное отношеніе к этому дѣлу я высказал Керенскому. Я сказал, что я являюсь рѣшительным противником, как принятія власти совѣтской демократіей, так и образованія коалиціоннаго правительства. Я не считаю возможным и *официальное* представительство социалистической демократіи в цензовом министерствѣ. Заложник Совѣта в буржуазно-империалистическом кабинетѣ связал бы руки демократіи. Вступленіе Керенскаго в кабинет Милюкова в качествѣ представителя революціонной демократіи совершенно невозможно... Но... индивидуальное вступленіе Керенскаго... в революціонный кабинет я считал бы объективно небезполезным... Это придадо бы всякому кабинету большую устойчивость перед лицом стихійно ползущих влѣво масс"... "Керенскаго не мог удовлетворить такой отвѣт" — замѣчает резонирующий мемуарист: "Ему явно хотѣлось быть министром. Но ему нужно было быть посланником демократіи и официально представлять ее в первом правительствѣ революціи". Как видна из воспоминаній само-

го Керенскаго, позиція индивидуального вхожденія в министерство, дѣйствительно, его не удовлетворяла, он считал такое рѣшеніе политически невозможным, ибо предвидѣл огромную опасность, которая угрожала в том случаѣ, если революціонныя массы будут предоставлены случайному руководству Совѣта, не имѣя официальнаго своего представителя во временном правительствѣ. Допустить это Керенскій не мог (« Je ne pouvais le permettre » — нѣсколько претенціозно выражается он во французском текстѣ). Такое временное правительство было бы заранѣе обречено. В то же время Керенскій, по его словам, сознавал невозможность переубѣдить совѣтских лидеров и повліять на измѣненіе их позиціи. Надо признать, что нѣтъ никаких намеков на то, что Керенскій пытался воздѣйствовать на измѣненіе лишь намѣчавшейся перваго марта тактики. Почва для его инициативы и для его выступленія была подходящая, но в ночь с перваго на второе марта он в идеологических спорах участія не принимал; не оказал вліянія представитель демократіи и при подборѣ кандидатов в будущее революціонное правительство.

Керенскій пишет в воспоминаніях, что эта ночь была для него самой трудной. Он должен был найти выход из почти безвыходнаго положенія. Силы его ослабѣвали. Истомленный обстановкой Керенскій впервые послѣ бессонных ночей отправился домой. Здѣсь он потерял сознание и в полузабытїи провел 2—3 часа. И вдруг сразу пришло рѣшеніе на вопрос, который мучил Керенскаго. Он должен принять пост министра юстиціи и открыто объяснить мотивы своего рѣшенія непосредственно в Совѣтѣ. Рѣшеніе это было принято не по тѣм политическим соображеніям, которыя были выше изложены, а по мотивам исключительно гуманным. Керенскій неожиданно вспомнил об арестованных представителях старой власти. Он был убѣжден, что только он один в переживаемых условіях мог бы не допустить линчеванія их толпой и избѣгнуть ненужнаго кровопролитія. Так говорит сам мемуарист, утверждающей, что под таким впечатлѣніем он очнулся и немедленно позвонил по телефону во Временный Комитет, передал Милюкову свое окончательное рѣшеніе. Керенскаго нисколько не смущало то обстоятельство, что он будет один от "демократіи" в правительствѣ, ибо за ним было непререкаемое обще-

ственное мнѣніе, опредѣлявшее удѣльный вѣс будущаго "заложника" демократіи в буржуазном правительствѣ[118].

В первой половинѣ дня собрался пленум Совѣта Р. Д., на котором Стеклов "дипломатически и уклончиво" докладывал программу соглашенія, намѣтившагося с Врем. Комитетом. Во время доклада в залѣ засѣданія появился Керенскій и потребовал предоставленія ему слова внѣ очереди. Члены Исп. Ком., как пишет Керенскій, всемѣрно старались отговорить его от выступленія, указывая на возбужденное состояніе многолюдной толпы рабочих и солдатских делегатов, которая может устроить Керенскому враждебную демонстрацію — необходимо подготовить собраніе к мысли, что формальный представитель Совѣта вступил в состав буржуазнаго правительства («Ils se jeteront sur vous et vous mettront en piéces» — в образных выраженіях передает мемуарист аргументацію "церковников" Исп. Ком.). Тѣм не менѣе Керенскій, взгромоздившись на стол, свое заявленіе сдѣлал, объясняя мотивы, побудившіе его дать согласіе на предложеніе Врем. Ком., не дожидаясь рѣшенія Совѣта, и потребовал довѣрія к

себѣ. "Патетическія фразы, полубезсвязныя, но сказанныя с сильным подъемом с непривычным для впечатлительной аудиторіи мелодраматическим эффектом", произвели "магическое дѣйствіе" — так описывает "Хроника февральскихъ событій", авторы которой присутствовали на засѣданіи в качествѣ активныхъ дѣйствующихъ лицъ. В отчетѣ совѣтскихъ "Извѣстій" сказано: "трудно представить энтузіазм, охватившій залъ засѣданія. Единичные голоса, пытавшіеся протестовать... были заглушены единодушнымъ возгласомъ подавляющаго большинства. Совѣтъ Р. Д. устроилъ Керенскому бурную овацію, которой еще не видѣли, кажется, стѣны Таврическаго дворца". Сухановъ отмѣчает, что настроеніе поднялось в тотъ именно моментъ, когда Керенскій мотивировалъ свое согласіе войти в составъ министерства тѣмъ, что в его рукахъ находятся арестованные представители старой власти, которыхъ он не рѣшается выпустить изъ своихъ рукъ. Самъ Керенскій не помнитъ деталей своей рѣчи, но хорошо помнитъ устроенную ему овацію и то, что онъ былъ отнесенъ на рукахъ до помѣщенія Временнаго Комитета. И поэтому, быть можетъ, бесполезно воспроизвести (с маленькими лишь купюрами) эту рѣчь в томъ видѣ, какъ она на другой день была

напечатана в официальных совѣтских "Извѣстіях"... "Товарищи,., довѣряете ли вы мнѣ?" — патетически спрашивал Керенскій. — "В настоящій момент образовалось временное правительство, в котором я занял пост министра юстиціи. Товарищи, я должен был дать отвѣт в теченіе пяти минут(!) и потому не имѣл возможности получить ваш мандат до рѣшенія моего вступленія в состав временнаго правительства. *В моих руках находились представители старой власти, и я не рѣшался выпустить их из своих рук* (возгласы: правильно)... Немедленно по вступленіи на пост министра я приказал освободить *всѣх политических заключенных* и с особым почетом препроводить из Сибири сюда, к нам, наших товарищей депутатов, членов соц.-дем. фракціи IV Думы, депутатов II Думы... Я занял пост министра юстиціи до созыва Уч. Соб., которое должно будет, выражая волю народа, установить будущій государственный строй (бурные аплодисменты). До этого момента будет гарантирована полная свобода пропаганды и агитаціи по поводу формы будущаго государственнаго устройства, *не исключая и республики* (обратим вниманіе на это указаніе Керенскаго!). В виду того, товарищи, что я принял на себя обя-

занности министра юстиціи до полученія от вас на это полномочія, я слагаю с себя званіе тов. предс. Совѣта Р. Д. Но для меня жизнь без народа невысказана, и я вновь готов принять на себя это званіе, если вы признаете нужным (просим!). Товарищи, пойдя в состав временнаго правительства, я остался тѣм же, как был — республиканцем. В своей дѣятельности я должен опираться на волю народа,.. Я должен имѣть в нем могучую поддержку. Могу ли я вѣрить вам, как самому себѣ? ("вѣрим"!). Я не могу жить без народа, и в тот момент, когда вы усомнитесь во мнѣ — *убейте меня* . Я заявлю временному правительству, что я являюсь представителем демократіи, но что временное правительство *должно особо считаться* с тѣми мнѣніями, которыя я буду отстаивать в качествѣ представителя народа, усиліями котораго была свергнута старая власть... Я полагаю, что вы не осудите меня и дадите мнѣ возможность осуществить необходимый гарантіи свободы до созыва «Учр. Собранія. Товарищи! Позвольте мнѣ вернуться к временному правительству и объявить ему, что я *вхожу в его состав с вашего согласія* , как ваш представитель".

Керенскій впал на мгновеніе в полуобморочное состояніе, что произвело, по наблюденіям присутствовавшаго Шидловскаго, на аудиторію потрясающее впечатлѣніе. Патетическія фразы, полубезсвязныя, как видим, были довольно опредѣленны по своему содержанію и достаточно демагогичны. Оратор погрѣшил против истины, так как слишком очевидно, что новоявленный министр юстиціи в то время, когда Временное Правительство еще только конструировалось, не мог еще отдавать распоряженія об освобожденіи всѣх политических заключенных и, как слѣдует из соотвѣтствующаго сообщенія "Извѣстій" комитета думских журналистов, распоряженіе о вызовѣ из Сибири членов думской соц.-дем. фракціи было, сдѣлано комиссарами Временнаго Комитета Аджемовым и Максаковым до занятія Керенским поста министра юстиціи. Керенскій 3-ьяго подтвердил лишь распоряженіе своих временных предшественников через нѣсколько дней, придав ему довольно крикливую форму — спеціальной телеграммой 6 марта мѣстным прокурорам предписывалось лично освободить подслѣдственных и осужденных по политическим дѣлам и передать им привѣт министра.

* * *

Оваціи в Совѣтѣ Керенскій воспринял не только, как вотум личного довѣрія к нему, но и как одобрение избранной им политической линіи. Он счел, что входит во временное правительство, как тов. предс. Совѣта, т. е. в качествѣ официального представителя "рабочаго класса". Было около 3 час. дня, когда произошло, по мнѣнію одних, "героическое выступленіе" Керенскаго в Совѣтѣ или, по мнѣнію других, совершен был им *coup d'état*. По впечатлѣнію героя собранія, его выступленіе вызвало негодование у "верховников" Исп. Ком.: когда толпа несла его на руках, Керенскій видѣл гнѣвныя лица, грозившія мектью. С этого момента, по его словам, началась против его вліянія в Совѣтѣ борьба «*sans aucun scrupule*».

Неоспоримо, Керенскій вызвал негодование, может быть, у большинства членов Исп. Ком. — отчасти уже самим фактом своего непредвидѣннаго выступленія. Но столь же безспорно, что по существу он мог встрѣтить и сильную поддержку у нѣкоторых членов Комитета, если бы не дѣйствовал так неподготовленно в одиночку. Каждый из мемуаристов под своим углом зрѣнія воспринял

атмосферу собранія. Суханов — главный как бы идеолог невхожденія представителей демократіи в министерство, у котораго Керенскій в частном порядкѣ уже спрашивал совѣта, конечно, был в числѣ "негодующих", выступленіе Керенскаго вызвало в нем "ощущеніе неловкости, пожалуй, конфуза, тоски и злобы". Но "лидеры Исп. Ком. понимали, что развертывать пренія во всю ширь в данной обстановкѣ, спеціально о Керенском, значило бы итти на такой риск свалки, неразберихи, затяжки вопроса и срыва комбинаціи, который был нежелателен для обѣих сторон. На этой почвѣ большинство... не считало нужным принимать бой"... Составители "Хроники" просто говорят, что Исп. Ком. "не смѣл возражать" — "протестующее голоса потонули в бурѣ аплодисментов и привѣтственных криков". "Бой", начавшійся в связи с докладом Стеклова, оставлял в сторонѣ личное рѣшеніе, принятое Керенским и шумно одобренное сочувствующим Керенскому митингом. Вопрос шел о принятіи резолюціи Исп. Ком., хотя и отрицавшей коалицію, но говорившей о необходимости соглашенія с буржуазіей и поддержки правительства. "Лѣвая опасность", которой боялся Суханов, но его словам, на собраніи в общем очень

мало давала себя знать. Ораторы "лѣвой", выступавшіе "против буржуазіи вообще", были поддержаны только своими, т. е. незначительной частью собранія.

Впрочем, Суханов наблюдал то, что происходило в собраніи, "урывками, мимоходом, среди текущих дѣл". Другой участник собранія, бундовец Рафес, дает нѣсколько иную характеристику "лѣвой опасности". Два обстоятельства, по его мнѣнію, помѣшали организаціонному комитету с.-д. партіи, высказавшемуся в ночь с 1-го на 2-марта (так утверждает мемуарист) за вхожденіе членов партіи в правительство, отстаивать эту позицію в общем собраніи Совѣта. "Когда на завтра — пишет Рафес — до засѣданія Совѣта, вторично собрался Исполком для обсужденія вопроса послѣ того, как представители партіи уже информировались о взглядах своих организацій, оказалось, что Стеклов, Суханов и Соколов, не выжидая этого засѣданія, сообщили уже представителям думскаго комитета о состоявшемся наканунѣ отрицательном рѣшеніи вопроса Исполкома, как об окончательном". Но "еще важнѣе" было то, что "на засѣданіи Совѣта представители большевиков повели крайне энер-

гичную атаку против поддержки буржуазнаго правительства. Членам Исп. Ком. пришлось со всей энергіей отстаивать эту позицію, Выступление с предложением участія во временном правительствѣ вряд ли встрѣтило бы поддержку на пленумѣ Совѣта, когда большинство Исполкома было против него. Оно лишь сыграло бы на руку большевикам". Историкѣ трудно даже повѣрить, что вопрос такой исключительной важности мог быть разрѣшен так, как рассказывает партійный мемуарист. Во всяком случаѣ постолько, насколько дѣло касалось настроенія пленума Совѣта, шумное выступленіе Керенскаго показывает, что защитники коалиціоннаго принципа могли бы при поддержкѣ Керенскаго без большого труда выиграть кампанію. Исключительный успѣх новаго "кумира" толпы засвидѣтельствовал и другое — не столько "интеллигентные вожаки Совѣта" должны были в своих выступлениях приспособляться к бурным стремленіям низов (запись Гиппиус 1-го марта), сколько эти интеллигенты вели за собой не опредѣлившуюся еще, в общем аморфную массу, плохо разбирающуюся в политических тонкостях. Так или иначе коалиціонисты сдали почти без боя свои позиціи, приняв внѣшній митинговый, даже

"шумный успѣх" крайних ораторов (в противоположность Суханову, так утверждают составители "Хроники", примыкавшіе к позиціи бундовцев) за доказательство того, что "революціонное настроеніе прочно владѣет аудиторіей". При таком "радикальном" настроеніи сторонникам коалиціи приходилось "защищать уже не свою позицію", а говорить об "опасности для пролетаріата оказаться в изолированном положеніи на первых же порах буржуазной революціи" и отстаивать против большевиков официальную позицію Исп. Комитета.

В результатѣ совѣтскій митинг принял резолюцію Исп. Ком. всѣми голосами против 15, т. е. формально отверг вхожденіе своих членов в создающееся правительство. Получилось двойственное положеніе, ложное в своем основаніи и чреватое своими послѣдствіями: фактически одоблив поведение Керенскаго, Совѣт принципиально отвергал одновременно его тактику... Совѣт едва ли отдавал себѣ отчет в том противорѣчии, которое получалось. Не искушенный еще революціонной казуистикой пленум, очевидно, механически голосовал предложенную резолюцію. Вспоминая в послѣд-

ствіи на Совѣщаніи Совѣтов выступленіе Керенскаго, делегат петроградскаго совѣта Кохно говорил: "Мы всѣ в один голос изъявили свою полную с ним солидарность, выразили полное довѣріе и сказали, что... всегда будем одобрять его на этом посту"... Во имя фикціи единства революціоннаго мнѣнія за резолюцію большинства Исп. Ком. голосовала почти вся оппозиція, как правая, так и лѣвая.

II. Гуманность и революціонная стихія.

Один мотив в рѣчи, произнесенной Керенским в Совѣтъ, находится в рѣзком противорѣчии с тѣми побужденіями, которыя яко-бы заставили его по какому-то таинственному наитію принять рѣшеніе о вхожденіи в состав временнаго правительства. Не случайно, однако, Керенскій упомянул об арестованных представителях старой власти. Довольно знаменательно, что и Милюков, произносившій на митингѣ в сосѣдном залѣ чуть-чуть позже также свою первую "министерскую" рѣчь, выдвинул ту же мотивировку выбора Керенскаго на пост генерал-прокурора в новой Россіи: "Мы безконечно рады были — говорил Милюков

по отчету "Извѣстій" — отдать в вѣрныя руки этого общественнаго дѣятеля то министерство, в котором он отдаст справедливое возмездіе прислужникам стараго режима, всѣм этим Штюмерам и Сухомлиновым". Итак рѣчь шла не о гуманности, а о возмездіи, и Керенскій еще раз сам подчеркнул на солдатском митингѣ в Таврическом дворцѣ вечером 2-го марта, что всѣ старые министры будут отвѣчать по суду за свои дѣйствія. Как можно объяснить это противорѣчіе? Шульгин, который среди мемуаристов кладет наиболѣе густо краски в описаніи переживаній современников февральских и мартовских дней, в непослѣдовательной позиціи Керенскаго видит своего рода "комедию", которую он сознательно играл перед "революціонным сбродом". Керенскій хотѣл спасти арестованных, и для этого надо было перед толпой "дѣлать вид", что Гос. Дума сама "расправится с виновными". И крайне тенденціозный мемуарист отдает должное Керенскому: "он употребил всѣ силы своего "драматическаго" таланта, чтобы кровь "при нем" не была пролита". В правых кругах не один только Шульгин признает заслуги в этом отношеніи Керенскаго и первые дни революціи. Ген. Врангель вспоминает, что в то время он уже услы-

шал от члена Думы бар. Штейнгера, приѣхавшаго в Кіев и рассказывавшаго о событіях в Петербургѣ, что только Керенскому (он один способен "сладить с толпой") "Россія была обязана тѣм, что кровопролитіе первых дней вовремя остановилось". Писательница Гиппиус — человек другой среды — высказалась в дневникѣ еще сильнѣе: "в мартѣ он буквально *спас* (курсив авт.) Россію от немедленнаго безумнаго взрыва".

Естественно мы не будем отрицать гуманности революціоннаго правительства, которая была за ним признана таким антиподом революціи, каким неизбѣжно был в. кн. Ник. Ник. Он говорил своему племяннику Андрею в Тифлисѣ 9 марта: "Единственное спасеніе я вижу в лозунгѣ новаго правительства — безкровная революція, но ругаться, конечно, нельзя. Народная ненависть слишком накупѣла и сильна". Готовы мы в общем признать, что именно Керенскому, в силу исключительной роли, которую ему пришлось играть, и ореола, окружившаго его имя, принадлежит как бы честь проведенія в жизнь лозунга: "государственная жизнь не проливает крови". Но сам Керенскій проявил так мало чуткости в своих воспо-

минаніях к описываемой им современности, что счел для себя возможным помѣстить в текстѣ такія строки: "Люди правые меня упрекали и упрекают еще за мою снисходительность в отношеніи лѣвых, т. е. большевиков. Они забывают, что, если бы я дѣйствовал в соотвѣтствіи с принципами, которые они выдвигают, я должен был примѣнить режим террора, не налѣво, а направо, и что я не имѣл права проливать кровь (!!) большевиков, не пролив потопов крови (couler des flots de sang), в первые недѣли революціи, когда я рисковал авторитетом и престижем в глазах масс, сопротивляясь требованіям жестокой расправы (reine atroce) с Царем, со всѣми членами династіи и их служителями". Вот это изложеніе, почти приближающееся к изложенію тѣх мемуаристов, которые с излишним усердіем желают изобразить народную стихію в февральскіе и мартовскіе дни насыщенной кровожадными инстинктами, мы должны рѣшительно опровергнуть, как очень далекое от того, что было в дѣйствительности, династіи придется говорить особо, и, думается, роль Временнаго Правительства и министра юстиціи выяснится с достаточной отчетливостью[119]. Поэтому ограничимся пока лишь бѣглыми иллюстраціями в допол-

неніе к тому, что сказано уже было для характеристики настроенія толпы в первые дни революціи в связи с описаніем эксцессов в отношеніи к офицерам. Это будет нѣкоторым коррективом к показаніям строгих мемуаристов, обличающих революцію.

1. Кордегардія Таврическаго дворца

Нельзя отрицать, что в первые дни Петербург пережил пароксизм лихорадки массовых арестов, временно превративших далее зданіе Таврическаго дворца, гдѣ, по выраженію Зензинова, билось "сердце русской революціи", в какую-то революціонную кордегардію. Мемуаристы лѣваго сектора русской общественности — Керенскій не представляет в данном случаѣ исключенія — всемѣрно стараются снять с себя отвѣтственность за насилія, учиняемыя именем революціи, и довольно рѣшительно отклоняют приписываемую им инициативу в дѣлѣ "самозащиты" революціи. То было инстинктивное, самопроизвольное устремленіе масс, носившее "партизанскій характер". Руководители революціи пытались лишь регулировать анархическую инициативу самозванных

групп, придав ей некоторым образом законную форму. Так поясняет Суханов в своих "записках". "Самочинные группы, одна за другой — вспоминает он — подносили членам Исп. Ком. ...написанные ими приказы об арестах, как невинных, так и действительно опасных; как безразличных, так и на самом деле зловредных слуг царского режима... Не дать своей подписи в таких обстоятельствах, значило, в сущности, санкционировать самочинное насилие, а, быть может, и эксцессы по отношению к намеченной почему-либо жертве. Подписать же ордер, означало в одних случаях пойти навстречу вполне целесообразному акту, в других — просто доставить личную безопасность человеку, ставшему под подозрение. В атмосфере разыгравшихся страстей нарваться на эксцессы было больше шансов при противодействии аресту, чем при самой процедуре его. Но я не помню ни одного случая (*и даже могу утверждать, что такого не было*), когда тот или иной арест состоялся бы по постановлению Исп. Ком. или по инициативе его. С первого момента революция почувствовала себя слишком сильной для того, чтобы видеть необходимость в самозащите подобным способом"[\[120\]](#).

Память нѣсколько измѣнила мемуаристу, и факты далеко не всегда совпадают с его категорическим утверждением. Как ни скромны документальные слѣды этих дней в архивах, но они говорят об инициативѣ, проявленной членами Исп. Ком.: вот, напр., "приказаніе", отданное подп. Ст. Шиманскому "отправиться на основаніи полученных свѣдѣній для производства ареста б. предсѣдателя Совѣта министров Бориса Штюрмера и доставить его в помѣщеніе Государственной Думы" — приказаніе помѣчено датой 8 ч. 45 м. утра 28-го и подписано за предсѣдателя военной комиссіи Врем. Ком. Гос. Думы ст. лейт. с. р. Филипповым, не состоявшим даже членом Исп. Ком.[\[121\]](#).

Само собой разумѣется, что инициатива ареста правительственнаго аппарата принадлежала не взбунтовавшейся солдатской толпѣ, а руководителям движенія, которые в первый момент исходили в гораздо большей степени из соображеній революціонной цѣлесообразности, чѣм гуманности. Для объясненія этого естественнаго послѣдствія возстанія, когда борющаяся сторона пыталась изолировать и обезвредить представителей старой власти, вовсе нѣтъ надобности становиться в искус-

ственную позу безупречнаго революціоннаго Дон-Кихота. Сам Керенскій рассказывает, что Думскій Комитет поздно вечером 27-го, принявъ временныя бразды правленія, рѣшил арестовать старое правительство в Маріинском дворцѣ (очень сомнительно, чтобы такое постановленіе Врем. Комитета существовало, но какія-то попытки в этом отношеніи были сдѣланы, как устанавливает процитированный выше документ из архивов военной комиссіи). Еще раньше, даже до формальнаго образованія Врем. Комитета, по распоряженію уже диктаторствовавшего в кулуарах Керенскаго было отдано в революціонном порядкѣ предписаніе об арестѣ предсѣдателя Гос. Совѣта Щегловитова. Это вновь рассказал сам Керенскій в нѣсколько противорѣчивом повѣствованіи о событіях первых дней революціи, и рассказ его подтвердил в своих воспоминаніях литовскій депутат Ичас. По словам Керенскаго, в толпѣ, собравшейся в Тавр. дворцѣ, говорили о необходимости суровых мѣр в отношеніи представителей и защитников стараго режима и интересовались его "мнѣніем". Керенскій отвѣтил, что тѣ, кто особенно опасны, будут немедленно арестованы, и назвал Щегловитова, тут же приказав, чтобы послѣдній немедленно был к

нему приведен (*tut amené sur le champ devant moi*). Отпадает таким образом приводимая Сухановым и другими, распространенная при посредствѣ "очевидцев" версія о том, что какой-то студент, "неизвѣстно по чьему распоряженію", арестовал Щегловитова, пригласив к себѣ на помощь с улицы случайную группу вооруженных солдат. Надо думать, что тогда же было дано распоряженіе и об арестѣ мин. вн. д. Протопопова, задержать котораго пыталась еще в 11 ч. утра по собственной инициативѣ какая-то группа инсургентов при помощи солдат Преображенскаго и Волынскаго полков, которых еще не было в Таврич. дворцѣ (эту совершенно неправдоподобную версію приводит Керенскій).

Щегловитов был приведен. По всѣм почти воспоминаніям проходит сцена, разыгравшаяся в кулуарах между предсѣдателем Думы и считающим себя на дѣлѣ диктатором лѣвым депутатом[122]. Из этих мемуарных версій выберем ту, которую дает Ичас: он был не только непосредственным свидѣтелем, но и дѣйствующим лицом; его изложеніе привлекает своей ясной простотой — затерянное к тому же среди газетных сооб-

щений, оно менѣе извѣстно, чѣм воспоминанія Керенскаго, Родзянко, Суханова, которыя легко сравнить между собой. В то время, когда "300 членов Думы" бродили по "унылым залам", ожидая рѣшенія Временнаго Комитета, "два студента с саблями наголо" ввели Щегловитова и обратились к Ичасу с вопросом: гдѣ Керенскій? "Я велѣл отвести Щегловитова в приставскую комнату и сказал, что сам пойду за Керенским" — рассказывает Ичас. Керенскій отвѣтил: "сейчас приду, пусть подождут". "Минут десять мы его ждали. Тѣм временем толпа с улицы уже проникла в помещеніе и стала окружать нас. Керенскій прибѣжал в комнату и громко спросил, озираясь: кто меня звал? Тогда студент, конвоировавшій Щегловитова, указал на арестованнаго. Керенскій взволнованным голосом спросил: "Так вы — Щегловитов?" и... прибавил: "Ив. Гр., вы тот человѣкъ, который может нанести самый опасный удар ножом в спину революціи, и мы вас в такой момент не можем оставить на свободѣ". При этих словах вышел из своего кабинета, окруженный членами Комитета, предсѣдатель Гос. Думы Родзянко: "Ив. Гр., как вы сюда попали? А. Ф., вѣдь в Комитетѣ постановленія об арестѣ его не было?" "Я еще до избранія

Комитета распорядился его арестовать" — отвѣтил Керенскій. "Так пойдите в кабинет, обсудим этот вопрос. Ив. Гр., пойдите со мной, посидите, пока мы обсудим этот вопрос" — продолжал Родзянко, протягивая Щегловитову руку. Тогда молодой студент с саблей оборвал предсѣдателя Думы: "Не по вашему распоряженію мы его арестовали и не можем отпустить его с вами". "Отведите г. Щегловитова в министерскій павильон и приготовьте ему кровать" — распорядился Керенскій и вошел вмѣстѣ с комитетскими в кабинет предсѣдателя"[\[123\]](#)...

Арест Щегловитова, по словам Керенскаго, вызвал чрезвычайное возбужденіе среди "умеренных" членов Думы. Они настаивали на освобожденіи предсѣдателя Гос. Совѣта во имя принципа неприкосновенности членов законодательных собраній, они протестовали против превращенія Гос. Думы в дом тюремнаго заключенія и, вѣроятно же всего, отнюдь еще не желали вступить на революціонный путь. Но фактическій "диктатор" был тверд, несмотря на всѣ протесты Врем. Ком., о которых говорит Родзянко. В воспоминаніях Керенскій высказывает удивленіе, как его коллеги не понимали,

что освобождение Щегловитова в этот момент означало бы не только умаление престижа Думы в глазах масс, но и передачу его возмущенной толпѣ на линчевание. Это было безуміе, на которое предвидѣвшій послѣдствія будущій генерал-прокурор революціи пойти не мог.

Министерскій павильон быстро наполнился арестованными сановниками — элитой бюрократического міра[124]. Сюда приводили арестованных по законным "правительственным" ордерам, выдаваемым от имени членов обоих Испол. Комитетов и их военной комиссіи; сюда поступали приведенные любителями творить самочинно революціонное правосудіе, согласно офіціальному объявленію доставлять сановников и генералов в Таврич. дворец, "буде таковых придется задерживать" (подобныя объявленія могли лишь толкать населеніе на производство арестов); сюда сажали добровольно явившихся в цѣлях самосохраненія — здѣсь они чувствовали себя, как за "каменной стѣной", по выраженію секретаря Родзянко. В хаосѣ "черезполосицы" невозможно разобраться и опредѣлить случаи, когда вожди революціи в предписаніи арестов проявляли активную инициа-

тиву и когда лишь вынужденно легализировали революціонное беззаконіе. Ордера посылались на бланках, которые были под рукой, и немудрено, напр., что с-р. Мстиславскій, член военной комиссіи, по собственному признанію, заполнил, не имѣя на это никакого права, бланки тов. пред. Гос. Думы. Мало понятно, на основаніи каких полномочій чл. Врем. Комитета Караулов, занявшій 28-го временно пост коменданта Тавр. дворца, отдавал 1 марта приказ о немедленном арестѣ "всѣх чинов наружной и тайной полиціи и корпуса жандармов", но совершенно очевидно, что аресты в этой средѣ производились вовсе не в соотвѣтствіи с "приказом № 1", как утверждал впослѣдствіи отчет думской "комиссіи по принятію задержанных военных и высших гражданских чинов".

Керенскій с перваго же момента сдѣлался вершителем судьбы представителей того режима, который свергла революція. Может быть, поэтому естественно, что его имя внѣ зависимости от официальнаго поста, который он занял 2-го марта, оказалось особо тѣсно сопряженным с волной арестов, прокатившейся по Петербургу. Отмѣчая "поразительную планомѣрность" арестов, несмотря на

неоднократное, будто бы, объявление со стороны Врем. Ком, об их "незаконмѣрности", Родзянко намекает на специфическую роль Керенскаго — по крайней мѣрѣ воинскіе чины, производившіе аресты, указывали "имя члена Гос. Думы Керенскаго, как руководителя их дѣйствіями"[\[125\]](#). В своем стремленіи охранить революцію от насилія ("в благородных усиліях", чтобы "Тавр. дворец не обогрился кровью") Керенскій проявлял временами, дѣйствительно, чрезмѣрное рвеніе. С нѣкоторой наивностью рассказывает он сам эпизод, имѣвшій мѣсто при арестѣ б. мин. вн. д. и юстиціи Макарова. Гдѣ-то и кѣм-то арестованный Макаров был освобожден депутатами по "сердечной добротѣ": они не понимали, что только арестом и проявленіем извѣстной строгости — повторяет Керенскій свой излюбленный мотив — можно было воспрепятствовать массовым судам Линча. Керенскій спѣшит исправить оплошность депутатов, не подумавших о том, что сдѣлано было бы с этим бывшим министром, если бы господа демагоги и агенты-провокаторы узнали об освобожденіи министра, знаменитаго своей неосмотрительной фразой в Думѣ по поводу ленских разстрѣлов в 12-ом году: "так было и так будет" (этой фразѣ тогда

придали нѣсколько иной смысл, чѣм тот, который вкладывал в нее ее произносившій). Узнав, что б. министр Макаров, боясь ночью возвращаться домой, нашел себѣ пристанище в частной квартирѣ, расположенной в антресолях дворца, член Гос. Думы Керенскій, захватив двух вооруженных солдат, бѣгом поднялся наверх; перепугал даму, ему открывшую дверь на звонок, извинился, арестовал Макарова и водворил его в министерскій павильон. Дѣло, конечно, было не только в личной экспансивности лидера думской трудовой группы. Вѣроятно, и соображенія о гуманности привлечены были в данном случаѣ мемуаристом задним числом. Эпизод скорѣе надо объяснить сугубо отрицательным отношеніем Керенскаго, выступавшаго в роли разоблачителя ленских событій, к тогдашнему министру вн. д., заслужившему, однако, общественную амнистію своим независимым поведеніем в послѣдній період царскаго правленія, когда он вызвал неблаговоленіе к себѣ со стороны имп. А. Ф. и должен был покинуть министерскій пост. И, может быть, не так уже не правы были тѣ члены Думы, которые рекомендовали арестованному и освобожденному Коковцову, как он рассказывает в воспоминаніях, итти скорѣе домой, пока

на него "не набрел Керенскій".

Побуждала ли обстановка в Таврическом дворцѣ перваго марта к принятію таких экстраординарных мѣр, если даже допустить, что имя Макарова было пенавистно массѣ так же, как оно ненавистно было Керенскому? Мемуаристы противоположнаго лагеря по иным, конечно, основаніям явно сгущают атмосферу. Примѣром может служить повѣствованіе все тоге же Шульгина. Он чрезвычайно картинно рассказывает, как в Думѣ "побѣжало особое волненіе", когда пришел добровольно арестовываться или отдаться "под покровительство Гос. Думы" Протопопов (это было в тот же вечер, когда произошел эпизод с Макаровым), и как Керенскій проявил всѣ силы своего "актерскаго дарованія". От озлобленной толпы распутинскому ставленнику "ждать ничего хорошаго не приходилось". "И в то же мгновеніе я увидѣл в зеркалѣ — живописует Шульгин — как бурно распахнулась дверь... и ворвался Керенскій. Он был блѣден, глаза горѣли... рука поднята. Этой протянутой рукой он как-бы рѣзал толпу... — Не смѣть прикасаться к этому челоуѣку... Всѣ замерли... И толпа разступилась... Керенскій пробѣжал

мимо, как горящій факел революціоннаго правосудія, а за ним влекли тщедушную фигуру в помятом пальто, окруженную штыками"... Сам Керенскій рассказал о появленіи Протопопова в Думѣ менѣе картинно с внѣшней стороны, чѣм то сдѣлал сторонній очевидец происходившаго. По словам Керенскаго, его в одном из корридоров дворца остановила фигура страннаго вида, обратившаяся к нему с титулованіем "Ваше Превосходительство". Это оказался Протопопов. И Керенскій провел, не вызвав ничьего вниманія, этого наиболѣе ненавистнаго в Россіи человѣка в "павильон министров". Сам Протопопов так рассказал о своем арестѣ в дневникѣ: "Я спросил какого-то студента провести меня в Исп. Ком. Узнав, кто я, он вцѣпился в мою руку. "Этого не надо, я не убѣгу, раз сам сюда пришел" — сказал я; он оставил меня. Стали звать А. Ф. Керенскаго. Он пришел и, сказав строго, что его одного надо слушать, ибо кругом кричали солдаты, штатскіе и офицеры, повел меня в павильон министров, гдѣ я оказался под арестом". Еще болѣе прозаична была отмѣтка в № 3 "Извѣстій" комитета журналистов, утверждавшая, что появленіе Протопопова не вызвало в Думѣ никаких страстей.

Всегда представляется нѣсколько сомнительным, когда мемуаристы в однородных тонах и с однородными деталями сообщают разные эпизоды, хотя и возможно себѣ представить, что в аналогичных условіях должны были получаться однотипный картины. Совершенно в духѣ Шульгина нѣсколько раньше Суханов изображал эпизод с арестом столь же ненавистнаго Штюмера. Только роль Керенскаго в этом случаѣ сыграл трудовик в формѣ прапорщика — Знаменскій, обладавшій зычным голосом. Надлежало провести в спасительный "министерскій павильон" через враждебную и вооруженную толпу группу арестованных, во главѣ со Штюмером и Курловым, под охраной ненадежных конвойных, "самочинно арестовавших и доставивших ненавистных правителей в Таврич. дворец". "Не смѣть трогать" — крикнул во все свое могучее горло Знаменскій, открывая шествіе. Толпа разступилась, злобно поглядывая на арестованную партію, и "ненавистные министры" были охранены от самосуда. "Труднѣе будет уберечь Сухомлинова, о котором постоянно спрашивали в толпѣ, и против котораго возбужденіе было особенно сильно" — будто-бы подумал тогда же Суханов, присутствовавшій при том, как. Знамен-

скій вел группу арестованных сановников. И если Сухомлинова оберегли от самосуда, то здѣсь, в изображеніи Керенскаго. исключительно его заслуга. Кто-то "блѣдный и трясущійся от страха" прибѣжал сообщить Керенскому, что привели Сухомлинова, и что солдаты находятся в чрезвычайном возбужденіи (*surexcitation terrible*) и готовы измѣнника-генерала разорвать на куски. Керенскій и через десять лѣт не мог вспоминать без чувства ужаса ту кошмарную сцену, которая готова была разыгратъся. Увидав приближающагося с охраной Керенскаго и поняв, что жертва может ускользнуть, толпа бросилась на Сухомлинова, и Керенскій собственным тѣлом его прикрыл. Он воззвал к чести солдат, заклиная их не опозорить революцію пролитіем крови в стѣнах Думы. Он один противостоял негодованію озвѣрѣлой толпы солдат, твердо заявив, что они коснутся своей жертвы только через его, Керенскаго, труп. Керенскій почувствовал колебанія в толпѣ и понял, что он выиграл игру.

Отдадим должное мужественному поступку мемуариста. Вѣроятно, нѣчто подобное было в дѣйствительности. В отношеніи Сухомлинова атмо-

сфера должна была быть сгущенной — вѣдь около его личности была сосредоточена вся ненависть и вся агитація в період всѣх неудач во время войны. Враждебность к Сухомлинову не могла быть показательной для революціонных настроеній. И все-таки закрадываются нѣкоторыя сомнѣнія — не чрезмѣрно ли мемуарное перо и позднѣйшее воспріятіе остро в свое время пережитого сгустили краски. Невольная случайная очевидица того, как толпа на улицѣ требовала выдачи Сухомлинова для растерзанія, тоже приведенная в Таврической дворѣц — гр. Клейнмихель, видѣла, как "юноша, почти мальчик, в офицерской формѣ, хватал его за руки и толкал" свою жертву — мундир на Сухомлинвѣ был изорван, погоны срѣзаны, ордена похищены... Депутаты спасли бывшаго военнаго министра, окружив его тѣсным кольцом. Надо сказать, что у старой графини было чрезвычайно живое воображеніе. В ея воспоминаніях можно было бы подчеркнуть яркія бытовыя сцены для эпохи, если бы онѣ не были приправлены подчас слишком уже фантастическими аксессуарами даже тогда, когда она говорит о своих собственных приключеніях и своих собственных переживаніях[126]. В личных воспоминаніях Сухомлинов совсѣм по иному ри-

сует обстановку своего ареста. Взятый у себя на квартирѣ (к моменту революціи он был освобожден из Петропавловской крѣпости и находился под домашним арестом) "какой-то компаніей вооруженных людей", Сухомлинов был отвезен в Таврической дворец. "Во время переѣзда в грузовом автомобилѣ студент в очках держал против моего виска браунинг, дуло котораго стучало мнѣ в голову на ухабах. Полнѣйшее мое равнодушіе к этому боевому его приѣму привело к тому, что он вскорѣ спрятал оружіе в кобуру. Нѣсколько заданных вопросов относительно моего дѣла и совершенно спокойные мои отвѣты на них закончились тѣм, что первоначальное непріязненное ко мнѣ отношеніе превратилось в благожелательное. У Тавр. дворца снаружи и в залах, по которым я проходил, была масса народа, и никаким оскорбленіям я не подвергался, как об этом невѣрно сообщали газеты". Сухомлинов вначалѣ был приведен к Энгельгардту, а потом повели к Керенскому. "В небольшом корридорѣ просили обождать. Я сѣл у колонны и наблюдал то столпотвореніе, которое вокруг происходило... Подошел ко мнѣ какой-то приличный господин и просил очень вѣжливо, чтобы я спорол погоны, и подал мнѣ ножницы. Я

их просто отвязал и отдал ему — тогда он попросил и мой георгіевскій крест, но я его не отдал и, к моему удивленно, бывшій тут часовой, молодой солдатик, вступился за меня и сказал: "Вы, господин,... этого не понимаете, это заслуженное и так, отнимать, да еще такой крест, не полагается". Наконец, пригласили меня тут-же рядом в сѣни, гдѣ стоял взвод солдат с ружьями, и появился Керенскій... Мнѣ он ничего не говорил, а обратился к нижним чинам и в приподнятом тонѣ сказал, что вот, мол, бывшій военный министр царскій, который очень виноват и его будут судить, а пока он им повелѣвает, чтобы волос с головы моей не упал... Тѣм все и кончилось... Я вышел на внутренній подъѣзд дворца, гдѣ стоял тот самый автомобиль, в котором меня привезли; мой почетный караул... присутствовал, когда я в него садился, а мои уже старые знакомые конвоиры дружески встрѣтили меня... От них же я узнал, что меня повезут в Петропавловскую крѣпость, куда приблизительно через полчаса меня и доставили"... Здѣсь — подчеркивает Сухомлинов, "со много всѣ были вѣжливы — принесли даже котлету с картофелем и чай... Арестованных еще не было никого... и я занял опять свой № 55".

Легко можно допустить сознательную тенденцію Сухомлинова при разсказѣ, но в дальнѣйшем изложеніи, говоря о содержаніи в Петропавловской крѣпости, он отнюдь не щадит "обнаглѣвших со звѣриными фізіономіями в сѣрых шинелях". Неожиданно в нѣкоторых своих частях разсказ Сухомлинова находит подтвержденіе в напечатанном 9 марта в "Извѣстіях" письмѣ прап. 171 пѣх. зап. полка Чиркунова, находившагося во главѣ отряда, который забирал Сухомлинова на его квартирѣ. Между прочим, здѣсь устанавливалось, что солдаты хотѣли первоначально сорвать с измѣнника погоны, но послѣ рѣчи Сухомлинова о том, что он невиновен, погоны были оставлены. Как будто бы очевидно, что отряд прап. Чиркунова должен был по распоряженію новой власти перевести подслѣдственнаго Сухомлинова с привилегированнаго домашняго положенія, с чѣм так боролись до революціи думскіе дѣятели из состава прогрессивнаго блока, на старое крѣпостное. Почему понадобилось провести такую техническую операцію через революціонный штаб, каким являлся в тот момент Таврическій дворец, не совсѣм понятно.

Как примирить двѣ столь противоположныя версіи, которыя выступают в изложеніи Керенскаго и Сухомлинова? — истина должна быть гдѣ-то по срединѣ между двумя крайностями. При таких условіях сухомлиновскій эпизод будет достаточно характерен. Он как бы подтверждает положеніе, что атмосфера в Таврическом дворцѣ вовсе не была насыщена электричеством той злобности, при которой эксцессы пріобрѣтают кровавый характер[127]. Трудно повѣрить показаніям, принимавшаго непосредственное участіе в "слѣдственной комиссіи" кн. Мансырева, который говорит о том, как уже вечером перваго дня революціи "толпа" в Таврическом дворцѣ "неистово" избивала "кулаками и прикладами" арестованных "жандармских офицеров и полицейских чиновников" — трудно повѣрить потому, что подобная сцена рѣзко противорѣчит фактической обстановкѣ, которую можно установить для революціоннаго штаба 27 февраля и послѣдующих дней.

2. Петропавловская крѣпость.

Не было атмосферы напряженной злобности и за стѣнами Таврическаго дворца. Перед нами

воспоминанія б. тов. обер-прокурора Св. Синода кн. Жевахова. Это был человек крайне реакціонный — для него уже введение института земскаго самоуправления в царствованіе Александра II являлось началом чуть ли не конца Россіи, и в то же время он был человеком нѣсколько не от міра его. Мартовскіе дни представлялись этому религіозному министру православнаго пошиба сплошным ужасом. Чего только не видѣли его глаза, и чего только не слышали его уши! Он, конечно, рассказывает, как улицы запружены были толпой, "жаждущей крови и самых безжалостных расправ — генералов ловили, убивали, разрубали на куски и сжигали. Что только тенденція не выдумает! Однако, когда эти озвѣрѣлыя толпы вломились в казенную квартиру кн. Жевахова и увидѣли иконостас и другіе церковные атрибуты, то жажда крови изсякла — солдаты присмирѣли, стали "виновато улыбаться" и "почтительно удалились, полагая, что здѣсь живет святой человек"... Такой сценой само собой уничтожается та гипербола, с которой современник передал потомству о видѣнном и слышанном в дни революціи[128].

Но допустим, что по иному могла рисоваться

обстановка тѣм, кто были почти замуравлены в первые дни и ночи в четырех стѣнах революціоннаго штаба. Вспомним, как свои ощущенія впоследствии изобразил Шульгин — почти в жевачковских тонах. Керенскій рассказывает, с какой предосторожностью пришлось перевозить заключенных в "министерском павильонѣ" царских саванников в Петропавловскую крѣпость [129]. У временной власти, по его словам, не было охоты размѣщать царских приверженцев в исторических казематах, служивших в теченіе столѣтія мѣстом заключенія и страданія политических узников — героев революціи, но всѣ тюрьмы были разрушены (?) революціонным порывом 27-28 февраля, и только за крѣпкими стѣнами Петропавловки можно было найти надежное мѣсто для личной безопасности новых заключенных старой политической тюрьмы. Таким образом, еще раз гуманная соображенія побудили вспомнить Трубецкой бастион и оживить новыми сидѣльцами прежнюю русскую Бастилію. Город был еще неспокоен, когда "мы вынуждены были перевести министров. Сдѣлать это днем было чрезвычайно опасно, а тѣм болѣе заранѣе раскрыть план перевозки. Поэтому рѣшено было совершить перевод ночью без преду-

прежденія даже стражи"... Лично Керенскій в полночь предупредил арестованных, когда всё приготовления были закончены, что они будут перевезены, не указав ни мѣста, куда их перевозят, ни причин увоза. Секрет, которым была окружена ночная экспедиція, и враждебныя лица солдат, казалось, сильно возбудили заключенных —они думали, что их везут на казнь. (Так казалось во всяком случаѣ Керенскому, который по челу оставшагося спокойным Щегловитова читал затаенную мысль — воспоминанія долголѣтняго руководителя царской юстиціи, как его многочисленныя жертвы в таких же условіях ночного безмолвія отвозились из тюремных казематов на мѣсто казни). В такой обстановкѣ революціонная гуманность, о которой думал Керенскій, превращалась, пожалуй, в недостойную мелочную месть. В дѣйствительности, вѣроятно, не было ни того, ни другого. Была скорѣе неувѣренность власти, не чувствовавшей еще прочной почвы под ногами и облакавшей свою неувѣренность в революціонный пафос, замѣняя его подчас революціонной позой. К ней был нѣсколько склонен тот, кто занял пост министра юстиціи революціоннаго правительства, и она производила впечатлѣніе. Так Ледницкій в

докладѣ московскому Комитету Общ. Организаций 3 марта, передавая свои петербургскія впечатлѣнія, с одушевленіем изображал бытовую сцену, которой сопровождался арест послѣдняго министра юстиціи царскаго правительства Добровольскаго (явился сам в Таврической дворец). "Бывшій министр Добровольскій — торжественно заявил ему Керенскій — вы имѣете честь разговаривать с депутатом Думы, потрудитесь встать", Ледницкій комментировал эти слова: "прежняя власть почувствовала силу новой власти" (по отчету "Рус. Вѣд."). Зензинов вспоминает, с каким "ликующим видом" Керенскій ему сообщил, что по его распоряженію арестован Щегловитов то было "*первое* проявленіе власти революціи". В первые дни подсознательным стимулом, вызывавшим революціонную позу, и могло быть чувство инстинктивного страха за революцію. Этим только возможно объяснить не соответствовавшій идеям и настроеніям обиход, который был установлен властью свѣше в "министерском павильонѣ". Здѣсь царила "гробовая тишина", так как строжайше запрещено было разговаривать. Заключение должны были вставать при входѣ коменданта. Одним словом, все то, что полагалось по тюремной

дисциплинѣ ушедшаго в прошлое режима. Это не отзыв переживаній арестованных, это непосредственное впечатлѣніе журналиста Луганскаго, посѣтившаго 2 марта "министерскій павильон". Курлов утверждает, что такой обиход с "вынужденным молчаніем" установлен был личным распоряженіем "начальника" революціонной кордегардіи в Таврич. дворцѣ депутатом Керенским, который дѣлал выговор начальнику караула за неисполненіе им своих обязанностей[130].

Если учесть эту возможную психологію революціонной власти, в нѣкоторых случаях персонифицированной Керенским, мы поймем обстановку, в которой произошел перевоз арестованных сановников в Петропавловскую крѣпость. Иначе получается нѣчто несуразное. Тайнственность, которой был облечен перевоз, всѣ принятыя Керенским мѣры предосторожности объясняются необходимостью предотвратить возможные эксцессы. Между тѣм всѣ заключенные из числа тѣх, кто оставил мемуарныя отраженія своих переживаній, единодушно свидѣтельствуют о своеобразной мѣрѣ охраненія, предпринятой в отношеніи их. Вот разсказ Курлова: "Это отправленіе обставля-

лось весьма торжественно (Курлов утверждает, что перевоз совершился около 10 ч. веч.). В проходѣ между залом и подѣздом, на пространствѣ приблизительно 40-50 шагов, была выстроена рота преображенцев. Прапорщик Знаменскій лично проводил меня до автомобиля, в котором я замѣтил какого-то челоуѣка с забинтованной головой и вскорѣ узнал в нем Н. А. Маклакова. Против нас помѣстились унтер-офицер с револьвером в руках и член Гос. Думы Волков. По-прежнему нам было запрещено разговаривать, с предупрежденіем, что в случаѣ нарушенія этого приказанія унтер-офицер будет стрѣлять". По словам Васильева (б. дир. деп. полиціи), подтверждающаго описаніе Курлова, их предупреждали, что всякая попытка *к бѣгству* вызовет примѣненіе оружія. В дневникѣ Протопопова записано: "Впереди нас (Протопопов попал в автомобиль с ген. Беляевым) сидѣл офицер и держал револьвер наготовѣ, о чем нас предупредил: за каждое движете — пуля в лоб". Можно было бы предположить, что такая демонстративная внѣшность создана была лишь в показательных цѣлях — для воздѣйствія на толпу. Но подобныя предположенія разсѣиваются при ознакомленіи со свидѣтельством одного из пред-

ставителей революціонной общественности, сопровождавшаго ночную экспедицію. Зензинов рассказывает, что министр юстиціи предложил ему и Волкову принять на себя перевоз арестованных министров. "Я с удовольствием взялся выполнить это дѣло" — вспоминает мемуарист. "Мнѣ интересно было в новой уже роли побывать в той самой крѣпости, гдѣ я полгода просидѣл заключенным. Автомобили были приготовлены только поздно вечером, и перевод арестованных состоялся глубокой ночью. В пяти автомобилях мы везли 12 министров. На мою долю пришлось б. мин. вн. д. Макаров и б. мин. юстиціи Хвостов[131]. В автомобиль нас было четверо — два арестованных министра, солдат с наведенным на них револьвером и я. Министры сидѣли неподвижно, как бы раздавленные всѣм происшедшим. На улицах шумѣла толпа, несмотря на поздній час[132], и гудок нашего автомобиля гудѣл непрерывно. Занавѣси на наших окнах были спущены (слѣдовательно, отпадает возможность показательнаго приѣма), и толпа охотно разступалась, когда шофер кричал ей, что автомобили слѣдуют по распоряженію Врем. Рев. Правительства". В Петропавловской крѣпости Зензинов, к великому своему удивленно, натолк-

нулся на полк. Иванишина, того самага "вѣрнаго слугу стараго правительства", который семь лѣт тому назад караулил Зензинова, явившагося теперь в роли "чрезвычайнаго комиссара Рев. Правит.". Давая отчет Керенскому об исполненіи порученія, Зензинов настоял на том, чтобы Иванишин был "немедленно смѣщен и замѣщен вѣрным человеком" (к каким результатам это привело, мы увидим ниже). Керенскій согласился и отдал тут же распоряженіе по телефону в крѣпость... Курлов передает такую деталь. По прибытіи в крѣпость им (т. е. Курлову и Маклакову) приказали "выйти из автомобиля и стать лицом к стѣнѣ". Они стояли до тѣх пор, "пока всѣ арестованные не вышли", а потом их "гуськом" повели в Трубецкой бастион, завѣдующим котораго и был полк. Иваншин...

Для завершенія всей картины напомним, что Сухомлинов днем был перевезен в Петропавловскую крѣпость без всяких осложненій, и что никаких "чрезвычайных комиссаров" для этого дѣла не понадобилось [\[133\]](#), а министр финансов Балк — "ставленник Распутина" — был без всяких инцидентов освобожден, так как новому министру финансов, как сообщала "Русская Воля", "необхо-

димо" было с ним "бесѣдовать".

3. Самочинные аресты.

В приведенной выше характеристикѣ Суханова самочинных арестов одно заключеніе мемуариста, конечно, надо признать правильным — аресты по ордерам из центра всетаки ограничивали возможность самосудов и вводили в извѣстныя рамки частную инициативу, которая слишком легко рождалась в условіях переживаемаго момента. Трудно установить грани между самозарождающимся чувством толпы и воспріятіем ею лозунга, приходящаго как бы извнѣ и падающаго на благопріятную для себя почву. Инстинктивное подраженіе всегда лежит в основѣ массовой психологіи. Потому так легко в Петербургѣ волна арестов в первые дни захватила толпу — ничего подобнаго не было, напр., в Москвѣ. В этом отчасти и разгадка того "сложнаго психологическаго процесса" в народном сознаниі ("передать Думѣ ея врагов"), о котором говорила в своем позднѣйшем отчетѣ думская комиссія об арестованных[134]. Яркую бытовую картину нарисовал нам Пѣшехонов, редактор "Русскаго Богатства", в воспоминаніях "комиссара Пе-

тербургской стороны". "Не успѣли мы открыть комиссаріат — вспоминает он — как к нам уже повели арестованных... Пришлось создать при комиссаріатѣ особую "судебную комиссію", в которой с утра до вечера посмѣнно работало до 20 юристов, и она едва успѣвала справиться с дѣлом"... "Была прямо какая-то эпидемія самочинных арестов. Особенно памятен мнѣ один день, когда казалось, что всѣ граждане переарестуют друг друга",.. "За что вы их арестовали?" — спрашивал слѣдователь тѣх, которые привели арестованных. — "Да они против Родзянко". "Слѣдующее дѣло начинается тѣм же вопросом: "Почему вы их арестовали?" — "Да они за Родзянко". И обстановка обоих дѣл одна и та же: сошлись на улицѣ, заспорили, а потом болѣе сильные арестовали болѣе слабых. Если одни сами хватали и тащили в комиссаріат своих политических противников, то другіе ждали этого от комиссаріата. Нас прямо осаждали с требованіем обысков и арестов. Не менѣе того донимали пас доносами".

Картину, зарисованную для "Петербургской стороны", можно было наблюдать болѣе или менѣе повсемѣстно[135]. Такія же случайный толпы при-

водили арестованных полицейских в Таврической дворец — по словам его коменданта, даже с "женами и дѣтьми". Заполняли ими и вообще "подозрительными" градоначальство и огромный Михайловский манеж... По газетным позднѣйшим исчислениям, в общем было арестовано около 4000 человек (Бирж. Вѣд.), и министерству юстиции пришлось создать особую слѣдственную комиссію для провѣрки формальных причин задержанія. К этим добровольцам по изысканно контр-революціи, дѣйствовавшим с революціонным пылом, присоединялись всякаго рода любители наживы и всплывавшіе на мутной поверхности авантюристы, которые очень часто и возглавляли "толпу" обыскивающих и арестующих. И в газетах того времени и в воспоминаніях принимавшаго ближайшее участіе в организаціи городской милиціи молодого адвоката Кельсона можно найти показательные образцы деятельности этих разоблаченных ретивых "революціонеров" февральских и мартовских дней, которые с вооруженными солдатами, взятыми случайно на улицѣ, ходили по квартирам, дѣлали обыски, грабили и арестовывали "по подозрѣнію в контр-революціи". Кельсон рассказывает, напр., как он случайно встрѣтился со

своим подзащитным, взломщиком-рецидивистом Рогальским, который явился в кабинет городского головы в полной "модной формѣ одежды" того времени — вплоть до пулеметной ленты. Легко себѣ представить, каким водворителем "порядка" являлся "гвардіи поручик" корнет Корни де Бод, оказавшійся предприимчивым и ловким рядовым Корнѣем Батовым — ему эти функціи "защиты населенія" при содѣйствіи двух рот были поручены особым приказом Энгельгардта 28 февраля. "Корни де Бод" ухитрился получить и отвѣтственное назначеніе коменданта городской Думы и побывать на квартирѣ гр. Коковцева с нарядом "из 12 нижних чинов". Перед нами может пройти цѣлая портретная галерея, которая откроется пом. коменданта Таврическаго дворца Тимановским — в дѣйствительности извѣстным аферистом "графом д'Оверн" (Аверкіевым), принявшим участіе в арестованіи послѣдняго предсѣдателя Совѣта министров кн. Голицына.

В мин. путей сообщенія при Бубликовѣ и Ломоносовѣ активную роль играл "ротмистр-гусар" Сосновскій, командовавшій ротой семеновцев, которая стояла здѣсь на стражѣ, он оказался бѣглым

каторжником, содержавшимся в Литовском замкѣ. Но это неизбежная накипь революціи. Оставим ее[136]... Пѣшехонов дает правдивое объясненіе изнанкѣ революціи. Во всем этом, несомнѣнно, сказывался не остывшій еще, а у многих и запоздалый азарт борьбы, хотѣлось принять в ней участие, внести свою долю в общую побѣду[137]... Еще большую роль сыграл страх перед контр-революціей, но многие просто не понимали, что такое свобода[138]. Но "пароксизм страха" все-же должен быть поставлен на первом мѣстѣ. Тот же Пѣшехонов рассказывает, что он "вынужден был держаться преднамѣренно рѣзкаго тона в своем обращеніи с обвиняемыми и не жалѣть самых рѣзких квалификацій по адресу старых властей и самых жестоких угроз по адресу тѣх, кто осмѣлится противиться революціи. Только таким путем мнѣ удалось при.... первой встрѣчѣ с толпой поддержать свой авторитет, как представителя революціонной власти. Иначе меня самого, вѣроятно, заподозрѣли бы, как контр-революціонера"... Приспособленіе к настроеніям толпы приводило к тому, что Энгельгардт, если вѣрить повѣствованію Мстиславского, арестовал в Таврическом дворцѣ уже 2 марта офицера, который высказывался "за

монархію".

И всетаки какое-то скорѣе благодушіе в общем царило в этой тревожной еще атмосферѣ — благодушіе, которое отмѣчают (при обысках в поисках орудія) столь противоположные люди, как писательница Гиппиус и генерал Верцинскій. А вот показаніе бывшего царскаго министра народнаго просвѣщенія гр. Игнатъева, данное Чр. Сл. Ком. Временнаго Правительства (это отвѣт на вопрос: "было ли оказано какое-либо безпокойство" в дни февральских событій). "Я должен сказать, что кромѣ самой глубокой признательности к молодежи и солдатам я ничего не имѣю. Доложу слѣдующее явленіе, глубоко меня тронувшее. Был обход солдат, мастеровых ремонтной автомобильной части. Можете представить, что это за состав: это уже не строевые, а люди полурабочаго уклада. Между ними один уволенный из какой-то ремесленной школы... за время моего министерства. Входят в подъѣзд... Прислуга испугалась. Спрашивают: "кто живет"... "Граф Игнатъев, б. мин. нар. просв." .— "Товарищи, идем". Один говорит: "нельзя ли на него посмотреть".— "Он болен"... —"Может быть, он нас примет". Поднимается ко

мнѣ человекъ, весь трясется и говорит: "Лучше не впускать"... Входят пять человекъ наверх... "Хотим на вас посмотрѣть". — "Почему?" — "Развѣ мы вас не знаем, развѣ мы такіе темные". Другой раз — продолжал Игнатьев — был еще болѣе тронут". Далѣе свидѣтель рассказал, как толпа хотѣла забрать его автомобиль и ушла, узнав от случайно проходившаго студента, что здѣсь "живет гр. Игнатьев"...

Ссылки на настроенія "низов" слишком часто становятся в воспоминаніях дѣятелей революціи отговорками в тѣх случаях, когда надо оправдать в глазах приходящаго на смѣну поколѣнія революціонный акт, может быть, жизненно даже цѣлесообразный, но противорѣчащій демократическим принципам, которые были написаны на знамени революціи. Вот почему нѣкоторая фальшь всегда чувствуется в попытках отвѣтственных мемуаристов облечься исключительно только в романтическую тогу гуманности при описаніи дней, когда рождалась и закрѣплялась революціонная Россія. Сдѣланныя ошибки, вольныя или невольныя, нельзя объяснить, ретушируя дѣйствительность. Совершенно объективно надо признать, что дѣятели

февральской революціи были очень далеки от осуществления в жизни нѣсколько сентиментальных завѣтов, выраженных нѣкогда поэтом в знаменитых словах: "Дню прошедшему забвенье, дню грядущему привѣт". Поскольку дѣло касалось возмездія за грѣхи стараго режима, здѣсь не было, как мы увидим, большого колебанія. Цѣлесообразна ли была такая тактика — это вопрос другой. Руководители движенія не всегда учитывали резонанс, который получало или могло получить в массѣ их дѣйствіе, вступавшее в рѣзкую коллизію с исповѣдуемыми ими идеалами. Во всяком случаѣ революціонная современность — по крайней мѣрѣ, значительная часть ея — поставила в заслугу первому министру юстиціи революціоннаго правительства не гуманность, о которой говорит Керенскій в воспоминаніях, а твердость, проявленную им в отношеніи представителей ликвидированнаго строя. Один из делегатов петербургскаго Совѣта на совѣщаніи Совѣтов, тот, который выступал в защиту позиціи Керенскаго, занявшаго министерскій пост, говорил: ..."если бы, дѣйствительно, Керенскій не вошел в министерство, не взял бы этого портфеля и без согласія Исп. Ком., то что было бы тогда с этим министерством?... Там

был бы московскій депутат Маклаков, но если бы это было так, развѣ были бы арестованы всѣ лица, арестованныя сейчас, и было бы сдѣлано то, что сдѣлал Керенскій, наш Керенскій?"

III. Рискованный шаг Милюкова.

Похороны коалиціи в Совѣтѣ закончились около 6 ч. веч. (1 марта). Послѣ общаго собранія, одобришаго по докладу Стеклова выработанное соглашеніе демократіи с цензовой общественностью, должно было состояться совѣщаніе представителей обоих исполнительных комитетов для окончательной формулировки "соглашенія". И, быть может, нѣсколько неожиданно незавершенное еще дѣло было оглашено Милюковым на перманентном митингѣ в Екатерининском залѣ — в тот приблизительно час, когда совершалось триумфальное шествіе Керенскаго из зала засѣданія Совѣта в помещеніе Вр. Ком., т. е., еще задолго до окончанія засѣданія Совѣтов. Почему это сдѣлал лидер "цензовой общественности?" Случайность? Радостное нетерпѣніе, о котором говорит Мстиславскій? Желаніе закрѣпить достигнутые результаты и получить представленіе об отношеніи к образуемому

правительству со стороны "народных масс?" "В частности, быть может, — говорит Суханов — Миллюков желал провѣрить свое рѣшеніе самага остраго для него вопроса, способнаго послужить источником конфликта не только с Совѣтом Р. Д., но и с его собственными, болѣ лѣвыми товарищами". Это был, конечно, вопрос о монархіи и династии. Построеніе рѣчи, как будто, не согласуется с подобным предположеніем. Вопрос о судьбѣ династии ("самый существенный" в рѣчи, как признает Миллюков в написанной им "Исторіи") всплыл — по внѣшности по крайней мѣри — случайно в связи с репликами, которыя подавались со стороны митинговой публики. Преждевременность разглашенія "тайны", ключи к которой вез с собой Гучков, гораздо в большей степени надо отнести к тѣм графам, которые вообще присущи были политической дѣятельности Миллюкова и заслужили ему репутацію, но его собственным словам, "бога безтактности" ("Рус. Зап."). Если выступленіе Миллюкова и было своего рода шахматным ходом, то направил его фактической уже вождь Врем. Ком. не в сторону своих "лѣвых" партнеров, а в сторону "правых".

Днем второго марта политическая обстановка выяснилась с достаточной отчетливостью — опасность военного разгрома "революціи" отпала. Каждый истекавшій час говорил о необходимости замѣны сурогата власти, каким являлся Врем. Ком., правительством полноправным, ибо безвластіе, наступившее послѣ переворота, развращало даже самых благонамѣренных солдат. Возможность превращенія совѣтскаго обращенія в форму обязательнаго "приказа" ослабляла авторитет будущей власти — это, конечно, понимали всѣ, независимо от содержанія "приказа №1". Ждать при таких условіях возвращенія Гучкова и Шульгина не представлялось цѣлесообразным. Вот почему в 5 ч. 45 м. дня в Ставку была послана за подписью Родзянко нѣсколько предрѣшавшая событія телеграмма слѣдующаго содержанія: "Временный Комитет Г. Д. образовавшійся для возстановленія порядка и столицѣ, вынужден был взять в свои руки власть в виду того, что под давленіем войска и народа старая власть никаких мѣр для успокоенія населенія не предприняла и совершенно устранена. В настоящее время власть будет передана Врем. Комитетом Г. Д. Временному Правительству, образованному под предсѣдательством

кн. Г. Е. Львова. Войска подчинились новому правительству, не исключая состоящих в войсках, а также находящихся в Петроградѣ лиц императорской фамиліи, и всѣ слои населенія признают только новую власть. Необходимо для установленія полного порядка и для спасенія столицы от анархіи командировать сюда на должность главнокомандующаго Петербургским военным округом доблестнаго боевого генерала, имя котораго было бы популярно и авторитетно в глазах населенія. Комитет Г. Д. признает таким лицом доблестнаго, извѣстнаго всей Россіи героя... ген. Корнилова. Во имя спаенія родины, во имя побѣды над врагом, во имя того, чтобы неисчислимыя жертвы этой долгой войны не пропали даром наканунѣ побѣды, необходимо срочно командировать ген. Корнилова в Петроград".

Здѣсь нѣтъ даже намек на спорный вопрос о формѣ правленія. Логически приходилось заключать, что в нѣдрах Временнаго Комитета еще не был окончательно рѣшен даже вопрос об отреченіи, поставленный в порядкѣ дня. Так, повидимому, и понял ген. Алексѣев, доложившій Николаю II телеграмму Родзянко и испрашивавшій раз-

рѣшеніе на выполненіе выраженнаго в ней "пожеланія", во имя того, что в этом "может заключаться начало успокоенія столицы и водворенія порядка в частях войск, составляющих гарнизон Петрограда и окрестных пунктов". В кадетской группѣ, входившей в состав Врем. Ком., очевидно, не было колебаній в вопросѣ о неизбѣжности отреченія. Припомним информацію Гронскаго в первый же день революціи о провозглашеніи императором в. кн. Михаила. По свидѣтельству Скобелева, который оказался сосѣдом на одном столѣ в Таврическом дворцѣ в ночь 27-го с Милюковым, послѣдній ему сказал: "Чѣм бы все это ни кончилось, одно несомнѣнно, с этим... (слѣдует рѣзкое слово в передачѣ мемуариста) у нас ничего не может быть общаго". Шингарев перваго марта категорически говорит французскому журналисту Ано, что вопрос о династіи уже не ставится: царь должен будет покинуть трон — как это произойдет, докажет будущее. На таком предположеніи и построена была вся агитаціонная часть рѣчи Милюкова. Она была произнесена около 3 час. дня. Своему экспромту на случайном безотвѣтственном очередном митингѣ в стѣнах Таврическаго дворца Милюков придавал такое декларативное значеніе, что

сам выправил, по утверждению Набокова, текст рѣчи для печати. Таким образом перед нами завѣренный текст рѣчи, довольно странной для оратора, который старался в эти часы спасти монархическій принцип.

"Мы присутствуем при великой исторической минутѣ" — начал оратор. — "Еще три дня тому назад мы были скромной оппозиціей, а русское правительство казалось всесильным. Теперь это правительство рухнуло в грязь, с которой сроднилось, а мы и наши друзья слѣва выдвинуты революціей, арміей и народом на почетное мѣсто членов перваго русскаго общественнаго кабинета. Как могло случиться это событіе, казавшееся еще так недавно невѣроятным? Как произошло то, что русская революція, низвергнувшая навсегда старый режим, оказалась чуть ли не самой короткой и самой безкровной из всѣх революцій, которыя знает исторія. Это произошло потому, что эта исторія не знает и другого правительства, столь трусливаго и измѣнническаго, как это нынѣ низвергнутое правительство, покрывшее себя позором"... "Правительство мы свергли легко и скоро... Остается удержать в руках эту побѣду". Оратор призывал

"сохранить то единство воли и мысли, которое привело... к побѣдѣ". Существующія разногласія "стусшевываются перед той главной задачей, которая еще не разрѣшена вполнѣ: задачей — создать новую народную власть... Будьте едины в устраненіи политических споров, быть может, и важных, но сегодня могущих еще вырвать из наших рук плоды побѣды. Будьте едины и вы, солдаты и офицеры великой и славной русской арміи, и помните, что армія, ...потерявшая это единство... обращается в беспорядочную толпу, и всякая горсть вооруженных организованных людей может взять ее голыми руками"... "Я слышу, меня спрашивают: кто вас выбрал? Нас никто не выбрал, ибо, если бы мы стали дожидаться народного избранія, мы не могли бы вырвать власть из рук врага[139]. Пока мы спорили бы о том, кого выбирать, враг успѣл бы организовать и побѣдить и вас, и нас". "Нас выбрала русская революція" — заключил гордо Милюков... "Мы не сохраним этой власти ни минуты послѣ того, как свободно избранные народные представители скажут нам, что они хотят... выбрать других людей, болѣе заслуживающих их довѣріе... Но мы не отдадим этой власти теперь, когда она нужна, чтобы закрѣпить побѣду народу

— упавшая из наших рук, она может достаться только врагу". Оратора прерывают вопросом: "кто министры? для народа не может быть тайны". "Во главѣ нашего министерства мы поставили человека, имя котораго означает организованную русскую общественность (крики: "цензовую"), так непримиримо преслѣдовавшуюся старым правительством... Вы говорите "цензовая общественность", да, но единственно организованная, которая даст потом возможность организовать и другим слоям русской общественности. Но, господа, я счастлив сказать вам, что и общественность не цензовая тоже имѣет своего представителя в нашем министерствѣ. Я только что получил согласіе моего товарища А. Ф. Керенскаго занять пост в первом русском общественном кабинетѣ. Мы безконечно рады были дать в вѣрныя руки этого обществешаго дѣятеля то министерство, в котором он воздаст справедливое возмездіе прислужникам стараго режима, всѣм этим Штюрмерам и Сухомлиновым... трусливые герои дней, прошедших на войнѣ, по волѣ судьбы окажутся во власти не щегловитовской юстиціи... Вы хотите знать другія имена? (крики: "а вы?") "Мнѣ мои товарищи поручили взять руководство внѣшней по-

литикой. Быть может, на этом посту я окажусь и слабым министром, но я могу, обещаю вам, что при мнѣ тайны русскаго народа не попадут в руки наших врагов. Теперь я скажу вам имя, которое я знаю, возбudit здѣсь возраженія. А. И. Гучков был нам политическим врагом (крики: "другом") в теченіе всей жизни Гос. Думы. Но, господа, мы теперь политическіе друзья, да и к врагу надо быть справедливым... Он положит первый камень той побѣды, в которой наша обновленная и возрожденная армія выйдет из настоящей великой борьбы..." — "Когда я в этой залѣ говорю с вами, Гучков на улицах (!) столицы организует нашу побѣду (Гучков как раз в этот момент выѣхал в Псков, С. М.). Что бы сказали вы, если вмѣсто того, чтобы разставлять войска вчера ночью на вокзалах, к которым ожидалось прибытіе враждебных перевороту войск, пришлось принять участіе в наших политических преніях, а враждебныя войска, занявши вокзалы, заняли бы улицы, а потом и эту залу? Что стало бы тогда с вами и со мной"?!.. Упомянув о Коноваловѣ и Терещенко, введенных в министерство в качествѣ представителей той либеральной группы русской буржуазіи, которая пыталась организовать "общественное представи-

тельство рабочего класса" (т. е. военно-промышленные комитеты), и ограничившись относительно Терещенки меланхолическим замѣчаніем: "Россія велика, и трудно вездѣ знать всѣх наших лучших ", оратор два слова сказал еще о Шингаревѣ и Некрасовѣ, "особенно любимым нашими лѣвыми товарищами". Об остальных министрах оратор умолчал. *Ну вот, кажется, все, что вас может интересовать(?)* "А программа" — спрашивают Милюкова. "Я очень жалѣю, что... не могу прочесть вам бумажки, на которой изложена эта программа. Но дѣло в том, что *единственный экземпляр* программы, обсужденной вчера (сегодня?) в длинном ночном совѣщаніи с представителями Совѣта Р. Д., находится сейчас на окончательном разсмотрѣніи их... Но, конечно, я могу и сейчас сказать вам важнѣйшіе пункты (Шум, громкіе крики: "а династія"?)... Я знаю наперед, что мой отвѣт не всѣх вас удовлетворит, но я его скажу. Старый деспот, доведшій Россію до полной разрухи, добровольно откажется от престола или будет низложен... Власть перейдет к регенту, в. кн. Мих Ал. Наслѣдником будет Алексѣй (крики: "это старая династія"!)). Да, господа, это старая династія, которую, может быть, не любите вы, а, может быть, не

люблю и я. Но дѣло сейчас не в том, кто кого любит. Мы не можем оставить без *отвѣта и без рѣшенія* вопрос о *формѣ государственнаго строя*. Мы представляем его себѣ, как парламентскую и конституціонную монархію. Быть может, другіе представляют иначе, но теперь, если мы будем об этом спорить, вмѣсто того, чтобы сразу, рѣшить, то Россія очутится в состояніи гражданской войны и возродится только что разрушенный режим. Этого мы сдѣлать не имѣем права ни перед вами, ни перед собой. Однако, это не значит, что мы рѣшили вопрос безконтрольно. В нашей программѣ вы найдете пункт, согласно которому, как только пройдет опасность и водворится прочный порядок, мы приступим к подготовкѣ созыва Учр. Собр. на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія. Свободно избранные народные представители рѣшат, кто вѣрнѣе выразит общее мнѣніе Россіи: мы или наши противники"...

В напряженной обстановкѣ того времени выпадами против старой власти, которые даже Суханов назвал "демагогическими", вождь "цензовой общестственности" думал защитить самую идею монархіи! Он, конечно, только дискредитировал ее

во мнѣніи толпы. Политик, считавшій, что другіе говорят на "неподходящих струнах", не учел того настроенія, с которым он может встретиться. По разсказу Милюкова, рѣчь его была встрѣчена многочисленными слушателями, переполнявшими зал, с энтузіазмом, и оратора вынесли на руках по ея окончаніи. Вѣроятно так и было. Настроеніе разнокалиберной толпы не могло быть цѣлостно. Оратор, выступая от имени новаго революціоннаго правительства, говорил об Учред. Собраніи. как о хозяинѣ земли русской. Но совсѣм иное, отношеніе встрѣчали его слова о монархіи. Историк, повидимому, очень смягчает, когда упоминает, что "среди шумных криков одобренія слышались и ноты недовольства и даже протесты". В тогдашнем отчетѣ "Извѣстій" сказано так: "Продолжительные негодующіе крики, возгласы: "да здравствует республика", "долой династію". Жидкіе аплодисменты, заглушенные новым взрывом негодованія". По разсказу Шляпникова, — едва ли он был очевидцем, — "Милюков в теченіе нѣскольких минут не мог продолжать своей рѣчи"...

Всѣ свидѣтельства однородны в одном: вопрос, который был как бы затушеван в первые дни, по-

слѣ выступленія Милюкова стал в сознаниі массы во всей своей остротѣ. Исп. Комитет, каждый его член утверждает Шляпников — "был буквально засыпан вопросами относительно судьбы династїи". "Без недоразумѣній по поводу династїи с этих пор уже не обходились митинги "и публичныя рѣчи" — пишет Суханов, вспоминая, как ему тотчас же пришлось говорить на эту тему перед "несмѣтной" толпой ("в нѣсколько десятков тысяч человѣк"), собравшейся перед Таврическим дворцом и вызвавшей через делегацію членов Исп. Ком. Суханов говорил о том, что в вопросѣ о монархїи существует, еще не ликвидированное разногласіе и, по его словам, он тут впервые понял, как остро в глазах массы стоит вопрос, которому он лично не придавал рѣшающаго значенія. Из Таврическаго дворца разговоры перешли на улицу и проникли в казармы, гдѣ "буйно", по выраженію Вл. Львова, говорили, что "не потерпят никого из Романовых на престолѣ", обостряя с таким трудом налаживавшіяся отношенія между офицерами и солдатами. Не только тогдашняя молва, но и позднѣйшіе мемуаристы "безмѣрно преувеличили" то крайнее возбужденіе, которое вызвали слова Милюкова. Сам Милюков в таких словах подвел

итог дня: "Поздно вечером в зданіе Таврическаго дворца проникла большая толпа чрезвычайно возбужденных офицеров, которые заявили, что не могут вернуться к своим частям, если П. Н. Милюков не откажется от своих слов. Не желая связывать других членов правительства, П. Н. Милюков дал требуемое заявленіе в той формѣ, что "его слова о временном регентствѣ в. кн. Мих. Ал. и о наслѣдованіи Алексѣя являются его личным мнѣніем"[\[140\]](#). Это было, конечно, невѣрно, ибо во всѣх предшествовавшихъ обсужденіяхъ вопрос этот считался рѣшеннымъ сообща в том смыслѣ, как это излагал П. Н. Милюков. Но напуганный нарастающей волной возбужденія Врем. Ком. "молчаливо отрекся от прежняго мнѣнія".

Дѣло было не в "молчаливом" отреченіи. Милюкова никто не уполномочивал выносить спорный вопрос на обсужденіе улицы и преждевременно разглашать то, что большинство склонно было разрѣшить по методу Гучкова, т. е. поставив массу перед совершившимся фактом. План этот в значительной степени был сорван неожиданнымъ выступленіемъ Милюкова — для сторонниковъ монархіи это была поистинѣ медвѣжья услуга. "Де-

мократія" не только насторожилась ввиду столь опредѣленной позиціи, публично выявленной лидером "цензовой" общественности (припомним, что одновременно выступавшій в Совѣтъ Керенскій не шел дальше заявленія о свободѣ "агитаціи по поводу форм будущаго государственнаго устройства Россіи, не исключая и республики"), но и почувствовала, что ея осторожность в вопросѣ о формѣ власти не соотвѣтствует настроенію в массах в революціонном, по крайней мѣрѣ, центрѣ, здѣсь весь "воздух", по выраженію дневника Гиппіус, в эти дни был "против династии". "Романовых не оставляйте, нам их не нужно" .— сказал какой-то незнакомый старик, встрѣтившій Набокова на улицѣ. Так естественно, что приспособлявшаяся к настроеніям крикливая "Русская Воля" первая поспѣшила провозгласить республиканскій лозунг и даже создать эфемерную организацію под названіем "республиканскій союз". Это не означало вовсе, что всѣ вдруг стали добрыми республиканцами. Я не повторил бы, что монархія "умерла в сердцах" двухсотмилліоннаго народа задолго до возстанія в столицѣ, как вскорѣ заявляло приспособившееся к господствующим настроеніям суворинское "Новое Время"[\[141\]](#), но это означало,

что в солдатской массѣ ("вооруженный народ"), опредѣлявшей до извѣстной степени ход событій, под напором столичных слухов и сплетен, дѣйствительно уничтожена была "мистика" царской власти, о чем в связи с проявленіями антидинастическаго движенія не раз говорили предреволюціонныя записки органов департамента полиціи (см. "Легенду о сепаратном мирѣ"). Все это облегчало республиканскую пропаганду. Полусознательное отталкиваніе от монархіи должно было вызывать в массѣ то чувство боязни отвѣтственности за содѣянное, о котором приходилось упоминать. Революція, заканчивающаяся возстановленіем старой династіи, в сущности превращалась в бунт, за участіе в котором при измѣнившейся конъюнктурѣ могло грозить возмездіе.

IV. Соглашеніе.

То настроеніе, которое нарастало под вліяніем слухов о рѣчи Милюкова, сказалось, как мы видѣли, к ночи, когда толпа возбужденных офицеров появилась в Таврическом дворцѣ с требованіем от Врем. Комитета соотвѣтствующаго разъясненія. Один из мемуаристов (Вл. Львов)

опредѣляет болѣе точно — к 12 час. ночи. Первоначально декларация, сдѣланная в Екатерининском залѣ, не возбудила сомнѣній у "верховников" Исп. Ком. По крайней мѣрѣ, если придерживаться описанія, даннаго Сухановым, то придется заключить, что обстановка мало измѣнилась, когда делегаты Совѣта послѣ того, как в пленумѣ было одобрено памѣченное соглашеніе, в восьмом часу вечера явились к "цензовикам" для завершенія дѣла "образованія правительства". Фактически "делегация" свелась уже к двухчленному составу: Стеклов и Суханов. Соколов исчез, а Чхеидзе, предсѣдательствовавшій в этот момент на митингѣ в залѣ Совѣта, сердито отмахнулся от Суханова и не пошел на словоговореніе с "цензовиками". Стоя на предсѣдательском столѣ, окруженный наэлектризованной толпой, он с энтузіазмом кричал "ура" по поводу полученнаго вздорнаго сообщенія о том, что в Берлинѣ уже второй день идет революція...

По словам Суханова, у "цензовиков" на этот раз не было уже и "подобія официальнаго и вообще организованнаго засѣданія", шел разговор между Милюковым, Стекловым и Сухановым, в котором "не принимали никакого или почти никакого

участія остальные, находившіеся в комнатѣ". Отмѣчаем вновь эти мелочи для того, чтобы показать обстановку, в которой рѣшались важнѣйшіе вопросы — по крайней мѣрѣ в изображеніи одного из участников этих переговоров. Совѣтскіе делегаты вернулись прежде всего к вопросу о формѣ правленія и пытались убѣдить Милюкова, что из его стремленія "навязать Романовых" не выйдет "ровно ничего, кромѣ осложнений, которыя не помогут дѣлу монархіи, но выразятся в наилучшем случаѣ в подрывѣ престижа их собственнаго кабинета". В отвѣт они услышали слова Милюкова ("за точность передачи я ручаюсь" — утверждает мемуарист): "Учр. Собрание может рѣшить, что угодно. Если оно выскажется против монархіи, тогда я могу уйти. Сейчас же я не могу уйти. Сейчас, если меня не будет, то и правительства вообще не будет. А если правительства не будет, то... вы сами понимаете"... В концѣ концов — рассказывает Суханов — "мы согласились непомѣщать в правительственной деклараціи офіціального обязательства "не предпринимать шагов, опредѣляющих форму правленія". Мы согласились оставить вопрос открытым и предоставить правительству... хлопотать о романовской монархіи. Мы же категориче-

ски заявили, что Совѣт с своей стороны безотлагательно развернет широкую борьбу за демократическую республику" [142].

"Фигура умолчанія, найденная нами в качествѣ выхода из положенія, была, конечно, компромиссом" — замѣчает Суханов. Форма умолчанія, конечно, не могла быть по существу компромиссом. Получалась правовая бессмыслица, которая сводила на нѣтъ достигнутое якобы соглашеніе — каждый партнер намѣревался продолжать вести свою игру. Логика в данном случаѣ была на сторонѣ представителей "революціонной демократіи". Не без основанія Гиппіус записала 2-го: "Что же это будет за Учр. Собраніе при учрежденіи монархіи и регентства? Не понимаю". Не понимали этого и в Москвѣ, гдѣ Комитет общ. организацій обсуждал этот вопрос 3-го марта в связи с полученным еще не официально сообщеніем об отреченіи Императора. На засѣданіе — сообщали "Рус. Вѣд." — явились "представители рабочих депутатов и указали на необходимость рѣшить теперь же вопрос о регентствѣ и династіи, пока не скажут, что дѣло уже сдѣлано, и признают регентом одного из представителей Дома Романовых". Представители Совѣта

заявили, что Совѣтъ признает только одно Учред. Собрание; монархіи допустить не может и будет поддерживать, свое мнѣніе "до конца". — Он высказывается за демократическую республику. В послѣдующих преніях (по газетному отчету) выступают исключительно лишь представители "цензурной" общественности. Если к. д. Тесленко стоит на формальной позиціи и считает обсужденіе вопроса преждевременным, ибо неизвѣстно: существует ли император (раз императора нѣтъ, то не должно быть и регента), то к. д. Кишкин сомнѣвается, чтобы монархія ("это сила — не наша") являлась тѣм элементом, который помог дойти до Учред. Собрания: царь нужен, "если мы не сумѣем организовать Учр. Собр.", до созыва У. С. "нам не нужно ни монарха, ни регента"[\[143\]](#). Представителю торгово-промышленных служащих Начевкину (к. д.) вопрос представляется совершенно ясным: временное правительство ручается за созыв Учр. Собрания; раз будет У. С, то для чего нужна монархія? Раз будет монарх, то для чего нужно Учред. Собрание?.. Собрание "единогласно", при одном воздержавшемся (к. д. Пржевальском) постановило довести до свѣдѣнія временнаго правительства, что " учреждение какой-бы то ни было

монархической власти до созыва У. С. недопустимо; вся полнота власти должна принадлежать временному правительству, которое созывает У. С. для создания такого политическаго строя, какой обеспечил бы всѣ права свобод". Сами "Рус. Вѣд." по поводу этих преній писали: "Было бы самым ужасным несчастьем для Россіи, если бы разногласія по этому вопросу[144]замедлили и осложнили процесс образования признанной всѣми *исполнительной* власти, ибо немедленное завершение этого процесса есть вопрос жизни и смерти для свободной Россіи. Без этого свобода обречена на гибель". Московскій орган либеральной демократіи дѣлал довольно своеобразное заключение: "при настоящих условіях инициатива в рѣшеніи вопроса о формѣ верховной власти естественно (!) принадлежит временному правительству".

Сознаніе необходимости немедленнаго образования "исполнительной" власти в значительной степени, как мы видѣли, продиктовало оригинальную форму умолчанія, на которой послѣ бесполезных дискуссій остановились в Петербурге представители двух секторов общественности. В дѣйствительности это была страусова политика,

ибо "монопольный лидер" буржуазно-демократического лагеря предрѣшал вопрос не только на митинговых собраніях. В тот же день он, в качествѣ министра ин. д., заявил представителям иностранной печати: "Новое правительство считает необходимым, чтобы отреченіе Государя от престола состоялось официально, и чтобы регентство было возложено временно на в. кн. Мих. Ал. Таково *наше рѣшеніе* и измѣнить его мы не считаем возможным". Трудно сказать, как разрѣшился бы неизбежный конфликт, если бы жизнь не разрѣшила его наперекор теоретическим калькуляціям политиков...

Вечером 2-го избранная формула умолчанія казалась еще удовлетворительной — тѣм, кто сошлись в помещеніи Врем. Комитета для формального завершения дѣла соглашенія "буржуазіи" и "демократіи". С рѣшеніем "третьяго пункта" — рассказывает Суханов — окончилось уже всякое обсужденіе "высокой политики" и оставалось только окончательно проредактировать первую "конституцію Великой Россійской Революціи, к которой согласно постановленію Совѣта было добавлено, что "Временное Правительство считает своим дол-

гом присовокупить, что оно отнюдь не намѣрено воспользоваться военными обстоятельствами для какого-либо промедленія по осуществленію вышеуказанных реформ и мѣропріятій"[\[145\]](#). Возник вопрос, от имени кого опубликовать правительственную декларацию. "От Врем. Комитета Гос. Думы" — предложил Милюков. "При чем тут Гос. Дума и ея комитет" — возразил Суханов. "Чтобы сохранить преимственность власти" — отвѣтил Милюков, не очень, однако, настаивая на упоминаніи Гос. Думы. Рѣшено было написать: "от Временнаго Правительства". Пошли собирать подписи министров. Годнев отказался подписать[\[146\]](#). "Зато подвернулся" Родзянко, который "сам счел необходимым благословить революціонное правительство своею подписью". Мемуарист не только забыл (или игнорировал) постановление Совѣта, что правительственный манифест должен появиться одновременно за подписью предсѣдателя Врем. Ком. Гос. Думы и установленнаго Врем. Правительства, но и не потрудился вчитаться даже при написаніи своих "записок" в тот официальный документ, в созданіи котораго принимал самое непосредственное участіе. Правительственная декларация была опубликована вовсе не от имени того

сформированнаго 2 марта Временнаго Правительства (т. е. "общественнаго кабинета" во главѣ с кн. Львовым), а от имени того временнаго правительства, которое создала революція 27 февраля, т. е. Временнаго Комитета Гос. Думы. Декларация началась словами "Временный Комитет членов Г. Д. при содѣйствіи и сочувствіи столичных войск и населенія достиг в настоящее время такой степени успѣха над темными силами стараго режима, которая позволяет ему приступить к болѣе прочному устройству исполнительной власти. Для этой цѣли Врем. Ком. Г. Д. *назначает* министрами перваго общественнаго кабинета слѣдующих лиц, довѣріе к которым в странѣ обезпечено их прошлой общественной и политической дѣятельностью[147]...

Так создалось, по "соглашенію" с Совѣтом или с "разрѣшенія" Совѣта (по терминологіи нѣкоторых представителей лѣвой общественности) то формально назначенное Временным Комитетом старой Государственной Думы первое революціонное правительство, которому суждено было проводить утлую ладью русской государственности через взбаломученный океан революціонных страстей.

ГЛАВА ПЯТАЯ. ОТРЕЧЕНИЕ

І.В Царской Ставкѣ.

1. Информація из Петербурга.

Когда делегаты думскаго Комитета выѣзжали из Петербурга, вопрос об отреченіи Государя был принципиально в Псковѣ уже разрѣшен, и вмѣшательство делегаціи лишь задержало опубликованіе манифеста и тѣм самым скорѣе осложнило проблему сохраненія монархическаго строя, ради которой делегаты поѣхали в Псков. Мало того, эта задержка на нѣсколько часов оказала роковое вліяніе на послѣдующую судьбу Царя. Почему Николай II, в сущности так легко внѣшне отказавшійся от борьбы за престол, не откликнулся сразу в критическій момент на настойчивые призывы пойти навстречу общественному мнѣнію и удовлетворить почти всеобщее требованіе, если не отвѣтственнаго парламентскаго министерства, то по терминологіи того времени "министерства довѣрія", как единственнаго выхода из создававшегося положенія. Для того, чтобы очертить объек-

тивно психологію Императора, надо обозрѣть хотя бы послѣдніе годы его царствованія, — годы войны и предреволюціоннаго періода[148]. В данном случаѣ нас будут занимать не психологическія переживанія царствовавшего монарха, а "то, как он непосредственно реагировал на февральскія событія.

Вечером 26-го (в 9 ч. 53 м.) предсѣдатель Думы, охарактеризовавъ "угрожающіе размѣры" петербургских волненій, которыя принимают "стихийный характер", отправил Царю умоляющую телеграмму: "Государь, спасите Россію", — взывал Родзянко: "Ей грозит униженіе и позор. Война при таких условіях не может быть побѣдоносно окончена, так как броженіе распространилось уже на армію и грозит развиться, если безначалію и безпорядку власти не будет положен рѣшительный конец[149]... Государь, безотлагательно призовите лицо, которому может вѣрить вся страна и поручите ему составить правительство, которому может довѣрять все населеніе. За таким правительством пойдет вся Россія. В этот небывалый по ужасающим послѣдствіям и страшный час иного выхода нѣтъ и медлить невозможно"[150]. Получив

эту телеграмму, Николай II, по словам Фредерикса в показаніях Чр. Сл. Ком., будто бы, сказал: "Опять этот толстяк Родзянко мнѣ написал разный вздор, на который я ему не буду даже отвѣчать" [\[151\]](#).

Правда, на показанія престарѣлаго министра Двора, до чрезвычайности разстроеннаго обрушившимися на него личными бѣдами послѣ революціи — разгромом и пожаром его дома в Петербургѣ, болѣзнью жены — и, по собственному признанію, совершенно потерявшаго память, не приходится слишком полагаться, но, вѣроятно, Царь считал крайним преувеличеніем ту взволнованность, которая проявилась в телеграммѣ председателя Думы. Полученныя Государем "лживыя" успокоительныя телеграммы командующаго войсками Хабалова (и отчасти военнаго министра Бѣляева и мин. в. д. Протопопова) могли казаться такими послѣ революціи, но в момент, когда онѣ посылались в Ставку, онѣ соотвѣтствовали болѣе или менѣе дѣйствительности или, вѣрнѣе, тому настроенію, под которым воспринималась тогда почти всѣми эта дѣйствительность. Мало кто видѣл в петербургском бунтѣ реальную прелюдію к революціи. Вѣрнѣе никто. Что может быть характер-

нѣе простого сопоставленія двух одновременных, независимых друг от друга, отзывов о начавшихся волненіях в Петербургѣ со стороны лиц, которыя находились в смыслѣ своего общественнаго положенія на діаметрально противоположных полюсах: "Это — хулиганское движеніе, — писала 25 февраля имп. А. Ф. мужу — мальчишки и дѣвченки бѣгают и кричат, что у них нѣтъ хлѣба — просто для того, чтобы создать возбужденіе... Если бы погода была очень холодная, они всѣ, вѣроятно, сидѣли бы по домам. Но это все пройдет и успокоится, если только Дума будет хорошо вести себя". Почти такую же характеристику с упоминаніем о "мальчишках и дѣвченках" дал начавшемуся движенію на официальном приѣмѣ у московскаго командующаго войсками Мрозовскаго проф. Мануилов, редактор руководящаго органа тогдашней либеральной мысли, извѣстный политико-экономист и будущій член революціоннаго правительства[152]. Царь был "слѣп" не болѣе других. Можно удивляться, но не приходится иронизировать *post factum* по поводу непредусмотрительности правящих кругов, которые одни только узнали, что "пришла революція", т. е. не придавали февральской забастовкѣ и уличным де-

монстраціям характера политическаго (Щеголев).

В Ставку отклики на быстро текуція в Петербургѣ событія приходили с опозданіем. Недаром Рузскій на копіи телеграммы Родзянко 26-го «дѣлал помѣтку: "Очень жаль, что с 24 по 27 не удосужились сообщить о том, что дѣлается в Петроградѣ"... Рузскій добавил, что не сообщали на фронт "может быть, и с цѣлью"[\[153\]](#). Конечно, никакой задней цѣли не было. Дѣло было только в том, что у самых предусмотрительных людей в дѣйствительности еще не было ощущенія наступавшей "катастрофы", которую 26-го вечером почувствовал Родзянко. На первую телеграмму Хабалова к вечеру 25-го о начавшейся забастовкѣ и демонстраціях 23-го и 24-го, при разгонѣ которых "оружіе войсками не употреблялось", Царь лаконически отвѣтил "за личной подписью": "Повелѣваю завтра же прекратить в столицѣ безпорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германіей и Австріей". В Чр. Сл. Ком. Хабалов показывал, что эта телеграмма хватила его, как бы "обухом": "как прекратить завтра же? Что я буду дѣлать? Как мнѣ прекратить? Когда говорят: хлѣба дать — дали хлѣб и кончено. Но когда на флагах надпись: до-

лой самодержавіе, какой же тут хлѣб успокоит". "Царь велѣл: стрѣлять надо, и я убит был".

Через час послѣ полученія телеграммы, около 10 ч. веч. 25-го, по словам Хабалова, собрались командиры запасных батальонов. Главнокомандующій освѣдомил их о царской телеграммѣ и указал, что должно быть примѣнено "последнее средство", т. е., "раз толпа агрессивна, то дѣйствовать по уставу — послѣ троекратнаго сигнала открывать огонь"[\[154\]](#). И в воскресенье 26-го оружіе было пущено в ход в большем масштабѣ. чѣм в предшествовавшіе дни. Трудно не усмотрѣть в показаніях Хабалова перед революціонным слѣдствіем попытки снять с себя отвѣтственность за разстрѣл толпы. Хабалов телеграмму Императора в показаніях относил к 9 час. веч. 25-го. а между тѣм на подлинникѣ телеграммы самого Хабалова, адресованной нач. верх. штаба, имѣется помѣтка рукою Алексѣева: "доложено Государю Императору 26", другими словами, очевидно, телеграмма Николая II могла быть послана лишь 26-го — в публикаціи Сторожева она и помѣчена 22 часами двадцать шестого[\[155\]](#).

26-го Император не проявлял большого безо-

койства. Он писал в этот день женѣ: "Я надѣюсь, что Хабалов сумѣет быстро остановить эти уличные беспорядки. Протопопов должен дать ему ясныя и опредѣленныя инструкціи. Только бы старый Голицын не потерял голову". В 9 ч. 20 веч. из Ставки пошла телеграмма в Царское: ..."Выѣзжаю послѣзавтра. Покончил здѣсь со всѣми важными вопросами. Спи спокойно"...

Одновременно со "всеподданнѣйшей" телеграммой Царю Родзянко телеграфировал и нач. верх. штаба... Телеграмма Алексѣеву почти дословно совпадала с текстом, адресованным Царю, и оканчивалась призывом к нач. штаба своим представительством перед Царем ("молю вас о том от всей души") "спасти Россію от катастрофы... в ваших руках... судьба, слава и побѣда Россіи". Копіи были посланы и главнокомандующим фронтами: "порученіе исполнил", — отвѣтил просто Рузскій и болѣе претенціозно Брусилов: "свой долг перед родиной и Царем исполнил" (эти отвѣты были напечатаны в московских газетах 2 марта). Брусилов в час ночи телеграфировал Алексѣеву, что "при наступившем грозном часѣ другого выхода не вижу" (т. е. послѣдовать совѣту Родзянко). Эверт позже,

днем 27-го, уклонялся от отвѣта в телеграммѣ на имя Алексѣева: "Я — солдат, в политику не мѣшался и не мѣшаюсь. По отрывочным доходящим до меня слухам, насколько справедливо все изложенное в телеграммѣ по отношенію внутренняго положенія страны, судить не могу". Русскій телеграфировал непосредственно Царю в 9 ч. веч. 27-го. Не касаясь министерскаго вопроса, главнокомандующій Сѣвернаго фронта указывал лишь на необходимость "срочных мѣр" для успокоенія населенія и предостерегающе предупреждал, что "нынѣ армія заключает в своих рядах представителей всѣх классов, профессій и убѣжденій, почему она не может не отразить в себѣ настроеній страны". "Позволяю себѣ думать, — заключал Русскій, — что при существующих условіях мѣры репрессій могут скорѣе обострить положеніе, чѣм дать необходимое длительное умиротвореніе".

В теченіе дня и вечера 27-го всѣ эти телеграммы доложены были Царю [\[156\]](#). В час дня в связи с перерывом занятій Думы пришла на имя Царя новая телеграмма Родзянко, в очень рѣшительных тонах, призывавшая носителя верховной власти "безотлагательно" вновь созвать законодательныя

палаты и призвать новую власть на началах, изложенных в предшествовавшей телеграммѣ председателя Думы: "Государь, не медлите" — телеграфировал Родзянко: "Если движеніе перебросится в армію, восторжествует нѣмец, и крушеніе Россіи и с ней династіи неминуемо. От имени всей Россіи прошу В. В. об исполненіи изложеннаго. Час, рѣшающій судьбу войск и родины, настал. Завтра может быть уже поздно". Это не было увѣщаніем челоуѣка, через нѣсколько часов присоединившагося — пусть вынужденно — к революціонному движенію. Родзянко говорил не о "революціи", а о "бунтѣ", который грозит гибелью государству: "Послѣдній оплот порядка устранин. Правительство совершенно безсильно подавить беспорядок. На войска гарнизона надежды нѣтъ. Запасные батальоны гвардейских полков охвачены бунтом. Убивают офицеров, примкнув к толпѣ и народному движенію, они направляются к дому мин. вн. д. и Государственной Думѣ (очевидно, не для того, чтобы сдѣлать Думу вождем революціоннаго движенія. С. М.). Гражданская война началась и разгорается". Логически из телеграммы Родзянко слѣдовало, что дѣло шло в данный момент не столько о перемѣнѣ в составѣ министерства, сколько о необ-

ходимости ликвидировать анархическій бунт, начавшійся в столицѣ. Почти одновременно с телеграммой Родзянко Царю была доставлена телеграмма Хабалова, излагавшая происшествія в Волынском полку и отклики их в гарнизонѣ: "принимаю всѣ мѣры, которыя мнѣ доступны, для подавленія бунта. Полагаю необходимым прислать немедленно надежныя части с фронта". Так возникла в Ставкѣ мысль о посылкѣ "карательной" экспедиціи во главѣ с ген. Ивановым, окончательно, очевидно, оформившаяся к моменту получения Алексѣевым телеграммы (в 7 ч. 35 м. от военного министра Бѣляева, помѣчена № 197[157]: "Положеніе в Петроградѣ становится весьма серьезным. Военный мятеж немногими оставшимися вѣрными долгу частями погасить пока не удастся; напротив того, многія части постепенно присоединяются к мятежникам. Начались пожары, борются с ними нѣтъ средств. Необходимо спѣшное прибытіе дѣйствительно надежных частей, при том в достаточном количествѣ для одновременных дѣйствій в различных частях города"[158]. Нѣтъ никаких основаній приписывать инициативу посылки Иванова в Петербург с чрезвычайными полномочіями лично Императору, так как совершенно очевидно из

послѣдующаго, что сам нач. верх, штаба понял обстановку, изложенную в телеграммѣ Родзянко и поясненную телеграммами Хабалова и Бѣляева, как наличие анархическаго бунта, который надо прежде всего ликвидировать военной силой. Разговаривая через нѣкоторое время по прямому проводу с нач. штаба Сѣвернаго фронта Даниловым по поводу миссии Иванова и назначенія в его распоряженіе соотвѣтствующих воинских частей с "надежными, распорядительными и смѣлыми помощниками" ("прочных генералов", как выражался Алексѣев. отмѣчавшій, что Хабалов "повидимому растерялся"), Алексѣев заключил: "минута грозная, и нужно сдѣлать все для ускоренія прибытія прочных войск. В этом заключается вопрос нашего дальнѣйшаго будущаго" [\[159\]](#). В письмѣ к женѣ, написанном до назначенія Иванова, Государь говорил: "послѣ вчерашних извѣстій из города я видѣл здѣсь много испуганных лиц. К счастью, Алексѣев спокоен, но полагает, что необходимо назначить очень энергичнаго человѣка, чтобы заставить министров работать для разрѣшенія вопросов: продовольственнаго, желѣзнодорожнаго, угольнаго и т. д. Это, конечно, совершенно справедливо". Ясно, что рѣчь идет не о реорганизаціи Совѣта мини-

стров, а о назначеніи отвѣтственнаго лица с диктаторскими полномочіями, что соотвѣтствовало давнишним проектам ген. Алексѣева. Эту черту слѣдует учитывать, когда обращаешься к воспоминаніям тѣх, кто в описываемые дни находились в Ставкѣ. В сознаіи мемуаристов событія 27 февраля — 1 марта подчас сливаются в одну общую картину. Желая подчеркнуть свое пониманіе создавшейся обстановки и свою предусмотрительность, они невольно факты 27 февраля вставляют и рамку послѣдующих явленій. Мы это видим в воспоминаніях генерал-квартирмейстера Ставки Лукомскаго. Внѣшне он старается быть очень точным даже в датах, отмѣчая часы разговоров и проч. Но именно эта мемуарная точность без соотвѣтствующих справок с документами, которые вступают в противорѣчіе с утвержденіями мемуариста, и лишает воспоминанія ген. Лукомскаго в деталях исторической достовѣрности. Непосредственный очевидец и участник драмы, разыгравшейся в Ставкѣ, рассказывает о том, как ген. Алексѣев безуспѣшно пытался воздѣйствовать на Царя, в соотвѣтствіи с настояніями, которыя шли из Петербурга и в частности с упомянутой телеграммой, полученной от предсѣдателя Совѣта ми-

нистров кн. Голицына. Эту телеграмму Лвкомскій ошибочно отнес на дневное время — она могла быть получена в Ставкѣ лишь вечером[160]. В опубликованных документах Ставки телеграммы Голицына нѣт. Воспроизвести ее можно только в изложеніи, явно неточном, Блока, причем самое главное мѣсто у автора приводится не в подлинных словах телеграммы. Совѣт министров "дерзал" представить Е. В. о "безотложной необходимости" объявить столицу на осадном положеніи, что было выполнено уже "собственной властью" военного министра "по уполномочію" Совѣта. Совѣт министров "всеподданнѣйше" ходатайствовал о "постановленіи во главѣ оставшихся вѣрных войск одного из военачальников дѣйствующей арміи с популярным для населенія именем". "Далѣе указывалось, — пишет уже Блок, — что Совѣт министров не может справиться с создавшимся положеніем, предлагает себя распустить, назначить председателем Совѣта министров лицо, пользующееся общим довѣріем и составить *отвѣтственное министерство*". Послѣднее толкованіе Блока болѣе чѣм произвольно. Перед Чр. Сл. Ком. Голицын засвидѣтельствовал, что он никого не указывал в качествѣ лица, "облеченнаго довѣріем Государя" и не

возбуждавшего "недовѣрія со стороны широких слоев общества ". На вопрос председателя: имѣлась ли в виду диктатура, Голицын отвѣтил: "Мнѣ лично не диктатура. Мнѣ представлялось так, что мог быть таким лицом нынѣшній же председатель Совѣта министров, что этот человек, извѣстный широким кругам общества, и мог бы умиротворить". Голицын говорил, что телеграмма, редактированная министрами Покровским и Барком была послана вечером "в шесть часов или в семь".

"Генерал Алексѣев, — рассказывал Лукомскій, — хотѣл эту телеграмму послать с офицером для передачи ея Государю через дежурнаго флигель-адъютанта. Но я сказал ген. Алексѣеву, что положеніе слишком серьезно, и надо ему итти самому, что, по моему мнѣнію, мы здѣсь не отдаем себѣ достаточнаго отчета в том, что дѣлается, что, по-видимому, единственный выход — это поступить так, как рекомендуют Родзянко, Вел. Князь и кн. Голицын, что он, ген. Алексѣев, должен уговорить [\[161\]](#). Ген. Алексѣев пошел. Вернувшись минут через десять, он мнѣ сказал, что Государь остался очень недоволен содержаніем телеграммы

Голицына и сказал, что сам составит отвѣтъ... "Государь со мной просто не хотѣл говорить"... "Часа через два ко мнѣ в кабинет прибѣжал дежурный офицер и сказал, что в наше помѣщеніе идет Государь... Е. В, спросил меня: гдѣ ген. Алексѣев?" — Он у себя в комнатѣ, чувствует себя плохо и прилѣг[162]. "Сейчас же передайте ген. Алексѣеву эту телеграмму... При этом скажите, что это мое окончательное рѣшеніе, которое я не измѣню, и поэтому бесполезно мнѣ докладывать ёще что-либо по этому вопросу". Отвѣтъ Царя Голицыну мы имѣем в точной копіи из архива Ставки: "О главном военном начальникѣ для Петрограда мною дано повелѣніе нач. моего штаба с указаніем немедленно прибыть в столицу. То же и относительно войск. Лично вам предоставляю всѣ необходимыя права по гражданскому управленію. Относительно перемѣны в личном составѣ при данных обстоятельствах считаю их недопустимыми".

По памяти Лукомскій очень неточно воспроизводил текст телеграммы, переданной ему Царем. По его словам, кромѣ предоставленія председателю Совѣта министров "диктаторских прав по управленію", "диктаторскими полномочіями" снаб-

жался и командируемый для "подавленія возстанія и установленія порядка" Иванов. "Получались в Петроградъ двѣ диктатуры!" — восклицает автор, ошибочно объединившій два разных момента, ибо вопрос о "диктаторских полномочіях" Иванова всплыл в послѣдующем ночном свиданіи Царя с Ивановым уже в вагонѣ отъѣзжающаго из Могилева Императора. "Я попросил ген. Алексѣева, — продолжает Лукомскій, — итти к Государю и умолять измѣнить рѣшеніе... Послѣ нѣкоторых колебаній нач. штаба пошел к Государю. Вернувшись, он сказал, что Государь рѣшенія не мѣняет. Телеграмма была послана". Когда? — Мы имѣем опредѣленную документальную дату: в 11 ч. 25 м. вечера[163].

Приблизительно за час до отправки телеграммы Голицыну Алексѣев был вызван из Петербурга к прямому проводу в. кн. Мих, Алекс. Послѣдній просил от его имени доложить Царю, что "для немедленнаго успокоенія принявшаго крупные размѣры движенія... необходимо увольненіе всего состава Совѣта министров"... "При теперешних условіях, — говорил Мих. Ал., — полагаю единственно остановать выбор на лицѣ, облечен-

ном довѣріем В. И. В. и пользующемся уваженіем в широких слоях, возложив на такое лицо обязанности предсѣдателя Совѣта министров, *отвѣтственнаго единственно* перед В. И. В. Необходимо поручить ему составить кабинет по его усмотрѣнію. В виду чрезвычайно серьезнаго положенія не угодно ли будет В. И. В. уполномочить меня безотлагательно объявить об этом от Высочайшаго В. И, В. имени, причем с своей стороны полагаю, что таким лицом в настоящій момент мог бы быть кн. Львов". " *Сейчас* доложу Е. И. В. телеграмму В. И. В. *Завтра*^[164] Государь Император выѣзжает в Царское Село" — отвѣчал Алексѣев. Великій Князь просил Алексѣева доложить и то, что по его убѣжденію "пріѣзд Государя Императора в Царское Село, может быть, желательно отложить на нѣсколько дней". Через короткій промежуток Алексѣев дал отвѣт Великому Князю: Царь выѣзжает сам в Царское Село; всѣ мѣропріятія, касающіяся личнаго состава правительства, Царь отлагает ко времени своего пріѣзда в Ц. С, на слѣдующій день в качествѣ главнокомандующаго петербургским округом отправляется ген. Иванов с надежными воинскими частями. Алексѣев обращался с "личной просьбой" к Вел. Князю "настойчиво"

поддержать при свиданіи с Царем мысль о необходимости "замѣны современных дѣятелей Совѣта министров" и "способа выбора новаго Совѣта" — "и да поможет В. И. В. Господь Бог в этом важном дѣлѣ". "С своей стороны, — добавлял нач. верх. штаба, — сообщаю лично вам, что я опасаюсь, как бы не было упущено время до возвращенія Е. В., так, как при настоящих условіях дорог буквально каждый час"[\[165\]](#). Ген. Лукомскій передает болѣе рѣзкій отвѣтъ Царя: "Государь де "благодарит за совѣт, но что он сам знает, как поступить". Возможно, что Алексѣев смягчил отвѣтъ в передачѣ, но мы должны помнить, что мемуарист воспроизводит прошлое только по памяти, причем самое предложеніе Вел. Кн. формулирует не так, как оно занесено на официальной лентѣ разговора: Лукомскій говорит об отвѣтственном перед Гос. Думой правительствѣ.

2. "Отвѣтственное Министерство".

Разговор со Ставкой Мих. Ал. явился результатом бесѣды его 27-го с Родзянко и Голицыным. Стенографическая запись допроса послѣдняго в Чр. Сл. Ком. в таких словах зафиксировала эту

бесѣду (Голицын относил ее на 26-ое): "Мы (Родзянко и Голицын) просили Мих. Ал. принять на себя регентство временно, так как Государя нѣтъ, чтобы он принял хотя бы с превышеніем власти и чтобы нас (т. е. министров) сейчас же всѣх уволил и назначил новый Совѣт министров. Но он на это не пошел". В воспоминаніях председателя Думы дается поясненіе, нѣсколько противорѣчащее показаніям Голицына. Родзянко рассказывает, что совѣщаніе с Мих. Ал. в присутствіи Голицына происходило у президіума Думы и происходило оно 27 февраля. В бесѣдѣ приняли участіе Некрасов (тов. пред. Думы), Дмитрюков (секретарь) и член Думы Савіч. Представляется маловѣроятным, чтобы 27-го, послѣ образованія Временнаго Комитета, президіум Думы мог в 8 час. вечера совѣщаться с членами Совѣта министров. Это мог сдѣлать еще колебавшійся председатель Думы. Повидимому, Родзянко спутал два совѣщанія, 24-го происходило частное совѣщаніе Совѣта министров с президіумом законодательной палаты по вопросу о передачѣ продовольствія в вѣдѣніе общественных организацій — так, между прочим, показал управляющій дѣлами Совѣта министров Ладыженскій[166]. Военный министр Бѣляев, при-

существовавший на совѣщаніи 27-го и сопровождавший в. кн. Мих. Ал. в военное министерство для переговоров со Ставкой, в показаніях указывал совсѣм иной состав совѣщанія — из общественников был только Родзянко. На совѣщаніи участвовало 5 человек: вел. кн. Михаил, Родзянко, Голицын, Бѣляев и гос. секр. Крыжановскій. По словам Протопопова, отстраненнаго уже от дѣл, на совѣщаніи будто бы присутствовали в. кн. Кирилл и Гучков, которых Протопопов встрѣтил в вестибюлѣ, покидая Маріинскій дворец.

В мое изложеніе надо все же внести оговорку. В недавно вышедших воспоминаніях кн. Шаховского, послѣдняго министра торговли и промышленности, категорически говорится, что пріѣхав в Маріинскій Дворец 27-го на засѣданіе Совѣта министров, он встрѣтил "спускавшихся по лѣстницѣ Родзянко, Некрасова, Дмитрюкова и Савича". Шаховской добавляет, что во время засѣданія "в темнотѣ нѣсколько раз промелькнула сіяющая фигура Гучкова..."

По существу Родзянко рассказывает слѣдующее: "Великому Князю было во всей подробности доложено положеніе дѣл в столицѣ и было указано, что

еще возможно спасти положеніе. Он должен был явочным порядком принять на себя диктатуру над городом Петроградом, побудить личный состав правительства подать в отставку[167]и потребовать по телеграфу, по прямому проводу, Манифест Государя Императора о дарованіи отвѣтственного министерства. Нерѣшительность в. кн. Мих. Ал. способствовала тому, что благопріятный момент был упущен. Вмѣсто того, чтобы принять активныя мѣры и собрать вокруг себя гарнизон, вел. кн. Мих. Ал. повел по прямому проводу переговоры с имп. Николаем II, получил в своих указаніях полный отказ и, таким образом, в этом отношеніи попытка Гос. Думы(?!) потерпѣла неудачу".

Оказавшись участвовать в сущности в переворотѣ (хотя и *sui generis*), который предлагал от имени думцев Родзянко, в. кн. М. А., как было указано, довел до свѣдѣнія Царя о необходимости мѣропріятій, довольно далеко отстоящих от идеи отвѣтственного министерства перед законодательным собраніем. В этом нѣтъ ничего удивительнаго, ибо совершенно ясно, что на совѣщаніи 27-го, т. е. в день уже начавшейся революціи, вопрос об "отвѣтственном министерствѣ" не ставился и не мог

быть поставлен при той неопредѣленности, которой может быть отмѣчена позиція даже передовых представителей "цензовой" общественности накануне роковых событій. Никакого конкретного плана дѣйствія у них не было, если не считать довольно расплывчатых проектов дворцоваго переворота, в которые были посвящены немногіе, и осуществленіе которых будто бы намѣчалось на мартовскія иды. Что может быть характернѣе выступления в качествѣ политическаго парламентаря, в порядкѣ как бы личном, думскаго златоуста, виднѣйшаго представителя фракціи к-д., депутата Маклакова. Факт этот имѣл мѣсто в полном смыслѣ слова накануне революціи. Инициатива вышла из правительственных кругов, искавших выхода в критическіе дни. Вот что показывал в Чр. Сл. Ком. кн. Голицын: В засѣданія Совѣта министров 25-го "зашла рѣчь о том, что предполагается в Гос. Думѣ в понедѣльник ряд выступленій, который повлекут за собой со стороны правительства обязанность распустить Думу... Я был против этого. Многіе мои коллеги были тоже против. Тогда я просил министров ин. д. и земледѣлія, так как они знали большое количество членов Думы, переговорить с членами Думы о том..., как из этого вый-

ти... Они ко мнѣ пріѣхали, повидимому, повидавшись с членами Думы, кажется, с Маклаковым и с Балашевым, и сказали мнѣ, что по их мнѣнію (т. е. членов Думы), нужно сдѣлать перерыв, дабы страсти улеглись. Это заставило меня на нѣсколько дней (?) сдѣлать перерыв, боясь роспуска". Военный министр Бѣляев добавил в своих показаніях, что рѣшеніе о необходимости "найти почву для"соглашенія и для "дѣйствія заодно с Гос. Думой" было принято "единодушно", и что переговоры были намѣчены на 26-ое: "Родзянко должен был поѣхать к кн. Голицыну, затѣм... Покровский и Риттих войдут в переговоры с нѣкоторыми лидерами партій, если не ошибаюсь, с Маклаковым, Савичем и еще кѣм-то"... По утверженію Протопова (мало правдоподобному) этим третьим был будто бы Милюков. Во всяком случаѣ, состоялась бесѣда с Маклаковым.

Какую же программу дѣйствія предложил "самый умѣренный из кадет и самый умный", по характеристикѣ Шульгина?... На каких условіях Дума в лицѣ Маклакова готова была "помочь" правительству? Формулируем словами самого Маклакова. "Берите на себя инициативу" — сказал Макла-

ков: "Поставьте завтра же Думу перед таким со-
вершившимся фактом, который она сможет при-
нять. Прежде всего отставка всего кабинета,... что-
бы было ясно, что хотят идти новым путем.
Дальше сейчас же пусть будет назначен новый
премьер, популярный в странѣ. И пусть он полу-
чит порученіе составить кабинет по своему усмот-
рѣнію. На это дайте ему срок самый короткій. Три
дня. А на эти три дня прекратите засѣданія Думы:
в данной обстановкѣ собраніе Думы принесет
только вред. Через три дня пусть новый кабинет
явится перед Думой и изложит свою программу".
В качествѣ премьера Маклаков рекомендовал не
"общественнаго дѣятеля" (среди "парламентаріев"
он не видѣл "подходящих и умѣлых людей"), а "ум-
наго и популярнаго генерала", который был бы
"символом" новаго министерства. Маклаков на-
звал Алексѣева. "Пусть берет в министры умѣлых
и популярных людей из бюрократіи... Возвратит
Коковцова, Сазонова, Наумова, Самарина и др."
"Пусть он явится В Думу с краткой, но опредѣлен-
ной программой: все для войны... Пусть заявит,
что в своей деятельности будет *опираться* на
Думу... Такому правительству и такой программѣ
Дума ни в чем не откажет. Но... это уже послѣдняя

ставка". Сам Маклаков признает, что министры "с удивленіем переглянулись между собой — "и только?" и заявили, что "программа приемлема", и что они надѣются ко вторнику получить на нее "согласіе Государя". Маклаков же взялся добиться отказа от созыва экстреннаго засѣданія Думы на понедѣльник. Депутат, по его собственным словам, не посвятил никого из своих товарищей по партіи в намѣченный им, с согласія Покровскаго и Риттиха, план, и фактически проектированное на 27-ое засѣданіе было отложено лишь из-за технической невозможности его собрать [\[168\]](#).

Наши свѣдѣнія о происходившем затѣм в Совѣтѣ министров настолько скудны и противорѣчивы, что пока нѣтъ возможности устранить противорѣчія и дать в деталях изобразительную картину того, как отразился в правительственных совѣщаніях переживавшейся политической момент (Бѣляев говорит, что он настаивал на составленіи "подробнаго журнала" в эти "историческіе дни"). Занятія Думы были прерваны — только не на три дня, как проектировал Маклаков, а на срок неопредѣленный с указаніем, что работы Думы должны возобновиться "не позднѣе апрѣля, в за-

висимости от чрезвычайных обстоятельств" (в представлении Голицына всетаки перерыв должен был продлиться всего "нѣсколько дней"). Когда Маклаков на другой день снесся с Покровским, то был огорошен "успокоительным" отвѣтом министра ин. д.: "одно желаніе ваше исполнено, занятія Думы прерваны. А об остальном мы будем имѣть сужденіе в среду" (т.е. 1 марта). "Я не понимал, не шутит ли он?" — рассказывает Маклаков. — "Вы знаете, что теперь происходит?" — "Что же?" — "Войска взбунтовались". — "Я ничего не слышал". — "Так с вами больше не о чем говорить", — и я трубку повѣсил. Началась уже официальная революція".

План Маклакова "спасти Россію от революціи", таким образом, провалился... Впослѣдствіи (уже в эмиграціи) Маклаков от Покровскаго и Риттиха слышал, что за его план высказалось только 4 министра. Эту версію подтверждал в своих показаніях Протопопов, ошибочно относившій засѣданіе Совѣта министров на 25 февраля: "Примиреніе, — писал он, — оказалось невозможным: депутаты требовали перемѣну правительства и назначеніе новых министров... Требованіе депутатов

было признано неприемлимым". В действительности как-будто было по другому, и план Маклакова, надо думать, в общих чертах был принят. "В воскресном собраніи в 9 ч. — показывал Бѣляев, — был доложен результат переговоров, причем было выяснено, что всетаки члены Гос. Думы признают необходимым выйти в отставку Совѣту министров, необходимо, чтобы был кабинет такой, предсѣдатель коего пользовался бы полным довѣріем Государя-Императора, но на котораго было бы возложено образование министерства, т. е., чтобы министры были подчинены, так сказать, председателю Совѣта министров. Тогда же была написана телеграмма Государю-Императору".

Характер засѣданія может быть прекрасно обрисован словами Бѣляева: "У меня вообще такое впечатлѣніе, что не Протопопов здѣсь разсуждал". В хронологіи Бѣляев сдѣлал ошибку, — телеграмма Царю фактически была послана на другой день около 6 час. вечера. Правильность впечатлѣнія Бѣляева косвенно подтверждает запись Палеолога (очень неточная, как почти всегда), 27 февраля посѣтившаго в 11.30 час. утра министерство ин. д. Покровскій сообщил ему о роспускѣ Думы, о теле-

граммѣ Царю с мольбой немедленно пріѣхать [169] и о мнѣніи всѣх министров, за исключением Протопопова, о необходимости установленія диктатуры, которая должна быть вручена популярному в арміи генералу, напр., Рузскому. Не исключена, конечно, возможность, что на вечернем засѣданіи 26-го, дѣйствительно, план Маклакова (каковы были другія предположенія, исходившія от общественных кругов, мы не знаем) был отвергнут, и Совѣт министров под вліяніем воскресных событій, когда могло казаться, что правительство "побѣдило", склонился к мнѣнію "правых" о введеніи осаднаго положенія. т. е. рѣшил взять "твердый курс". (См. ниже). И только на другой день, когда столица неожиданно сдѣлалась вновь "полем военных дѣйствій", и стало обнаруживаться безсиліе правительства и безнадежность положенія. обратились к рецепту, предложенному Маклаковым. При таких условіях странный отвѣт Покровскаго 27-го, поразившій депутата, был только тактическим пріемом, чтобы не разрубить веревочки, которая связывала правительство с общественностью.

* * *

Разсказ о переживаніях в Петербургѣ пріоткрывает завѣсу над тѣм, что происходило в Ставкѣ, гдѣ вопрос об "отвѣтственном министерствѣ" в сознаніи дѣйствовавших лиц, конечно, должен был стоять еще менѣе отчетливо, нежели в столичных министерских кругах. Приходится думать, что только вечером 27-го послѣ телеграммы председателя Совѣта министров и послѣдовавшаго затѣм разговора с в. кн. Михаилом у Алксѣева стал измѣняться взгляд на происходящее в Петербургѣ, и солдатскій бунт стал представляться чѣм-то болѣе глубоким и серьезным, чѣм казалось это первоначально. Тогда встала проблема, если не отвѣтственнаго министерства, то министерства довѣрія по ходячей терминологіи того времени. И только 28-го, когда получено было сообщеніе, что столичное движеніе возглавляется Временным Комитетом Гос. Думы, позиція ген. Алксѣева совершенно опредѣленно оформилась в сторону "отвѣтственнаго министерства" — общественнаго кабинета. Это измѣненіе довольно ясно выступает при сопоставленіи двух документов, помѣченных 28-м и вышедших непосредственно из-под пера началь-

ника верховнаго штаба. Между 1-2 часами дня главнокомандующим фронтами была разслана циркулярная телеграмма Алексѣева с обзорѣніем событій в Петербургѣ 26-28 февраля. Событія эти характеризуются только, как "военный мятеж", подавленіе котораго стоит на первом планѣ. О необходимости хотя бы косвенно поддержать "революціонное правительство" нѣтъ и рѣчи. "На всѣх нас, — заключал Алексѣев, — лег священный долг перед Государем, Надѣюсь сохранить вѣрность долгу и присягѣ в войсках дѣйствующих армій". Значительно позже, около 8 час. вечера, в дополнительной телеграммѣ главнокомандующим Алексѣев, предупреждая, что нѣмцы могут использовать внутреннія затрудненія и проявить активность на фронтѣ, так опредѣлял положеніе: "Событія в Петроградѣ, сдѣлавшія революціонеров временно хозяевами положенія, конечно, извѣстны нашему противнику, быть может, принявшему довольно дѣятельное участіе в подготовкѣ мятежа". В совсѣм других тонах составлена ночная телеграмма в Царское Село на имя Иванова, которая приведена была выше, — здѣсь опредѣленно уже говорится о поддержкѣ усилій "Временнаго Правительства" под предсѣдательством Родзянко

и о "новых основаніях для выбора и назначенія правительства" в соотвѣтствіи с "пожеланіем народа"...

Повѣствованіе о настойчивых, но безрезультатных попытках предусмотрительных людей в Ставкѣ убѣдить Царя 27-го в необходимости перейти к парламентскому строю должно быть отнесено к числу легенд, родившихся в аспектѣ мемуарнаго воспріятія прошлаго. В средѣ императорской свиты легенда эта пріобрѣла другой оттѣнок: Царь де легко тотчас же послѣ телеграммы Родзянко согласился на отвѣтственное министерство — правда, в ограниченном размѣрѣ, оставляя в своем непосредственном распоряженіи министерства военное, морское, иностр. дѣл и Двора. Так слѣдует из воспоминаній придворнаго исторіографа ген. Дубенскаго, впрочем оговаривающагося, что сам он царской телеграммы "не видѣл, но слышал об ней от многих лиц"; по его словам, "безусловно вся Свита и состоящіе при Государѣ признавали в это время неотложным согласіе Государя на отвѣтственное министерство и переход к парламентскому строю". "Весь вечер и почти всю ночь — вспоминает Дубенскій — мы всѣ не расходились и

бесѣдовали о нашем срочном отъѣздѣ и, хотя выражали надежду, что преуказанный парламентскій строй внесет успокоеніе в общество, но отошли из Могилева послѣ 2 час. ночи 28 февраля с большой тревогой". Внутренній смысл второй версіи легенды сам по себѣ понятен, однако, по дневникам-записям того времени самого исторіографа царской Ставки[170] легко установить, что легенда родилась значительно позже послѣ отреченія. В дневникѣ от 3 марта у Дубенскаго записано: "27 февраля было экстренное засѣданіе под предсѣдательством Государя, — Алексѣева, Фредерикса и Воейкова. Алексѣев в виду полученных извѣстій из Петрограда умолял Государя согласиться на требованіе Родзянко дать конституцію. Фредерикс молчал, а Воейков настоял на непринятіи этого предложенія и убѣждал Государя немедленно выѣхать в Царское Село"[171]. Естественно, что дворцовый комендант в показаніях перед слѣдственной комиссіей отрицал спую роль в попытках отговорить Царя от согласія на "конституцію". Вѣроятно, так и было в дѣйствительности уже потому, что Свита, повидимому, не могла оказывать замѣтнаго вліянія на политическія рѣшенія монарха — по установившемуся обиходу Император

не склонен был выслушивать мнѣнія по вопросам, не входившим в компетенцію окружавших придворных: об этом члены Свиты, не исключая министра Двора, дворцоваго коменданта, находившихся на привилегированном положеніи среди тѣх, кто — по выраженію Дубенскаго — "имѣл право говорить", свидѣтельствовали перед Чр. Сл. Ком. довольно единодушно.

3. Отъѣзд Царя.

На условныя традиціи Двора могли оказывать вліяніе и личныя свойства монарха: как часто бывает у людей слабой воли, Николай II хотѣл царствовать "сам"[\[172\]](#). Однако во всем и всегда он невольно подчинялся болѣе властной женѣ. Так и в данном случаѣ отказ согласиться на "конституцію" был вызван давленіем Ал. Фед. — утверждали, по словам Лукомскаго, в Ставкѣ. Говорили, что послѣ полученія телеграммы Голицына, Царь "больше часа" разговаривал по телефону с Царским Селом. Пронин пишет еще опредѣленнѣе о том, что телеграмма Голицыну была послана "послѣ переговоров по прямому проводу с Царским Селом. Но Лукомскій, повидимому, ошибался,

предполагая, что между Могилевым и Царским Селом существовал "особый" телефонный провод. Телефонный разговор с Царским Селом, о котором "говорили" в Ставкѣ, в дѣйствительности был телеграфный запрос церемоніймейстера гр. Бенкендорфа от имени Императрицы: "Не желает ли Е. В., чтобы Ея В. с дѣтьми выѣхали навстрѣчу". Воейков доложил. Царь сказал: "ни под каким видом, передать Бенкендорфу, что он сам пріѣдет в Царское". Мемуаристы и здѣсь соткали легендарную ткань. Она легко разрывается с помощью дошедших до нас документов.

Очевидно, запрос А. Ф. был вызван тѣм, что в Царском почувствовали себя неспокойно [173]. До получения телеграммы Голицына Царь никакого беспокойства за семью не испытывал и не думал ускорять свой отѣзд из Могилева, заранѣе еще назначенный на 2 ч. 30 м. 28 февраля. В телеграммѣ, отправленной в Царское в 7 час. вечера. Ник. Алекс, подтверждая часы своего отѣзда, сообщал: "конная гвардія получила приказаніе немедленно выступить из Новгорода в город. Бог даст, безпорядки в войсках скоро будут прекращены". Телеграмма была послана в отвѣт на полученное от

жены письмо, написанное днем 26-го и не заключающее в себѣ ничего особо тревожнаго. Оно столь характерно для момента, когда династія переживала свой "двѣнадцатый час", что его слѣдует процитировать. Со слов принятаго А. Ф. таврическаго губернатора Бойсмана, она писала: "Разсказывал мнѣ много о беспорядках в городѣ (я думаю, больше 200.000 человек). Он находит, что просто не умѣют поддержать порядка. Но я писала об этом уже вчера, прости — я глупенькая. Необходимо ввести карточную систему на хлѣб (как это теперь в каждой странѣ), вѣдь так устроили уже с сахаром, и всѣ спокойны и получают достаточно. У нас же — идиоты... Один бѣдный жандармскій офицер был убит толпой и еще нѣсколько человек. Вся бѣда в этой зѣвающей публикѣ, хорошо одѣтых людей, раненых солдат, курсисток и пр., которые подстрекают других. Лили заговорила с извозчикам, чтобы узнать новости. Они говорили ей, что к ним пришли студенты и заявили, что если они выѣдут утром, то в них будут стрѣлять. Такіе испорченные типы! Конечно, извозчики и вагоновожатые бастуют. Но они говорят, что не похоже на 95 (надо понимать 1905), потому что всѣ обожают тебя и только хотят хлѣба".

Первая половина письма была написана в утренніе часы, в 3 / час. дня А. Ф. дописывала: "В городѣ дѣла вчера были плохи. Произведены аресты 120-130 человек. Главные вожаки и Лелянов привлечены к отвѣтственности за рѣчи в Гор. Думѣ. Министры и нѣкоторые правые члены Думы совѣщались вчера вечером (Калинин писал в 4 часа утра) о принятіи строгих мѣр[174]. и всѣ они надѣются, что *завтра* все будет спокойно. Тѣ хотѣли строить баррикады... Но мнѣ кажется, все будет хорошо. Солнце свѣтит так ярко, и я ощущаю такое спокойствіе и мир на Его дорогой могилѣ! Он умер, чтобы спасти нас"...

Письмо это, конечно, не могло содѣйствовать уступчивости Царя. 27-го настроенія в Царском сдѣлались болѣе пессимистичными. Блок приводит три телеграммы, направленныя А. Ф. в этот день[175].

В 11 час. 12 мин. дня: "Революція вчера приняла ужасающіе размѣры... Извѣстія хуже, чѣм когда бы то ни было";

в 1 час 3 мин.: "Уступки необходимы. Стачки продолжаются. Много войск, перешло на сторону революціи";

в 9 ч. 50 м.: "Лили провела у нас день и ночь — не было ни колясок, ни моторов. Окружной суд горит".

Очевидно, телеграммы до Царя уже не доходили, ибо невѣроятно, чтобы Царь не поторопился бы с отъѣздом и так спокойно телеграфировал в Царское в 7 час. вечера[176].

Послѣ запроса Бенкендорфа Царь рѣшил немедленно ѣхать в Царское. В 9 час. вечера — рассказывает Лукомскій — пришел ген. Воейков и сказал, что "Государь приказал немедленно подать литерные поѣзда", так как он "хочет сейчас же, как будут готовы поѣзда, ѣхать в Царское" — "не позже 11 час. вечера". Лукомскій указал, что отправить поѣзда раньше 6 час. утра невозможно по техническим условіям. "Затѣм я сказал ген. Воейкову, что рѣшеніе Государя ѣхать в Ц. С. может повести к катастрофическим послѣ дѣйствіям..., что связь между Штабом и Государем будет потеряна, если произойдет задержка в пути, что мы ничего опредѣленнаго не знаем, что дѣлается в Петроградѣ и Царском Селѣ". Воейков отвѣтил, что "принятаго рѣшенія Государь не отмѣнит". Тогда Лукомскій пошел к Алексѣеву, который "собирал-

ся лечь спать", "Я опять стал настаивать, чтобы он немедленно пошел к Государю и отговорил его от поѣздки в Царское Село... Если Государь не желает итти ни на какія уступки, то я понял бы, если бы он рѣшил немедленно ѣхать в Особую армію (в нее входили всѣ гвардейскія 'части), на которую можно вполне положиться, но ѣхать в Царское Село — это может закончиться катастрофой. Ген. Алексѣев пошел к Государю. Пробыв у Государя довольно долго, вернувшись, сказал, что Е. В. страшно беспокоится за Императрицу и за дѣтей и рѣшил ѣхать в Царское Село". Другой свидѣтель, полк. Пронин, расскажет совѣм по другому: "Слава Богу, Государь не уѣзжает, остается — радостно сообщил нам ген. Алексѣев, возвратившись из царскаго помѣщенія". По словам Пронина Алексѣев будто бы еще днем убѣдил Царя остаться в Могилевѣ — так, по крайней мѣрѣ, "передавали из дворца". Версію эту подтвердил в воспоминаніях и дворцовый комендант, рассказывающій, что послѣ вторичной телеграммы Родзянко Царь рѣшил остаться в Могилевѣ. Однако, документ, выше приведенный — лента вечерняго разговора, т. е., около 11 час, ген. Алексѣева с вел. кн. Михаилом, довольно рѣшительно опровергает и Лукомскаго,

и Пронина и Воейкова. Алексѣев опредѣленно говорил В. Князю: "Завтра Государь-Император выѣзжает в Ц. С". Что значит это "завтра". Очевидно, что рѣчь идет об отъѣздѣ, назначенном в 2 ч. 30 мин. дня, ибо нач. штаба добавляет: "*завтра при утреннем докладѣ* еще раз доложу Е. И. В. желательность теперь же принять нѣкоторыя мѣры, так как вполне сознаю, что в таких положеніях упущенное время бывает невознаградиво". Следовательно Алексѣев не знал еще, что Царь рѣшил ускорить свой отъѣзд — даже послѣ доклада Царю о бесѣдѣ с Вел. Князем (Алексѣев о своем "утреннем докладѣ" упомянул В. Князю уже послѣ разговора с Царем). Из этого слѣдует и то, что до вечера никаких измѣненій в принятом раньше рѣшенія об отъѣздѣ не было сдѣлано, и что никаких колебаній в этом отношеніи не было.

В своем дневникѣ по окончаніи дня Царь записал: "Отвратительное чувство быть так далеко и получать отрывочныя нехорошія извѣстія. *Послѣ обѣда* рѣшил ѣхать в Царское Село и в час ночи перебрался в поѣзд". Не исключена, конечно, возможность, что Алексѣев послѣ разговора с в. кн. М. А., который признавал желательным отложить

пріѣзд Императора в Царское Село "на нѣсколько дней", пытался в этом отношеніи оказать нѣкоторое воздѣйствіе: зная характер властелина, нач. штаба мог бояться непосредственного вліянія А. Ф. и думать, что в Могилевѣ легче будет побудить Царя к уступкам. Но, видимо, такія попытки, если онѣ и были, не были особенно настойчивы и упорны. И это нельзя объяснить тѣм, что Алексѣев был "апатичен и угнетен" в силу своего болѣзненного состоянія ("вид у него был лихорадочный" — вспоминает дежурный флигель-адъютант Мордвинов). Тогда в Ставкѣ отъѣзд Государя в "отвѣтственный для жизни государства момент" еще не представлялся "непоправимой и роковой ошибкой", как изображается это в воспоминаніях Пронина. Приходится усомниться в том, что нач. штаба выставил Царю, вѣроятно, позднѣйшую аргументацію Лукомскаго о необходимости концентраціи сил и организаціи противодѣйствія революціи в вѣрных гвардейских частях Особой арміи. Может быть, Алексѣев, дѣйствительно, узнал о "внезапном" отъѣздѣ Царя лишь в самый послѣдній момент, как о том говорит Пронин. Очевидно, не сообщив Алексѣеву тотчас же о перемѣнѣ, Государь не придавал ей какого-либо рѣшающаго политическаго

значенія. Возможно, "окончательнаго" рѣшенія ѣхать немедленно и не было — по крайней мѣрѣ, исторіограф записал: ..." в 12 час. ночи Государь... ушел к себѣ, Вслѣд за ним к нему вошли Фредерикс и Воейков, пробыли у Паря недолго... Воейков объявил, что отѣзд... Е. В. назначен безотлагательно в эту ночь".

II.«Кровавое подавленіе» революціи.

1.Диктатор.

Царь ѣхал из Ставки для того, чтобы проявить "твердую волю". Но это вовсе не означает, что он готов был утопить "в крови народное возстаніе", как изобразил в свое время, в соотвѣтствіи с традиціей, приспособлявшейся к официальному тону новых властелинов, историк Щеголев. Наоборот, до послѣдняго времени у Николая II было убѣжденіе, что "безпорядки" в войсках, происшедшіе от "роты выздоравливающих" (письмо женѣ 27-го), легко будет локализовать. Поэтому, вѣроятно, в качествѣ "диктатора" был выбран поклонник "мягких дѣйствій", каким выставляет ген. Иванова придворный исторіограф ген. Дубенскій.

Безподобный по своей бытовой колоритности рассказ дал сам Иванов в Ч. Сл. Ком. Врем. Правительства, — рассказ о том, как он ѣхал усмирять революціонную столицу. Повѣствованіе почтеннаго по возрасту генерала могло бы показаться карикатурой, если бы в нем не было столько эпической простоты. На ст. "Дно" утром 1 марта Иванову сообщали, что из Петербурга приходят поѣзда, переполненные безбилетными солдатами, которые "насилно отбирают у офицеров оружіе, производят насиліе в вагонах и на станціях". В один из таких поѣздов с "перебитыми окнами" генерал направился сам... и "из разговоров женщин и одного старичка" заключил, что "безобразія большія: масса солдат ѣдет в штатской одеждѣ, так как, все это участвовало в грабежах магазинов... И за сим ѣдет в поѣздѣ много агитаторов". "Проходя мимо одного вагона — показывал Иванов — обернулся, на меня наскакивает солдат буквально в упор. Тут я не разобрался: одна шашка у него офицерская с темляком анненским, 2-я шашка в руках, винтовка за плечами... Я его оттолкнул. Рука скользнула по его шашкѣ. Я поцарапал руку и прямо оборвал окриком: "на колѣни". Со мной, раз случился эпизод в Кронштадтѣ. Случилось мнѣ попасть в тол-

пу, когда моряки с сухопутными дрались. Я очутился между ними один... Что тут дѣлать? Убхать — значит драка будет. Тут я их выругал основательно — не подѣйствовало. Наконец, моментально пришло в голову: "на колѣни". С обѣих сторон толпа остановилась. Один матрос в упор, в глаза, нервы не выдержали, начали моргать, слезы... И всё успокоилось. Я повернул в одну сторону моряков, в другую пѣхотинцев. Тут мнѣ и вспомнился этот момент. Руку ему на правое плечо: "на колѣни". В это время я не знаю, что он подумал, я его лѣвой рукой схватил, а он вдруг, случайно это или нѣтъ, куснул меня. Сейчас же его убрали, и он успокоился. Я думаю — что тут дѣлать? Сказать, что он на меня наскочил и оскорбил дѣйствиєм — полевой суд, через два часа разстрѣляют. У меня тогда такое настроеніе было: в этот момент разстрѣлать — только масла в огонь подлить. Тут был мой адъютант, и я ему велѣл его арестовать"... Любившій держать себя с нѣкоторой торжественностью предсѣдатель Муравьев и тот не выдержал, слушая этот разказ: "Что же этот человек стал на колѣни?"—"Стал". "Это магически дѣйствует" — отвѣчал Иванов, продолжая свое повѣствованіе. "Подходит поѣзд, 46 вагонов. Смотрю, в концѣ

поѣзда стоит кучка, кидают шапки. Я этим заинтересовался, подошел, Слышу: "Свобода! Теперь всѣ равны! Нѣтъ начальства, нѣтъ власти!" Приближаюсь, смотрю, стоит нисколько человек офицеров, а кругом кучка солдат. Я говорю: "Господа, что же вы смотрите?" Они растерялись. Я то же самое приказал: "на колѣни", Они немедленно стали на колѣни. Впослѣдствіи оказалось, что тут был городской, одѣтый в штатское. Я пригрозил ему: "встань!". Отошел, а солдат начинает трунить: "— вот тебѣ и нѣтъ власти, вот тебѣ и нѣтъ начальства". Он опять. Я говорю: "заставьте его замолчать". Они говорят: "что же прикажете рот завязать". Я говорю: "завяжите рот". Из кармана вынимают красный платок. Я говорю: "оставьте". Его в вагон отвели и арестовали. Так и кончилось"[\[177\]](#).

Так рассказывал не только сам генерал. Рассказ его был подтвержден впослѣдствіи показаніями солдат Георгіевскаго батальона. Подобное "отеческое воздѣйствіе" и даже розги за провинность было обычным приѣмом генерала и на фронтѣ, как отмѣчает в дневникѣ прикомандированный в 14 г. к Иванову в. кн. Ник. Мих. Революціонное чувство, может быть, скажет об униженіи "человѣче-

ской личности", но для стараго военачальника то было проявленіе своеобразной гуманности, "Николай Гудович — Записывает Ник. Мих. — большой оригинал, встает в 5 час. утра, шляется сам всюду, ворчит, кое-кого подтягивает и прогуливается все больше один"... Во время обѣда 27-го "поклонник мягких дѣйствій", по свидѣтельству Дубенскаго, рассказал между прочим Царю, как он в Харбинѣ успокоил волненія и "привел все к благополучному концу, не сдѣлавши ни одного выстрѣла". Во всяком случаѣ, никто из царских приближенных не вспомнил в тѣ часы об Ивановѣ, как об "усмирителѣ Кронштадта" в 1906 г., что на первый план выдвинуто Мстиславским.

Ночью, в 2-3 часа, Иванов был вызван к Царю в поѣзд. Может быть, потому, что к этому времени была получена отправленная из Петербурга в 8 час. веч. и принятая в Ставкѣ почему-то только в 1 ч. ночи телеграмма Хабалова о том, что "исполнить повелѣніе о возстановленіи порядка в столицѣ не мог". "Большинство частей — телеграфировал Хабалок Алексѣеву для доклада Царю — однѣ за другими измѣнили своему долгу, отказываясь сражаться против мятежников. Другія части

побратались с мятежниками и обратили свое оружіе против вѣрных Е. В. войск... К вечеру мятежники овладѣли большей частью столицы" [178]. Иванов инициативу ночного свиданія с Царем приписывал в показаніях себѣ. Узнав, что Царь уѣзжает, Иванов, "наученный горьким опытом", настоял на экстренном пріемѣ, желая выяснить перед отѣздом свои будущія взаимоотношенія с министрами [179]. При свиданіи Иванов получил как бы диктаторскія полномочія. В официальной докладной запискѣ ген. Алексѣеву полученныя полномочія Иванов формулировал так: "Всѣ министры должны исполнять всѣ требованія главнокомандующаго петр. воен. округом ген.-ад. Иванова безпрекословно" [180]. Прощаясь с Государем, новый директор сказал: "В. В., позвольте напомнить относительно реформ". "Да, да", — отвѣтил Царь: "мнѣ об этом только что напомнил ген. Алексѣев". "Так что я вышел с мыслью, что это дѣло рѣшенное" — показывал Иванов и на вопрос предсѣдателя добавлял, что Царь даже спрашивал его: "кому довѣрить составленіе отвѣтственнаго министерства". И другой раз "министерства довѣрія"... Не будем придавать большого значенія этой терминологіи, фигурирующей в показаніях

перед революціонной слѣдственной комиссіей и в болѣе раннем письмѣ (9 апрѣля) Иванова на имя воен. мин. Гучкова, гдѣ он утверждал, что еще днем при первом разговорѣ с Царем заключил, что "Николай II рѣшил перейти к управленію отечеством при посредствѣ министерства довѣрія в соотвѣтствіи с желаніем большинства Гос. Думы и многих кругов населенія"[\[181\]](#).

Можно, как будто, заключить, что если в это время еще не было опредѣленнаго рѣшенія, то носитель верховной власти сознавал необходимость уступок общественному мнѣнію и переменѣны правительства послѣ ликвидаціи петербургскаго мятежа. Царю совершенно чужда была, очевидно, психологія, которую изображает Шульгин в видѣ несбывшейся мечты: "Можно было раздавить бунт, ибо весь этот "революціонный народ" думал только об одном, как бы не итти на фронт. Сражаться он бы не стал... Надо было бы сказать ему, что петроградскій гарнизон распускается по домам... Надо было бы мѣрами исключительной жестокости привести солдат к повиненію, выбросить весь сброд из Таврическаго дворца, возстановить обычный порядок жизни и поставить правитель-

ство не "довѣріем страны облеченное", а опирающееся на настоящую гвардію. Что такое "настоящая гвардія"? Это — корпус, назначеніе котораго дѣйствовать "не против врагов внѣшних, а против врагов внутренних". "Пускать гвардію на войну" нельзя. "Сражаться с врагом внѣшним можно до послѣдняго солдата арміи и до перваго солдата гвардіи". "Революція неизмеримо хуже проигранной войны", устанавливает тезис человек, лишь случайно не попавшій в 17 г. в состав Временнаго Правительства: "гвардію нужно беречь для единственной и почетной обязанности — бороться с революціей". "Главный грѣх стараго режима был тот, что он не сумѣл создать настоящей гвардіи"...

Ночной разговор с Царем, по словам Иванова, закончился тѣм, что он получил высочайшее одобреніе в той тактикѣ, которую диктатор намѣчал для себя. "В. В., — сказал Иванов, — я рѣшил войска не вводитъ, потому что, если ввести войска, произойдет междоусобица и кровопролитіе". "Да, конечно", — отвѣтил Царь. "Так что было одобрено, но в какой формѣ, не могу сказать навѣрное", — утверждал Иванов: "это я за основу положил"...

2. Миротлюбивая политика.

Если не по соображениям сантиментальным, то по соображениям цѣлесообразности миротлюбивая политика была общим девизом правительственной власти в февральские дни. Играло роль и сознание ненадежности войск (армия во время войны представляет собой "вооруженный народ" — отмѣчали и Алексѣев, и Рузский), и общее возбужденное политическое настроеніе, захватившее офицерские кадры[182] и еще в большей степени сознание риска вступать в период международных осложнений в междоусобную борьбу. Событія на внутреннем фронтѣ не казались вовсе столь грозными для существовавшего государственного порядка, чтобы итти на такой риск.

Болѣе рѣшительная, чѣм Царь, его нимфа Эгерія, Ал. Фед., энергично настаивающая на том, чтобы муж ея проявил "твердость", писала, однако, в первые дни (25 фев.): "забастовщикам прямо надо сказать, чтобы они не устраивали стачек, иначе будут посылать их на фронт[183] или строго наказывать. *Не надо стрѣльбы*, нужно только поддерживать порядок и не пускать их переходить мосты, как они это дѣлают". Но толпа с Выборг-

ской рабочей стороны агрессивно переходила Неву по льду, и тогда военный министр совѣтовал командующему войсками в отвѣт на полѣнья, камни и осколки льда (примѣнялось и огнестрѣльное оружіе), которыми прогонялись конные городовые, стрѣлять так, чтобы пули ложились впереди толпы... Можно повѣрить в искренность показаній Бѣляева, что он "просил Хабалова принять мѣры, чтобы не открывать огня там, гдѣ можно избѣгнуть"; "какое ужасное впечатлѣніе произведет на наших союзников, когда разоидется толпа и на Невском будут трупы". Хабалов с перваго дня не хотѣл прибѣгать к стрѣльбѣ — это совѣтовал ему еще за три недѣли до переворота Рузскій, в вѣдѣніе котораго входила тогда сѣверная столица: по мнѣнію Рузскаго, примѣненіе орудія при безпорядках может вызвать "лишь ужасныя послѣдствія, учеть кои вперед нельзя" (запись в. кн. Андрея Вл.). В силу такой психологіи военныя власти противились выводу казачьих сотен из столицы в період, когда ожидалась демонстрація 14 февраля, ибо с казаками можно обойтись "без кровопролитія и жертв". Достаточно показательно, что если болѣе или менѣе точно извѣстно число чинов полиціи, потерпѣвших за дни 22-24 февраля, то нѣт

никаких указаній (даже у мемуаристов) о пострадавших среди демонстрантов. В воспоминаніях рабочаго Каюрова, активнаго участника и руководителя уличных выступленій, имѣется даже такая фраза: "потерь с нашей стороны я не замѣчал". Вѣроятно, в такой только обстановкѣ мог родиться план "уличнаго братанія" забастовщиков и солдат, который будто бы сознательно проводился по настоянію Шляпникова руководящим органом пролетарской партіи (бюро Ц. К. большевиков), препятствуя вооруженію пролетаріата. В этой обстановкѣ, когда, казалось, что власть "явно запускала движеніе", утверждалась и легенда о правительственной провокаціи.

25-го и Петербургѣ пролилась первая кровь: по официальному сообщенію Хабалова на Невском у Гостиного Двора 3 было убито и 10 ранено. Как всегда, слух о стрѣльбѣ и кровавых жертвах вызвал взрыв негодованія. На власть возлагалась отвѣтственность в большей степени, чѣм она того объективно и данном случаѣ заслуживала. На открытом собраніи в Городской Думѣ 25-го, гдѣ обсуждался продовольственный вопрос, при нервно-повышенном настроеніи присутствующей пуб-

лики, член Гос. Думы Скобелев патетически клеймил правительство, которое "борется с продовольственным кризисом путем разстрѣла ѣдоков"... "Это правительство — говорил думскій с. д. депутат при бурных аплодисментах — надо заклеить, оно требует возмездія... Правительство, проливающее кровь невинных, должно уйти"[\[184\]](#). Если одни из ораторов на собраніи призывали в видѣ протеста выйти на улицу, другіе требовали "предупредить эксцессы". Шингарев сообщил, что предсѣдатель Гос. Думы уже обратился к главѣ правительства с просьбой или требованіем, чтобы "стрѣльба в народ завтра не повторялась". Родзянко непосредственно обращался к командующему войсками "Вр. Пр., зачѣм стрѣляете, зачѣм эта кровь" —передавал Хабалов в показаніях перед Чр. Сл. Ком. эту бесѣду 26-го... "Я говорю: "В. Пр., я не менѣе вашего скорблю, что приходится прибѣгать к этому, но сила вещей заставляет это дѣлать". — "Какая сила вещей?". Я говорю: "Раз идет нападеніе на войска, то войска — волей и неволей — не могут быть мишенью, они тоже самое должны дѣйствовать оружіем". "Да гдѣ же — говорит — нападеніе на войска?"... Я перечисляю эти случаи. Называю случай с гранатой, брошенной на Нев-

ском... "Помилуйте, — говорит — городской бросил!" — "Господь с вами! какой смысл городскому бросать?"... Звонил Родзянко и военному министру: нельзя ли эту толпу разсредоточить, вызвать пожарных, чтобы они поливали водою. Бѣляев снесся с Хабаловым, который отвѣтил, что "есть распоряженіе, что пожарныя команды никаким образом не могут быть вызываемы на прекращеніе беспорядков, а кромѣ того, вообще говоря, существует точка зрѣнія, что окачиваніе водою всегда приводит к обратному дѣйствию, именно потому, что возбуждает". Нельзя объяснить только "недоглядом" рядовое явленіе, отмѣчаемое для правительственной системы подавленія февральских уличных беспорядков — то казацкія сотни выѣзжали без нагаек, то у полиціи не хватало патронов, то солдатскіе пикеты оказывались с незаряженными ружьями. Это было даже в понедѣльник 27-го, когда толпа на Петербургской сторонѣ в 5 час. дня пыталась нерѣшительно прорвать цѣпь гренадер — солдаты говорили Пѣшехонову: "Пусть идут... Мы не будем препятствовать"... "И ружья у нас не заряжены". Здѣсь была миролюбивая толпа. На Выборгской сторонѣ, на Самсоніевском пр. перед деревянными бараками казарм запаснаго самокат-

наго батальона настроеніе было иное. Здѣсь солдаты, принадлежавшіе к "мелкобуржуазным элементам населенія" (повѣрим этому!), оказывали сопротивление народному напору. Командир батальона, полк. Балкашин, пытался "уладить все мирным порядком" и "воздержаться от открытія огня". В критическій момент у начальника боевой пулеметной части, непосредственно оборонявшей казармы, не оказалось патронов...

Начиналась революція, и сила вліянія была не у тѣх, кто искал компромисса, а у тѣх, кто подобно Керенскому, на совѣщаніи Городской Думы 25-го, предостерегал от "дара данайцев". Событія в воскресенье 25-го приняли болѣе грозный характер. Войска на Невском дѣйствовали активнѣе, чѣм в предшествовавшіе дни. Были убитые и раненые. По свѣдѣніям командующаго войсками, таковых насчитывалось 40. Свѣдѣнія преуменьшены? — извѣстное количество раненых толпа всегда уносит с собой. Возможно. Однако, один из непосредственных участников уличнаго движенія тѣх дней, рабочій Кондратьев, член большевицкой партіи, не проявляет тенденціи оспаривать официальные. цифры — он их даже уменьшает.

Мемуарист, не слѣдящій строго за своим словом, с легкостью скажет, что пѣхота 26-го "довела ружейный огонь до огромной интенсивности. Невскій, покрытый трупами невинных, ни к чему не причастных людей, был очищен" (таково утверждение Суханова. По воспоминаніям Керенскаго толпу на Невской, как и в других кварталах, разстрѣливали уже 25-го). Но плохо выполнит свою функцію историка революціи тот, кто в угоду своему революціонному чувствуванію (или механически повторяя публицистическіе приемы политической борьбы современников революціонных дней) воспроизведет ходячую молву того времени, исчислявшую жертвы воскресенья 26-го "тысячами". На страницах работы Чернова можно найти описание того, как 26-го на кишасщем людьми широчайшем Невском проспектѣ ружейный огонь был доведен до огромной интенсивности, и мостовая усѣяна тѣлами безоружных — в том числѣ стариков, женщин и дѣтей. Только издали, в атмосферѣ заграничнаго невѣдѣнія можно было еще говорить о "недѣлѣ кровавых битв рабочих", как писал Ленин в серединѣ марта. Гипербола в изслѣдованіи будет исторической фантастикой.

При "рожденіи революціонной Россіи" народная толпа в изображеніи Чернова "в теченіе болѣе недѣли обстрѣливалась пулеметами городских с вышек и чердаков и ружейными залпами солдатских цѣпей, разгонялась ударами сабель и нагаек конной полиціи". Дѣйствительность была нѣсколько иной. В изображеніи рабочаго Кондратьева 26-го на Невском лишь "небольшая группа студентов и рабочих" пыталась устроить демонстрацію. Послѣ разгона ея "уже не было никаких попыток" уличных выступленій — на Невском "была пустота" и только "на панели ходили вооруженные патрули и разѣзжала конница". Очевидцы, наблюдающіе небольшой сектор дѣйствія, склонны обобщать. По официальным свѣдѣніям полиціи (их ген. Мартынов заимствовал из матеріалов Чр. Сл. Ком.), стрѣльба была на Невском пр. в воскресенье к четырех мѣстах, и число жертв было больше, нежели указывали с одной стороны Хабалов, с другой Кондратьев. Но и эта поправка не может измѣнить общей картины. Столица мѣстами, дѣйствительно, напоминала собой "боевой лагерь": "всюду патрули, заставы, разѣзды, конница"— списывали позднѣе совѣтскія "Извѣстія" 8 марта боевые дни. Из этого описанія

современники-мемуаристы и заимствовали свои свѣдѣнія об "усиленных разстрѣлах" 25-го и 26-го, о залпах "из невидимых засад", о пулеметах, разставленных "на колокольнях, в верхних этажах домов, на вокзалах и пр.". В дѣйствительности произошло то, что предсказывал ген. Рузскій, и что предусмотрѣть никто не может, когда случай бросает искру на пороховую бачку. В момент, когда в руководящих подпольных кругах казалось, что "правительство побѣдило", когда, как мы видѣли, раздавались уже скептическіе голоса, и начинались колебанія, тогда именно стихійное уличное движеніе перебросилось в армію...[\[185\]](#)

Военный бунт превратил уличные беспорядки в торжествующую революцію. Поворот в массовой психологіи совершила стрѣльба в народ 26-го. На этой почвѣ произошло выступленіе волынцев, увлекших за собой часть Преображенскаго и Литовскаго полков. Снѣжный ком вызвал лавину: "Если войска станут на сторону забастовщиков — предостерегающе докладывало Охранное Отдѣленіе — ничто не спасет от революціоннаго переворота". Один из освѣдомителей Охр. Отд. доносил еще 25-го по начальству, что, если беспоряд-

ки не будут подавлены, то "к понедѣльнику" (т. е. 27-му) возможно ждѣть сооруженія баррикад. Побѣду революціи предопредѣлило не бездѣйствіе власти — не то, что, по выраженію состоявшаго «при командующем войсками ген. Перцова (в показаніи слѣдователю), "событіям был предоставлен, как бы, естественный ход". Не будем слишком обольщаться показаніями современника — рабочаго провокатора Шурканова, доносившаго по начальству 26 февраля: "так как воинскія части не препятствовали болѣе... то массы получили увѣренность в своей безнаказанности и нынѣ послѣ двух дней безпрепятственнаго хожденія на улицах, когда революціонные круги выдвинули лозунги: "долой войну" и "долой самодержавіе", народ увѣрился в мысли, что началась революція, что успѣх за массами, что власть безсильна подавить движеніе в силу того, что воинскія части на ея сторонѣ". Нѣтъ, не это чувство "увѣренности в своей безнаказанности" вызвало поворот. Суханов вспоминает впечатлѣніе собравшихся у Горькаго вечером 26-го, послѣ телефонных разговоров с "различными представителями буржуазнаго и бюрократическаго міра". Мемуарист отмѣчает факт, который представляется ему странным: "раз-

стрѣлы оказали большое вліяніе на всю ситуацію, они произвели крайне сильное впечатлѣніе не только на обывателей, но и на политическіе круги... разстрѣлы вызвали явную реакцію полѣвѣнія среди всей буржуазной политиканствующей массы" ...[\[186\]](#)

Казалось необходимым отмѣтить еще раз всѣ эти черты, так как до сих пор еще держится легенда о том, что революцію вызвала провокаціонная стрѣльба полиціи (см., напр., предисловіе проф. Пэrsa к книгѣ Керенскаго). Невольно вспоминается, как в единственный день существованія Всероссийскаго Учредительнаго Собранія, в день его открытія, представитель с. д. фракціи, б. член революціоннаго правительства Скобелев сравнивал "драматическую обстановку" 18-го года с послѣдними часами царизма, когда "старые слуги старого режима, в официальных формах и замаскированные, стрѣляли из-за угла... с крыш в мирных демонстрантов". Надо и эту легенду, нашедшую себѣ отраженіе в исторических трудах Милюкова, окончательно сдать в архив. "Протопоповскіе пулеметы" существовали только в возбужденном воображеніи современников.

3. "Протопоповскіе пулеметы".

Эта, легенда родилась еще до революціи. Тогда молва, доходившая до кафедры Гос. Думы, утверждала, что правительство провоцирует народные беспорядки для того, чтобы имѣть основаніе заключить сепаратный мир с Германіей. Акредитованные при русском правительствѣ иностранные дипломаты (в частности Бьюкенен) спѣшили сообщить о той роли, которую играет в данном случаѣ министр вн. дѣл Протопопов. В начальный момент февральских дней "глупые и слѣпые выверты" о провокаціи (мы знаем, что это — выраженіе дневника Гиппиус) были первым отзвуком на начавшіеся беспорядки, — о том свидѣтельствуют не только воспоминанія современников (для Ломоносова "ясна" была полицейская провокація), но и дѣйствительныя записи 17-го года. Так Каррик в Петербургѣ в свой политическій фольклор 25-го февраля занес упоминаніе, что "всѣ" считают событія дня "провокаціей"; равным образом и моряк Рейнгартен в Гельсингфорсѣ позже, 27-го, записывает, "всѣ говорят об участіи правительства в провокаціи". Успѣх революціи измѣнил формулировку легенды — стали говорить не столько о "прово-

каціи", сколько о подготовкѣ министром вн. д. "кроваваго" подавленія ожидавшихся народных волненій (Керенскій).

Легенда в обоих своих вариантах была предметом вниманія Чр. Сл, Комиссіи, но усиленное удареніе, конечно, было сдѣлано на пулеметах. Послѣ того, что было уже сказано, мы можем оставить в сторонѣ никчемную версію, в которую увѣровал комиссар Врем. Прав, член Думы Бубликов (отчасти и другіе), о том, как правительство устроило революцію не только для заключенія сепаратнаго мира, но и сдѣлало это по соглашенію с Германіей, В свой дневник первых дней послѣ ареста Протопопов с полной правдивостью мог занести: "Клянусь, я не допустил бы провокаціи". Можем мы отбросить и занесенные Гиппіус в дневник 10 марта признанія Протопопова, яко бы сдѣланныя им в момент ареста в Таврическом дворцѣ в цѣлях поднять себѣ цѣну в революціонных кругах: "я остался министром, чтобы сдѣлать революцію". "Безумный шут" — отмѣтила писательница, но ничего подобнаго Протопопов не говорил ни в одном из своих многочисленных, противорѣчивых письменных и устных показаній. Мы должны цѣликом

перенести вопрос в плоскость разсмотрѣнія разработаннаго правительством плана о ликвидаціи волненій, если они возникнут в столице.

Тот характер, который носили дѣйствія военных властей в дни, когда ожидаемые беспорядки начались, как уже выяснилось, отнюдь не носил отпечатка обдуманной жестокой расправы в "4 дня". Об этих "четыре днях" с чужих слов упоминал Протопопов в Чр. Сл. Ком., но лишь в конъюнктурѣ постепенности, с которой предполагали в случаѣ необходимости выдвигать на помощь полиціи казаков и войсковые наряды. Никакого специфическаго плана послѣдній министр вн. д. при содѣйствіи Курлова, пользуясь и совѣтами Бѣлецкаго, не разрабатывал. Всѣ имѣющіяся данныя вполне подтверждают заявленіе военнаго министра Бѣляева, что предварительный мѣры на случай беспорядков не выходили за предѣлы того, что "всегда существовало в мирное время"

Правда, план раздѣленія Петербурга на 16 районов, по которым были распределены военныя силы, был представлен в январѣ на усмотрѣніе верховной власти, но, очевидно главным образом потому, что надлежало для самостоятельности

дѣйствія выдѣлить столицу из вѣдѣнія главнокомандующаго Сѣверным фронтом[187]. План, выработанный особым совѣщаніем у градоначальника Балка при участіи командующаго войсками Хабалова, никакой новизны не представлял по сравненію с тѣм, что намѣчалось в апрѣлѣ 16 г. при премьерѣ Штюмерѣ и градоначальникѣ кн. Оболенском.

Особенность его была, быть может, лишь в том, что предполагалось в случаѣ надобности использовать на помощь полиціи казаков и "учебныя команды" запасных батальонов, не пользуясь основными кадрами, которые считались не вполне надежными[188]. При такой комбинаціи правительство располагало наличностью в 12 тыс. человек. Протопопов указывал в Комиссіи, что обычный полицейскій расчет предшествовавших лѣт исходил из наличности 60 тыс., поэтому и им был поднят вопрос о привлеченіи войск с фронта и выводѣ спокойных запасных частей с территоріи столицы, что командующій войсками считал невозможным выполнить за неимѣніем подходящих казарм в мѣстностях, прилегавших к Петербургу.

Здѣсь одна легенда вплетается в другую. Эту

вторую легенду занесла в свои воспоминанія Вырубова, и о ней распространился в предсмертной запискѣ Протопопов. По словам Вырубовой, Царь приказал по очереди приводить на отдых с фронта гвардейскіе полки, но исполнявшій обязанность нач. штаба в Ставкѣ ген. Гурко под "разными предлогами" не выполнял распоряженія. По утверженію Протопопова за день до отъѣзда Царя в Ставку, т. е. около 20 февраля, у него произошел с Николаем II, секретно от А. Ф., такой разговор. Царь был крайне обезпокоен — "первый раз я видѣл Государя в таком волненіи". "Знаете, что сдѣлал Гурко?" — сказал Николай II. "Он прислал сюда вмѣсто четырех полков гвардейской кавалеріи три экипажа матросов". "Кровь бросилась мнѣ в лицо: я инстинктивно почувствовал что-то опасное". "Государь, — воскликнул мин. вн. д. Это невозможно, это больше, чѣм непослушаніе. Всѣ знают, что матросы набраны из рабочих и представляют самый революціонный элемент". "Да, да, — отвѣтил Царь. — Гурко я дам головомойку и кавалерію пришлю" .[\[189\]](#)

Для того, чтобы вставить эпизод в правильныя хронологическія рамки, будем имѣть в виду, что к

этому времени болѣвшій Алексѣев вернулся уже к исполненію своих обязанностей. Комментаторы, как из кругов крайне правых, так и из лагеря противоположнаго, готовы толковать "ослушаніе" ген. Гурко, как доказательство причастности его к замыслам совершенія "дворцоваго переворота". Это как-то мало соотвѣтствует духу нашумѣвшаго письма Гурко Николаю II 4 марта и придает задуманным планам характер такой организованности, какой в дѣйствительности не было (правда, Гучков говорил, что в февралѣ заговорщики *собрались* вѣрныя части подвезти в Петербург)[\[190\]](#).

И вот относительно казаков мы имѣем документ, как раз противоположной версіи о вызовѣ войск с фронта, которую давал Протопопов. Дѣло шло не о вызовѣ казаков с фронта, а о уводѣ казаков из столицы, — если угодно, в этом можно увидѣть подтвержденіе замыслов в Ставкѣ, но не замыслов правительства[\[191\]](#). Из письма военного министра пом. нач. штаба Клембовскому 14 февраля явствует, что в Ставкѣ предполагали два казачьих полка, находившіеся в столицѣ, перевести на фронт. Бѣляев писал, что этого нельзя сдѣлать в виду возможных беспорядков, ибо,

примѣняя казаков на роль усмирителей, можно добиться порядка "без стрѣльбы", которая производит на общество отрицательное впечатлѣніе. Военный министр сообщал, что, если наступит успокоеніе, то можно будет оставить в столицѣ один полк в составѣ шести сотен, но наступит такое время "очень не скоро", — не раньше 1 марта, через двѣ недѣли, послѣ возобновленія сессіи Госуд. Думы. Упоминает в своем дневникѣ (15-22 января) о вызовѣ гвардейской кавалеріи в виду "опасенія волненій" и придворный исторіограф Дубенскій (упоминает со слов кн. Оболенскаго, уволеннаго с должности градоначальника в концѣ 16 года), при чем ген. Дубенскій записал, что в Царское Село "командируется гвардейскій экипаж, так как сводный полк не очень надежен", т. е. командируется та именно часть, появленіе которой уже во второй половинѣ февраля привело Царя яко бы в такое волненіе[192].

Отбросим и эту вводную легенду — очевидно, достовѣрность ея весьма проблематична. Остается лишь вопрос о пулеметах, которыми вооружена была полиція в дни февраля. Вопрос о пулеметах, дѣйствительно, косвенно, как бы в частном поряд-

кѣ, по инициативѣ нѣкоторыхъ администраторовъ и совѣтчиковъ со стороны поднимался в правительственныхъ кругахъ. Вспомнимъ негодованіе, какое вызвала в Совѣтѣ Министровъ лѣтомъ 15 г. дѣятельность Юсупова в Москвѣ. Московскій правитель, между прочимъ, ставилъ вопросъ о вооруженіи полиціи австрійскими пулеметами. В концѣ 16 г. вопросъ о снабженіи войсковыхъ частей пулеметами для подавленія мятежа поднимала записка Римскаго-Корсакова, переданная министру вн. д. Самъ Протопоповъ упоминаетъ в показаніяхъ о своемъ разговорѣ с Курловымъ, который считалъ цѣлесообразнымъ снабдить стражниковъ пулеметами. Тутъ начинается мѣшанина. Ген. Мартыновъ, пользовавшейся в своемъ изслѣдованіи неизданными документами, приводитъ свидѣтельство нач. арт. упр. при верховн. главноком. ген. Барсукова о томъ, что мин. вн. д. с начала зимы 15 г.(?) обращался къ Алексѣеву съ просьбой снабдить полицію пулеметами. В напечатанномъ текстѣ явная опечатка — в началѣ зимы 15 г. Алексѣевъ не былъ еще в Ставкѣ; в началѣ зимы 16 г.? — тогда Протопоповъ не состоялъ министромъ вн. д.; в началѣ зимы 17 г.? — тогда в Ставкѣ отсутствовалъ больной Алексѣевъ. Но отвѣтъ Алексѣева, в изображеніи Барсукова, былъ

опредѣленен — он отказал на том основаніи, что пулеметы нужны на фронтѣ. Тѣм не менѣе Протопопов говорил Бѣлецкому, в февралѣ (в датѣ и здѣсь безсмыслица): "Мы еще поборемся. Пулеметы уже пришли". По сообщенію Бѣлецкаго, пулеметы предполагалось примѣнить, если толпа пойдет на Царское Село. А пока что, полиція обучалась стрѣльбѣ из пулеметов — так утверждал Родзянко, дѣлали это "нагло" — показывал Родзянко в Комиссіи, — дѣлали открыто на площади и в пожарной части на Офицерской. Сын Родзянко с возмущеніем писал отцу из Екатеринослава, что там на соборной площади также открыто обучают полицію обращеніи с пулеметами. Подобныя же свѣдѣнія шли из Смоленска. Очевидно, это была "мѣра общаго характера". В Петербургѣ, как узнал Предсѣдатель Думы, полиція располагала 600 пулеметами. Тогда он и член Гос. Сов. Карпов 21 января подняли дѣло в Совѣтѣ Обороны. Военный министр был смущен и объяснил, что обучаются стрѣльбѣ учебныя войсковыя части. При всеподданнѣйшем докладѣ 1 февраля Родзянко, считавшій что для обывателей достаточно "винтовок", довел до свѣдѣнія верховной власти о наличности пулеметов у полиціи. Царь

сказал: "Я ничего этого не знал и не знаю", тѣм не менѣе, именно тогда, по словам Родзянко, Николай II заявил: "если вспыхнут беспорядки, я их задавлю". На вопрос в Чр. Сл. Ком. Протопопов отвѣтил, что он, узнав о пулеметах на газет, запросил Балка, который объяснил свѣдѣнія ошибкой; идет обучение молодых солдат. Протопопов распорядился дать опроверженіе. Пулеметы послѣ выступления Родзянко в Совѣтѣ Обороны широко были использованы в революціонной нелегальной печати — им удѣлил вниманіе и "Освѣдомительный Листок" (.№ 2) Ц. К. большевиков, говорившій, что во всей Имперіи полиція снабжена пулеметами... В дни "недѣли" боев в Петербургѣ никто не сомнѣвался в том, что полиція стрѣляла из пулеметов по толпѣ, "В каждом домѣ мерещились пулеметы" — вспоминал Пѣшехонов: на чердаках, крышах, колокольнях. "У нас притихли пулеметные залпы — записывает Гиппиус 1 марта — но в других районах дѣйствуют во всю и сегодня". Автор дневника отмѣчал, как "героическіе" городовые "жарят" с Исаакіевского Собора. Даже Бѣлецкій будет говорить о стрѣльбѣ полиціей из пулеметов 1 марта на Бассейной, гдѣ он жил. Со слов кн. Голицына (Предсѣдателя Совѣта) сам военный

министр скажет о стрѣльбѣ с крыши дома на Мойкѣ. Что же удивительнаго, если на эту тему в то же первое марта англійскій посол пишет в Лондон Бальфуру официальную телеграмму! Увѣренность была столь велика, что Гиппиус без колебаній записывает, как факт, вздорное сообщеніе, что Протопопов, явившись в Думу, прежде всего передал Керенскому список домов, гдѣ поставлены пулеметы. Их очень много — ген. Лукомскій в письмѣ Каледину говорил о 100 обнаруженных пулеметах, чѣм сильно дискредитировано военное министерство. Было извѣстно, что установкой пулеметов спеціально распорядился нѣкій жандармскій генерал Гордон. Фактом этим особо заинтересовалась Чр. Сл. Комиссія. Хабалов показал, что он впервые услышал о Гордонѣ и пулеметах от Керенскаго, когда - находился в "министерском павильонѣ". Но так мифическій жандармскій генерал и остался не выясненной загадкой — даже в перечнѣ имен в изданных матеріалах Чр. Сл. Комиссіи, гдѣ так тщательно редація сообщала званія и пр. титулы всѣх лиц, так или, иначе проходивших через слѣдственное производство, Гордон не нашел себѣ соотвѣтствующаго обозначенія. Комиссія вызвала через газетныя публикаціи свидѣтелей, которые

могли бы дать точныя свѣдѣнія о пулеметах. Слѣдователь Юзевич-Компанеец допросил нѣсколько сот человек и установил, что всѣ найденные на улицах пулеметы принадлежали воинским частям и были похищены с воинских складов... Этот итог подвели в эмигрантских публикаціях слѣдователи Чр. Сл. Ком. Руднев и Романов. В своих описаніях они были крайне тенденціозны, и поэтому для нас может быть авторитетнѣе итог, полученный адвокатским бюро, которое организовало с марта 47 слѣдственных отдѣлов для обслѣдованія дѣятельности бывших полицейских участков. 6 іюля бюро передало в учрежденные временные суды производство о 1197 полицейских чинах — и ни в одном отчетѣ не оказалось данных, указывающих на стрѣльбу из пулеметов. Производил разслѣдованіе и неутомимый Бурцев, сам, по его мнѣнію, подвергшійся обстрѣлу пулеметов, — он заявил, однако, слѣдователю, что "с увѣренностью он ничего не может сказать". Тов. председателя Комиссіи Завадскій воспоминаніях высказал предположеніе, что слухи породила установка пулеметов на крышах для защиты столицы против непріятельских аэропланов. Они, дѣйствительно, были в небольшом количествѣ размѣщены начальником

воздушной обороны ген. Бурминым на некоторых зданиях (напр., на Зимнем дворце). Стреляли ли из них по уличной толпе? "Господь их знает" — ответил спрошенный Хабалов. 27-го "может быть, стреляли против жителей и, может быть, против правительственных войск". Пожалуй, более компетентно будет суждение революционера Шкловского, получившего специальное поручение в боевые дни — выявить наличие "гнезд пулеметов". Он установил, что с крыш пулеметы (т. е. противоаэропланные) не могли своей стрельбой задвигать уличную толпу...

Так знаменитые "Протопоповские пулеметы" оказались одной из революционных сказок — фантазией назвал их в воспоминаниях член Временного Комитета Гос. Думы Шидловский[193].

III. Игра в «кошку и мышку».

Так назвал Керенский в иностранном издании своих воспоминаний блуждания императорского поезда по пути следования из Могилева в Царское Село. Молодая "мышка" (вернее, надо было сказать "кошка"), по его мнению, проявила в сложной игре, продолжавшейся много часов, большое ис-

куство. Временный Комитет — излагает Керенский тогдашнюю точку зрѣнія — не мог допустить проѣзда Императора в Царское Село, считая это опасным, и рѣшил задержать в пути, в цѣлях войти в переговоры с монархом" — дѣло шло, конечно, об отреченіи, ибо "всѣ" отдавали себѣ отчет в том, что это отреченіе необходимо и неминуемо. Комиссар новой власти Бубликов, пристально слѣдившій за продвиженіем литерных поѣздов, получил приказ остановить их на ст. Дно Виндавской дороги. Встрѣтив препятствіе, царскій поѣзд повернул на Лихославль Николаевской дороги и направился в "Бологое" — Временный Комитет распорядился перерѣзать путь на сѣверѣ. Версію эту можно найти и у мемуаристов Ставки, которые своему служебному положенію должны были знать, что Царь ѣхал из Могилева в обычном порядкѣ, не по Виндавской линіи через Дно на Царское Село, а по болѣе длинному пути, но и болѣе удобному для литерных поѣздов, через Оршу, Вязьму, Лихославль до Тосно, а оттуда по передаточной линіи на Ц. Село. Через Дно поѣхал Иванов и, как мы знаем, безпрепятственно доѣхал до мѣста назначенія — никто ему никаких препятствій не оказал[194].

Дѣло всетаки не в этой существенной неточности. Из всего, что было раньше сказано, ясно, что никакого рѣшенія Времен. Комитета, на которое ссылается Керенскій, не было. Схема захвата Царя в пути в цѣлях принужденія его к отказу от престола скорѣе всего произвольно взята из неосуществившагося дореволюціоннаго проекта дворцоваго переворота: "план — показывал Гучков — заключался в том, ...чтобы, захватив по дорогѣ между Ставкой и Царским Селом императорскій поѣзд, вынудить отреченіе". Эта схема нашла себѣ отклик и в донесеніи англійскаго посла в Лондон 1 марта. По тексту донесенія как-будто бы выходит, что свою информацію Бьюкенен получил от бывшаго министра ин. д. (Покровскаго), сообщившаго послу, что царскій поѣзд остановлен на ст. Бологое, и что Дума посылает делегатов для предъявленія монарху требованія отреченія. Весьма возможно, что свою бесѣду с Покровским, который едва ли в это время мог быть непосредственно достаточно освѣдомлен о планах Врем. Комитета, посол добавлял слухами, шедшими к нему из думской периферіи — от тѣх, кто был связан с дореволюціонными проектами и, как видно из воспоминаній Бьюкенена, ранѣе освѣдомлял его не раз о

замыслах дворцоваго переворота. Эти посредники могли по своему толковать факт или выдавать за осуществляемый план предположенія нѣкоторых членов думскаго комитета, примыкавших к "скобелевскому" плану в интерпретаціи Гучкова.

Мы видѣли, что неопредѣленность царила в позиціи Врем. Комитета в теченіе всего дня блужданія литерных поѣздов. Сомнительно даже, что "временная власть", как таковая, принимала мѣры не допустить пріѣзд Царя в Петербург, как утверждает формальный председатель прогрессивнаго блока Шидловскій. Родзянко пытался даже дѣйствовать в противоположном направленіи, и ему невольно содѣйствовал совѣтскій комиссар в званіи коменданта Николаевского вокзала "невѣдомый поручик Греков", который, вопреки инструкціям думских желѣзнодорожников в центрѣ, больше озабоченных тѣм, чтобы не пропустить Царя на фронт, довел по линіи распоряженіе направить царскій поѣзд в Петербург, минуя передаточную на царскосельскій путь ст. Точно: происходила, по характеристик Ломоносова, "явная чепуха, каждый дѣлает, что на ум взбредет". *Этот хаос, а не сознательная воля дѣлателей революціи,*

в значительной степени определял продвиженіе литературных поѣздов... Поэтому надлежит отвергнуть и модификацію игры в "кошку и мышку", которую дал Керенскій в книгѣ «La Verité», появившейся через 10 лѣтъ послѣ воспоминаній.

Он уже не говорит о планѣ захвата императорскаго поѣзда в цѣлях добиться отреченія и признает, что свѣдѣнія Врем. Ком. о мотивах отъѣзда Императора из Ставки и о движеніи литературных поѣздов были смутны и неопрѣделенны («nous n'avions pas la moindre idée de l'état réel des affaires»). Игра в "кошку и мышку" преслѣдовала, таким образом, только задачу "блокировать поѣзд к изолировать Николая II. По мнѣнію мемуариста Временный Комитет объективно тѣм самым оказал лично Царю большую услугу. Попади Николай II в этот момент в Царское Село, его положеніе стало бы болѣе трагично (это ясно теперь «pour tout le monde»). Не будем вступать на рискованную стезю гаданій о том, что могло бы быть. О бывшем же можно сказать, что и эта блокада в большой степени должна быть отнесена в область мифов.

28-го "последній рейс" императорскаго поѣзда

происходил в нормальной обстановкѣ. Из Вязьмы в 3 часа дня Царь телеграфировал женѣ: "Надѣюсь, что вы хорошо себя чувствуете и спокойны. Много войск послано с фронта". В 10 час. веч. в Лихославлѣ получило сообщеніе, что в Петербургѣ образовалось правительство во главѣ с Родзянко[195]. На другой день исторіограф так изобразил ход событій в императорском поѣздѣ: "Ночью опредѣлилось из цѣлаго ряда свѣдѣній, что Высочайшій поѣзд временное правительство направляет не в Царское Село, а в Петроград, гдѣ Государю предложены будут условія о дальнѣйшем- управленіи. Я убѣждал всѣх, написал даже письмо С. П. Федорову, доложить Воейкову и Государю, что в виду создавшагося положенія, надо ѣхать в Псков, гдѣ штаб фронта... Отсюда, взяв войска, надо итти на Петроград и возстановить спокойствіе. Послѣ всяких разговоров и промедленія, уже доѣхавши в 3 часа ночи до Малой Вишеры, рѣшено было вернуться и через Бологое тянуться к Пскову", Реальное рѣшеніе было вызвано сообщеніем, что ст. Любань (между М. Вишерой и Тосно) занята революціонными войсками. В сущности и этого не было. Какія-то случайныя запасныя части по-просту разгромили станціон-

ный буфет[196].

Почему же Государь рѣшил направиться в Псков? Раздѣлял ли он тѣ соображенія своего окруженія (или части его), которыя выразил Дубенскій в процитированной записи в дневникѣ? Очевидно, для того, чтобы произвести на иностраннаго читателя большее впечатлѣніе Керенскій говорит (в изданіи 38 г.), что Псков был единственный город во всей Россіи, куда Николай II мог еще поѣхать. Почему? Вѣдь литерные поѣзда, не подвергаясь никакой опасности, могли бы, вернуться в Могилев. Такая мысль была бы естественна, если бы Алексѣев, дѣйствительно, так настойчиво предупреждал Царя о рискѣ выѣзжать в смутные дни из Ставки. Лукомскій говорит: "Нѣкоторые объясняют это тѣм, что в бытность в Могилевѣ при началѣ революціи он не чувствовал твердой опоры в своем нач. штаба генералѣ Алексѣевѣ, и рѣшил ѣхать в армію на сѣверный фронт, гдѣ надѣялся найти болѣе твердую опору в лицѣ ген. Рузскаго". Дубенскій в Чр. Сл. Ком. показывал, что большинство настаивало на Псковѣ потому; что там был Рузскій, "человѣк" умный, спокойный, имѣвшій большое вліяніе на

Государя": он мог бы "выяснить положеніе" — или "послать войска", или войти в "какія-нибудь сношенія". "Между тѣм мы знаем, что командующій Сѣверным фронтом цѣликом раздѣлял точку зрѣнія нач. штаба Верховной Ставки. И Царь это знал из телеграммы Рузскаго 27-го. Авторитет Алексѣева, укрѣпившійся за долгіе мѣсяцы совмѣстной работы, стоял в глазах Царя несравненно выше, слѣдовательно, и болѣе внушительно было личное вліяніе: сам Рузскій, рассказывая впослѣдствіи в. кн. Андр. Влад. о событіях, в которых ему пришлось сыграть такую большую роль, указывал, что он и раньше чувствовал, что Государь ему "не довѣряет". Очевидно, мотивы, которые выставляли Лукомскому, не играли роли в рѣшеніи "тянуться к Пскову".

Дворцовый комендант довольно правдоподобно объяснил в Чр. Сл. Ком., почему поѣхали в Псков. Когда ночью в М. Вишерѣ он доложил Царю, послѣдній приказал "повернуть и ѣхать к ближайшему юзу". Ближайшій юз находился в Псковѣ, гдѣ можно было, таким образом, связаться и со Ставкой, и с Петербургом, и с Царским Селом и получить информацію. Дубенскій впослѣдствіи вспо-

минал, что Царь относился к задержкѣ в пути "необычайно спокойно": "он, мнѣ кажется, предполагал, что это случайный эпизод, который не будет имѣть послѣдствій и не помѣшает ему доѣхать с нѣкоторым только опозданіем в Царское Село". Воейков подчеркивал, что на обратном пути царскій поѣзд прибыл на ст. Дно без опозданія против нормального времени, несмотря на то, что он шел без "официальнаго наряда". Находившейся в свитѣ императорскаго поѣзда фл.-ад. полк. Мордвинов так и считал, что они вернулись для того, чтобы проѣхать в Царское Село по Виндавской дорогѣ через ст. Дно и Вырицу, т. е. по линіи, по которой прослѣдовал эшелон ген. Иванова. По словам Мордвинова, лишь по прибыли в Ст. Руссу стало извѣстно, что мост по Виндавской ж. д. то ли испорчен, то ли ненадежен, и тогда рѣшили ѣхать на Псков, а оттуда по Варшавской дорогѣ через Лугу на Царское. Свидѣтельство Мордвинова не очень авторитетно — он сам рассказывает, что на вопрос его Воейкову; "почему мы ѣдем назад?", тот отвѣтил "как-будто шутливо, но с сильным раздраженіем: "молчите, молчите, не ваше дѣло". Во всяком случаѣ, именно в Старой Руссѣ около часа дня была дана телеграмма Рузскому о пріѣздѣ Царя в

Псков. "Я получил от Воейкова телеграмму. — рассказывал Рузскій в. кн. Андрею, — что литерные поѣзда слѣдуют на Псков, и чтобы были приняты мѣры к их безпрепятственному пропуску в Царское Сего. На сдѣланное мною по этому поводу распоряженіе, я получил отвѣт по всей линіи до Царскаго, что путь свободен, и литерные поѣзда могут слѣдовать безпрепятственно", Из предосторожности был заготовлен особый "поѣзд с рабочей командой, которая в случаѣ необходимости могла бы исправить путь". Так и было до вечера 1 марта, когда произошли извѣстныя событія в Лугѣ, и ген. Болдырев сообщил в Ставку в 8 час. веч.: "весьма вѣроятно, что литерные поѣзда из Пскова не пойдут, так как задержка в Лугѣ. Во всяком случаѣ, вопрос этот выясняется". Послѣднія сомнѣнія отпадают при чтеніи лаконической, как всегда, записи, сдѣланной Царем в дневник и подводящей итог дню перваго марта: "Стыд и позор! Доѣхать до Царскаго не удалось. А мысли и чувства все время там. Как бѣдной Алике должно быть тягостно одной переживать всѣ эти событія. Помогите нам Господь".

Издали А. Ф. чувствовала, что муж ея как бы по-

пался в "западню". В письмѣ, которое не дошло до Царя и само по себѣ запаздывало (оно было написано 2-го в отвѣт на телеграмму с сообщеніем о прибытіи в Псков), А. Ф. писала: "Все отвратительно, и событія развиваются с колоссальной быстротой. Но я твердо вѣрю — и ничто не поколеблет этой вѣры — все будет хорошо... Не зная, гдѣ ты, я дѣйствовала, наконец, через Ставку, ибо Родз(янку) притворялся, что не знает, почему тебя задержали. Ясно, что они не хотят допустить тебя увидѣться со мною прежде, чѣм ты не подпишешь какую-нибудь бумагу, конституцію или еще какой-нибудь ужас в этом родѣ. А ты один, не имѣя за собой арміи, пойманный, как мышь в западню, что ты можешь сдѣлать? Это — величайшая низость и подлость, неслыханная в исторіи — задержать своего Государя... Может быть, ты покажешься войскам в Псковѣ и в других мѣстах и соберешь их вокруг себя? Если тебя принудят к уступкам, то ты ни в коем случаѣ не обязан их исполнять, потому что онѣ были добыты недостойным путем".

Это был крик души, но крик почти истерическій. И только крайне тенденціозное нежеланіе разобраться в фактах могло привести к тому, что

автор мѣстами фантастически-легендарной книги "Царь и революція" повторяет истерическій возглас о "западнѣ", в которую невидимая рука завлекла слишком довѣрчиваго монарха. Не хитроумный план, осуществляемый по замыслу Временнаго Комитета, привел Царя в "старый Псков". "Западня" была в происходивших событіях. Ретроспективно Керенскій признает, что "западня" ему представляется теперь в ином свѣтѣ, чѣм в 17 г.: Николай II поѣхал в Царское, не отдавая себѣ отчета в безнадежности положенія, желая увидать больных дѣтей и в надеждѣ, быть может, примириться с Думой, сдѣлать соотвѣтствующія уступки.

* * *

Спокойствіе и незаурядная "выдержка", проявленная Николаем II в "удручающей обстановкѣ" (выраженіе Дубенскаго) 1-го марта, когда он получил тяжелый моральный шок, отложившійся в его сознаниі словами в дневникѣ: "стыд и позор", представляется для многих своего рода феноменом. Что здѣсь приходило извнѣ — от традиціонных условностей придворнаго быта и умѣнія

"владѣть собой совершенно", годами выработаннаго как бы царским ремеслом, и что рождалось в силу личных свойств самодержца — его "пониженной сознательности"? Каждый по своему разрѣшит психологическую загадку, если она имѣется. Для нас этот вопрос имѣет значеніе постолько, поскольку он уясняет отношеніе монарха к событіям. Запись исторіографа за первое марта нѣсколько неожиданно послѣ разсказа о мотивах, побуждавших ѣхать в Псков для того, чтобы противодѣйствовать вооруженной силой революціи, непосредственно же пріобрѣтает совершенно иной тон. "Все больше и больше опредѣляется, насколько правильно было рѣшеніе ѣхать в Псков и избѣгнуть поѣздки в Петроград, гдѣ, навѣрное, произошли бы событія, во всяком случаѣ, неожиданныя" — гласит она в чтеніи на засѣданіи Чр. Сл. Ком.: "Всѣ признают, что этот ночной поворот в Вишерѣ есть историческая ночь в дни нашей революціи. Для меня совершенно ясно, что вопрос о конституціи окончен, она будет введена навѣрное. Царь и не думает спорить и протестовать. Всѣ его приближенные за это... всѣ говорят, что надо только сговориться с ними, с членами Временнаго Правительства. Я, свидѣтель этих исторических со-

бытій, должен сказать по совѣсти, что даже попыток протеста не было... Старый Псков опять занесет на страницы своей исторіи великіе дни, когда пребывал здѣсь послѣдній самодержец Россіи, Николай II, и лишился своей власти, как самодержец".

Разительное противорѣчіе, заключающееся между первой половиной записи и второй, может быть объяснено только тѣм, что вторая была сдѣлана в послѣднюю минуту истекшаго дня (в записи имѣется и прямое указаніе — около часа ночи), т. е. в обстоятельствах, совершенно изменивших конъюнктуру предшествовавшей ночи и, может быть, психологію нѣсколько примитивнаго исторіографа: впечатлѣнія дня слились, и послѣднее заслонило болѣе раннія переживанія. С этого момента члены ближайшей свиты Императора превращаются в "поклонников конституціи (выраженіе Дубенскаго) и создается легенда о готовности Императора пойти на коренныя уступки общественным требованіям... Мы знаем, что Дубенскій в воспоминаніях послал мифическое царское согласіе на "конституцію" еще 27-го в отвѣт на телеграмму Родзянко.

В своей обобщающей записи 1 марта историкограф глухо говорит о бесѣдах среди приближенных Царя по поводу лѣвой "конституціи", которой не оспаривал и сам монарх. Получается впечатлѣніе, что эти разговоры должны были находиться в связи с ожидавшимся прїездом Предсѣдателя Думы на ст. Дно для переговоров с монархом от имени порожденной революціонным порывом временной исполнительной власти. Так создалась легенда, которую не только поддержал, но и развил в своем псевдо-историческом этюдѣ Щеголев — легенда о проектѣ "полуотвѣтственнаго" министерства, созданная в процессѣ переживаній монарха в день тяжкаго испытанія перваго марта. "Такую уступочку" общественному мнѣнію, — говорит историк, — могло изобрѣсти присущее Николаю лукавство, опирающееся на поразительное невѣжество в конституціонных вопросах". Опирается легенда на воспоминанія Мордвинова, упоминающаго о том, что Царь "телеграфировал в поѣздѣ Родзянко, назначая его вмѣсто кн. Голицына предсѣдателем Совѣта Министров, и предлагая ему выѣхать для доклада на одну из промежуточных станцій навстрѣчу императорскому поѣзду". "Тогда же из разговоров выяснилось, — добавляет

Мордвинов, — что предполагалось предоставить Родзянко выбор лишь нѣкоторых министров. а министры Двора, военный, морской и иностр. дѣл должны были назначаться по усмотрѣнію Государя Императора и все министерство должно было оставаться отвѣтственным не перед Гос. Думой, а перед его Величеством". О том, что Мордвинов путает, свидѣтельствуется несуразная дата, которую он устанавливает для телеграммы Родзянко — это было будто бы еще до прибытія в Вязьму, т. е. в первую половину дня 28-го. Отнесем эти возможные, конечно, в придворной средѣ разговоры болѣе правдоподобно на сутки позже. Я говорю "возможные", потому что версія "полуотвѣтственного министерства", при всей своей конституціонной "безграмотности", была в то время одной из ходячих версій. Припомним, что в. кн. Михаил, дѣйствовавшій с согласія совѣщанія Совѣта Министров, на котором присутствовали Предсѣдатель Думы и такой испытанный правовѣд, как ст. сен. Крыжановскій, предлагал своему царствовавшему брату как раз подобный же проект "отвѣтственного" министерства. Но еще болѣе показательную иллюстрацію мы можем найти в дневникѣ молодого морского офицера Рейнгартена —

одного из тѣх, кто искренне мечтали о "конституціи" для Россіи и дѣятельно готовились к ней: 27 февраля Рейнгартен излагает ближайшую программу дѣйствія, выработанную в кружковых "дружеских бесѣдах" — это, слѣдовательно, коллективное мнѣніе: Гос. Совѣт и Гос. Дума составляют "законодательный корпус", который избирает "представителей отвѣтственной перед ними исполнительной власти. При этом всѣ министры, кромѣ военнаго, морского и Двора (как стоящіе нынѣ внѣ вѣдѣнія премьера) должны быть смѣнены". Ходячая версія имѣла уже свою традицію — и не только в тѣх разговорах о "конституціи", которые велись в 15 г. в прогрессивном блокѣ (запись Милюкова отмѣчает, напр., мнѣніе высказанное таким авторитетным государствовѣдом, как Максим Ковалевскій: "мы не занимаемся выборами военнаго и морского министров и, может быть, и иностр. дѣл"), а в прецедентах, значительно болѣе ранних; когда в 1905 г. Милюков вел переговоры с Треповым о реконструкціи правительства и введеніи в него общественных элементов, он заранѣе согласился считать "царской прерогативой" назначеніе министров военнаго, морского и Двора...

Я не думаю, что подобный проект могла обсуждать царская свита, но допускаю возможность аналогичных безотвѣтственных разговоров, так как очевидно, прїѣзд Родзянко неизбѣжно поднимал вопрос о "конституціи", поставленной в порядок дня еще в Ставкѣ. Воейков в Чр. Сл. Ком. рѣшительно отрицал возможность того, чтобы сам Николай II принялъ участіе в политических разговорах со свитой. Этого "никогда не было" — "весь строй, вся атмосфера была — манекен". "Вообще о событіях старались не говорить, потому что ото не особенно прїятно было". Вся "надежда была на то, что поѣдем к Псков, и все выяснится". И только в Псковѣ в дѣйствительности поднялся вопрос об "отвѣтственном министерствѣ".

Существованіе проекта "полуотвѣтственного министерства", созданнаго в період относительнаго блужданія императорскаго поѣзда, только тогда могло походить на "истину" (документальных доказательств нѣтъ — признает и Щеголев), если бы можно было установить фактъ сношенія Царя со Ставкой и давленія на него со стороны Алексѣева. Информациа, полученная нач. штаба послѣ отъѣзда Императора из Ставки, окончательно убѣдила

его в необходимости контакта с общественностью представленной Временным Комитетом Гос. Думы. Утром 1-го *наштаверхом* была заготовлена всеподданнѣйшая телеграмма — рѣшительная по содержанию и по тону, Алексѣев телеграфировал: "Революція в Россіи, а послѣдняя неминуемо, раз начнутся беспорядки в тылу, знаменует собой позорное окончаніе войны со всѣми тяжелыми для Россіи послѣдствіями: Армія слишком тѣсно связана с жизнью тыла, и с увѣренностью можно сказать, что волненія в тылу вызовут такія же в арміи. *Требовать от арміи, чтобы она спокойно сражалась, когда в тылу идет революція, невозможно.* Нынѣшній молодой состав арміи и офицерскій состав, среди котораго громадный процент призванных из запаса и произведенных в офицеры из высших учебных заведеній, не дает никаких основаній считать, что армія не будет реагировать на то, что будет происходить в Россіи...[\[197\]](#). Мой вѣрноподданнической долг и долг присяги обязывает меня все это доложить В. И. В. Пока не поздно, необходимо немедленно принять мѣры к успокоенію населенія и возстановить нормальную жизнь в странѣ. Подавленіе беспорядков силою при нынѣшних условіях опасно и приведет Россію и

армію к гибели. Пока Гос. Дума старается водворить возможный порядок, но если от В. И. В. не послѣдует акта, способствующаго общему успокоенію, власть завтра же перейдет в руки крайних элементов, и Россія переживет всѣ ужасы революціи. Умоляю В. В. ради спасенія Россіи и династіи поставить вс главѣ правительства лицо, которому бы вѣрила Россія, и поручить ему образовать кабинет. В настоящую минуту это единственное спасеніе. Медлить невозможно и необходимо это провести безотлагательно. Доказывающіе В. В. противное, безсознательно или преступно ведут Россію к гибели и позору и создают опасность для династіи В. И. В."

Алексѣевская телеграмма, не говорившая еще об отвѣтственном министерствѣ в настоящем смыслѣ, в утренніе часы 1-го не была послана "за отсутствіем связи" с императорским поѣздом. Позже она была отправлена в Петербург "для передачи в Царское Седо" в надеждѣ, что Царь туда прибыл, и повторена около 6 час. в штаб Рузскаго для врученія ея Царю, когда тот будет "проѣзжать через Псков". Свѣдѣнія о том, что "поѣзд лит. А." прослѣдует через Псков, в Ставкѣ получили в 4 часа,

когда поступил запрос гдавкосѣва с просьбой его "ориентировать" для "возможности соотвѣтствующаго доклада". Из сопоставленія этих документов как-будто бы ясно, что в царском поѣздѣ до прибытія его и Псков никаких свѣдѣній и указаній из Ставки не получали. Такая поправка должна быть сдѣлана к воспоминаніям Пронина, утверждающаго, что телеграмма Алексѣева была передана "немедленно по установленію мѣстонахожденія Государя" — "около 3 час. дня... на ст. Дно". Аналогичный корректив необходимо внести и к показаніям дворцоваго коменданта, которыя ввели в заблужденіе Блока и Щеголева. В стенографическом отчетѣ (не очень вразумительной записи") помѣщены слова Воейкова, что "на ст. Дно телеграмму о согласіи Государя принять Родзянко, Алексѣев доложил сам(?)".

Он получил отвѣт, что Родзянко ѣдет на ст. Дно". Этим как бы устанавливалась непосредственная связь между "поѣздом лит. А." и Ставкой, чего в дѣйствительности не было.

Государь прибыл в Псков, не имѣя дополнительных данных, поступивших в Ставку за два дня его отсутствія и рисовавших обстановку в болѣе

грознам свѣтѣ, нежели это представлялось в момент отъѣзда "Случайный эпизод", вызвавшій необходимость измѣнить намѣченный маршрут в Царское Село, не мог произвести радикальной перемѣны в психологіи "самодержца", упорно отказывавшагося от необходимых уступок общественным требованіям в смыслѣ установленія "отвѣтственного министерства" под вліяніем такого же, по его мнѣнію, случайнаго бунта в столицѣ. То, что произошло в Псковѣ в ночь на 2-ое марта, цѣликом подтверждает такое заключеніе.

IV. Псковская драма.

1. Воздѣйствіе генералитета.

Как ни умѣл внѣшне владѣть собой Николай II, как ни внушал он себѣ, что все совершающееся большого значеніе не может имѣть, впечатлѣнія, полученныя им во время тревожнаго "рейса", не могли не оказать на него воздѣйствія. Едва ли "последній самодержец" принадлежал к числу боевых натур, которых опасность возбуждает и заставляет итти на риск. Скорѣе ему присуща была нѣкоторая пассивность перед роком — мистическая по-

корность судьбѣ, как охарактеризовал Сазонов Палеологу натуру Николая II в 14 г. послѣ возвращенія из Москвы[198]. И, может быть, не так уже сознательно преувеличивал ген. Рузскій, сказав в интервью, которое он дал сотруднику "Русской Воли" через нѣсколько дней послѣ отреченія, что, когда Николай II пріѣхал в Псков, он ни о каких "репрессивных мѣрах против революціи не мечтал".

В Псковѣ Николай II должен был попасть в атмосферу, отнюдь не благоприятствовавшую подогрѣванію тѣх иллюзій, которыми убаюкивал свое сознание "самодержец". Дневник ген. Болдырева, ген. кварт. у Рузскаго. довольно отчетливо рисует настроеніе в штабѣ Сѣвернаго Фронта. 27-го у него записано: ..."Событія приняли крайне серьезный оборот... Д(анилов) говорит, что выход один — выбор 30 довѣренных лиц, которыя в свою очередь выбрали бы кандидата, которому и вручить судьбу Россіи... Но "сам" увѣрен, что все это бредни, что Россія благоденствует. Это мнѣніе, по словам Д., раздѣляет и в. кн. Георг. Мих., бывший сегодня у главнокомандующаго. Вѣрно, что нѣтъ большей слѣпоты у людей, которые ничего не хо-

тят видѣть"... 1 марта запись продолжает: "Рѣшается судьба Россіи... Пскову и Рязскому, видимо, суждено сыграть великую историческую роль... Здѣсь, в Псковѣ, окутанному темными силами монарху придется вынужденно объявить то, что могло быть сдѣлано вовремя... Я сказал Данилову, что сегодня вопрос надо кончить, что завтра уже будет поздно. Видимо, они с Рязским рѣшили, что другого выхода нѣтъ"... Вѣроятно, эта обстановка и побудила полк. Пронина в Ставкѣ написать в своих воспоминаніях, что Царь в Псковѣ был изолирован — его окружали "холодные люди Сѣвернаго фронта".

В Псковѣ должна была встрѣтить Царя не ложная информация о том, что войска, посланные на усмиреніе бунта, переходят на сторону революціи, а процитированная выше телеграмма начальника штаба, в дополненіе к которой помощник Алексѣева ген. Клембовскій сообщал, что в. кн. Сергѣй Мих. просит доложить Государю о "безусловной необходимости принятія тѣх же мѣр, которыя указаны в телеграммѣ ген. Алексѣева" — Вел. Князь считал, что наиболѣе подходящим лицом в качествѣ премьера является предсѣдатель

Гос. Думы. Была еще повторная телеграмма Брусилова, направленная в 7 ч. веч. на ст. Дно на имя министра Двора и говорившая о гибельности в дни грозной войны для "отечества и царскаго дома" междоусобной брани. Грозные симптомы наступающей катастрофы выступали в сообщениях об "анархіи" в Кронштадтѣ, об убійствѣ главнаго командира порта адм. Вирена и об арестѣ офицеров. Командующій флотом Балтійскаго моря адм. Непенин телеграфировал о необходимости пойти навстрѣчу Гос. Думѣ, причем сообщал, что приказал объявить командам телеграмму Родзянко о созданіи Временнаго Комитета: "считаю, что только таким прямым и правдивым путем я могу сохранить в повиновеніи и боевой готовности ввѣренныя мнѣ части". Далѣе шла отправленная в 2 часа 30 мин. депеша командующаго войсками в Москвѣ Мрозовскаго: "В Москвѣ полная революція. Воинскія части переходят на сторону революціонеров". Вѣроятно, только в Псковѣ Царя достигла и та телеграмма брата, которую воспроизвел в воспоминаніях полк. Никитин по копіи, снятой секретарем в кн. Джонсоном и сохраненной в семейном архивѣ кн. Брасовой. Вот она: "Забыв все прошлое, прошу тебя пойти по новому пути, указан-

ному народом. В эти тяжелые дни, когда мы всѣ русскіе так страдаем, я шлю тебѣ всего сердца этот совѣт, диктуемый жизнью и моментом времени, как любящій брат и преданный русскій человѣкъ". Надо драть, что Царь получил и письмо начальника англійской военной миссіи ген. Вильямса, помѣченное 1-м марта. Он, как человѣкъ "безпредѣльной и искренней преданности", писал, что во время всѣх волненій, которыя он видѣл "в разных государствах", всегда лучшим средством было — имѣть "отдушину" — во всѣх государствах бывают времена, когда необходимо имѣть "бархатную перчатку на желѣзной рукѣ". "Не подлежит сомнѣнію, — говорил "не политик и не дипломат, а старый солдат",—что в основѣ настоящих волненій имѣются нѣмецкія козни, но козни эти могут быть уничтожены... Мнѣ кажется, что настало время призвать народ Ваш помочь Вам нести ту громадную тяжесть, которая лежит на ваших плечах". Вильямс говорил о "свободѣ слова в парламентѣ", о правительствѣ, избранном народными представителями.

Так как от Родзянко была получена телеграмма, что он не пріѣдет, то функціи посредника должен

был взять на себя Рузскій. "Я стал доказывать Государю, — рассказывал Рузскій в. кн. Андрею Вл. — необходимость даровать отвѣтственное министерство, что уже по слухам, собственный Е. В. конвой перешел на сторону революціонеров, что самодержавіе есть фикція при существованіи Гос. Совѣта и Думы и что лучше этой фикціей пожертвовать для общаго блага. Государь отвѣтил, что "не знает, как рѣшить, что скажет юг Россіи, казачество". По записи рассказа Рузскаго, сдѣланной Вильчковским также в Кисловодскѣ, основная мысль Николая II заключалась в том, что он "отвѣтственен перед Богом и Россіей за все, что случилось и случится". Рузскій старался доказать, что слѣдует принять формулу: "Государь царствует, а правительство управляет"» Государь возражал, что "эта формула ему не понятна, что надо было иначе быть воспитанным, переродиться и опять отгѣнил, что лично не держится за власть, но только не может принять рѣшеніе против своей совѣсти и, сложив с себя отвѣтственность за теченіе дѣл перед людьми, не может считать, что он сам не отвѣтственен перед Богом".

В момент бесѣды, которая происходила "глаз на

глаз", пришла из Ставки новая телеграмма Алексѣева, переданная около 10 час. веч. Неутомимый нач. штаба, повторяя аргументацію предшествовавшего своего сообщенія, предоставляя на усмотрѣніе Царя проект манифеста, умоляя немедленно его опубликовать. Ново в постановкѣ вопроса было то, что в манифестѣ у нее опредѣленно говорилось об "отвѣтственном перед представителями народа министерствѣ", составить которое поручалось предсѣдателю Гос. Думы. Рузскій говорил Андр. Вл., что телеграмма Алексѣева рѣшила дѣло: "Не знаю, удалось ли бы мнѣ уговорить Государя, не будь телеграммы Алексѣева—сомнѣваюсь". Царь дал согласіе и сказал, что напишет сейчас телеграмму. Рузскій ушел, и через нѣкоторое время ему была доставлена телеграмма на имя Родзянко, в которой отвѣтственное министерство формулировано было как раз в соотвѣтствіи с одной из указанных выше модуляцій примѣнительно к войнѣ. По словам Рузскаго, там было сказано: "поручаю вам сформировать новый кабинет и выбрать министров, за исключеніем военнаго, морского и ин. дѣл". "Тогда я обратился к Воейкову, — продолжает Рузскій по записи Андр. Вл., — с просьбой доложить Государю, что мнѣ он

говорил о дарованіи отвѣтственнаго министерства, а в телеграммѣ сказано лишь о сформированіи новаго кабинета без указанія, перед кѣм он отвѣтствен, Воейков вытаращил на меня глаза, заерзал на диванѣ и очень неохотно пошел к Государю. Я остался ждать. Ждал час, потом второй и ничего [199]. Тогда я попросил одного из адъютантов сходить и доложить Государю, ждать ли мнѣ или можно уѣхать в штаб. Я чувствовал себя не совсѣм хорошо, да еще безумно устал и еле держался на ногах. Пока адъютант ходил и докладывал, остальные лица свиты стали обсуждать положеніе и, когда узнали, что Государь согласен даровать отвѣтственное министерство, всѣ обрадовались, увѣряя, что давно говорили, что это необходимо было сдѣлать. Кому они об этом говорили, я так и не узнал". Вѣроятно, в теченіе этой бесѣды и были произнесены горькія и рѣзкія слова стараго главнокомандующаго, отмѣченныя мемуаристами из свиты и занесенныя в дневник Дубенскаго [200]. На вопрос: "что же дѣлать?" Рузскій между прочим, сказал: "Ну, господа, поздно, ничего нельзя теперь — теперь нужно сдаваться на милость побѣдителя и согласиться на тѣ условія, которыя предложены"... Дубенскій в воспоминаніях, напи-

санных в эмиграціи, отнеся бесѣду с Рузским на первый момент прїѣзда в Псков, изобразил характер бесѣды в духѣ ином, чѣм Рузскій. По его словам, Фредерикс, сказав Рузскому, что рѣшено дать отвѣтственное министерство, просил его помочь Царю. "Теперь уже поздно", — сказал Рузскій: "Я много раз говорил, что необходимо итти в согласіи с Гос. Думой и давать тѣ реформы, которыя требует страна. Меня не слушали. Голос хлыста Распутина имѣл большее значеніе. Им управлялась Россія"... — "с яростью и злобой говорил ген.-ад. Рузскій". "Послѣ разговора с Рузским мы стояли всѣ потрясенные и как в воду опущенные. Послѣдняя наша надежда, что ближайшій главнокомандующій Сѣверным фронтом поддержит своего Императора, очевидно, не осуществится. С цинизмом и грубою опредѣленностью сказанная Рузским фраза: "надо сдаваться на милость побѣдителя", все уясняла и с несомнѣнностью указывала, что не только Дума, Петроград, но и лица высшаго командованія на фронтѣ дѣйствуют в полном согласіи и рѣшили произвести переворот... Ген.-ад. К. Д. Нилов был особенно возбужден и, когда я вошел к нему в купэ, он, задыхаясь, говорил, что этого предателя Рузскаго надо арестовать и убить, что

погибает Государь и вся Россія"... "Только самыя рѣшительныя мѣры по отношенію к Рузскому, может быть, улучшили бы нашу участь, но на рѣшительныя дѣйствія Государь не пойдет", — сказал Нилов. К. Д. весь вечер не выходил из купэ и сидѣл мрачный, не желая никого видѣть"...

"Прождал я всего около двух часов, — рассказывал далѣе Рузскій все в той же записи, — был уже первый час ночи, когда меня позвали к Государю. Там был гр. Фредерикс, и Государь передал мнѣ вновь составленную телеграмму, гдѣ уже было сказано о дарованіи отвѣтственного министерства без ограниченія". Вильчковскому Рузскій говорил, что при обсужденіи проекта манифеста, предложеннаго Алексѣевым, как-то чувствовалось нѣчто "похожее на безразличіе", Рузскому показалось, что Царь даже передумал, и поэтому он спросил: "не будет ли он дѣйствовать против воли Государя", сообщив в Ставку и в Петербург о согласіи Царя на манифест. Государь отвѣтил, что "принял рѣшеніе, ибо и Рузскій, и Алексѣев, с которым он много на эту тему раньше говорил, одного мнѣнія, а ему, Государю, извѣстно, что они рѣдко сходятся на чем-либо вполне". Принять рѣшеніе Царю

было "очень тяжело, но раз этого требует благо Россіи, он на это по чувству долга должен согласиться"... Наряду с согласіем на отвѣтственное министерство Рузскій, как мы знаем, получил разрѣшеніе пріостановить продвиженіе войск с фронта. Царь самому "диктатору" предписал ничего не предпринимать до его пріѣзда.

Послѣдовавшая затѣм бесѣда Рузскаго с Родзянко изложена нами в другом мѣстѣ. В этом ночном разговорѣ была поставлена дилемма об отреченіи. Припомним, что Родзянко не знал, как отвѣтить на вопрос Рузскаго: "нужно ли выпускать манифест?" — "все зависит от событій, которыя летят с головокружительной быстротой". Сам Рузскій считал болѣе осторожным не выпускать манифеста до свиданія с Царем, которое должно было состояться в 10 час. утра. Всѣ матеріалы были сообщены в Ставку. Прочитав ленту переговоров Рузскаго с Родзянко, Алексѣев просил немедленно разбудить Царя и доложить ему бесѣду с Родзянко, ибо переживается "слишком серьезный момент, когда рѣшается вопрос не одного Государя, а всего царствующаго дома в Россіи"... "важна каждая минута и всякіе этикетки должны быть отброшены".

Алексѣев указывал, что необходимо сдѣлать сообщеніе в арміи, ибо "неизвѣстность хуже всего и грозит тѣм, что начнется анархія в арміи". Передавая распоряженіе Алексѣева по должности "официально", ген. Лукомскій, с своей стороны, просил Данилова доложить Рузскому, что по его, Лукомскаго, "глубокому убѣжденію, выбора нѣт и отреченіе должно состояться. Надо помнить, что вся царская семья находится в руках мятежных войск... Если не согласиться, то, вѣроятно, произойдут дальнѣйшіе эксцессы, которые будут угрожать царским дѣтям, а затѣм начнется междоусобная война, и Россія погибнет под ударом Германіи, и погибнет вся династія. Мнѣ больно это говорить, но другого выхода нѣт". Впервые слова об отреченіи попали на официальную ленту штабных разговоров. Их произнес Лукомскій, передавая, очевидно, главенствовавшія тогда настроенія в Ставкѣ[201]. Чрезвычайно знаменательно, что это признал генерал правых политических убѣждений, выдвигавшій план отъѣзда Царя в Особую армію для противодѣйствія революціи...

"Ген. Рузскій через час будет с докладом у Государя", — отвѣчал Лукомскому Данилов, — "и

поэтому я не вижу надобности будить главнокомандующаго, который только что, сію минуту, заснул и через полчаса встанет... Что касается неизвѣстности, то она, конечно, не только тяжела, но и грозна. Однако, и ты, и ген. Алексѣев отлично знаете характер Государя, и трудность получить от него опредѣленное рѣшеніе. Вчера весь вечер до глубокой ночи прошел в убѣжденіях поступиться в пользу отвѣтственнаго министерства. Согласіе было дано только к двум часам ночи, но, к глубокому сожалѣнію, оно — как это, в сущности, и предвидѣл главнокомандующій, явилось запоздалым,.. Я убѣжден, к сожалѣнію, почти в том, что, несмотря на убѣдительность рѣчей Ник. Вл. и прямоту его, едва ли возможно будет получить опредѣленное рѣшеніе. Время безнадежно будет тянуться. Вот та тяжелая картина и та драма, которая происходит здѣсь"... "Дай Бог, чтобы ген. Рузскому удалось убѣдить Государя. В его руках теперь судьба Россіи и царской семьи", — подал заключительную реплику Лукомскій.

Понимал ли это сам Николай II? Ни личныя свойства, отмѣченныя Даниловым, ни религіозная концепція власти, традиціонно воспринятая с ро-

жденія, выдвинутая в разговорѣ с Рузским, не могут объяснить того исключительнаго упорства, которое проявил монарх в эти, дѣйствительно, грозные для него дни. Да, здѣсь было еще "что-то", что мѣшало правдивому воспріятію происходившаго. Царь "производил впечатлѣніе человѣка задерганнаго, который перестал понимать, что нужно дѣлать, чтобы найти выход из положенія", — в таких выраженіях подвел итоги того, что ему пришлось слышать, Милюков в Чр. Сл. Ком. Возможно, что такая характеристика и не так далеко была от истины. Почти аналогичное впечатлѣніе вынес Коковцов из послѣдняго свиданія с Императором, которое происходило за пять недѣль до революціи.

Таким образом, безконечно трудная задача стояла перед тѣми, кто понимая необходимость быстраго рѣшенія вопроса. Оно диктовалось не нетерпѣніем людей, поддавшихся психозу момента и легко подчинившихся вліянію политиков — оно диктовалось прежде всего реальными требованіями фронта. Я бы побоялся приписать только Алексѣеву инициативу обращенія к командующим фронтом в цѣлях побороть нерѣшительность и

двойственность Царя. Эту двойственность замѣтил Рузскій; этой двойственности боялся и Алексѣев, указавшій утром 2-го, в бесѣдѣ по юзу с Брусиловым, на то, что он "не вполнѣ" довѣряет ликвидаціи Ивановской миссіи... Обращеніе к командующим фронтом было сдѣлано между 10-11 часами утра послѣ упомянутой весьма показательной бесѣды двух генералов. Сам Алексѣев говорил с Брусиловым; Клембовскій с Эвертом; Лукомскій с Сахаровым; ему же было поручено передать на Кавказ в. кн. Ник. Ник. через ген. Янушкевича. Текст передачи был выработан единообразный. Послѣ краткаго изложенія основных положеній, высказанных ночью Родзянко, шло добавленіе: "обстановка (в своей передачѣ Алексѣев прибавил "туманная"), повидимому, не допускает иного рѣшенія, и каждая минута дальнѣйших колебаній повысит только притязанія, основанныя на том, что существованіе арміи и работа жел. дорог находятся фактически в руках петроградскаго временнаго правительства. Необходимо спасти дѣйствующую армію от развала, продолжать до конца борьбу с внѣшним врагом, спасти независимость Россіи и судьбу династіи нужно поставить на первом планѣ, хотя бы цѣною дорогих уступок. Если

вы раздѣляете этот взгляд, то не благоволите ли телеграфировать весьма спѣшно свою вѣрноподданническую просьбу Е. В. через главковерха, извѣстив наштоверха? Повторяю, что потеря каждой минуты может стать роковой для существованія Россіи, и что между высшими начальниками дѣйствующей арміи нужно установить единство мыслей и цѣлей. Армія должна всѣми силами бороться с внѣшним врагом, а рѣшенія относительно внутренних дѣл должны избавить ее от искушенія принять участіе в переворотѣ, который болѣе безболѣзненно совершится при рѣшеніи сверху". "Колѣбаться нельзя. Время не терпит. Совершенно е вами согласен... тут двух мнѣній быть не может". — отвѣтил Брусилов Алексѣеву. Ген. Эверт, соглашаясь, что "вопрос может быть разрѣшен безболѣзненно для арміи, если только он будет рѣшен сверху", спрашивал: есть ли время сговориться с командующими. "Время не терпит, дорога каждая минута", — отвѣчал ему Клембовскій: "иного исхода нѣт. Государь колеблется, единогласныя мнѣнія командующих могут побудить его принять рѣшеніе, единственно возможное для спасенія Россіи и династіи. При задержкѣ в рѣшеніи вопроса Родзянко не ручается за сохраненіе спокойствія,

при чем все может кончиться гибельной анархіей". "Повидимому, как ни грустно, а придется согласиться с этим единственным выходом". — говорит Сахаров, предпочитая, однако, дать окончательный отвѣтъ послѣ полученія мнѣнія других главнокомандующих и, главное, отвѣта с Кавказа.

Нельзя не отмѣтить одной черты. В постановкѣ Родзянко еще не существовало дилеммы в качествѣ категорическаго императива: говорилось лишь, что "грозное требованіе отреченія... становится опредѣленным требованіем"[202]. На фронтѣ сомнѣнія были разрѣшены в пользу этого императива, ибо надлежало положить конец колебаніям — требовалась опредѣленность. Можно допустить, что это произошло почти безсознательно для верховнаго командованія: по крайней мѣрѣ Алексѣев через нѣсколько дней на представленной ему записи бесѣды англійскаго ген. Вильямса с вдовствующей императрицей в Могилевѣ, гдѣ упоминалось, что Царь отрекся от престола по настояніям ген. Рузскаго, сдѣлал помѣтку: "Вопрос этот в Петербургѣ был рѣшен уже 1/III, 2-го Милюков уже говорил об этом в своей рѣчи".

В 9 / час. утра Рузскій дѣлал доклад верховному

повелителю. Запись Вильчковскаго, проводящаго опредѣленную тенденцію реабилитаціи Рузскаго в глазах эмигрантских монархистов и пытающагося всю инициативу отреченія отнести за счет Алексѣева (запись явно иногда не точная и спутывающая разные моменты), дает такія подробности: "Ген. Рузскій спокойно, "стиснув зубы", как он говорил, но страшно волнуясь в душѣ, положил перед Государем ленту своего разговора. Государь, молча, внимательно все прочел. Встал с кресла и отошел к окну вагона... Наступили минуты ужасной тишины. Государь вернулся к столу... и стал говорить спокойно о возможности отреченія. Он опять вспомнил, что его убѣжденіе твердо, что он рожден для несчастья, что он приносит несчастье Россіи; сказал, что он ясно сознавал вчера еще вечером, что никакой манифест не поможет. "Если надо, чтобы я отошел в сторону для блага Россіи, я готов на это", —сказал Государь: "но я опасуюсь, что народ этого не поймет. Мнѣ не простят старообрядцы, что я измѣнил своей клятвѣ в день священнаго коронованія; меня обвинят казаки, что я бросил фронт"... Рузскій высказал еще свою надежду, что манифест все успокоит, и просил обождать совѣта и мнѣнія ген. Алексѣева, хотя не

скрыл, что, судя по словам ген. Лукомскаго, видимо, в Ставкѣ склоняются к мнѣнію о необходимости отреченія. В это время подали срочно дошедшую телеграмму Алексѣева (циркулярную — обращение к главнокомандующим). Рузскій, блѣдный, прочел вслух ея содержаніе. "Что же вы думаете Н. В.?" — спросил Государь. — "Вопрос так важен и так ужасен, что я прошу разрѣшенія В. В. обдумать эту депешу раньше, чѣм отвѣчать... посмотрим, что скажут главнокомандующіе остальных фронтов. Тогда выяснится вся обстановка". Государь..., сказав: "Да, и мнѣ надо подумать", отпустил его до завтрака".

По записи Андр. Вл. — "Государь внимательно читал, но ничего не отвѣчал". Как будто это болѣе соответствует утренней обстановкѣ послѣ длительной ночной бесѣды. "Я еще спросил, — записывает Андр. Вл., — откуда могла ими. Марія Фед. рассказывать знакомым, со слов Государя, что во время разговора в Псковѣ он, Рузскій, стукнул кулаком по столу и сказал: "Ну, рѣшайтесь же, наконец", — разговор шел об отреченіи. Рузскій мнѣ отвѣтил: "Я не знаю, кто мог это выдумать, ибо ничего подобнаго никогда не было. Вѣроятнѣе всего

это Воейков наврал, послѣ того, что я с ним рѣзко говорил".

Вновь был вызвал Рузскій к Царю в 2 часа дня. Он просил разрѣшенія привести с собой ген. Данилова и ген. Савича (гл. нач. снаб. фронта), ибо, как он сказал "прямо" Царю: "В, В., я чувствую, что Вы мнѣ не довѣряете... Пусть они оба изложат свое личное мнѣніе" (по записи Андр. Вл.). Сначала Рузскій доложил всѣ полученныя за послѣдніе часы свѣдѣнія. "Когда очередь дошла до телеграммы ген. Алексѣева с заключеніями главнокомандующих (передана была в 2 ч. 30 м.) — рассказывает уже Данилов, — то ген. Рузскій положил телеграфныя ленты на стол перед Государем и просил прочесть их лично". В. кн. Ник. Ник. "колѣнопреклоненно" молил спасти Россію и наслѣдника: "осѣнив себя крестным знаменіем, передайте ему Ваше наслѣдіе. Другого выхода нѣтъ"... Брусилов, исходя из своей преданности и любви к родинѣ и царскому престолу, считал, что отказ от престола "единственный исход". Эверт, отмѣчая, что "средств прекратить революцію в столицах нѣтъ никаких" ("на армію при настоящем ея составѣ разсчитывать при подавленіи беспорядков нельзя"),

умолял, как "безгранично преданный... вѣрноподданный", Принять рѣшеніе, согласованное с заявленіем предсѣдателя Думы, как "единственно, видимо, способное прекратить революцію и спасти Россію от ужасов анархіи". Докладывая приведенныя телеграммы, Алексѣев, с своей стороны, умолял "безотлагательно принять рѣшеніе, которое Господь Бог внушит Вам... Промедленіе грозит гибелью Россіи. Пока армію удастся спасти от проникновенія болѣзни, охватившей Петроград, Москву, Кронштадт и другіе города. Но ручаться за дальнѣйшее сохраненіе военной дисциплины нельзя. Прикосновеніе же арміи к дѣлу внутренней политики будет знаменовать неизбѣжный конец войны, позор Россіи, развал ея. В. И. В. горячо любите родину и ради ея цѣлости, независимости, ради достиженія побѣды, соизволите принять рѣшеніе, которое может дать мирный и благополучный исход из создавагося болѣе, чѣм тяжелаго, положенія... Ожидаю повелѣній". Лишь телеграмма ген. Сахарова, пришедшая из Ясс с опозданіем на час и доложенная особо, была составлена в иных тонах. Не совсѣм соотвѣтственно тому, что главнокомандующій румынским фронтом говорил по юзу Лукомскому, все же Сахаров прихо-

дил к тѣм же заключеніям: генерал возмущался "преступным и возмутительным отвѣтом предсѣдателя Гос. Думы на высокомилостивое рѣшеніе Государя Императора даровать странѣ отвѣтственное министерство". "Горячая любовь моя к Е. В. — говорил Сахаров — не допускает души моей мириться с возможностью осуществленія гнуснаго предложенія, переданнаго Вам предсѣдателем Думы. Я увѣрен, что не русскій народ, никогда не касавшійся Царя своего, задумал это злодѣйство, а разбойническая кучка людей, именуемая Гос. Думой, предательски воспользовалась удобной минутой для проведенія своих преступных цѣлей. Я увѣрен, что арміи фронта непоколебимо стали бы за своего державнаго вождя, если бы не были призваны к защитѣ родины от врага внѣшняго и если бы не были в руках тѣх же государственных преступников, захвативших в свои руки источники жизни арміи. Таковы движенія *сердца и души* . Переходя же к *логикѣ разума* и учтя создавшуюся безвыходность положенія, я, непоколебимо вѣрный подданный Е. В., рыдая, вынужден сказать, что, пожалуй, наиболѣе безболѣзненным выходом для страны и для сохраненія возможности продолжать биться "с внѣшним врагом является рѣшеніе

пойти навстрѣчу уже высказанным условіям, дабы промедленіе не дало пищу к предъявленію дальнѣйших и еще гнуснѣйших притязаній". Гораздо позже, в 8 час. 40 мин. вечера, была получена телеграмма Непепина: "С огромным трудом удерживаю в повиновеніи флот и ввѣренныя войска... Всеподданнѣйше присоединяюсь к ходатайствам вел. кн. Н. Н. и главнокомандующих фронтами о немедленном принятіи рѣшенія, формулированнаго предсѣдателем Думы. Если рѣшеніе не будет принято в теченіе ближайших же часов, то это повлечет за собой катастрофу с неисчислимыми бѣдствіями для нашей родины".

Затѣм Рузскій обрисовал обстановку, указав, что выход один — отреченіе. "Но я не знаю, хочет ли этого вся Россія?" — сказал Государь, по словам другого мемуариста, непосредственнаго свидѣтеля происходившего, ген. Савича. "В. В., — возразил Рузскій, — заниматься сейчас анкетой обстановки не представляется возможным, но событія несутся с такой быстротой и так ухудшают положеніе, что всякое промедленіе грозит неисчислимыми бѣдствіями. Я Вас прошу выслушать мнѣніе моих помощников; они оба в высшей степени самостоя-

тельны и притом прямые люди". Наступила очередь для выступленія приглашенных экспертов... "Ген. Данилов. — рассказывал Рузскій Андр. Вл., — в длинной рѣчи изложил свое мнѣніе, которое сводилось к тому, что для общаго блага Россіи Государю необходимо отречься от престола. Примѣрно то же, но короче, сказал ген. Савич". Сам Данилов в воспоминаніях представляет свою рѣчь очень кратко. Что же касается Савича, то "генерал этот, — рассказывает сам Савич о себѣ, — страшно волновался. Приступ рыданій сдавил его горло". Чувствуя, что он "сейчас разрыдается", генерал только сказал: "Я человѣк прямой и поэтому вполнѣ присоединяюсь к тому, что сказал генерал Н.", т. е. Данилов [\[303\]](#). Наступило общее молчаніе, длившееся одну-двѣ минуты. Государь сказал: "Я рѣшился. Я отказываюсь от престола". Перекрестились генералы. Обращаясь к Рузскому, Государь сказал: "Благодарю Вас за доблестную и вѣрную службу" и поцѣловал его. Затѣм Государь ушел к себѣ в вагон".

Что побудило Царя к такому неожиданно скорому рѣшенію. "Весь вопрос об отреченіи, — записал Андр. Вл., — был рѣшен от 2 до 2 ч. 45 м. дня, т.

е. в / часа времени, тогда как вопрос об отвѣтственном министерствѣ накануне рѣшался от 9 час. до 12 / ночи". Можно ли это объяснить только мистикой Николая II, считавшаго лично себя в правѣ отречься от престола, но не в правѣ ограничивать предѣлы полномочій царской власти? (объясненіе Гурко). Центр тяжести, думается, надо перенести в иную плоскость. Очевидно, на монарха произвело сильное впечатлѣніе коллективное выступленіе главнокомандующих. В. кн. Александр Мих. рассказывает, что позже, в Могилевѣ, Царь ему показывал пачку телеграмм, полученных от главнокомандующих, и когда он нашел телеграмму, подписанную Ник. Ник., — впервые голос его дрогнул: "Даже он", — сказал Никки",..

По словам Рузскаго, Царь вышел для того, чтобы написать телеграмму об отреченіи. Ровно в 3 часа Государь вернулся и передал двѣ телеграммы: одну в Петербург на имя предсѣдателя Думы, другую наштоверху в Ставку: "Нѣтъ той жертвы, которую Я не принес бы во имя дѣйствительнаго блага и для спасенія родимой матушки Россіи. Посему Я готов отречься от Престола в пользу Моего Сына с тѣм, чтобы Он оставался при Мнѣ до совершен-

нолѣтія, при регентствѣ брата Моего Михаила Александровича", — гласила телеграмма Родзянко. (По словам Савича, прибавка о регентствѣ была сдѣлана по указанно Рузскаго). "Во имя блага, спокойствія и спасенія горячо любимой Россіи Я готов отречься от Престола в пользу Моего Сына. Прошу всѣх служить Ему вѣрно и нелицемѣрно", — гласила телеграмма в Ставку. Телеграммы были помѣчены: "15 часов".

Не всѣ еще детали псковекаго дѣйствія можно выяснитъ, так, напр., в болѣе поздней телеграммѣ ген. Данилова в Ставку (6 час. веч.) говорится: "одно время возникло предположеніе у Государя поѣхать через Двинск в Ставку, но вскорѣ эта мысль была оставлена в виду второй бесѣды Е. В. с ген. Рузским, о которой я уже донес "наштоверху". В опубликованных матеріалах этого донесенія нѣт. Очевидно, мысль о поѣздкѣ в Ставку была оставлена послѣ принятаго рѣшенія об отреченіи.

2. Свитская интрига.

В момент, когда заканчивался первый акт псковскаго дѣйствія, пришло сообщеніе из Петер-

бурга о предстоящем прїѣздѣ в Псков с экстренным поѣздом Гучкова и Шульгина. "Я предложил Государю, — говорил Рузскій Андр. Вл., — лично сперва с ними переговорить, дабы выяснить, почему они ѣдут, с какими намѣреніями и полномочіями". Таким образом, было рѣшено телеграммы не посылать до прїѣзда думских делегатов, при чем, по утверждение Вильчковскаго, телеграмму в Ставку Царь взял обратно из рук. Рузскаго. "Не прошло и / У часа послѣ моего ухода, — продолжая Рузскій по той же записи разговора, — как ко мнѣ пришел один из флигель-адъютантов и попросил вернуть Государю телеграмму. Я отвѣтил, что принесу лично и пошел в царскій поѣзд и застал Государя и гр. Фредерикса. Я чувствовал, что Государь мнѣ не довѣряет и хочет вернуть телеграмму обратно, почему прямо заявил: "В. В. я чувствую, Вы мнѣ не довѣряете, но позвольте послѣднюю службу все же сослужить и переговорить до Вас с Гучковым и Шульгиным и выяснить общее положеніе". На это Государь сказал: "Хорошо, пусть останется, как было рѣшено"... Я вернулся к себѣ в вагон с телеграммой в карманѣ и еще раз предупредил коменданта, чтобы, как только прїѣдут Гучков и Шульгин, вести их прямо ко мнѣ в вагон". "Мнѣ

хотѣлось узнать от них, —добавлял Рузскій, — в чем дѣло, и, если они вправду пріѣхали с цѣлью просить Государя об отреченіи, то сказать им, что это уже сдѣлано. Хотѣлось мнѣ спасти, насколько возможно, престиж Государя, чтобы не показалось им, что под давленіем с их стороны Государь согласился на отреченіе, а принял его добровольно и до их пріѣзда. Я это сказал Государю и просил разрѣшенія сперва их повидать, на что получил согласие". Болдырев записал 2-го со слов Данилова, что "Государь был особенно непріятно поражен, что это рѣшеніе (об отреченіи) придется выполнить в присутствіи, а, может быть, и под давленіем ненавистнаго ему А. И. Гучкова"[\[204\]](#). Вильчковскій в соотвѣтствіи со своей тенденціей приписывает Рузскому намѣреніе убѣдить, при личном свиданіи, делегатов в ненужности отреченія. Почему Рузскому надо было оставлять при таких условіях телеграмму? Рузскій, по противоположному мнѣнію Щеголева, "не хотѣл выпустить из своих рук козыря" и, желая "упредить Царя", намѣревался первым встрѣтить делегатов. Не проще ли повѣрить, мотивам Рузскаго в изложеніи Андр. Вл.: он хотѣл показать делегатам, что вопрос об отреченіи уже рѣшен помимо их вмѣшатель-

ства.

Среди царскаго окруженія родилась мысль попытаться аннулировать принятое рѣшеніе. Что такая мысль дѣйствительно была, видно из записей, довольно противорѣчивых, дѣйствовавших лиц. Наибольшее значеніе, естественно, может имѣть современная запись Дубенскаго, помѣченная 4 час. 45 мин.: "Сейчас узнал в поѣздѣ Государя, что событія идут все страннѣе и неожиданнѣе... Государь, дабы не дѣлать отказа от престола под давленіем Гучкова и Шульгина, неожиданно послал отвѣт телеграммой с согласіем отказаться от престола. Когда Воейков узнал это от Фредерикса, пославшаго эту телеграмму, он попросил у Государя разрѣшеніе вернуть эту телеграмму. Государь согласился. Воейков быстро вошел в вагон свиты и заявил Нарышкину (нач. воен. поход, канц.), чтобы он побѣжал скорѣе на телеграф и пріостановил телеграмму. Нарышкин пошел на телеграф, но телеграмма ушла, и нач. тел. сказал, что он попытается ее остановить. Когда Нарышкин вернулся и сообщил это, то всѣ, стоящіе здѣсь, Мордвинов, Штакельберг и я, почти в один голос сказали: "все кончено". Затѣм выражали сожалѣніе, что Госу-

даръ так поспѣшил, всѣ были разстроены, насколько могут быть разстроены эти пустые, эгоистичные в большинствѣ люди". В дальнейшем исторіограф записал: "Оказалось, что телеграммы Рузскій не успѣл передать, она задержана до пріѣзда Гучкова и Шульгина. Долго разговаривали всѣ, и Воейков, до моего настоянію, пошел и сказал Государю, что он не имѣет права отказываться от престола только по желанно Временнаго Правительства и командующих фронтами... Я доказывал, что отреченіе вызовет междоусобицу, погубит войну и затѣм Россію". Дальнѣйших записей Дубенскаго мы пока не знаем. В Чр. Сд. Ком. Дубенскій, комментируя свои записи, сказал: "всѣ эти соображенія были совершенно не признаны Государем-Императором... Насколько мнѣ извѣстно, он к этому отнесся довольно спокойно: "Раз этого желают, раз командующіе арміями написали, пріѣхали представители, значит, воля Божья".

Воспоминанія фл.-ад. Мордвинова дают как бы продолженіе прерванных для нас записей Дубенскаго. Они нѣсколько по иному изображают свитскую интригу. Узнав от Фредерикса об отреченіи и о телеграммах, переданных Рузскому, и боясь, что

Рускій поспѣшит их отправить, между тѣм как прїѣзд думских уполномоченных может измѣнить положеніе ("может Шульгин и Гучков... сумѣют отговорить и иначе повернуть дѣло... Вѣдь мы не знаем, что им поручено, и что дѣлается там у них"), чины свиты ("мы всѣ") убѣдили министра Двора пойти к Государю и добиться приказа "взять телеграммы от Русскаго". Фредерикс пошел и через нѣсколько минут вернулся с соотвѣтствующим распоряженіем. Тогда к Русскому был послан Нарышкин, вернувшійся, однако, с пустыми руками". Свиту рѣшеніе Русскаго о предварительном свиданіи с думскими уполномоченными "взволновало... необычайно": "в желаніи Русскаго настоять на отреченіи и не выпускать этого дѣла из своих рук не было уже сомнѣній", "Мы вновь пошли к Фредериксу просить настоять перед Е. В. о возвращеніи этих телеграмм, а проф. Федоров, по собственной инициативѣ, направился к Государю. Было около четырех часов дня, когда С. П. вернулся обратно в свое купэ, гдѣ большинство из нас его ожидало. Он нам сказал, что вышла перемѣна, и что все равно прежних телеграмм теперь нельзя послать: "я во время разговора о поразившем всѣх событіи, — пояснил он, — спросил Государя: "Раз-

въ В. В. Вы полагаете, что Алексѣй Ник. оставят при Вас послѣ отреченія?" — "А отчего же нѣтъ?" — с нѣкоторым удивленіем спросил Государь: "Он еще ребенок и естественно должен оставаться в своей семьѣ, пока не станет взрослым. До тѣх пор будет регентом Михаил Александрович". "Нѣтъ, В. В., — отвѣтил Федоров, — это вряд ли будет возможно и по всему видно, что надѣяться на это Вам совершенно нельзя" [205]. Государь, по словам Федорова, немного задумался и спросил: "Скажите, С. П., откровенно, как Вы находите, дѣйствительно ли болѣзнь Алексѣя такая неизлѣчимая?" — "В. В., наука нам говорит, что эта болѣзнь неизлѣчима, но многіе доживают при ней до значительнаго возраста, хотя здоровье Ал. Ник. и будет всегда зависѣть от всяких случайностей" [206]. "Когда так, — как бы про себя сказал Государь, — то я не могу разстаться с Алексѣем. Это было бы уже сверх моих сил... к тому же, раз его здоровье не позволяет, то я буду имѣть право оставить его при себѣ"... Кажется, на этих словах рассказа, потому что других я не запомнил, вошел... гр. Фредерикс, сходявшій во время нашего разговора к Государю, и сообщил, что Е. В. приказал потребовать от Рузскаго задержанныя им обѣ телеграммы, не упоминая

ему, для какой именно это цѣли. Нарышкин отправился вновь и на этот раз принес их обратно".

Исторія с телеграммами остается неясной. Итоги Мордвинов знал, в концѣ концов, из вторых рук. Он сам признается: "Нас по обычаю продолжали держать в полной неизвѣстности и, вѣроятно, по привычкѣ же даже и на этот раз забыли о нашем существованіи". Мордвинов ошибся, — телеграммы не были возвращены. О вторичной попыткѣ получить назад телеграмму об отреченіи упоминал и сам Рузскій в бесѣдѣ с Андр. Вл. [207]. По словам Рузскаго, это было уже в момент, когда приближался поѣзд с думскими уполномоченными. Уступил Царь настойчивым обращеніям окружающей свиты? Возможно, что у него в послѣднюю минуту блеснула надежда на нѣкоторый просвѣт. В 6 ч. 55 м. Царю была передана та телеграмма Родзянко от имени Временнаго Комитета, в которой говорилось о конструированіи совѣта министров под предсѣдательством Львова, о подчиненіи войск новому Правительству и о необходимости для установленія полного порядка командировать в Петербург ген. Корнилова. Мы видѣли, что даже Алексѣев в Ставкѣ из этой телеграммы

дѣлал вывод о перемѣнѣ настроеній в Петербургѣ и, слѣдовательно, возможности измѣненія в вопросѣ об отреченіи. Так, повидимому, представлялось одно время и Рузскому. Ген. Данилов вспоминает, что Рузскій ему говорил (при вечернем свиданіи), что он посовѣтовал Государю задержать отправку телеграмм до бесѣды с ожидавшимися делегатами, приняв в соображеніе, что ѣдет Шульгин, "слывшій всегда убѣжденным и лойяльным монархистом"[\[208\]](#), — "не повернулись ли дѣла в столицѣ таким образом, что отреченіе Государя явится ненужным, и страна окажется удовлетворенной созданием отвѣтственнаго министерства". Но все-таки наиболѣе естественно предположить, что именно около 7 час. вечера, когда ожидался делегатскій поѣзд, Царь пожелал имѣть телеграмму об отреченіи, так как под вліяніем разговора с лейб-медиком Федоровым рѣшил измѣнить форму отреченія и отречься за сына в пользу брата. По нѣкоторой своей скрытности он ничего не сообщил Рузскому о мотивах, оставляя того в невѣдѣніи о причинах колебаній, которыя Рузскій замѣчал в "царском поѣздѣ". Такое объясненіе и дает ген. Данилов.

Совершенно естественно, что источник свитских закулисных дѣйствій Рузскій видѣл в дворцовом комендантѣ, хотя по утверждениі Дубенскаго (в воспоминаніях) у Царя послѣдній "едва ли имѣл в эти тревожные часы значеніе прежде всего потому, что Е. В., по моему личному мнѣнію, никогда не считал Воейкова за человѣка широкаго государственнаго ума и не интересовался его совѣтами и указаніями". Возвращаясь от Царя послѣ перваго посѣщенія Нарышкина, — рассказывал Рузскій Андр. Вл., — он зашел к Воейкову и тут "у меня произошел довольно крупный разговор, даже не разговор, а я просто наговорил кучу истин, примѣрно такого содержанія "Я почти ничѣм не обязан Государю, но вы [209]ему обязаны во всем и только ему, и вы должны были знать, ...что творилось в Россіи, а теперь на вас ляжет тяжелая отвѣтственность перед Родиной, что вы допустили событія притти к такому роковому концу. Он так на меня и вытаращил глаза, не ничего не отвѣтил"...

Так шли часы в императорском поѣздѣ в ожиданіи приѣзда думских уполномоченных. "По наружности" было, "как всегда", — вспоминает Мордвинов. Этикет соблюдался. За пятичасовым

чаем "ни одного слова, ни одного намека на то, что всѣх нас мучило, не было". Говорили о "пустяках" и думали: "когда же, наконец, кончится это сидѣніе за чаем", Послѣ чая "опять всѣ вмѣстѣ в купѣ адм. Нилова", — "все еще" озабоченные "попытками перемѣнить роковое рѣшеніе". "Телеграмму об отреченіи удалось задержать и все еще может повернуться в другую сторону" в зависимости от переговоров с думскими делегатами. "Надо, во что бы то ни стало, не допустить их до предварительнаго свиданія с Рузским, а сейчас же, как пріѣдут, провести к Государю!" "Воейков, по приказанію гр. Фредерикса, поручил это мнѣ, как дежурному"...

V. Думскіе делегаты.

Поѣзд с уполномоченными Временнаго Комитета в Псковѣ ждали в 7 час. вечера; он прибыл в 9 часов. В промежуткѣ проходили обычные поѣзда. Вот поѣзд, идущій в Петербург. Мордвинов отмѣчает, что толпа, хотя я знала уже, что находится "вблизи Царя", "держала себя отнюдь не вызывающе"... О "всеобщей ненависти к династіи" тут не было и помина. Но вот поѣзд из Петербурга — первый "послѣ революціонных дней". Впереди

бѣжал какой-то полковник. Дубенскій спросил его о городских настроеніях: "теперь все хорошо, город успокаивается, и народ доволен". — "Что же говорят о Государѣ, о всей перемѣнѣ?" — допрашивал генерал. — "Да, о Государѣ почти ничего не говорят, надѣются, что временное правительство с новым царем Михаилом (вѣдь его хотят на царство) лучше справится"... Эта бытовая зарисовка сама по себѣ отвѣчала на опасеніе придворнаго исторіографа, что отреченіе должно неминуемо вызвать междоусобицу.

Мордвинов, как и хотѣл, перехватил делегатов и провел их, минуя Рузскаго, непосредственно в салон-вагон императорскаго поѣзда. Придворный журнал отмѣтил: "от 9 час. 45 м. веч. Е. В. принимали министра Имп. Двора гр. Фредерикса, ген.-ад. Рузскаго, члена Гос. Совѣта Гучкова, чл. Гос. Думы Шульгина и свиты ген.-майора Нарышкина". В дѣйствительности Рузскій опоздал и пришел в сопровожденіи Данилова уже тогда, когда Гучков излагал ход событій в Петербургѣ[210]. Всѣ присутствовавшіе, за исключеніем престарѣлаго гр. Фредерикса, рассказали обстановку, в которой произошло формальное отреченіе.

ченіе от престола царствовавшаго монарха. Ген. Нарышкин, в качествѣ нач. поход. канцеляріи, вел как бы официальную запись. Она сохранилась и была напечатана Сторожевым в 22-м году[211]. Трудно назвать то, что записывал Нарышкин в свою "записную книгу", протоколом, но всетаки будем исходить от этой официальной записи, оставляя в сторонѣ бытовья черты, зарисованныя мемуаристами, и лишь добавляя из воспоминаній нѣкоторые штрихи.

"Мы пріѣхали с членом Гос. Думы Шульгиным, чтобы доложить о том, что произошло за эти дни в Петроградѣ, и вмѣстѣ с тѣм посовѣтоваться[212] о тѣх мѣрах, которыя могли бы спасти положеніе", - начал Гучков. — "Положеніе в высшей степени угрожающее"... Это не есть результат какого-нибудь заговора или заранѣе обдуманнаго переворота, а это движеніе вырвалось из самой почвы... и сразу получило анархическій отпечаток, власти стушевались... Так как было страшно, что мятеж примет анархическій характер, мы образовали так называемый Временный Комитет Гос. Думы и начали принимать мѣры, пытаясь вернуть офицеров к командованію нижними чинами; я сам лично

объѣхал многія части и убѣждал нижних чинов сохранять спокойствіе, Кромѣ нас, засѣдает в Думѣ еще Комитет рабочей партіи, и мы находимся под его властью и его цензурою. Опасность в том, что, если Петроград попадет в руки анархіи, то нас, умѣренных, сметут, так как это движеніе начинает нас уже захлестывать.

Их лозунг: провозглашеніе социалистической республики[213]. Это движеніе захватывает низы и даже солдат, которым обѣщают отдать землю. Вторая опасность, что движеніе перекинется на фронт... Там такой же горючій матеріал, и пожар может перекинуться по всему фронту, так как нѣтъ ни одной воинской части, которая, попав в атмосферу движенія, тотчас же не заражалась бы...[214]. В народѣ глубокое сознание, что положеніе создалось ошибками власти и именно верховной власти, а потому нужен какой-нибудь акт, который подѣйствовал бы на сознание народное. Единственный путь — это передать бремя верховнаго правленія в другія руки. Можно спасти Россію, спасти монархическій принцип, спасти династію, если Вы, В. В., объявите, что передаете свою власть вашему маленькому сыну, если Вы

передадите регентство в. к. Михаилу Александровичу [215] и если *от вашего имени* (курсив мой) или от имени регента будет поручено образовать новое-правительство, тогда, может быть, будет спасена Россія. Я говорю "может быть", потому что событія идут так быстро, что в настоящее время Родзянко, меня и других умѣренных членов Думы крайніе элементы считают предателями; они, конечно, против этой комбинаціи, так как видят в этом возможность спасти наш исконный принцип. Вот В. В. только при этих условіях можно сдѣлать попытку водворить порядок... Прежде, чѣм на это рѣшиться, Вам, конечно, слѣдует хорошенько подумать, помолиться, но рѣшиться всетаки не позже завтрашняго дня, потому что уже завтра мы не будем в состояніи дать совѣт, если Вы его у нас спросите, так как можно опасаться агрессивных дѣйствій толпы".

По мнѣнію Шульгина, Гучков говорил "негладко и глухо", с трудом справляясь с волненіем. Наоборот, по характеристикѣ Данилова, "ровный, мягкій голос" Гучкова произносил "тихо, но отчетливо роковыя слова". Царь смотрѣл "прямо перед собой, спокойно, совершенно непроницаемо". Когда

Гучков говорил об отреченіи, Рузскій обратился к своему сосѣду, Шульгину, и сказал, что "Государь уже рѣшил этот вопрос" и "передал одновременно Царю извѣстную телеграмму. Рузскій думал, что Царь развернет телеграмму (она была сложена пополам) и прочтет ее". "Каково было мое удивленіе, — передавал Рузскій Андр. Влад., — когда Государь взяв телеграмму, спокойно сложил ее еще раз и спрятал в карман" [216], ни Гучков, ни Шульгин, к удивленію, всего этого не замѣтили. В газетах того времени — по крайней мѣрѣ в "Русск.Вѣд.", которыя лежат перед моими глазами, — очень скудно сообщены были подробности отреченіи, при чем свѣдѣнія проводили опредѣленную тенденцію. Рѣчь Гучкова в газетном изложеніи (1 марта) заканчивалась сообщеніем о распоряженіи правительства(?) вернуть войска, посланныя с фронта. Тогда Царь "тихо" спросил: "что же мнѣ дѣлать?" "Отречься от престола", — отвѣтил представитель новой временной правительственной власти. Царю в руки был дан для подписи заготовленный заранѣе акт отреченія, — заканчивало сообщеніе, — и Царь подписал его". В таком изложеніи добровольное согласіе Царя на отреченіе, данное, как мы знаем, даже до вѣсти о пріѣздѣ пе-

тербургских делегатов, совершенно стушевывалось. Для психологіи момента это было чрезвычайно важно и поясняет многое из того, что потом послѣдовало. Надо хорошо запомнить, эту черту. В дѣйствительности все происходило далеко не так, как описывала печать.

Вернемся к официальной записи. Вот дальнѣйшая выдержка из нея in extenso:

Его Величество: "Раньше вашего пріѣзда и послѣ разговора по прямому проводу ген. Рузскаго с председателем Гос. Думы я думал в течение утра и во имя блага, спокойствія и спасенія Россіи я был готов на отреченіе от престола в пользу своего сына, но теперь, еще раз обдумав положеніе, я пришел к заключенію, что в виду его болѣзненности мнѣ слѣдует отречься одновременно и за себя, и за него, так как разлучаться с ним я не могу" [217].

Член Гос. Сов. Гучков: "Мы учли, что облик маленькаго Ал. Ник. был бы смягчающим обстоятельством при передачѣ власти".

Ген. ад. Рузскій: "Его Величество безпокоится, что, если престол будет передан наслѣднику, то Е. В. будет с ним разлучен",

Чл. Гос. Думы Шульгин (не Гучков ли?): "Я не могу дать на это категорическаго отвѣта, так как мы ѣхали сюда, чтобы предложить то, что мы передали".

Эту слишком лаконическую запись, не совсѣм, быть может, отчетливую, необходимую пополнить. "Всѣ так были огорошены совершенно неожиданным рѣшеніем Государя", — записал Андр. Вл. со слов Рузскаго[218]. "Гучков и Шульгин переглянулись удивленно между собой, и Гучков отвѣтил, что такого рѣшенія они не ожидали и просили разрѣшенія обсудить вдвоем вопрос и перешли в сосѣднее столовое отдѣленіе". Комментируя слова Царя, Гучков в Чр. Сл. Ком. говорил: "Я лично ту комбинацію, на которой я, по порученію *нѣкоторых* членов (курсив мой) думскаго Комитета настаивал, находил болѣе удачной, потому что... эта комбинація малолѣтняго государя с регентом представляла для дальнѣйшаго развитія нашей политической жизни больше гарантій, но, настаивая на прежней комбинаціи, я прибавил, что, конечно, Государю не придется разсчитывать при этих условіях на то, чтобы сын остался при нем и при матери, потому что никто, конечно, не рѣшится

довѣрить судьбу и воспитаніе будущаго государя тѣм, кто довел страну до настоящаго положенія. Государь сказал, что он не может разстаться с сыном и передает престол своему брату". Со слов Рузскаго, Лукомскій передает, что Царь будто бы склонялся уже к комбинаціи отреченія в пользу сына [219], но колебаніям был положен конец словами Гучкова, что Государю придется уѣхать за границу, а сын должен будет остаться в Россіи при регентѣ.

По протоколу бесѣда продолжалась.

Его Величество: "Давая свое согласіе на отреченіе, я должен быть увѣренным, что вы подумали о том впечатлѣніи, какое оно произведет на всю остальную Россію".

Член Гос. Сов. Гучков: "Нѣт, В. В., опасность не здѣсь. Мы опасаемся, что, если объявят республику, тогда возникнет междоусобіе.

Чл. Гос. Думы Шульгин: "Позвольте мнѣ дать нѣкоторое поясненіе, в каком положеніи приходится работать Гос. Думѣ. 26-го (?) вошла толпа в Думу и вмѣстѣ с вооруженными солдатами заняла всю правую сторону, лѣвая сторона занята публи-

кой, а мы сохранили всего двѣ команты, гдѣ ютится так называемый Комитет. Сюда тащат всѣх арестованных, и еще счастье для них, что их сюда тащат, так как это избавляет их от самосуда толпы; нѣкоторых арестованных мы тотчас же освобождаем. Мы сохраняем символ управленія страной, и только благодаря этому еще нѣкоторый порядок, мог сохраниться, не прерывалось движеніе жел. дорог. Бог при каких условіях мы работаем; в Думѣ это сумасшедшій дом. Нам придется вступить в рѣшительный бой с лѣвыми элементами, а для этого нужна какая-нибудь почва... Относительно Вашего проекта, разрѣшите нам подумать хотя бы четверть часа. Этот проект имѣет то преимущество, что не будет мысли о разлученіи и, с другой стороны, если Ваш брат, в. кн. Мих. Ал., как полноправный монарх, присягнет конституціи одновременно с вступленіем на престол, то это будет обстоятельством, содѣйствующим успокоенію".

Чл. Гос. Думы Гучков: "У всѣх рабочих и солдат, принимавших участіе в беспорядках, увѣренность, что водвореніе старой власти это расправа с ними, а потому нужна полная перемѣна. Нужен на народное воображеніе такой удар хлыста, который

сразу перемѣнил бы все. Я нахожу, что тот акт, на который Вы рѣшились, должен сопровождаться и назначеніем предсѣдателя Совѣта министров кн. Львова".

Его Величество: "Я хотѣл бы имѣть гарантію, что вслѣдствіе моего ухода и по поводу его не было бы пролито еще лишней крови".

Чл. Г. Д. Шульгин: "Может быть, со стороны тѣх элементов, которые будут вести борьбу против новаго строя, и будут попытки, но их не слѣдует опасаться. Я знаю, напримѣр, хорошо город Кіев, который был всегда монархическим, теперь там полная перемѣна".

Его Величество: "А вы не думаете, что в казачьих областях возникнут безпорядки?"

Чл. Г. С. Гучков: "Нѣтъ, В. В., казаки всѣ на сторонѣ новаго строя".

Здѣсь я искусственно обрываю официальную запись, ибо, очевидно, наступил момент перерыва, котораго требовали делегаты[220]. Вновь запись Андр. Вл. наиболѣе отчетливо рисует картину. "Вскорѣ я пошел к Гучкову и Шульгину, — рассказывает Рузскій, — и спросил их, к какому они при-

шли рѣшенію. Шульгин отвѣтил, что они рѣшительно не знают, как поступить. На мой вопрос, как по основным законам: может ли отречься за сына, они оба не знали. Я им замѣтил, как это они ѣдут по такому важному государственному вопросу и не захватили с собой ни тома основных законов, ни даже юриста. Шульгин отвѣтил, что они вовсе не ожидали такого рѣшенія. Потолковав немного, Гучков рѣшил, что формула Государя приемлема, что теперь безразлично, имѣл ли Государь право или нѣт. С этим они вернулись к Государю". Данилов говорит, что новая комбинація власти смутила и его. Он обратил во время перерыва вниманіе Гучкова на то, что такое рѣшеніе может вызвать в будущем тяжелый послѣдствія[221]. "Не думаю", — отвѣтил ему Гучков и направил его к Шульгину, который де является "спеціалистом по такого рода государственно-юридическим вопросам". Шульгину вопрос: "Алексѣй или Михаил? перед основным фактом отреченія казался "частностью"[222].

"Оставалось только подчиниться", — объяснял 2-го августа Гучков. "В. В., — сказал Гучков по официальной записи, — у Вас заговорило че-

ловѣческое чувство отца, и политику тут не мѣсто, так что мы ничего против Вашего предложенія возразить не можем". "Хотите еще подумать?" — спросил Царь. — "Нѣтъ, я думаю, что мы можем сразу принять Ваше предложеніе", Гучков, по его словам, настоял на том, чтобы немедленно был составлен акт отреченія, так как он останется в Псковѣ час или полтора и должен уѣхать, имѣя акт отреченія в руках. Царю был предложен в "качествѣ матеріала" проект, составленный наканунѣ и привезенный в Псков. "Е. В., отвѣтив, что проект уже составлен, удалился к себѣ, — гласит офиціальная запись, — гдѣ собственноручно исправил заготовленный с утра манифест об отреченіи в том смыслѣ, что престол передается в. кн. Мих. Александровичу... Е. В. подписал манифест и, войдя в вагон-салон, в 11 ч. 40 м. передал его Гучкову". Гучков прочел манифест. "Текст был написан тѣми удивительными словами, которыя теперь всѣ знают", — вспоминает Шульгин. "Каким жалким показался мнѣ набросок, который мы привезли... Государь принес и его и положил его на стол... К тексту отреченія нечего было прибавить... Во всем этом ужасѣ на мгновеніе пробился один свѣтлый луч... Я вдруг почувствовал, что с этой

минуты жизнь Государя в безопасности... Половина шипов, вонзившихся в сердце Его подданных, вырвалась этим лоскутком бумаги... Так благородны были эти прощальныя слова... И так почувствовалось, что Он так же, как и мы, а, может быть, гораздо больше любит Россію".

Очевидно, манифест был прекрасен, если производил такое впечатлѣніе на слушателей, но только к основному его тексту не приложилась рука монарха. Текст манифеста был составлен в Ставкѣ, по порученію Алексѣева, камергером Базили при непосредственном участіи самого начальника штаба и Лукомскаго[223] и был послан Царю в 7 ч. 40 м. на случай, если Царь "соизволит принять рѣшеніе". Исторія нѣсколько подшутила над мемуаристом, слишком нарочито и неумѣренно выставлявшим свои монархическія чувствованія[224].

"Депутаты попросили вставить фразу о присягѣ конституціи новаго императора (продолжает официальная запись), что тут же был сдѣлано Е. В.[225]. Одновременно были собственноручно написаны Е. В. указы Прав. Сенату о назначеніи предсѣдателем Совѣта министров кн. Льво-

ва[226]и верховным главнокомандующим вел. кн. Ник. Ник.[227]. Чтобы не казалось, что акт совершен под давлением прїѣхавших депутатов и так как самое рѣшеніе об отреченіи от престола было принято Е. В. еще днем, то по совѣту депутатов на манифестъ было поставлено при подписи 3 часа дня, а на указах Прав. Сенату 2 часа[228]. В заключеніе член Думы Шульгин спросил Е. В. об его дальнѣйших планах. Е. В. отвѣтил, что собирается поѣхать на нѣсколько дней в Ставку, может быть, в Кіев, чтобы проститься с Государыней Императрицей Мар. Фед., а затѣм останется в Царском Селѣ до выздоровленія дѣтей. Депутаты заявили, что они *приложат всѣ усилія*, чтобы облегчить Е. В. выполнение его дальнѣйших намѣреній". Гучков утверждал, что он ничего не отвѣтил на вопрос Николая II: ѣхать ли ему в Царское, или оставаться в Ставкѣ, ибо он "не знал, что в этом случаѣ по-совѣтовать"...

Еще днем 2-го нѣсколько упрощенно мыслившій исторіограф занес в дневник: "Славный, безвольный, но хорошій и чистый человѣк, а погиб из-за Императрицы, ея безумнаго увлеченія Григоріем, — Россія не могла простить этого, создава-

ла протест, превратившійся в революцію". Как ни реален был "распутинскій миф", не он, конечно, рѣшил вопрос. Гучков был "поражен" тѣм, что его предложеніе отречься не встрѣтило "никакого сопротивленія". "Повидимому", у Царя "никакого внутренняго сопротивленія не было", — утверждал Гучков в засѣданіи 2 августа. Вся сцена отреченія произвела на него "очень тяжелое впечатлѣніе". "Такой важности акт в исторіи Россіи", — "крушеніе трехсотлѣтней династіи". "И все это прошло в такой простой, обыкновенной формѣ, и я сказал бы, настолько без глубокаго трагическаго пониманія всего событія со стороны того лица, которое являлось главным дѣятелем на этой сценѣ, что мнѣ прямо пришло в голову, да имѣем ли мы дѣло с нормальным человѣком... Человѣк этот просто до послѣдняго момента не отдавал себѣ полнаго отчета в положеніи, в том актѣ, который он совершал. Все таки при самом желѣзном характерѣ, при самообладаніи, которому равнаго нельзя найти, что-нибудь в человѣкѣ дрогнуло, зашевелилось, вы почувствовали бы тяжелое переживаніе. Но ничего этого не было... Повидимому, человѣк с пониженной сознательностью, я сказал бы — с пониженной чувствительностью" ...

Признать, что Гучков, как считал Щеголев дал "совершенно правильную разгадку рѣжущей глаза выдержки" Царя нельзя. В видѣ иллюстраціи (с наивной как бы просьбой в журнал не записывать) Гучков приводил отзыв одного из великих князей, котораго он видѣл через нѣсколько дней послѣ отреченія: "Господи, Господи, что за человек! Я видѣл Государя послѣ отреченія, и вы знаете, что он мнѣ сказал: "Ну что, как у тебя там-то?" и назвал имѣніе, гдѣ в. кн. всегда жил. Это один из очень старых людей, перед которым не приходилось комедіи играть. Мы могли подумать, что перед нами это была комедія, что он взял всю свою твердость и мужество в руки, чтобы не показаться ослабѣвшим, но это человек свой..., перед которым не надо было прикидываться!" И нѣкій великій князь, информировавший Гучкова, и сам Гучков проявили себя плохими психологами. Гучкову мѣшало понять переживанія момента и увидѣть нѣчто обычное, человеческое в этих переживаніях личное враждебное отношеніе к отречшемуся монарху.

Поражает в допросѣ Гучкова утвержденеіе, что ему совершенно неизвѣстна была обстановка,

предшествовавшая акту отреченія 2-го. Не только неизвѣстна была в момент самих переговоров, но и тогда, когда Гучков давал свои показанія в Чр. Сл. Комиссіи. "Мнѣ казалось, — говорил там Гучков, — из разговоров, которые я имѣл потом с Рузским, что даже самыя крайнія рѣшенія, которыя принимались и потом отмѣнялись, не шли дальше обновленія состава правительственной власти". Гучков категорически заявлял, что Рузскій не знал (!) о дневной телеграммѣ с отреченіем. "Когда вы предложили акт отреченія, вам Государь не сказал, что у него есть уж свой, уже заготовленный акт", — задал Гучкову вопрос предсѣдатель комиссіи. "Нѣтъ", — отвѣтил Гучков. Если бы в обстановкѣ 2-го марта Гучков ничего не замѣтил, это можно было бы объяснить и волненіем, о котором говорит Шульгин, и утомленіем от предшествовавших дней и, наконец, сосредоточенностью мысли на выполненіи возложенной на него отвѣтственной миссіи или выработаннаго им плана [\[229\]](#).

Из царскаго поѣзда делегаты перешли в вагон главнокомандующаго, гдѣ Рузскій рассказывал, как подготовлялась псковская драма, и как послѣдовательно происходили всѣ ея этапы. Позднѣе всѣ га-

зеты обошел рассказ Шульгина, как происходило отречение, и в этом рассказѣ, воспроизводившем стенограмму доклада Шульгина во Временном Комитетѣ, была затронута и предварительная стадія отреченія, объяснявшая, почему манифест был помѣчен дневным временем. Тогда это указаніе прошло почти незамѣченным, тѣм болѣе, что в первых публикаціях манифест был помѣчен 12 часами ночи (с прибавкой в объясненіи: послѣ пріѣзда депутатов), что и запечатлѣлось в общественном сознаніи. Но как могла остаться Гучкову неизвѣстной предварительная стадія отреченія через пять мѣсяцев, совершенно непонятно. Допустим, что Гучкову в то время хотѣлось, быть может, бессознательно, с одной стороны, остаться инициатором попытки спасенія династіи и трона, а с другой стороны — акта, который безболѣзненно завершал в переходное время революціонную смуту[230]. Он яри этом совершенно забывал, давая характеристику психологіи имп. Николая II, что в часы переговоров с думскими делегатами 2-го в сознаніи монарха даже не мог встать вопрос о крушеніи династіи, — был личный вопрос, к разрѣшенію котораго в отрицательном смыслѣ для себя Николай II послѣ долгих колебаній и возмож-

но мучительных переживаній был достаточно подготовлен... "Сердце царево в руках Божіих", — написал Царь Столыпину еще в 1906 г. И Царь внѣшне примирился с личной катастрофой для себя. Здѣсь больше всего сказала, повидимому, та мистическая покорность судьбѣ, в которой нѣкоторые, пытавшіеся разгадать "сфинкса" на престолѣ, видят "сущность" характера погибшаго ужасной смертью Императора. Как свидѣтельству-ет запись царскаго дневника 2 марта, ея автор внутренне не примирился с тѣм, что произошло. Краткое описаніе дня он закончил словами: "В час ночи уѣхал из Пскова с тяжелым чувством пережитаго. Кругом измѣна, трусость и обман"[\[231\]](#). "Отчаяніе проходит", — писал отрекшійся Император женѣ 4-го марта.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. ТВОРИМЫЯ ЛЕГЕНДЫ

І.Колебанія Царя.

В имѣющей исторической литературѣ в связи с актом отреченія 2-го марта ими. Николая II создались уже двѣ легенды — одна противорѣчащая другой.

Виновником происхожденія одной явился ген. А. И, Деникин, который в "Очерках русской смуты" сообщил о фактѣ имѣвшемся яко бы мѣсто на другой день послѣ отреченія. "Поздно ночью, — писал Деникин в книгѣ, вышедшей в 1921 г., — поѣзд уносил отрекшагося императора в Могилев... Никогда никто не узнает, какія чувства боролись в душѣ Николая II — отца, монарха и просто человѣка — когда в Могилевѣ, при свиданіи с Алексѣевым, он, глядя на него усталыми, ласковыми глазами, как-то нерѣшительно сказал: "Я передумал, прошу вас послать эту телеграмму в Петроград". На листѣ бумаги отчетливым почерком Государь писал о своем согласіи на вступленіе на престол сына своего Алексѣя... Алексѣев унес телеграмму и... не послал. Было слишком

поздно: странѣ и арміи объявили уж два манифеста. Телеграмму эту, "чтобы не смущать умы", никому не показывал, держа в своем бумажникѣ и передал мнѣ в концѣ мая, оставляя верховное командованіе. Этот интересный для будущих біографов Николая II документ хранился затѣм в секретном пакетѣ в генерал-квартирмейстерской части Ставки".

Таким образом осуществилось как бы предчувствіе ген, Болдырева, занесенное им в дневник: "какая-то непрочность чувствовалась в этом документѣ, когда я нес его для передачи по аппарату" дѣло шло о манифестѣ с отреченіем в пользу Михаила.

Как ни мало вѣроятен был подобный факт, сообщеніе авторитетнаго мемуариста без критики и анализа воспринималось в позднѣйших работах, претендовавших на характер исторических изслѣдованій, хотя к этому времени уже был опубликован матеріал, который заставлял по меньшей мѣрѣ с нѣкоторой осторожностью относиться к факту, переданному в воспоминаніях Деникина. Так произвел это сообщеніе в 1931 г. Троцкій в книгѣ "Исторія русской революціи"; за ним повторил в

1934 г. и Чернов в "Рожденіи революціонной Россіи".

Желая уяснить себѣ обстановку, в которой могла родиться легенда о том, что Царь в течение третьяго марта (он прибыл в Ставку в 9 ч. веч.) перерѣшил вопрос, заверченный наканунѣ в 12 час. ночи, я обратился непосредственно к автору воспоминаній, указав ему на мотивы, которые заставляют сомнѣваться в возможности такого факта. Ген. Деникин отвѣтил формально: "эпизод с телеграммой имп. Николая II изображен мною совершенно точно со слов покойнаго ген. Алексѣева. І т. "Очерков", гдѣ об этом говорится, вышел при жизни ген. Юзефовича, бывш. ген.-кварт. Ставки, которому я в свое время сдал этот документ"... Мог бы разъяснить Базили, который, по порученію ген. Алексѣева, выѣзжал на встрѣчу Царя и вмѣстѣ с ним прибыл в Могилев. Вот что отвѣтил на мой вопрос Базили: ..."Сообщаемое Деникиным должно быть основано на недоразумѣніи. Я сам бесѣдовал тогда по этому поводу с Царем, выразил ему всю скорбь, которую вызвало у нас его рѣшеніе устранить сына... Может быть, Царь высказал Алексѣеву сожалѣніе, что не внял его совѣту от-

речься в пользу Ал. Ник." [\[232\]](#).

Совершенно очевидно, что ни утром, ни днем 3-го Царь не думал перерѣшать того, что установлено было в Псковѣ. В 2 часа 56 мин. им была послана со ст. Сусанино в Петербург телеграмма новому государю. Она была адресована "Его Императорскому Величеству" и гласила: "Событія послѣдних дней вынудили меня рѣшиться безповоротно на этот крайній шаг. Прости меня, если им огорчил тебя и что не успѣл предупредить... Горячо молю Бога помочь тебѣ и нашей Родинѣ" [\[233\]](#)... Но допустим на момент психологически невѣроятное: Царь, дѣйствительно, передумал к моменту пріѣзда в Могилев и вручил Алексѣеву ту телеграмму, которую начальник Штаба не послал "было слишком поздно". Что это? — мотив ген. Алексѣева или соображенія ген. Деникина? Ни арміи, ни странѣ еще ничего не было объявлено. Опубликованіе манифеста было задержано, и манифест появился в газетах на другой день одновременно с отреченіем в. кн. Мнх. Ал. Задержку в освѣдомленіи фронта о положеніи дѣл Алексѣев считал столь пагубной, что, получив ранним утром сообщеніе о том, что в Петербургѣ обста-

новка измѣнилась, и что кандидатура Мих. Ал. признается неприемлемой, он намѣревался потребовать от председателя Думы осуществления манифеста 2-го марта и выступил с инициативой созыва в ближайшія дни совѣщанія главнокомандующих в Могилевѣ для "установленія единства во всѣх случаях и всякой обстановкѣ". В 2 часа Алексѣев о своем предположеніи доложил в. кн. Ник. Ник. и вмѣстѣ с тѣм освѣдомил о том же всѣх главнокомандующих. Алексѣеву положеніе представлялось настолько острым, что позже, уже получив извѣстіе об отреченіи в. кн. Мих. Ал. и разговаривая по прямому проводу в 6 час. веч. с военным министром Гучковым, он высказал опасеніе, что манифест об отреченіи Мих. Алек. может повести к нежелательным осложненіям: "трудно предусмотрѣть, как примет стоящая в окопах масса манифест 3-го марта. Развѣ не может она признать его вынужденным со стороны?" Около этого времени Алексѣев имѣл телеграмму с Кавказа от Ник. Ник. по поводу регентства Мих. Ал., в которой выражается увѣренность, что манифест о передачѣ престола Мих. Ал... "неминуемо вызовет рѣзню". Среди отвѣтов, полученных на дневную телеграмму главнокомандующим, один отвѣт как

бы предуказывал возможный выход из тупика. Командующій 10-й арміей Горбатовскій [234] предлагал измѣнить вторую половину манифеста, которая "не приведет к успокоенію страны"; он считал бы "наилучшим" переход престола к наслѣднику, "к которому армія и народ присягали" на назначеніе "временно" регентом в. кн. Ник. Ник., как "болѣе популярнаго среди войск и народа". "Новый манифест в таком видѣ, отмѣняющій ранѣе изданный, явился бы спасительным для родины, арміи и народа", — заключал Горбатовскій.

Трудно предположить, что в такой обстановкѣ Алексѣев мог просто скрыть новое рѣшеніе Николая II для того только, чтобы "не смущать умы". Правда, он узнал от Гучкова, что "обнародованіе обоих манифестов произойдет в теченіе предстоящей ночи", но не так в Ставкѣ хорошо были освѣдомлены о настроеніях в Петербургѣ, чтобы признать иллюзорными предшествовавшія слова Родзянко: "с регентством великаго князя и воцареніем наслѣдника, быть может, помирились бы".

Всякая субъективная интерпретація не может считаться вполне убѣдительною. Но в данном случаѣ она находит совершенно идентичное толко-

ваніе в документѣ, который в копіи воспроизведен в приложеніи к воспоминаніям полк. Пронина. Копія эта была засвидѣтельствована еще 2 августа 1917 г. самим Прониным — по какому случаю была сдѣлана эта копія, автор воспоминаній не говорит. Вот ея подлинный текст: "Копія телеграммы на имя Предсѣдателя Гос. Думы, собственноручно написанной Государем Императором Николаем II днем 2 марта, по извѣстной причинѣ не отправленной по назначенію и переданной ген. Алексѣеву. "Предсѣдателю Гос. Думы. Петроград: "Нѣтъ такой жертвы, которую Я не принес бы во имя дѣйствительнаго блага и для спасенія Матушки Россіи. Посему я готов отречься от престола в пользу моего сына с тѣм, чтобы (он) остался при нас до совершеннолѣтія при регентствѣ брата моего Вел. Кн. Михаила Александровича, Николай..." Проект телеграммы относится, повидимому, к періоду 3-4 часа 2 марта 1917 г. Написан в Псковѣ. передан ген. Алексѣеву 3 марта вечером в Могилевъ. (Курсив мой. — С, М.). Ген. Алексѣев. С подлинным вѣрно: ген. шт. подпол к. Пронин. 2 авт. 1917, 16 ч. 48 м. Могилев". Это — та, именно, телеграмма, которую Рузскій вернул Царю вечером 2-го в момент, когда Гучков заканчивал свою

рѣчь. Ее-то и передал Николай II в Могилевѣ Алексѣву.

Наконец, прямым опроверженіем легенды служит запись в дневникѣ самого Царя — она сдѣлана была по обыкновенію вечером 3 марта: "Говорил со своими о вчерашнем днѣ... В 8 ч. 20 м. прибыл в Могилев, в 9 час. с половиной переѣхал в дом. Алексѣв пришел с послѣдними извѣстіями от Родзянко. Оказывается Миша отрекся. Его манифест кончается четыреххвосткой для выборов через 6 мѣс. в У. С. Бог знает, кто надоумил его подписать такую гадость. В Петербургѣ безпорядки прекратились — лишь бы так продолжалось дальше". К области досужей фантазіи надо отнести предположенія военнаго историка Керсановскаго, что Царь взял назад псковское отреченіе, узнав об отказѣ брата. Легенда, воспринятая и эмигрантской литературой, разсѣивается, как дым.

II. «Послѣдніе совѣты Царицы».

Источником другой легенды явился П. Н. Миллюков. Я называю Миллюкова только потому, что на его "Исторію" в этом случаѣ ссылаются, и что он явился как бы обоснователем легенды. В дѣйстви-

тельности, начало легенды положили воспоминанія сыгравшаго активную роль в первые дни революціи чл. Гос. Думы Бубликова (они появились в Нью-Йоркѣ в 1918 г., первый том Милюкова в 1921 г.). В них можно найти такой "анализ" акта отреченія: "одной из основных черт характера семьи Романовых является их лукавство. Этим лукавством проникнут и весь акт отреченія. Во-первых, он составлен не по формѣ: не в видѣ манифеста, а в видѣ депеши Нач. Штаба в Ставку. При случаѣ это кассационный повод[235]. Во-вторых, в прямое нарушеніе основных законов Имперіи Россійской он содержит в себѣ не только отреченіе Императора за себя, на что он, конечно, имѣл право, но и за наслѣдника, на что он опредѣленно никаких прав не имѣл. Цѣль этого беззаконія очень проста. Права наслѣдника этим нисколько по существу не подрывались, ибо по бездѣтному и состоящему в морганатическом бракѣ Михаилу, в пользу котораго отрекся Николай, все равно автоматически имѣл вступить на престол Алексѣй. Но зато на время беспорядков с него как бы снимался всякій одіум, как с отрекшагося от своих прав". Послѣдній тезис из произвольныхъ разсужденій бывшаго думскаго депутата и заимствовал исто-

рик, придав ему болѣе осторожную и нѣсколько расплывчатую формулировку. В "Исторіи революціи" Милюков написал: "Ссылка на отцовскія чувства закрыла уста делегатам [236], хотя позволено думать, что в рѣшеніи царя была и извѣстная политическая задняя мысль. Николай II не хотѣл рисковать сыном, предпочитая рисковать братом и Россіей в ожиданіи неизвѣстнаго будущаго. Думая, как всегда прежде всего о себѣ и своих даже в эту критическую минуту и отказываясь от рѣшенія, хотя и труднаго, но до извѣстной степени подготовленнаго, он вновь открывал весь вопрос о монархіи в такую минуту, когда этот вопрос только и мог быть рѣшен отрицательно. Таковы были послѣднія услуги Николая II родинѣ".

В 1923 г. в "Красном Архивѣ" были напечатаны письма Алек. Феод. к мужу за дни отреченія, давшія новый матеріал для дальнѣйшаго толкованія, в духѣ создаваемой легенды. Выдержки из одного из их писем (2 марта) были уже приведены.

Эти конспиративныя "крохотныя письма", которыя "можно легко сжечь или спрятать", отправлены были с двумя офицерами ("юнцами", как пишет А. Ф.) Грамотиным и Соловьевым. На другой день

А. Ф. пытается отправить письмо через жену одного офицера. Она писала "Солнышко благословляет, молится, держится вѣрою и — ради своего мученика. Она ни во что не вмѣшивается, *никого не видела из "тѣх" и никогда об этом не просила, так что не вѣрь, если тебѣ это скажут.* Теперь она только мать при больных дѣтях. Не может ничего сдѣлать из страха повредить, так как не имѣет никаких извѣстій от своего милаго... Такая солнечная погода, ни облачка — это значит: вѣрь и надѣйся. Все кругом черно, как ночь, но Бог над всѣм. Мы не знаем путей его, ни того, как он поможет, но услышит всѣ молитвы. Я ничего не знаю о войнѣ, живу отрѣзанная от міра. Постоянно новыя, сводящія с ума извѣстія — послѣднее, что отец отказался занимать то мѣсто, которое он занимал в теченіе 23 лѣт. Можно лишиться разсудка, но мы не лишимся; она будет вѣрить в свѣтлое будущее еще здѣсь на землѣ, помни это". Письмо, явно, писалось в нѣсколько пріемов. Дальше А. Ф. сообщает: "только что был Павел — разсказал мнѣ все. Я *вполнѣ* (курсив А. Ф.) понимаю твой поступок. Я знаю, что ты не мог подписать противнаго тому, о чем ты клялся на своей коронаціи. Мы в совершенствѣ знаем друг друга, *нам не нужно слов,*

и клянусь жизнью, мы увидим тебя снова на твоём престоле (курсив мой. С. М.), вознесенным обратно твоим народом и войсками во славу твоего царства. Ты спас царство своего сына и страну, и свою святую чистоту и (*Иуда Рузскій* — курсив А. Ф.) ты будешь коронован самим Богом на этой землѣ, в своей странѣ". Еще день: жена получила возможность перекинуться с мужем нѣсколькими словами по телефону; А. Ф. пишет 4-го: "Эта дама ѣдет сегодня, вчера она не уѣхала. Таким образом я могу написать еще. Каким облегченіем и радостью было услышать твой милый голос, только слышно было очень плохо. да и подслушивают теперь всѣ разговоры!... Только этим утром я прочла манифест и потом другой Михаила... Не бойся за Солнышко, оно не движется, оно не существует, но впереди я чувствую и предвижу свѣтлое сіяніе солнца... О Боже! Конечно, Он воздаст сторицей за всѣ твои страданія. Не надо больше писать об этом, невозможно! Как унизили тебя, послав этих двух скотов! Я не знала, кто это был, до тѣх пор, пока ты не сказал сам... Я чувствую, что армія возстанет"... "Только сегодня утром мы узнали, — сообщает А. Ф. в припискѣ, — что все передано Мишѣ), и Бэби теперь в безопасности — какое об-

легченіе!". Само письмо заканчивается словами: "найди кого-нибудь, чтобы передать хоть строчку — есть у тебя какіе-нибудь планы теперь?"

Оставлю свой анализ писем пока в сторонѣ. Интересно, как проанализировали эти строки другіе в момент напечатанія писем. Перед нами передовая статья парижских "Послѣднихъ Новостей" от 23 февраля 24 г., озаглавленная "Послѣдніе совѣты Царицы". Не приходится сомнѣваться в том, что статья написана Милюковым — не только потому, что послѣднія строки статьи словно воспроизводят то, что Милюков написал в "Исторіи", но и потому, что в "Россіи на переломѣ" автор ссылается на эту статью, как на свою. "Назначеніе Михаила — заключала передовая "Посл. Нов." — было послѣдним даром Распутина Россіи и первым ударом по мирной революціи". Я возьму комментарий передовика газеты почти *in extenso*, сократив только нѣкоторыя выдержки из писем. Прочитывая из письма 2-го марта слова, что Царь "ни в коем случаѣ не обязан" выполнять уступки, к которым его "принудят", автор переходит к письму, помѣченному 3-м мартом "Страшная вѣсть" об отреченіи, наконец, доходит до Царицы... "Только

что был Павел — рассказал мнѣ все"... "Теперь она... не может ничего сдѣлать из страха повредить". И она *спѣшит сдѣлать несдѣланным что-то уже предпринятое* (курсив мой). "Она (все время в третьем лицѣ) ни во что не вмѣшивается, никого не видѣла из "тѣх" и никогда об этом (о чем?) не просила"... Не будем догадываться, какія тайны похоронены в *этих спѣшных подготовленіях к возможному допросу*. Но то, что слѣдует за этим превосходит по важности все предыдущее. Дѣло касается смысла отреченія не в пользу сына, как слѣдовало бы по закону, а в пользу брата, что было явно незаконно. Как извѣстно, первоначально царь думал отречься в пользу наслѣдника, но передумал за нѣсколько часов до пріѣзда Гучкова и Шульгина. *Видимо* в. кн. Павел Ал. передал царицѣ не только о голом фактѣ отреченія, но и о мотивах этой перемѣны намѣреній. *Только* (курсив повсюду мой) этим могут объясняться дальнѣйшія таинственныя слова императрицы: "Я вполне понимаю твой поступок, о мой герой. Я знаю, что ты не мог подписать противное тому, о чем ты клялся на своей коронаціи (т. е. передать наслѣдство сыну?)... Клянусь жизнью, мы увидим тебя снова на твоём престолѣ"...

Другое письмо, написанное в тот же день [237], дает нѣкоторое поясненіе: "только сегодня утром (это, очевидно, относится к той же бесѣдѣ с Пав. Ал.) мы узнали, что все передано Мишѣ), и Бэби (наслѣдник) теперь в безопасности — какое облегченіе" [238]. Смысл этих слов в связи с предыдущим может быть *только один* (курсив мой). Отказ в пользу брата недѣйствителен, и это есть тот трюк, который задуман был и осуществлен в отсутствіи императрицы, но ею всецѣло одобряется: "Мы понимаем друг друга без слов". При условіи передачи власти Михаилу легче было впослѣдствіи истолковать весь акт об отреченіи, как недѣйствительный. Есть основаніе (?) думать, что такое толкованіе было вообще распространено среди великих князей".

Под вліяніем ли самих писем А. Ф. или толкованій комментаторов Шульгин в воспоминаніях нѣкоторыя из этих мыслей приписал себѣ — в тот момент, когда перед думскими делегатами неожиданно встал вопрос об отреченіи в пользу брата. Тѣм самым мемуарист поддержал частично легенду о "трюкѣ". Припомним. "Если Государь не может отречься в пользу брата — подсказывал то-

гда Шульгин "кто-то другой", "болѣе быстро" за него соображающій, — пусть будет неправильность. Может быть, этим выиграем время... когда все утомится... престол перейдет к Алексѣю Николаевичу"[\[239\]](#).

Из этих слов мемуариста представитель лѣваго направленія революціонной исторіографіи Чернов спѣшит сдѣлать вывод: "Иными словами наслѣдника, его отца и мать временно "выводят из игры" и вмѣсто них ставился под удар в. кн. Мих. Ал. При неудачѣ расплачиваться головой должен был он, при удачѣ — плоды ея достались бы другому. Корона, которую везли Мих. Ал. Гучков и Шульгин, была подлинным "даром данайцев". Из слов Шульгина не слѣдовало, конечно, заключеніе, что во имя спасенія "Бэби" на закланіе "революціонному сброду" отдавался "Миша". Но почти несомнѣнно, что так Шульгин вообще не думал в часы переговоров об отреченіи. Это видно из отвѣта, который Шульгин дал 2-го марта ген. Данилову в качествѣ "спеціалиста по такого рода, государственно-юридическим вопросам". "Несомнѣнно, здѣсь юридическая неправильность, — отвѣтил, по словам Данилова, Шульгин: "Но с точки зрѣнія по-

литической, которая должна сейчас превалировать, я должен высказаться в пользу принятого рѣшенія. При воцареніи царевича Алексѣя будет весьма, трудно изолировать его от вліянія отца и, главное, матери, столь ненавидимой в Россіи. При таких условіях останутся прежнія вліянія, и самый отход от власти родителей малолѣтняго императора станет фиктивным; едва ли таким рѣшеніем удовлетворится страна. Если же отстранить отца и мать совсѣм от ребенка, то этим будет косвенно еще болѣе подорвано слабое здоровье цесаревича Алексѣя, не говоря уже о том, что его воспитаніе явится ненормальным. Терновым вѣнком страданія будут увѣнчаны головы всѣх трех".

Такой простой жизненный отвѣтъ, данный в тѣ дни [240], впоследствии покрылся таинственной пеленой историческаго тумана... Чернов все-таки проявил большую осторожность, нежели передовик "Посл. Нов." в вопросѣ о "трюкѣ", придуманном в царской семьѣ о престолонаслѣдованіи, и центр тяжести переносит в предвидѣнія той "неутомимой женщины", которая хотѣла "лихорадочно" "тотчас послѣ отреченія, втянуть мужа в разговор с цѣлью реставраціи". "Трудно судить, —

замѣчает Чернов — насколько в унисон со своей политической Этеріей думал и чувствовал послѣдній русскій император. Она во всяком случаѣ в этом не сомнѣвалась и отречение в пользу Михаила разсматривала, как тактическій маневр". Все же "надо думать, — полагал автор, — что в лабиринтѣ событій, гдѣ он (Николай) блуждал как беспомощно в это время, ему была брошена из Царскаго Села "нить Ариадны". То были три письма Императрицы от 1-го, 2-го и 3-го марта". Никакого письма от 1-го марта на дѣлѣ не было. Удивительно, что автор не задался даже вопросом: мог ли Царь до отреченія получить письмо своей жены. Письмо от 3-го и 4-го, посланное через "жену офицера", было написано послѣ отреченія, и естественно, не могло повліять на рѣшеніе[241]. Молодые офицеры, отправившіеся из Царскаго, прибыли в Псков в ночь с 3-го по 4-ое, как устанавливает дневник ген. Болдырева: ..."оба — приверженцы стараго строя и в частности "Ея Величества". Я спросил их, кого им надо. — "Мы ѣдем к Государю, думали заставить его здѣсь; не откажите сказать, гдѣ теперь Е. В.". Я им сказал: "В Ставкѣ. От кого же вы имѣете порученіе и к кому? Замялись сначала, а потом сообщили, что к Государю, — "хотим освѣтить ему

правдивое положеніе дѣл". Когда их принял Рузскій, они сознались, что везут по письму, кажется дубликаты, Государю от Ея Величества,..."[242].

Если подойти к письмам А. Ф. без кривотолков и предвзятых точек зрѣнія, то многія "тайны" перестанут быть ими. Вот таинственные "тѣ" и "это", о которых сообщает она 3 марта, подготавливаясь к "возможному допросу" и спѣша "сдѣлать несдѣланным что-то уже предпринятое".

Тот, кто внимательно и полностью прочтет письма А. Ф., тот легко усмотрит, что под титлом "они" у нее всегда фигурируют думскіе дѣятели. Это даже ясно из того письма, о котором идет рѣчь и в котором А. Ф. негодует на в. кн. Кирилла, который "ошалѣл, ходил в Думу с Экипажем и стоит *за них*". Подобная терминологія, как свидѣтельствовали в показаніях перед Чр. Слѣд. Комиссіей, пришла от "Друга", которому так вѣрила Царица: "они" — это члены Государственной Думы... Попробуем подставить вмѣсто "они" — члены Гос. Думы. Тогда получится текст: "Она ни во что не вмѣшивается, никого не видѣла из членов Г. Д. и никогда об этом не просила, так что не вѣрь если тебѣ это скажут". Легко дешифрируется и "это".

* * *

В письмѣ 2-го марта, гдѣ А. Ф. говорила о недѣйствительности вынужденных со стороны Царя "уступок", она упоминала, что в. кн. Павел составил "идіотскій манифест относительно конституціи послѣ войны". Еще в первые дни послѣ переворота, 11 марта, в "Русской Волѣ" появилось интервью, данное в. кн. Павлом, в котором послѣдній разъяснил исторію этого конституціоннаго проекта. Начиналось интервью с разсказа о том, как 28 февраля Пав. Ал. был вызван во дворец к А. Ф. "Поѣзжайте немедленно на фронт" — заявила она: "постарайтесь привести преданных нам людей. Надо спасти во что бы то ни стало трон. Он в опасности". "Я отказался. — разсказывал П. А., — ссылаясь, на то, что мои обязанности, как начальника гвардіи, касаются только хозяйственной части. В душѣ же я был убѣжден, что звать войска бесполезно. Все равно присоединятся к революціи". Интервьюированный явно подлаживался уже к революціонным настроеніям и, как многіе другіе члены великокняжеской семьи, внѣшне отгораживался тогда от царской семьи. Приходится усомниться в том, что в. кн. Павел был вызван 23-

го специально в цѣлях побудить его поѣхать на фронт, так как надо было "во что бы то ни стало" спасти трон. Такого страха еще не могли испытывать в Царском Селѣ, гдѣ все сравнительно было "благополучно", и гдѣ знали об отправкѣ надежных войск с фронта.

Керенскій в своей книгѣ «La Verité», опираясь отчасти на показанія дочери лейб-медика Боткиной-Мельник, по существу и хронологически очень неточныя, изобразил положеніе в Царском Селѣ критическим к полудню 28 февраля, когда Царица и ея дѣти находились уже под охраной революціонных сил[243]. Насколько это не соответствовало дѣйствительности показывает рассказ того самаго члена Гос. Думы Демидова, который был командирован Временным Комитетом вмѣстѣ с другим членом Думы Степановым в Царское Село и на котораго ссылается Керенскій. Вот как через 10 лѣт Демидов изобразил свою поѣздку в "Послѣдних Новостях". Вечером 28-го Милюков обратился от имени Вр. Ком. к Демидову и Степанову с предложеніем поѣхать в Царское Село. "Есть одно серьезное дѣло", — сказал он им: "Из Царскаго получены тревожные и противорѣчивые

слухи: по одним царскосельскій гарнизон идет на Петербург, по другим — там с минуты на минуту грозит вспыхнуть мятеж. Необходимо попытаться предупредить и то, и другое". "На слѣдующій день (т. е. 1 марта) — рассказывает Демидов — друзья проводили нас сумрачно. И у нас на душѣ было волнительно и заботливо... Царское Село — там стояли стрѣлки императорской фамиліи. Невольно думалось, что слухи о походѣ на Петербург вѣрнѣе слухов о готовящемся взрывѣ на мѣстѣ... О нашем приѣздѣ было дано знать, и нас встрѣчали. Начальник станціи сообщил, что при выходѣ нас ждут придворный экипаж и военный автомобиль из ратуши, гдѣ идет гарнизонное собраніе. Начало мало походило на поход против Петербурга и на готовившійся мѣстный взрыв... Было около 11 час. утра. В городѣ тихо. Улицы почти пусты. Послѣ Петербурга, кипѣвшаго, как в котлѣ, это было странно". Депутаты поѣхали в ратушу и были встрѣчены в собраніи долгими бурными рукоплесканіями. Они сообщили о переходѣ власти в руки Гос. Думы и закончили призывом к "войнѣ до побѣды". "В отвѣт раздалось оглушительное ура... Нас окружили офицеры. У всѣх была одна просьба: ѣхать немедленно по казармам. Войска еще в ру-

ках... Еще сутки неизвѣстности, и дисциплина может рухнуть". Депутаты поѣхали. Небезынтересны их показательныя наблюденія. В одной из казарм, гдѣ солдаты отказались выйти для бесѣды с депутатами, послѣдніе наткнулись на совершенно "скотскія условія" содержанія солдат. "За два с половиной года міровой войны я объѣздил всѣ три фронта", — говорит Демидов: "но такой "казармы", какою оказался царскосельскій манеж, встрѣчать мнѣ не приходилось", — "сразу почувствовалось, что слухи о взрывѣ могли имѣть под собой почву"[\[244\]](#). По окончаніи объѣзда депутатами казарм в ратушу пріѣхал дворцовый комендант фон Гроттен, с которым у Демидова произошел такой приблизительно разговор. "До пріѣзда Государя, — сказал комендант, — я ничего не могу дѣлать другого, как защищать дворец до послѣдней возможности. Я не могу ни с кѣм входить в переговоры... Мы, конечно, нападеніе отобьем, но это будет ужасно"... "Могу ручаться, — перебил генерала Демидов, — что этого не случится, если не будет какого-либо вызова со стороны дворцовой охраны". "За это я ручаюсь, — в свою очередь сказал Гроттен и попросил заѣхать во дворец и поговорить с охраной. "Подумайте, генерал, — возразил депутат,

— вѣдь говорить мы можем только от лица Гос. Думы. Мы должны сказать, что сейчас власть в руках Думы..., что царскаго правительства больше нѣт. Каково будет ваше положеніе? Стало быть и вы признали Думу..."

Этим характерным разговором и можно закончить описаніе, данное Демидовым той миссіи, которую он выполнил. Оно стоит на дистанціи огромных размѣров от описанія, которое подсказывало Керенскому его тогдашнее революціонное чувство и позднѣйшее желаніе перед иностранцами представить мощный единодушный порыв февральских дней и полную изоляцію уходившей в исторію монархіи[245]. По словам Керенскаго члены Думы были посланы для того, чтобы выяснить, в каком положеніи находится царская семья среди мятежнаго гарнизона. Демидов будто бы установил, что Царица была немедленно оставлена всѣми служителями и вынуждена была сама ухаживать за больными дѣтьми. Гроттен просил новую власть взять на себя охрану царской семьи. Позднѣйшій рассказ Демидова все это опровергает, как опровергает и занесенную в воспоминаніях Вырубовой версію о "приказаніи" Родзянко всей

царской семьѣ выѣхать из дворца: "когда дом горит, все выносят" [246].

Когда думскіе депутаты уѣзжали вечером из Царскаго, им передали, что "ген. Иванов с какой-то частью шел на Царское, но его поѣзд пустили по другому направленію". Слух был невѣрен. Иванов, как мы знаем, прибыл в Ц. С, нашел здѣсь все в состояніи довольно спокойном и охрану Царско-сельскаго дворца надежной. Впечатлѣнія извѣстнаго инженера Ломоносова, поздно вечером пріѣхавшаго в Царское, гдѣ жила его семья, сводились к тому, что "мѣстныя войска объявили себя нейтральными..." [247].

"Идет рѣдкая стрѣльба, — это солдаты от радости стрѣляют в воздух". Нѣтъ данных, подтверждающих повѣствованіе Жильера о том, что вечером перваго марта мятежники "стали наступать на дворец, и что столкновеніе казалось неизбѣжным". "Императрица, — рассказывает Жильяр, — была внѣ себя от ужаса при мысли, что кровь прольется на ея глазах, и вышла с Маріей Николаевной к солдатам, чтобы побудить их сохранять спокойствіе. Она умоляла, чтобы вступили в переговоры с мятежниками". Ни перваго, ни втораго марта со сто-

роны "мятежников" никаких активных дѣйствій против Царскосельскаго дворца не было предпринято. Думается, правдивую картину происходившаго в Александровском дворцѣ дал в своих воспоминаніях бывший "придворный скороход" эстонскій гражданин Оамер. По его словам, командир своднаго пѣхотнаго полка, Комаров, распорядился вызвать во дворец весь полк, расположенный у павильона императорской вѣтки. Всѣ части прибыли в боевой формѣ, с ружьями и пулеметами и расположились в обширном подвалѣ дворца, принявшаго вид военного лагеря. У ворот и кругом дворца были разставлены часовые посты. Когда со стороны расквартированных в Царском Селе I. II. IV. стрѣлковых, лейб гвардіи гусарскаго и кирасирскаго полков стала слышаться беспорядочная ружейная стрѣльба, Комаров распорядился поставить у ворот дворца два пулемета. А. Ф., узнав про это, отмѣнила распоряженіе. "Должен замѣтить, — пишет Оамер, — что А. Ф. выказала себя в эти тревожные дни и ночи женщиной с крѣпкими нервами и большой выдержкой характера. Она нѣсколько раз, раза два даже в 2-3 часа ночи, спускалась в подвал Александровскаго дворца, проходила медленно мимо стоявших солдат и,

бодро смотря им в глаза, говорила: прошу ни при каких обстоятельствах не стрѣлять, быть хладнокровными, стараться уговаривать словами. Я готова все претерпѣть, только не хочу крови"... "Среди собранных для охраны дворца солдат и казаков конвоя в виду их отрѣзанности от остального міра и носившихся слухов о готовящемся обстрѣлѣ из орудій и штурмѣ дворца, возникло тревожное настроеніе. Солдаты и казаки собрали общее собраніе, гдѣ при общем одобреніи выбрали депутацію из 3 офицеров и около 20 солдат и казаков. Всѣм им надѣли на рукава бѣлыя повязки и, взяв с собой бѣлый флаг, сдѣланный из приколоченной к палкѣ скатерти, они выѣхали на грузовикѣ в казармы лейб-гвардіи 1-го стрѣлковаго полка, откуда раздавалась беспорядочная ружейная стрѣльба... Встрѣтили депутацію дружелюбно, так как и там от неизвѣстности, что дѣлается среди войсковых частей, находившихся во дворцѣ, было настроеніе нервное и беспокойное. Как оказалось дѣйствительно орудія были направлены дулами по направленію Александровскаго дворца. Согласились обоюднo охранять порядок во дворцах и на прилегающих к ним улицах сводному пѣхотному полку и казакам Конвоя Е. В., а вокзалы и осталь-

ную часть улиц Царскаго Села и Павловска стрѣлкам[248]... По выясненію прибывшими парламентарями, среди казаков и солдат тревожное настроеніе улеглось. Всѣ, кромѣ обычнаго наряда, были отправлены обратно в свои казармы". Между обѣими сторонами была установлена "нейтральная зона", и дворцовая охрана надѣла бѣлыя повязки. Но она не была разоружена, как отмѣтила в своих воспоминаніях бывшая замужем за кн. Іоанном Конст. сербская королева Елена Петровна, посѣтившая дворец 1 марта. (Когда корнет Марков, покинув царскосельскій лазарет 4 марта, явился во дворец, там по прежнему на постах стояли вооруженные солдаты своднаго полка). Тогда же был послан в Петербург фл.-ад. Линевиц для переговоров с "думскими" кругами через посредство Родзянко.

Итак, ни перваго, ни втораго марта со стороны "мятежников" никаких активных дѣйствій против Царскосельскаго дворца не было предпринято. Вырубова была больна, лежала с жаром и, вѣроятно, в представленіи ея все достаточно перепуталось — поэтому ей казалось, что бунтующіе с пулеметами надвигались на дворец для того, чтобы его

разгромить, и что охрана дворца покинула его уже 1-го марта и что по самому дворцу уже ходили кучки революціонных солдат.

Из письма А. Ф. 2-го видно, как сгущается постепенно атмосфера, как изолируется понемногу дворец от внѣшняго міра, и как близкіе люди попадают на учет или оказываются арестованными. "Ты прочтешь все между строк и почувствуешь, — писала она мужу: "всего не скажешь в письмѣ", но как все это далеко от того жуткаго "нечеловѣческаго" одиночества, о котором говорил в своих парижских докладах (уже для русской публики) в 36-м году Керенскій, когда с образностью, переходящей в фальшь, утверждал, что царская семья всѣми была покинута и "революціонеры бѣгали в аптеку" за лѣкарствами для больных дѣтей[249]. А. Ф., конечно, бодрилась, когда говорила о своем даже боевом настроеніи: "всѣ мы бодры, не подавлены обстоятельствами, только мучаемся за тебя". С ночи на 3-е "тревога" должна была усилиться, ибо был арестован поздно вечером в ратушѣ ген. Гроттен ("совершенство" аттестовала его Царица в письмѣ 2-го) и другія лица (сообщенія из Ц. С. в Ставку). Внѣшне, однако, все еще по старому: "Мы

всѣ держимся по прежнему, каждый скрывает свою тревогу... вечером, — пишет А. Ф. 3-го, — я с Маріей дѣлаю свой обход по подвалам, чтобы по-видать всѣх наших людей — это очень ободряет..."[250].

* * *

Три дня, прошедшіе с 28 февраля, — время огромное для момента, когда событія текли с быстротой часовой стрѣлки. Вѣроятно, обстановка, в которой происходило первое свиданіе А. Ф. с вел. кн. Павлом, была ближе к характеристикѣ, которая дана была в письмѣ 2-го марта: "Павел, получившій от меня страшнѣйшую головомойку за то, что ничего не дѣлал с гвардіей, старается теперь работать изо всѣх сил и собирается нас всѣх спасти благородным и безумным способом". Дѣло идет об "идіотском манифестѣ относительно конституціи послѣ войны". Предоставим вновь слово в. кн. Павлу оно, конечно, претворено воспріятіем газетнаго сотрудника[251]. "1-го марта, — продолжает интервью, — я вторично был вызван во дворец, но пойти туда отказался. В то время у меня на квартирѣ готовился манифест о полной конституціи

русскому народу. Его должен был подписать Николай Александрович. Заручившись подписями Кирилла Вл. и Мих. Ал. и подписавшись под этим манифестом сам, я отправил манифест в Гос. Думу и вручил его под расписку Милюкову. А уже потом я отправился по дворец. Первые вопросы, заданные мнѣ тогда Алек. Фед., были такіе: — "гдѣ мой муж? жив ли он? И что нужно сдѣлать для улаженія безпорядков?" Я передал А. Ф. содержаніе заготовленнаго мною манифеста, и она его одобрила". Далѣе передавалось содержаніе этого не очень удачнаго по формѣ выраженія "манифеста". "В твердом намѣреніи переустроить государственное управление в Имперіи на началах широкаго представительства, мы предполагали приурочить введеніе новаго государственнаго строя ко дню окончанія войны", — начинал манифест и перекладывал затѣм отвѣтственность на "бывшее правительство", которое, "считая нежелательным установленіе отвѣтственности министров перед отечеством в лицѣ законодательных учреждений, находило возможным отложить этот акт на неопредѣленное время. Событія послѣдних дней, однако, показали, что правительство, не опирающееся на большинство в законодательном учре-

жденіи, не могло предвидѣть возникших волненій и их властно предупредить". Посему: "Мы предоставляем государству російскому конституціонный строй, повелѣваем продолжить прерванныя указом нашим занятія Гос. Совѣта и Гос. Думы, поручая предсѣдателю Гос. Д. немедленно составить временный кабинет и в согласіи с ним озаботиться созывом Законодательнаго Собранія, необходимаго для безотлагательнаго разсмотрѣнія имѣющаго быть внесенным, правительством проекта новых основных законов Россійской Имперіи"[252].

Манифест еще не был представлен во Временный Комитет, когда до в. кн. Павла дошло сообщеніе о том, что начались разговоры по поводу отреченія и назначенія Мих. Алек. регентом. Тогда, как мы уже знаем, в. кн. Павел написал своему племяннику Кириллу с просьбой переговорить с Родзянко. Племянник, уже ходившій с красным флагом, нѣсколько раздраженно отвѣтил дядѣ: "...до меня дошли лишь слухи. Я совершенно с тобой согласен, но Миша, несмотря на мои настоячивыя просьбы работать ясно и единомышленно с нашим семейством, прячется и только сообщается

секретно с Родзянко. Я был всѣ эти тяжелые дни один, чтобы нести свою отвѣтственность перед Ники и родиной, спасая положеніе, признавая новое правительство".

Тактика спасенія династіи, примѣненная в. кн. Кириллом в революціонные дни, вызвала рѣзкое отрицательное отношеніе к себѣ не только со стороны А. Ф. Брат легитимнаго кандидата на Россійскій престол занес в дневник 9 марта такое сужденіе по этому поводу старшаго в родѣ в. кн. Ник. Ник.. "Поведеніе в. кн. Кирилла глубоко возмутило всѣх". "Еще послѣ опубликованія отреченія это было бы допустимо, но до этаго долг присяги и чести не допускали таких дѣйствій, т. е. переходить на сторону в то время врагов Государя, гдѣ кровь наших предков, честь и сознание своего достоинства".

Редакція "Краснаго Архива" не расшифровала того лица, скрытаго в письмѣ в. кн. Павла под инициалами Н. И., при посредствѣ котораго Павел Александрович был все время в контактѣ с Государственной Думой, между тѣм это нетрудно сдѣлать. Подразумѣвался здѣсь прис. пов. Иванов — тот самый, который позже играл в дни гра-

жданской войны нѣсколько двусмысленную роль при образованіи Сѣв-Зап. Правительства на фронтѣ ген. Юденича. Посредническая роль его недостаточно ясна [253], равно как и всѣ предварительные шаги, предшествовавшіе составленію "манифеста" и охарактеризованные в. кн. Павлом в интервью словами: "Я слѣдил за ходом событій и был в курсѣ всѣх дѣл".

Попытка спасти положеніе "манифестом" запоздала. В момент, когда дядя и племянник обмѣнивались еще письмами, "новое теченіе" в "Думѣ" уже опредѣленно оформилось в категорическое требованіе, и Родзянко, как мы знаем, писал лицу, намѣчавшемуся в регенты: "успокоит страну только отреченіе от престола". Жена в. кн. Павла, кн. Палѣй, информируя, с своей стороны, Императрицу о настроеніях "в Думѣ" и предпринятых ея мужем шагах, на другой день писала: "весь вчерашній день он был в угнетенном состояніи, так как не было ни поѣздов, ни телефонов, вѣрный нам человек, который держал нас в контактѣ с Гос. Думой, не появился". Второго, когда писалось письмо с таинственным "они", А. Ф. даже не представляла себѣ, что поставлен вопрос о смѣнѣ верховной

власти. Перед нею, как *memento mori*, стоял "идіотскій" манифест, измышленный стараніями в. кн. Павла Ал. Едва ли при такой квалификаціи манифеста можно предположить, что А. Ф. "одобрила" его содержаніе, как утверждал П. А. в интервью. Но я не рискнул бы без оговорок подтвердить и имѣющіяся свѣдѣнія, что Императрицѣ было предложено подписать проект манифеста, но она категорически отказалась [254]. Она могла отнестись в общих чертах сочувственно к тому политическому шагу, который дѣлал в. кн. Павел, и в котором она готова была видѣть неизбежную теперь уступку общественному мнѣнію, против чего с присущей страстностью и упорством она боролась послѣдніе годы. Недаром "идіотскій" манифест все же она назвала "благородным и безумным способом" спасенія. Положеніе казалось А. Ф. небезнадежным. Она надѣялась не только на "чудо", но и на то, что захватившій всѣх "микроб" постепенно исчезнет. "Два теченія — Дума и революціонеры, которые, как я надѣюсь, отгрызут друг другу голову, — это спасло бы положеніе", — писала Ал. Фед. 2-го... "Когда узнают, что тебя не выпустили, войска придут в неистовство и возстанут против всѣх. Они думают, что Дума хочет быть с

тобой и за тебя. Что же, пускай они водворят порядок и покажут, что они на что-нибудь годятся, но они зажгли слишком большой пожар, и как его теперь потушить?" "Бог поможет, поможет", — заканчивала Царица письмо, — "и твоя слава, вернется. Это — вершина, несчастій!.. Какой ужас для союзников и радость врагам. Я не могу ничего совѣтовать, только будь, дорогой, самим собой. Если придется покориться обстоятельствам, то Бог поможет освободиться от них"[\[255\]](#). В письмѣ, (отправленном 3 марта, кн. Палѣй сообщила о новых "ужасах", имѣвших мѣсто наканунѣ ("главное, рѣчь Милюкова") и побудивших в. кн. Павла экстренно с "вахтером" послать в 12 час. слѣдующее письмо Родзянко ("мы сообща составили" — писала княгиня): "Как единственный оставшійся в живых сын Царя-Освободителя, обращаюсь к Вам с мольбой сдѣлать все, от Вас зависящее, дабы сохранить конституціонный престол Государю... Я бы не тревожил Вас в такую минуту, если бы не прочитал в "Извѣстіях" рѣчь мин. ин. д. Милюкова и его слова о регентствѣ в. кн. Мих. Ал. Эта мысль о полном устраненіи Государя меня гнетет... Я бы сам пріѣхал к Вам, но мой городской мотор реквизирован, а силы не позволяют итти пѣшком". Слѣ-

довательно, 3-го в 12 час. дня в. кн. Павел не знал еще о фактическом отреченіи — письмо кн. Палѣй заканчивалось вопросом: "есть ли извѣстія от Государя? В Псковѣ ли он или уѣхал 'и куда, и на, что рѣшился?" [256]. Не знала и Ал. Фед. — не знала "совершенно ничего", иногда начала писать письмо, предположенное к отправкѣ через "жену офицера". Она не вѣрит еще тѣм "самым гнусным сплетням", которыя доходят до нея и могут "довести человѣка до безумія". И она пишет мужу, что она ничего не предпринимает, никого из думских людей не видѣла и не участвовала в переговорах о "конституціи". *Только так*, на мой взгляд, можно истолковать "тайну", которая заключалась в индифферентных строках Императрицы.

Предпринимала ли в своем "боевом" настроеніи А. Ф. какіе-нибудь реальные шаги для противодѣйствія революціи, не удовлетворенная той мягкотѣлостью (по выраженію большевиков — Покровскій) которую проявлял Николай II? В письмѣ 3-го, мы знаем, она писала, что "не может ничего сдѣлать из страха повредить, так как не имѣет никаких извѣстій" ... "теперь она только мать при больных дѣтях". Ну, а раньше? В тѣх же "По-

слѣдних Новостях", в номерѣ от 30 апрѣля 24 г. появилась нѣсколько странная статья, автор которой скрылся под псевдонимом Z. Он расширил рамки темы о "тѣх", которые участвовали в "этом", и говорил о планѣ, который осуществлял "тріумвират" в лицѣ Царицы, командующаго войсками Хабалова и военного министра Бѣляева. Это одна из версій легендарнаго "протопоповскаго" проекта: провоцировать революцію и подавить ее пулеметами. На основаніи каких-то матеріалов ген. Аверьянова, которые будут опубликованы, автор говорил о 500 пулеметах, оставленных для этой цѣли в Мурманскѣ из числа присланных для фронта. "Документы" эти до сих пор не были опубликованы, и, слѣдовательно, разсужденія Z должны быть отнесены к области исторической фантастики, для которой нѣт мѣста в историческом повѣствованіи[257].

Реально мы знаем только о свиданіи А. Ф. с ген. Ивановым в ночь с 1-го на 2-ое марта. В передачѣ Иванова при допросѣ в Чр. Слѣд. Ком. рѣчь шла о пріѣздѣ Царя, о необходимости создать правительство, пользующееся довѣріем и т. д. "Только не поручусь, — добавлял генерал, — что она сказала

слово: "отвѣтственное". Естественно, Иванов не стал передавать то интимное, что между ними могло быть говорено. Но вот рассказ вел. кн. Николая Мих. занесѣнный им в дневник. Человѣк. этот довольно страстно не терпѣл Царицу, — в его дневникѣ попадаются квалификаціи, которыя трудно в печати повторять. "Государыня, — записывал Ник. Мих., — казалось очень хорошо владѣла собой и была невозмутимо спокойна. Она увѣряла генерала, что энергичными дѣйствіями он легко может возстановить порядок в Петроградѣ... что все это возстаніе ничто иное, как недоразумѣніе, ...что мало вѣроятно, чтобы он (Император) рѣшился отречься от престола, и если бы даже он это сдѣлал, то это было бы только для того, чтобы успокоить умы и в пользу наслѣдника, а в виду несовершеннolѣтія послѣдняго установить регентство под ея попеченіем. Иванов был ошеломлен всѣм этим разговором, старался показать невозможность итти на Петроград и должен был сознаться, что он может принять только единственное рѣшеніе вернуться в Могилев". Почти не приходится сомнѣваться в том, что это позднѣйшая запись из вторых рук, — даже дата указана ошибочно: ночь с 2-го на 3-е[258]. Совершенно не-

вѣроятно, чтобы А. Ф. могла с Ивановым говорить об отреченіи. Судя по письму А. Ф., 2-го, если она побуждала Иванова к активным дѣйствіям, то не в сторону Петербурга, а на освобожденіе Николая II, попавшаго в западную происками "революціонеров". "Милый старик Иванов сидѣл у меня от 1 до 2.30 час. ночи и только постепенно вполнѣ уразумѣл положеніе"... "Я думала, что он мог бы проѣхать к тебѣ через Дно, но сможет ли он прорваться? Он надѣялся провести твой поѣзд за своим".

Вся обстановка, вырисовывающаяся из приведенных данных, заставляет по иному подойти к моменту, когда А. Ф. получила сообщеніе об отреченіи Царя, и нѣсколько болѣе осторожно и по другому интерпретировать остальные "таинственные" слова в ея письмах. Этот момент, очевидно, пришелся уже на вечерніе или предвечерніе часы, а не на утренніе, и, начав писать письмо послѣ полученной от кн. Палѣй информации, центром которой был все же "идіотскій" манифест, А. Ф. заканчивала, письмо послѣ разговора с в. кн. Павлом. Припомним, что по предположенію автора статьи в "Пос. Нов.", А. Ф. должна была получить от в. кн.

Пав. Ал. сообщеніе "не только о голом фактѣ отреченія, но и о мотивах этой перемѣны намѣренія" (т. е. о замѣнѣ сына братом). Великій Князь мог сам знать только то, что сообщили Гучков и Шульгин, — и то, вѣроятно, с чужих слов. Ничего специфическаго, поясняющаго "таинственныя слова" Пав. Ал. сообщить не мог. В интервью, напечатанном в "Русской Волѣ", со слов Великаго Князя так рассказывалось о посѣщеніи им дворца 3 марта: "У меня в руках был свѣжій номер "Извѣстій" с манифестом об отреченіи. Я прочел его А. Ф. Об отреченіи А. Ф. ничего не знала. Когда я закончил чтеніе, она воскликнула: "не вѣрю, все это — враки, газетныя выдумки. Я вѣрю в Бога и армію. Они нас еще не покинули". Мнѣ пришлось разъяснить опальной царицѣ, что не только Бог, но и вся армія присоединилась к революціонерам. И лишь тогда бывшая царица повѣрила кажется, в первый раз поняла или постаралась понять все то, к чему она, Гришка Распутин и Протопопов привели страну и монархію". Слишком очевидно, что конец сказан для толпы. Но интервью не документ, на который можно твердо опираться. В данном случаѣ прежде всего бросается в глаза одна несурязица — упоминаніе об "Извѣстіях", в которых яко бы уже 3-го

был напечатан манифест. Самое большое, что могло быть в руках Пав. Ал. — это "летучка", выпущенная днем Совѣтом с кратким извѣщеніем об отреченіи, — о ней говорят Ломоносов и Шульгин[259].

Гораздо важнѣе другая загадка, которую ставит приписка А. Ф. в письмѣ, помѣченном 4-м марта. В ней говорится: "Только сегодня утром мы узнали, что все передано М.(ишѣ), и Бэби теперь в безопасности — какое облегченіе".

Вѣдь 4-го были одновременно опубликованы оба Манифеста — и отреченіе Николая II, и отреченіе Михаила! Единственное как будто бы возможное объясненіе заключается в предположеніи, что жена и мать послѣ полученія "ужасающих" для нея свѣдѣній была в состояніи, граничащем почти с невмѣняемостью. Душевная экзальтація истерической женщины должна была дойти до крайних предѣлов, и в таком состояніи писалось -письмо 3-го (конец его) и письмо 4-го. По первому впечатлѣнію она обратила вниманіе только на то, что отрекся Царь. Она пытается сказать ему слово успокоеніе... в минуту "безумнаго страданія". Письмо преисполнено какой-то исключительно проникно-

венной нѣжностью любящаго существа...

"Я вполнѣ понимаю твой поступок, о мой герой! Я знаю, что ты не можешь подписать противное тому, чему ты клялся на своей коронаціи". Зачѣмъ дѣлать искусственное предположеніе, что здѣсь имѣется в виду "передать наслѣдство сыну"? Неужели, не ясно, что дѣло касается совсѣмъ другого — отказа от самодержавія, признанія и конституціи", внѣ которой должен стоять "Помазанник Божій". Еще Витте отмѣтил, что послѣ 1905 г. Николай II продолжал считать себя "неограниченным монархом". Теократическія представленія Царя создались отнюдь не под вліяніемъ только жены. В ранніе годы ее в придворныхъ кругахъ считали даже проводительницей при Дворѣ, конституціонныхъ настроеній. Потом... ее захватили тенета мистики, и она, дѣйствительно, стала какой-то "политической Эгеріей" самодержавія. И в представленіи Царя, и в представленіи Царицы самодержецъ отвѣтственен перед Богомъ. "Я несу за всѣ власти, мною поставленныя, перед Богомъ страшную отвѣтственность и во всякое время готовъ дать в том отчет", писал Царь в том же письмѣ Столыпину 10 декабря 1906 г. Переложить отвѣтственность за ошиб-

ки на "правительство", как предполагал, напрімѣр, великокняжескій проект манифеста 1-го марта, морально было неприемлемо для Николая II.

Мистическія представленія о власти находились в рѣзкой коллизіи с реальной жизнью. В февральскіе дни положеніе сдѣлалось безвыходным. "Ты спас царство твоего сына и свою святую чистоту"... Царь не сдѣлался клятвопреступником. Наслѣдник не связан присягой, и его царствованіе может быть конституціонным. Так, мнѣ кажется, слѣдует толковать "таинственныя слова". В экзальтаціи, быть может, А. Ф. и продолжала вѣрить в чудо, которое должно совершиться и которое вознесет царя "снова" на престол. Бог должен вознаградить "мученика". Но больше всего и скорѣе всего это — слова утѣшенія.

В сгущенной атмосферѣ мистических упованій, как-то трудно предположить, что дѣло могло итти о тонко задуманном коварном планѣ сознательной "поддѣлки" историческаго акта. "Нить Ариадны" не могла итти в тѣ дни из Царскаго Села. Могла ли самостоятельно возникнуть инициатива такой политической интриги в головѣ того, кто "наивно думал, что он может отказаться от престола и

остаться простым обывателем"? Сам нѣсколько наивный придворный истриограф ген. Дубенскій, сказавшій процитированныя слова в Чр. Сл. Ком., не дооцѣнивал, допустим, врожденное "лукавство" вѣнценоснаго "сфинкса". Перед нами пройдет еще яркое свидѣтельство лица из иной среды, совсѣм уже враждебной, которое расскажет о тон, как вѣнценосец, скинув тяготѣвшія на нем историческія бармы мономаховой шапки, оживал и дѣлался "человѣком". То будет свидѣтельство Керенскаго, непосредственно наблюдавшаго послѣдняго императора в заключеніи в Царскосельском дворцѣ[260].

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. МИХАИЛ II

I. Ставка и Петербург.

Закончив псковскую операцію, делегаты Временнаго Комитета в Я часа ночи выѣхали назад в Петербург. Приблизительно в то же время пошли сообщенія о принятых рѣшеніях главнокомандующим на фронт и в столицу. Только обостренно тревожной обстановкой и неувѣренностью можно

объяснить непонятный инцидент, разыгравшійся в Петербургѣ с арестом по ордеру новаго министра юстиціи полк. Шихѣва, производившаго в Штабѣ расшифровку манифеста. Окруженію Бубликова казалась подозрительной медлительность работы — ясно, умышленно затягивают; звонок в Гос. Думу и рѣшеніе, как выразился Ломоносов, "на всякій случай полковника с актом арестовать". Сказано и сдѣлано — из Думы послали не то грузовик, не то лимузин. Вѣроятно, этим объясняется "спѣшное" привлеченіе к дѣлу считавшагося "спеціалистом по шифровальному дѣлу" будущаго командующаго петербургскаго округа, полк. ген. штаба Половцова, котораго Гучков привлек к работѣ военной комиссіи. Он вмѣстѣ с Родзянко отправился в главное управленіе Ген. Штаба и расшифровал ночную телеграмму Гучкова об отреченіи, адресованную на имя нач. гл. Штаба для передачи предсѣдателю Думы[261].

Неожиданное содержаніе акта отреченія произвело переполох в кругах Врем. Комитета — прежде всего в связи с тѣми антидинастическими требованіями, которыя так опредѣленно выявились в теченіе дня. Керенскій "без всяких обиняков

заявил, — по словам Родзянко, что если воцареніе Мих. Ал. состоится, то рабочіе г. Петрограда и вся революціонная демократія этого не допустит". Смущал и вопрос о законности акта, поднимавшій "обоснованный юридическій спор" в смутное и тревожное время. Этот вопрос кратко разсматривает в воспоминаніях Набоков: "Наши основные законы, — говорит он. — не предусматривали возможности отреченія царствующаго императора и не устанавливали никаких правил, касающихся престолонаслѣдія в этом случаѣ!.. При таком молчаніи основных законов престол в случаѣ отреченія мог переходить только к "законному наслѣднику". "Престол російскій — не частная собственность, не вотчина императора, которой он может распоряжаться по своему произволу... Поэтому передача престола Михаилу была актом незаконным. Никакого юридическаго титула для Михаила она не создавала". "Принятіе Михаилом престола", слѣдовательно, было "с самага начала порочным". Не удовлетворял в. кн. Михаил с морганатической супругой и легитимистов, мнѣнія которых находили извѣстный отзыв в думской средѣ. Мы видѣли, что "интригам" в. кн. Брасовой готовы были они приписать даже идею регентства, за которой таи-

лась секретная мысль превратить временнаго регента в постоянного императора. Столичная "яхт-клубская" молва давно уже приписывала кн. Брасовой подготовку в этих цѣлях чуть ли не заговора. (Запись Нарышкиной 21 авг.). Палеолог, с своей стороны, еще в февралѣ 16 г. записал ходячіе слухи и комментировал их. "Честолюбивая и ловкая" кн. Брасова "за послѣднее время поддержива-ет самыя либеральныя мнѣнія. Ея салон... часто принимает лѣвых членов Гос. Думы. В придворных кругах ее обвиняют в измѣнѣ монархическим принципам, она, впрочем, этим чрезвычайно довольна, так как это подчеркивает ея позицію и подготавливает популярность. Она все болѣе и болѣе разворачивается, она высказывает столь удивительно отважныя идеи, которыя, исходя из другого рта, могли бы повлечь за собой каторжныя работы (см. в моей книгѣ "Легенда о сепаратном мирѣ" еще сужденія, высказанныя на засѣданіи прогрессивнаго блока).

Так или иначе первым рѣшеніем в средѣ думскаго комитета и новаго правительства было — остановить распубликованіе манифеста. В 5 час. утра Родзянко и Львов [\[262\]](#) вызвали к прямому прово-

ду Рузскаго и Алексѣева[263]. Предсѣдатель Думы довольно ярко, чрезмѣрно даже сгущая краски (может быть, в цѣлях болѣе сильнаго воздѣйствія на главнокомандующих, а, может быть, в состояніи собственной растерянности), изобразил то, что происходило в нѣдрах новой правительственной власти.

"С великим трудом — говорил Родзянко, — удалось удержать в болѣе или менѣе приличных рамках революціонное движете, но положеніе еще не пришло в себя и весьма возможна гражданская война. С регентством Великаго Князя и воцареніем Наслѣдника Цесаревича помирились бы, может быть, но воцареніе его, как императора, абсолютно неприемлемо". На сожалѣніе, выраженное Рузским, по поводу того, что "депутаты, присланные вчера, не были в достаточной степени освоены с ролью и вообще с тѣм, для чего пріѣхали". Родзянко пояснил: Опять дѣло в том, что депутатов винить нельзя. Вспыхнул неожиданно для всѣх нас такой солдатскій бунт» которому еще подобнаго я не видѣл, и которые (так в подлинникѣ), конечно, не солдаты, а просто взятые от сохи мужики, которые всѣ свои мужицкая требо-

ванія нашли полезным теперь же заявить. Только и слышно было в толпѣ: "Земли и воли", "Долой династію", "Долой Романовых", "Долой офицеров". И началось во многих частях избіеніе офицеров, к этому присоединились рабочіе, и анархія дошла до своего апогея[264]. В результатѣ переговоров с депутатами от рабочих(?) удалось придти к ночи сегодня к нѣкоторому соглашенію[265], которое заключалось в том, чтобы было созвано через нѣкоторое время Учред. Собрание для того, чтобы народ мог высказать свой взгляд на форму правленія, и только тогда Петроград вздохнул свободно, и ночь прошла сравнительно спокойно. Войска мало по малу в теченіе ночи приводятся в порядок, но провозглашеніе императором в. кн. Мих. Ал. подольет масла в огонь, и начнется беспощадное истребленіе всего, что можно истребить. Мы потеряем и упустим из рук всякую власть и усмирить народное волненіе будет некому; при предложенной формѣ *возвращеніе династїи не исключено и желательно*, чтобы примѣрно до окончанія войны продолжал дѣйствовать Верховный Совѣт и нынѣ дѣйствующее с нами Временное Правительство[266]. Я вполне увѣрен, что при этих условіях возможно быстрое успокоеніе, и рѣши-

тельная побѣда будет обезпечена, так как несомнѣнно произойдет подъем патріотическаго чувства"...[267], — "Скажите, для вѣрности, так ли я вас понялъ" — спросил Рузскій: "Значит, пока все остается по старому, как бы манифеста не было, а равно и о порученіи кн. Львову сформировать министерство. Что касается назначенія в. кн. Н. Н. главнокомандующим повелѣніем Е. В., отданным вчера... То об этом желал бы знать также ваше мнѣніе; об этих указах сообщено было вчера очень широко *по просьбѣ депутатов*[268], даже в (Москву и, конечно, на Кавказ". — "Сегодня нами сформировано правительство с кн. Львовым во главѣ", — отвѣтил Родзянко: "Все остается в таком видѣ: " *Верховный Совѣтъ, отвѣтственное министерство и дѣйствія законодательных палат* до разрѣшенія вопроса о конституціи Учр. Собраніем. Против распространенія указов о назначены в. кн. Н. Н. верховным главнокомандующим не возражаем". — "Кто во главѣ Верховнаго Совѣта", — интересуется Рузскій. — "Я ошибся: не Верховный Совѣтъ, а Временный Комитет Гос. Думы под моим предсѣдательством"[269].

Соединившись со Ставкой, Родзянко просил

Алексѣева "не пускать в обращеніе никакого манифеста до полученія... соображеній, которыя одни могут сразу прекратить революцію" и, повторил ему с небольшими вариантами то, что сказал Рузскому. "Приму всѣ мѣры задержать... командующих войсками... сообщенный им манифест", — отвѣтил Алексѣев: "Сообщенное мнѣ вами далеко не радостно. Незвѣстность и Учр. Собрание двѣ опасныя игрушки в примѣненіи к дѣйствующей арміи... Петроградскій гарнизон, вкусившій от плода измѣны, повторит его с легкостью и еще, и еще раз, для родины он теперь вреден, для арміи бесполезен, для вас и всего дѣла опасен. Вот наше войсковое мнѣніе... Всѣ помыслы, всѣ стремленія начальствующих лиц дѣйствующей арміи направлены теперь к тому, чтобы дѣйствующая армія помнила об одной войнѣ и не прикоснулась к болѣзненному состоянію внутреннему, переживанному нынѣ частью Россіи"... "Я солдат, — заканчивал Алексѣев, — *и всѣ мои помыслы обращены на фронт, на запад, к сторонѣ врага*".

Начальник штаба был, дѣйствительно, смущен и больше всего оттяжкой освѣдомленія фронта, предвидя, как и всѣ главнокомандующіе, что это

может имѣть трагическія послѣдствія, ибо "немыслимо удержать в секретѣ высокой важности акт, предназначенный для общаго свѣдѣнія"[271]. У Алексѣева. явилась мысль оказать воздѣйствіе на "виляющее" правительство, как он выразился через нѣсколько часов в разговорѣ с Брусиловым. Он обратился в промежуток между 1—4 часами ко всѣм главнокомандующим: "Из совокупности разговоров предсѣдателя Думы с главкосѣвом и мною, — телеграфировал Алексѣев, кратко излагая суть этих разговоров, — позволительно придти к выводу:

первое — в Гос. Думѣ и в ея Врем. Комитетѣ нѣт единодушія — лѣвыя партіи, усиленныя Совѣтом Р. Д., пріобрѣли сильное вліяніе;

второе — на предсѣдателя Думы и Врем. Комитета Родзянко лѣвыя партіи и рабочіе депутаты оказывают мощное давленіе, и в сообщеніях Родзянко нѣт откровенности и искренности;

третье — цѣли господствующих над предсѣдателем партій ясно опредѣлились из вышеприведенных пожеланій Родзянко;

четвертое — войска петроградскаго гарнизона

окончательно распропагандированы... очерченное положеніе создает полную опасность болѣе всего для дѣйствующей арміи, ибо неизвѣстность, колебанія, отмѣна уже объявленнаго манифеста, могут повлечь шатаніе умов в войсковых частях и тѣм разстроить способность борьбы с внѣшним врагом"... Сообщая, что он срочной телеграммой доносит "все это" верховному главнокомандующему. Алексѣев выдвигает план "суть настоящаго заключенія сообщить предсѣдателю Думы и *потребовать* осуществленіе манифеста" и "для установленія единства во всѣх случаях и всякой обстановкѣ созвать совѣщаніе главнокомандующих в Могилевѣ" (Если в. кн. Н. Н. "не сочтет возможным прибыть лично, то собратъся 8-го или 9-го марта). "Такое совѣщаніе тѣм болѣе необходимо, — продолжал Алексѣев, — что только что получил полуофициальный разговор по аппарату между чинами морского гл. штаба, суть его: обстановкѣ в Петроградѣ 2 марта значительно спокойнѣе, постепенно все налаживается, слухи о рѣзніѣ солдатами — сплошной вздор, авторитет Врем. Прав., повидимому, силен. Слѣдовательно, основные мотивы Родзянко могут оказаться невѣрными и направленными к тому, чтобы побудить представителей

дѣйствующей арміи неминуемо присоединиться к рѣшенію крайних элементов, как к факту, совершившемуся и неизбежному. Коллективный голос высших чинов арміи и их условія должны, по моему мнѣнію, стать извѣстными всѣм и оказать вліяніе на ход событій".

До получения официальных отвѣтов на свой запрос Алексѣев в 1 ч. 80 м. был вызван к аппарату по инициативѣ Брусилова, указавшаго, на основаніи донесеній командиров, на необходимость отдачи "какого-либо приказа" в виду преувеличенных слухов, проникших уже на фронт: Брусилов предлагал объявить, что Николай II отрекся, что в управление страной вступил Врем. Ком. Гос. Думы, что войска должны "охранять своею грудью матушку Россію" и не вмѣшиваться в политику. "Вполнѣ понимаю все, вами высказанное", — отвѣтил Алексѣев. — "Мое положеніе:

1. Не могу добиться, чтобы Родзянко подошел к аппарату выслушать мое рѣшительное сообщеніе о невозможности играть в их руку и замалчивать манифест.

2. Повелѣніе Вел. Кн., верховнаго главнокомандующаго, во всѣх важных случаях обращаться

к нему и его извѣщеніе, что для кавказской арміи манифест не существует до опубликовапія его законным порядком через Сенат. Сейчас вторично доложу по аппарату Вел. Кн... заявленіе всѣх главнокомандующих, что дальнѣйшее молчаніе грозит опасными послѣдствіями. При неполученіи каких-либо указаній, возьму на себя отдачу приказанія... Самое трудное — установить какое-либо согласіе с виляющим современным правительством"...

Трудно сказать, до каких предѣлов могла пойти инициатива ген. Алексѣева. Он не встрѣтил достаточной поддержки: Вел. Кн. отвѣтил, что он является "выразителем объединеннаго мнѣнія арміи и флота", но не как "коллегіальнаго мнѣнія главнокомандующих", и что он сносится с правительством[271]. Рузскій, считая необходимым объявленіе манифеста, полагал, что излишне запрашивать командармов, так как им "обстановка внутри имперіи мало извѣстна"; что для "установленія единства дѣйствія" необходимо установить "полный контакт с правительством", и что до фактическаго вступленія в главнокомандованіе Вел. Князя "сбор главнокомандующих несоотвѣтственен". Эверт считал, что "подобно тому, как мы под дав-

леніем обстановки коллективно вынуждены были обратиться к Государю Императору с мольбой о согласіи его на измѣненіе (формы правленія. также нынѣ необходимо обратиться к Гос. Думѣ и новому правительству с заявленіем о необходимости немедленнаго объявленія высочайшаго манифеста, спѣшно и законно изданнаго Сенатом, и просто во имя спасенія родины от порабощенія ея злѣйшими ея врагами немедленно успокоить всѣ волненія, отказаться нынѣ от намѣченнаго пути избранія Учред. Собранія". Эверт считал съѣзд необходимым и недопустимым откладывать его на 8-ое марта....

Алексѣев пытался установить контакт с правительством, как рекомендовал Рузскій. Не добившись "возможности говорить с предсѣдателем Гос. Думы", он говорил в 6 час. веч., когда вопрос о манифестѣ 2-го в Петербургѣ окончательно уже был разрѣшен в отрицательном смыслѣ, с Гучковым и просил его "взять на себя передачу" Родзянко "серьезнѣйшаго для арміи вопроса". "Выход должен быть найден путем соглашенія с лицом, долженствующим вступить на престол", — убѣждал нач. штаба... "Полагаю вполне возможным в первом

манифестъ новаго царствованія объявить о том, что окончательное рѣшеніе вопросов государственнаго управленія будетъ выполнено в согласіи с народнымъ представительствомъ, хотя бы по окончаніи войны или наступленія успокоенія", "пять милліоновъ вооруженныхъ людей ждутъ объясненія свершившагося", — напоминалъ еще разъ Алексѣевъ. Военный министръ информировалъ нач. Штаба о "соглашеніи", достигнутомъ с лицомъ, долженствовавшимъ вступить на престолъ... Алексѣева не удовлетворило "соглашеніе". "Неужели нельзя было убѣдить Вел. Князя принять временно до созыва Собранія власть? Это сразу внесло бы опредѣленность в положеніе[272]... Трудно предугадать, какъ приметъ стоящая в окопахъ масса манифестъ 3-го марта. Развѣ не можетъ она признать его вынужденнымъ со стороны? Теперешнюю дѣйствующую армію нужно беречь и беречь отъ всякихъ страстей в вопросахъ внутреннихъ. Хотя бы непродолжительное вступленіе на престолъ Вел. Князя сразу внесло бы и уваженіе къ волѣ бывшаго Государя и готовность Вел. Кн. послужить своему отечеству в тяжелые переживаемые имъ дни... Увѣренъ, что на армію это произвело бы наилучшее бодрящее впечатлѣніе... Черезъ полгода-же все вы-

яснится ближе, лучше и всякія измѣненія протекут не столь болѣзненно, как теперь"... Вечером в 11 часов Алексѣев еще раз говорил с Петербургом — на этот раз с предсѣдателем Думы. Ему оставалось лишь подчиниться обстоятельствам и заключить разговор полной предчувствій фразой: "Прибавить ничего не могу, кромѣ слов: Боже, спаси Россію".

II. Отреченіе Михаила.

1. Рѣшеніе Временнаго Комитета.

В "Исторіи революціи" Миллюков говорит, что Родзянко-Львов отправились к прямому проводу в военное министерство для того, чтобы выяснить возможность "измѣненія" манифеста. Мы видѣли, что об этом не было и рѣчи со стороны предсѣдателей Врем. Комитета и Врем. Правительства. Дѣло шло об отсрочкѣ, пока политическіе архитектора не договорятся между собой... "Ночь, (вѣрнѣе предразсвѣтное время) прошла, — вспоминает Керенскій, — в рѣзких и горячих спорах, так как Миллюков защищал свою позицію с настойчивостью и упорством изумительными. Его поддерживал

лишь отчасти (*moité à contre soeur*) Шингарев. Милюков считал, что "всѣ потеряли голову"[\[273\]](#). Мнѣніе Керенскаго о необходимости убѣдить Вел. Князя отречься возымѣло рѣшающее вліяніе. Некрасов успѣл уже набросать и проект отреченія. Никто не знал, насколько сам Вел. Князь был освѣдомлен о происходящем. Рѣшено было отправиться и коллективно представить на его усмотрѣніе двѣ точки зрѣнія, так как Милюков, — утверждает Керенскій, — заявил, что он немедленно покинет ряды Вр. Правительства, если ему не будет предоставлена возможность изложить мнѣніе меньшинства перед Мих. Алекс.

Около полудня по датировкѣ Милюкова — около 10 час. по воспоминаніям Керенскаго — члены правительства кн. Львов, Милюков, Керенскій, Некрасов, Терещенко, Годнев, Львов Вл. и члены Врем. Комитета Родзянко, Ефремов и Караулов (называют еще Шидловскаго и Ржевскаго), собрались на Милліонной в квартирѣ кн. Путятиной, гдѣ временно пребывал Великій Князь. Сама хозяйка в воспоминаніях опредѣляет время собранія около 11 часов.

Около полудня по датировкѣ Милюкова — око-

до 10 час. по воспоминаніям Керенскаго — члены правительства кн. Львов, Милюков, Керенскій, Некрасов, Терещенко, Годнев, Львов Вл. и члены Врем. Комитета Родзянко, Ефремов и Караулов (называют еще Шидловскаго и Ржевскаго), собрались на Милліонной в квартирѣ вн. Путьятиной, гдѣ временно пребывал Великій Князь. Сама хозяйка в воспоминаніях опредѣляет время собранія около 11 часов.

Не знаю, на основаніи каких данных Маклаков инициативу созыва совѣщанія приписывает "новому императору". Караулов, рассказывавшій 31 марта в. кн. Андрею Влад. в Кисловодскѣ исторію отреченія Мих. Ал., говорил, что инициатива совѣщанія принадлежала исключительно думцам: Керенскій телефонировал Вел. Кн. в 5 час. утра, Мих. Ал. разбудили, и он отвѣтил, что "ничего не знает" о том, что произошло в Псковѣ. Надо ли говорить, что теоретическія разсужденія Маклакова, который понял бы собраніе на Милліонной, если бы там рѣчь шла о недостаточности конституціонных гарантій в актѣ отреченія Царя, совершенно непримѣнимы к революціонной обстановкѣ утра 3-го марта, вытекавшей, конечно, не из правомѣр-

ных юридических предпосылок государствовѣдов. При обрисовкѣ тогдашней революціонной обстановки надлежит устранить легенду, правда совершенно второстепеннаго значенія, но очень характерную для революціонной мемуарной литературы. Суханов вспомнил, как он 2-го марта, т. е. в критическій момент, когда рѣшался вопрос о государственной власти, на запрос совѣтскаго комиссара на Царскосельском вокзалѣ ("по порученію желѣзнодорожников"): возможно ли дать Мих. Ал. поѣзд для пріѣзда из Гатчины в Петербург, "без всяких совѣщаній", отвѣтил, "что поѣзда Исп. Ком. не разрѣшает "по случаю дороговизны угля" — "гр. Романов может придти на вокзал, взять билет и ѣхать в общем поѣздѣ" Этот, воспроизводимый Черновым и др. "революціонный" отвѣтъ теряет свой эффект и относительное остроуміе, так как Мих. Ал., прибыв в столицу 27-го, уже не мог выѣхать назад в Гатчину и находился все время в квартирѣ кн. Путятиной. Так засвидѣтельствовала сама Путятина; это утверждает и полк. Никитин, по словам котораго Мих. Ал. в разговорѣ с ним высказывал особенное недовольство против Родзянко, вызвавшаго Великаго Князя и оставившаго его будто бы в военном министерствѣ во вре-

мя вечерняго разговора со Ставкой. Однако, для переговоров со Ставкой Мих. Ал. ѣздил не с Родзянко, а с военным министром Бѣляевым и на его автомобилѣ. Весь этот инцидент (с сухановским отвѣтом) нашел нѣкоторый отклик в тогдашнем сообщеніи "Русскаго Слова", но отнесен он ко времени послѣ отреченія. Кто у кого заимствовал — мемуарист ли у газетнаго сотрудника или этог послѣдній у будущаго мемуариста — не знаю...

По словам Путятиной, Мих Ал. увѣдомил Родзянко только в 4 часа утра 2-го, гдѣ он находится (свидѣтельство болѣе, чѣм сомнительное), и тогда же ему была прислана охрана из 40 юнкеров и 8 офицеров.

2. Возвращеніе делегатов

Гучков и Шульгин только что (около 8 час. утра) вернулись в Петербург и тут же на Варшавском вокзалѣ натолкнулись на яркую иллюстрацію к существовавшим настроеніям. Гучков смѣло пошел объявить акт отреченія в мастерскія Сѣв.-Зап. жел. дор., но рабочіе пришли в такое возбужденіе,

что, "закрыв помѣщеніе мастерских, проявили недвусмысленное намѣреніе акт уничтожить, а Гучкова линчевать". Эпизод, повидимому, был не столь драматичен, как изобразил его в приведенных словах Бубликов, и никто не собирался уничтожать акт отреченія и убивать Гучкова.^[274] Образно, но нѣсколько туманно, об инцидентѣ рассказал Шульгин, бывшій одним из дѣйствовавших лиц. В кутюрьмѣ, которая царила на вокзалѣ, когда "какіе-то люди" "куда-то нас тащили", "мнѣ выпало на долю объявить о происшедшем" "войскам и народу" Рота выстроилась "покоем" (четвертую сторону составляла толпа) и взяла на караул . В такой торжественной обстановкѣ Шульгин прочитал отреченіе. "Я поднял глаза от бумаги и увидел, как дрогнули штыки... прямо против меня молодой солдат плакал... Тогда я стал говорить". Депутат произнес патріотическую рѣчь о Россіи, о ея спасеніи, чему подал примѣр Царь. "Ура Государю императору Михаилу второму!" "И показалось мнѣ на короткое время, что монархія спасена". В этот момент Шульгина позвали к телефону — Милюков спѣшил перехватить делегатов на вокзалѣ и предупредить, что они должны ѣхать на Милліонную 12. Милюков не одобрил поспѣшную попытку про-

возгласить "Михаила II". "Настроение сильно ухудшилось текст (манифеста) неудовлетворителен необходимо упоминание Учредительного Соборанія". Шульгин направился на розыски Гучкова, но по дорогѣ передал конверт с подлинным отречением посланцу Бубликова и нашёл Гучкова на митингѣ рабочих в желѣзнодорожных мастерских.

Шульгин застал момент, когда толпа "забурлила" под влиянием агитационных рѣчей ораторов и требовала "закрыть двери", дабы "Александра Ивановича" не выпустить, а "документы" отобрать[275]. Спас положеніе инженер, устыдившій толпу "вы хуже стараго режима". "Двери открылись Гучков говорил какія-то успокаивающія слова", а Шульгин мотивировал необходимость немедленнаго отѣзда, так как "сейчас в Гос. Думѣ между Комитетом Думы и Совѣтом Р. Д. идет важнѣйшее совѣщаніе, на котором... все рѣшится". "Толпа разступилась — скорѣе дружественно"... Желѣзнодорожный инспектор Некрасов, сопровождавшій делегатов во время поѣздки в Псков, дал Ломоносову другое объясненіе. Гучкова приняли за "самозванца" и хотѣли арестовать. Вмѣшался Некрасов и сказал, что они привезли "акт отреч-

ченія". Пошли "какіе-то переговоры". Нас "вѣжливо продержали еще минут двадцать и выпустили" [276]. Так и остается неизвѣстным из рассказов мемуаристов — читал ли Гучков акт отреченія рабочим. Вѣроятно же всего читал, и возбужденіе, силу котораго каждый мемуарист передал на свой лад, вызвало упоминаніе о воцареніи Михаила. Сам Гучков в воспоминаніях не упомянул об инцидентѣ: он говорит, что от начальника станціи делегаты узнали, куда они спѣшно должны ѣхать.

3. У Великаго Князя.

"Вот Милліонная"... Вел. Князь имѣл очень взволнованный вид, — вспоминает Керенскій. Кн. Львов и Родзянко изложили взгляд большинства, Что сказал Родзянко, "пространно", по словам Миллюкова, мотивировавшій необходимость отказа "новаго императора", мы можем догадаться по его воспоминаніям. Говорил ли Родзянко о незаконности манифеста, о дефективности текста "конституціи", мы не знаем. Очевидно, центром были соображенія тактическія, вытекавшія из учета настроенія революціонных элементов: "для нас было совершенно ясно, Вел. Кн. процарствовал бы

всего нѣскольکو часов и немедленно произошло бы огромное кровопролитіе в стѣнах столицы, которое бы положило начало общегражданской войнѣ. Для нас было ясно, что Вел. Кн. был бы немедленно убит и с ним всѣ сторонники его, ибо вѣрных войск уже тогда в своем распоряженіи не имѣл и поэтому на вооруженную силу опереться не мог. Вел. кн. Мих. Ал. поставил мнѣ ребром вопрос, могу ли я ему гарантировать жизнь, если он примет престол, и я должен был ему отвѣтить отрицательно... Даже увезти его тайно из Петрограда не представлялось возможным: ни один автомобиль не был бы выпущен из города, как не выпустили бы ни одного поѣзда из него"...[277].

Наступила очередь Милюкова изложить позицію "меньшинства", т.е. свою собственную точку зрѣнія[278]. Вновь очень картинно изобразил Шульгин "потрясающую" рѣчь Милюкова — "Головой — бѣлый, как лунь"[279], лицом сизый от бессонницы, совершенно сиплый от рѣчей в казармах, на митингах, он не говорил, но каркал хрипло": если откажетесь — Россія погибла. Естественно, что именно в этом изложеніи всегда цитируется рѣчь Милюкова. Но с Шульгиным, как мемуа-

ристом, всегда происходят небольшие malentendus: депутат попал на Милліонную лишь к самому концу рѣчи Милюкова. Поэтому возьмем лучше ту общую характеристику ея, которую дал сам Милюков в своем уже историческом повѣствованіи: "Сильная власть, необходимая для укрѣпленія порядка, нуждается в опорѣ привычнаго для масс символа власти. Временное Правительство одно без монарха... является утлой ладьей, которая может потонуть в океанѣ народных волненій; странѣ при таких условіях может грозить потеря всякаго сознанія государственности и полная анархія, раньше, чѣм соберется Учр. Собраніе, Временное Правительство одно до него не доживет" и т. д. По словам Керенскаго, Милюков говорил болѣе часа с большим спокойствіем и хладнокровіем, явно желая, по мнѣнію мемуариста, затянуть разговор до пріѣзда псковичей, надѣясь в них найти опору. Совсѣм иное объясненіе длинной рѣчи Милюкова и его состоянія — крайне возбужденнаго, а не спокойнаго — дали Алданову другіе участники совѣщанія (анонимные в статьѣ писателя): "это была как бы обструкція... Милюков точно не хотѣл, не мог, боялся окончить говорить, он обрывал возражавшаго ему, обрывал Родзянко, Керен-

скаго и всѣх" ...[\[280\]](#)

По прїѣздѣ псковскихъ делегатовъ былъ объявленъ перерывъ для взаимной информаціи. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній или размышленій Гучковъ рѣшилъ, что онъ долженъ поддержать позицію Милюкова, и объявилъ, что если Мих. Ал. присоединится къ позиціи большинства, онъ не вступитъ въ составъ правительства.

По Керенскому послѣ перерыва говорилъ Гучковъ, по Шульгину — Керенскій. В изложеніи послѣдняго Керенскій сказалъ приблизительно такъ: В. В., мои убѣжденія республиканскія. Я противъ монархіи...[\[281\]](#).

Но я сейчасъ не хочу, не буду... разрѣшите вамъ сказать иначе... какъ русскій русскому, П. Н. Милюковъ ошибается. Принявъ престолъ, Вы не спасете Россію!.. Наоборотъ. Я знаю настроеніе масс... Сейчасъ рѣзкое недовольство направлено именно противъ монархіи... именно этотъ вопросъ будетъ причиною кроваваго разлада. Умоляю Васъ, во имя Россіи, принести эту жертву. Если это жертва... Потому что, съ другой стороны... я не въ правѣ скрыть здѣсь, какимъ опасностямъ Вы лично подвергаетесь въ случаѣ рѣшенія принять престолъ... Во всякомъ случаѣ

я не ручаюсь за жизнь В. В."...[282].

Слово предоставлено было Гучкову (предсѣдательствовал как бы сам Мих. Ал.). Гучков был, по словам Керенскаго, краток и ясен. Французскому послу один из участников совѣщанія говорил, что Гучков, призывая Вел. Князя к патріотическому мужеству, указывал на необходимость в переживаемый момент выступить ему в качествѣ національнаго вождя. Если Вел. Кн. отказывается принять императорскую корону, то пусть примет на себя регентство, пока трон вакантен; пусть выступит в роли "покровителя націи", как именовался Кромвель. Вел. Кн. может дать торжественное обѣщаніе передать власть Учр. Собранію по окончаніи войны.

Была очередь Шульгина. Ему кажется, что он говорил "последним"[283]. Шульгин обратил вниманіе на то, что тѣ, "кто должен быть.. опорой" Вел. Кн. в случаѣ принятія престола, т. е. почти всѣ члены новаго правительства, "этой опоры... не оказали". "Можно ли опереться на других? Если нѣтъ, то у меня не хватает мужества при этих условіях совѣтовать... принять престол"...

Шульгин не был последним — говорил еще раз

Милюков, так как "вопреки соглашенію" за первыми рѣчами послѣдовали другія в "полемиическом тонѣ". Милюков получил, наперекор "страстному противодѣйствію Керенскаго", слово для отвѣта. В нем он указал, что "хотя и правы утверждавшіе, что принятіе власти грозит риском для личной безопасности Вел. Князя и самих министров, но на риск, этот надо идти в интересах родины, ибо только таким образом может быть снята с даннаго состава лиц отвѣтственность за будущее. К тому же внѣ Петрограда есть полная возможность собрать военную силу, необходимую для защиты Вел. Князя".

По утвержденію Керенскаго, Мих. Алек. казался уже утомленным и начинал терять терпѣніе[284]. По окончанію рѣчей (в представленіи Керенскаго, это было послѣ рѣчи Гучкова). Мих. Ал. выразил желаніе переговорить наединѣ с кн. Львовым и Родзянко, прежде чѣм принять окончательное рѣшеніе. По словам Караулова, он мотивировал свое желаніе тѣм, что ему, "крайне трудно принять рѣшеніе, раз между членами Думы нѣт единства"[285]. Родзянко пытался возразить, ссылаясь на общее соглашеніе дѣйствовать коллектив-

но. Вопрошающій взгляд в сторону Керенскаго, как бы испрашивавшій у него согласія на частные разговоры. Керенскій нашел, что отказать Вел. Кн. в его просьбѣ неудобно. Караулов говорил, что и он настаивал на предоставленіи Мих. Ал. полной "возможности принять свободное рѣшеніе". Поэтому никто не возражал против "разговора" с двумя лицами... при условіи, что Мих. Ал. "ни с кѣм посторонним разговаривать не будет, даже по телефону" [286]. Своеобразная "свобода рѣшенія", которая дала в послѣдствіи повод в кругах, близких Мих. Ал., утверждать, что послѣдній был "взят мертвой хваткой"!.. Указанныя лица вмѣстѣ с Вел. Князем вышли в другую комнату.

* * *

Какія реальныя возможности открывались перед Михаилом Александровичем? Личныя настроенія и теоретическія выкладки пытавшихся предугадать событія политиков не создавали еще базы для активнаго дѣйствія. В отрывках воспоминаній, напечатанных в "Совр. Зап.", Милюков очень опредѣленно утверждал, что он хотѣл "рискнуть открытым конфликтом с революціонной де-

мократіей" и разсчитывал тогда на успѣх, как он потом, нѣсколько позже, говорил Набокову. Набоков же считал эту возможность "чисто теоретической". "Несомнѣнно, — разсуждает в воспоминаніях Набоков, — для укрѣпленія Михаила потребовались бы очень рѣшительныя дѣйствія, не останавливающіеся перед кровопролитіем, перед арестом Исп. Ком. Совѣта Р. и С. Д... Через недѣлю, вѣроятно, все вошло бы в надлежащія рамки. Но для этой недѣли надо было располагать реальными силами... Таких сил не было. И сам по себѣ Михаил был человѣком, "мало или совсѣм не подходящим к той трудной, отвѣтственной и опасной роли, которую ему предстояло бы сыграть". "Вся совокупность условій была такова, что принятіе престола было невозможно", - заключает мемуарист. Не мог же Милюков, готовившійся "на собственный страх и риск" к "рѣшительной" игрѣ, не учитывать всей той обстановки, которую рисует Набоков?[\[287\]](#). Алданов, опросившій "всѣх, кого только мог" о совѣщаніи в кв. кн. Путятиной, говорившій и с Милюковым, сообщает, что Милюков "совѣтовал Великому Князю в эту же ночь оставить Петербург с его революціонным гарнизоном и, не теряя ни минуты, выѣхать в Москву, гдѣ

еще была военная сила". "Три энергичных, популярных, на все готовых человека — на престолъ, во главѣ арміи, во главѣ правительства — могли бы предотвратить развал страны". Великій князь Михаил лично был человек отважный, как свидѣлствуют всѣ военные, видѣвшіе его в боевой обстановкѣ[288]. Во главѣ арміи стоял в. кн. Ник. Ник., человек достаточно энергичный и не помышлявшій в эти дни о капитуляціи — он мог, к тому же, опереться на сочувствіе всего высшаго команднаго состава, который видѣл в отказѣ от престола Мих. Ал. большую трагедію для фронта. Во главѣ правительства должен был неминуемо в таком случаѣ встать Милюков, ибо, как говорит он в качествѣ историка, "обѣ стороны (на совѣщаніи) заявили, что в случаѣ рѣшенія, несогласнаго с их мнѣніем, онѣ не будут оказывать препятствія и поддержат правительство, хотя участвовать в нем не будут". Вакансія премьера освобождалась.

Надо предполагать, что, дѣлая предложеніе о переѣздѣ в Москву, Милюков не считал, очевидно, столь уже безоговорочным, как передает Набоков с его слов, что "в первые дни переворота гарнизон был в руках Гос. Думы". Не был он и всецѣло в ру-

ках Совѣта. Не было и того настроенія гражданской войны, в атмосферѣ которой могла родиться мерещившаяся Родзянко и др. опасность убійства Мих. Ал. Не думаю, чтобы и в квартирѣ кн. Путятиной, охраняемой нѣсколькими десятками преображенцев, чувствовался тот почти паническій страх, о котором рассказывает Шульгин: "Керенскій, — передает трепещущій Терещенко, — боится, чтобы не убили Великаго Князя: вот-вот какія-то бродящія кругом "банды" могут ворваться". Эти опасенія в большей степени зависѣли от настроенія молодого министра финансов революціоннаго правительства, бывшаго до революціи чуть ли не кандидатом на цареубійство, который, в изображеніи Шульгина, очень тяжело и непосредственно переживал сцену, разыгравшуюся на Милліонной: "Я больше не могу... что дѣлать, что дѣлать!..." "Маленькая анекдотичная подробность", переданная Гучковым, как будто говорит скорѣе за то, что Керенскій боялся появленія "банд" другого типа. Когда Гучков попробовал по телефону переговорить с женой и сообщить ей о своем пріѣздѣ, Керенскій пожелал знать, с кѣм будет говорить Гучков... У Керенскаго "было подозрѣніе, что я хочу вызвать какую-либо военную часть, которая

силою заставила бы Михаила остаться на престолѣ"[\[289\]](#).

В Москвѣ, не пережившей "пороховых дней", внѣшне, как будто, было спокойнѣе. Но это спокойствіе отнюдь не означало, что московскія настроенія благопріятствовали осуществленію милюковской концепціи. Напомним, что приблизительно как раз в часы, когда шло совѣщаніе в кв. Путятиной, в Москвѣ обсуждали вопрос о монархіи до Учр. Собр. и основное намѣтившееся теченіе Третьяков, представитель торгово-промышленнаго класса, а не будущей "революціонной демократіи", по газетному отчету выразил словами: "Не может быть рѣчи, чтобы послѣ Романова Николая вступил на престол Романов Михаил". Это было, может быть, скоро преходящее "опьянѣніе революціей", вскружившее даже наиболѣе "трезвые умы" в средѣ буржуазіи. С ним нельзя было не считаться, — оно распространилось на всю Россію: кн. Волконскій вспоминает, напримѣр, как в провинціальном Борисоглѣбскѣ "люди встрѣчались, обнимались, поздравляли", когда в связи с отреченіем пришло сообщеніе, что "старый порядок кончился". В такой обществен-

ной атмосферѣ монархическая традиція не могла быть "объединяющей и собирающей силой". В Москвѣ "опьянѣніе революціей" было, пожалуй, сильнѣе, чѣм в Петроградѣ, гдѣ, как рассказывал Караулов в Кисловодскѣ 16 марта, в "первые дни не знали, кто возьмет верх" и "боязнь контр-революціи у всѣх была большая". В Москвѣ боязни "контр-революціи" не было, и каким-то недоразумѣніем надо считать утвержденіе (историка или мемуариста — не знаю), что здѣсь "еще была военная сила", на которую мог рассчитывать "отчаянной смѣлости план", предложенный Милюковым в. кн. Михаилу. "Московскій гарнизон" еще 1 марта без всяких осложненій перешел всецѣло на сторону революціи. И сила сопротивленія возможной "контр-революціи" в Москвѣ представлялась гораздо значительнѣе, нежели в Петербургѣ. Это отчетливо видно из психологіи "крайне лѣвых", т. е. большевицких групп; лишь крайне плохой освѣдомленностью даже в общественных кругах можно объяснить отмѣтку Гиппіус 3-го, о Москвѣ, гдѣ "никакого Совѣта Р. Д. не существует".

Отдѣльные факты, взятые сами по себѣ, почти всегда противорѣчивы и ими одними нельзя ил-

люстрировать положеніе. Но сопоставленіе все-таки выясняет общую конъюнктуру. Вот резолюція, принятая в первые дни революціи в Петербургѣ на митингѣ рабочих и солдат в Самсоніевском братствѣ (Выборгская сторона) — она требует, чтобы Совѣт "немедленно" устранил Временное Правительство и этим правительством объявил бы себя. Из 1000 человек только 3 высказались против. Совѣм другое настроеніе на заводѣ "Галерный Остров". Отношеніе к большевикам было таково, что "даже не давали выступать", — вспоминает рабочий Наратов, — "о передачѣ власти совѣтам' не хотѣли... слушать". Аналогичная картина и в революціонном гарнизонѣ. Опасность "гнѣва революціоннаго народа", который может обрушиться на агитаторов из большевицкаго лагеря, была столь "реальна", что даже представители ЦК, носившіе высокое званіе членов Исп. Комит. Совѣта Р. Д., вынуждены были, как утверждает Шляпников, — "временно" воздержаться ходить в тѣ казармы, гдѣ господствовали "ура-патріоты", и создавать опору путем "индивидуальной обработки". Шляпников вспоминает, как ему — "большевику" в одной из зал Таврическаго дворца солдаты, распропагандированные "оборонцами",

"не давали говорить". Так было в отношеніи той партіи, которая — "единственная" среди партійных организацій — принимала непосредственное участие в боевых дѣйствіях на улицах столицы! Мы говорили уже, что этот большевицкій дѣятель и историк революціи признает, что у "Временнаго Правительства тогда оружія было куда больше, чѣм у нас", — "соотношеніе сил не позволяло" большевикам ставить вопрос в плоскость "борьбы с оружіем в руках". В протоколѣ Исп. Ком. (9 марта) можно найти отмѣтку, что в Царском Селѣ "войска стоят за конституціонную монархію"... Припомним, что в Москвѣ позиція "крайних" была, пожалуй, болѣе выигрышна — они открыто пытались на первых порах требовать созданія временнаго революціоннаго правительства.

Надежды на Москву были эфемерны. Реальной опорой мог быть только фронт, плохо еще освѣдомленный о происшедшем, не захваченный настроеніем уличной революціонной стихіи. Едва ли новому императору трудно было бы в петербургской обстановкѣ выѣхать из столицы — "революціонныя рогадки" не так уже были непроницаемы. Всякое активное дѣйствіе, естественно, не-

сет в себѣ долю риска, ибо случай играет здѣсь подчас слишком большую роль. А priori на фронтѣ можно было найти опору. Дѣло, конечно, не в тѣх патриотических буфонадах которыя имѣли мѣсто и к которым надлежит отнести и телеграмму Рузскому ген. ад. Хана-Нахичеванскаго 3 марта: "Прошу вас не отказать повергнуть к стопам Е. В. безграничную преданность гвардейской кавалеріи и готовность умереть за своего обожаемаго монарха". Люди в тѣ дни вообще имѣли склонность безответственно говорить от имени масс. При "нервном" и "недовѣрчивом" отношеніи солдат в первые дни к совершившемуся[290], поддержку на фронтѣ можно было найти, тѣм болѣе, что Алексѣев своим авторитетом мог бы подкрѣпить петербургское начинаніе — он считал, как мы знаем, воцареніе Михаила, хотя бы временное, необходимым[291].

Рискнули ли бы главнокомандующіе на вооруженный конфликт, мы, конечно, не знаем, так как всѣ их стремленія в страдные дни сводились к стремленію избѣгнуть междоусобицы, пагубной в их глазах для успѣха войны... Но совершенно удивительно, что мысль снестись и предварительно

переговорить с верховным командованіем не явилась у тѣх, кто призывал Вел. Князя идти на риск. Алексѣев тщетно пытался в теченіе всего дня найти этих политиков и добился Гучкова лишь тогда, когда вопрос был разрѣшен. Всякое дѣйствіе запаздывало и становилось, дѣйствительно, рискованным в момент, когда на улицах столицы развѣшивали уже плакаты о двойном отреченіи или раздавались листовки "Извѣстій", а за кулисами Исп. Ком. принимал уже постановление об арестѣ "династіи Романовых"[\[292\]](#). На квартирѣ кн. Пулятиной Вел. Князю предлагались теоретическія выкладки, болѣе умѣстныя в воспоминаніях, как, напр., у Набокова[\[293\]](#), но не предлагалось никакого конкретнаго плана дѣйствія. Вѣроятно, поэтому Мих. Ал. и проявлял признаки нетерпѣнія, о чем говорит Керенскій. Для лидера прогрессивнаго блока эта словесная скорѣе академическая постановка вопроса была естественна и до нѣкоторой степени соотвѣтствовала его характеру. Но Гучков? — человек болѣе пракческаго дѣла, чѣм теоріи, человек, свыкшійся уже в предшествующіе мѣсяцы в заговорщической атмосферѣ подготовки дворцоваго переворота с мыслью о военном pronuntio и нащупывавшій военныя части

для дѣйствія? Очевидно, вся общественная атмосфера не подходила для дѣйственных актов против "революціонной демократіи". То, чего хотѣл теоретически Милюков 3 марта, Гучков, как сам рассказал впоследствии, пытался в других условіях и с другим персонажем безуспѣшно осуществить через нѣсколько мѣсяцев.

4. Рѣшеніе.

Через полчаса вышел Великій Князь. Он сообщил "довольно твердо" ожидавшим, что его "окончательный выбор склонился в сторону мнѣнія, защищавшагося предсѣдателем Гос. Думы". Такова версія свидѣтеля-историка. Шульгин в иных тонах передает заключительную сцену. Вел. Кн. не договорил, "потому что... заплакал...".

Почему Мих. Ал. отказался "принять престол"? Не ясно ли из всего сказаннаго? Среди мотивов могли быть и соображенія, передаваемый полк. Никитиным, со слов кн. Брасовой: в. кн. Мих. Ал. не считал себя в правѣ взойти на престол, так как Царь не имѣл права отречься за наслѣдника. Именно по мнѣнію Никитина, человѣка близкаго к Мих. Ал., послѣдній был взят как бы "мертвой

хваткой" и чувствовал себя одиноким, считал, что "правительство, против него настроенное, не даст ему возможности работать". Вел. Кн. не мог не знать и отрицательнаго отношенія к его кандидатурѣ в родственной великокняжеской средѣ. Все вело к одному... Керенскій "рванулся", "В. В.! Вы — благородный человек!" Он прибавил, что отнынѣ будет всегда заявлять это"[\[294\]](#).

"Пафос Керенскаго, — замѣтил историк, — плохо гармонировал с прозой принятаго рѣшенія. За ним не чувствовалось любви и боли за Россію, а только страх за себя"... Почему?! "Злостным вздором" звал Суханов эту отмѣтку историка. Вѣроятно, в ней надо видѣть отзвук тѣх слов Керенскаго, которыя в записи Ан. Вл. гласили: "Миша может погибнуть, с ним и *они всѣ*". Странно, что и через 20 лѣт Милюков не нашел других слов, кромѣ "нерѣшительности" Вел. Князя и "трусости" Родзянко, помѣшавших осуществить предложенный план спасенія Россіи, для характеристики обстановки, в которой создавался "историческій акт" 3-го марта. Реалистичнѣе был тогда монархист кн. Львов, опредѣлившій в болѣе позднем разговорѣ по поводу с ген. Алексѣевым положеніе так: "бла-

городное рѣшеніе в. кн. Мих. Ал. привлекло к нему симпатіи громаднх масс и открывает в будущем возможность новых горизонтов и спасло его и нас от новой бури".

Для оформленія акта отреченія на Милліонную были вызваны юристы-государствовѣды Набоков и Нольде, а в перерыв кн. Путятинна "просила всѣх завтракать". По свидѣтельству мемуаристов не остался только Милюков, сама же Путятинна перечисляет лишь четырех среди завтракавших: Львов, Набоков, Шульгин и Керенскій[295]. Завтрак прошел в спокойной обстановки. Не показывает ли это, что страх, будто бы кто-то может ежеминутно "ворваться" не был силен? Приѣхавшіе юристы соотвѣтственно передѣлали "слабый и неудачный" черновик проекта Некрасова. Мих. Ал. со своей стороны, внес нѣсколько поправок — по указанію Шульгина, двѣ: ссылку на Бога и замѣну словом "прошу" проектированнаго "повелѣваю". Караулов рассказывал Ан. Вл., что Мих. Ал. "настоял", чтобы акт был редактирован не в видѣ манифеста от имени императора, и всѣ выраженія "мы" замѣнил "я". Керенскій, также участвовавшій в обработкѣ некрасовскаго текста, увѣряет, что "особенно долго

спорили" о происхожденіи временнаго правительства, Керенскій требовал исключить "волю народа". Помирились на том, чтобы было "волею народа по почину Гос. Думы", но в окончательном текстѣ "воля народа" все-таки исчезла.

Манифест гласил: "Тяжкое бремя возложено на Меня волею Брата Моего, передавшаго Мнѣ Императорскій Престол в годину безпримѣрной войны и волненій народных. Одушевленный единою со всѣм народом мыслею, что выше всего благо Родины Нашей, принял Я твердое рѣшеніе в том лишь случаѣ воспріять Верховную Власть, если таковая будет воля Великаго народа Нашего, которому надлежит всенародным голосованіем, через представителей своих в Учред. Собраніи, установить образ правленія и новые основные законы Государства Россійскаго. Посему, призывая благословеніе Божіе, прошу всѣх граждан Державы Россійской подчиниться Временному Правительству, по почину Гос. Думы возникшему и облеченному всей полнотою власти, впредь до того, как созванное в возможно кратчайшій срок на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія Учредительное Собраніе своим рѣшеніем об об-

разѣ правленія выразит волю народа".

Послѣ подписанія актъ взялъ кн. Львов. Это было уже около 6 час. вечера. Перевернулась страница русской исторіи. Назрѣвавшій правительственный кризис благополучно разрѣшился. Набоков рассказываетъ, что кн. Львов, информируя прибывших на Милліонную юристовъ о мотивахъ ихъ приглашенія, сообщилъ, что въ результатѣ принятаго рѣшенія Милюковъ и Гучковъ выходятъ изъ состава правительства. "Что Гучковъ уходитъ, — добавилъ, яко-бы, Львовъ, — это не бѣда: вѣдь оказывается, что его въ арміи терпѣть не могутъ, солдаты же его просто ненавидятъ. А вотъ Милюкова непременно надо уговорить остаться". Набоков соглашался, что уходъ Милюкова былъ бы "настоящей катастрофой", и направился въ Таврической дворецъ убѣждать вождя партіи к. д. не выходить изъ состава Временнаго Правительства. Оказалось, что на эту тему съ Милюковымъ говорилъ уже Винаверъ. "Текстъ отказа" Михаила Милюкова удовлетворилъ и "кажется" послужилъ окончательнымъ толчкомъ для измѣненія принятаго раньше рѣшенія. Кто убѣдилъ Гучкова. Набоковъ не зналъ. Это сдѣлалъ, въ свою очередь, Милюковъ — такъ рассказываетъ Гучковъ на

страницах воспоминаній, напечатанных в "Пос. Новостях". Милюков, мало надѣявшійся на благополучный исход революціи, "всетаки был большим оптимистом, чѣм я". Керенскій говорит, что Гучкова убѣдили остаться, по крайней мѣрѣ на первые дни, тут же на совѣщаніи в минуты второго перерыва, когда Мих. Ал. совѣщался с Родзянко.

Надо думать, что Гучков согласился и вновь отказался, иначе непонятен характерный для обстановки нижеслѣдующій разговор по прямому проводу между Алексѣевым и полк. Энгельгардтом. Алексѣев только что закончил процитированную выше бесѣду с Гучковым по поводу отреченія Мих. Ал. (это было ближе уже к 7 час. вечера) и вызвал вновь Гучкова или Родзянко. "Родзянко занят неотложным дѣлом, — отвѣтил Энгельгапт: — "Гучков подал в отставку, временно я занимаюсь военным дѣлом и явился к аппарату. Может быть, найдете возможным переговорить со мною?" — "Я сейчас только окончил разговор с Гучковым, и он мнѣ ни одним словом не обмолвился о своей отставкѣ, указывая, напротив, что всѣ усилія свои посвятит на пользу арміи.

Очень трудно рѣшать какіе бы то ни было вопросы, касающіеся дѣйствующей арміи, если отсутствует какая бы то ни было ориентировка в эти исключительные дни со стороны правительства. Если вы можете довести до свѣдѣнія предсѣдателя Совѣта Министров, то я прошу быть ориентирован о ходѣ дѣл, ибо отдавать распоряженіе *с завязанными глазами* (курсив мой) невозможно"[296]. "Час тому назад Некрасов сообщил мнѣ, что Гучков подал в отставку. В Думѣ его не было, а потому я позволил себѣ лично прибыть к аппарату, чтобы не задерживать вас. Из Ставки трижды вызывали Родзянко и Гучкова. Если вы говорили с Гучковым послѣ 18 часов, то, возможно, он взял отставку обратно. Передам нашу бесѣду кн. Львову немедленно"[297].

Думается, что на рѣшеніе Милюкова и Гучкова больше всего повліяла окружавшая обстановка. Становилось ясно, что историческій путь в данном отрѣзѣ времени шел не по тѣм линіям, которыя намѣчались теоретическими выкладками политиков: событія рождались "психологіей масс", как выразился кн. Львов в дальнѣйшем разговорѣ с Алексѣевым. Эту психологію масс в революціон-

ной столицѣ Родзянко в разговорѣ с тѣм же Алексѣевым в 10 час. вечера опредѣлил словами: "Хотя эти акты (манифесты) не опубликованы, но слух о них прошел и встрѣчен населеніем с ликованием. Произведен салют с крѣпости новому правительству в 101 выстрѣл". В дополненіе к словам Родзянко случайный фланер в то время на улицах столицы, толстовец Булгаков, вспоминает, что извѣстіе об отреченіи "Николая" и "Михаила" вызвало восторженное "ура". — "Всѣ были именинниками". В "низах" — на "улицѣ", переходящей в "демократію", общее настроеніе "против Романовых", — отмѣчает вновь Гиппіус. На пессимистическую реплику нач. штаба предсѣдатель Думы замѣтил: "Искренне сожалѣнію, что Ваше Высокопревосходительство так грустно и уныло настроены, что тоже не может служить благоприятным фактором для побѣды, а я вот и всѣ мы здѣсь настроены бодро и рѣшительно".

Скептики не только уступили всеобщему оптимизму, но и сами им заразились: Милюков на другой день сдѣлался даже самоувѣренным, как отмѣчают современники. Очевидно, он думал, что опытный рулевой сумѣет всетаки направить госу-

дарственный корабль, вопреки революціонной стихіи, в надлежащее русло. Таким путем ему в первые, по крайней мѣрѣ, дни все еще рисовался путь, который он отстаивал на Милліонной. Об этом опредѣленно говорит официальная телеграмма 6 марта англійскаго посла в Лондон. Бьюкенен передавал Бальфуру, на основаніи своего разговора с Милюковым от означеннаго числа: министр ин. д., выразив "большую удовлетворенность положеніем дѣл", полагал, что "окончательным устройством вещей явится избраніе новаго императора. Единственным кандидатом он считал в. кн. Михаила. Его Высочество пріобрѣл большую популярность послѣ опубликованія своего манифеста".

Таким образом заря новой Россіи и в представленіи лидера думской общественности занималась при ауспиціях, скорѣе благоприятных. Естественно, что Карабчевскій, посѣтившій через нѣсколько дней новаго руководителя внѣшней политикой в качествѣ предсѣдателя "комиссіи по разслѣдованію германских звѣрств", нашел Милюкова в настроеніи радужном и в себѣ увѣренном: он вновь "и помолодѣл и пріосанился". И Палеолог записал 4 марта: Милюков в 24 часа от отчаянія перешел к

полной увѣренности. Милюков отнюдь не был одинок: мы видѣли, в каких повышенных тонах привѣтствовал революцію через нѣсколько дней акад. Струве — тот Струве, который находился в Думѣ в первые революціонные часы и встрѣтил Набокова в "крайне скептическом" настроеніи.

5. Послѣдній штрих.

...Всѣ вновь собрались в Таврическом Дворцѣ для выработки формы опубликованія двух отреченій. Случайно присутствовавшій при обсужденіи проф. Ломоносов (он привез "подлинник" манифеста Николая II, полученный от Гучкова и находившійся в мин. пут. сообщ., и ждал официальнаго текста, актов отреченія, так как печатать его должна была типографія министерства), изобразил в воспоминаніях обстановку, в которой происходило обсужденіе — вѣроятно, нѣсколько карикатурно. "Как назвать эти документы? По существу это суть манифесты двух императоров", — заявил Милюков. — "Но Николай придал своему отреченію иную форму, форму телеграммы на имя Начальника Штаба. Мы не можем мѣнять эту форму", — возразил Набоков.

— "Пожалуй. Но рѣшающее значеніе имѣет отреченіе Мих. Ал... Оно написано вашей рукой, Вл. Дм., и мы можем его вставить в любую рамку. Пишите: "Мы, милостью Божіей, Михаил II, Император и Самодержецъ Всероссійскій... объявляемъ вѣрнымъ подданнымъ вашимъ"... — "Позвольте... да вѣдь он не царствовал"... Начался горячій спор... Милюков и Набоков с пѣной у рта доказывали, что отреченіе Михаила только тогда имѣетъ юридическій смысл, если признать, что он был императором... Полночь застала нас за этимъ спором. Наконец, около 2 час. ночи соглашеніе было достигнуто. Набоков написал на двухъ кусочкахъ бумаги названія актовъ:

1. Актъ об отреченіи Государя Императора Николая II от престола Государства Россійскаго в пользу Великаго Князя Михаила Александровича.

2. Актъ об отказѣ Вел. Кн. Мих. Ал. от *воспріятія* верховной власти и о признаніи им всей полноты власти за Временнымъ Правительством, возникшим по почину Гос. Думы"...

"Над этими строками, — язвительно замѣчает мемуарист, — можно поставить заглавіе: "Результатъ первыхъ шести часовъ работы ироніи Вре-

меннаго Правительства"[298]. Нѣкоторая доля истины в этой ироніи имѣется: только в 3 часа 50 мин. ночи 4-го марта из Петербурга пошло в Ставку столь нервно ожидавшееся там официальное увѣдомленіе об отказѣ Мих. Алек, "воспріять верховную власть впредь до опредѣленія Учредительным Собраніем формы правленія".

Вокруг имени в. кн. Михаила в роковые дни создались уже обычныя легенды. Помѣщаемые ниже отрывки из записей А. С. Матвѣева (управляющаго дѣлами В. Кн.), опредѣляют довольно точно, по крайней мѣрѣ, даты, касающіяся пребыванія Мих. Ал. в Петербургѣ.

Вел. князь Михаил Александрович в дни переворота.

25-го февраля, в субботу, предполагался приѣзд из Гатчины в Петербург вел. кн. Михаила Александровича. В этот день был назначен на 7 час. вечера обѣд у гр. И. И. Капниста, на Сергіевской улицѣ (Капнист — член Государственной Думы), и затѣм предполагалась поѣздка в Михайловскій театр на французскій спектакль.

Проѣзжая к гр. Капнист, Великій Князь обратил вниманіе на большое скопленіе народа в направленіи Невскаго проспекта, а потому, по пріѣздѣ на Сергіевскую, поручил мнѣ справиться по телефону у Петербургскаго градоначальника (ген.-м. Балк) о положеніи в Петроградѣ. Градоначальник отвѣтил, что в городѣ тревожно, на Невском проспектѣ была стрѣльба, и что при стрѣльбѣ убит полицейскій пристав. Мой доклад о событіях в Петроградѣ произвел на Вел. Князя очень тяжелое впечатлѣніе, и он сейчас же отказался от мысли поѣхать в театр. По окончаніи обѣда лица, принимавшая в нем участіе, поѣхали в театр, а М. А. поѣхал со мной ко мнѣ на квартиру; оставаясь у меня, М. А. писал письма своим знакомым и, между прочим, ген. Брусилову. Вел. Князь оставался у меня до 12 час. ночи; в указанное время подѣхал к дому автомобиль с Н. С. Брасовой и Н. Н. Джонсоном, возвратившимися из театра. М. А. вошел в автомобиль и уѣхал в Гатчину. На другой день, 26-го февраля, в воскресенье, вел. князь Михаил Александрович предполагал пріѣхать в Петроград и, вмѣстѣ с вел. кн. Ксеніей Александровной, быть в 2 часа дня в Петропавловском соборѣ на панихидѣ у гробницы имп. Александра III. В этот день,

в 10 час. утра, я справился по телефону у градоначальника о безопасности слѣдованія Вел. Князя с Варшавскаго вокзала в Петропавловскій собор. Градоначальник сообщил, что путь слѣдованія безопасен, о чем я и доложил по телефону в Гатчину. 26-го февраля М. А. я не видѣл, но знаю, что он благополучно побывал у Кс. Ал. и в Петропавловском соборѣ, а затѣм возвратился в Гатчину.

27-го февраля, в понедѣльник, я отправился в обычное время в Управление дѣлами вел. кн. М. А.; на улицах было большое оживленіе, а мѣстами были замѣтны далее отдѣльныя группы; вообще же чувствовалось очень тревожное настроеніе. Из Управленія дѣлами я вышел в 3 / ч. дня. Возвращался я домой в автомобилѣ, которому мѣстами приходилось ѣхать очень медленно из-за народа, котораго особенно было много на Благовѣщенской площади. По пріѣздѣ домой я говорил по телефону с шофером Козловским, который сообщил мнѣ, что ему приказано по телефону из Гатчины подать автомобиль на Варшавскій вокзал для встрѣчи вел. кн. М. А.; сообщая об этом, Козловскій добавил: извѣстно ли Великому Князю о тревожном настроеніи в Петроградѣ. Так как о

прїѣздѣ Великаго Князя в Петроград мнѣ не было извѣстно, то сейчас же послѣ разговора с Козловским я позвонил в Гатчину и узнал, что Мих. Ал. уже выѣхал в Петроград с Н. Н. Джонсоном послѣ телефоннаго разговора из Петрограда с предсѣдателем Государственной Думы Родзянко. Около 8 час. вечера позвонил ко мнѣ Н. Н. Джонсон и сообщил, что М. А. находится в Маріинском дворцѣ на совѣщаніи с видными членами Государственной Думы и другими, по вызову М. В. Родзянко. Н. Н. Джонсон говорил из вестибюля Маріинскаго дворца.

В двѣнадцатом часу ночи позвонил ко мнѣ, по приказанію Н. Н. Джонсона, шофер Козловскій и сообщил мнѣ, что вел. князь М. А. находится у военного министра, в его домѣ на Мойкѣ, при чем сообщил мнѣ об этом иносказательно, видимо, опасаясь при разговорѣ по телефону открыть мѣстопробываніе Вел. Князя; вмѣстѣ с тѣм Козловскій добавил, что автомобиль Вел. Князя спрятан во дворѣ дома. В четвертом часу ночи на 28-ое февраля ко мнѣ позвонил Н. Н. Джонсон и сообщил, что Вел. Князь находится с ним в Зимнем дворцѣ, и что пришлось остаться в Петроградѣ,

вслѣдствіе невозможности проѣхать из дома военного министра на Варшавскій вокзал, из-за большого количества народа на улицѣ. В восьмом часу утра того же дня (вторник, 28-го февраля) Н. Н. Джонсон сообщил мнѣ по телефону, что М. А. находится в квартирѣ кн. О .П. Путятиной, на Милліонной улицѣ, 12, так как оставаться в Зимнем дворцѣ оказалось невозможным: караул снялся, и двери творца открыты; сообщая об этом, Н. Н. Джонсон пояснил, что квартира кн. О. П. Путятиной выбрана, как ближайшая к Зимнему дворцу, и что и сюда пришлось проходить не через улицу, а по двору Эрмитажа и дворца вел. кн. Николая Михайловича.

В этот день я страдал сильной головной болью, и поэтому отправиться к вел. князю М. А. не мог, — поддерживал связь с квартирой кн. О. П. Путятиной по телефону. В 7-м часу вечера зашел ко мнѣ Д. Н. Старынкевич: одѣт был Старынкевич в охотничье короткое пальто, и он объяснил мнѣ, что так он менѣе похож на буржуа, и потому ближе подходит к толпѣ. Около 7 час. вечера во мнѣ вошли двое неизвѣстных людей с винтовками, из которых один был в военной формѣ, а другой в

штатском платьѣ и котелкѣ; эти лица объявили мнѣ, что выстрѣлом из моего окна убита на Фонтанкѣ женщина, и требовали, чтобы я показал им всѣ окна своей квартиры. Тщетно я доказывал этим людям, что окна моей квартиры не выходят на Фонтанку, они все же обошли мою квартиру и затѣм, благополучно для меня, удалились в сосѣднюю квартиру; говорю "благополучно", так как в сосѣдней квартирѣ произвели разгром. Послѣ ухода этих лиц, я снова лег в постель; Д. Н. Старынкевич пробыл у меня весь вечер, и даже остался ночевать.

1-го марта, в среду, я рѣшил отправиться к вел. князю Михаилу Александровичу, на Милліонную улицу, 12. Вышел я из дому около 12 часов, в сопровожденіи Д. Н. Старынкевича, который проводил меня до Милліонной, 12. Шли мы с Фонтанки на Милліонную по Невскому проспекту и через площадь Зимняго дворца. По всему Невскому проходили войска к Государственной Думѣ. На углу Милліонной улицы и Мѣшкова переулка, у дома № 16, была большая толпа народу. Оказалось, что в этом домѣ только-что убили, во время обыска, проживавшаго там генерала Г. Э. Штакельберга,

состоявшаго при вел. кн. Маріи Павловнѣ старшей. Это было за два дома до квартиры кн. Путятиной. Подойдя к подъѣзду дома № 12, гдѣ находился вел. князь М. А., я встрѣтил гувернантку кн. Путятиной, которая сказала, что только-что на ея глазах на набережной Невы был убит какой-то офицер. В квартиру кн. О. П. Путятиной я вошел около часу дня, к самому началу завтрака. В передней комнатѣ меня встрѣтил Н. Н. Джонсон, который сообщил мнѣ об опасности, которой подвергался в это утро Вел. Князь, находясь в частной квартирѣ, так как в сосѣдних квартирах, — между прочим, обер-прокурора Св. Синода Раева и Столыпина, — производились обыски; в квартиру кн. О. П. Путятиной лица, производившія обыск в домѣ, к счастью, не зашли; сообщая об этом, Н. Н. Джонсон добавил, что в настоящую минуту М. А. находится в большей безопасности, так как, с одной стороны, вызван для охраны Вел. Князя караул из школы прапорщиков, а, с другой, что Вел. Князь подписал один акт, привезенный ему из Государственной Думы, в котором Вел. Князь признавал необходимость конституціоннаго порядка в Россійской имперіи; этот акт, как я впослѣдствіи узнал, был составлен в Царском Селѣ 28-го февра-

ля Евг. Ал. Бироновым, состоявшим в то время начальником канцеляріи дворцоваго коменданта, и кн. М. С. Путятиным, и подписан вел. князьями Павлом Александровичем, Кириллом Владиміровичем и, кажется, Димитріем Константиновичем. Как мнѣ сообщил Е. А. Биронов, означенный акт предлагался к подписи имп. Александрѣ Феодоровнѣ, которая должна была расписаться от имени малолѣтняго наслѣдника, но Государыня от подписи отказалась. Вел. князь М. А. подписал этот акт послѣдним. Сдѣлал он эту подпись, вѣроятно, второпях, так как в этот же день снял эту подпись путем особаго письма на имя предсѣдателя Государственной Думы, к которому этот акт был обращен.

Прибыв в квартиру кн. Путятиной г. первом часу дня, в среду, 1-го марта, я оставался "в ней с вел. князем М. А. до 11 час. утра субботы, 4-го марта. За завтраком, кромѣ М. А. и семьи кн. Путятиной, были Н. Н. Джонсон и я. Муж кн. О. П. Путятиной находился на фронтѣ. Послѣ завтрака М. А. рассказал мнѣ о совѣщаніи в Маріинском дворцѣ, вечером 27-го февраля, результатом котораго был разговор его с Государем, через ген.-ад.

Алексѣева, по прямому проводу в Ставку. Во время завтрака прибыл караул от школы прапорщиков, в количествѣ 20 юнкеров, при пяти офицерах; офицеры помѣстились в кабинетѣ квартиры кн. Путятиной, а юнкера — в сосѣдней квартирѣ, этажем ниже. В теченіе дня к Вел. Князю пріѣзжали разныя лица. Был член Гос. Думы гр. И. И. Капнист, были и другія лица, у которых Вел. Князь освѣдомлялся о происходящем в Государственной Думѣ; доставляли эти свѣдѣнія и офицеры караула, отправлявшіеся поочередно в Думу, интересуясь, с своей стороны, происходящим в ней.

В этот же день, около 9 час. вечера, пришел и вел. князь Николай Михайлович, возвратившійся в этот день в Петроград (жил "визави" с квартирой Путятиной) из своего имѣнія "Грушевка", гдѣ он находился по повелѣнію Государя с 1-го января. Кажется, и этот же день пріѣзжал и англійскій посланник Бьюкенен. День 2-го марта, четверг, М. А. продолжал оставаться в квартирѣ кн. Путятиной, узнавая от пріѣзжавших к нему лиц о происходящем в Государственной Думѣ. В этот день Вел. Князь написал письмо М. В. Родзянко, изъявляя готовность пріѣхать в Гос. Думу, если его пріѣзд

может принести пользу при создавшемся положеніи. М. В. Родзянко отвѣтил письмом. Из этого письма Вел. Князь впервые узнал о предполагаемом отреченіи от престола Государя в пользу наследника, при регентствѣ вел. князя М. А.; это письмо было получено вечером, о рѣшеніи же самого Государя М. А. извѣстно не было.

Так закончился день 2-го марта.

Утром 3-го марта (пятница), в 5 час. 55 мин. утра, я услышал телефонный звонок, и затѣм увидал стоящих у телефона; сперва Н. Н. Джонсона, а затѣм вел. князя Михаила Александровича; оказалось, что звонил министр юстиціи Керенскій и спрашивал разрѣшеніе пріѣхать составу Временнаго Правительства и Думскому Комитету. Великій Князь изъявил согласіе, и стал готовиться к пріему.

Михаил Александрович предполагал, в соотвѣтствіи с письмом предсѣдателя Государственной Думы, что состав Временнаго Правительства и Думскій Комитет ѣдут доложить ему о регентствѣ, а потому и обдумывал соотвѣтствующій отвѣт, выражающій согласіе.

Выяснилось, что Временное Правительство и Думскій Комитет придут немедленно послѣ переговоров по телефону, но на сбор потребовалось время, и съѣзд начался в 9 час. 15 мин. утра. Одними из первых прибыли М. В. Родзянко и кн. Г. Е. Львов: послѣдними пріѣхали А. И. Гучков и В. В. Шульгин. М. В. Родзянко просил через меня вел. князя М. А. не открывать засѣданія до пріѣзда этих послѣдних, так как они возвращаются из Ставки с важными сообщеніями.

Михаил Александрович вышел к собравшимся лицам около 9 час. 15 мин.; приблизительно в это же время пріѣхали А. И. Гучков и В. В. Шульгин. При пріемѣ вышеуказанных лиц я не присутствовал, но заключительныя слова Вел. Князя слышал из сосѣдней комнаты: М. А. выслушав рѣчи съѣхавшихся к нему лиц, объявил, что удаляется в сосѣдную комнату для размышленія. Член Думы Керенскій заявил, что он вѣрит, что такой вопрос, предложенный на рѣшеніе Вел. Князя, М. А. рѣшит со своей совѣстью, без участія посторонних лиц, развѣ лишь по совѣщаніи с супругой. Вел. Князь объявил, что супруги его в Петроградѣ нѣтъ, и что он желает вынести отвѣтственное рѣшеніе

по обсужденіи вопроса с М. В. Родзянко и кн. Львовым. Послѣ этихъ словъ М. А. с указанными лицами удалился в сосѣдную комнату, и через нѣкоторое время вынес рѣшеніе, объявленное в актѣ от 3-го марта.

Это было около 1 часу дня.

Послѣ сего всѣ присутствовавшіе уѣхали, остались лишь кн. Львов и Шульгин, приглашенные кн. О. П. Путятиной к завтраку. За завтракомъ были: вел. князь М. А., кн. О. П. Путятина, кн. Львов, В. В. Шульгин, Н. Н. Джонсон и я.

Послѣ завтрака М. А. предложилъ кн. Львову и Шульгину приступить при моемъ участіи к оформленію происшедшаго. Я указал, что при составленіи акта необходимо имѣть перед собою подлинное отреченіе Государя и основные законы. Рѣшено было вызвать В. Д. Набокова, у котораго находилось подлинное отреченіе Государя императора (вѣроятно, как у управляющаго дѣлами Временнаго Правительства), и бар. Нольде, профессора международного права. Первымъ пріѣхал В. Д. Набоков, представившій М. А. отреченіе Государя и доложившій проектъ акта, составленный, по словамъ Набокова, министромъ путей сообщенія Некрасо-

вым. По прїѣздѣ бар. Нольде, М. А. приступил, при участіи указанных лиц (Львов, Набоков, Нольде), к обсужденію проекта акта. Я удалился. Около 4 / час. дня М. А. вышел из совѣщательной комнаты и передал мнѣ для прочтенія, уже переписанный рукой Набокова, акт о временном отказѣ от принятія верховной власти. По прочтеніи акта я предполагал высказать свои соображенія непосредственно Вел. Князю. М. А. предложил мнѣ сдѣлать их в его присутствіи членам совѣщанія.

Войдя в совѣщательную комнату, я замѣтил, кромѣ вышеупомянутых лиц, М. В. Родзянко и А. Ф. Керенскаго. Я предложил нѣкоторыя измѣненія в текстѣ акта, нѣкоторыя из которых и были приняты М. А. и членами совѣщанія. Послѣ внесенных измѣненій, акт был подписан Вел. Князем и вручен кн. Львову.

На слѣдующее утро, в субботу, 4-го марта, вел. князь Михаил Александрович отбыл из Петербурга в Гатчину, в сопровожденіи Н. Н. Джонсона и встрѣтившагося по пути ген. Я. Д. Юзефовича.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. ТРАГЕДІЯ ФРОНТА

I. Армія и переворот.

1. "Обманутые" генералы.

Председатель Думы, информируя Ставку в 11 час. вечера, 3-го марта, подвел итоги словами: "все приходит болѣе или менѣе в порядок". На фронтѣ пока "благополучно", признавал нач. штаба, но тѣм не менѣе отвѣт его звучал пессимистически: "главнокомандующіе в теченіе цѣлаго дня запрашивали о времени опубликованія акта 2 марта, ибо слухи об этом проникли в армію, в ряды войск и населенія, порождали недоумѣніе и могли закончиться нежелательными проявленіями. Безотрадно положеніе Балтійскаго флота, бунт почти на всѣх судах, и боевая сила флота, повидимому, исчезла... Это результат промедленія в объясненіи чинам флота сути акта 2 марта. По имѣющимся свѣдѣніям также печально и безнадежно состояніе войск петроградскаго гарнизона... Вот грустная картина с военной точки зрѣнія. Полагаю, что новое правительство должно придти на помощь арміи, при-

звать к порядку развращенныя части... Суровыя мѣры на первое время должны образумить забывших дисциплину"... Мы знаем, что "унылой" и "грустной" оцѣнкѣ ген. Алексѣева Родзянко противопоставил петербургскія настроенія — "бодрья" и "рѣшительныя". Родзянко сослался на полученную телеграмму о том, что в Балтійском флотѣ "всѣ бунты ликвидированы, и флот привѣтствует новое правительство". В отвѣт Алексѣев огласил новую вечернюю телеграмму адм. Непепина: "Бунт почти на всѣх судах"...[\[299\]](#). "Вы видите — продолжал Алексѣев — как быстро разворачиваются событія, и как приходится быть осторожным в оцѣнкѣ событій... Конечно, я извѣщу вас о том, как будут встрѣчены войсками дѣйствующей арміи оба акта. Всѣ начальники от высших до низших приложат всѣ усилія, чтобы армія продолжала быть сильным, могущественным орудіем, стоящим на стражѣ интересов своей родины. Что касается моего настроенія, то оно истекает из того, что я никогда не позволяю себѣ вводить в заблужденіе тѣх, на коих лежит в данную минуту отвѣтственность перед родиной. Сказать вам, что все благополучно, что не нужно усиленной работы — значило бы сказать неправду".

Можно ли из этого пессимизма Алексѣева, навѣяннаго создавшейся обстановкой, дѣлать вывод, что он признал вообще ошибочность своего поведения в часы, предшествовавшее отреченію Царя?

В таком смыслѣ ген. Лукомским сдѣлано пояснительное примѣчаніе к одному из документов, приведенных в его воспоминаніях. Передавая телеграмму 3-го марта с запросом мнѣній главнокомандующих, Алексѣев сказал: "никогда себѣ не прощу, что, повѣрив в искренность нѣкоторых людей, послушал их и послал телеграмму главнокомандующим по вопросу об отреченіи Государя от престола". Аналогично утверждает и комментатор бесѣд с Рузским, изложенных в "Рус. Лѣтописи". "Основное мнѣніе Рузскаго о днях 1-2 марта, им формулировано так: Алексѣев "сгоряча повѣрил Родзянко, принял рѣшеніе посоветовать Государю отречься от престола, и увлек к тому остальных главнокомандующих". Сам же Рузскій яко-бы признавал, что ему надлежало "вооруженной силой подавить бунт", но что в тот момент он "старался избѣжать кровопролитія и междоусобія". Как бы не оцѣнивали сами участники событій своей роли под вліяніем послѣдующих неудач, историку при-

ходится по иному опредѣлять патріотическія побужденія, которыя ими руководили. Не участвовавшій непосредственно в событіях ген. Куропаткин (он находился на отлетѣ — в Туркестанѣ), довольно, ярко выразил почти господствовавшее настроеніе своей записью в дневникѣ 8-го марта: "Чувствую себя помолодѣвшим и, ловя себя на радостном настроеніи, нѣсколько смущаюсь: точно и неприлично генерал-адъютанту так радоваться революціонному движенію и перевороту. Но так плохо жилось всему русскому народу, до такой разрухи дошли правительственные слои, так стал непонятен и ненавистен Государь, что взрыв стал неизбежен. Ликую потому, что без переворота являлась большая опасность, что мы были бы разбиты, и тогда страшная рѣзня внутри страны стала бы неизбежна. Теперь только бы удалось возстановить всюду дисциплину в войсках, только бы политическая горячка не охватила войска дѣйствующей арміи; побѣда, глубоко уверен в том, нам обезпечена".

Если придворная дама Нарышкина, послѣ бесѣды с "одним офицером", записывает в свой позднѣйшій дневник (26 іюля): "всѣ они едино-

душно утверждают то, что есть, а именно, что, если бы Государь не поторопился подписать отречения, ничего бы не было" — то это, может быть, естественно. Также понятно и то, когда свитскій мемуарист полк. Мордвинов утверждает, что "русскій народ" думал иначе, чѣм его думскіе представители и "русскіе генералы". Но когда военный историк ген. Головин, особо претендующій на "соціологическую" трактовку событій революціи, пытается убѣдить нас, что Николай II своим быстрым отречением, не сдѣлав "сколько-нибудь серьезных попыток бороться против взбунтовавшагося гарнизона столицы", превратил "солдатскій бунт" в "удавшійся мятеж, т. е. в революцію", то это вызывает только недоумѣніе. Неужели не ясно теперь, что даже задержка, опубликованія отречения 2-го марта, вызванная запоздалой делегацией Врем. Комитета и несвоевременной агитацией "защитников монархіи", которая обострила династическій вопрос, до крайности осложнила положеніе и имѣла только отрицательные результаты? Иностранцы в свое время вѣрно опредѣлили значеніе происшедшаго: "Величайшая опасность — писал лондонскій "Times" — заключалась в том, что Царь не сумѣет оцѣнить требованія момента с доста-

точной быстротой и вступит в борьбу с революціей. Но он обнаружил достаточно государственной мудрости и безкорыстнаго патриотизма, сложив свою власть — он, как мы думаем, спас свой народ от гражданской войны и свою столицу от анархіи"... "Мы восхищаемся — говорил в Парижѣ предсѣдатель совѣта министров Рибо — поступком Царя, который преклонился перед волею народа и принес ей в жертву прошлое гордой династии... Ничего болѣе прекраснаго нельзя себѣ и представить". Эти восторженныя официальные слова, быть может, и не совсѣм соотвѣтствовали индивидуальным мотивам, вызвавшим рѣшительный шаг имп. Николая II, но они вѣрно передают объективную цѣнность в тот момент совершившагося факта. Только этой объективной цѣнностью можно опредѣлять все значеніе поведенія верховнаго командованія в критическій день 1-го марта.

Тезису о генералах, "обманутых" политическими дѣятелями, посчастливилось — он попал даже, как было указано, на страницы труда проф. Нольде. Генералы повѣрили, что Дума овладѣет революціей, генералы не устояли перед настойчивой самоувѣренностью политических главарей. Вспо-

мним характер інформації, которую давал на фронт от имени Врем. Ком. Родзянко — она была противорѣчива, но временами заострена в сторону преувеличенія стихійной анархїи, господствовавшей и столицѣ (это отмѣтил Алексѣев). У верх. Командованія, как будто, не было сомнѣній в том, это "Дума не владѣет стихїей". В этом отношенїи "генералы" не были обмануты. Командованіе, если не форсировало, то само уточнило и формулировало необходимость "требованій отреченія", о которых передавал Родзянко в ночь с 1-го на 2-ое марта. Если в руководящих кругах военнаго Командованія так легко усвоилась идея "отреченія", то это объясняется тѣм, что с этой идеей еще до революціи освоилась общественная мысль в насыщенной атмосферѣ разговоров о неизбежности дворцоваго переворота[300]. Называть "измышленїями" всѣ эти разговоры в военной средѣ нѣтъ никакого основанія, если только отбрасывать гиперболы, о которых сообщали за границу даже такіе освѣдомленные во внутренних дѣлах и связанные с русской либеральной общественностью дипломаты, как англійскій посол (припомним сенсаціонную телеграмму Бьюкенена Бальфуру 16 января). Может быть, Брусилов и не говорил тѣх

слов, которыя передавались у Родзянко, когда Крымов дѣлал свой доклад, а именно: "Если придется выбирать между Царем и Россіей, я пойду за Россіей" (неизвѣстно было, кому и когда это было сказано) — но эти слова вѣрно передавали основное настроеніе верховнаго Командованія.

Революція разразилась наперекор этим заговорщическим планам, цѣлью которых было желаніе избѣжать революціи во время войны и двинуть Россію на путь внѣшней побѣды (припомним выступленіе ген. Крымова на совѣщаніи у Родзянко). Здѣсь был самообман, пагубный и для психологіи Временнаго Правительства и для психологіи верховнаго Командованія. Свыкнувшись с мыслью о неизбѣжности смѣны власти и необходимости осуществленія программы, выдвинутой думским прогрессивным блоком, военные люди еще меньше, чѣм политическіе дѣятели, могли вполне осознать, что в Россіи произошла революція, которая требовала коренной перемѣны и тактики и методов воздѣйствія на массу. В этой неясности и лежит одна из основных причин трагедіи фронта и военнаго командованія[301].

2. Эпопея в. кн. Николая Николаевича.

Исторія назначенія в. кн. Н. Н. верховным главнокомандующим послѣ отреченія и его отставки служит лучшим доказательством непониманія того, что произошло... Судя по показаніям Гучкова в Чр. Сл. Ком., надо полагать, что среди думскаго комитета в "рѣшающую ночь" даже не задумывались над вопросом, кто же замѣнит Николая II на посту верховнаго главнокомандующаго [302]. Напомним, что думскіе делегаты в Псковѣ не только не возразили против назначенія Царем верховнаго главнокомандующаго в лицѣ Ник. Ник., но отнеслись к этому скорѣе сочувственно, и, по их просьбѣ, Русскій "очень широко" постарался информировать о новом назначеніи. Когда делегаты уѣзжали, антидинастическія настроенія еще не выявились во внѣ, как это произошло к вечеру 2-го. Ясно было, что назначеніе главнокомандующим члена, царствовавшей династіи психологически было невозможно и грозило вызвать осложненія. Тѣм не менѣе, когда Русскій запросил на другой день мнѣніе по этому поводу Родзянко, тот заявил, что в Петербургѣ не возражают против "распространенія" указа о назначеніи в. кн. Н. Н. Указ на

фронтъ был опубликован, и одновременно с ним приказ новаго верховнаго вождя арміи, который своей устарѣвшей терминологіей о "волѣ монаршей" и о "чудо богатырях", готовых отдать жизнь за "благо Россіи и престола", должен был звучать почти дико в революціонной обстановкѣ.

Послѣдовавшее затѣм чрезвычайно показатель-но для позиціи и тактики Вр. Правительства. В первый момент официально Вр. Прав. как-то странно не реагировало на тот факт, что на посту верховнаго главнокомандующаго находится в. кн. Ник. Ник. Ни в совѣтских "Извѣстіях", ни в "Извѣстіях" комитета журналистов свѣдѣній о назначеніи Вел. Князя не появлялось. Даже в № 1 "Вѣстника Вр. Пр." (5 марта) одна из телеграмм Верховнаго Главнокомандующаго была напечатана в видѣ "приказа главнокомандующаго Кавказским фронтом"[\[303\]](#). Столица жила слухами. Получалось впечатлѣніе, что назначеніе в. кн. Н. Н. по каким-то причинам скрывается. Петербургскія "Извѣстія" на основаніи этих слухов требовали от Правительства "немедленнаго смѣщенія с офицерских (а тѣм болѣе командных) постов всѣх членов старой династіи". В Москвѣ слухи также проникли

в печать, и по этому поводу Комитет Общ. Орг. вынес резолюцію, в которой доводилось до свѣдѣнія Правительства, что "лица царской фамиліи не должны назначаться ни на какіе высшіе посты военнаго и гражданскаго вѣдомства".

Сам Ник. Ник., ожидавшій, что он будет ориентирован Правительством, чувствовал неопредѣленность своего положенія. Он охарактеризовал ее в разговорѣ с племянником Андреем утром 7-го марта: "Что дѣлается в Петроградѣ, я не знаю, но по всѣм данным, все мѣняется и очень быстро. Утром, днем и вечером все разное, но все идет хуже, хуже и хуже"... "Никаких свѣдѣній от Врем. Пр. я не получаю, даже нѣтъ утвержденія меня на должности... Единственное, что может служить намеком о том, что новое правительство меня признает, это телеграмма кн. Львова, гдѣ он спрашивает, когда может пріѣхать в Ставку переговорить. Больше я ничего не знаю, и не знаю, пропустят ли мой поѣзд, надо полагать, что доѣду"[\[304\]](#). Вел. Кн. телеграфировал Львову, что выѣзжает из Тифлиса и предполагает быть в Ставкѣ 10-го. "Я телеграфировал ему — сообщал Львов Алексѣеву 6-го марта веч. — об общем положеніи

вещей, а на всѣ конкретные вопросы, требующіе указаній, чѣм руководствоваться в дальнѣйших дѣйствіях, обѣщал переговорить лично и Ставкѣ. Однако, здѣсь заключается самый сложный вопрос — Вел. Кн. желает, сохраняя намѣстничество на Кавказѣ, быть одновременно главнокомандующим. Больше недѣли употребляю всѣ усилія, чтобы склонить теченіе в его пользу; состав Вр. Пр. в большинствѣ считает крайне важным признаніе его главнокомандующим[305]. Вопрос о намѣстничествѣ совершенно отпадает, вопрос главнокомандованія становится столь же рискованным, как и бывшее положеніе Мих. Ал. Остановились на общем желаніи, чтобы в. кн. Н. Н. в виду грознаго положенія учел создавшееся отношеніе к дому Романовых и сам *отказался* от верховнаго главнокомандованія. Общее желаніе, чтобы верховное главнокомандованіе приняли на себя вы и *тѣм отрѣзали возможность новых волненій*. Подозрительность по этому вопросу к новому правительству столь велика, что никакія завѣренія не пріемлются. Во имя общаго положенія страны считаю такой исход неизбѣжным, но Великому Князю я об этом *не сообщил*, не переговоривши с вами. До сего дня вел с ним сношенія,

как с верховным главнокомандующим". Что-то председатель Совѣта министров не договаривает. Эту полутайну довольно грубо расшифровал Бубликов: Вел. Князь попал в "ловушку", разставленную ему Временным Правительством — его хотѣли вызвать из района преданной ему кавказской арміи... Может быть, страх, что Н. Н. не подчинится, дѣйствительно, смущал нѣкоторых членов Правительства.

Вел. Князь, несомнѣнно, был популярен на Кавказѣ. Ан. Вл. преувеличивает, конечно, утверждая в дневникѣ, что "его войска прямо обожали", но его рассказ о "горячих" проводах Ник. Ник. в Тифлисѣ и о "тріумфальном" почти путешествіи в предѣлах намѣстничества ("почти на всѣх остановках его встрѣчал народ, рабочіе, и всѣ говорили ему патриотическія рѣчи") в значительной степени соответствовал дѣйствительности. Первые революціонные дни в Тифлисѣ протекали в обстановкѣ, мало напоминающей бурную петербургскую атмосферу. Революція в Тифлисѣ, по выраженію одного из мѣстных революціонных дѣятелей. с.-р. Верещака, "не вышла на, улицу". Не было никаких выпадов против офицеров; совѣт сол. деп., не уста-

новившій связи с совѣтом раб. деп., ютился в "крохотной комнаткѣ" и не имѣл большого авторитета. Мы видѣли, что городской голова привѣтствовал 4-го марта Вел. Князя от имени "широких масс" населенія; 7-го при отѣздѣ новаго верховнаго главнокомандующаго, котораго торжественно конвоировала "сотня казаков", как сообщало Пет. Тел. Аг., его "восторженно привѣтствовали представители народа и солдат". Об этих "толпах народа" упоминает и Верещак. Вел. Князь говорил рѣчь, в которой упомянул, что надѣется, что "послѣ войны" ему разрѣшат, как "маленькому помѣщику, вернуться в свое имѣніе" (слова эти были приняты с тѣм же "восторгом"). Не измышлены и "патріотическія рѣчи", которыя приходилось выслушивать на дорогѣ отѣзжающему на фронт новому Верховному — так, напр., в "Вѣст. Вр. Пр." упоминалась одна из таких рѣчей, выслушанная Вел. Князем из уст уполномоченных рабочих и служащих сучанских каменноугольных предпріятій. Со слов "молодых офицеров", сопровождавших Ник. Ник., Дубенскій утверждает, что такая же "восторженная встрѣча народом" ожидала Верховнаго Главнокомандующаго на всем пути, и что харьковскій совѣт поднес ему даже "хлѣб-соль". В Харьковѣ

ген.-ад. Хан Гуссейн Нахичеванокій и кн. Юсупов (старшій) убѣждали Ник. Ник. — так передает тот же Дубенскій — ѣхать на фронт, минуя Ставку, которая находится под вліяніем Правительства, желающаго устранить Н. Н. от командованія. Чужая душа — потемки; что думал в дѣйствительности Ник. Ник., мы не знаем... По сообщенію Дубенскаго, послѣ бесѣды с Ханом Нахичеванским и Юсуповым Н. Н. "долго сидѣл один, затѣм совѣтовался с братом Пет. Ник., ген. Янушкевичем и другими лицами своей свиты и рѣшил, в концѣ концов, не мѣнять маршрута и слѣдовать в Могилев".

Упованія многих в эти дни, несомнѣнно, обращались к Ник. Ник. Эти чаянія опредѣленно высказала, напр., в. кн. Мар. Пав., находившаяся в Кисловодскѣ, в письмѣ, которое направлено было через "вѣрныя руки" в Ставку к сыну Борису: "Мы естественно должны надѣяться, что Н. Н. возьмет все в свои руки, так как послѣ Миши все испорчено: наша вся надежда за возможное будущее остается с ним"[\[306\]](#). Внѣшне Н. Н. был лойялен в отношеніи Врем. Правительства, формально примирившись с неизбежностью обѣщанія созвать Учр. Собр., которое в письмѣ к Львову он до полученія

акта 3-го марта называл "величайшей ошибкой, грозящей гибелью Россіи" — мало того, мѣстная административно-полицейская власть в Тифлисѣ в объявленіи 6-го марта грозила даже преслѣдованіем тѣх, кто будет пытаться противодѣйствовать созыву Учр. Собранія.

В цитированном выше разговорѣ с Львовым и Гучковым Алексѣев пытался убѣдить своих собесѣдников по прямому проводу в том, что Ник. Ник. не представляет опасности для новаго порядка, и что в будущем у Правительства сохранится возможность "всяких перемѣн", а пока не надо вносить "коренной ломки в вопросах высшаго управленія арміей". "Характер Вел. Князя таков — говорил Алексѣев, — что, если он раз сказал: признаю, становлюсь на сторону новаго порядка, то в этом отношеніи он ни на шаг не отступит в сторону и исполнит принятое на себя. Безусловно думаю, что для Вр. Прав. он явится желанным начальником и авторитетным в арміи, которая уже знает о его назначеніи, получает приказы и обращенія. В общем он пользуется большим расположеніем и довѣріем в средних и низших слоях арміи, в него вѣрили... для новаго правительства он

будет помощником, а не помѣхой... Если настроеніе среди членов Правительства таково, что переменна почему либо признается необходимой, то в этом случаѣ лучше выждать пріѣзда Вел. Князя сюда, и здѣсь переговорить вам лично с ним... Если полного единенія, согласія и искренняго подчиненія не будет, то мы получим комбинацію, при которой трудно будет рассчитывать на здоровую работу нашего хрупкаго войскового организма". В дополненіе к разговору по юзу 6-го Алексѣев на другой день послал Львову и Гучкову еще спеціальную телеграмму. Он отмѣчал в ней, что "постепенно получаемя от войск донесенія указывают на принятіе войсками вѣсти о назначеніи верховным Главнокомандующим в. кн. Н. Н. с большим удовольствіем, радостью, вѣрою в успѣх, во многих частях восторженно"...[307]Алексѣев указывал и на привѣтствія от 14 крупнѣйших городов. "Вѣрую в то, что вы примете в соображеніе все высказанное" — заканчивал Нач. Штаба, усиленно настаивая на сохраненіи в силѣ назначенія Н. Н. в цѣлях оберечь армію от "излишних потрясеній". Приведенная аргументація Алексѣева опровергает слухи, что он не желал видѣть Н. Н. во главѣ арміи и добивался сам этого поста — слу-

хи, которые отгѣняла в своем письмѣ в. кн. Мар. Павл.

Разговор Алексѣева с представителями Правительства показывает, что вопрос об отставкѣ Н. Н. еще не был рѣшен, как отмѣчает и протокол засѣданія Правительства 5-го марта: "отложить рѣшеніе вопроса (дѣло идет о намѣстничествѣ па Кавказѣ) до личных переговоров в Ставкѣ... министра Предсѣдателя с Великим Князем, о чем послать В. Кн. телеграмму". Но на другой день послѣ секретных (для общества) переговоров по поводу "деликатнаго" вопроса член правительства Керенскій в Москвѣ публично говорил в засѣданіи Совѣта Р. Д.: "Ник. Ник. главнокомандующим не будет". На собраніи солдатских и офицерских делегатов в Кино-театрѣ он заявил еще опредѣленнѣе: "Я могу завѣрить вас, что не останусь в теперешнем кабинетѣ, если главнокомандующим будет Ник. Ник".

Вел. Князь прибыл в Ставку, принес присягу Врем. Правительству[308]и формально вступил в отправленіе должности верховнаго главнокомандующаго[309]. Ни кн. Львов, ни Гучков в Ставку не поѣхали, предоставив Алексѣеву разрѣшить

своими средствами "деликатный" вопрос. Правительство должно было в концѣ концов вынести рѣшеніе. В 3 часа дня 11-го марта Львов передал Алексѣеву: "Я только что получил телеграмму от в. кн. Н. Н., что он прибыл в Ставку и вступил в отправление должности верховнаго главнокомандующаго... Между тѣм послѣ переговоров с вами по этому вопросу Вр. Пр. имѣло возможность неоднократно обсуждать этот вопрос перед лицом быстро идущих событій и пришло к окончательному выводу о невозможности в. кн. Н. Н. быть верховным главнокомандующим. Получив от него из Ростова телеграмму, что он будет в Ставкѣ одиннадцатаго числа, я послал навстрѣчу офицера с письмом, с указаніем на невозможность его верховнаго командованія и с выраженіем надежды, что он во имя любви к родинѣ сам сложит с себя это высокое званіе. Очевидно, посланный не успѣл встрѣтить Вел. Князя на пути, и полученная, благодаря этому, телеграмма В. Кн. о его вступленіи в должность стала, извѣстна Петрограду и вызвала большое смущеніе. Достигнутое великим трудом успокоеніе умов грозит быть нарушенным[310]. Временное Прав. обязано немедленно объявить населенію, что В. Кн. не состоит верхов-

ным главнокомандующим. Прошу помочь нашему общему дѣлу и вас, и Великаго Князя. Рѣшеніе Вр. Прав. не может быть отмѣнено по существу, весь вопрос в формѣ его осуществленія: мы хотѣли бы, чтобы он сам сложил с себя званіе верховнаго главнокомандующаго, но, к сожалѣнію, по случайному разѣзду нашего посланника с Великим Князем, это не удалось". Алексѣев отвѣтил на безпокойство Правительства: "вопрос можно считать благополучно исчерпанным. Ваше письмо получено В. Кн. сегодня утром[311]. Сегодня же посланы двѣ телеграммы: одна вам, что В. Кн., подчиняясь выраженному пожеланію Вр. Пр., слагает с себя званіе...[312]. Вторая телеграмма военному министру с просьбой уволить В. Кн. в отставку". Н. Н. просил гарантировать ему и его семейству "безпрепятственный проѣзд в Крым и свободное там проживаніе"... "Слава Богу" — облегченно вздохнул председатель Совѣта министров...

Никакого волненія появленіе Н. Н. в Ставкѣ не вызвало — в газетах не упомянут был даже самый факт. Официальное Пет. Тел. Аг. сообщало 12-го, что Н. Н. "отрѣшен" от должности верховнаго главнокомандующаго. Очевидно, агентство сооб-

щало "из официальных источников", что Н. Н. прибыл в Ставку "вследствие недоразумения". Будучи назначен Николаем II, Вел. Кн. "немедленно выехал в Ставку, не успев получить предложение Вр. Пр. не вступать в командование войсками. Курьер Вр. Пр. разъехался с Н. Н.". Теперь Н. Н. сообщено, что назначение его, состоявшееся "одновременно с отречением Николая Романова, не действительно". Это сообщение — утверждала агентская информация — сделано Н. Н. "в Ставке(?) военным министром А. И. Гучковым в 3 часа дня 11-го". Не представит затруднения оценить правдивость официального правительственного сообщения, так изумительно подтасовавшего действительность, а равно искренность той тактики, которая приводила к "отрешению" от должности лица, добровольно сложившего свои полномочия "во имя блага родины". В стремлении найти мирный выход из конфликтного положения Правительство жертвовало своим достоинством.

3. "Центр контр-революционного заговора".

Как ни оценивать действия Правительства, нельзя не признать, что описанная выше тактика в

сущности весь одіум за несоотвѣтствующее духу революціонных дней назначеніе Великаго Князя офіціальным вождем арміи перекладывала на верховное командованіе на фронтѣ, положеніе котораго и без того было исключительно трудно. Выходило так, что верховное командованіе без вѣдома Врем. Правительства, за кулисами подготовив назначеніе Ник. Ник., пыталось фактически передать армію в руки представителя отрекшейся династіи. Само Правительство, того, быть может, не сознавая, создавало почву для демагогіи. И не приходится удивляться тому, что через нѣсколько дней в связи с другими сообщеніями, приходившими с фронта (о них скажем дальше) и пріемом в Исп. Ком. депутаціи от баталіона. георгіевских кавалеров, в "Извѣстіях" появилась замѣтка: "Ставка — центр контр-революціи". В ней говорилось, что Могилев по сообщенію георгіевских кавалеров, посѣтивших 12-го марта Совѣт, сдѣлался "центром контр-рев. заговора": "офицеры-мятежники организуют реакціонныя силы... утверждают, что новый строй... недолговѣчен, и что скоро на престолѣ будет возстановлен царь Николай... Делегація георг. кав. сообщала в подтвержденіе своих слов много фактов и в частности имена офицеров,

явных врагов новаго режима". "Исп. Ком. — утверждала замѣтка — признал такое положеніе вещей совершенно недопустимым и постановил довести до свѣдѣнія Врем. Прав. о том, что, по мнѣнію Исп. Ком., необходимо безотлагательно назначить Чрезвыч. Слѣдственную Комиссію для раскрытія монархическаго заговора и примѣрнаго наказанія измѣнников, врагов русскаго народа. Правительство обѣщало принять нужныя мѣры. Будем надѣяться, что оно проявит в этом дѣлѣ надлежащую энергію и будет дѣйствовать безпощадно по отношенію к шайкѣ черносотенных заговорщиков. Только таким путем возможно предотвратить бурные эксцессы со стороны солдат, глубоко возмущенных наглостью реакціонеров в их безнаказанностью". Заостренность вопроса, сказавшуюся в замѣткѣ совѣтскаго офиціоза, который далеко не всегда выражал правильно формальную позицію Исп. Ком., очевидно, слѣдует цѣликом отнести в область тѣх личных домыслов, которые Стеклов (фактическій редактор "Извѣстій"), как мы видѣли, любил в Контактной Комиссіи выдавать за рѣшенія отвѣтственнаго органа так называемой "революціонной демократіи". В протоколѣ Исп. Ком. ничего подобнаго нѣтъ: по поводу приѣма де-

путаціи георгіевских кавалеров сказано лишь, что "необходимо послать депутатов, которые помогли бы им сорганизоваться и связали бы фронт с Совѣтом". Разнузданная демагогія Стеклова пошла дальше, и в общем собраніи Совѣта 14-го он выступил по собственной инициативѣ с возмутительными коментаріями будущаго декрета об объявленіи внѣ закона "генералов-мятежников", дерзающих не подчиняться волѣ русскаго народа и ведущих открытую контр-революціонную агитацію среди солдат: "всякій офицер, всякій солдат, всякій гражданин", в толкованіи Стеклова, получит "право и обязанность" убить такого реакціоннаго генерала раньше, чѣм он "святотатственно поднимет свою руку". Впервые за, дни революціи публично раздался голос, призывающій к безнаказанным убійствам, и удивительным образом непосредственно никто не реагировал на эту гнусность: только представители Царскосельскаго гарнизона, как явствует из протокола Исп. Ком. 16-го марта, пожелали "объясниться" по поводу замѣтки, появившейся в "Извѣстіях". Обѣщаннаго будто бы "декрета", на чем настаивал Стеклов, Правительство, конечно, не издало, но агитація безотвѣтственных демагогов, как мы увидим, наложила

свой отпечаток на соотвѣтствующіе правительственные акты.

В обстановкѣ первых недѣль революціи сообщеніе совѣтскаго офиціоза о настроеніях в Ставкѣ, поскольку рѣчь шла о высшем командованіи, весьма, мало соотвѣтствовало дѣйствительности — демагогам Исп. Ком. просто не нравилось, что на фронтѣ "движеніе солдат хотят направить в русло Врем. Прав.", как выразился в засѣданіи Исп. Ком. 15-го марта представитель одной из "маршевых рот" на западном фронтѣ, и они спѣшили форсировать то, что могло выявиться в послѣдующій момент. Послѣ переворота ни о каком "монархическом заговорѣ" и Ставкѣ не думали[313]. Когда Алексѣев в бесѣдѣ с Гучковым по поводу устранения в. кн. Н. Н. от верховнаго командованія говорил: "мы всѣ с полной готовностью сдѣлаем все, чтобы помочь Правительству встать прочно в сознаніи арміи: в этом направленіи ведутся бесѣды, разъясненія и думаю, что ваши делегаты привезут вам отчеты весьма благопріятные... Помогите, чѣм можете, и вы нам, поддержите нравственно и своим слоном авторитет начальников" — он говорил, повидимому, вполнѣ искренне, и высшій ко-

мандный состав, дѣйствительно, сдѣлал все, чтобы "пережить благополучно совершающійся... нѣкоторый болѣзненный процесс в организмѣ арміи". Конечно, помогало то, что в силу отреченія Императора формально не приходилось насиловать своей совѣсти и человѣку монархических взглядов: "покорясь, мы слушали голос, исходящій с высоты престола" — так формулировал Лукомскій в официальном разговорѣ с Даниловым 4-го марта основную мысль людей, находившихся в Ставкѣ... С облегченіем занес Куропаткин в дневник 6-го марта: "Мнѣ, старому служакѣ, хотя и глубоко сочувствующему новому строю жизни Россіи, все же было бы непосильно измѣнить присягѣ... Нынѣ я могу со спокойной совѣстью работать на пользу родины, пока это будет соотвѣтствовать видам новаго правительства". Вѣроятно, очень многіе — и в том числѣ прежде всего Алексѣев — могли бы присоединиться и формулировкѣ своего отношенія к "монархіи", данной адм. Колчаком во время своего позднѣйшаго предсмертнаго допроса в Иркутскѣ: "для меня лично не было даже... вопроса — может ли Россія существовать при другом образѣ правленія"... "послѣ переворота стал на точку зрѣнія, на которой стоял всегда, что я служу не

той или иной формѣ правленія, а служу родинѣ своей, которую ставлю выше всего". "Присягу (новому правительству) — показывал Колчак — я принял по совѣсти". "Для меня ясно было, что возстановленіе прежней монархіи невозможно, а новую династію в наше время уже не выбирают". Насколько сам Алексѣев был далек от мысли о возможности возстановленія монархіи, показывает знаменательный разговор, происшедшей уже в августовскіе корниловскіе дни между ним и депутатом Маклаковым. Бесѣда эта извѣстна нам в передачѣ послѣдняго, — быть может, она нѣсколько стилизована. Но суть в том, что правый к. д. Маклаков, завороченный юридической концепціей легальности власти, считал, что в случаѣ успѣха Корнилов (Маклаков был пессимистичен в этом отношеніи) должен вернуться к исходному пункту революціи — к отреченію Царя и возстановить монархически строй. Алексѣев, в противоположность Маклакову думавшій, что Врем. Правит. доживает свои послѣдніе дни, уже разочарованный в политическом руководствѣ революціей, крайне тяжело переживавшій развал арміи (все это накладывало отпечаток на пессимистическія сужденія Алексѣева о современности, как видно из его днев-

ника и писем послѣ отставки), признавал все же невозможным и нежелательным возстановленіе монархіи[314].

Насколько Ставка была в первое время чужда идеѣ "монархическаго заговора", показывает легкость, с которой были ликвидированы осложненія, возникшія в связи с отставкой в. кн. Н. Н. В воспоминаніях Врангеля подчеркивается "роковое" значеніе рѣшенія Ник. Ник. подчиниться постановленію Врем. Правительства. По мнѣнію генерала, Врем. Прав. не рѣшилось бы пойти на борьбу с Вел. Князем в силу его "чрезвычайной" популярности в арміи, и только "один" Ник. Ник. мог бы оградить армію от гибели. Таково было сужденіе, высказанное Врангелем, по его словам, в тѣ дни. Неподчиненіе Врем. Правительству знаменовало бы собой попытку контр-революціоннаго демарша. Если Врангель тогда высказывался за подобный шаг, его никто не поддержал, если не считать офицеров Преображенскаго полка полк. Ознобишина и кап. Старицкаго, о появленіи которых в Ставкѣ и качествѣ "делегатов" из Петербурга рассказывает довольно пристрастный свидѣтель. ген. Дубенскій[315].

4. Настроєня в арміи.

Офицеры и солдаты.

Настроєня в Ставкѣ, очевидно, были характерны и для значительнаго большинства команднаго состава на периферіи. Понятіе "контр-революціонности", конечно, весьма относительно — для всякаго рода большевизанствующих революціонеров выпрямленіе линіи в сторону безоговорочнаго признанія Временнаго Правительства само по себѣ уже являлось в тѣ дни признаком отрицательнаго отношенія к совѣтской платформѣ, т. е. признаком контр-революціонных умонастроєній. В соотвѣтствіи с этой демагогической тенденціей "лѣвая" революціонная историографія (большевицкая по преимуществу) желяет представить нѣсколько иную картину на фронтѣ, поскольку дѣло касается реставраціонных поползновеній кадроваго офицерства. Неоспоримо, в многотысячном, связанном корпоративной средой и профессиональной традиціей офицерском корпусѣ (сильно, правда, измѣнившемся в період войны)[\[316\]](#) не могло быть внутренняго единства в смыслѣ принятія революціи. Но

"многочисленные" факты, на которые ссылается эта литература, в концѣ концов сводятся к довольно шаблонному повторенію зарегистрированных в мартовскій період "борьбы за армію" случайных сообщений, подчас возбуждающих даже большое сомнѣніе. Оставим в сторонѣ полуанекдотическую офицерскую жену, демонстративно игравшую на фронтѣ у открытаго окна на роялѣ "Боже Царя храни" — ей и так уже слишком посчастливилось в литературѣ. Из письма, направленного из дѣйствующей арміи в адрес "депутата Чхеидзе" и помѣченного 8 марта, мы узнаем, что на повѣрках в нѣкоторых частях 28 корпуса Особой Арміи (т. е. гвардіи) послѣ переворота продолжали пѣть "Боже Царя храни" и "Спаси, Господи, люди Твоя" — "очевидно" там, гдѣ "начальники являются приверженцами стараго режима, и солдаты мало ознакомлены с событіями" — добавлял освѣдомитель. Начальник кавалерійскаго корпуса гр. Келлер, отказавшійся присягнуть новому правительству, прощался со своим полком, как свидетельствует Врангель, пропуская его церемониальным маршем под звуки того же "Боже Царя храни". Надо ли видѣть здѣсь нарочитую демонстрацію или привычную при торжественной обстановкѣ традицію

національнаго гимна? Он не был ни отмѣнен, ни замѣнен революціонным гимном, и Деникин нам рассказывает о сомнѣніях военнаго командованія — пѣть ли народный гимн.

Можно привести, конечно, десятки эпизодов, прямо или косвенно говорящих об отрицательном отношеніи в отдѣльных случаях, высшаго и низшаго командованія к перевороту. Ген. Селивачев, командовавший 4-ой Финл. стрѣлковой дивизіей на юго-западном фронтѣ и принадлежавшій к числу тѣх военачальников, которые желали только в "ужасное переживаемое время" справиться с "великой задачей удержать фронт", в дневникѣ 6-го марта отмѣчает, что его командир корпуса — "глубочайшій монархист, участник "Русскаго Знамени" и юдофоб чистѣйшей воды" — отдал приказ, из ко-его "ясно, что, кромѣ верховнаго главнокомандующаго, он не признает никого из Временнаго Правительства". В дневникѣ генерала пройдут и его собственные подчиненные, не освѣдомлявшіе солдат о происшедших событіях и не позволявшіе читать газеты, потому что эти "идіоты" все равно не поймут, и потому, что "глупая затѣя" в некультурной странѣ не может долго длиться. В результатѣ

давались подчас, по выраженію Врангеля, "совершенно безмысленныя толкованія отреченію Государя": так один из командиров пѣхотнаго полка объяснил своим солдатам, что "Государь сошел с ума". Можно допустить, что живую реальность представлял и тот гусарскій ротмистр, который свою часть информировал об отреченіи Царя в такой формѣ: "Е, И. В. изволил устать от трудных государственных дѣл и командованія вами и рѣшил немного отдохнуть, поэтому он отдал свою власть на время народным представителям, а сам уѣхал и будет присматривать издали. Это и есть революція, а если кто будет говорить иначе, приводите ко мнѣ, я ему набью морду. Да здравствует Государь-Император. Ура!" [\[317\]](#).

Может быть, в архивах каких-нибудь мѣстных штабов найдутся несуразные для революціоннаго времени приказы от 15-17 марта о тѣлесных наказаніях розгами, о которых, как о фактѣ, говорил докладчик военной секціи в засѣданіи Совѣщанія Совѣтов 3-го апрѣля внѣфракціонный с.-д. Венгеров (докладчик конкретно не указал за "краткостью времени", гдѣ происходил этот "абсурд"). Отрицать наличность таких фактов нельзя. Как не

повѣрить колоритному по своей безграмотности письму в Исп. Ком. — "Г.г. Депутатам государственной думы": "Братцы, Покорнѣйше просим Вас помогите нам (.) в нашем 13-м тяжелом артил. дивизионѣ полк. Биляев, родственник бывшего военного министра, который распространяет слухи, что не верьте свободе... эти люди сего дня Красный флаг, а завтра черный и зеленый... Еще командир 3 бат. того же дивезіона... кап. Ванчехизе безовсякой причины бил солдат... он изменник Государства и нашей дорогой родины... покорнѣйша просим убрать нашего внутренняго врага Ванчехазу... Не можем совершенно его требованія выполнять". Свой "Ванчихазе" — полк. Христофоров был в Слуцкѣ в одном из гвардейских полков, как свидѣтельствуем офицер этой части в письмѣ к родителям 11-го марта — мы ниже его широко цитируем, — кричал по телефону: "сволочь получила свободу", вернувшись с фронта, отомстим. Думскій депутат от Литвы, Янушкевич, примыкавшій к трудовой группѣ, в докладѣ Временному Комитету 13 марта о поѣздкѣ на Сѣверный фронт рассказывал, что один из командиров дивизиі так выражался в его присутствіи, что депутат вынес впечатлѣніе, что "если он и не враг новаго правительства, то во всяком слу-

чаѣ слишком иронически на него смотрит". "Хорошо, что разговор оборвался добавлял депутат, — а то я думал, что придется его арестовать". Между прочим, он сказал: "все таки эту сволочь сък и буду съчь, и если он что-нибудь сдѣлает, то я всыплю ему 50 розог". Пока Янушкевич бесѣдовал с дивизионным командиром, солдаты не расходились, полагая, что депутат будет арестован командиром — "он сторонник стараго строя. Он вчера грозил разстрѣлом за снятіе портрета. Уже казаков сотня была приготовлена"...

Всѣ подобные факты едва ли могут служить показательным барометром общих настроеній. Достаточно знаменательно, что Янушкевич и его товарищ по поѣздкѣ свящ. Филоненко, посѣтившіе "почти всѣ части" 1-ой арміи, говорившіе со "многими офицерами", равно и с "высшим офицерским составом", и на официальных собраніях, и в индивидуальных бесѣдах, могли в своем отчетѣ в качествѣ "врага новаго строя" (и то относительно) конкретно отмѣтить лишь одного командира дивизіи, который "слишком иронически" смотрѣл на революціонное правительство. "Многіе из них (т. е. офицеров) — говорилось в депутатском докладѣ

Врем. Ком. — совершенно не ориентированы в положении и нас спрашивали: "неужели вы не могли спросить армию прежде, чѣм произвести революцію?" Мы говорили: "Так вышло. И вы сами, проснувшись, не узнали бы Петербурга". Они не представляют себѣ, что так могло быть. Они недовольны, что это сдѣлано, как то без их спроса, наскоро, штатскими людьми, которые не считаются с ними". В чем же "не считаются"? "Они не улавливают "сути"[318] — отвѣчает отчет — и думают, что у нас разрушена вся армія, что весь дух ея упал, и что нѣтъ основаній, на которых зиждилась вся армія". В одном собраніи школы прапорщиков, гдѣ собралось 250 человек, депутаты встрѣтились с особо ярким настроеніем "контр-революціонным" — "совершенно против переворота". Характерное поясненіе дѣлают депутаты: "говорило больше зеленое офицерство, прапорщики" — "недоучки", по их выраженію. Камнем преткновенія явилась все та же тема — опасность разрушенія арміи. Как "люди дисциплинированные", они требовали, чтобы приказы "издавались из центра, сверху": если "начальство потеряет свой авторитет... нельзя будет вести войска в атаку". Стремленіе поддержать дисциплину и является основным мотивом в об-

виненіях "высшаго офицерства" в контр-революціонности. Нѣкоторые командиры были "очень тактичны": "когда произошел переворот, отреченіе и проч., они потихоньку убрали всѣ портреты, а в нѣкоторых частях портреты демонстративно висят. Когда солдаты требовали, чтобы портреты были убраны, то начальники отказывались" — отказывались (добавляли депутаты) не потому, что "находили, что он должен висѣть.... а потому, что, по их мнѣнію, дисциплина не позволяла... Этим создавались отношенія, грозившія большими послѣдствіями"... даже "ужасная атмосфера", по словам докладчиков, — могли быть "убійства". "Нетактичность" сказывалась в срываніи "красных бантов" — этих внѣшних атрибутов революціи[319].

Уполномоченные Врем. Комитета отмѣтили "подозрительное отношеніе" солдат к начальству. Этому настроенію, по их мнѣнію способствовал, с одной стороны, "приказ № 1", с другой — "неправильное истолкованіе событій"... "Мы замѣтили, что тѣм офицерам, которые пытались объяснить солдатам происшедшій переворот, даже прощались грѣхи прошлаго, они сразу как-то выросли

в их глазах; но особое недовѣріе было там, гдѣ замалчивали, гдѣ не собирали солдат, не объясняли происшедшаго или давали тенденціозное объясненіе, там создавалась почва страшнаго недовѣрія. Старое недовѣріе как то слабо, а недовѣріе послѣ переворота.—новое — ужасно[320]. В тѣх же частях, гдѣ собирали и объясняли событія, там сразу возстанавливалось довѣріе: даже в тѣх частях, гдѣ его раньше не было. Эти части могут в огонь и в воду пойти"... Депутаты дѣлали любопытное поясненіе: "знаменитый приказ № 1 и всевозможные слухи породили извѣстную дезорганизацію в "зеленых" частях, гдѣ мужики. В частях, болѣе революціонных (?), ничего подобнаго не было. Там и с офицерами уживаются очень хорошо". Может быть, еще болѣе интересны их наблюденія по мѣрѣ приближенія к фронту: "что касается общаго настроенія войск, то вблизи позицій оно у них такое веселое, радостное и хорошее, что отрадно становится. Там мы видѣли настоящіе революціонныя полки с полнѣйшей дисциплиной, полное объединеніе с офицерами"[321]. Уполномоченные многократно во всѣх частях бесѣдовали с солдатами в отсутствіе команднаго состава. Бесѣды эти начертали цѣлую программу мѣр, которыя надлежало

осуществить, и которыя соотвѣтствовали желанію солдат (о программѣ мы скажем ниже). Политическое настроеніе армейской массы характеризуется достаточно заявленіем Янушкевича Временному Комитету: "Я должен сказать откровенно, насколько я видѣл, настроеніе сплошь республиканское" — вѣроятно, правильнѣй было бы сказать: "за новый строй"[\[322\]](#).

Приходилось уже упоминать о том энтузіазмѣ, с которым на фронтѣ были встрѣчены члены Гос. Думы солдатской массой. Их поѣздка вообще носила характер какого-то триумфальнаго шествія: их встрѣчали "вездѣ" торжественно, с музыкой: словами "невѣроятная овація", "царскій приѣм", "носили на руках", "склонялись знамена" пестрит их отчет... "Были полки, гдѣ нас болѣе сдержанно принимали — замѣчали депутаты — но общее впечатлѣніе в громадном большинствѣ случаев такое, что послѣ обмѣна привѣтствій, послѣ такого рода бесѣд, они нас поднимали и выносили до наших саней. Мы не могли распрощаться. Они цѣловали нам руки и ноги". Могли, конечно, депутаты нѣсколько самообольщаться[\[323\]](#), но все же не настолько, насколько это представлено в секретной

телеграммѣ 18 марта, посланной в Токио японским послом. Он передавал своему дипломатическому начальству, что сообщеніе членов Врем. Ком., командированных на фронт, составлено "весьма оптимистически, но на самом дѣлѣ положеніе *диаметрально противоположное* . Я в этом убѣдился из разговоров с офицером, возвратившимся с фронта". Пессимизм освѣдомителя виконта Уциды, дѣйствительно, не соотвѣтствовал выводу думской делегаціи, говорившей в заключеніе своего, повидимому, устнаго отчета: "У нас вообще впечатлѣніе отрадное, и если бы офицеры сумѣли перестроить свои отношенія на новых началах, а это необходимо, то дѣло было бы сдѣлано. *Теперь самый острый вопрос* , по нашему мнѣнію, как свою задачу исполнит офицерство"...

Отчет делегаціи коснулся лишь ближайшаго к столицѣ фронта. Путем сравненія можно дать, пожалуй, и лучшій отвѣт на вопрос, как отнеслась фронтовая армія к перевороту, и как этот переворот повліял на армію. Возьмем два мѣста, гдѣ было хуже всего: гвардейскій корпус и Балтійскій флот. Относительно гвардіи это особо подчеркнул Алексѣев в разговорѣ с Гучковым 11 марта: "здѣсь

событія нарушили равновѣсіе, и замѣчается нѣкоторое броженіе и недоувѣріе к офицерскому составу". Для характеристики этих отношеній у нас имѣется интересный "дневник" неизвѣстнаго офицера-интеллигента, написанный в видѣ писем к родным из Луцка[324]. "Дневник" имѣет нѣсколько резонерскій оттѣнок — наблюденія смѣняются разсужденіями. Автор отмѣчает сложность и трудность положенія гвардіи в силу той двойственности, которая получилась от того, что революцію совершили запасные батальоны стоящих на фронтѣ полков, и что из тѣх же полков направлялись в Петербург части для подавленія революціи. Впечатлѣнія наблюдателя до полученія извѣстія об отреченіи формулировано им 4 марта так: "сознательное меньшинство (солдат) довольно, но хочет отомстить вождям павшаго режима, большинство же относится ко всему происшедшему с полным безразличіем и хочет только одного — мира... Офицеры, понурые, убитые страхом за будущее, ходили один к другому, нервничали, строили планы и тут же сами их опровергали. Я не знаю такого тяжелаго дня. Полумертвый я заснул"... 4-го получено было сообщеніе о назначеніи Вел. Князя главнокомандующим. "Я сообщил это солдатам.

Они опять молчали". Вечером пришла телеграмма о новом министерствѣ — "среди офицеров общее ликование... Всѣ увѣрены, что Николай II отрекся от престола". Любопытным сообщеніем кончает наш своеобразный мемуарист свое письмо: "У нѣмцев — ликование. Выставляют плакаты, салютуют, играют оркестры[325]. Попытались наступать на VII корпус..., но были отбиты. Наше высшее командование растеряно... не знают, что им дѣлать. Надо было устроить парад, самим салютировать, выставлять побѣдные плакаты, заставить играть оркестры, воспользоваться моментом для подъема духа солдат... Но... жизнь вот течет так, будто ничего не случилось. Это ужасно, но я надѣюсь, что послѣ манифеста у нас что-нибудь сдѣлают"...

11 марта письмо начинается болѣе или менѣе оптимистической оцѣнкой: Слава Богу, теперь стало проясняться, все же возможность кровавых событий не совсѣм исключена. Надо помнить, что положеніе гвардіи особенно тяжело... ея старое офицерство и генералитет имѣют опредѣленную репутацию... Вот каким представляется мнѣ положеніе. Во-первых, ни одну воинскую часть так не волно-

вали петроградскія новости, как гвардейцев... А свѣдѣнія из Петрограда приходили запоздалыя, преувеличенныя, часто нелѣпыя. Вѣрили всему, и ничего нельзя было опровергать. Во-вторых, когда пришло извѣстіе об установленіи новаго порядка, то офицеры стали подозрѣвать солдат, а солдаты офицеров. Мы не знали, как отнесутся нижніе чины к событіям, поймут ли они происходящее, а главное — не заразятся ли они петроградским примѣром, не вздумают ли у нас смѣнять начальников и заводить собственные порядки; не знали мы также, не захотят ли они прекратить войну, не предпримут ли они какого-либо насилія для ея прекращенія; наконец, мы не знали, одинаково ли воспримут новыя вѣсти всѣ части, или полк пойдет на полк и батальон на батальон, а вѣдь у нас до нѣмцев — нѣсколько верст, случись что-нибудь, и фронт будет прорван, может быть прорван в нѣскольких мѣстах, и что тогда? И мы томились и не знали, как лучше исполнить свой долг. А солдаты в то же время не довѣряли офицерам. Они не знали, на сторонѣ какого строя мы стоим и одинаковаго ли мы направленія; они боялись, что с нашей стороны *будут попытки сдать позиціи нѣмцам* ; они были увѣрены, что от них скрываются

какіе-то новыя приказы; они так же боялись, перейдут ли всѣ части на сторону новаго порядка: они мучились тѣм, что свободу отнимут, что отечеству измѣнят; они вѣрили каждому нелѣпому слуху самага темнаго происхожденія; они постоянно хватались за винтовки, и нѣсколько раз могло случиться побоище"... "Старшіе начальники не сдѣлали ничего для вселенія к ним довѣрія, а бездѣйствіе было истолковано, как приверженность их к павшему порядку. Атмосфера получилась ужасная"... "Между нами и ими пропасть, которую нельзя перешагнуть..." "Сколько бы мы с ними ни говорили... сколько бы ни старались предотвратить столкновенія, они не вѣрят нам. Нѣкоторым офицерам они прямо говорили, что в гвардіи всѣ офицеры — дворяне, и что поэтому офицеры не могут быть сторонниками новой власти"[\[326\]](#).

Как все таки характерно, что всѣ инциденты, о которых рассказывает автор писем, вращаются около имен ген. Гольгоера, гр. Ротермунда, Клодфон-Юренсбурга, бар. Штемпель и т. д. Вѣдь это они готовы "открыть фронт"[\[327\]](#), это они составляют "нѣмецкую партію", козни которой пытается

раскрыть Чр. Сл. Комиссія Врем. Правительства, и о кознях которой так много говорили до революціи. Эти легенды и сплетни из среды придворной, бюрократической, военной и общественной перешли в народ. По всему фронту прокатилась волна недоверія — на позиціях около Риги в 80 сиб. стрѣлк. полку солдаты, как и в Особой арміи, высказывали опасенія, что офицеры сдадут позиціи нѣмцам; повсюду требуют удаленія "баронов, фонов и прочих шпионов". Это отмѣчает позднѣйшій доклад (апрѣльскій) члена Гос. Думы Масленникова, посѣтившаго фронт... Нач. 3 пѣх. дивизіи ген. Шолп, устраивает манифестаціи, чтобы доказать, что он не нѣмец и вполне сочувствует перевороту (Селивачев)... По истинѣ, что посѣешь, то и пожнешь [\[328\]](#).

"В основѣ всѣх этих нелѣпостей, обнаружить которыя перед ними иногда все-таки удается — пишет наш офицер родителям с просьбой довести до свѣдѣнія Гучкова о положеніи на фронтѣ — лежит одно соображеніе, которое нельзя опровергнуть. Переворот совершился в тылу, а у нас все остается по старому; высшая власть ввѣрялась при павшем правительствѣ его приверженцам, а они всѣ на

мѣстах. Надо немедленно смѣстить всѣх генералов с нѣмецкими фамиліями и других, которые навлекут на себя подозрѣніе. Надо сдѣлать это скорѣе, иначе начнется солдатская самоуправа...[329]. Нужны немедленныя и рѣшительныя мѣры — иначе власть ускользнет из наших рук, инициатива преобразований перейдет от нас к ним, армія начнет разлагаться, и поражение будет неизбежно". Слѣдующее письмо, написанное на другой день — 12 марта — когда в ротах "уже начали смѣщать офицеров и выбирать себѣ новых", полно пессимизма: "Конечно, надо надѣяться до самой послѣдней минуты, но я считаю солдатскій бунт вполне возможным. Еще вчера они качали Тимохина, говоря, что вѣрят ему, что ничего без его согласія не предпримут. А сегодня, когда он пришел в роту, они кричали ему "вон" и объявили затѣм, что выбрали себѣ новаго ротнаго командира. Измѣненій и колебаній их настроенія ни предугадать, ни направить нельзя. Вчера вечером положеніе казалось прояснившимся. Сегодня оно ухудшилось. Мы все время переходим из одной полосы в другую. У нѣкоторых начинают опускаться руки, до того эти волненія утомляют. Нѣкоторые говорят, хоть бы скорѣе на позиціи, там все будет лучше,

поневолю люди сдержат себя". "Вообще положение безвыходно" — заключает автор, — "руководить событиями уже нельзя, им просто надо подчиниться". "Армія погибла" — это становится лейтмотивом всѣх послѣдующих писем.

Итог индивидуальных переживаний сгущал картину, как можно усмотрѣть хотя бы из позднѣйшаго доклада депутата Масленникова, посѣтившаго по полномочию Врем. Комитета территорию Особой Арміи в апрѣлѣ. В этом докладѣ уже не будет нѣсколько сантиментальнаго мартовскаго флера, но он все же будет очень далек от пессимизма "умнаго... классоваго врага" пролетарской революціи. Реалистическій итог для марта, пожалуй, можно охарактеризовать записью ген. Селивачева 26-го: "Вчера в газетѣ "Кіевская Мысль" было сообщено, что от Особой арміи выѣхали в Петроград делегаты в Совѣт Р. и С. Д. и в запасные гвардейскіе батальоны, чтобы заявить, что Особая армія с оружіем в руках будет защищать Временное Правительство и не потерпит ничьего вмѣшательства в дѣла правленія до созыва Учредительнаго Собранія".

* * *

Общее впечатлѣніе, что эксцессы на фронтѣ, имѣвшіе мѣсто далеко не повсемѣстно, в значительной степени связаны были с нѣкоторым чувством мести в отношеніи начальников, злоупотреблявших своими дисциплинарными правами [330]. Революція с перваго же момента, независимо от "новых законов о бытѣ воинских чинов", конечно, должна была перестроить в бытовом порядкѣ систему отношеній между командным составом и солдатской массой. "Рукоприкладство" в арміи должно было исчезнуть, но "оно настолько вкоренилось — говорили в своем отчетѣ депутаты, посѣтившіе Сѣверный фронт, — что многіе не могут от него отстать. Когда солдаты спрашивали нас, можно ли бить, то мы при офицерах говорили: "нѣт, нельзя", и ничего другого, конечно, говорить не могли". Отрицать явленіе, о котором с негодованіем говорила даже ими. А. Ф. в одном из писем к мужу (офицеры, по ея выраженію. слишком "часто" объясняются с солдатами "при помощи кулака") нельзя. Если для начальника одной казачьей части, который на Сѣверном фронтѣ "морду набил" в революціонное время, эта несдержанность

сошла благополучно, то на Западном фронтѣ проявленіе подобной же бытовой служебной привычки 8 марта стоило жизни виновнику ея, как рассказывает прикомандированный к фронту француз проф. Легра (полковник ударил солдата за неотданіе чести и был растерзан толпой). Едва ли к числу "лучших" военачальников принадлежал тот командир 68 сиб. стрѣл. полка, который был арестован "письменным постановленіем депутатов от офицеров и солдат этой части", равно как и три его подчиненных, удаленных от командованія, причем к постановленію депутатов "присоединились почти всѣ офицеры полка". Мотивом ареста и удаленія выставлялось: рѣзкое и грубое обращеніе, недоувѣріе к боевым качествам и несочувственное отношеніе командира полка к перевороту. Этот эпизод дошел до военного министра в силу настойчивости, которую проявил полк. Телеграмма нач. корпуса, посланная Алексѣеву, сообщала, что "продолжительныя увѣщеванія и бесѣды с офицерскими и солдатскими депутатами 18 и 19 марта не привели к возстановленію законнаго порядка". Командующему корпусом удалось добиться освобожденія из-под ареста командира полка, но депутаты продолжали настаивать на оставленіи из-

браннаго ими командира полка, ссылаясь на газетное сообщеніе о разработкѣ комиссіей ген. Поливанова вопроса о подборѣ высшими начальниками своих помощников. Для уговора полка выѣхали два члена Гос. Думы. Алексѣев законно негодовал на самоуправство, признавая невозможным руководиться проектами, не санкціонированными к проведенію в жизнь и толкуемыми солдатами "вкривь и вкось", и требовал, чтобы в полку были возстановлены офицеры или полк был бы раскассирован: "при таких условіях работа арміи не может итти" — телеграфировал он военному министру. Но в данном случаѣ, повидимому, формальная правота входила в коллизію с бытовой правдой, и тот факт, что дѣлу 68 сиб. стр. полка придали такое значеніе, показывает, что оно не было явленіем рядовым в жизни арміи в первый період революціи. Почти несомнѣнно, что политика сама по себѣ в этих бытовых столкновеніях на фронтѣ стояла на втором планѣ.

Эксцессы во флотѣ.

Если в гвардейском корпусѣ непосредственно послѣ переворота солдатская масса держалась на-

стороженно, "что-то" ожидая, то в Балтійском флотѣ барометр, опредѣляющій силу волны взбудораженной стихіи — "психоза безпорядка", с перваго момента "лихорадочно" колебался; были моменты, когда казалось, что "спасти" может только "чудо". Дневник Рейнгартена, одного из тѣх молодых энтузіастов, которые сгруппировались вокруг адм. Непенина и мечтали о "новой жизни великой свободной Россіи"[\[331\]](#), очень ярко передает атмосферу настроеній, царившую в Гельсингфорсѣ. Только тенденціозность, не желающая считаться с фактами, может привести к выводу, что "лукавая" политика Непенина стоила ему жизни (Шляпников). Мы приводили уже официальные телеграммы командующаго Балтійским флотом, опровергающія эту большевицкую легенду. 28 февраля Рейнгартен записал: "Наш начальник и командир в общем настроен празднично и сочувствует революціи во спасеніе родины"... В смутные дни Непенин "твердо рѣшился оставаться на взятой позиціи", т. е. поддержки Временаго Правительства. Он сказал фл.-кап. кн. Черкасскому, и. д. начальника штаба, по порученію товарищей выяснявшему рѣшеніе командующаго флота, что он не выполнит противоположнаго приказанія "сверху", если тако-

вое послѣдует. 2 марта командующій объявил о своем рѣшеніи на собраніи флагманов: ... "Буду отвѣчать один, отвѣчаю головой, но рѣшил твердо. Обсужденія этого вопроса не допускаю"... В зависимости от свѣдѣній, приходивших из Петербурга, "радость" смѣнялась "тревогой" у молодых энтузиастов, окружавших Непенина. Но пришел манифест об отреченіи, и Рейнгартен "на зарѣ новой жизни великой, свободной Россіи" записывает: "ночь без сна, но какая великая, радостная, памятная ночь счастливаго завершения Великой Россійской революціи". Отмѣтка в дневникѣ, сдѣланная в 7 ч. 20 м. утра, была преждевременна. В 6 ч. 35 м. веч. Рейнгартен вписывает: "в общем, кажется, мы идем к гибели"... "От Родзянко приказано задержать объявленіе манифеста... Что это опять начинается?" — с волненіем спрашивает себя автор дневника: "горю весь, все время вскакиваю и хожу". "Нервность растет. Отовсюду слухи о безпорядках, имѣемых быть"... "Психоз безпорядка перекинулся сюда: на "Андреѣ Первозванном" подняли красный флаг". Началось "возстаніе" на линейных кораблях, арест и разоруженіе офицеров. Крики "ура" перемѣшиваются со стрѣльбой из пулеметов. "Неужели все погибнет" — вновь мучи-

тельно записывает Рейнгартен... Трагически закончилось движение, однако, только во второй бригаде линейных кораблей, которой командовал, находившийся на "Андрей Первозванном", в. ад. Небольсин. В записи на 3 марта "флагманского исторического журнала" обострение на адмиральском судне объясняется тем, что Небольсин "в своих выступлениях перед матросами многое скрыл от них. С депутатами, явившимися к нему от имени команды с просьбой (или требованием) показать официальные сведения, Небольсин вступил в пререкания. В итоге был убит адмирал и еще два офицера". На некоторых судах "возмущение" окончилось манифестацией даже "патриотического" характера, по выражению Рейнгартена — качали командиров[332].

У себя на "Кречет" Непенин обратился к матросам с речью — сказал "все без утайки", потом "стал говорить все сильней, сильней... и закончил: ..."страной управляет чорт! Я все сказал, я весь тут. Вы скажите: кто за меня, кто против — пусть выйдет! Кто-то крикнул: "адмиралу — ура!", все подхватили, так что я не выдержал — бросился, обнял и крепко поцеловал Адриана. Это было слишком

— его качали, а когда успокоились, адмирал сказал: "найдутся ли среди вас охотники, умѣющіе говорить?" Вышло много. "Раздадитесь по пять. Когда утихнут беспорядки, я пошлю вас вы скажите все, что я сказал, и скажите, что потом приду я"... Адмиралу никуда не пришлось итти — к нему на "Кречет" пришли сами — "толпа матросов с кораблей". "Переговоры Непенина с депутатами — записывает Рейнгартен — были длительны и очень несносны. Жалко было смотрѣть на Непенина — так он устал, бѣдняга. так он травился и с таким трудом сдерживался. К концу рѣчи он воспалился, сказал, что убили офицеров сволочи, что зажгли красные огни и стрѣляли в воздух из трусости, что он презирает трусость и ничего не боится. Ему долго не давали уйти — все говорили: "позвольте еще доложить" — основной лейтмотив: говорить на вы, относиться с большим уваженіем к матросу, дать ему большую свободу на улицах, разрѣшить курить и т. д. Когда, наконец, измученный Непенин вышел, команды, прощаясь, отвѣтили дружно и вообще держали себя хорошо, стояли смирно"...

Пришла телеграмма Керенскаго, которая произвела "очень хорошее впечатлѣніе и успокоила".

Кому то это не нравилось. "5 час. 15 м. — отмѣчает дневник — провокація по радіо — "смерть тиранам": ..."Товарищи матросы, не вѣрьте тирану... От вампиров стараго строя мы не получим свободы... Смерть тирану, и никакой вѣры от объединенной флотской демократической организаціи". "Какое безуміе !... Опять надо расчитывать... на чудо"... Нѣкто в сѣром усиленно сѣял анархію в Гельсингфорсѣ. Какая-то группа, состоящая на "разнородной команды и офицеров, морских и сухопутных", избрала командующим флота нач. минной обороны виц.-ад. Максимова, находившагося под арестом на посыльном суднѣ "Чайка". Непенин согласился на такой компромисс: Максимов пріѣдет на "Кречет" и будет контролировать всѣ поступки адмирала. Через два часа Непенин был убит выстрѣлом в спину из толпы. Впослѣдствіи — утверждает Рейнгартен — матросы рѣшительно отрекались от участія в этом убійствѣ. Авторитет Непенина казался опасным тѣм, кто хотѣл разложить боевую силу Балтійскаго флота. Почти перед самым убійством адмирала Рейнгартен записал сообщеніе: "Центральный Комитет депутатов кораблей на "Павлѣ", разобравшись в обстановкѣ, признал дѣйствія командующаго флотом правильны-

ми и приходит к повиновению!!!".

В связи с прїѣздом Родичева и Скобелева, встрѣченных "адской оваціей", у Рейнгартена "надежды на возстановленіе порядка повысились с 1%, примѣрно, до 60%—"всѣ постепенно возвращаются на мѣста". В настроеніи перелом. Толпа ходит на улицах с красными флагами — даже "приказано объявить желательность красных повязок и участіе в манифестаціях офицеров". На судах спокойно, но "нервность всюду ужасная". И вновь отмѣчается в дневникѣ за 5-ое марта: "провокація страшнѣйшая" — "по городу распространяется "манифест" Николая II с призывам к возстанію в пользу престола". "Враги родины, видимо, работают во всю и сѣют новую смуту" [333].

Дневник Рейнгартена картинно обрисовывает противорѣчіе, раздавшееся в страдные дни революціи в матросской толщѣ: "Всюду праздничное, веселое, приподнятое настроеніе; только нервность в связи с провокаціей" (6 марта). Это "праздничное" настроеніе смѣняется мрачными сценами убійства или покушеніями на убійство, что заставляет автора написать: "я ошибся, что 60%, если тогда было 6%, то теперь эти проценты

падают". Нельзя не отмѣтить, что во всѣх случаях, на которых останавливается Рейнгартен, почти всегда имѣется наличность той "провокаціи", на которой он настаивает. Вот примѣр. С "Петропавловска" передали на "Кречет", что желают удаленія лейтенанта Будкевича. "Пересуды были нескончаемы — команда боится "Петропавловска", откуда уже дважды звонили: взят ли Будкевич?". "Команда "Кречета" аттестовала Будкевича "самым добрым образом", но все-же велѣла Будкевичу итти в арестный дом". "С великим трудом удалось мнѣ убѣдить команду по дорогѣ завести Б. в Морское Собрание, гдѣ обратиться к депутатам "Петропавловска". Я кричал, умолял. К счастью, еще при выводѣ Б. у трапа они столкнулись с комфлотом и Родичевым, затѣм вмѣстѣ всѣ пошли в Морское Собрание, гдѣ долго говорили с депутатами... и оказалось, что на "Петропавловскѣ" — тихо, ничего не требовали, и все спокойно". На "Діанѣ" арестовали кап. Рыбчина и лейт. Любимова, "увели с корабля и скоро вернулись" — оба были убиты. Люди, уведшіе Рыбчина, "клялись" комфлоту и Родичеву, что "они не убивали". Провокаторы прикрываются именем образовавшагося в день пріѣзда совѣтской делегаціи из Петербурга Исполни-

тельнаго Комитета Совѣта представителей арміи, флота и рабочих Свеаборгскаго порта, который пытался наладить какой-то правопорядок: "воззванія Комитета хороши и намѣренія правильны, но видно абсолютное неумѣніе руководить исполнительной частью" — замѣчает Рейнгартен. "Постоянно посылаются вооруженные патрули всюду, гдѣ ожидается беспорядок. Так ими уничтожено нѣсколько вагонов огромных запасов спиртных напитков; они вылиты на землю и политы керосином и нефтью"[\[334\]](#). "При мнѣ на "Петропавловскѣ" — рассказывает Рейнгартен — неизвѣстно откуда передана телеграмма, якобы от имени Исп. Ком., с приказаніем не посылать патрулей. Правда, этот обман так груб, что открывается легко".

Рейнгартен был выбран тов. пред. Исп. Комитета. "Немыслимо рассказать — записывает он — что было за дни моей работы 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12/III. Я не замѣтил этих дней. Впечатлѣніе сплошного митинга, рѣчей, постановленій. Это было тяжкое испытаніе, ибо я пошел на эту Голгофу единственно ради возстановленія спокойствія, уничтоженія розни между офицерами и матросами, ради возстановленія работы для войны. Я с собой справил-

ся и к себѣ довѣріе снискал; я говорил много со всѣми, особенно с крайними элементами. Наибольшей услѣхъ был у Хиліапи (предсѣдатель Совѣта) — это хорошій, честный, страстный человек. Он подкупал меня своей искренностью, а я, может быть, подкупал его тѣм, что отдал всю жизнь этому дѣлу, всю мою душу, всю любовь к родинѣ, которая сейчас сжигает меня. Хиліани назвал меня своим другом, просил перейти на ты. Теперь мнѣ легко говорить и работать с ним".

В районѣ Свеаборгскаго порта, несомнѣнно, наступило успокоеніе. Уже 6-го кн. Черкасскій давал в морской ген. штабъ такія свѣдѣнія о Гельсингфорсѣ: "настроеніе улучшается, но по теоріи колебательнаго движенія строго научной, всегда возможны повторенія затухающихъ колебаній, а посему не надо удивляться, если еще будутъ эксцессы, но, конечно, несравненно болѣе слабые. Дѣйствіе представителей Думы безусловно громадное. Надѣюсь, что в ближайшіе дни явится возможность вернуться мнѣ к исполненію прямыхъ моихъ обязанностей, т. е. подготовкѣ флота к бою, так как за эти дни я былъ весь поглощенъ заботами и стремленіями спасти флотъ отъ полной разрухи, и всѣ операціи

были пущены мною по-боку. Не причисляя себя к оптимистам, думаю, что все изложенное довольно близко к истинѣ. Под вліяніем петроградских депутатов Думы и работающаго здѣсь мѣстнаго комитета матросских и солдатских депутатов случаи арестованія офицеров матросами и солдатами не только прекратились, но офицеры возвращены в свои части с принесеніем им извиненія и сожалѣнія о случившемся". Нач. штаба, адм. Григорьев, с своей стороны, сообщал: "спокойствіе восстанавливается все больше и больше. Исп. Ком. Совѣта Деп. принимает всѣ мѣры к восстановленію полного порядка, помогает все время командующему. В посѣщенных командующим частях и кораблях команды поклялись сохранять порядок и восстановить дисциплину" [\[335\]](#).

Дневник Рейнгартена бурную эпопею первых мартовских дней заканчивает описаніем "общаго собранія офицеров, членов Исп. Ком. и всѣх желающих", происходившаго 11 марта в русском театрѣ под предсѣдательством переводумца Кедрина. Под крики "ура" и звуки марсельезы командующій флотом Максимов провозгласил: "Поклянемся, что ничего другого, кромѣ республики, не будет"...

Совѣтская делегація, вернувшись в Петербург, заявила, по отчету "Извѣстій", что флотская семья единодушно приложит "всѣ силы к тому, чтобы война была доведена до побѣднаго конца за счастье свободной Россіи". Успокоительную картину нарисовал и депутат Маньков (плекхановец), посѣтившій Ревель и примирившій взбунтовавшихся на броненосцѣ "Петр Великій" с командиром, которому грозили судом Линча: ..."Я взял честное слово с адмирала при всем собраніи, что он подчинится новому правительству". В общем депутат нашел "настроение среди матросов очень сознательное" по сравненію с армейцами (в Ревелѣ, между прочим, матросы отбили у толпы раненаго коменданта крѣпости). Для Гельсингфорса на первых порах показательно враждебное отношение матросов к крайней пропагандѣ — это засвидѣтельствовал в воспоминаніях крупный мѣстный большевицкій дѣятель — Залезскій: большевицких агитаторов сбрасывали в воду, были и случаи ареста.

* * *

"В Балтійском флотѣ переход к новому строю

принят восторженно" — подвел итог в официальном сообщении председателю Совѣта министров из Ставки 14 марта исп. должн. верховнаго главнокомандующаго. Дневник Рейнгартена показывает, как эту "восторженность" омрачала анархія, имѣвшая своим источником агитацію безответственных отечественных демагогов, коварные замыслы внѣшняго врага и неумѣлую провокацію полицейских политиков стараго режима, которые считали, что "не все потеряно, есть надежда".

Возстаніе матросов Балтійскаго флота приняло с перваго момента в ночь на первое марта форму жестоких эксцессов в Кронштадтѣ, который, по тогдашнему выраженію большевицкаго офиціоза "Правда", оказался "отрѣзанным от міра" и не представлял себѣ "ясно картину совершающихся событий": формы, в которыя вылилась здѣсь "стихійная вспышка", до нѣкоторой степени были предудказаны прежней революціонной пропагандой[336]. Нельзя, конечно, вполнѣ довѣряться сообщеніям "секретной агентуры" жандармских властей, которая перед революціей сообщала о планѣ, выработанном в серединѣ 16 г. возродившимся "Главным Коллективом Кронштадтской военной

організації[337], — поднять возстаніе ("частью убив, а частью арестовав командный состав") в цѣлях прекращенія войны и сверженія правительства. По этому плану дѣйствій "петроградскій пролетаріат должен поддержать возстаніе и для того, чтобы дать знать о началѣ возстанія, флот выйдет из Кронштадта, уже покончив там с офицерами, и даст нѣсколько залпов по Петрограду. Если бы в отношеніи рабочих послѣдовали крутыя мѣры, и рабочих правительство стало бы разстрѣливать, то флот разгромит весь Петроград, не оставив тут и камня на камнѣ". Историк коммунистической партіи Шляпников, цитирующий эти жандармскія донесенія, отрицает наличность существованія подобнаго фантастическаго заговорщическаго плана. Но, очевидно, разговоры об убійствах и арестах были в средѣ "главнаго коллектива" (вѣдь это входило органической частью в ранніе революціонные замыслы Ленина — см. кн. "Уроки московскаго возстанія" 1905), и разбушевавшееся "пламя революціи", нашедшее благоприятныя условія в милитаризованной "тыловой базѣ", легко превратило теоретическую возможность в печальную дѣйствительность — в Кронштадтѣ провокаціонная работа ощущалась еще болѣе реально,

чѣм в других мѣстах. Очень трудно назвать "до нѣкоторой степени сдерживающей", как то дѣлают составители "Хроники февр. революціи", роль "Комитета революціоннаго движенія", избраннаго уличной толпой и возглавляемаго прибывшим из Петербурга нѣким "студентом Ханиным": для успокоенія страстей "Комитет революціоннаго движенія" приказал арестовать всѣх офицеров и заключить в тюрьму до назначенія над ними суда. Кронштадтскія событія ярко охарактеризованы краткой записью в протоколѣ 8 марта Петроградскаго Исп. Ком.: "Избиеніе офицеров, арест их в большом количествѣ, командный состав из офицеров совсем отсутствует, выбраны командиры кораблей из состава самих матросов. Флот, как боевая единица, совсѣм не существует" [\[338\]](#).

Самосуды кончились лишь тогда, когда в Кронштадт 13 марта пріѣхала от петроградскаго Исп. Ком. делегація в лицѣ с.-д. депутатов Скобелева и Муранова, которые информировали мѣстный Совѣт рабочих и военных депутатов арміи и флота о положеніи дѣл в столицѣ и о взаимоотношеніях между Временным Правительством и Совѣтом. На революціонном вѣчѣ, собиравшемся на Якорной

площади, программа дѣятельности петроградскаго Совѣта была принята. Отнынѣ революціонная "твердыня" со всѣми своими "штыками, пушками и пулеметами" будет находиться в распоряженіи петроградскаго Совѣта и поддерживать Временное Правительство, поскольку оно согласуется с этим Совѣтом... Соглашеніе было запечатлѣно в духѣ того сентиментализма, которым до извѣстной степени обвѣян был "медовый мѣсяц" революціи, публичным поцѣлуем между посѣтившим кронштадтскій совѣт Керенским и прославленным Рошалем. Подчиненіе Кронштадта было кратковременно и очень относительно. Кронштадт в качествѣ большевицкой цитадели сдѣлается символом насилія, анархіи и разложенія в русской революціи. В этих позднѣйших обвиненіях заключалась доза тенденціозной сгущенности, но на первых порах ни у кого не нашлось мужества (или сознанія ошибочности тактики замалчиванія) безоговорочно осудить зловѣщіе и мрачные эпизоды поглощенія "пламенем революціи" ея идейной цѣнности: такіе органы, как "Биржевыя Вѣдомости", писали о "героической, но вмѣстѣ с тѣм страшной ночи в Кронштадтѣ 1 марта"[\[339\]](#).

Министр юстиціи в засѣданіи Врем. Прав. 28 марта опредѣлил число офицеров, павших в Кронштадтѣ от рук убійц, цифрой 36. Ген. Лукомскій в сообщеніи из Ставки командованію на Сѣверном фронтѣ 21 марта повышал эту цифру до 60. В Гельсингфорсѣ по официальным свѣдѣніям убито было 39 офицеров и ранено 6; в Ревелѣ убито было 3; на Моозундской позиціи 2; в Петербургѣ — 1 и ранен был 1[340]. Общую потерю в личном составѣ офицеров флота Лукомскій опредѣлял "в 200 человекъ, считая в том числѣ до 120 офицеров, которых пришлось отчислить от должности и убрать с судов в виду протеста команды".

* * *

Событія в Балтійском флотѣ (особенно в Кронштадтѣ) представляют специфическую страницу в мартовскій період революціи. В Черноморском флотѣ, гдѣ командный пост занимал друг Непенина, адм. Колчак, мартовскіе дни протекали в совершенно иной обстановкѣ. 6 марта Колчак доносил Алексѣеву: "На кораблях и в сухопутных войсках, находящихся в Севастополѣ, ...пока не было никаких внѣшних проявленій, только на нѣкоторых

кораблях существует движеніе против офицеров, носящих нѣмецкую фамилію. Команды и населеніе просили меня послать от лица Черноморскаго флота привѣтствіе новому правительству, что мною и исполнено. Представители нижних чинов, собравшіеся в Черноморском экипажѣ, обратились ко мнѣ с просьбой имѣть постоянное собраніе из выборных для обсуждения их нужд. Я объяснил им несовмѣстимость этого с понятіем о воинской чести и отказал. В населеніи Севастополя настроеніе возбужденно-мирное: было нѣсколько просьб, обращенных толпою к коменданту, кончившихся мирно... Большое смущеніе в войсках вызвала внезапность воззванія рабочих и солдатских депутатов об общих гражданских правах внѣ службы. В интересах спокойствія, дабы дать возможность занять войска не внутренними дѣлами, необходимо, чтобы Врем. Пр. объявило всѣм военнотружущим обязательно исполнять всѣ до сих пор существующіе законы, покуда не будут разработаны и утверждены правительством новые законы о бытѣ воинских чинов".

Официальная сводка настроеній.

В упомянутой выше официальной запискѣ, представленной ген. Алексѣевым правительству 14 марта и заключающей в себѣ сводку донесеній главнокомандующих о том, какое впечатлѣніе на войска произвели "послѣднія событія" и переход к новому государственному строю, проводилась мысль, что перемѣна произошла "спокойно". Конечно, официальные сообщенія, собиравшіяся до известной степени в бюрократическом "секретном" порядкѣ главнокомандующими, не могут служить истинным показателем настроеній масс, ибо эти настроенія внѣшне отражались все же в воспріятіи команднаго состава, и подобно тому, как представители революціонной демократіи слишком часто склонны были безоговорочно говорить от имени народа, командный состав с той же безотвѣтственностью брал на себя право говорить от имени солдат. К тому же всякая сводка носит черты искусственности при всей добросовѣстности составителей ея. Нельзя отрицать и известной политической тенденціи, сказавшейся в обобщеніи, которое дѣлалось уже в Ставкѣ. Однако, приписывать этой запискѣ "боевой характер"

политической программы, предлагаемой Ставкой Правительству, хотя и в "скрытой, иносказательной формѣ", едва ли возможно [342]. Слишком поспѣшно и легкомысленно дѣлать вывод, что Ставка как бы требовала недопущенія евреев в офицерскую среду, на основаніи того, что во 2 сиб. корп. 12 арміи в соотвѣтствующем духѣ раздавались "нѣкоторые голоса" — из того, что в том же сибирском корпусѣ было выражено мнѣніе о необходимости надѣленія крестьян землей при помощи Крест. Банка, еще не вытекает обобщающій постулат о характерѣ земельной реформы, устанавливающей принцип "выкупа".

Сводка производилась по фронтам.

"На *Сѣверном* фронтѣ — включает записка исп. долж. верховнаго главнокомандующаго — происшедшая перемѣна и отреченіе Государя от престола приняты сдержанно и спокойно. Многіе к отреченію имп. Николая II и к отказу от престола в. кн. М. А. отнеслись с грустью и сожалѣніем... Многим солдатам манифесты были непонятны, и они не успѣли разобраться в наступающих событіях. Во 2-м Сиб. корп. 12 арміи... были нѣкоторые голоса, что без царя нельзя обойтись, и надо скорѣе выбирать государя... В 5-ой арміи наступавшія событія

нѣкоторыми солдатами разсматривались, как конец войны, другими — как улучшение своего питанія, а частью безразлично. Во всѣх арміях фронта многіе солдаты искренне возмущались заявленіем Совѣта Р. и С. Д. о республикѣ, как желаніи народа. Среди офицеров выясняется недовольство, возмущеніе и опасеніе, что какая то самозванная кучка политиканов, изображающая собой Совѣт Р. и С. Д., не получившая никаких полномочій ни от народа, ни от арміи, дѣйствует захватным порядком от имени страны, мѣшается в распоряженія Врем. Пр. и даже дѣйствует и издает вопреки его распоряженіям. Особенно волнует попытка Совѣта вмѣшаться в отношенія между солдатами и офицерами и регулировать их помимо существующих не отмѣненных законов и законнаго войскового начальства. Высказываются пожеланія устранить Совѣты Р. и С. Д. от вмѣшательства в дѣло управленія государством, так как это крайняя политическая партія, а не полномочные представители народа и арміи. Также замѣчается недовольство выдѣленіем петроградскаго гарнизона в какую-то привилегированную часть арміи, и высказываются пожеланія, чтобы войска этого гарнизона были отправлены также на фронт...[\[342\]](#)По мнѣнію войск боевой линіи заслуга по образованію новаго строя

принадлежит не петербургскому гарнизону, а избранникам народа — членам Гос. Думы, народу и всей арміи, которая *весьма сочувственно отнеслась ко всему происшедшему* ".

На *Западном* фронтѣ акт об отреченіи был принят спокойно, серьезно, многими — с сожалѣніем и огорченіем. Наряду с этим перемѣна строя у многих связана с вѣрой в восстановление порядка... Солдатами новый порядок привѣтствуется... Выражалась увѣренность о прекращеніи нѣмецкаго засилія. В 9, 10 и сводном корпусѣ 2-ой арміи манифест встрѣчен отчасти с удивленіем и с сожалѣніем о Государѣ. Многие, видимо, были поражены неожиданностью и той быстротой, с которой к нам подошли настоящія событія[343]. В сибирской каз. дивизіи своднаго корпуса манифест произвел удручающее впечатлѣніе. Нѣкоторыми выражалась надежда, что Государь не оставит своего народа и армію и вернется к ним. Для части солдат это впечатлѣніе смягчалось тѣм, ...что в Россіи еще не республика, относительно которой высказывались отрицательно. Однако самый переход к новой власти казаками Сиб. каз. дивизіи принят с полной покорностью. К допущенным в дни перелома эксцессам толпы к

офицерам, имѣвшим мѣсто в Петроградѣ, Москвѣ и других городах, отношеніе отрицательное... Настроеніе войск бодрое. Преобладает сознание необходимости довести войну до побѣднаго конца...

На *Юго-Западном* фронтѣ объявленіе манифеста встрѣчено спокойно, с сознанием важности переживаемаго момента и чувством удовлетворенія и вѣры в новое правительство[344]. Мѣстами в офицерской средѣ высказываются сомнѣнія, что новой власти не удастся сдержать крайніе революціонные элементы.

На *Румынском* фронтѣ происшедшія перемѣны войсками приняты спокойно. Отреченіе имп. Николая II на офицеров 9-ой арміи произвело тягостное впечатлѣніе. В 4-ой арміи большинство преклоняется перед высоким патриотизмом и самоотверженностью Государя... Здѣсь же манифест в. кн. М. А. встрѣчен с недоумѣніем и вызвал массу толков и даже тревогу за будущій образ правленія. Болѣе нервное отношеніе к событіям чувствуется в 3 Кав. корпусѣ, гдѣ передачу престола в. кн. М. А. склонны понимать, как врученіе регентства до совершеннолѣтія в. кн. Ал. Ник., котораго считают законным

наслѣдником.

В *Кавказской* арміи к перемѣнѣ строя войска отнеслись спокойно.

В *Балтійском* флотѣ переход к новому строю принят восторженно.

В *Черноморском* флотѣ послѣднія событія встрѣчены спокойно и с пониманіем важности переживаемаго момента".

Объективная цѣнность "лаконичных" и "туманных" характеристик официальной записки ген. Алексѣева заключается в отсутствіи однотонности в освѣщеніи многообразных настроеній в арміи, которыя должны были имѣться и в офицерской средѣ, и в солдатской массѣ. Итог наблюдений почти совпадает с тѣми выводами, которые сдѣлал ген. Данилов в письмѣ к своим "близким" 8 марта: "Перевернулась страница исторіи. Первое впечатлѣніе ошеломляющее, благодаря своей полной неожиданности и грандіозности. Но в общем войска отнеслись ко всѣм событіям совершенно спокойно. Высказываются осторожно, но в настроеніи массы можно уловить совершенно опредѣленные теченія:

1. Возврат к прежнему немислим.
2. Страна получит государственное устройство, достойное великаго народа: вѣроятно конституціонную ограниченную монархію.
3. Конец нѣмецкому засилію и побѣдное продолженіе войны".

5. Правительство и Ставка.

При тѣх настроеніях на фронтѣ, которыя отмѣчала даже официальная сводка, Ставка в мартѣ не могла сдѣлаться "центром контр-революціи". Жизнь всемѣрно толкала ее на сближеніе с Временным Правительством. Первые дни, послѣдовавшіе за стабилизацией переворота, 4-6 марта, буквально заполнены настойчивыми призывами высшаго командованія, обращенными к Правительству, — помочь и поддержать моральный авторитет начальников для того, чтобы "пережить благополучно совершающийся болѣзненный процесс в организмѣ арміи" и предотвратить армію от "заразы разложенія", начавшагося в тылу. Поражает пассивность, с которой воспринимались эти

призывы центром, хотя война и стояла в его сознаниі "на первом планѣ" (интервью Милюкова).

Революціонная стихія, дѣйствительно, наступала на тыловую часть фронта. Дѣло, конечно, было не в тѣх самозванных вооруженных "депутаціях", якобы от "рабочей партіи", а в сущности от разбѣжавшихся нижних чинов петербургскаго гарнизона, которыя стали появляться в тыловых мѣстностях фронта, обезоруживая не только желѣзнодорожную полицію, но и офицеров, производя аресты и освобождая заключенных — это были "неминуемые", как признал Алексѣев, отголоски того, что было уже пережито в Петербургѣ. В официальной перепискѣ упоминалось лишь о двух таких эпизодах, которые были обобщены и которым придали совершенно несоотвѣтствующее значеніе. 2 марта штаб Западнаго фронта получил сообщеніе, что из Великих Лук на Полоцк ѣдет "депутация в 50 человек от новаго правительства и обезоруживает жандармов". Главнокомандующій Эверт в связи с этим приказал просить Ставку "сношеніем с предсѣдателем Гос. Думы установить, как правило, чтобы о всяких командированіях на фронт сообщалось... дабы узнать, что прибыва-

ющіе не самозванцы, каких теперъ будет много". На другой день, на основаніи донесенія коменданта Полоцка, Алексѣев имѣл возможность сообщить Родзянко уже болѣе опредѣленные свѣдѣнія о характерѣ петербургской "делегации". Прибыло "пятьдесят нижних чинов", истребовавших от коменданта разоруженія жандармов от имени "офицера, который остался в вагонѣ". В это время "показался на станціи взвод драгунов... и всѣ пріѣхавшіе солдаты разбѣжались, в вагонѣ же никакого офицера не оказалось..." Алексѣев убедительно просил "принять необходимый мѣры, чтобы из Петрограда на фронт не появлялись банды солдат и какія либо странные и самозванные депутаціи". Родзянко лаконически отвѣтил, что "никакой делегации Врем. Ком. Г. Д. на фронт не посылал". 4-го Алексѣев получил новое сообщеніе от нач. штаба Сѣвернаго фронта: "Прибывшіе сегодня днем из Петербурга в Рѣжицу (район 5-ой арміи) вооруженные делегаты рабочей партіи освободили вездѣ всѣх арестованных, обезоружили полицію, начали обезоруживать офицеров... Ходили даже для этого по квартирам. Примкнули нижніе чины гарнизона. Сожгли и управленія начальника гарнизона, коменданта и в полицейских участках

ссудныя и арестантскія дѣла. Кровопролитія и особых беспорядков не было". Рузскій просил о "срочном сношеніи с представителями власти по принятіи самых рѣшительных мѣр к прекращенію таких явленій, могущих деморализовать всю армію". В отвѣт Алексѣев увѣдомил кн. Львова, что он предписал, "в случаѣ появленія таких шаек", немедленно захватывать их и предавать на мѣстѣ военно-полевому суду.

Исп. Ком. Совѣта, вѣроятно, не имѣл никакого отношенія к делегатам "рабочей партіи", появившимся в Рѣжицѣ — о полоцкой "делегаціи" нечего и говорить. Но дѣло осложнилось бы, если приказ 4 марта был бы примѣняем к тѣм идейным агитаторам, которые стали просачиваться во фронтовые районы, и которые нерѣдко именовали себя делегатами и уполномоченными совѣтских учреждений, не имѣя на то официальных мандатов. Отсутствіем формальностей и дезорганизаціей большевицкіе дѣятели, как сами они признают в воспоминаніях, пользовались для того, чтобы снабжать "мандатами" агитаціонной комиссіи Исп. Ком. своих посланцев, отнюдь не стремившихся усилить "боеспособность" арміи. Эти почти

"неуловимые элементы" были для арміи болѣе страшной язвой, чѣм революціонно-разнузданныя "шайки"... Приказ Алексѣева, появившейся 8-го на столбцах "Извѣстій", вызвал необычайное негодование петербургских большевизанствующих демагогов и долго служил центральным пунктом обвиненія и. д. верховнаго главнокомандующаго в "контр-революціонности", хотя никаких реальных поводов практическое примѣненіе распоряженія ген. Алексѣева не давало.

Русскій. как главнокомандующій фронтом, наиболѣе территоріально близким к революціонному горнилу, был особенно заинтересован принятіем "незамедлительных мѣр центром для огражденія арміи и сохраненія ея боеспособности". Он обращался с рядом заявленій. Поддерживая его, Алексѣев в телеграммѣ военному министру 5 марта еще раз, с своей стороны, настаивал на том, чтобы "военным чинам в тылу, населенію и гражданским властям" опредѣленно было указано на "преступность вышеупомянутых дѣяній (аресты и избраніе солдатами новых начальников и т. д.) и на строгую законную отвѣтственность за совершеніе их". Эта телеграмма была послана в 11 час.

утра; в 5 час. посылается другая, адресованная уже не только Гучкову, но и кн. Львову и Родзянко: "Каждая минута промедленія в буквальном смыслѣ слова грозит роковой катастрофой... необходимо правительственное объявленіе, что никаких делегацій и депутацій им не посылалось и не посылается для переговоров с войсками... Броженіе начинает распространяться в войсках, ближайших к тылу. Эти волненія можно объяснить исключительно тѣм, что для массы... непонятно истинное отношеніе правительства к начальствующим лицам в арміи и недовѣріе, что послѣднія дѣйствуют согласно директивам и рѣшеніям новаго правительства. Ради спасенія арміи, а вмѣстѣ с ней и родины, прошу не медлить ни одной минуты". На другой день сам Рузскій непосредственно обращается к Львову, Гучкову, Керенскому: "Ежедневные публичные аресты генеральских и офицерских чинов, несмотря на признаніе всѣми новаго государственнаго строя, производимые при этом в оскорбительной формѣ, ставят командный состав, нерѣдко георгіевских кавалеров в, безвыходное положеніе... Аресты эти произведены в Псковѣ, Двинскѣ и других городах. Вмѣстѣ с арестами продолжается, особенно на желѣзнодорожных стан-

ціях, обезоруженіе офицеров, в тол числѣ ѣдущих на фронт, гдѣ эти офицеры должны будут вести в бой нижних чинов, товарищами которых им было нанесено столь тяжелое и острое оскорбленіе и при том вполнѣ незаслужено... При таких условіях представляется серьезная опасность разложенія арміи, перед которой предстанет грозный вопрос о возможности успѣшной борьбы с нашим противником". Рузскій настаивал на "авторитетном разъясненіи центральной власти" и на экстренном пріѣздѣ "довѣренных правительственных комиссаров" с цѣлью успокоить в том, что "всѣми признанному новому строю никакой опасности не угрожает". Алексѣеву Рузскій жаловался в связи с полученіем из Петербурга совѣтскаго "приказа № 2" на то, что всѣ его телеграммы остаются "без отвѣта". В свою очередь в обращеніи к предсѣдателю Думы, к предсѣдателю Совѣта министров и к военному министру, сдѣланном почти ночью (в 11 ч. 50 м. веч.) 6 марта, послѣ телеграммы Рузскаго, Алексѣев "с грустью" жалуется, что его "многочисленные... представленія правительству по аналогичным вопросам остаются без отвѣта, что дѣятельность учреждений, не имѣющих отношенія к арміи, развивается, подобные приказы малоулови-

мыми способами проникают в части дѣйствующей арміи, грозя разрушить ея нравственную силу и боевую ея пригодность, ставя начальников в невыразимо тяжелое положеніе отвѣтствовать перед родиной за сохраненіе нравственной устойчивости вооруженной силы и не имѣть способов бороться с потокам распоряженій, подобных приказу № 2. Или нам нужно оказать довѣріе или нас нужно заменить другими, которые будут способны вести армію даже при наличіи фактов, в корнѣ подтачивающих основы существованія благоустроеннаго войска".

Не возлагая надежды на правительственную инициативу, Рузскій обратился непосредственно к Совѣту — им была послана особая делегация, посѣтившая Исп. Ком. 6-го[345]. Дѣло касалось "крайне вреднаго" вліянія приказа № 1, который получил распространеніе на Сѣверном фронтѣ. Исп. Ком. отнесся с полным вниманіем к заявленію делегации ген. Рузскаго. Не надо забывать, что вліяніе большевиков в Исп. Ком. было невелико, и в "первыя недѣли" преобладало в нем, по выраженію Шляпникова, "эсэровское мѣщанство". Исп. Ком. сознательно отнюдь не склонен был

поддерживать анархію на фронтѣ, понимая, что эта анархія падет на "собственную голову" — через анархію при неустойчивом еще положеніи "могла придти реставрація стараго порядка" (Суханов). В протоколѣ Исп. Ком. записано: "Делегація от ген. Русскаго сообщает, что ...начинается полное неподчиненіе власти[346]. Положеніе крайне тяжелое. Необходим приѣзд на фронт извѣстных популярных общественных работников, чтобы внести хоть какое-нибудь спокойствіе в арміи. По обсужденіи этого вопроса признано необходимым командировать одного представителя в Псков, задержать приказ № 2[347]и послать телеграммы на фронт, разъясняющія, что приказы №№ 1-2 относятся к петроградскому гарнизону, а по отношенію к арміи фронта будут немедленно выработаны особыя правила в соотвѣтствіи с основным положеніем новаго государственнаго строя[348].

Гучков в воспоминаніях говорит, что он 4-го (3-го был занят отреченіем) телеграфировал в Ставку, прося принять мѣры против распространенія "приказа № 1". В опубликованных документах это распоряженіе военнаго министра не нашло себѣ никакой отмѣтки, но, как мы видѣли, имѣются

указанія противоположнаго свойства. Из центра на "приказ № 1" по собственной инициативѣ реагировал только Пуришкевич, пославшій главнокомандующему Западным фронтом телеграмму: ..."распространяемый агитаторами на фронтѣ приказ № 1 Совѣта Р. и С. Д. о неповиновеніи солдат офицерам и неисполненіи распоряженій новаго временнаго правительства является злостной провокаціей, что удостовѣрено особым объявленіем министра юстиціи Керенскаго и предсѣдателя Совѣта Р. и С. Д. Чхеидзе, напечатанным в № 7 "Извѣстій" комитета петроградских журналистов от 3 марта, а также в "Извѣстіях Совѣта Р. и С. Д.". Пуришкевич рѣшительно все перепутал, ибо заявленіе, на которое он ссылался, касалось вовсе не "приказа № 1", а той прокламаціи, которая была выпущена группой "междурайонных" и "лѣвых" с.р. 1 марта и распространеніе которой, как мы говорили, пытался задержать Исп. Ком. Ген. Эверт запросил указаній Ставки: надлежит ли телеграмму члена Гос. Думы объявить в приказах арміям?

При сопоставленіи отправленной Алексѣевым поздно вечером 6-го телеграммы, в которой он говорил о неполученіи отвѣтов от правительства и

необходимости или довѣрія или смѣны начальников, с вечерним же болѣе ранним разговором по юзу с Львовым и Гучковым бросается в глаза противорѣчіе — Львов опредѣленно освѣдомлял нач. верх. штаба: "сегодня ночью выѣзжают на всѣ фронты официальные депутаты Думы, вчера было напечатано объявленіе от Врем. Правит, гражданам, сегодня печатается такое-же обращеніе к войскам". Но это противорѣчіе только кажущееся. В дѣйствительности никакого отвѣта на тѣ реальныя проблемы, которыя стали перед фронтом, командованіе не получило. Одно только — Гучков "убѣдительно" просил еще 4 марта "не принимать суровых мѣр против участников беспорядка": "онѣ только подольют масло в огонь и помѣшают тому успокоенію в центрѣ, которое теперь наступает. Без центра мы не успокоим и фронт". Договориться в данном случаѣ оказалось невозможным, так как Гучков прервал бесѣду, будучи "спѣшно вызван в Совѣт министров". Психологію момента Гучков, конечно, учитывал правильно, и всетаки остается непонятным, почему ни Правительство, ни военный министр в частности не выступили с рѣшительным протестом и формальным запретом тѣх сепаратных дѣйствій самочинных делегацій,

против которых взывало фронтовое командование.

Внутренне Алексѣев негодовал. Значительно позже, когда Алексѣев был отстранен от руководства арміей, он писал находившемуся в отставкѣ ген. Скугаревскому: "за этот "контр-революціонный" приказ разнузданная печать... требовала в отношеніи меня крутых мѣр. Ко мнѣ правительством был командирован генерал, имя котораго послѣ возрожденія нашей арміи будет записано на позорную доску, чтобы убѣдить меня в необходимости отмѣнить приказ" (в своем дневникѣ Алексѣев пояснил, что здѣсь имѣется в виду Поливанов). Молчаніе правительства приводило к тому, что весь одіум борьбы с эксцессами революціи на фронтѣ во внѣ, в сознаниі широких кругов "революціонной демократіи", вновь переносился на реакціонность Ставки. В запоздалых (сравнительно с требованіями фронта) правительственных воззваніях к арміи, появившихся 8 и 9 марта, признавалось, что перемѣны в армейском быту могут происходить лишь распоряженіем правительства, что повиновеніе — основа арміи, что "глубоко прискорбны и совершенно неумѣстны" всякія самоуправства и оскорбительныя дѣйствія в отно-

шеніи офицеров, героически сражавшихся за родину, и без содѣйствія которых "невозможно укрѣпленіе новаго строя", но в этих воззваніях не было того конкретнаго, чего требовала армейская жизнь. Слов говорилось уже достаточно. Что это безволіе, диктуемое "психозом свободы" — своего рода болѣзнь времени или боязнь раздражить лѣваго партнера, с которым представители военного министерства договорились в учрежденной уже так называемой поливановской комиссіи по реформированію армейскаго быта? Отсутствіе времени для продуманнаго дѣйствія в лихорадочной обстановкѣ общественнаго кипѣнія?[\[349\]](#).

Мы знаем, как сами члены Правительства в официальных бесѣдах с представителями высшаго военного командованія на фронтѣ объясняли свое поведеніе — напомним, что Львов жаловался Алексѣеву 6-го: "догнать бурное развитіе невозможно, событія несут нас, а не мы ими управляем", а Гучков в письмѣ 9-го, помѣченном "в. секретно", "в собственныя руки"[\[350\]](#), пытаюсь "установить одинаковое пониманіе современнаго положенія дѣл, считаясь в оцѣнкѣ послѣдняго лишь с жестокой дѣйствительностью, отбросив всякія иллюзіи",

давал свою знаменитую характеристику безсилія Врем. Правительства: "Врем. Пр. не располагает какой-либо реальной властью, и его распоряженія осуществляются лишь в тѣх рзамѣрах, как допускает Совѣт Р. и С. Д., который располагает важнѣйшими элементами реальной власти, так как войска, желѣзная дорога, почта и телеграф в его руках. Можно прямо сказать, что Вр. Правит. существует лишь, пока это допускается Совѣтом. Р. и С. Д. В частности, по военному вѣдомству нынѣ представляется возможным отдавать лишь тѣ распоряженія, которыя не идут коренным образом вразрѣз с постановленіями вышеназваннаго Совѣта": Хотя военный министр и просил врем. и. д. наштоверха "вѣрить, что дѣйствительное положеніе вещей таково", едва ли надо еще раз подчеркнуть, что Гучков безконечно преувеличивает тѣ дефекты, которые существовали в организаціи власти, и совершенно игнорировал тогда тот моральный авторитет и ту исключительную популярность, которые имѣло в странѣ в первые дни революціи, а, может быть, и недѣли, Временное Правительство. Думается, объясненіе надо искать в другом — в извѣстном гипнозѣ, порожденном событіями. Казалось, что Петербург в рево-

люціонное время — это пуп русской земли[351].
Надо добиться положительных результатов в центре — все остальное приложится само собой; мысль эту и выразил Гучков в болѣе раннем разговорѣ с Алексѣевым.

Централистическая гипертрофія приводила к тому, что взаимоотношенія Правительства и Ставки устанавливались разговорами по юзу, командировками офицеров, "осведомленных... в деталях создавшейся и Петербургѣ обстановки" и т. д., и не являлась даже мысль о необходимости в первые же дни непосредственнаго свиданія для выработки однородной совмѣстной тактики. Казалось бы, что это было тѣм болѣе необходимо, что военная психологія (не кастовая, а профессиональная) неизбежно должна была расходиться с навыками общественными. Много позже, будучи временно не у дѣла в Смоленскѣ, ген. Алексѣев писал Родзянко (25 іюля): ..."Я сильно отстал и психологіи дѣятелей нашей революціи постичь не могу". Дѣло не в том, что Алексѣев "отстал" — он был, конечно, органически чужд тому революціонному процессу, который происходил. Лишь присущій ему особо проникновенный патріотизм сдѣлал его "рево-

люціонером" и заставил его приспособляться к чуждому міру. "Цензовая общественность" — думскій политическій круг должен был служить мостом к общественности революціонной, которая своими крайними и уродливыми подчас проявленіями должна была отталкивать честнаго военнаго дѣятеля, отдавшаго душу свою исполненію долга во время войны и боявшагося, что "соціалистическія бредни" заслонят собой "Россію и родину".

Необходимость контакта почувствовал и Гучков, когда писал свое конфиденціальное сообщеніе 9 марта. И тѣм не менѣе военный министр незамедлительно не выѣхал в Ставку и не вызвал к себѣ ген. Алексѣева: "подробности современнаго положенія дѣл вам доложат — писал Гучков — командируемые мною полк. Соттеруп и кн. Туманов, вполнѣ освѣдомленные... в деталях создавшейся в Петроградѣ обстановки, ибо оба названные штаб-офицера находились с первых же дней революціи в Гос. Думѣ и в близком общеніи, как с членами Врем. Правит., так и членами Совѣта Р. и С. Д.". Сам же Гучков, выѣхавшій на другой день на фронт, начал свой объѣзд с периферіи. 11 марта он

был в Ригѣ — в районѣ 12 арміи Радко Дмитриева[352]. 13-го прибыл в Псков, гдѣ "сразу же было... совѣщаніе... по вопросам, связанным с броженіем в войсках". "Гучков — записывает в дневник Болдырев — как единственное средство успокоенія, рекомендует различныя уступки"; "Мы не власть, а видимость власти, физическія силы у Совѣта Р. и С. Д.". "Безпомощность" Врем. Пр. — странный тезис в устах представителя власти на фронтѣ — была основной темой рѣчи военного министра и на послѣдующих совѣщаніях, и на разных фронтах: через двѣ недѣли почти в таких же выраженіях говорит он в Минскѣ: "мы только власть по имени, в дѣйствительности власть принадлежит нѣскольким крайним социалистам, водителям солдатской толпы, которые завтра же нас могут арестовать и разстрѣлять (в записи Легра, которую мы цитируем, не упомянуты Совѣты, как таковые). Что это: реалистическая оцѣнка безвыходнаго положенія[353], или совершенно опредѣленная тактика, подготовлявшая среди команднаго состава, прінявшаго переворот, осуществленіе плана, который намѣтил себѣ Гучков?

Только 17-го собрались поѣхать в Ставку члены

Правительства. Свѣдѣнія об этой поѣздкѣ в печать проникли очень скудно. В "Рус. Вѣд." довольно глухо было сказано, что "линія общей работы найдена". Лукомскій в воспоминаніях передает лишь внѣшнія черты посѣщенія революціонными министрами Ставки, зафиксировав момент пріѣзда, когда министры по очереди выходили на перрон из вагона и, представляясь толпѣ, говорили рѣчи: "совсѣм как выход царей в опереткѣ" — сказал кто-то из стоявших рядом с генералом. Повидимому, декларативных рѣчей было сказано не мало [354]. Возможно, что декларативной стороной и ограничился главный смысл посѣщенія министрами Ставки... Как видно из "секретнаго" циркулярнаго сообщенія, разсланнаго за подписью Лукомскаго, в Ставкѣ 18-го происходило дѣловое совѣщаніе с "представителями центрального управленія" для выясненія вопросов "боеспособности арміи". Совѣщаніе пришло к выводу, что Правительство должно "опредѣленно и ясно" сообщить союзникам, что Россія не может выполнить обязательств, принятых на конференціях в Шантильи и Петроградѣ, т. е., не может привести в исполненіе намѣченныя весной активныя операціи. Деникин, со слов ген. Потапова, передает,

что Правительство вынесло отрицательное впечатлѣніе от Ставки. Если не по воспоминаніям, то по частным письмам того времени — и с такой неожиданной стороны, как в. кн. Серг. Мих. — вытекает, что само правительство в Ставкѣ произвело скорѣе хорошее впечатлѣніе. 19 марта Серг. Мих. писал: "всѣ в восторгѣ, но кто покорил всѣх, так это Керенскій".

II. Революція и война.

1. Симптомы разложенія.

Временному Правительству и верховному командованію предстояло практически разрѣшить проблему исключительно трудную — сочетать стремленія революціи с задачами продолжающейся войны. В предфевральскіе дни сознание сложности этой проблемы при сохраненіи жизненных интересов страны, конечно, не чуждо было представителям социалистических партій — за исключеніем, быть может, упорных догматиков крайняго толка. Страх перед возможной катастрофой клал преграду революціонной пропагандѣ и мѣшал "подлым софистам " (по выраженію Ленина) при-

ложить провокаціонно, т. е. преждевременно, свою печать к грядущим событіям.

Фронт не мог быть изолированным оазисом в атмосферѣ той психологіи фаталистически неизбежнаго, которая охватила накануне стихійно разыгравшихся событій всѣ круги и всѣ слои русской общественности и обостряла до крайности напряженность ожиданій народных масс... "Недовольство в народѣ становится сильнѣе и сильнѣе... Революція неминуема" — это запись 2 февраля в дневникѣ боевого генерала на фронтѣ — Селивачева (8 марта, послѣ событій, Селивачев записал: "несомнѣнно, что послѣ войны революція была бы болѣе кровавая, а теперь — провинція просто таки присоединилась").

Как уже указывалось, перелюстрированные солдатскія письма с фронта в значительной степени можно было бы охарактеризовать выраженіем в одном из этих писем: "Мы стоим на порогѣ великих событій". Среди перелюстрированного департаментом полиціи матеріала имѣется документ, представляющій особый интерес, ибо он был переслан в Ставку военным министром Бѣляевым для ознакомленія войсковых начальников. Задержан-

ное "письмо" с фронта, написанное партійным человеком большевицкаго склада мыслей, набрасывало цѣлую программу революціоннаго выступленія *посль войны*, окончаніе которой "скоро или не очень скоро" несомнѣнно приближается. Всѣ наблюденія, которыя автор вынес из своих скитаній "по запасным батальонам и по фронту", приводили его к заключенію, что у правительства может и не оказаться силы для подавленія неизбѣжных рабочих и крестьянских "безпорядков". Армія в тылу и "в особенности на фронтѣ", полна элементов, из которых одни способны стать активной силой возстанія, а другіе могут лишь отказаться от усмирительнаго дѣйствія". Весь этот "революціонный элемент" надо спясть для того, чтобы поднять знамя солдатскаго возстанія. Ген. Клембовскій (и. д. нач. шт. верх. главнок.) разослал "совершенно секретно в собственный руки" начальников предложеніе военнаго министра дать отзыв о намѣченном министерством агитаціонном планѣ "всѣми зависящими средствами" парализовать в зародышѣ "преступную работу" в арміи. Мы знаем только отвѣт Рузскаго, высказавшагося против устройства в войсках бесѣд на политическія темы, ибо это приведет лишь к "опасности возникно-

венія в арміи болѣе интенсивных подпольных теченій". "До настоящаго времени в воинском строю проводится взгляд, что армія должна стоять внѣ политики и поэтому не слѣдует "искусственно привлекать ея вниманіе к этому вопросу". Рузскій подчеркивал, что единственным средством борьбы с революціонной пропагандой является изжитіе "тяжелаго кризиса внутренней жизни страны..." "нельзя упускать из виду, что современная армія... представляет собой однородную с прочим тыловым населеніем массу и естественно отражает в себѣ тѣ настроенія, помыслы и стремленія, которые суммируются в другой половинѣ ея". Были попытки представить революцію плодом "отрицанія войны". Эту аргументацію по соображеніям больше политическим, нежели в соотвѣтствіи с фактами, развил в нервом и единственном засѣданіи Учред. Собранія официальный докладчик партіи с.-р. о "мирѣ" — Тимофеев. Первое слово Учр. Собр. должно быть о "мирѣ" — этом "чаяніи измученнаго, истомленнаго войной трудового народа". Оратор старался вырвать пріоритет у большевиков своими рискованными без оговорок утверженіями. Для Троцкаго в "исторіи" революціи главным лозунгом февральских дней оста-

ется лозунг: "долой войну"...

Отдѣльными иллюстраціями, взятыми из жизни — сложной и многообразной, пожалуй, почти всегда можно подтвердить любой тезис и в особенности тогда, когда рѣчь идет о неуловимой с точки зрѣнія статистических выкладок народной психологии. В исторіи не может быть фактически принят сомнительный сам по себѣ метод американских "институтов общественнаго мнѣнія". Обобщающія впечатлѣнія современников могут быть ошибочны и субъективны, как, напр., увѣренность будущаго правительственнаго комиссара при Верховной Ставкѣ Станкевича — для него "несомнѣнно", что "переворот был вызван народным ощущеніем тяжести войны"[\[355\]](#); столь же "ясно" было и будущему военному министру Верховскому, что массы поняли революцію, "как немедленное прекращеніе войны". "Когда пришли к нам и сказали о великом переворотѣ, всѣ солдаты сказали: "славу Богу, может быть, теперь мир скоро будет заключен" — вспоминал на совѣщаніи Совѣтов 30 марта Остроумов, солдат большевickaго уже склада, явившійся "прямо из окопов". Боевой генерал Селивачев, нѣсколько пессими-

стичный в записях своего дневника, скажет с своей стороны, что "совершившийся переворот притянул к себѣ мысли арміи, которая безусловно ждала, что с новым правительством будет окончена война". Еще опредѣленнѣе было мнѣніе Набокова, принадлежавшаго к числу тѣх, которые полагали, что одной из причин революціи было утомленіе от войны и нежеланіе ее продолжать. Но только мнѣніе это сложилось уже в процессѣ революціи и сильно отражало в себѣ слишком субъективное воспріятіе дѣйствительности. В сознаніи Набокова вырисовывался единственно разумный выход — сепаратный мир[356]. Набоков высказал свое убѣжденіе Милюкову, который "рѣшительно" не согласился, однако, с этим и считал, что "без войны скорѣй бы все разсыпалось".

Наличія таких разговоров не отрицает и официальная сводка Алексѣева — их слышали, как было упомянуто, депутаты Янушкевич и Филоненко, в *одном* полку первой арміи при объѣздѣ Сѣвернаго фронта. Командующій 5-ой арміей на Сѣверном фронтѣ Драгомиров в донесеніи Рузскому 29-го марта совершенно ясно опредѣлил эту психологію "опаснаго свойства", которая стала

замѣчать ея в его арміи послѣ "нѣкотораго успокоенія" "в первые дни", и которая свидетельствовала, по его мнѣнію, об упадкѣ боевого настроенія. "Первые дни подряд — писал Драгомиров — ко мнѣ приходили полки, стоявшіе в резервѣ, с заявленіем своей готовности по первому моему требованію итти, куда угодно, и сложить голову за родину". На практикѣ "крайне неохотно отзываются на каждый приказ итти в иконы"[\[357\]](#); "Всѣ помыслы солдат обращены на тыл. Каждый только думает о том, скоро ли ему очередь итти в резерв, и всѣ мечты сводятся к тому, чтобы быть в Двинскѣ. За послѣдніе дни настойчиво живут мыслью, что они достаточно воевали, и пора их отвести в далекіе тыловые города, а на их мѣсто поставить войска Петроградскаго округа и других больших городов".

Большевицкіе изслѣдователи спѣшат (не слишком ли опрометчиво!) сдѣлать вывод: мир — "таков был первый непосредственный *вывод* *каждаго* солдата", получившаго извѣстіе о революціи. Правда, сама по себѣ это нѣсколько иная постановка вопроса, нежели та, что формулируется словами: "под знаком отрицанія войны родилась рус-

ская революція". Подобная концепція связана с утверждением, принявшим, естественно, парадоксальный вид у Троцкого: "Революція обнаружила то, что случилось до нея"... "безнадежно было нравственное состояніе. Его можно опредѣлить так: арміи, как арміи, уже не было". Парадокс поддержал Чернов: новой властью армія "была унаследована от старой в состояніи еле сдерживаемаго разложенія. Не революція разложила армію. Противоположное мнѣніе основано на том, что только послѣ революціи это подспудное разложеніе цѣликом вышло наружу". Тайное стало явным. "Что раньше проявлялось в ней спорадически, в видѣ отдѣльных внезапных судорожных конвульсій, то проступило ясной для всѣх наружной синью"... Этот тезис развивал и Керенскій в воспоминаніях, предназначавшихся для иностранных читателей — он утверждал, что в арміи к 17 году исчезла "всякая дисциплина". Еще доньше, в качествѣ формальнаго главы революціонной арміи, на московском Государств. Совѣщаніи, Керенскій шел дальше и называл старую армію, связанную "ненавистными цѣпями механическаго принужденія", "тѣлом на глиняных ногах и почти без головы".

Конечно, отрицать наличность до революціи явленій, которыя могут быть отнесены к числу признаков "разложенія" арміи на фронтѣ, не приходится, равно, как и зарожденіе "солдатской вольницы" в тылу. Соотвѣтствующіе примѣры могут быть многочисленны, начиная со свидѣтельства ген. Крымова, приѣхавшаго с фронта и утверждавшаго в Петербургѣ среди общественных дѣятелей (по крайней мѣрѣ в передачѣ Родзянко — явно преувеличенной) за нѣсколько мѣсяцев до переворота, что армія "постепенно разлагается" и что "в теченіе зимы может просто покинуть окопы и поля сраженія". "Из сказаннаго ясно — замѣчает мемуарист Родзянко — что почва для окончательнаго разложенія арміи имѣлась на лицо задолго до переворота"... Еще болѣе мрачную картину "разложенія арміи" в концѣ 16 г. набрасывала записка петербургскаго жанд. управленія в октябрѣ 16 г., передавая отчасти наблюденія кадетских парламентаріев и уполномоченных земскаго и городскаго союзов, рисующих "чудовищную картину жизни тыла и настроенія войск", которая предвѣщает "скорый конец войны". В этих наблюденіях, переданных через жандармских освѣдомителей, "моральное разложеніе" войск смѣшивается подчас с

ростом в них настроеній революціонных... Очевидно, это не одно и то же. И записка сама совершенно парализует свой вывод, сообщая наблюденія тѣх же "уполномоченных", что "дух арміи был бы великолѣпен, если бы был хотя нѣсколько выше состав офицеров"...

Останемся в предѣлах понятія "разложенія арміи" в прямом смыслѣ слова. Каждый лишній день войны, дававшій пищу для "пораженческой" пропаганды, должен был усиливать симптомы, грозившіе цѣлости и боеспособности арміи, как это наблюдалось на всѣх фронтах сражавшихся держав[358]. Но не всякая заразная бактерія, вошедшая в организм, обязательно приводит к болѣзни. Болѣзнь возникает всетаки тогда, когда бактерии захватывают весь организм, т. е. тогда, когда организм перестает сопротивляться. Выло ли это в русской арміи наканунѣ переворота? Конечно, нѣтъ. Неужели не прав был Алексѣев, отнюдь не скрывавшій болѣзненных симптомов в жизни старой арміи и говорившій в критическій момент революціи на августовском московском Госуд. Совѣщаніи, что в "руки новой власти поступила армія, которая способна была выполнить и далѣе

свой долг и вести многострадальную Россію к скорому окончанію войны". Это была армія относительно "прочная и твердая", сохранившая свою "внутреннюю дисциплину" и сознание своих "нравственных обязанностей", несмотря на всѣ, быть может, тѣневые стороны своего быта. Опровергать это положеніе могут публицисты и политики, но не историки. "Смѣшно и неумно", по мнѣнію Чернова, сваливать вину за разложеніе арміи на революцію, но с еще большим правом такіе эпитеты могут быть приложены к утвержденіям противоположнаго характера. Факт слишком очевиден: если не февральскій переворот сам по себѣ, то дальнѣйшій ход революціи содѣйствовал постепенному распаду арміи — вовсе не надо быть "реакціонером", как думает Керенскій, чтобы "поддерживать" подобную версию. Однако, всѣ преувеличенія, как в ту, так и в другую сторону, надо отнести в плоскость обостренного чувства воспріятія современников или позднѣйшей политической полемики [359]. На военном совѣщаніи в Ставкѣ 17-18 дек. шестнадцатаго года, исполнявшій тогда временно обязанности Алексѣева ген. Гурко на пессимистическую оцѣнку Рузскаго исключительно неблагоприятных условий, в которых находится

Сѣверный фронт, имѣющій такое распропагандированное гнѣздо, как Рига, сдѣлал, как видно из официальнаго протокола, замѣчаніе, что, если бы дѣйствительность вполнѣ соотвѣтствовала этому пессимизму, то противник давно прорвал бы фронт[360]. В параллель к той трезвой оцѣнкѣ, которую давал Гурко на декабрьском совѣщаніи в Ставкѣ, можно сказать, что вопреки многочисленным авторитетным свидѣтельствам военных специалистов, фронтовая армія, несмотря на всѣ послѣдующіе эксперименты, которые производили над ними кентальскіе выученики, в теченіе восьми мѣсяцев революціи сохраняли боевыя возможности до послѣдняго дня своего существованія[361], т. е. в теченіе всего до-большевицкаго періода революціи организм арміи противодѣйствовал заразным бациллам.

Наиболѣе ярким проявленіем разложенія арміи должно было явиться дезертирство с фронта. Современная молва до февральской революціи доводила это явленіе в старой арміи в годы войны до колоссальной цифры в 2 милліона чел. Ген. Гурко в своих воспоминаніях называет подобное утвержденіе "легендой", — и это дѣйствительно было ле-

гендой, родившейся в дни военных неудач в 15-м году [362]. Припомним заявленія министра вн. д. Щербатова в истерической обстановкѣ, царившей в Совѣтѣ Министров в дни лѣтняго кризиса и описанной в протокольных записях Яхонтова, заявленія о "повальной" сдачѣ в плѣн под вліяніем пораженческой пропаганды. Военные историки старой школы присоединяются в мнѣнію ген. Гурко и склонны ограничиться признаніем лишь скромной официальной цифры дезертиров — около 200 т. Но метод измѣняется, когда дѣло касается революціи — здѣсь внѣ всякой статистики старая ходячая цифра в 2 милл. выступает, как нѣчто-несомнѣнное: проф. Парс, прикомандированный к русской арміи и имѣвшій связи в общ. кругах, утверждает даже в предисловіи к книгѣ Керенскаго, что двухмилліонной цифры дезертирство достигло в первые два мѣсяца революціи. Откуда заимствовал англійскій историк свои свѣдѣнія? Вѣроятно, он механически повторил ходячую цифру, ибо в основной своей работѣ он ссылается только на свои личныя воспоминанія — так, очевидно, "говорили". 2 милліона и два мѣсяца — это чрезвычайная гипербола, которую ввел на страницы своих исторических работ о русской революціи

и ген. Головин[363]. В концѣ концов реальных данных, свидѣтельствующих об увеличеніи в революціонное время дезертирства по сравненію с тѣм, что было до переворота, нѣт. Если бы уже в мартѣ происходило такое массовое бѣгство с фронта, которое было облегчено отсутствіем надзора в тылу, то не стал бы Алексѣев в официальном рапортѣ в апрѣлѣ отмѣчать факт недѣльнаго дезертирства (с 1 по 7 апрѣля) с Сѣвернаго и Западнаго фронта в размѣрѣ 8 тыс. человек. Очевидно, эта цифра казалась выходящей из ряда обычных. "Эпидемія дезертирства" в революціонное время носила нѣсколько специфическій характер — это было как бы дезертирство "временное", мотивом котораго являлось опасеніе, что солдаты на фронтѣ при даровом раздѣлѣ земли останутся без надѣла. Черту эту отмѣтил на Сѣверном фронтѣ Рузскій, жаловавшійся в письмѣ в Ставку 17 марта на "значительное дезертирство" в его арміи, оговариваясь, что точных свѣдѣній об этом явленіи пока не имѣется. Говорит об этом Парс, изображая дѣло в крайне преувеличенном видѣ и объясняя пропагандой большевиков, призывавших армію расходиться для того, чтобы принять участіе в раздѣлѣ земли. В первые два мѣсяца вліяніе большевиков

на армію было совершенно незначительно, и оставленіе фронта никогда массоваго характера не имѣло. Любопытен факт, отмѣченный нѣкоторыми членами Врем. Комитета, ѣздившими на фронт, что временные "дезертиры", возвращаясь в полк и узнав о продленіи срока явки дезертиров, объявленном правительством, "немедленно ѣдут обратно на родину".

Если бы "арміи" не было к моменту революціи, она при стихійном напорѣ и неизбѣжности еще большаго паденія дисциплины, развалилась бы в нѣсколько дней или недѣль. Внутренняя сопротивляемость "хрупкаго организма" арміи свидѣтельствуем о ея дореволюціонной крепости. Нѣмцы из окопов кричали: "Русь капут. Русь революція" — передает в своей записи 12 марта бытовую сцену на одном из участков фронта ген. Цихович. Как же реагировала на первых порах на это "Русь" — уже революціонная? Отнюдь не сочувственными возгласами: долой войну — лозунгами, запечатлѣнными будто бы в сердцѣ каждаго солдата еще до переворота. Можно привести сотни примѣров, почерпнутых из источников разнаго происхожденія. Обратимся к цитированному уже

"письму офицера" с гвардейскаго фронта, гдѣ так рѣзко проявилась в дни революціи сословная рознь между офицерами и солдатами, и гдѣ особенно "ликовали" нѣмцы. И вот отвѣтъ солдатской массы: ..."Сегодня ночью — пишет автор в письмѣ 11 марта — была страшная ураганная канонада правѣ нас. Оказалось, что нѣмцы наступали на семеновцев, но были отбиты. Солдаты рассказывали, что офицеры говорили, что ничего не будет, и приказывали людям спать в своих норах, что солдаты им не повѣрили, всю ночь простояли у бойниц, а к утру пошли три нѣмецких цѣпи — и наклеили же им они"... Днем под звуки марсельезы, замѣнившей національный гимн, происходит парад с красными флагами вновь награжденных георгиевских кавалеров. Автор письма подводит итог в смыслѣ боевого настроенія: "В атаку пойдем, как один человек, как ходили в началѣ войны. Но пусть нас ведет не Гольгоер. Иначе солдаты опять скажут, что он хочет от них отдѣлаться... подарить нѣмцам русскіе трупы". Это требованіе, прокатившееся, как было указано, по всему фронту [364], само по себѣ представляет показательное явленіе и отнюдь не может служить доказательством неудержимаго стремленія к "замиренію". В особой арміи для ха-

рактистики настроеній может быть отмѣчено еще одно проявленіе патріотизма, навѣяннаго переворотом. Если вѣрить газетным сообщеніям (эту оговорку и мы готовы сдѣлать вслѣд за авторами "Хроники", откуда заимствуем свѣдѣнія), к луцкому коменданту с 3 по 16 марта явилось свыше 25 т. дезертиров с просьбой отправить их на фронт. Что такое боевое настроеніе, наблюдавшееся в Особой арміи, отнюдь не было каким то явленіем исключительным, совершенно опредѣленно вытекает из тѣх официальных армейских сводок, который легли в основу записки ген. Алексѣева Правительству. В нашем распоряженіи имѣется детальная сводка о настроеніях в арміях, расположенных на Западном фронтѣ (к сожалѣнію, она напечатана в работѣ Шляпникова и в собраніи документов, озаглавленном "Разложеніе арміи", лишь в значительных выдержках). В донесеніях полковых командиров, начальников дивизій и корпусов дается цѣлая гамма разнообразных и противорѣчивых настроеній: одни признают, что "революціонная, волна повліяла отрицательно" на армію, другіе утверждают, что "порыв и воодушевленіе... поднялись... В концѣ концов сравнительное число положительных и отрицательных оцѣнок

имѣет второстепенное значеніе, если учесть возможную субъективность даваемых отзывов в зависимости от настроеній самого команднаго состава. Один из информаторов, ген. Киселевскій, так и объяснил "значительную долю пессимизма" в отзывах начальников отдѣльных частей корпуса, находившагося под его началом (9-й арм. корп.) — он должен быть отнесен "за счет настроенія офицеров и начальников, которые еще не имѣют реальных данных, чтобы вывести иное заключеніе". Важна наличность характеристик (их немало), типичным образцом которых можно признать донесеніе командира 169 пѣх. полка, отмѣтившаго большой подъем духа и стремленіе довести войну до побѣднаго конца". Возьмем лишь нѣсколько примѣров из сообщеній начальников крупных войсковых частей. "Переход к новому строю вызвал подъем духа в войсках" — свидѣтельствовал командующій гренадерским корпусом Парскій: "вначалѣ были довольно крупныя недоразумѣнія... постепенно все начинает успокаиваться". Кузьмин-Караваев, командующій 31 арм. корпусом, доносил, что "протекція событія всколыхнули всѣх, внесли нервность, возбужденность, недовѣріе в рядѣ войск" и в то же время в войсках замѣчается

"громадное воодушевление, рвеніе в бой". "Войска боеспособность не утратили и будут драться молодцом" — писал Соковников, командир 38 арм. корпуса. "Войска 1-го Сибирскаго корп., по словам ген. Теплова, сохранили твердый внутренній порядок и боеспособность на должной высотѣ". "Высокій подъем духа" (наряду "с упадком дисциплины и взаимным недоверіем офицеров и солдат") — отмѣчал Макѣев, нач. 1 кавк. гренад. дивизіи и т. д.

Общее заключеніе в сводкѣ по Западному фронту гласило: "мнѣнія большинства начальствующих лиц сходятся на том, что дисциплина в войсках упала; доверіе между офицерами и солдатами подорвано; нравственная упругость и боеспособность войск значительно понизились". Однако, это "общее заключеніе" дѣлает оговорку: "многіе начальники утверждают, что послѣ переворота стремленіе войск к побѣдѣ осталось, а в нѣкоторых частях даже усилилось". "Большинство начальствующих лиц смотрит на будущее спокойно и надѣется, что через 1-2 мѣсяца (к половинѣ мая) боеспособность войск будет восстановлена". Такой итог в сущности дает лучшій отвѣт на вопрос, как повліяли февральско-мартовскія событія на состо-

яніе арміи и устанавливает ограничительные предѣлы, в которых должна разсматриваться проблема. Если временный главнокомандующій Западным фронтом Смирнов (Эверт вышел в отставку) был осторожен в выводах своего рапорта в Ставку, то даже в нѣсколько повышенных тонах писал свое заключение главнокомандующій Юго-Зап. фронтом Брусилов: "Революціонное движеніе не отразилось пока на нравственной упругости и духѣ арміи. Сейчас организм армій прочен, дух их высок и даже повышен, они полны порыва, жажды побѣды, в которую они вѣрят"[\[365\]](#). Можно было объяснить этот оптимизм впечатлительностью "маловдумчиваго" Брусилова, рассчитывавшаго на свое "военное счастье" (такая характеристика дается ему в дневникѣ Алексѣева), или его опортунизмом, отмѣчаемым современниками — он стремился занять пост верховнаго главнокомандующаго[\[366\]](#). Но офціально выраженное Брусиловым мнѣніе было подтверждено особой телеграммой военному министру, подписанной всѣми командующими арміями Юго-Западнаго фронта — и среди них Щербачевым и Калединым. Телеграмма говорила, что на военном совѣтѣ 18-го единогласно рѣшено, что "наступленіе вполне возможно" (это

наша обязанность перед союзниками, перед Россіей и перед всѣм міром) и, что "арміи желают и могут наступать". Телеграмма заканчивалась словами: "мнѣніе Петрограда о ея (арміи) состояніи и духѣ не может рѣшать вопрос; мнѣніе арміи обязательно для Россіи; настоящая ея сила здѣсь на театрѣ войны, а не в тылах".

Настроение "военного задора", столь определенно выявившееся в нѣкоторых воинских частях и нарушавшее искусственную схему всякаго рода кентальских выучеников, нельзя было просто стереть с исторических скрижалей — тѣм болѣе, что такія настроенія отнюдь не являлись минутным возбужденіем, результатом порыва от слишком сильнаго внутренняго толчка, который дал переворот. Такія настроенія были довольно длительны и упорны. Резолюціи и соотвѣтствующія требованія с фронта (не только с фронта, но и от тыловой периферіи) продолжали настойчиво поступать в центр и говорили о "шовинистическом", как выразился меньшевик-интернационалист Суханов, настроеніи арміи или "полушовинистическом", как оговаривались молодые историки из коммунистической школы Покровскаго... Суханов

говорит, что послѣ опубликованія Совѣтом деклараціи 14 марта к міровой демократіи (о ней ниже) революціи поступали сотнями по адресу Врем. Прав. и Совѣта. Довольно типичной будет резолюція комитета офиц.-солдат. депутатов 42 пѣх. див., заявлявшего, что лишь "побѣдный конец войны может закрѣпить свободу", и что Совѣт должен "облегчить" правительству дальнѣйшее веденіе войны. За резолюціями, присылаемыми с фронта, слѣвовали и личныя представленія через особых посланцев. Делегация 2-го моторно-понт. бат. протестовала перед лицом Родзянко против призывов к заключенію преждевременнаго мира и заявляла, что армія будет поддерживать Правительство при условіи "доведенія войны до побѣднаго конца". Выборные от 31 части фронтовых войск докладывали военному министру, что "неясные приказы", требующіе прекращенія войны, "раздражают и должны исчезнуть". Аналогичныя заявленія дѣлались не только на пріемах у членов Правительства, но и в самом Совѣтѣ. Вот одно из обращеній, напечатанное в "Бирж. Вѣд." от имени солдат и офицеров пѣхотнаго полка, находящагося на передовых позиціях: "Здѣсь на фронтѣ мы, солдаты и офицеры, спокойны и радостно приняли вѣсть о спа-

сені Россіи, если боимся, то только одного, что нам, благодаря проискам уже появившихся темных сил, не дадут закончить побѣду, начатую внутри Россіи... Безрезультатный конец войны покроет вѣчным позором имя Россіи. Наши союзники не простят нам предательства. И неужели новая Россія должна быть заклемена измѣной. Мы, солдаты и офицеры, сохраняем полное единство мнѣній... Несмотря на предательски направляющую волю стараго правительства в теченіе почти трех лѣтъ тяжелой войны, армія всетаки сумѣла сохранить свою мощь, столь необходимую для конечной побѣды... Было бы преступно разрушить это, и пусть не смущают слабых духом крики из Россіи: "долой войну". Вы побѣдили врага внутренняго, дайте же нам побѣдить врага внѣшняго... Не трогайте армію, не мутите ее крайностями, надо помнить, что она может равно спасти и равно погубить Россію".

Пріѣзжавшим с фронта делегаціям "оборонческая позиція" Совѣта представлялась неприемлемой, — это засвидѣтельствовал никто иной, как один из членов Исп. Ком. Горев, которому было поручено принимать эти делегаціи. Слѣдователь-

но, не так уже был неправ докладчик о войнѣ на мартовском съѣздѣ к. д., вернувшійся с фронта Щепкин, в своем утвержденіи, что лозунги "долой войну" или "война в ничью" — эти главные лозунги февральско-мартовских дней, по словам Троцкого — встрѣчают в арміи "страшнѣйшее негодование". Такое сужденіе отнюдь не было только субъективным воспріятіем человѣка, желавшаго видѣть в дѣйствительности подтвержденіе своих личных взглядов.

Упомянутый Горев скажет, что всѣ резолюціи с фронта этого времени не отражали подлинных настроеній и желаній солдатских масс, ибо онѣ вырабатывались "почти исключительно армейской интеллигенціей" — тѣми "межеумочными" интеллигентами, которые, по характеристикѣ Суханова, шли па поводу у "буржуазіи". Шовинистическій задор первых недѣль явился результатом планомѣрно организованной агитаціонной кампаніи. Резолюціи повторяли как бы хорошо "заученный урок". Доля истины имѣется в этих одновременно преувеличенных и упрощенных заключеніях. Напр., интеллигентскій характер процитированнаго выше обращенія делегаціи пѣхотнаго полка г.

Совѣт несомнѣнен. Была и нѣкоторая директива из центра. Так, напр., Селивачев записывает 18 марта со слов пріѣхавшаго из Петербурга подп. Каминскаго, что желательно, чтобы "по организаціи комитетов тѣ выносили резолюціи о довѣриі Врем. Правительству, подтверждая это телеграммами послѣднему, что необходимо, как противовѣс Совѣту Р. и С. Д., видимо, желающему подорвать престиж правительства". Патріотическіе "заученные уроки" во всяком случаѣ не меньше показательны, чѣм всякіе иные митинговые трафареты, свидѣтельствующіе о настроеніях противоположных[367]. Молніеносных результатов пропаганда не дает, если только она не падает на соответствующую почву и не находит среды, адекватной цѣлям, которых стремится достигнуть. В первые дни послѣ переворота организованной пропаганды на фронтѣ не было, и тѣм не менѣе мы видѣли примѣры довольно яркаго проявленія "военнаго задора".

Еще болѣе характерными надо признать "шовинистическія" проявленія в запасных частях петербургскаго гарнизона, среди котораго до переворота велась "пораженческая" пропаганда, и который

в дни переворота находился в непосредственном контактѣ с рабочими кругами, естественно болѣе пропитанными крайностями Циммервальда. И нѣсколько неожиданно Шляпников признает, что "буржуазіи" и "оборонцам" в первое время на столичных митингах удалось создать "буквально погромное настроеніе против большевиков", т. е. против послѣдовательнаго отрицанія войны. Во время первых манифестацій воинских частей у Таврическаго дворца, т. е. манифестацій, которыя не могли быть хорошо подготовлены и извнѣ инспирированы (особенно "буржуазіей"), на знаменах красовались лозунги: "война до полной побѣды". По утвержденію Суханова, депутат Скобелев, тов. пред. Совѣта, за какое то неосторожное слово о войнѣ "был чуть не поднят на штыки"; такая же судьба едва не постигла какую-то неизвѣстную большевичку, при приѣмѣ Родзянко запаснаго батальона Семеновскаго полка крикнувшую "дой войну". Таким образом "лѣвый" мемуарист цѣликом подтверждает наблюденія "праваго" мемуариста кн. Мансырева, засвидѣтельствовавшаго, что в Петербургѣ разговоры против войны в первые дни вызывали негодованіе. Довольно знаменательно, что делегаты Московскаго Совѣта солд.

деп. на собраніи, гдѣ обсуждалась организація предполагаемой 12 марта обще-совѣтской демонстраціи мира, согласились в ней участвовать при условіи, что не будет плакатов "долой войну" ("Рус. Вѣд.").

Сам Суханов в своих "записках" почувствовал бросающіяся в глаза натянутость и фальшь анти-военной характеристики массовых настроеній и заговорил о "мужицко-казарменной" психологіи — о той "толщѣ атавизма" и "примитивнаго націонализма", которые должна была преодолѣть революція. Вѣдь этим все и сказано. Идеологическая платформа циммервальдцев всѣх оттѣнков была чужда психологіи масс в момент, когда произошла революція, и нужно было время и благопріятствующія внѣшнія условія для того, чтобы большевицкая пропаганда, облачившись в ленинскія формы, возымѣла надлежащее дѣйствіе. (См. "Золотой ключ"). В предѣлах марта обстановка была иная. Поэтому искусственным и рискованным представляется тезис, который пытается защитить военный историк Головин, принявшій без критики фактическую канву троцкистской схемы. Я говорю о том "психически коллективном процессѣ отказа

от борьбы", который якобы назрѣл в массах к моменту революціи, и осознать который мѣшала интеллигенціи ея оторванность от низов — попытка итти наперекор стихіи вела государство к гибели[368].

С такой апріорной характеристикой народных переживаній связывается столь же апріорное сужденіе о примитивности патріотических устремленій масс, не понимавших государственнаго смысла слова "отечество". Ген. Селивачев в дневникѣ от 11 марта опредѣлил это так: "Ожидать счастливаго окончанія для нас войны невозможно... Выборный начальник "хам", не зная Россіи и не понимая ея исторических задач, несомнѣнно будет разсуждать так, как и его гражданин-солдат, который знает только свою волость и ее только считает своим отечеством". Не поддаваясь соблазну сдѣлать экскурс в область народной психологіи, ограничимся лишь замѣчаніем, что в ходячей формулѣ: "мы — пензенскіе, тамбовскіе или вятскіе", столь часто находящей себѣ мѣсто в мемуарных откликах[369], в сущности в гораздо большей степени проявляется фигуральное выраженіе довольно элементарной истины, что Россійская Имперія

в силу своих географических, топографических и экономических условий располагает огромными оборонительными ресурсами, которых нѣтъ в других европейских странах — ресурсами, в борьбѣ с которыми может спастись самая усовершенствованная военная техника. В дни второй мировой войны фландрское поражение, предопредѣлившее судьбу Парижа, означало для Франціи катастрофу; захват 11 русских губерній (правда, польских, незначительных по размѣрам), в эпоху первого мирового катаклизма, никакой государственной катастрофы Россіи не предвѣщал. Во времена Наполеона западно-европейская практика установила неизбѣжность капитуляціи страны при захватѣ непріателем столицы. Военный геній французскаго полководца не ожидал встрѣтить иного в варварской Москвѣ — надежды его оказались обманчивыми и отнюдь даже не в силу особаго народно-патріотическаго подъема (исторія 1812 года полна прозы). Означало ли «то, что "Россія", как таковая, ничего не говорила крѣпостному населенію, как яко бы не говорила и через столѣтіе народу, освобожденному от помѣстнаго ига? Отнюдь нѣтъ [\[370\]](#).

Воспроизведем в видѣ иллюстраціи довольно

яркую сцену, описанную в мартовском дневникѣ 17 г. ген. Болдыревым. В Псковѣ 5 марта парад. Войска по "нелѣпому" распоряженію нач. гарнизона Ушакова выведены без оружія "в видѣ какой-то сборной команды". "В глазах рябило от красных ленточек и флагов с надписью: "Да здравствует Свободная Россія". На мѣстѣ собралась огромная толпа. Настроение, как сообщили в штаб, "крайне тревожное". Надо было найти выход для скопившейся энергіи. И Болдырев своим зычным голосом, поздравив войска с переходом к новому государственному строю, крикнул: "Да здравствует Россія!" "Раздалось бѣшенное "ура"... Толпа ревѣла вмѣстѣ с солдатами, чувствовалось, что... в этот момент толпу, опьяненную и взвинченную до послѣдняго предѣла, легко можно было бросить и на подвиг, и на преступленіе"... Послѣ "нѣскольких горячих слов" Болдырев заявил, что главнокомандующій будет удивлен, видя войска на парадѣ "безоружными", и приказал разойтись по квартирам и прибыть вновь в "положенном уставом видѣ". Отвѣт — "громовое ура". Парад состоялся. Говорил Рузскій — "тихо, тепло, по-отечески". Его любили, и при отѣздѣ ему была устроена овація и войсками, и народом, хотя "вензеля на его погонах с бук-

вой Н как-то особенно коробили глаза среди моря революционных знаков"... Русская армия неразрывно связана с мужицкой Русью. Никакой подготовленностью, никаким посторонним влиянием и воздействием нельзя объяснить тот факт, что во всех резолюциях, принимавшихся на крестьянских собраниях в март, требовалось довести войну "до победного конца" и сохранить неприкосновенность территории. Если влияние большевиков в деревне было незначительно [371], то связи с партией, выставившей на своем знамени "Земля и воля", были значительны. В партии сильно было и циммервальдское течение. Очевидно, не крестьяне должны были приспособляться к своим политическим руководителям, а наоборот. Не приходится поэтому поддерживать тезис, получивший известную популярность в некоторых русских общественных кругах и нашедший отклик в первых обзорных революционных событиях, который вышли из-под пера иностранцев (напр. Chessin), — тезис, согласно которому, русский солдат на войне сражался не за Россию, а за Императора и с устранением этого символа отпали побудительные причины для героизма и жертвенности.

2. Побѣдоносная война.

Официальная версия происхождения революции, данная партийным оратором в Учредительном Собрании, не может быть отнесена к числу концепцій исторических, ибо в значительной степени противорѣчит фактам. Не потому ли "вождь партіи" Чернов, вступив уже на стезю историческую и опредѣляя источники "рожденія февральской революции", присоединился к другому объясненію: "рѣшающую роль в наступленіи революціи сыграла военная неудача, когда перед "общественным мнѣніем и народным сознанием" вырисовался "фактический проигрыш войны". Тогда "страна попробовала спастись революціей". Такая точка зрѣнія нѣсколько неожиданна, ибо коммунистическими писателями она всецѣло приписывалась "буржуазіи", которая пыталась революціонному перевороту придать характер "возмущенія военными неудачами Царя". В дѣйствительности это объясненіе почерпнуто из общественных переживаній болѣе ранняго времени — неудач 15 г. и первых разговоров о "дворцовом переворотѣ" — психологии, с нѣкоторым запозданіем переданной Родзянко в послѣреволюціонных воспоминаніях и

реально не соответствовавшей личным его настроениям перед революціей. Наканунъ революціи сознанія о "фактическом проигрышѣ войны" уже не могло быть, а тѣм болѣе убѣжденія, что "военная энергія арміи была уже как бы пулею на излетѣ, бесильно отскакивающей от груди непріятеля". Продолжавшіеся разговоры о перспективах "сепаратнаго мира", как пытались мы показать, (см. мою книгу "Легенда о сепаратном мирѣ") в значительной степени были агитаціонным политическим орудіем. Даже компромиссная концепція, которую в худшем случаѣ допускал в серединѣ 16 г. в. кн. Ник. Мих. — ни побѣдителей, ни побѣжденных, не ставилась уже в сознаніи оппозиціонной общественности: "мы не хотим мира без побѣды" — заявлял ея лидер с кафедры Гос. Думы 15 февраля 17 г.; Милюков, по компетентному свидѣтельству Набокова, до революціи "глубоко вѣрил в "побѣдный конец".

В дни революціи старая концепція была подновлена: переворот произошел во имя побѣдоноснаго окончанія войны [\[372\]](#) (Госуд. Дума вступила в борьбу с властью "ради побѣды" — гласило обращеніе моск. гор. Думы 28 февраля) и достиженія

исторических задач, лежащих перед Россійской Имперіей. Руководящая идея революціи заключалась в побѣдѣ над германским имперіализмом — утверждал Родзянко в московском Государственном Совѣщаніи. Наиболее ярким выразителем этих имперіалистических чаяній передовых слоев "буржуазіи" был, как извѣстно, сам лидер этой "цензовой" общественности и первый министр ин. д. революціоннаго правительства. Его рупором на ролях народнаго трибуна был депутат Родичев, со свойственным ему пафосом зажигавшій слушателей на митингах заманчивой перспективой будущаго величія Россіи. В первый момент революціи едва ли мог найтись среди политических дѣятелей такой оптимизм, который стал бы объяснять петербургскій солдатскій бунт и рабочую забастовку с призывами "долой войну!", "долой самодержавіе", осуществленіем отдаленных "національных" чаяній. Палеолог рассказывает, что 4-го Милюков посѣтил послов (Франціи, Англіи и Италіи). Прежде чѣм начать формальный разговор, французскій посол попросил официальнаго гостя высказать свое откровенное сужденіе о положеніи вещей. В порывѣ искренности (так казалось послу) Милюков отвѣтил: "в теченіе 24 часов я переходил от

полнаго отчаянія почти к полной увѣренности. Мы не хотѣли этой революціи перед лицом врага[373]. Я даже ее не предвидѣл: она совершилась помимо нас... Теперь дѣло идет о спасеніи Россіи, ведя войну до послѣдняго, до побѣды". Но Милюков ничего реальнаго не мог еще сказать послам — вѣдь в согласительную ночь вопрос о войнѣ остался открытым. Палеолог был неудовлетворен: люди, которые пришли к власти, по его мнѣнію, не имѣли ни опредѣленной точки зрѣнія, ни необходимой смѣлости в такой тревожный момент; надо в рядах Совѣта искать энергичных людей с инициативой. Первый "манифест" новаго правительства по своему сдержанному тону о войнѣ привел посла даже в негодованіе: хотя и была упомянута вѣрность союзным обязательствам и обѣщана война до побѣды, но ничего не было сказано о прусском милитаризмѣ и о цѣлях союзников. Дантон и Гамбетта говорили по другому. Свое недовольство Палеолог тотчас же выразил министру ин. д., на что послѣдовал отвѣт: "предоставьте мнѣ время", причем министр обѣщал найти в ближайшій срок повод удовлетворить дипломатических представителей союзных держав.

Повод представился 11 марта, когда послы вручали в Маріинском дворцѣ новому, признанному державами, правительству свои довѣрительныя грамоты. В отвѣтной рѣчи русскій министр сказал: "Временное Правительство, одушевленное тѣми же намѣреніями и проникнутое тѣм же пониманіем задач войны, как и союзные с нами народы, нынѣ приносит для осуществленія этой задачи новыя силы. Великія идеи освобожденія народностей и созданія прочныхъ международныхъ отношеній — идеи, осуществленіе которыхъ невозможно безъ рѣшительной борьбы, нынѣ получаютъ новую и твердую опору в идеалахъ русской демократіи. Два новыхъ препятствія стоятъ на пути осуществленія этихъ идеалов. Одно заключается в тѣхъ стремленіяхъ нашихъ противниковъ достигнуть мірового преобладанія за счетъ другихъ народовъ, которыя явились главной причиною мірового конфликта. Мы всѣ сознаемъ громадную опасность этихъ стремленій и мы твердо рѣшились вмѣстѣ с вами употребить всѣ силы и принести всѣ жертвы для окончательнаго устраненія ихъ и для созданія условій прочнаго мира путемъ рѣшительной побѣды. Но было и другое препятствіе: это нашъ старый порядок, нынѣ разрушенный. Государствен-

ная Дума и вся страна убѣдились, что при этом порядкѣ, лишившем нас всякой возможности организовать страну для рѣшительнаго національнаго усилія, побѣда нами достигнута быть не может. *Это убѣжденіе сдѣлалось даже первым источником совершеннаго народом переворота.* Могу вас увѣрить, что исход этого переворота не может противорѣчить его причинѣ. Взгляните кругом — и вы увидите, что желанія ваши уже осуществились [374]. Рабочіе уже стоят у станков, порядок уже господствует на улицах — дисциплина возстанадливается в войсках. И по мѣрѣ того, как сглаживаются эти второстепенныя черты, сопровождающія всякую насильственную перемѣну, все ярче вырисовывается перед нами ея основная сущность. Вмѣсто старой власти сам народ стоит пред вами во всеоружіи своей силы. И эту силу он приносит для скорѣйшаго осуществленія тѣх великих задач, за которыя в теченіе двух с половиной лѣтъ мы вмѣстѣ с вами боремся и несем несчетныя жертвы. Мы рады встрѣтить с вашей стороны правильную оцѣнку нашей силы, *удвоенной переворотом* "... В тот же день на пріемѣ иностранных журналистов Милюков высказался еще опредѣленнѣе: "русская революція произведена

была для того, чтобы устранить препятствія на пути Россіи к побѣдѣ". Такая версія происхожденія революціи могла быть дана только потому, что в настроеніях, проявившихся в массах в первые дни, раздалась, как бы, созвучная ей нота. Но, конечно, это созвучіе было только внѣшним, поскольку рѣчь идет о той формулировкѣ національных задач, какую через 10 дней дал министр ин. д. Наканунѣ партійнаго съѣзда, 22 марта, в бесѣдѣ с журналистами по поводу вступленія Соед. Штатов в войну, Милюков разъяснил смысл "побѣднаго конца" — тогда было сказано о жизненном значеніи для Россіи пріобрѣтенія Константинополя и проливов, при чем министр отмѣтил, что этими претензіями русскіе "ничуть" не посягают на національныя права Турціи, и что никто не в правѣ бросить Россіи упрек в "захватных тенденціях" — обладаніе Царьградом всегда считалось національной задачей Россіи[376].

Интеллигентскія построенія, рожденныя в умах кабинетных теоретиков внѣ реальных условій жизни, всегда будут чужды психологіи народных масс. Трудно себѣ представить, что через 2 / года изнурительной войны, всей своей тяжестью лег-

шей на хребет трудового народа, могли бы найти хоть какой-либо отклик призывы к осуществленію таких весьма проблематичных и спорных "исконных національных задач", к числу которых слѣдует отнести "византійскую мечту"[\[377\]](#). Народ, "несмотря на то, что сѣр, отлично понимает основы государственной мудрости" — утверждал на съѣздѣ к. д. Н. Н. Щепкин, характеризуя настроенія солдат на Западном фронтѣ. Вѣроятно, этот "народ" мог бы только присоединиться к словам Короленко, написанным в письмѣ к другу 18 июня 16 г.: "Я не вижу в войнѣ ничего кромѣ печальнѣйшей необходимости". Никакая идеологическая война никогда не будет воспринята и осознана в массах независимо от их культурнаго состоянія. Это значит, что побѣдный конец реалистично мог мыслиться в народном сознаниі только, как "замиреніе"[\[378\]](#), при условіи, что нѣмец будет прогнан с русской территоріи. Идеологическая война в тѣ годы вообще была чужда психології демократіи — ея квалифицированным представителям из интеллигенціи. Отвлеченная концепція, вдохновлявшая, напр., старых народников Крапоткина и Чайковскаго, которые видѣли оправданіе міровому катаклизму в борьбѣ двух

культур — латинской, несущей міровой прогресс, и германской, знаменующей собой реакцію в Европѣ, не имѣла корней в революціонной средѣ. Среди видных представителей демократіи было немало таких, которые, будучи одинаково чуждыми циммервальдским настроеніям и толстовскому пацифизму и примыкая к позиціи "оборончества", стояли в сторонѣ от психоза войны с его нездоровой атмосферой націоналистическаго задора — в их представленіи національные интересы Россіи властно требовали конца войны, поэтому Плеханов в концепцію идеологической платформы вносил поправку — прекращенія "кровопролитной" войны и соглашения с Германіей с момента, как там произойдет революція. Таким образом лозунг "до побѣднаго конца" сам по себѣ в средѣ демократіи получал ограничительное толкованіе.

3. Вокруг совѣтскаго "манифеста".

"Безумным и преступным ребячеством звучит эта корявая прокламація: "...немедленное прекращеніе кровавой бойни", — записывает Гиппіус в дневникѣ 9 марта по поводу одного выступленія большевиков... "В этом "немедля" только может

быть или извращенное толстовство или неприкрытое преступление. Но вот что нужно и можно "немедля". Нужно, не медля ни дня, объявить именно от новаго русскаго нашего правительства русское новое военное "во имя"... Конкретно: необходима абсолютно ясная и твердая декларация насчет наших цѣлей войны". Что же надо сказать русскому народу? На это пытался отвѣтить такой психолог народной души и знаток народнаго быта, как Короленко, в статьѣ "Отечество в опасности", напечатанной в газетах 15 марта.

Обращение писателя вызвано было воззваніем Времен. Правительства, написанным Набоковым, в котором недвусмысленно говорилось о "надвигающейся и уже близкой" опасности со стороны внѣшняго врага: ..."прислушайтесь! Назрѣвают и вскорѣ могут наступить грозныя событія. Не дремлющій, еще сильный враг уже понял, что великій переворот, разрушившій старые порядки, внес временное замѣшательство в жизнь нашей родины. Он напрягает послѣднее усиліе, чтобы воспользоваться положеніем и нанести нам тяжкій удар. Он стягивает, что может, к нашему фронту. С наступленіем весны его многочислен-

ный флот получит свободу дѣйствій и станет угрожать столицѣ. Враг вложит всѣ силы свои в этот напор. Если бы ему удалось сломить сопротивление наше и одержать побѣду, это будет побѣда над новым строем, над освободившейся Россіей. Все, достигнутое народом, будет отнято этим ударом. Прусскій фельдфебель примется хозяйничать у нас и наведет свой порядок. И первым дѣлом его будет возстановленіе власти Императора, порабощеніе народа". В обращеніи военнаго министра еще опредѣленнѣе говорилось, что по полученным свѣдѣніям "нѣмцы, узнав о происшедших в Россіи событіях, спѣшно стягивают силы к Сѣверному фронту, рѣшив нанести удар Петрограду". Многим впослѣдствіи казалось, что Правительство сознательно нѣсколько форсировало, по тактическим соображеніям, положеніе, но, повидимому, нависшая угроза в тѣ дни казалась реальной под вліяніем телеграммы Алексѣева 9 марта о подготовкѣ нѣмцами "сильнаго удара в направленіи на Петроград"... Исполнявшій фактически обязанности верховнаго главнокомандующаго, настаивая на принятіи "самых рѣшительных и энергичных мѣр к уничтоженію поводов разложенія арміи", указывал, что операціи нѣмцев могут "заставить

нас совершенно очистить направление на Петроград", и что нѣмцы "в іюлѣ мѣсяцѣ могут при удачѣ достигнуть столицы. Потеря же столицы, в которой сосредоточено главнѣйшее производство боевых припасов, знаменует собой наше поражение, конец войны, кровопролитную междоусобную войну и ярмо Германіи. Надо твердо и опредѣленно помнить, что нынѣ всѣ *без различія партій* не только вполнѣ примирятся с происшедшим переворотом, но и будут привѣтствовать свободу Россіи лишь при условіи доведенія войны до побѣдоноснаго конца[379]. В противном случаѣ внѣ всякаго сомнѣнія значительная часть населенія припишет неудачи тому, что переворот произведен в настоящее время, будут искать виновников, будут мстить и междоусобица неизбежна". Позже Алексѣев признал ошибочность своих предположеній и 30-го писал Гучкову, что "нѣтъ никаких реальных данных, указывающих на продвиженіе нѣмцев".

По поводу этой надвигающейся опасности и написал Короленко. Позиція его столь показательна, что приведем из нѣскольکو позабытой статьи большую цитату: "Телеграммы военного министра

и Временнаго Правительства бьют тревогу. Опасность надвигается. Будьте готовы. К чему? К торжеству свободы? К ликованію? К скорѣйшему устройству будущаго? Нѣтъ, к сраженіям, к битвам, к пролитію своей и чужой крови. Это не только грозно, но и ужасно. Ужасно, что эти призывы приходится слышать не от одних военных, чья профессія — кровавое дѣло войны на защиту родины, но и от нас, 70 писателей, чей голос звучит естественнѣе в призывах к любви и миру, к обществу братству и солидарности, кто всегда будил благородную мечту о том времени, когда народы, распри позабыв, в великую семью соединятся... Тревога звучит, ширится, облекает страну. Я желал бы, чтобы голос печати звучал, как труба на зарѣ, чтобы подхватить его, передать дальше, разнести всюду до самых дальних углов, заронить в наименѣе чуткія сердца, в самыя безпечныя души. Тревога. Тревога. Смотрите в одну сторону. Дѣлайте в эти дни одно дѣло, им довлѣющее. С запада идет туча, какая когда-то надвигалась на Русь с востока. И она готова опять покрыть тѣнью родную землю, над которой только что засіяло солнце свободы. До сих пор я не написал еще ни одного слова с таким призывом, но не потому, что-

бы я и прежде не считал обязательной защиту родины. Правда, я считаю безумной свалку народов, озарившую кровавым пожаром европейскій мір и грозящую перекинуться в другія части свѣта, великим преступленіем, от отвѣтственности за которое не свободно ни одно правительство, ни одно государство. И когда наступит время мирных переговоров, то, по моему глубокому убѣжденію, эта истина должна лечь в основу для того, чтобы этот ужас не повторялся. Нужно быть на стражѣ великаго сокровища — мира, которое не сумѣли оберечь для нас правительства королей(?) и дипломаты. Когда это несчастье готово было разразиться (я говорю ото искренне и с сознанием всего значенія слова), я не пожалѣл бы отдать остаток жизни тѣм, кто мог бы с каким-нибудь вѣроятіем успѣха противодѣйствовать этому безумію дѣятельною идеею человѣческаго братства. Она давно зародилась в благороднѣйших умах и пускала уже ростки в человѣчествѣ. Да, за это дѣло стоило бы отдать жизнь, если бы была малѣйшая надежда удержать море вражды и крови. Но ростки международнаго братства еще безсильны, как игрушечныя плотины перед порывом моря, и ничего удержать не могли. Это не упрек идеѣ международнаго

братства. Слабая вначалѣ идея часто со временем завоевывает мір. Но теперь, пока она слаба, в дѣйствительности она может служить опорой благородной мечтѣ, утѣшеніем, но не средством защиты. Это дальній огонь, но не указаніе ближайших путей в виду страшной опасности. А рѣчь идет именно о том, что надвигается, что уже близко, что закрывает нам свѣтъ, требует немедленнаго отвѣта. Оно может на столѣтіе положить тяжелый гнет на жизнь поколѣній. Вот почему я чувствую повелительную обязанность заговорить о предметѣ, мнѣ не свойственном в обычные дни, чтобы передать моим согражданам свою тревогу. Россія только что совершила великое дѣло, свергла вѣковое иго... Если бы теперь нѣмецкое знамя развернулось над нашей землей, то всюду рядом с ним развернулось бы также мрачное знамя реставраціи, знамя восстановления деспотическаго строя... Для отраженія этой опасности Россія должна стоять у своего порога с удвоенной, с удесятеренной энергіей. Перед этой грозой забудем распри, отложим споры о будущем. Долой партійное мѣстничество. Долой — призыв к раздорам. Пусть историческая роковая минута застанет Россію готовой. Пусть всѣ смотрят в одну сторону, откуда раздается тяжелый то-

пот германца и грохот его орудій. Задача ближайшаго дня — отразить нашествіе, оградить родину и ея свободу... Оставим же будущему дню его злобу и его вопросы. Теперь одно вниманіе, вниманіе в этот великій рѣшительный час. Нужно не только радоваться и пользоваться свободой, но и заслужить ее до конца. А заслужить можно одним — послѣдним усиліем для отраженія противника. Работа на фронтѣ и в тылу, на всяком мѣстѣ, до отраженія опасности, до конца великой войны. Может быть, это время уже близко; близок день, когда на великое совѣщаніе мира явятся в семью европейских народов делегаты Россіи и скажут: мы вошли в войну рабами, но к концу ея приходим свободными. Выслушайте же голос свободной Россіи. Она скажет теперь не то слово, которое сказали бы царскіе дипломаты. У Свободной Россіи есть, что сказать на великом совѣщаніи народов, которое должно положить основы долгаго прочнаго мира".

Хотя "циммервальдцы" из Исп. Ком. возмущались тѣм, что статья знаменитаго писателя появилась в "Извѣстіях" без всяких комментариев, она в основном, которое опредѣляло реальную политику дня в отношеніи войны, звучала почти в унисон

с напечатанным в тот же день обращеніем к "народам всего міра", принятым Совѣтом. Это было в сущности обращеніе к "пролетаріату", даже с привычным с. д. лозунгом "пролетаріи всѣх стран соединяйтесь". "Наша побѣда, — гласило воззваніе, — есть великая побѣда всемірной свободы и демократіи. Нѣтъ больше главнаго устоя міровой реакціи и "жандарма Европы"... Русскій народ обладает полной политической свободой. Он может нынѣ сказать свое властное слово во внутреннем самоопредѣленіи страны и во внѣшней ея политикѣ.. И обращаясь ко всѣм народам, истребляемым и разоряемым в чудовищной войнѣ, мы заявляем, что наступила пора начать рѣшительную борьбу с захватными стремленіями правительств всѣх стран, наступила пора народам взять в свои руки рѣшеніе вопроса о войнѣ и мирѣ. И мы обращаемся к нашим, братьям пролетаріям австро-германской коалиціи и прежде всего к германскому пролетаріату. С первых дней войны вас убѣждали в том, что, подымая оружіе против самодержавной Россіи, вы защищаете культуру Европы от азіатскаго деспотизма. Многіе из вас видѣли в этом оправданіе той поддержки, которую вы оказали войнѣ[380]. Нынѣ не стало и этого оправданія: де-

мократическая Россія не может быть угрозой свободѣ и цивилизаціи. Мы будем стойко защищать нашу собственную свободу от всяких реакціонных посягательств — как изнутри, так извнѣ... Русская революція не отступит перед штыками завоевателей и не позволит раздавить себя внѣшней военной силой. Но мы призываем вас: сбросьте с себя иго вашего самодержавнаго порядка подобно тому, как русскій народ стряхнул с себя царское самовластіе; откажитесь служить орудіем захвата и насилія в руках королей, помѣщиков и банкиров, и дружескими объединенными усиліями мы прекратим страшную бойню, позорящую человѣчество и омрачающую великіе дни рожденія русской свободы"...

Прочитав совѣтское воззваніе 14 марта, Гиппіус записала: "не плохо, несмотря на нѣкоторыя мѣста... Сущность мнѣ близка... Общій тон отнюдь не "долой войну" немедленно, а наоборот "защищать свободу своей земли до послѣдней капли крови". "Манифест" 14 марта был первым официальным выраженіем отношенія Совѣта к войнѣ. "Очень хорошо, — замѣчала Гиппіус в дневникѣ, — что Совѣт РД. по поводу войны, на-

конец, высказался. Очень нехорошо, что молчит Вр. Пр. Ему надо бы тут перескочить Совѣт, а оно молчит, и дни идут и даже неизвѣстно, что и когда оно скажет. Непростительная ошибка. Теперь, если и надумают что-нибудь, все будет с опозданіем, в хвостѣ".

Совѣтскій документ явился результатом компромисса. Проект "манифеста" первоначально составлен был Горьким, но он не удовлетворил членов Исп. Ком. Взятся его передѣлать Суханов. "Тут были двѣ Сциллы и двѣ Харибды", — вспоминает он в своих позднѣйших "Записках": "надо было, с одной стороны, соблюсти "циммервальд", тщательно избѣжать всякаго "оборончества", а с другой стороны надо было "подойти к солдату", мыслящему о нѣмцѣ по старому, и надо было парализовать всякую игру на "открытие фронта" Совѣтом, на Вильгельма, который "слопает революцію". Эта противорѣчивость требованій заставила танцевать на лезвѣ под страхом скувырнуться в ту, либо в другую сторону. И, конечно, это не могло не отразиться роковым образом на содержаніи манифеста. Во-вторых, Сцилла и Харибда были в самых условіях прохожденія манифеста че-

рез Исп. Ком.: правые тянули к прямому и откровенному оборончеству, социал-патріотизму, совпадавшему... с солдатско-обывательским настроеніем. Лѣвые, напротив, как огня, боялись "шовинизма"... Именно всѣм этим, в огромной степени, объясняется слабость этого важнаго документа, революціи"[\[381\]](#).

Обстановка засѣданія Совѣта 14-го при обсужденіи "манифеста" подчеркнула очень ярко, вопреки намѣреніям Суханова и других, как раз ту именно "сущность", которую отмѣтил процитированный выше дневник не "совѣтскаго" общественнаго дѣятеля. Это сдѣлали, прежде всего, "незаконные комментаріи" самого предсѣдателя Совѣта. Чхеидзе сказал: "Наше предложеніе не прекраснодушіе, не мечта. Вѣдь, обращаясь к нѣмцам, мы не выпускаем из рук винтовки. И прежде, чѣм говорить о мирѣ, мы предлагаем нѣмцам подражать нам и свергнуть Вильгельма, ввергшаго народ в войну, точно так же, как мы свергли наше самодержавіе. Если нѣмцы не обратят на наш призыв вниманія, то мы будем бороться за нашу свободу до послѣдней капли крови. Предложеніе мы дѣлаем с оружіем в руках. Лозунг воззванія — "долой Виль-

гельма!" Тут же "выборный командир" Измайловскаго полка обратился к собранію с горячей рѣчью: "я — старый солдат.... Сейчас... рѣшается вопрос, быть или не быть Россіи и завоеванной ею свободѣ... Единодушными усиліями мы вмѣстѣ должны создать порядок, чтобы тѣсными рядами отстоять Россію и русскую свободу". В повышенной атмосфер! собранія потонули инсинуаціи Стеклова о контр-революціонной Ставкѣ, с которыми так неумѣстно выступил этот дѣятель перед обсужденіем воззванія в народам всего міра на торжественном декларативном засѣданіи. Естественно, что Суханову происшедшія манифестаціи представлялись "свадебными пѣснями на похоронах".

Не только Короленко и Гиппиус нашли созвучныя ноты с совѣтским "манифестом" 14 марта — "вдохновенная" рѣчь Родичева через двѣ недѣли, на съѣздѣ партіи к. д., вызвавшая, по отзыву отчета "Рус. Вѣд.", энтузіазм в собраніи, в сущности говорила о той же борьбѣ "за свободу всѣх пародов" и опредѣляла цѣль войны для Россіи, как защиту ея свободы и самостоятельности. Кадетскій бард говорил только о "любви к отечеству", не

упомянув даже о выполнении тѣх исконных "національных задач", которыми министр ин. д. революціоннаго правительства опредѣлял свою политику. Константинополь и проливы на сѣздѣ проскользнули лишь в повторных репликах во время преній[382].

Таким образом общій язык мог быть найден. Станкевич увѣряет, что в Исп. Ком. "со слов делегаціи, сносящейся с Правительством, была полная увѣренность, что Правительство не только не возражает, но даже солидарно с манифестом"... Перед Таврическим дворцом проходили вновь манифестирующія толпы — проходили онѣ под окнами квартиры Мережковских, и писательница записывала: "Надписи на флагах... "война до побѣднаго", "товарищи, дѣлайте снаряды", "берегите завоеванную свободу". Продефилировали и "первый революціонный Павловскій полк", и волынцы, и семеновды, и литовцы. Гремѣла марсельеза и раскатывалось могучее "ура". "К полкам выходили и привѣтствовали их — и думскіе и совѣтскіе люди. Из праваго крыла на-лицо был неотлучно Родзянко. Он имѣл неизмѣнный успѣх" — вспоминает Суханов. "Было красиво, пышно, торжественно.

Был подъем, было видно, как по новому бьется сердце", — должен признать мемуарист, как и то, что "внутренніе" лозунги ("земля и воля", "8-час. раб. день"), проходили среди "внѣшних". Внѣшними были: "война до побѣднаго конца", "солдаты в окопы, рабочіе к станкам", "товарищи, готовьте снаряды"[\[383\]](#). Из Таврическаго дворца нѣкоторые полки шли в Ген. Штаб, гдѣ говорил Корнилов, и гдѣ повторялись приблизительно тѣ же сцены. С криками "ура", Корнилова носили на руках.

Дѣло не ограничивалось резолюціями и плакатами: "рабочіе к станкам". Солдатскія письма с фронтов предъявляют требованіе работать усиленно на оборону, не считаясь с "восьмичасовым рабочим днем" — теперь "не время" праздновать; представители фронтовых организацій, прибывающіе в столицу, начинают ходить "по заводам в боевом вооруженіи" и контролировать. В ближайшія двѣ недѣли в Петербургѣ создалось очень острое положеніе: "отношенія между солдатами и рабочими достигли крайняго напряженія", — так характеризует обстановку Суханов. "С часа на час можно было ожидать эксцессов... Разсвирѣпѣвшій воин-мужик мог... пустить в ход винтовку

против... внутренняго врага", по выраженію мемуариста. "Минутами чувствовалось, что должна разразиться гроза", — говорит другой современник, принадлежавшій к большевицкой фалангѣ, провинціал, попавшій в эти дни в Петербург, (предсѣдатель нижегородскаго Совѣта, Штерн). По мнѣнію этого делегата Совѣщанія Совѣтов, собравшагося в концѣ мѣсяца, между фронтовыми делегатами к представителями рабочих столь велико было "недовѣріе", что казалась невозможной "никакая совмѣстная работа". Столичныя настроенія или вѣрнѣе настроенія фронтоваго передавались в провинцію, гдѣ также можно зарегистрировать столкновенія солдат и рабочих.

Слишком было бы упрощено объяснить создавшееся напряженіе только агитаціей злокозненной "буржуазіи", пытавшейся "вбить клин между арміей и городом". Безспорно эта агитація была и принимала подчас организованныя формы, вызывая столь же страстное противодѣйствіе со стороны революціонной демократіи. Описанное возбужденіе совпало со "стоходовской панамой", как называл в дневникѣ ген. Селивачев прорыв нѣмцев "червищенскаго плацдарма" на берегу Стохода (21

марта). Русская военная неудача — первая послѣ переворота — произвела сильное впечатлѣніе и была непосредственно связана с событіями внутри страны — "первым предостереженіем" назвала ее "Рѣчь"[\[384\]](#). Эту неудачу постарались использовать в цѣлях агитаціонных, хотя, по существу, стоховодскій прорыв и районѣ 3 арміи на Юго-Западном фронтѣ, как опредѣленно устанавливал тактически анализ хода боя, сдѣланный Алексѣевым в циркулярной телеграммѣ главнокомандующим фронтами 25 марта, в значительной степени объяснялся ошибками командованія (ген. Леш был отстранен), и войска оказали наступающему врагу мужественное сопротивленіе ("бой продолжался цѣлый день", при чем войска понесли потери в 12-15 тысяч). Итог искусственнаго взвинчиванія настроенія получился не в пользу здороваго естественнаго роста патриотизма, ибо агитаціонная кампанія "обузданія" рабочих превращалась при содѣйствіи уличной печати в "гнусную клевету" на рабочій класс, как выразился Церетелли в Совѣщаніи Совѣтов. Демократически "День" давал тогда мудрый совѣтъ: "Не дергайте дѣйствительность за фалды, не взнуздывайте ни армію, ни рабочій класс уколами отравленных перьев"... Муд-

рые совѣты в дни революціоннаго возбужденія рѣдко выслушиваются.

Не имѣем ли мы права сдѣлать, как будто бы, довольно обоснованное предположеніе, что, если бы осуществились опасенія ген. Алексѣева, и нѣмцы начали наступленіе, волна намѣчавшагося патріотическаго возбужденія поднялась бы на еще большую высоту и потопила бы всѣ бациллы циммервальдской заразы. Щепкин па съѣздѣ к. д., конечно, преувеличивал, когда говорил, что "народ требует, чтобы каждый из нас, способный носить оружіе, шел бы в армію"[\[385\]](#). Но из искры могло разгорѣться пламя. Нѣмцы пошли, однако, по другому пути — Стоход был явленіем единичным[\[386\]](#). Революціонная армія сохраняла свою упругость сопротивленія, и всѣ слухи, что нѣмцы "с востока убрали все, без чего мало-мальски можно было там обойтись", не соответствовали дѣйствительности. К моменту революціи Ставка опредѣляла количество непріятельских дивизій на русском фронтѣ в 127; в концѣ апрѣля число дивизій почти не измѣнилось — 128. Нѣмцы сдѣлали ставку на разложеніе арміи и наступленіем, по признанію Людендорфа, боялись задержать разло-

женіе Россіи. В наступивших революціонных буднях "циммервальдскій блок", колебавшійся в своей компромиссной политикѣ и шедшій под вліяніем жизни на уступки, не только получил мощную опору, но и руководство в лицѣ путешественника из "пломібированнаго" вагона (см. "Золотой Ключ"). Это уже исторія послѣдующаго. В період, опредѣляемый хронологическими датами нашего изложенія, дилемма, поставленная Лениным в "апрѣльских тезисах", еще не могла возникнуть. Характерно, что большевицкій офиціоз "Правда" 28-го марта писал, что лозунгом партіи является не дезорганизация арміи, не безсодержательное "долой войну", а давленіе на Вр. Пр. с цѣлью заставить его открыто перед всей міровой демократіей выступить с попыткой склонить всѣ воюющія страны к немедленным переговорам" о способах прекращенія войны[387].

Могла ли общественная эмоція, искусственно нѣсколько взвинченная, направить патріотизм масс в сторону внутренней перелицовки войны — сдѣлать ея сущность "совсѣм другой"? Могла ли война, "затѣянная царем", и полученная "революціей" в наслѣдіе от стараго режима, превратиться-

ся в войну "революціонную", т. е., в соотвѣтствіи с завѣтами XVIII вѣка, на солдатских штыках нести в другія страны идеи освобожденія? Как будто бы, в мартовскіе дни такая мысль никого не вдохновляла — такіе мотивы, пожалуй, зазвучали позднѣе в нѣкоторых рѣчах Керенскаго[388]. Но эта мысль высказывается в исторической работѣ одного из главных дѣятелей революціи, правда, в мартѣ находившагося еще в эмиграціи и непосредственных ощущеній от начала революціи не имѣвшаго. По мнѣнію Чернова, "измѣнить лик войны" можно было бы "попытаться", если бы поперек дороги этой попытки не стоял тот факт, что к моменту революціи "военная энергія арміи была уже как бы пулею на излетѣ, безсильно отскакивающей от груди непріятеля". Тот же автор исторіи "рожденія революціонной Россіи" очень отчетливо показал всю рискованность историческаго метода "маскараднаго офранцузиванія русской революціи": там война родилась из революціи, и в силу этого первая же война новой Франціи против наступающей монархической коалиціи приняла "естественно и спонтанейно характер революціонных войн". Исползовать патріотизм в таких цѣлях в Россіи без сильнаго толчка извнѣ было невозможно: едва ли

ошибалось петербургское охранное отдѣленіе, когда и запискѣ конца 16 г., характеризуя основное настроеніе масс, писало: "всѣ ждут не дождутся, когда кончится эта проклятая война". Может быть, именно поэтому так трудно было отыскать "правду" в подлинном настроеніи солдат, когда дѣло касалось наступленія: "правды не сыщешь", — записал Селивачев 19 го марта.

4. Фатальная недоговоренность.

Военное командованіе думало о наступленіи не в смыслѣ, конечно, измѣненія характера войны [389] и даже не в смыслѣ отвлеченія арміи от внутренних вопросов, а в смыслѣ выполненія принятых Россіей на себя обязательств перед союзниками. По первому впечатлѣнію от революціи Алексѣев, как было уже указано, рѣшительно отказался от немедленнаго выполненія дореволюціонных обязательств и переносил возможный срок для "рѣшительных операцій" на июнь-июль, считая необходимым до этого времени держаться "строга оборонительнаго плана дѣйствій" (отвѣтное письмо Гучкову 12-го марта). 18-го марта начальник французской военной миссіи Жанен переслал

Алексѣеву телеграмму ген. Нивеля о невозможности измѣнить план, выработанный совмѣстным совѣщаніем в Шантильи — союзники настаивали на том, чтобы, "не взирая на важныя внутреннія событія", обязательства были выполнены, и чтобы русская армія оказала "возможно полное содѣйствіе англо-французским арміям". К этому времени стали поступать отвѣты со стороны фронтовых главнокомандующих — они заставили Алексѣева измѣнить свою точку зрѣнія. 30 марта он телеграфировал военному министру: "...Только ген. Рузскій, указывая на то, что внутреннія событія отозвались на арміях ввѣреннаго ему фронта "весьма болѣзненно", ссылаясь на разстройство продовольственных, вещевых и артиллерійских запасов, на ненадежность укомплектованій, приходит к опредѣленному заключенію о необходимости отказаться в ближайшіе мѣсяцы от выполненія наступательных операцій и сосредоточить всѣ усилія на подготовкѣ к упорной оборонѣ. Совершенно иначе отнеслись к этому острому большой важности вопросу главнокомандующіе Западным и Юго-Западным фронтами. Оба высказали, что рѣшительныя дѣйствія наступающим лѣтом неизбежны. Если не откроем их мы, то это сдѣлает против-

ник тогда, когда это будет выгодно и удобно ему. Отказ от содѣйствія нашим союзникам, поставя их в трудное положеніе, не избавит нас от необходимости втянуться в упорные, длительные бои, но тогда, когда в свою очередь, мы не будем в состояніи рассчитывать на помощь наших союзников, в случаѣ, их частичной или общей неудачи. Как бы ни были мы бѣдны в настоящее время средствами, все-же выгоднѣе наступать, даже без полной увѣренности в успѣх, чѣм перейти к опасной оборонѣ и обречь себя на необходимость подчиниться рѣшеніям противника. Разстройство арміи и ея снабженія окажет свое вредное вліяніе, нисколько не в меньшей мѣрѣ при оборонѣ, чѣм при активной операціи"[\[390\]](#). Алексѣев присоединился к мнѣнію Брусилова, что при слабой устойчивости войск оборона труднѣе, и что надо "начать весеннюю кампанію наступленіем"[\[391\]](#). Свое письмо в Ставку Брусилов заканчивал таким характерным абзацем: ..."Несомнѣнно, 1917 год — послѣдній год войны и совершенно невѣроятно, чтобы война продолжалась и в 1918 г.; таким образом, обращаясь в этом году к пассивному образу дѣйствій, мы закончили бы войну безславно... Такой образ дѣйствій возстановит против нынѣшняго Врем. Пра-

вит. не только всѣх наших союзников, но и всю Россію, и может ввергнуть нас в анархію и возбудить негодование всѣх против своего высшаго командованія, и всякая дисциплина исчезнет, а демобилизація будет представлять собой еще болѣе трудное дѣло, чѣм это предполагается теперь".

Свѣдѣній о том, как реагировало Правительство на доклад Ставки, в опубликованных матеріалах нѣтъ [392]. Оно цѣликом находилось под гипнозом настроеній центра — смѣлости дерзанія у него не было. Возможное единство настроеній еще раз было нарушено тѣм же министром ин. д. в упомянутом интервью с журналистами, 22-го марта. Гиппиус записала 25-го: "Правительство о войнѣ (о цѣлях войны) — молчит. А Милюков на днях всѣм корреспондентам заявил опять *прежним голосом* (курсив автора), что Россіи нужны проливы и Константинополь. "Правдисты", естественно, взбѣсились. Я и секунды не останавливаюсь на том, нужны ли эти чертовы проливы нам или не нужны. Если они во сто раз нужнѣе, чѣм это кажется Милюкову — во сто раз непростимѣе его фатальная *безтактность*. Почти хочется разорвать на себѣ одежды. Роковое непониманіе момента на

свою же голову!.. Керенскій должен был официально заявить, что это личное мнѣніе Милюкова, а не пр-ва". То же заявил и Некрасов... Хорошая дорога к "укрѣпленію пр-ва, к поднятію престижа власти..."[393].

Трудно предположить, что со стороны Милюкова проявилась только "фатальная безтактность", скорѣе надо здѣсь, как и в фатальной рѣчи 2-го, видѣть надуманный политическій маневр, плохо рассчитанный, без учета настроеній и того резонанса, который может дать выпущенный пробный шар для оправданія внѣшней политики революціоннаго министра ин. д. Совѣтская демократія, дѣйствительно, взволновалась и не только "правдисты"[394]. "Циммервальдскій блок", т. е. "лѣвые" Исп. Ком. потребовали от Совѣта организаціи широкой кампаніи в пользу мира — "мобилизовать, под лозунгом мира, пролетаріат и гарнизон столицы", так как "сложившаяся конъюнктура угрожает революціи величайшей опасностью, увлекая ее в войну без конца". "Правые" рѣшительно возражали, считая опасным для фронта "борьбу за мир внутри революціонной Россіи". Начались долгія, бурныя пренія. Протоколов засѣданій Исп. Ком.

(вѣрнѣе лишь "черновых" набросков) за эти дни мы не имѣем — приходится полагаться на тенденціозную временами память Суханова. Значительное большинство высказалось за компромиссное предложеніе Церетелли (впервые присутствовавшего на засѣданіи), через Контактную Комиссію потребовать от Правительства "официальнаго заявленія" об отказѣ от завоеваній.

Представители социалистических партій в Совѣтѣ, — пишет Милюков в своей "Исторіи", — требовали от Правительства немедленнаго публичнаго заявленія о цѣлях войны, в соотвѣтствіи с формулой: "мир без анексіѣ и контрибуцій". Тщетно П. Н. Милюков убеждал их, что самая основа их разчета — возможность, створиться с социалистами всѣх стран на почвѣ циммервальдской формулы, — не существует, ибо подавляющее большинство социалистов обѣих воюющих сторон стали на точку зрѣнія національную и с нея не сойдут. Отчасти незнакомство с европейскими отношеніями, отчасти вѣра в творческую силу русской революціи[395], наконец, и прямая зависимость от большевицкой (?) идеологіи, не позволили социалистам согласиться с П. Н. Милюковым в

этом коренном вопросѣ интернаціональнаго міросозерцанія[396]. Но не поддержали его и его товарищи — не-соціалисты... П. Н. Милюков, уступая большинству, согласился на опубликованіе заявленія о цѣлях войны, но не в видѣ дипломатической ноты, а в видѣ воззванія к гражданам и при том в таких выраженіях, которыя не исключали возможности его прежняго пониманія задач внѣшней политики и не требовали от него никакой перемѣны в курсѣ этой политики. "Заявленіе Врем. Правит. о цѣлях войны" было, дѣйствительно, опубликовано 28 марта и вставлено в обращеніе к гражданам с указаніем, что "государство в опасности", и что "нужно напрячь всѣ силы для его спасенія": такая форма была придана документу А. Ф. Керенским. Основное мѣсто выражено слѣдующим образом: "предоставляя волѣ народа (т. е. Учр. Собр.) в тѣсном единеніи с союзниками окончательно разрѣшить всѣ вопросы, связанные с міровой войной и ея окончаніем, Вр. Пр. считает своим правом и долгом нынѣ же заявить, что цѣль свободной Россіи — не господство над другими народами, не отнятіе у них их національнаго достоянія, не насильственный захват чужих территорій, но утвержденіе прочнаго мира на основѣ

самоопредѣленія народов. Русскій народ не добивается усиленія внѣшней мощи своей за счет других народов, как не ставит своей цѣлью ничьего порабоженія и униженія. Во имя высших начал справедливости им сняты оковы, лежавшія на польском народѣ, и русскій народ не допустит, чтобы родина его вышла из великой борьбы униженной, подорванной в житейских своих силах. Эти начала будут положены в основаніе внѣшней политики Вр. Пр., неизмѣнно проводящаго волю народную и ограждающаго права нашей родины при полном соблюденіи обязательств, принятых в отношеніи наших союзников".

Поистинѣ изумительное поясненіе дает дальше Милюков: "Естественно" представители Совѣта не удовлетворились "двусмысленными и уклончивыми" выраженіями правительственного акта. Тогда Некрасов — это было уже на слѣдующій день — указал им, что для них выгоднѣе истолковать уклончивыя выраженія акта в своем смыслѣ, как уступку Правительства, и на этом основаніи поддержать "заявленіе". Эта тактика и была принята соціалистической печатью. П. Н. Милюков заранее выговорил себѣ право, в случаѣ, если заклю-

ченый компромисс будет толковаться односторонне, толковать его в своем смыслѣ и раскрывать неопредѣленные выражения в направленіи прежней своей политики, "согласной с политикой союзников и с національными интересами Россіи"...

Подобно тому, как в знаменательную ночь, с 1-го на 2-ое, соглашавшіеся предпочли форму умолчания, как начало примиряющее, так и теперь формально предпочли "уклончивыя выражения", которыя каждая из договаривающихся сторон будет толковать в "своем смыслѣ". Милюков в "Исторіи", однако, забыл добавить, что под вліяніем критики совѣтских представителей в правительственный документ были введены такія, напр., уточненія, как отказ от "насильственнаго захвата чужих территорій", чѣм в корнѣ измѣнялась "прежняя министерская программа^[397], и что дало повод "Русским Вѣдомостям" замѣтить, что в правительственной деклараціи 28-го нѣт и намек "на "имперіализм". По существу в правительственном актѣ ничего уклончиваго не было, уклончивость была только во взаимных обязательствах и во введеніи в нѣкоторый обман союзнических дипломатов, так как документ, странным образом, предна-

значался только для внутренняго употребленія. В эти дни, конечно, это стояло на первом планѣ. Однако, гутаперчивая политика неизбѣжно должна была привести к острому конфликту, что и произошло через мѣсяц и завершилось запоздалым уходом лидера "цензовой общественности" из состава революціоннаго правительства. Межсоюзническая дипломатія вовсе не была склонна, считаться с "домашними затрудненіями" Россіи и рассматривать декларацию 28-го марта, как документ, не предназначенный для "экспорта". Кон. Набоков доносил в Петербург (4 апрѣля), что в Лондонѣ правительственное заявленіе рассматривают, как отказ Россіи от "права на Константинополь и иныя територіальныя пріобрѣтенія", выговоренный предшествующими соглашениями. Набоков настаивал на необходимости официально "разяснить", что принцип "мира без анексій" принимается революціонной Россіей "не безусловно", а постольку, поскольку он не противорѣчит "жизненным интересам" страны. Милюков, считавшій только свою позицію в международных вопросах реалистической, а всѣ остальные разговоры о войнѣ "младенческими бреднями", как откровенно выразился он послѣ своего ухода из правительства на

казачьем съѣздѣ 9-го іюля, поспѣшил истолковать в "своем смыслѣ" мартовскую декларацію в той "разъяснительной" нотѣ 18-го апрѣля, которая и положила начало правительственного кризиса, ибо она была сдѣлана наперекор явно выраженным пожеланіям со стороны демократіи.

* * *

На другой день послѣ опубликованія правительственной деклараціи собралось "всероссійское" Совѣщаніе представителей Совѣтов. На очереди в порядкѣ дня первым был поставлен злободневный вопрос об отношеніи к войнѣ. Докладчиком выступил Церетелли, привѣтствовавшій рѣшеніе "отвѣтственного представительства буржуазіи" — Временнаго Правительства — "торжественно возвѣстить во имя "единенія сил" о разрывѣ своей внѣшней политики с господствовавшей до переворота "имперіалистической", "узко-классовой" точкой зрѣнія. Это заявленіе есть "огромная побѣда всей демократіи". Поворотный момент внѣшней политики, по представленію докладчика, является "поворотным моментом не только для одной Россіи" — это "факел, брошенный в Европу", и тѣ

"идеалы, которые в настоящее время там еле морщали", "засвѣтятся так же ярко, как засвѣтились и озарили они всю нашу внутреннюю политику". Заявленіе Правительства не дало еще полного удовлетворенія того, что желает демократія. Необходимо, чтобы Врем. Прав. вступило в переговоры с союзными правительствами для выработки общей платформы на основаніи отказа от анексий и контрибуцій.

Вѣроятно, оратор искренно вѣрил в свою "утопію". В сложившейся конъюнктурѣ важна была не декларативная формулировка будущих международных отношеній, а опредѣленіе той реалистической позиціи, которую "революціонный народ" должен занять в отношеніи войны, шедшей на его собственной территоріи. "Революціонный народ

Россіи, — говорилось в проектѣ резолюціи Исп. Ком., прочитанной Церетелли, — будет продолжать свои усилія для приближенія мира на началах братства и равенства свободных народов. Официальный отказ всѣх правительств от завоевательных программ — могучее средство для прекращенія войны на таких условіях. Пока эти

условія не осуществлены, пока продолжается война, російская демократія признает, что крушеніе арміи, ослабленіе ея устойчивости, крѣпости и способности к активным операціям были бы величайшим ударом для дѣла свободы и для жизненных интересов страны. В цѣлях самой энергичной защиты революціонной Россіи от всяких посягательств на нее извнѣ, в видах самага рѣшительнаго отпора всѣм попыткам помѣшать дальнѣйшим успѣхам революціи, Совѣщаніе Совѣтов Р. и С. Д. призывает демократію Россіи мобилизовать всѣ живыя силы страны во всѣх отраслях народной жизни для укрѣпленія фронта и тыла. Этого повелительно требует переживаемый Россіей момент, это необходимо для успѣха великой революціи".

Официальной деклараціи Исп. Ком. большевицкая фракція противопоставила свою, придав ей отвлеченную формулировку: "Есть один способ создать тот мир, к которому стремится вся вселенная", — говорит от имени большевиков Каменев: "этот способ — превратить русскую національную революцію в пролог возстанія народов всѣх воюющих стран против молоха имперіализма, против молоха войны... Слишком много благородных

слов прикрывало разбойную политику, восторжествовавшую и приведшую к войнѣ... Не благородных слов, не прикрытія для имперіалистической войны, а правды, голой правды о том, что такое эта война, требуют всѣ народы, и мы одни здѣсь — побѣдившая революція — можем сказать и должны сказать... что это не народная война, что это война не народами затѣяна, на эту войну обрекли нас имперіалистическіе классы всѣх стран. Собравшись сюда, как полновластные(?) представители народов Россіи, вы должны сказать: "Мы не только зове́м всѣх угнетенных, всѣх порабощенных, всѣ жертвы мірового имперіализма к возстанію против рабства, против имперіалистических классов, но мы от имени русскаго революціоннаго народа говорим: ни одной лишней капли крови за интересы своей или чужой буржуазіи пролиться мы не дадим"... "Мѣсяц прошел с тѣх пор, как революціонный пролетаріат и революціонная армія в Петроградѣ поставили здѣсь Временное Правительство, и мѣсяц нужен был на то, чтобы это Правительство, вышедшее из революціи, осмѣлилось сказать дипломатично и осторожно, что оно не считает задачей русскаго свободнаго народа, закабалять чужія земли"... "Мы должны сказать: рево-

люціонная Россія требует, чтобы Врем. Правит, формулировало волю ея к миру и надѣется, что только возстаніе угнетенных народов других стран поддержит русскую революцію и создаст тот мир, который хотя бы в малой степени возвратит нам тѣ великія затраты народной крови, которыя выпил уже из міра вампир милитаризма"[\[398\]](#).

В развернувшихся преніях голоса представителей арміи (напомним, что на Совѣщаніи были представлены 6 армій и 40 отдѣльных воинских частей) прозвучали довольно однотонно. Вовсе не представлял исключенія солдат Новицкій, выступившій от имени Особой арміи и предложившій, как крикнули ему с мѣста, "кадетскую резолюцію". Отмѣчая довѣріе к Правительству, созданному революціей, Новицкій говорил о нѣкоторой неясности обсуждаемой резолюціи: ..."Я хочу мира, душа жаждет мира, но не позорнаго мира... Мы тогда только можем спокойно вернуться с поля сраженія, когда мир будет подписан не позорный ("пока всѣ нѣмцы не признают, что надо заключить мир именно на правах равенства, братства и свободы"), и вот я призываю от имени Особой арміи стать всѣм на работу и дать помощь арміи,

чтобы она могла выйти из этой войны с побѣдой". Не странно ли, — говорил представитель 12-ой арміи с. д. меньшевик Ромм, — что "вопрос о немедленном заключеніи мира поднимается только со стороны тыла, и ни один солдат с фронта, который в тяжелых условіях 33 мѣсяца воюет, ни один из них не говорил о немедленном заключеніи мира". Ромм удовлетворялся объединяющей "всѣх" резолюціей Церетелли и хотѣл бы только внести поправку, в том смыслѣ, что "под обороной страны подразумѣвается не только сидѣніе в окопах, но, если того потребуют обстоятельства, — "наступление". И другіе представители фронта настаивали на том, что в резолюціи надо не столько подчеркивать "защиту", сколько сдѣлать удареніе на "борьбѣ". Резолюція бердичевского гарнизона призывала не "чуждаться исторических задач нашей родины" и стать "дружно на защиту свободной родной земли и ея исторического права". Прочитавшій резолюцію с. р. Усов, позднѣе, при обсужденіи отношенія к Правительству, от себя мотивировал так: "Моя личная точка, зрѣнія такова: я прежде всего отношусь к Врем. Правит, не только с точки зрѣнія революціи и ея достижений, но и с точки зрѣнія обороны страны. "Отечество в опасности". Это не

фраза, это крик, может быть, больной души и отчаяния. Я нахожусь близко к действительной армии, и пока я ехал сюда, то видел дезертиров на крышах и подножках — это была общая картина... Половина дезертиров, направлявшихся в Петроград, это — те, которые потеряли дисциплину... Нужно создать правительство, которое пользовалось бы доверием всех классов населения... Нужно правительство, которое будет авторитетно и обеспечит защиту страны, иначе через 2-3 месяца страна сметет достижения революции... Меня больше всего возмущает то, что здесь слишком мало говорится об обороне страны и слишком много об узкопартийных интересах"...

Собранием, подавляющим большинством голосов, была принята поправка Ромма и в резолюцию Церетелли были введены слова о "способностях" армии к "активным операциям"[\[399\]](#). Компромиссная, в сущности, резолюция Совещания была, конечно, далека от того пафоса, который нужен был армии и который один *только* мог подвинуть ее на подвиг.

Какая-то струна лопнула в эти дни. Кто из настройщиков перетянул ее? Вовсе не надо принад-

лежать к числу "лѣвых пошляков", для которых "Дарданеллы служили мишенью" (утверждение Ганфмана в юбилейном сборникѣ в честь Милюкова), для того, чтобы признать, что царьградскія мечтанія, как бы воскрешавшія не ко времени традиціи ушедшаго и возбуждавшія подозрѣнія, сыграли значительную роль в этом дѣлѣ. Дарданельская химера, дѣйствительно, стала жупелом, который широко использовала демагогія[400]. Революціонное правительство, таким образом, не сумѣло воспользоваться тѣм активам, который, казалось, давался ему в руки, и который кн. Львов, в письмѣ к Алексѣеву 11-го марта выразил словами: "подъем покроет недоимки, вызванныя пароксизмом революціи". Какая трагедія для арміи! Как раз в эти же дни французскій посол отмѣтил в дневникѣ ухудшеніе положенія в смыслѣ войны. Ею мало кто интересуется — все вниманіе сосредоточено на внутренних вопросах. Такое впечатлѣніе можно было вынести не только в салонах, которые посѣщал Палеолог. Не показательно ли, что в первом вскорѣ послѣдовавшем публичном выступленіи лидера народных социалистов Мякотина войнѣ в докладѣ было отведено послѣднее мѣсто. Страна жила не войной, а революціей. Взгляд

современников обращался "внутрь", как это наблюдали члены Думы при посѣщеніи деревни, гдѣ война, но их впечатлѣнію, отходила "на задній план".

III. Демократизація арміи.

1. Политика в арміи.

Можно было бы согласиться с утверждением нѣкоторых мемуаристов, что "сколько нибудь успѣшное веденіе войны было просто несовмѣстимо с тѣми задачами, которыя революція поставила внутри страны, и с тѣми условіями, в которых эти задачи приходилось осуществлять"[\[401\]](#) — согласиться только с одной оговоркой, что задачи ставила "стихія", а условія во многом опредѣляли люди. От этих "условій" зависѣла дальнѣйшая судьба революціи. Втуне было требовать, чтобы солдаты не занимались "политиканством", как выразался 4 марта в приказѣ главнокомандующій арміями Западнаго фронта Эверт, — требовать, чтобы они не тратили "зря" время и нервы на "безцѣльное обсужденіе" того, "что происходит в тылу и во внутреннем управленіи Россіи". "Войска

должны смотрѣть вперед — писал Эверт — в глаза врагу, а не оглядываться назад на то, что дѣлается в тылу, внутри Россіи... О порядкѣ в тылу предстоит заботиться тѣм, на кого эти заботы возложены довѣріем народным, с вѣрою в то, что они выполнят свой долг перед родиной так же честно, как и мы должны исполнить до конца свой". Теоретически возможно было отстаивать "единственно правильный принцип — невмѣшательство арміи в политику", как это на первых порах сдѣлал Алексѣев (письмо Гучкову 7 марта), или как это дѣлали "Русскія Вѣдомости", ссылаясь на "азбучную истину" конституціонных государств (11 марта). Но такіе лозунги тогда были внѣ жизни[402] и, слѣдовательно, неосуществимы, ибо революція не была "дворцовым переворотом", которому наступает конец, раз цѣль его достигнута. Был, конечно, совершенно прав выступавшій от фронтовой группы на Госуд. Совѣщаніи в Москвѣ Кучин, говорившій "так наивно представлять себѣ, что армія, которая силою вещей, ходом всѣх событій приняла активную роль в развитіи этих событій, чтобы эта армія могла не жить политической жизнью". Военное командованіе в своих разсужденіях с профессиональной точки зрѣнія было логично, но не совсѣм

последовательно было Правительство, которое в приказѣ военного министра от 9 марта говорило арміи и флоту — бдите! "опасность не миновала, и враг еще может бороться... В переходные дни он возлагает надежду на вашу неподготовленность и слабость. Отвѣтите ему единеніем". Военному министру вторили возванія Временнаго Комитета Гос. Думы — "Мы окружены страшной опасностью возстановленія стараго строя". Срок, когда надо перестать бояться "контр-революціи", каждый опредѣлял слишком субъективно, равно как и то, в чем олицетворялась эта контр-революція в странѣ.

Событія всколыхнули армію сверху до низа. В крестьянской в своем большинствѣ арміи земельный вопрос дѣлается центром вниманія. Стрѣлки в корпусѣ Селивачева "далеко не всѣ сочувствуют введенным новшествам" — записывает автор дневника 13 марта: "больше всего хлопочут они — будет ли им прирѣзана земля за счет помѣщиков, удѣлов и монастырей — вот их главнѣйшее желаніе". Член Гос. Думы Демидов, посѣтившій фронт, передавал в "Письмах из арміи" ("Рус. Вѣд."), как аудитория "замирала" при упоминаніи о

землѣ. Неужели можно было каким либо революціонным приказом заставить ее быть внѣ "соціальной политики"? Может быть, Н. Н. Щепкин был прав, когда утверждал на съѣздѣ к.-д., что никакого (это слишком, конечно, сильно) сочувствія на фронтѣ не встрѣчает попытка разрѣшить сейчас соціальные вопросы. Сознаніе, что немедленное рѣшеніе земельного вопроса может сорвать фронт, было и потому так естественно, что во многих солдатских письмах того времени, идущих с фронта, сдерживаются порывы односельчан к дѣлежу земли. Но у стоящей в бездѣйствіи в окопах арміи неудержимое всетаки стремленіе к тылу. Припомним: "всѣ помыслы солдат обращены в тыл" — писал Рузскому 29 марта Драгомиров, командовавший наиболѣе близкой к центру 5-ой арміей.

"Коллектив" в жизни арміи становится органической потребностью революціоннаго времени и не только в силу естественнаго стремленія к взаимному политическому общенію. "Коллектив — как отмѣтил И. П. Демидов в одном из своих ранних "писем" — является тѣм горнилом, гдѣ сплавивалась различная психологія в одну". Только через

этот коллектив могла притушиться роковая, ослабленная во время войны совмѣстной оконной жизнью, рознь между офицером и солдатом — всѣ стояли "перед лицом смерти"[\[403\]](#). Демократизаціи арміи требовала не только революціонная психологія, но и вся конкретная обстановка того времени.

2. Революціонная чистка.

Многіе дѣятели эпохи находились под вліяніем все того же призрака XVIII вѣка — французской арміи эпохи революціи. Вопрос "жизни или смерти" арміи в их представленіи лежал в плоскости "двухэтажнаго" построенія новаго военного организма. Распад арміи могло удержать лишь "пересозданіе всей системы управленія и командованія арміи". Основная причина всѣх бѣд коренилась в существованіи корпуса Генеральнаго Штаба. Долой генштабистов! — дорога строевому офицерству. Так характеризует "рецепт эсеровской партіи" в дни революціи большевицкій изслѣдователь состоянія арміи в этот період Рабинович, пользуясь спеціальным сборником, который был выпущен в сентябрѣ 17 г. и излагал военную про-

грамму партіи. Основная причина неудачи 17 г. лежит таким образом в том, что на командных постах остались 800 старших офицеров, пропитанных "кастовым духом". Вождь партіи поддержал эту позицію и в своей исторической работѣ. "Армія может существовать только, как монолит" — рассуждает Чернов. "Старый режим создавал эту монолитность сверху, новому приходилось создавать ее снизу. Старый режим заставлял строевое офицерство и солдат равняться в умонастроении своем по командному составу; революція неизбежно перемѣнила роли: командный состав должен был равняться по армейской демократіи и очистить мѣсто новому командному составу, ею выдѣленному". "Смѣлое и широкое черпаніе" из среды рядового офицерства "для продвиженія вверх, выбор из него подлинных вождей революціонной арміи. Таков был бы рецепт настоящей революціонной власти. С этим лозунгом когда то "переорганизовали королевскую армію вожди великой французской революціи. Но правительство из людей цензовой демократіи... не могло пойти этим путем". "Его рецептура была компромисс"... Но *tertium non datur* — догматически провозглашает автор. "Все "третье" было лишь пустым топ-

таніем на одном мѣстѣ, тщетной попыткой примирить непримиримое. На такой попыткѣ и вышли в тираж люди новой власти". Чернов вспоминает, что французская революція разрубила гордіев узел очень просто — "святой гильотиной". Пережила кризис — "отсутствіе способных командовать" и "все же не погибла от него, но воскресла"; "равным образом в послѣдствіи не только не погибла, но и побѣдила... красная армія большевиков со своими новоиспеченными "краскомами" и со старыми военспецами, низведенными почти до роли экспертов при большевицких политкомах. Ибо и в арміях французской революціи и в красной арміи большевиков было преодолено то, с чѣм существованіе арміи совершенно несовмѣстимо: разлагающій ее дуализм и стихійная реакція на него в видѣ революціоннаго самоуправства".

Мы привели эти большія выдержки не потому, что утопическія построенія, в них данныя, заслуживали бы особливаго вниманія. Гораздо существеннѣй то, что онѣ изображают символ вѣры тѣх, кто судьбою были вознесены в дни революціи на командные политическіе посты — от них зависѣло в значительной степени правильное раз-

рѣшеніе вопросов, выдвигаемых жизнью. На революціонную утопію в свое время отвѣтил ген. Алексѣев — "нѣмцев не обманешь". Гинденбург не стал бы ждать того времени, когда неспособные "командовать" научатся военному дѣлу. Отвѣтил Алексѣев и другое — ссылки на революціонныя войны XVIII столѣтія уже потому неубѣдительны, что несравнимы техническія средства и приемы борьбы. Столь же неубѣдительны будут и эксперименты эпохи гражданской войны, от которых поспѣшили отказаться творцы русскаго междоусобія, как только прочно захватили власть. Только отвлеченная мысль, витающая в области предвзятых схем, могла строить проект реорганизациі арміи в дни міровой войны по "рецепту эсеровской партіи"[\[404\]](#). Надо сказать, что в солдатских "мозгах", в той некультурной сѣрой массѣ, которая волновалась, повидимому, не возникала такая мысль. Вот бытовая сцена, зарегистрированная дневником ген. Селивачева. 15 марта в 14-м Финл. стрѣлковом полку произошли волненія из-за нежеланія двух рот итти на работы. Начальник дивизиі рѣшил сам переговорить с упорствующими. В *дневник* он записал: ..."поздоровался с ними, поздравил с принятіем присяги и... предложил

разсказать мнѣ, как они понимают присягу. Вышел унт. оф., который весьма разумно доложил, что раньше они не знали, за что дерутся, так как дрались за нѣмцев и предателей родины, теперь же им ясно, что они дерутся за счастье свободной Россіи, и что долг каждаго — добиться побѣды. Я обратился к ротам и спросил, согласны ли они с объясненіем унт. оф., всѣ отвѣтили, что согласны. Тогда я сам разъяснил им, что такое долг, повелѣвающій им драться при всѣх условіях, и они обѣщали мнѣ работать безропотно. Затѣм я спросил их, слышали ли они, что нѣкоторые мутят слухами о выборѣ себѣ нач-ков. Так вот, чтобы объяснить им, в чем дѣло, я предлагаю вмѣсто себя выбрать нач-ка дивизіи, на что даю им / часа. Сам отѣхал в сторону переговорить с офицерами. Стали что-то говорить между собою. Через 15 минут, спросив, готово ли, подѣхал к ним и спросил, кого-же они выбрали себѣ нач-ком. Всѣ в один голос отвѣтили: "Вас, только вас". Я отвѣтил: "Спасибо вам, но за что же вы меня выбрали — вѣдь я и ругал нерѣдко крѣпко и строг был". Тогда они отвѣтили, что я всегда с ними, что они могут говорить со мной, что я все знаю, и что скажу, то так и надо дѣлать, что они вѣрят мнѣ. Тогда я разобрал им по очереди всѣ

эти свои достоинства и доказал, что для этого надо учиться, много работать и жить с ними, а посему им и трудно будет выбрать себѣ нач-ка... Люди успокоились, я поблагодарил за работу и любовь ко мнѣ и уѣхал"... Единственный примѣр, как ни характерен и ни красочен он был для революціонной обстановки по своей наивной простотѣ, ничего не говорит, но все таки он пріоткрывает краешек занавѣси, отдѣляющей изслѣдователя от быта и психологіи современников. Впрочем, не трудно было бы привести и другія аналогичныя иллюстраціи, почерпнутая из мемуарной литературы.

В условіях времени не риторическое *tertium non datur*, а "компромисс" был единственным путем разрѣшенія болѣзненных вопросов, связанных с реорганизаціей арміи. Но компромисс, договоренный с высшим командованіем, компромисс планомѣрный, а не в видѣ какой то внѣшней уступки бунтующей стихіи. Отсутствіе договоренности и продуманности, как всегда, было величайшим злом. Первый военный министр революціоннаго правительства сознавал необходимость произвести извѣстныя перемѣны в высшем командованіи — не в том катастрофическом масштабѣ и не по

тому, конечно, идеологическому рецепту, о которых говорили социалистическіе экспериментаторы. Неоперившійся еще Гучков пытается убѣдить уже 6-III Алексѣева в необходимости такого мѣропріятія. Указав Алексѣеву, что он единственный кандидат на пост верховнаго главнокомандующаго, Гучков продолжал по юзу: "Вы пользуетесь довѣріем Правительства и популярностью в арміи и народѣ. И то и другое вы можете в один миг удесятерить, приняв ряд рѣшеній. которыя будут встрѣчены с полным одобреніем и горячим сочувствіем страны и арміи... Но эти рѣшенія должны быть приняты *безотлагательно*". К таким рѣшеніям и относилась "мѣра устранения завѣдомо неспособных генералов". Лучше сдѣлать это "добровольно, чѣм под принужденіем". На возраженіе Алексѣева, что он, как нач. Штаба, таких мѣр принимать не может, ибо ему этого не предоставлено по закону, и что подобныя мѣры встрѣтятся с недостатком подходящих людей, а "замѣнить одного слабого таким же слабым — пользы мало". Гучков пояснил, что Правительству надо только знать "внутреннее рѣшеніе" генерала, и что он, Гучков, не согласен относительно "затруднительности найти даровитых генералов для замѣны

ряда бездарностей". "Такія новыя назначенія, — повторял министр, — произведенныя *с одною маха*, вызовут величайшій энтузіазм, как в арміи, так и в странѣ, и завоюют вам и новому правительству громадное довѣріе". Несочувствіе Алексѣева массовой генеральной чисткѣ командования "с одного маха" и служило, очевидно, одной из причин колебаній, которыя были у Правительства при назначеніи его верховным главнокомандующим [405]. Алексѣев был назначен только 2 апрѣля.

Военный министр начал чистку за свой страх и риск. Вопрос этот сразу возник на первом засѣданіи Особой Комиссіи под предсѣдательством ген. Поливанова, созданной военным министром для преобразованія армейскаго и флотскаго быта. И поднят он был, по словам Половцова, Энгельгардтом, заявившим, что "никакая реформа невозможна, пока не будут смѣнены нѣкоторые начальники". Очевидно, под влияніем этих рѣчей, Гучков и поспѣшил поставить перед Алексѣевым дилемму о массовом увольненіи генералов. Быть может, и рѣчи были инспирированы самим военным министром, ибо презумпція этой операціи,

получившей в военной средѣ траги-шутливое наименование "избіеніе младенцев", установлена была в общественной думской средѣ еще до революціи — в дни военных неудач в началѣ войны. В рѣчи на съѣздѣ делегатов фронта, накануне своего ухода из Правительства, Гучков вспоминал, что он "еще задолго до войны" указывал на неизбежную неудачу, если не будет измѣнен командный состав, подобранный по принципу "протекціонизма и угодничества". "Когда произошла катастрофа на Карпатах, я снова сдѣлал попытку убѣдить власть... но вмѣсто этого меня взяли под подозрѣніе". На августовском совѣщаніи (15 г.) прогрессивнаго блока, гдѣ изыскивались "способы побѣды", представитель правой части блока член Гос. Сов. Гурко говорил о необходимости "колоссальной перетряски" в командном составѣ — "нужно влить новые принципы" (запись Милюкова). О чисткѣ офицерскаго состава говорил и Шингарев в Гос. Думѣ — надо дать "и лучших учителей, и лучших командиров, и лучших вождей". Наконец, записка предсѣдателя Гос. Думы 16 г. представляла собой сплошное обвиненіе высшаго командованія... Таким образом "революціонная" чистка имѣла свои далекіе корни — революціонные кру-

ги, даже в крайнем теченіи, ограничивали тогда свои требованія устраненіем "безнадежно неисправимых" и "злостных реакціонеров" ("Правда").

Гучков пошел по проторенному пути 1905 г. Как утверждает Деникин, дежурному генералу при Ставкѣ Кондзеровскому военным министром поручено было составить список старших начальников с краткой аттестаціонной отмѣткой по имѣвшимся матеріалам. Так создался тот проскрипціонный список, который в Петербургѣ среди военных получил хлесткое названіе — "мерзавки". Половцов, принадлежавшій к числу "младотурок"[\[406\]](#), близко стоявших к военному министру, описал "систему мерзавки": выписаны были фамиліи корпусных командиров и начальников дивизій с шестью графами; первыя пять заполнялись оцѣнками, которыя давались различными гучковскими собесѣдниками, пользовавшимися довѣріем, а в послѣдней графѣ дѣлался общій вывод по большинству голосов: "достоен выдвигенія", "может остаться", "подлежит изгнанію". Деникин рассказывает, что, когда он посѣтил военного министра 23 марта, тот предложил сдѣлать соотвѣтствующія отмѣтки против фамилій извѣст-

ных ему генералов. "А позднѣе — добавляет мемуарист — послѣ объѣзда Гучковым фронта, я видѣл эти списки, превратившимися в широкія простыни с 10-12 графами". При такой системѣ оцѣнки генеральской благонадежности — и политической и военной, терялся, конечно, какой-либо объективный критерій. Хорошо, когда "политическія обвиненія" совпадали с отрицательными "боевыми качествами". Но могло быть и другое.

Совершенно очевидно, что Алексѣев никакого активнаго участія в этой чисткѣ не принимал, хотя официальное Телегр. Аг. сообщало 21 марта, что вр. исп. долж. верх. главнок. даны широкія полномочія "для омоложенія и освѣженія высшаго командованія в арміи". Позднѣе в іюнѣ в письмѣ к ген. Скугаревскому сам Алексѣев так оцѣнивал пресловутую "мерзавку": "рука великаго "реформатора" арміи Гучкова вымела из наших рядов в наиболѣе острую и критическую минуту около 120 генералов (Деникин и Врангель эту цифру доводят до 150) на основаніи болѣе, чѣм сомнительных, аттестацій анонимных "талантливых полковников и подполковников". "Реформатор" мечтал освѣжить командный состав и вызвать "небывалый подъем

духа в арміи". Послѣдняго не случилось, к несчастью, а вреда сдѣлано не мало". В известном письмѣ к Родзянко 25 іюля, перечисляя необходимый мѣры для восстановленія дисциплины. Алексѣев добавлял: "не мѣнять, как капризная и богатая женщина бросает перчатки, начальников, гоните слабых, не оказавшихся на высотѣ своего назначенія в бою, но не гоните по тайным, мутным аттестаціям, как сдѣлал это Гучков. Он подломил состав начальников, мечтая вызвать в арміи взрыв энтузіазма массовым изгнаніем".

В концѣ концов, достигла ли эта чистка своей цѣли? Позднѣйшій отзыв Алексѣева, находившагося в то время в довольно рѣзкой оппозиціи к Правительству, может быть заподозрѣн в своем безпристрастїи. В общем, по мнѣнію Половцова, картина по проскрипціонному списку получилась "довольно правильная". Но кто сможет это подтвердить без предварительнаго разбора cadaго отдѣльнаго случая? Вот примѣр. Оговариваюсь, что у меня нѣт данных для сужденія о военных дарованїях ген. Литвинова, командовавшаго 1-ой арміей. Внѣшнія обстоятельства, как будто говорили за него. Армія его спокойно встрѣтила переворот,

что часто во многом зависѣло от командующаго. Поверхностный мемуарист Половцов объяснил — это потому, что армія Литвинова в "таких болотах, что до них революція не дошла, а вот у "бѣднаго Драгомирова" в Двинскѣ "плохо". Картина представляется иной, если обратиться к коллективному заявленію офицеров 1-ой арміи в петроградскій Совѣт (опубликовано было в газетах 25 марта), в котором, между прочим, говорилось: "Мы присягнули Врем. Правительству... Братья — рабочіе и солдаты — петроградскаго Совѣта... Просим, не мѣшайте нам исполнять свой долг и помогайте нам снарядами... Не создавайте двоевластія"... Очевидно, в Пинскія болота революція докатилась и была, как будто бы, правильно воспринята. А вот ген. Литвинов при свиданіи с военным министром в Псковѣ 11-го "брюзжал, фрондировал и производил крайне невыгодное впечатлѣніе" по характеристики Болдырева. Литвинов предложил Болдыреву пост нач. штаба арміи. Болдырев воздержался от "окончательнаго отвѣта, предчувствуя отчисленіе самого Литвинова". Он не ошибся — оно было опубликовано в газетах уже 14-го.

Сам Гучков и указанной рѣчи 29 апрѣля оцѣнил итоги "чистки" весьма положительно: ..."Я сознавал, — говорил он, — что в данном случаѣ милосердія быть не может, и я был безжалостен по отношенію к тѣм, которых я считал не подходящими. Конечно, я мог ошибаться. Ошибок, может быть, были даже десятки, но я совѣтовался с людьми знающими и принимал рѣшенія лишь тогда, когда чувствовал, что они совпадают с общим настроеніем". Гучков был увѣрен, что провозглашеніе лозунга: "дорога талантам", не считаясь с іерархіей, "вселило в души всѣх радостное чувство, заставило людей работать с порывом вдохновенія"... Деникин признает, что Гучков был прав в том отношеніи, что армія страдала и "протекціонизмом и угодничеством", и что "командный состав не всегда был на высотѣ своего положенія", отмѣчает и Врангель, что среди уволенных было "много людей недостойных и малоспособных", "сплошь и рядом державшихся лишь от того, что имѣли гдѣ-то руку". Однако, в данном случаѣ легко впасть в гиперболу, что и случилось, напр., с Черновым, как историком революціи. Он увѣряет уже, что "нѣтъ ни одного серьезнаго военнаго писателя, который не рисовал бы состояніе русскаго

команднаго состава, иначе, как в видѣ каких-то авгiевых конюшен, для очистки которых нужны были не гучковскія, а геркулесовскія силы". С предосторожностью автор не назвал военных писателей, из трудов которых он позаимствовал свои слишком категорическіе выводы. В другом мѣстѣ он ссылается на в. кн. Ник. Мих., на Верховскаго и Головина. Надо признать, что отмѣтки вел. князя-историка в дневникѣ вообще поразительно скоропалительны и тенденціозны. Верховскій в "Россія на Голгофѣ" слишком приспособляется к своей революціонной позиціи, а Головин чрезмѣрно субъективен в личных характеристиках. Работа Чернова выпущена в 31-м году; через нѣсколько лѣтъ у того же Головина он мог бы найти нѣсколько другую оцѣнку: "Три года тяжелой войны способствовали подбору в русской арміи к 1917 г. вполне удовлетворительнаго команднаго состава". (Вѣроятно, командный состав русской арміи был приблизительно такой, как вездѣ во всем мірѣ, не исключая и стран с демократическим политическим строем).[\[407\]](#).

Необходимость переменъ в командованіи ощущалась очень остро с перваго дня революціи. На

необходимость эту указывали в своих отчетах, как мы видѣли, всѣ посланцы думскаго Комитета на фронт. То была, дѣйствительно, очередная задача. "Чистка являлась необходимой и по мотивам принципиальным и по практическим соображеніям" — признает Деникин. Но дѣло было в методах, примѣненных военным министром (отчасти, вѣроятно, в силу личных свойств: Гучков склонен был к закулисным приѣмам дѣйствія) и в том масштабѣ, в каком осуществлялась "чистка". С чувством какой-то гордости или непонятнаго самодовольства Гучков подчеркнул в апрѣльской рѣчи, что "в теченіе короткаго времени в командном составѣ арміи было произведено столько перемѣн, каких не было, кажется, никогда ни в одной арміи"[\[408\]](#). Чистка "с одного маха" могла имѣть политическое показательное значеніе лишь по тому психологическому впечатлѣнію, которое она произведет на массу. В цѣлях стратегических демонстрацій сама по себѣ она была, конечно, не нужна — здѣсь проще без осложненій могла бы достигнуть большаго непосредственно Ставка соотвѣтствующими перемѣнами в командном составѣ. В имѣющихся публикаціях нѣтъ достаточно-го конкретнаго матеріала для опредѣленія того,

как реагировало строевое офицерство на гучковскую "мерзавку", открывавшую путь "талантам", минуя іерархическую лѣстницу. Для рядовой солдатской массы, вѣроятно, важнѣ всего были взаимоотношенія с непосредственным начальством, и поэтому большого значенія не могли имѣть тѣ отдѣльныя письменныя и устныя заявленія, которыя доходили до военного министра и Исп. Комитета и требовали устранения представителей высшаго командованія[409]. Таким образом *условія* , при которых было осуществлено революціонное *заданіе* , в конечном результатѣ могли имѣть только отрицательное вліяніе[410]. Они нарушили атмосферу единенія между Правительством и верховным военным командованіем, столь необходимаго в эпоху реформированія "армейскаго и флотскаго быта".

3. Поливановская Комиссія.

Приказ № 114.

Нѣтъ, кажется, мемуариста из числа видных военных, который не помянул бы дурным словом "недоброй памяти" (слова Алексѣева на Гос. Сов.)

Поливанонскую Комиссію и ея дѣятельность. Она содѣйствовала разложенію арміи своим потворством демагогіи людей, которые или не понимали "психологію арміи" или сознательно стремились к ея уничтоженію. Она шла на поводу совѣтских демагогов. Она "холопски" ухаживала за солдатами, по выраженію дневника Куропаткина. Однако, в оцѣнку ею разработанных мѣропріятій по "демократизаціи арміи", осуществленіе которых началось в министерство Гучкова, привносится слишком много из позднѣйших переживаній и многое из того, что было, рѣшительно забывается. Касаясь *мартовскаго* періода революціи, приходится внести много поправок к утвержденіям мемуаристов и историков — о "пресловутой комиссіи" Поливанова и о "нелѣпых реформах" Гучкова (Керенскій в "Дѣлѣ Корнилова"). Надо прежде всего отказаться от тенденціи, к которой излишне склонен Деникин, всѣх сторонников демократизаціи арміи относить к числу демагогов и оппортунистов[411]. Возражая на посмертныя воспоминанія Гучкова, Деникин особенно определенно высказался: в арміи были "люди долга и приспѣшники революціи" — сам Гучков дал повод для такого высказыванія, характеризуя генералов, пытавшихся итти с пра-

вительством, "революціонными карьеристами".

Психологія отношенія к революціонным событіям болѣе сложна, чѣм это хотят изобразить пуристы мысли. Она не может быть разложена в отношеніи военных по элементарному масштабу монархических симпатій Шульгина: на "лучших", которые гибнут, и "худших", которые приспособляются. Можно преклониться перед людьми, гибнущими за свои идеи, хотя бы и чуждыя эпохѣ; можно с уваженіем отнестись к цѣльности натуры гр. Келлера, не пріявшаго революціи и ушедшаго в отставку; можно проникнуться величайшей симпатіей к прямолинейности людей, не способных итти на компромиссы — к таким, несомнѣнно, принадлежал один из наиболѣе грозных, ярких и послѣдовательных обличителей "демагогов" и "оппортунистов" ген. Деникин. Но сочувственная персональная оцѣнка далеко не равнозначуща признанію объективнаго факта цѣлесообразности поведенія тѣх, которые во имя "долга" безнадежно оставались на старом берегу. Ген. Деникин лично к числу таковых, конечно, не относится. "Да, революціи отмѣнить нельзя было" — пишет он в своих "Очерках". "Я скажу болѣе: то многочисленное рус-

ское офицерство, с которым я был единомышлен, и не хотѣло отмѣны революціи. Оно желало, просто требовало одного: прекратить, революціовизированіе арміи сверху. Другого совѣта никто из нас дать не мог".

Здѣсь нѣкоторая невольная игра словами, ибо "революція" неизбѣжно требовала и "революціонизированія арміи" — именно "сверху". Без этого темный, некультурный народ стал бы, несомнѣнно, добычей демагогіи, но демагогіи уже правой. Тот, кто хотѣл избѣжать кровавой реставраціи, тот, кто считал происшедшій переворот исторической необходимостью, должен был "революціонизировать" народ. И каждый приказ высшаго начальства, говорившій в тѣ дни о свободѣ, о задачах и цѣлях новаго политическаго строя, фактически революціонизировал армію. Ген. Деникин, как и вся либеральная (или вѣрнѣе консервативно—либеральная) общественность, под революціей понимал лишь политическій переворот. В дѣйствительности, как не раз уже подчеркивалось выше, происходило нѣчто болѣе глубокое, захватившее всѣ стороны соціального и культурнаго быта народа. С этим нельзя было не считаться, и это должно

было опредѣлять линію поведенія всякаго сознательнаго русскаго гражданина, способнаго свои соціальныя или иныя привилегіи принести в жертву интересам Россіи и народа. Чувство отвѣтственности — ея, к сожалѣнію, было, дѣйствительно, слишком мало — должно было заставить и революціонную идеологію в точном смыслѣ слова приспособляться к реальным національным и государственным интересам. Имѣются предѣлы осуществимаго для каждаго отрѣзка времени. Они опредѣляются потребностями и сознанием народа. Когда искусственное "революціонизированіе сверху" не считается с этим сознанием, оно становится своего рода общественным преступленіем.

Приведенныя сентенціи, быть может, нѣсколько элементарны: онѣ имѣет цѣлью вновь и вновь отмѣтить, что в реальной жизни всегда метод стоит на первом планѣ. Все дѣло в том, как люди инакомыслившіе приспособлялись к революціи. Люди всегда останутся людьми, со всѣми своими достоинствами и недостатками — во всѣх профессіях, сословіях и классах: офицерскіе кадры не представляли вовсе собой какую-то "обособленную соціально-психическую группу". Ген. Рузскій, как

мы видѣли, явился на парадъ в Псковѣ 5 марта с императорскими вензелями на погонахъ, и один выдѣлялся среди всей толпы — его сопровождали оваціей; полк. Цабель из императорской свиты по собственной инициативѣ спорол вензеля и оказался одиноким даже среди своих собственных солдат на аналогичном парадѣ в Ставкѣ. "Общей трусостью, малодушіем и раболѣпіем перед новыми властелинами многіе перестарались", — утверждает Врангель, рассказывающій, припомним, как он в Петербургѣ "постоянно ходил по городу пѣшком в генеральской формѣ с вензелями Наслѣдника Цесаревича на погонахъ... и за все время не имѣл ни одного столкновенія". Возможно, что и "перестарались". Но не всегда это только "малодушіе" и даже не инстинкт, заставлявшій индивидуума сливаться с массовым настроеніем и, быть может, нацѣплять "красный бант". Среди возбужденной толпы эмоціи приходилось подчинять доводам разума для того, чтобы избѣжать эксцессов — всегда вредных, всегда опасных. Врангель рассказывает, как он 17 марта в день полкового праздника Амурскаго казачьяго полка, когда на парадѣ вмѣсто привычных боевых сотенных значков увидѣл красные флаги и был встрѣчен марсельезой вмѣ-

сто полкового марша, демонстративно реагировал на "маскарад", заявив, что не желает сидѣть под "красной юбкой" [412] и пить традиционную чарку во славу Амурскаго войска. "Недовольство" в полку не привело в данном случаѣ к осложненіям — это всетаки было среди казаков, болѣе консервативно настроенных. Сколько раз игнорированіе со стороны команднаго состава на фронтѣ "красной тряпки", так или иначе сдѣлавшейся символом революціи, приводило к серьезным столкновеніям и ставило перед начальством опасныя испытанія сохраненія дисциплины в частях. Может быть, ген. Шольц, упоминавшійся в записи Селивачева, вынужден был нѣсколько демонстративно устраивать манифестаціи сочувствія перевороту для того, чтобы доказать, что он "не нѣмец". "С этим обстоятельством (т. е. с подозрительным отношеніем к внутреннему "нѣмцу") приходилось сильно считаться в виду настроенія солдат" — должен признать строгій Деникин, рассказывая, как Алексѣев и он вынуждены были отказаться от полученнаго заданія, так как у единственнаго подходящаго кандидата для выполненія отвѣтственнаго порученія фамилія была нѣмецкая. Приспособленіе очень часто являлось тѣм "тяжелым долгом",

тѣм "крестом, который каждый должен (был) взять на себя и нести его безропотно". Генерал, внесшій только что приведенныя слова в дневник от 13 марта (большой противник "демократизаціи" арміи, скорбѣвшій о том, что "хам"[\[413\]](#) идет в армію), с горестью должен был через 5 мѣсяцев записать: "до чего исподлились, до чего исхамились мы, старшіе. начальники, при новом революціонном режимѣ". Компромисса с совѣстью властно требовала жизнь — в этом было и оправданіе его.

* * *

С такими оговорками и подойдем к краткому обзору тѣх мѣропріятій по реформѣ военного быта, которыя были осуществлены в мартѣ. Окончательный итог дѣятельности того "рокового учрежденія", печать котораго, по мнѣнію Деникина, — лежит рѣшительно на всѣх мѣропріятіях, погубивших армію[\[414\]](#), т. е. Особой Комиссіи под предсѣдательством Поливанова, может быть подведен только при разсмотрѣніи всѣх послѣдующих явленій в жизни арміи, связанных с общим ходом революціи.

5 марта был опубликован приказ (№ 114) по во-

енному вѣдомству, включавшій в себя четыре пункта:

1) Отмѣнялось наименованіе "нижній чин" и замѣнялось названіем "'солдат";

2) Отмѣнялось титулованіе и замѣнялось формой обращенія: г-н генерал и т. д.;

3) Предписывалось всѣм солдатам, как на службѣ, так и внѣ ея, говорить "вы";

4) Отмѣнялись всѣ ограниченія, установленныя для воинских чинов и воспрещавшія куреніе на улицах и в общественных мѣстах, посѣщеніе клубов и собраній, ѣзду внутри трамваев, участіе в различных союзах и обществах, образуемых с политическими цѣлями.

Содержаніе приказа военнаго министра было выработано в первом же засѣданіи Поливановской комиссіи, офиціально сконструировавшейся лишь на другой день (Половцов утверждает, что и самый текст, написанный Пальчинским, был принят Комиссіей). Комиссія "демагогов" состояла не только из "младотурок" ("талантливых полковников и подполковников" — Якубовича, Туманова, Туган-Барановскаго и близких им Бела-

бина, Лебедева, Андогскаго и др.), но и заслуженных генералов — Поливанова, Мышлаевского, ак. Стеценко, Аверьянова, Архангельскаго, Михневича (последній присутствовал, во всяком случаѣ, в засѣданіи 4-го), болѣе молодых генералов — Аносова, Каменскаго, Потапова, Рубец-Масальскаго, членов военной комиссіи Врем. Комитета Савича и Энгельгардта, инж. Пальчинскаго, кап. I ранга Капниста (из "кружка" Рейнгартена). В Комиссіи был поднят, но не разрѣшен еще вопрос об отданіи чести и взаимном привѣтствіи чинов арміи.

Приказ № 114, в дѣйствительности довольно "скромный" по своему внутреннему содержанию, через Ставку был для отзыва сообщен командующим арміями. Это было сдѣлано по инициативѣ самой Ставки, при чем предлагалось командующим запросить мнѣніе начальников отдѣльных частей (вплоть до командиров полков) и направить отвѣты непосредственно в министерство, "дабы военный министр, а с ним и Правительство услышали голос всего офицерскаго состава арміи". Шляпников, имѣвшій возможность пользоваться недоступным нам архивным матеріалом, приводит нѣкоторые из этих отзывов. Главком Сѣвернаго

фронта высказался сам очень опредѣленно: приказ "возраженій не вызывает. Считаю невозможным теперь внесеніе в него каких-либо измѣненій в сторону отнятія или ограниченія уже *предоставленных* прав, так как это может вызвать нежелательный послѣдствія и потерю налаживающагося довѣрія. По вопросу об отданіи чести присоединяюсь ко второму рѣшенію Комиссіи ген. Поливанова, т. е. полагаю желательным сохранить взаимное, привѣтствіе внѣ службы между всѣми военнослужащими в военной формѣ". Брусилов полагал, что в вопросѣ об отданіи чести возможно отмѣнить "становку во фронт", но безусловно необходимо сохранить прикладываніе руки к козырьку, как общій порядок отданія чести во всѣх случаях, как взаимное привѣтствіе военнослужащих. Признавал главком Юго-Зап. фронта "безусловно вредным" участіе нижних чинов в союзах "с политической цѣлью" — "вмѣшательство арміи в политику, помимо разлагающаго вліянія на необходимую ей дисциплину... всегда будет одной из угроз твердости государственной власти". Командиры отдѣльных частей в общем отвѣтили, как и главнокомандующіе. Любопытно, что сводка мнѣній команднаго состава Особой арміи (т. е. гвардейской

преимущественно), переданная военному министру 21-го, признавала желательной отміну всѣх бытовых ограниченій, производимую приказом № 114. Возраженіе касалось лишь политической жизни арміи, при чем командный состав двух корпусов высказался положительно и в этом отношеніи, при условіи недопустимости собраний на фронтѣ в предѣлах расположенія частей. Однако всѣ дѣлали одно изъятіе: "исключительность переживаемаго момента требует, в видѣ изъятія из правил участія арміи в выборах в Учр. Собрание и в опредѣленіи через своих представителей образа правленія, но на этом и должна закончиться политическая жизнь арміи". Довольно характерен по своей мотивировкѣ отзыв ген. Крейнс, начальника сводной пограничной пѣхотной дивизіи, находившаго, что отміна ограниченій связанных с политической жизнью арміи, "невыгодна даже для демократической республики". "При полной демократической республикѣ, — писал Крейнс, — нельзя запрещать даже реакціонных политических кружков, желающих возвращенія самодержавія, иначе полной свободы не будет, а измѣнится форма, а не суть. Нельзя тогда запрещать и пропаганду пацифистов, ...а их у нас немало. Если же запретить

крайнія теченія, т. е. пропаганду пацифістов, автократическаго правленія и анархизма, то для наблюденія за выполненіем сего, необходимо опять, хотя бы в иной формѣ, ввести Охранное Отдѣленіе жандармеріи, столь ненавистой всѣм — тогда опять будет измѣненіе формы, а не сущности в нашем строѣ. Если полная политическая свобода, то ею пользоваться должны всѣ граждане страны, а армія, гдѣ граждане находятся временно, должна быть внѣ политики, она обязана принять ту форму правленія и поддерживать ее в крайности силою оружія, которую установил народ, будь то конституціонно-монархическое правленіе или республиканско-демократическое — безразлично". "Неужели всѣ забыли или не знают психологію массы, — как легко ее повести в какую угодно сторону под впечатлѣніем минуты, конечно, талантливому вождю, военному или народному — безразлично. Солдаты сознают и хорошо сознают, к чему направлены всѣ эти льготы. Они знают, что этим хотят привлечь их великую силу для борьбы с опасностью реакціи, к которой они не пожелают вернуться без этого"...

Сама Ставка, не дожидаясь отвѣтов из арміи, не-

медленно же реагировала на приказ военного министра. 7-го была послана официальная телеграмма за подписью Лукомскаго, от имени нач. Штаба верховнаго главнокомандующаго. Ставка присоединялась относительно отданія чести к установленію взаимнаго привѣтствія при условіи, что первым привѣтствовать должен обязательно младшій[415]. В Ставкѣ также считали "совершенно недопустимым" участие солдат в политической жизни. "В настоящее время, — говорила телеграмма Ставки, — армія признала государственный переворот за совершившійся факт, признала новое правительство, и надо, чтобы она оставалась спокойной, пока не будет налажено новое государственное строеніе, и *ея мысли* (курсив мой) не были заняты политическими вопросами. Мы, всѣ начальники, с своей стороны приложим всѣ силы к тому, чтобы армія свято выполнила свой долг перед родиной в борьбѣ с врагом, но необходимо не забывать, что в противном случаѣ, голос арміи может быть грозен, и в какую сторону выльется движеніе в арміи — предвидѣть трудно. Во всяком случаѣ, втягиваніе арміи в политику приведет к тому, что будет невозможно продолжать войну"...

Раздѣлял ли лично Алексѣев такой нежизненный в обстоятельствах момента военный ригоризм в отношеніи "политики", который проявился в официальной телеграммѣ Ставки от имени нач. Штаба? В дневникѣ полк. Пронина говорится, что Алексѣев "непосредственно" послал военному министру тот отзыв, который в дѣйствительности являлся официальным отвѣтом Ставки — поэтому и отправлен был за подписью Лукомскаго. И хотя телеграмма говорила подчас уже извѣстными нам словами Алексѣева (была ссылка, напр., на французскую революцію и пр.), тѣм не менѣе приходится заключить, что личное мнѣніе Алексѣева цѣликом не совпадало с официально выраженным ригоризмом. По крайней мѣрѣ через четыре дня в разговорѣ с председателем Совѣта Министров Алексѣев говорил: "В боевых линіях, в громадном большинствѣ частей совершенно спокойно, настроеніе, хорошее... Далекое не в таком положеніи находятся войсковыя части и запасныя полки войскового тыла: бѣдность в офицерском составѣ, энергичная агитація дѣлают свое дѣло... Веду переговоры с главнокомандующими об организаціи особых комитетов с участіем в их составѣ наиболѣе надежных и умѣренных представителей

Совѣта Р. Д., работников Земгора и офицеров. Желательно, чтобы эти комитеты объѣхали войсковыя части, установили связь между войсками и Совѣтом Депутатов и были готовы, при возникновеніи гдѣ-либо броженія командировать своих членов для разьясненія и бесѣд с солдатами. Лично у меня такая организація сложилась.... Как только получу всѣ отвѣты, пойду к вам с представленіем в надеждѣ, что вы поддержите эту мысль. Равным образом я просил бы назначить комиссара Врем. Правительства для пребыванія в Ставкѣ и для установленія нравственной и дѣловой связи между Штабом и Правительством". Интересно отмѣтить, как этот призыв Алексѣева к главнокомандующим фронтов преломился в воспоминаніи современника, сдѣлавшагося вскорѣ ближайшим помощником Алексѣева. "В половинѣ марта — пишет, Деникин — я был вызван на совѣщаніе к командующему 4-й арміей, ген. Рагозѣ... Нам прочли длинную телеграмму ген. Алексѣева, полную безпросвѣтнаго пессимизма о начинающейсѣ дезорганизаціи правительственнаго аппарата и развалѣ арміи; демагогическая деятельность Совѣта Р. и С. Д., тяготѣвшая над волей и совѣстью Врем. Правит., полное безсиліе послѣдняго; вмѣшательство

обоих органов в управление, арміей. В качествѣ противодѣйствующаго средства против развала арміи, намѣчалась... посылка государственно-мыслящих делегатов из состава Думы и Совѣта Р. и С. Д. на фронт для убѣжденія... На всѣх телеграмма произвела одинаковое впечатлѣніе: Ставка выпустила из своих рук управление арміей".

Как в дѣйствительности представляли себѣ дѣло подлинныя противники "политики" в арміи, видно из рапорта старших офицеров 52-й пѣх. дивизіи, поданнаго 9 марта за подписью 17 начальников командующему 8-ой арміей, т. е. ген. Каледину. Для них революціи вообще нѣтъ, есть только высочайшій манифест 3-го марта, по которому верховная власть передана Временному Правительству. Их рапорт — протест против единоличных дѣйствій военнаго министра из штатских, которому чужды потребности моральных свойств арміи и который под давлением Совѣта реформирует армію в "духѣ соц.-дем. партіи", цѣль которой уничтожить армію и, слѣдовательно, возможность самостоятельнаго существованія русскаго народа. Приказ Гучкова — это "раскрѣпощеніе нижних чинов", что должно породить "чувство озлобленія

и ненависти" к офицерскому составу. Рапорт полагал "безотлагательными", между прочим, слѣдующія мѣропріятія: внутренній уклад арміи оставить неприкосновенным, не допуская в ней политики, агитаціи политических партій... (перед лицом смерти в окопах и в полѣ бок о бок друг с другом офицеры и солдаты давно друзья и братья, и не понимающія этого лица, стоящія во главѣ управления, но далекія от дѣйствительной жизни арміи, вносят своими приказами и воззваніями нежелательную и пагубную рознь в военную семью); подтвердить от лица Правительства смертную казнь по возвращеніи послѣ заключенія мира всѣм тѣм, кто отдается; добровольно в плѣн; дезертиров карать за первый побѣг физическим наказаніем, за второй — смертной казнью; усиленіе наказаній для нарушителей дисциплины... Самое удивительное то, что рапорт требовал "возстановленія порядка в странѣ без всякаго кровопролитія".

Рапорт, очевидно, был переслан в Ставку, и его составителям был преподан политическій урок в видѣ письма ген. кварт. Лукомскаго 20 марта на имя ген. Каледина. "Вполнѣ присоединяясь к принципиальной точкѣ зрѣнія и мнѣнію, выражен-

ному старшими офицерами 32-ой пѣх. дивизіи", — начиналось письмо, — "должен сообщить, что, по видимому, они не совсѣмъ правильно рисуют себѣ обстановку, при каких условіяхъ возникло и принуждено в настоящее время работать Врем. Правительство". Затѣмъ Лукомскій, дав краткое и ясное изложеніе политическихъ причин, приведшихъ къ перевороту, и условій, при которыхъ возникло правительство, продолжал: "И в настоящее время встать в явную оппозицію и принять какія-либо рѣшительныя мѣры противъ Совѣта Р. и С. Д. было бы крайнимъ абсурдомъ со стороны Врем. Прав., и послѣднему необходимо *согласовать свои распоряженія съ требованіями момента*. Безспорно, что мѣропріятія Врем. Прав., касающіяся взаимоотношеній между офицерами и солдатами, такъ рѣзко нарушающія вѣковой укладъ внутренней жизни арміи, не могутъ безболѣзненно не отразиться на послѣдней. Задача переживаемаго момента настоятельно требуетъ, чтобы этотъ болѣзненный процессъ арміи прошелъ постепенно, безъ сильныхъ потрясеній и в соотвѣтствіи съ новымъ государственнымъ строемъ. Чрезвычайно полезно в дѣлѣ правильнаго пониманія и объясненія событій текущаго момента государственной жизни организовать *особые*

комитеты из выборных офицеров и солдат, в коих офицеры, входя в нужный контакт с солдатской массой в лицѣ ея довѣренных представителей, не стѣсняемых в эти моменты совмѣстнаго обсуждения дисциплиною, могли бы нравственно на них воздѣйствовать и в полной мѣрѣ проявить силу своего моральнаго, умственнаго и чисто военнаго авторитета. Выдвигать же, в настоящій переходный момент, в виду предстоящих операций и беспокойнаго положенія тыла, какіе либо лозунги, идущіе вразрѣз с политикой Врем. Прав., было бы актом политическаго безумія, свидѣтельствующаго лишь о том, что обстановка, нынѣ создавшаяся в странѣ, не ясна. Всякія рѣзкія мѣры и требованія в настоящее время могут погубить все и создать лишь кошмарное кровавое междоусобіе и, как слѣдствіе, подчиненіе Германіи.... Когда угар пройдет, то, естественно, можно будет принять ряд мѣр для укрѣпленія в арміи дисциплины, но пока надо напрягать всѣ силы к тому, чтобы армія перенесла тяжелую болѣзнь и окончательно не развалилась. Временное Правительство и, в частности, военный министр, отлично понимают положеніе и, дѣлая уступки в измѣненіях уклада внутренней жизни арміи, дѣлают лишь то, *чего из-*

бѣжать теперь нельзя ".

"Рапорт" начальников 32 пѣх. див., конечно, не был одиноким. В матеріалах, напечатанных Шляпниковым, имѣется еще обращеніе офицеров 3-го сиб. горно-артил. дивизиона, примыкавшее к лозунгу: "арміи внѣ политики". "Первый приказ министра" — утверждало это обращеніе — "роет пропасть между солдатами и офицерами, которой не было, ибо вопрос о взаимоотношеніях строго регламентировался уставом". Теперь "в сознаниі полуграмотнаго, а подчас и совсѣм неграмотнаго солдата полный сумбур". "Мы, офицеры, с самага начала великих событій для Россіи, сумѣли сплотить вокруг себя солдат, но уже сейчас наша работа сведена к нулю. "Вы" или "ты", это — первое яблоко раздора, которое брошено в нашу тѣсную и дружную военную семью, этим самым нашему единенію с солдатами положен конец. Солдаты поняли это, как ограниченіе власти офицера, — офицера, который в бою имѣет право жизни и смерти. Его авторитет подорван... Не станем скрывать, что не одни германскіе и австрійскіе офицеры идут с револьверами сзади атакующих цѣпей, приканчивая слабых духом — каждый наш рот-

ный, и батальонный, и полковой командир имѣет на своей совѣсти не одну жизнь... Мы, близко стоящіе к бою, считаем это явленіе нормальным... Судите же сами, какой пустяк "ты" или "вы" по сравненію с ужасом войны"... "Ваш второй приказ нарушает давнишнюю традицію корпуса офицеров русской арміи. До сих пор в своей средѣ мы не имѣли офицеров-евреев. Нація, заклеившая в эту войну себя на наших глазах клеймом позора !.. Если вы не видѣли, как каждый еврей старался сдаться в плѣн и передать противнику наши военныя тайны, то мы знаем достаточное количество таких примѣров... Эти мѣры — второе яблоко раздора, брошенное вали в нашу среду". "Вы" и "евреи" единственно конкретный матеріал, на котором останавливается "обращеніе", повторяющее слова, нѣкогда направленные Милюковым в адрес стараго правительства: "Что это — глупость пли измѣна?" Авторы "обращенія" отвѣчают, что это "недостаточное знаніе русской арміи" и ставят своей задачей открыть министру "глаза на суть дѣла".

Тему о безграмотных поднимает и "памятная записка" ген. лейт. Циховича (XII армія), помѣченная 12 марта. Она проникнута другим на-

строением. Автор, повидимому, был искренним сторонником происшедшей перемен, покончившей с "кошмаром распутинских и протопоповских вакханалій", подавшей надежду, что "теперь всѣ силы страны будут обращены на борьбу с внѣшним врагом". Мало того, он сумѣл сохранить в своей части "дух и дисциплину" (отзыв Куропаткина). "Увѣренно скажу, — писал Цихович, — что арміи, равной нашей, не было в мірѣ... Армія наша была и есть несравненной... Введение в армію политики на глазах наших её разѣдает... Политика поглотила теперь все... Роковая ошибка та, что началась спѣшная ломка арміи, сильной до того, — ломка исключительно в угоду политикѣ и на основаніи теорій, пригодных, может быть, для Швейцаріи, но вредных для такого государства, как наше, и при сложной политической обстановкѣ, его окружающей... То, что нам прививают, было бы хорошо, если бы армія состояла сплошь из интеллигентов, окончивших университет. Но вѣдь у нас 75% крестьян, и почти половина в ротѣ неграмотные. Всѣ новыя реформы непонятны и даже такая невинная, как переход с отеческаго "ты" на чуждое нашему крестьянству иностранное "вы", вызывает улыбки и взаимную неловкость". Мотив этот в

рѣшеніи вопроса о переходѣ на обращеніе на "вы" повторяется очень часто. Врангель излагал его Милюкову при посѣщеніи Петербурга, когда военный министр был в отсутствіи: "русскій простолюдин сызмальства привык к обращенію на "ты" и в таком обращеніи не видит для себя обиды". Всегда однако забывали при этом прибавить, что в деревенском быту и барин именовался на "ты".

Вліяніе Алексѣева на отвѣт, посланный 32 пѣх. дивизіи, очевидно. Позиція, обрисованная в этом документѣ, находится в явном противорѣчій с офиціальным заключеніем, которое 7-го Ставка послала в военное министерство по поводу приказа № 114. Противорѣчіе можно объяснить тѣм, что корректный и щепетильный Алексѣев, занимая формально пост лич. нач. штаба при руководящем направленіи в. кн. Ник. Ник. [\[416\]](#), не считал себя в правѣ в офиціальном документѣ, отправленном в центр, проводить личный взгляд и в отвѣтѣ пытался дать объективную сводку главенствовавших в арміи или в Ставкѣ мнѣній.

Рапорт старших офицеров 32 пѣх. дивизіи требовал от военного министра проведенія законов о реформѣ арміи только с одобренія Военного

Совѣта и санкціи Гос. Думы. Послѣднее требованіе являлось послѣдствіем той путаницы в умах, которую породила (см. ниже) неясная конструкція Врем. Правительства; первое же требованіе было выполнено. Военный Совѣт к Петербургѣ из старших генералов — "якобы хранитель опыта и традицій арміи", по выраженію Деникина — в засѣданіи 10 марта, выразил "полную свою солидарность с тѣми энергичными мѣрами, которыя Врем. Пр. принимает в отношеніи реформы наших вооруженных сил, соотвѣтственно новому укладу жизни в государствѣ и арміи, в убѣжденіи, что эти реформы наилучшим образом будут способствовать скорѣйшей побѣдѣ нашего оружія и освобожденію Европы от гнета прусскаго милитаризма"...

Приказ № 2.

Итак, в военной средѣ Гучкова упрекали за то, что он дѣйствует под вліяніем Совѣта, а в протоколах Исп. Ком. 6 марта записано: "военный министр всячески уклоняется от прямых сношеній с Исп. Ком. и, повидимому, не склонен подчиняться рѣшеніям Совѣта". Было постановлено "отправить к военному министру делегацію"... для перегово-

ров об изданіи приказа № 2 и настаивать на необходимости выборнаго начала офицерскаго состава и созданія третейскаго суда, который регулировал бы "отношенія между офицерами и солдатами". (О результатах переговоров делегация должна доложить Исп. Ком. для окончательнаго рѣшенія вопроса о приказѣ № 2).

Жизнь, дѣйствительно, была ключем в Совѣтѣ, хотя дѣятельность его комиссій и носила довольно анархическій характер. Не успѣл Исп. Ком. принять "разъясняющій" приказ № 2 и отправить делегацию к военному министру, как прибыла упоминавшаяся уже депутация от Русскаго, под влияніем которой Исп. Ком. рѣшил задержать выпуск "приказа № 2", но было уже поздно — приказ депешей по радіо-телеграфу с царскосельской станціей был сообщен на фронт "для точнаго исполненія", хотя формально он относился только к Петербургу. Текст этого документа, весьма мало напоминающій по своей формѣ "приказ", гласил:

1. Приказ № 1 Совѣта Р. и С. Д. предложил всѣм.. воинским частям избрать соотвѣтственные... комитеты, но приказ не устанавливал, чтобы эти комитеты избирали офице-

ров... Комитеты эти должны быть избраны для того, чтобы солдаты Петроградскаго гарнизона... могли через представителей комитетов, участвовать в общеполитической жизни страны и в частности заявлять в Совѣт Р. и С. Д. о своих взглядах на необходимость принятія тѣх или иных мѣропріятій. Комитеты должны также вѣдать общественныя нужды каждой части. Вопрос же о том, в каких предѣлах интересы военной организациі могут быть совмѣщены с правом солдат выбирать себѣ начальников, передан на разсмотрѣніе в разработку спеціальной комиссіи. Всѣ произведенные до настоящаго времени выборы офицеров, утвержденные и поступившіе на утвержденіе военнаго начальства, должны остаться в силѣ...

2. До того времени, когда вопрос о выборных начальниках будет разрѣшен вполнѣ точно, Совѣт признает за комитетамі... право возражать против назначенія того или иного офицера. Возраженія эти должны быть направлены в Исп. Ком. С. Р. Д., откуда они будут представляться в военную комиссію, гдѣ наряду с другими общественными организациями участвуют и представители Совѣта Р. и С. Д., как учрежденія, руководящаго всѣми по-

литическими выступлениями петроградских солдат. Этому своему выборному органу солдаты обязаны подчиняться в своей общественной и политической жизни. Что же касается до военных властей, то солдаты обязаны подчиняться всём их распоряжениям, относящимся до военной службы...

4. Для того, чтобы устранить опасность вооруженной контр-революции, Совёт Р. и С. Д. выставил требование о неразоружении Петроградского гарнизона, завоевавшего России её политическую свободу, а Врем. Прав. приняло на себя обязательство не допускать такого разоружения, о чем и объявило в своей правительственной декларации. В согласии с этой декларацией... комитеты обязаны наблюдать за тем, чтобы оружие петроградских солдат от них не отбиралось, что и было указано в приказе № 1.

5. Подтверждая требования, изложенные в §§ 1-7 приказа № 1, Исп. Ком. отмѣчает, что некоторые из них уже приводятся в исполнение Врем. Правительством.

"Приказ № 2" вместо того, чтобы разъяснить, всё своим контекстом запутывал еще больше.

Разъясненіе о том, что "приказ № 1" не предлагал производить выборов команднаго состава, дѣйствительно, "надоумил", как предполагает один из изслѣдователей вопроса (Рабинович), в нѣкоторых мѣстах этот выбор произвести... Вечером 6-го к военному министру явилась совѣтская делегація — контактная комиссія, как называет ее Гучков в воспоминаніях, приписывая себѣ инициативу ея вызова. На основаніи разказа ген. Потапова, который цитирует Деникин, не указывая происхожденія документа, "засѣданіе было очень бурным. Требованіе делегаціи Гучков признал для себя невозможным и нѣсколько раз выходил, заявляя о сложении с себя званія министра". "С его уходом, — сообщает Потапов, — я принимал предсѣдательствованіе, вырабатывалось соглашеніе, снова приглашался Гучков, и засѣданіе закончилось воззваніем, которое было подписано от Совдепа Скобелевым, от Комитета Гос. Думы мною и от правительства Гучковым... Воззваніе аннулировало приказы № 1 и № 2, но военный министр дал обѣщаніе проведенія в арміи болѣе реальных, чѣм он предполагал, реформ по введенію новых правил взаимоотношеній команднаго состава и солдат". Сам Гучков изображает отмѣченныя пери-

петіи в видѣ прелюдіи к "приказу № 2". Здѣсь сказала не только забывчивость, но и стилизація воспоминаній в определенном направленіи. "Чтобы парализовать распространение приказа № 1, — пишет Гучков, — мнѣ пришлось созвать контактную Комиссію при военно-морском министерствѣ, чтобы попытаться ее убѣдить во вредѣ приказа для боеспособности арміи. Я, конечно, мог отмѣнить приказ властью министра, но такая отмѣна не имѣла бы никаких практических послѣдствій... Открывая созванное мною совѣщаніе, я старался убѣдить присутствовавших членов Совѣта Р. и С. Д. в необходимости отмѣны приказа № 1". В изображеніи Гучкова засѣданіе вовсе не носило такого бурнаго характера, как в повѣствованіи Потапова. "По тѣм замѣчаніям, какія дѣлали члены комиссіи, я видѣл, что они почти убѣдились моими выводами и готовы стать на мою точку зрѣнія. Тогда я вышел в сосѣдную комнату и просил их обсудить мои возраженія, затѣм сообщить мнѣ, к какому рѣшенію они пришли". Ген. Потапов потом сообщил Гучкову, что "большинство определенно склонялось к отмѣнѣ приказа в какой-либо формѣ, которая не была конфузною для Совѣта р. и с. д., но Стеклов-Нахамкес был не-

преклонен" (Гучков, понятно, объясняет это связью с "нѣмецким штабом"). Компромиссное рѣшеніе не удовлетворило министра, но, с другой стороны, министр понимал, что, если он откажется от предложеннаго соглашенія, "изложеніе будет еще хуже". "Я вызвал к себѣ тов. мин. ген. Поливанова — продолжает Гучков — и предложил ему срочно образовать под его предсѣдательством Комиссію из членов Ген. Штаба(?) для рассмотрѣнія предложеній Совѣта р. и с. деп. Я надѣялся этим выиграть время и как-нибудь частным образом повліять на руководителей Совѣта. Комиссія ген. Поливанова рассмотрѣла вопрос и единогласно постановила, что нужно согласиться с предлагаемым компромиссом, как на меньшее зло. *Послѣ* этого Совѣт издал приказ № 2"... Хронологическая неточность сама по себѣ выдает Гучкова. Исторія изданія "приказа № 2" достаточно запутана и другими мемуаристами. Наиболѣе правдивую версію дал Шляпников, но и его версія требует нѣкоторых поправок. Инициатором "приказа № 2" был сам Исп. Ком. В этом нѣтъ никаких сомнѣній, так как в протоколѣ засѣданія Исп. Ком. 3-го значится: "в виду возникших недоразумѣній, в связи с приказом № 1 по петроградскому гарнизону, пору-

чено военной комиссії *разъяснить* этот приказ". Рѣшеніе это, очевидно, было принято под влияніем протестов, раздавшихся в образовавшейся "солдатской секціи" Совѣта, имѣвшей на первых порах свой исполнительный комитет, и в частном совѣщаніи членов Исп. Ком. с группой офицеров. Так надо понимать упоминаніе Станкевича, что "военные" разъяснили вред "приказа № 1". Объединенная военная комиссія, функционировавшая под предсѣдательством Потапова — этот "штаб революціи" продолжал формально состоять при Врем. Комитетѣ — и разработала проект "приказа № 2" (текст приказа написан рукою все того же Соколова). Он подвергся обсужденію в первом неофициальном засѣданіи не оформившейся еще Поливановской комиссії, т. е. накануне того дня, когда совѣтская делегация с представителем Военной Комиссії имѣла бесѣду с военным министром. Приказ помѣчен был 5-м марта, но в Исп. Ком. он поступил лишь 6-го. Трудно представить себѣ, что содержаніе его не дошло своевременно до Гучкова. Приказ передавался по радио Военной Комиссіей, которая упрощенно называла себя Комиссіей Врем. Правительства: Потапов присутствовал на засѣданіи 6-го у Гучкова в качествѣ

представителя этой Комиссіи (Гучков в воспоминаніях говорит: "я пригласил также участвовать в моем совѣщаніи... Потапова, который, как было извѣстно, был близок к соціалистическим кругам и мог, слѣдовательно, больше меня импонировать членам комиссіи"). В официальном отчетѣ о дѣятельности Военной Комиссіи среди выполненных работ упомянуто "распространеніе приказа № 2"...

Точный текст того воззванія, которое было принято на засѣданіи у Гучкова и которое названо в протоколѣ Исп. Ком. от 7-го "приказом № 3", гласил: "Исп. Ком. сообщает войскам фронта о рѣшительной побѣдѣ над старым режимом. Мы увѣрены, что войска фронта с нами и не позволят осуществиться попыткам вернуть старый режим. Мы же, представители петроградских рабочих и солдат, обѣщаем стоять здѣсь на стражѣ свободы. Ея укрѣпленію может помѣшать внутренняя вражда среди арміи, рознь между офицерством и солдатами, и на всѣх гражданах лежит сейчас обязанность содѣйствовать налаживанію отношеній между солдатами и офицерами, признавшими новый строй Россіи. И мы обращаемся к офицерам с призывом — проявить в своих служебных и неслу-

жебных отношеніях уваженіе к личности солдата-гражданина. В расчетѣ на то, что офицеры услышат наш призыв, приглашаем солдат в строю и при несеніи военной службы *строго выполнять воинскія обязанности* . Вмѣстѣ с тѣм Комитет сообщает арміям фронта, что приказы 1 и 2 относятся только к войскам петроградскаго округа, как и сказано в заголовкѣ этих приказов. Что же касается арміи фронта, то военный министр обѣщял немедленно выработать в соглашеніи с Исп. Ком. Совѣта Р. и С. Д. новыя правила относительно солдат и команднаго состава". Подписи Гучкова под этим документом не стояло, но было сказано, что "воззваніе составлено по соглашенію с военным министром". К "приказу № 3" и должны быть отнесены слова Гучкова в воспоминаніях: "Я своей подписи под этим приказом не поставил, но согласіе на него дал послѣ одобренія его Комиссіей Генеральная Штаба"[\[417\]](#).

Декларация прав солдата.

В осуществленіе достигнутаго соглашенія Поливановской комиссіи и надлежало разработать законодательныя нормы, в которых должна была

вылиться реформа военного министерства. Кодификація требовала продуманности. Но дѣло было не только в неизбѣжной "бюрократической" волокитѣ, сам Гучков, говорившій на фронтовых совѣщаніях, что он "большой сторонник демократизаціи арміи", признается, что им давалась инструкция затягивать — "не торопиться" для того, чтобы "выиграть время" (но свидѣтельству Куропаткина, пом. воен. министра ген. Новицкій возмущался дѣятельностью Поливановской комиссіи, которая "работает на разложеніе арміи").

Медлительность военного министерства мало соответствовала настроеніям и темпу работ революціоннаго Совѣта. Уже 9-го не только был разработан проект "общих прав солдата", получившій впоследствии болѣе пышное неофициальное наименованіе "деклараціи", но и принят общим собраніем солдатской секціи Совѣта и опубликован 15 марта в "Извѣстіях". Между Поливановской комиссіей и совѣтской комиссіей существовал постоянный контакт, и нѣтъ ничего удивительнаго в том, что "декларація" была выработана при непосредственном участіи как бы представителя военнаго министра полк. Якубовича. По существу она

принципіально ничего новаго не устанавливала по сравненію с приказом № 114 — только болѣе выпукло формулировала "права" и болѣе демонстративно подчеркивала отмѣняемое, как уничтоженіе тѣлесных наказаній, сохраненіе института денщиков только в дѣйствующей арміи на добровольном началѣ. Она отвѣчала и на вопрос, оставшійся открытым в приказѣ № 114, и разрѣшала его в смыслѣ отмѣны "всякаго отданія чести". Самый скользкій вопрос о выборности команднаго состава не был затронут — солдатская секція по выраженію Суханова, *о выборном начальствѣ "забыла"*. У авторов приказа № 114 не было логических основаній отвергать "декларацію". Вопрос мог итти только о иной формулировки и переработкѣ нѣкоторых пунктов, как, напр., вопрос об отданіи "чести". Совершенно поэтому естественно, что Поливановская комиссія санкціонировала "декларацію" к удивленно военнаго министра, как он рассказывает в позднѣйших воспоминаніях — одобрила в тому же "единогласно, без поправок". Это не так — "поправки" были. Так, напр., в том же вопросѣ об "отдачѣ чести" было прибавлено, что "устанавливается взаимное добровольное привѣтствіе". Были и болѣе суще-

ственные поправки: к пункту, что "солдат не может быть подвергнут наказанію или взысканію без суда", было добавлено: "в боевой обстановкѣ начальник имѣет право под своей личной отвѣтственностью принимать мѣры, до примѣненія вооруженной силы включительно, против не исполняющих его приказаній подчиненных".

Для психолога солдата в революціонную эпоху тѣ пункты, которые особливо отмѣчали составители "декларациі", были вопросами большими в силу характера дисциплины старой арміи. Возьмем вопрос об "отдачѣ чести". Достаточно привести одну только бытовую иллюстрацію. Ген. Верцинскій, командовавший гвардейской стрѣлковой дивизіей, рассказывает на основаній данных, имѣвшихся в штабѣ 8-й арміи, во главѣ которой в началѣ войны стоял Брусилов, что послѣдній "приводил встрѣченных им во время своих прогулок солдат и приказывал их пороть за неотданіе ему чести". Какая разница с Алексѣевым, который, по словам в. кн. Ан. Вл., "конфузился", когда ему становились во фронт! Однако, факты свидетельствуют, что этот вопрос отнюдь все же не захватывал "революціонной психологіи" солдатской массы и что он,

вѣроятно, в бытовом порядкѣ разрѣшился бы сам собой. Суханов пытается утверждать, что в серединѣ марта в Петербургѣ, кромѣ юнкеров, давно никто не отдавал чести. Это крайне преувеличено относительно Петербурга, как мы могли удостовериться при характеристик настроеній первых мартовских дней. 25 апрѣля пріѣхавшій из Туркестана Куропаткин записал: "На улицах честь отдают лучше и чаще, чѣм двѣ недѣли назад". Так было и в других мѣстах. Тот же Верцинскій, проѣзжая Кіев по дорогѣ на Кавказ в серединѣ марта, отмѣчает отданіе чести встрѣчным офицерам "почти всѣми". Еще рѣзче, конечно, ставился вопрос о тѣлесных наказаніях, не говоря уже о том непредусмотрѣнном законом бытовом явленіи, которое в общежитіи образно именовалось "мордобитіем". И здѣсь приведем одну только иллюстрацію. Головин рассказывает о приказѣ все того же Брусилова — главнокомандующаго Юго-Западнаго фронта — о поркѣ 50 ударами розог исѣх нижних чипов маршевых рот, которые приходили в части с недостатком выданнаго им вещевого довольствія. Наконец, о деньщиках — этот институт еще в 10 г. в Думѣ казацким депутатом был назван "рабским"... "Забитый солдат, в котором при ста-

ром режимѣ не видѣли человѣка", как чрезмѣрно преувеличенно сказал на московском Госуд. Совѣщаніи человѣкъ весьма умѣренных политических взглядов проф. Озеров, не мог не реагировать остро на свою прежнюю приниженность послѣ революціоннаго переворота.

Задержка в республикованіи новых проектированных правил приводила лишь к инцидентам — на них, со слов Рузскаго, указывали, напр., в своем отчетѣ члены Врем. Комитета, посѣтившіе Сѣверный фронт. В войсках извѣстен уже был проект Поливановской комиссіи, и мѣстное военное начальство, стоя на формальной точкѣ зрѣнія, требовало во имя поддержанія дисциплины обязательное выполненіе старых правил и грозило преданном военно-полевому суду (приказ Радко-Дмитріева). Ставка подтверждала это требованіе. В концѣ концов Рузскому пришлось "пріостановить объявленіе распоряженія Ставки" по арміям Сѣвернаго фронта.

Военный министр отказался утвердить "декларацию прав солдата" (Гучков ошибочно относит в воспоминаніях к "концу апрѣля" документ, якобы полученный им от Совѣта с предложеніем разо-

слать его в приказъ по арміи; "Декларація" была опубликована 9-го мая при новом военном министрѣ. Таким образом, между принятіем Совѣтом проекта и официальным распубликованіем прошло ровно *два мѣсяца* . "Декларація" в арміи была извѣстна. Она соотвѣтствовала тому всеобщему напряженному ожиданію, что дисциплина будет организована на "новых началах", о котором говорили в своих отчетах думскіе депутаты на основаніи непосредственных бесѣд с солдатами. Мало того, по нескладицѣ тогдашней постановленіе Совѣта 9 марта могло быта принято, как новый "приказ" от Совѣта типа приказов № 1 и № 2. Нѣтъ сомнѣнія, что совѣтскіе дирижеры рассматривали постановленіе 9 марта, как утвержденеіе принципов, установленных солдатской секціей, а самый текст лишь, как проект будущаго приказа. В черновых записях протоколов Исп. Ком. указанія на обсужденіе проекта в самом Исп. Ком. мы не встрѣчаем — в протоколѣ 10 марта говорится только о требованіи "лѣвых" настаивать на "реализаціи обѣщанія пересмотрѣть порядки в дѣйствующей арміи". Но в публикаціи 15 марта был один термин, вносившій путаницу: сказано было, что отмѣняются статьи устава, противорѣчащія поло-

женіям "настоящаго приказа", т. е. приказа пред- полагаемаго. В этой преждевременной публикаці нельзя видѣть закулисной махинаціи "большеви- ков", как это дѣлает Милюков в "Россіи на пере- ломѣ". Большевики к "декларациі", выработанной в солдатской секціи Совѣта, относились отрица- тельно и видѣли в ней проявленіе реакціонных вѣяній.

4. Комитеты.

Совѣт обсудил не только "права солдат", но и со- гласно устанавливаемым им положеніям, что "сол- дататы имѣют право внутренней организаціи", сол- датская секція, под руководством с.-р. прап. Утго- фа, разработала и "положеніе о войсковых комите- тах" (районных и полковых), учреждаемых для рѣшенія различных вопросов, касающихся "вну- тренняго быта" войсковых частей. Проект отвер- гал выборное начало команднаго состава и огова- ривал, что вопрос "боевой подготовки и боевых сторон" дѣятельности части обсужденію в коми- тетѣ не подлежит. Проект "положенія" был опу- бликован в "Извѣстіях" 24 марта. Обсуждала всѣ эти вопросы и "комиссія о реформах" ген. Полива-

нова. Уже на третьем своем засѣданіи 9 марта она поручила Ген. Штабу разработать положеніе о ротных комитетах, признавая желательным согласовать министерскій проект с предложеніями солдатской секціи Совѣта и военной комиссіи Временнаго Комитета Гос. Думы.

Пока же на фронтѣ происходили "самочинныя" дѣйствія и самопроизвольно зарождались организациі, существованіе которых мѣстным военным властям приходилось неизбежно санкціонировать. Так сложилось "армейское самоуправленіе" в XII арміи — сложилось "самостоятельно, почти без всякаго вліянія со стороны Петрограда", как отмѣчала "памятная записка" Совѣта офиц. деп. названной арміи, поданная Временному Правительству[418], и получило свою собственную организационную форму примѣнительно к лѣстным условіям: из полковых комитетов — солдатских и офицерских, а иногда и смѣшанных — выдѣлялись комитеты дивизионные и корпусные, завершая пирамиду Совѣта солдатских и офицерских депутатов при штабѣ арміи[419]. "Памятная записка" подчеркивала, что армейская организациія, существованіе которой можно начать с 9 марта, воз-

ника "при полном сочувствіи командующаго арміей" (Радко-Дмитріева), сдерживавшаго "несочувствіе" к самоуправленію армейскому "низшаго команднаго состава". По мнѣнію составителей "памятной записки" протекшія двѣ недѣли позволяют положительно оцѣнить полученные результаты: "Боевая служба несетя образцово"... "Неорганизованныя выступленія и случаи самосуда над нелюбимыми начальниками прекратились совершенно. Исчезли жалобы на недостаточное довольствіе... И даже дезертирство, такое доступное и легкое в виду отсутствія надзора в тылу, не повысилось, а наоборот значительно сократилось. Конечно, такая картина, могущая показаться слишком идиллической, наблюдается только в частях, гдѣ начальство шло навстрѣчу новому порядку... В других частях, гдѣ самоуправленіе не встрѣчало сочувствія начальства, до сих пор чувствуется неувѣренность, напряженіе, разобщенность между солдатами и офицерами и, как слѣдствіе, ослабленіе единства и боевой силы части. Очень многіе войсковые начальники, препятствующіе введенію новаго порядка, вовсе не являются принципиальными противниками самоуправления в арміи, но... протестуют против введенія самоуправления толь-

ко потому, что оно не подтверждено приказом по военному вѣдомству и представляется им преступленіем, самовольством. В виду этого необходимо скорѣйшее проведеніе приказа по военному вѣдомству обязательных и общих для всей арміи форм воинскаго самоуправленія". Инициаторы шли дальше и предлагали военному министру сконструировать Всероссійскій Общеармейскій Совѣт военных депутатов, как орган постоянного представительства дѣйствующей арміи, который создал бы живую связь между правительством и арміей и дал бы правительству "возможность в своих дѣйствіях опереться на 8 мил. штыков и дѣйствовать твердо и увѣренно, не считаясь ни с какой оппозиціей, откуда бы она ни шла". Всѣ тыловые совѣты — "случайные совѣты" — подлежали, по этому плану, роспуску и замѣнѣ правильным представительством.

Тактика Радко-Дмитріева[420] не была единичной на фронтѣ. Деникин упоминает о ген. Цуриковѣ, командовавшем VI арміей на Румынском фронтѣ, который с первых же дней согласился на введеніе комитетов и послал даже телеграмму командирам корпусов сосѣдней арміи с доказатель-

ством пользы нововведенія. Также Деникин упоминает, что главнокомандующій Кавказским фронтом "еще до узаконенія военных организацій приказал, чтобы "распоряженія, касающіяся устройства и быта; арміи, проходили через Совѣт солдатских депутатов". В военное министерство с разных сторон шло немало донесеній о пользѣ, которую приносили дѣлу "самозванные" комитеты — они "вносили успокоеніе, постепенно связывая офицеров с солдатами". (См., напр., телеграммы с Зап. фронта). Мы видѣли, сколь значительны должны быть поправки к утверженію Деникина ("Об исправленіях исторіи"), что Гучков услышал из арміи по вопросу об ея демократизаціи "воплъ осужденія". Этого не было.

При таких условіях верховной власти не оставалось ничего другого, как пытаться легализировать комитеты — "прибрать их к рукам". "Так мы и поступили", — заключает Гучков в воспоминаніях. 28-го в Ставкѣ состоялось совѣщаніе, на котором побѣдила компромиссная позиція, и 30-го Алексѣевым, не принадлежавшим к числу людей, для которых недоступна чужая аргументація[421], было издано "временное положеніе об организаціи

чинов дѣйствующей арміи и флота". В основу этого "положенія" лег проект, разработанный под руководством Колчака для Черноморскаго флота и сообщенный, очевидно, в Ставкѣ — Верховским.

Может ли возникнуть хоть какое-нибудь сомнѣніе, что авторитет Правительства и верховнаго командованія бесконечно выиграл бы, если бы инициатива и новая организація арміи всецѣло находились в их руках? Они достигли бы большаго, если бы "временное положеніе" 30-го, замѣнененное через двѣ недѣли статутом Поливановской комиссіи[422], было бы издано 9 марта, когда все еще было в броженіи и когда еще не пришлось бы закрѣплять сущее, как стало это неизбѣжно позднѣе. Дезорганизующее вліяніе безспорно оказало то обстоятельство, что в связи с измѣненіями "положеній" приходилось переизбирать войсковые комитеты — в нѣкоторых мѣстах "до четырех раз" в теченіе одного мѣсяца (жалоба, которую записал в свой путевой дневник ген. Масленников при посѣщеніи Особой арміи 18 апрѣля). Почти столь же неизбѣжно было и то пагубное явленіе, которое родилось из факта образованія комитетов явочным порядком — они в сущности, нерѣдко про-

должали дѣйствовать уже в порядкѣ "обычнаго права" и придавали новой "наиболѣе свободной в мірѣ" арміи подчас характер уродливаго своеобразія: протоколы Исп. Ком. зафиксировали такую достаточно яркую бытовую черту — представитель тылового лужскаго комитета докладывал 11 марта: "хорошій гарнизон. Во главѣ комитета капитан, с ним вмѣстѣ засѣдают представители населенія, далее женщины"... Едва ли нормальным можно признать тот факт, что в 80 сиб. полку первым председателем солдатскаго комитета был священник.

* * *

Каких результатов могла бы достигнуть на первых порах инициатива военной власти, показывает дѣятельность "иниціатора захвата солдатскаго движенія в руки команднаго состава", адм. Колчака в Черноморском флотѣ. Наиболѣе серьезные большевицкіе историки должны признать, что Колчаку "дѣйствительно удалось добиться огромных успѣхов — в теченіе почта двух мѣсяцев, на севастопольских судах, в гарнизонах и среди рабочих царили... идеи побѣдоносной войны. Севасто-

польская военная организація создает проект устава, основной мыслью котораго является усиленіе мощи флота и арміи"... Колчак считал необходимыми комитеты, которые вносили "порядок и спокойствіе", и он мог на митингах открыто заявлять, что "приказ № 1" для него не обязателен — его выслушивали спокойно.

Адм. Колчак принадлежал, несомнѣнно, к числу крупных индивидуальностей [423]. Можно думать, что инициатива Ставки была бы поддержана не за страх, а за совѣсть большинством команднаго состава и по внутреннему убѣжденію и по выработанной традиціи дисциплины — этому чувству чести военной среды. Так ярко послѣднее выразил ген. Селивачев записью в дневник по поводу "запроса" военного министра об отношеніи к приказу № 114: "не знаю, как отвѣтят мои командиры полков... Я же лично дам такой отвѣт: "для меня, как человека военного, всякій приказ военного министра непреложен к исполненію; обсуждать затронутые вопросы я считаю возможным лишь до тѣх пор, пока они не вылились в форму приказа. Тѣм болѣе вопросы внутренней жизни войск, которые должны основываться на принципах, а не

на разнообразной обстановкѣ, повелѣвающей в бою; как начальник, я не мог бы довѣрять своему подчиненному, позволяющему себѣ критиковать отданный мною приказ"...[424]. Показательным примѣром может служить и ген. Марков, дневник котораго цитирует Деникин. Первые дни в X армии на Зап. фронтѣ — время колебаній и сомнѣній. "Всѣ ходят с одной лишь думой — что-то будет? Минувшее всѣ порицали, а настоящего не ожидали. Россія лежит над пропастью, и вопрос еще очень большой — хватит ли сил достигнуть противоположнаго берега" (запись 6 марта). "Все то же. Руки опускаются работать. Исторія идет логически послѣдовательно. Многое подлое ушло, но и всплыло много накипи". Прочитав какое то "постановленіе" в "Извѣстіях" за "немедленное окончаніе войны", экспансивный автор дневника запишет: "погубят армию эти депутаты и Совѣты, а вмѣстѣ с ней и Россію" (9-го). Проходит нѣсколько дней и Марков уходит с головой в "совѣты" и "комитеты". 30 марта он вносит в дневник: "Спокойное, плодотворное засѣданіе армейскаго съѣзда до глубокой ночи". И позлее: "Я вѣрю, что все будет хорошо, но боюсь — какой цѣной"... В записях современников из числа военных часто разда-

ются жалобы па непригодность кадровых офицеров для выпавшей им роли политических воспитателей солдат, что препятствует развитію инициативы командованія. Но не боги горшки обжигают, и эта "удручающая" политическая "незрѣлость" все же, как свидѣтельствуот многочисленные примѣры, очень скоро приспособилась к революціонной обстановкѣ.

Ген. Деникин, склонный с нѣкоторым излишеством примѣнять статистическій метод, опредѣлил, что 65% начальников арміи не оказали достаточно сильного протеста против "демократизаціи" (т. е. "разложенія" арміи). Подобное утверждение по существу является лучшим отвѣтом на обвиненіе в "демагогіи". На эти 65% возлагает отвѣтственность и Гучков в воспоминаніях, написанных в эмиграціи уже тогда, когда вынужденная обстоятельствами демократическая тога 17-го года, мало соотвѣтствовавшая самым основам политическаго міросозерцанія перваго военнаго министра революціоннаго правительства, была сброшена. Всѣх своих ближайших помощников по проведенію реформы он обвинял в демагогіи — они потакали революціи по соображеніям карье-

ры[425]. Свидѣтельство самооправдывающагося мемуариста, вспоминающаго былые дни в ином настроеніи, чѣм они им переживались, не может быть убедительным в силу своей тенденціозности.

IV. В преддверіи кризиса

Было бы наивно предположить, что военное командованіе при самых благопріятных условіях могло бы своей энергичной инициативой устранить то основное роковое противорѣчіе, которое вытекало из самой дилеммы, вставшей перед обществом и народом: революція и война. Так, может быть, могли думать немногіе энтузіасты, раздѣлявшіе почти мистическіе взгляды адм. Колчака на благотворное вліяніе войны на человѣчскій организм и готовые повторять за ним, что революція открывала в этом отношеніи новыя перспективы[426]. Жизнь была прозаичнѣй, и всей совокупностью условій, которыя были очерчены выше, властно намѣчался как будто бы один путь, опредѣленный в дневникѣ писательницы, не раз цитированной (Гиппіус), словами: "надо дѣйствовать обѣими руками (одной — за мир, другой — за утвержденіе защитной силы)".

Еще опредѣленнѣе было мнѣніе В. Д. Набокова, принадлежавшаго к числу тѣх, которые полагали, что одной из причин революціи было утомленіе от войны и нежеланіе ее продолжать... Но только мнѣніе это сложилось уже в процессѣ революціи и сильно отражало в себѣ слишком субъективное воспріятіе дѣйствительности. В сознаніи Набокова вырисовывался единственно разумный выход — сепаратный мир^[427]. "Душа арміи", конечно, улетѣла с фронта, как выразился позже замѣнившій Радко-Дмитріева ген. Парскій. "Вернуть эту душу" не в силах были революціонныя организаціи, ибо онѣ не могли "имперіалистическую" войну превратить в войну "революціонную" и обречены были на противорѣчивое балансированіе в предѣлах формулы "революціоннаго оборончества", сдѣлавшейся официальным знаменем совѣтской демократіи. Эта формула, стремившаяся сочетать старые взгляды Циммервальда с новыми патріотическими заданіями, которыя ставила революція, не могла устранить причин распада арміи.

Для продолженія войны нужен был пафос, то есть активное дѣйствіе, — защитная сила была

формулой пассивной, которая могла получить дѣйственное значеніе лишь при нѣкоторых опредѣленных внѣшних условіях. Раз их не было, формула теряла свою политическую обостренность. Многіе из находившихся непосредственно на фронтѣ сознавали рождавшуюся опасность. Так ген. Селивачев, знакомясь с планом проектировавшагося прорыва с участка 6 арм. корпуса, записал 11 марта: "Предстоящая операція, говоря откровенно, крайне пугает меня: подъема в войсках нѣт, совершившійся переворот притянул к себѣ мысли арміи, которая безусловно ждала, что с новым правительством будет окончена война, и каждый, вернувшись домой, займется своим дѣлом. А тут опять бои... Какія бы громкія фразы ни говорили от "Совѣта Р. и С. Д.", уставшій от войны и ея ужасных лишеній солдат не подымется духом больше, нежели он подымался при царѣ, а со стороны офицеров едва ли что можно ожидать крѣпкаго: старые — оскорблены, а молодые — неопытны"... Вѣроятно, внутренне сознавали то же и руководящее круги революціонной демократіи. И не только соображенія отвлеченныя, идеологическія, но и психологическія настроенія — реалистическія, толкали демократію на путь поисков всеоб-

щаго мира через Стокгольмскія совѣщанія и путем пацифистских декларацій.

Другая точка зрѣнія совпадала с официальной позиціей правительств зап.-европейской демократіи и гласила, что "мир может быть достигнут только путем побѣды". Через 25 лѣт, когда мір переживает вновь катастрофу, кто скажет опредѣленно, на чьей сторонѣ было больше утопіи, и какой путь тогда для культуры и чело-вѣчества был болѣе цѣлесообразен?[\[428\]](#).

Массѣ, естественно, чужда была отвлеченная постановка вопроса. Отсюда возникала та драма в душѣ "простого чело-вѣка", о которой говорил в августовском московском совѣщаніи с. р. Вржосек, выступавшій от имени петроградскаго Совѣта офицерских депутатов: "с одной стороны, мы говорим: боритесь до полного конца, вы должны побѣдить во имя свободной родины, а с другой стороны, мы нашему пролетаріату, нашей арміи, странѣ, наиболѣе бѣдной духовными и матеріальными силами, задаем такую колоссальную задачу, которую не может взять на себя ни один пролетаріат міра. И если вы, с одной стороны, говорите: "боритесь", с другой стороны, указываете на Сток-

гольм и говорите: "ждите оттуда мира", развѣ вы не понимаете, какую драму создаете вы в душѣ человека, как вы разрываете ее на двѣ части. Мы — теоретики, мы — люди народной мысли, конечно, сумѣем примирить противорѣчія и в этих изгибах не потеряться. Но неужели вы думаете, что широкія народныя массы не ждут дѣтски просто вѣстей мира, как совершенно опредѣленнаго указанія оттуда. И развѣ вы думаете, что так легко стоять перед смертью?... Нечеловѣческим ужасом наполняется душа — так развѣ можно в то же самое время его смущать мыслью о мирѣ и говорить: ты должен думать одновременно и о борьбѣ, и о мирѣ" [\[429\]](#).

Вот почва, на которой развивалась в арміи бактерія, порожденная эксхатологіей фанатичнаго вождя большевиков. В силу своего собственнаго внутренняго противорѣчія революціонная демократія не сумѣла, как не сумѣло этого по другим причинам и Временное Правительство, оказать должное противодѣйствіе разлагающей, упрощенной по своей прямолинейности, пропагандѣ последователей ленинской политики [\[430\]](#).

Вовсе не надо принадлежать по своим полити-

ческим взглядам к числу "реакціонеров", как полагает в своих воспоминаніях Керенскій, для того, чтобы признать полную правоту Алексѣева, писавшаго 16 апрѣля Гучкову: "положеніе в арміи с каждым днем ухудшается... армія идет к постепенному разложенію". Верховный главнокомандующій лишь удивлялся безотвѣтственности людей, писавших и говоривших о "прекрасном" настроеніи арміи. Количество мрачных сужденій о состояніи арміи возрастает. Извѣстный нам прапорщик-интеллигент из Особой арміи, бывший скорѣе в первый недѣли послѣ революціи оптимистом, употребляет уже слова: "армія погибает" (5 мая). И все же положеніе было вовсе не так безнадежно, как оно казалось пессимистам. Спасал, вѣроятно, тот "здравый смысл русскаго народа", о котором в первые дни революціи кн. Львов говорил Алексѣеву. Надо было не надѣяться на "чудо" (так Набоков опредѣляет апрѣльскія настроенія военнаго министра), а только ближе присмотрѣться к жизни.

Большевицкіе историки впоследствии должны были признать, что процесс разложенія арміи "шел гораздо медленнѣе, чѣм можно было ожидать", и что этому замедленно содѣйствовали органы ар-

мейскаго самоуправленія. Трудно во многом не согласиться с тѣм, что говорил на московском совѣщаніи "представитель армейских и фронтовых комитетов" Кучин, хотя отдѣльныя мѣста его рѣчи, не без основанія, вызывали довольно шумные протесты части собранія. Вот что он говорил о роли, которую сыграло в арміи новое "самоуправленіе". "Что сдѣлали комитеты? — спрашивают здѣсь. Здѣсь указывают на цѣлый ряд явленій разложенія. Указывают, что моральнаго подъема нѣтъ, что дисциплина пала и т. д. и т. д., и что в этом виноваты комитеты. Нѣтъ, мы утверждаем, что если бы в первые дни революціи в арміи не были созданы эти организаціи солдатской массы^[431], эти организаціи, объединившія солдат и офицеров, то мы не знаем, что было бы в арміи, которая в страшно трудной обстановки освободилась под выстрѣлами врагов от рокового гнета... Что сдѣлали комитеты с перваго дня революціи? Они произвели огромную работу организаціи массы... (я дальше мѣстами дѣлаю нѣкоторую перестановку в послѣдовательности нѣсколько необработанной и разбросанной рѣчи). Мы знаем, если вы видѣли солдата в первые дни революціи, ...с какой стихійной потребностью он шел и чувствовал, что ему

нужно говорить, нужно организовываться. У него ничего не было. Ему нужно было давать то, чего он не знал. Это давали комитеты... Кто же первый... стал на защиту необходимости нормальных отношений солдат с офицерами? Комитеты. Я утверждаю это про XII армию, представителем которой я являюсь... Революція... не игрушка. Если она была мучительной в армии, если цѣлый ряд конфликтов был в армии, то это потому, что это — революція... огромная масса освободилась от рокового гнета... Она со многих случаях проявила незаконно, может быть, позорно свой гнѣвъ... Но что, если бы не было комитетов?... Если сейчас в отдѣльных арміях мы переживаем період отсутствія антагонизма между солдатами и офицерами... в этом по существу закономѣрном и стихійном процессѣ главное мѣсто занимает работа армейских комитетов... Затѣм возникал цѣлый ряд чрезвычайно важных вопросов... Мы знаем, что не было ни одного комитета из ответственных представителей солдатских и офицерских масс, который... не принял бы участія в борьбѣ с разлагающим братаніем. Если сейчас нѣтъ братанія в армии, то эту роль, несомнѣнно, сыграли армейскіе комитеты"...

Рѣчь фронтового представителя социалистической демократіи была произнесена в момент, отдаленный от мартовских переживаний уже цѣлой полосой революціи, которую в отношеній арміи он сам охарактеризовал "періодом разложенія и дезорганизациі". Этот "второй період" жизни арміи оратор пытался односторонне представить неизбежным "стихийным процессом революціи" — "это вина всего, что произошло, это вина не людей и организациі, это бѣда російской революціи, которая произошла в момент міровой войны и задыхалась в этой ужасной войнѣ". Первый період революціи — говорил Кучин — прошел, как сознательная дѣятельность нѣкоторых элементов солдатской массы, за которыми слѣпо и радостно шла солдатская масса, выходявшая на сцену сознательной жизни. Во второй період... прошел мучительный процесс в глубинах народной жизни". "Солдатская масса обрадовалась революціи, как скорому приходу мира". "Стихийную потребность мира" армейскіе комитеты пытались влить в "русло международной борьбы за мир" и "энергичной обороны страны". "Не всегда удавались эту идею воплотить в сознаниі широких масс", которая разочаровались в революціи, не давшей "всего, что онѣ

хотѣли" и которыя начали "самостоятельно переваривать всю ту огромную массу вопросов, которые в их мозг, в их жизнь выкинула революція". Естественно, онѣ не могли справиться с такой задачей — на этой почвѣ рождались дезорганизаторскія настроенія, которыя, как в определенном кристаллѣ, собирались вокруг "большевизма". "Не большевизм самостоятельно родил то ужасное, что было в арміи, не большевизм безотвѣтственный, но большевизм жандармскій, потому что жандармы и городовые вступали в армію под лозунгом большевизма и были тѣм ферментом, который разлагал тѣ настроенія, которыя создались в арміи".

В данном случаѣ Кучин слѣдовал роковому usu'у, установившемуся в значительном большинствѣ революціонной демократіи под вліяніем роста, как казалось, реставраціонных настроеній послѣ польских дней, реабилитировать идейный большевизм и дезорганизаторскую работу объяснить происками "контр-революціонеров", которые дѣйствуют "под флагом большевизма" (см. "Золотой ключ"). Это было тактически ошибочно и неправильно по существу. Объективное

установление факта о зловредной роли, которую сыграли отправляемые на фронт жандармы, несомненно правильно[432].

Нѣсколько отвлеченное построение, представителя фронтовой демократіи, социологически, вѣроятно, правильное (поправка должна быть сдѣлана, может быть, в сторону примата пропаганды "безответственных" элементов) противопоставлялось той системѣ оздоровления арміи, которая, по его выраженію, сводилась к репрессивным "мѣрам желѣза и крови" и которой аплодировало на Гос. Совѣщаніи так называемое "правое" крыло. Кучин, болѣя "ужасами в арміи", указывая, что "эту тоскующую, ищущую безплодно пути к своему возрожденію массу темных людей, нельзя представлять себѣ взбунтовавшимися рабами, которых "покорностью можно заставить жить так, как надо"[433]. Спор этот вводит нас непосредственно во "второй період" жизни арміи, лишь началом своим захватывающій эпоху перваго Временнаго Правительства. В сущности основное положеніе фронтового делегата, говорившаго от имени революціонной демократіи, косвенно подтвердил в своей рѣчи и первый верховный главнокомандующій рево-

люціоннаго времени. В своем словѣ, полном заостренной горечи за пережитое и страданіем за судьбы арміи, Алексѣев объективно не мог оцѣнить того недавняго прошлаго, которое тогда было еще жгучим настоящим и, не добром помянув выборные коллективы, все же подлинный вождь арміи признал, что в нѣдрах своего здорового организма армія могла переварить "ядовитую пиллюлю" в видѣ "приказа № 1", но ее разрушала не встрѣчавшая должнаго противодѣйствія пораженческая (употребим для простоты и отчетливости термин из языка дореволюціоннаго — его употребили Каледин и Маклаков в своих рѣчах на Гос. Сов.) агитація — "с этим труднѣе было бороться".

В апрѣлѣ, повторяем, еще рано было говорить о "чудѣ", которое одно только могло спасти армію. Вслушаемся в отчеты уполномоченных Врем. Комитета, посѣтивших фронт в апрѣлѣ. Мы не ммѣем официальнаго отчета депутатов Мансырева и Филоненко, командированных 5 апрѣля на Юго-Западный фронт и вернувшихся 21-го. Но Мансыров в воспоминаніях рассказал о своих впечатлѣніях. Воспоминанія Мансырева, правда, очень далеки о воспроизведенія былой дѣйствительно-

сти с точностью, доступной мемуаристу, но едва ли он сильно погрѣшил против общаго впечатлѣнія вынесеннаго из поѣздки: "Юго-Западный фронт производил впечатлѣніе хорошее". Такое же заключеніе, по его словам, вынесли и два других думца — Шаховской и Кузьмин, которые одновременно были на фронтѣ. "Мы посѣтили — вспоминает Мапсырев — свыше 25 полков, не считая отдѣльных небольших отрядов, а также разных митингов, составлявшихся по пути из солдат и мѣстных жителей... Настроеніе патріотическое, полное готовности к наступленію, недурная дисциплина и даже отсутствіе рѣзкаго антагонизма между солдатами и офицерами; бывали кое какія недоразумѣнія, но мы их сравнительно легко ликвидировали" — депутат ѣздил с совѣтскими делегатами ("нѣсколько хуже" было настроеніе в VIII Калединской арміи).

Об апрѣльских настроеніях в Особой арміи мы имѣем опубликованныя выдержки из официальнаго отчета членов Думы Масленникова и Шмакова о поѣздкѣ на фронт в серединѣ мѣсяца. Резюме их доклада довольно пессимистично: "сравнивая дух арміи в настоящее время и в первые дни рево-

люціи при посѣщеніи Сѣвернаго фронта, к сожалѣнію, приходится констатировать, что та пропаганда, которую вела Германія у нас в тылу через своих вольных и невольных провокаторов и шпіонов, а также пропаганда на фронтѣ под видом перемирія и братанія сдѣлали свое губительное дѣло... Успѣх нежелательной пропаганды в нѣкоторых частях лежит в том, что он бьет по самому больному мѣсту. Всѣ устали воевать — большевицкая пропаганда проповѣдует скорѣйшее прекращеніе активных военных дѣйствій (оборонительная война и мирный конгресс)... Вот почему так крѣпко укоренилось неправильное пониманіе мира без анексіи, как отказ от всякой наступательной войны... Огромная масса солдат рада вѣрить в то, что нѣмцы пойдут на всѣ требованія, выставленныя русской демократіей. Нѣмцы, отлично учтя это настроеніе, всячески стараются его поддержать и развивать, прекратив обстрѣл наших позицій и проповѣдуя свое миролюбіе организованным и планомѣрно проводимым братаніем. Зараза, идущая из тыла, одинаковая с пропагандой нѣмцев, убѣждает менѣе сознательную часть солдат в возможности их мыслей и чаяній".

Подводя итоги, депутаты проявили склонность обобщить наблюденія, ими сдѣланныя в отдѣльных случаях. Это опредѣленно вытекает из отчета, представленнаго в видѣ поденных записей от 11 до 19 апрѣля. Прослѣдим их вкратцѣ. 11-го депутаты в Луцкѣ, гдѣ пребывал штаб Особой арміи. Ген. Балувев с "большой похвалой" отозвался о дѣятельности комитета арміи, предсѣдателем котораго по избранію состоял инициатор и организатор съѣзда арміи полк. Малыхин. При нем продуктивно работает "согласительная комиссія", вѣдающая разбором конфликтов, которые возникают на почвѣ отношеній между солдатами и офицерами. (Депутаты приводят примѣр, как солдатами был смѣщен командир полна и выбран другой — комиссія "быстро" добилась подчиненія новому командиру, назначенному Валуевым). Описывают депутаты посѣщеніе Полоцкаго полка. Кричат "ура", качают и несут до экипажей... В рѣчах "вѣрное пониманіе смысла девиза "без анексій и контрибуцій", отсутствуют рѣчи большевицкаго направленія". То же в Тобольском полку, который в образцовом порядкѣ в церемоніальном маршѣ под звуки марсельезы проходит перед депутатами. По заявленію командира, девиз полка: "война до побѣднаго конца

без анексіѣ и контрибуцій"... 13-го заканчивается объѣзд 5-го корпуса — впечатлѣніе "благопріятное". "Всюду налажена дѣятельность комитетов, не вызывающая столкновеній с начальством... В смыслѣ боеспособности солдат... несомнѣнно в наступленіе пойдут. Объясняется это интенсивной борьбой комитетов с пропагандой большевиков. Отношеніе к Думѣ и Временному Правительству (подчеркивается иногда необходимость единенія послѣдняго с Совѣтом С. и Р. Д.) крайне благожелательное. Отношеніе к депутатам восторженное... Замѣчаніе депутата (Масленникова), что Совѣт не должен стремиться к законодательной власти и тѣм болѣе управленію страной, в виду опасности двоевластія. — не вызывает протеста, наоборот одобряется. Солдаты всюду выставляют своим девизом демократическую республику". 15-го депутаты посѣщают Временец — штаб XI арміи ген. Гутора. Здѣсь на армейском съѣздѣ депутаты впервые услышали рѣчь большевицкую — предсѣдатель съѣзда прап. 11 финл. полка, бывшій секретарь "лѣвых фракцій Гос. Думы" заявил, что армія будет "драться до конца" ("мы будем голы, босы, но будем драться за свободу пролетаріата") только в случаѣ выясненія истинных намѣреній наших со-

юзников, дабы Россіи была дана гарантія, что борьба идет не за капиталистическія цѣли союзников". Отвѣт Масленникова "все же удовлетворил" съѣзд, на засѣданіях котораго чувствовалась "дѣятельная пропаганда большевиков". Под крики "ура" депутатов "выносят на руках". 16-го посѣщеніе штаба 2 гвард. корпуса — депутатам устраивается "восторженный приѣм в Волынском, Кегсгольмском и Петроградском полках"... 17-го солдаты гвардіи 1 и 4 стрѣлковых полков требовали удаленія "всѣх баронов, фонов и прочих шпіонов", а также офицеров, которым было выражено недовѣріе запасным батальоном в Царском Селѣ[434]. В засѣданіи корпусного комитета поднимался вопрос о созывѣ Учр. Собранія. Рабочій солдат (большевицкаго направленія) настаивал на скорѣйшем его созывѣ; большинство же (крестьяне) просили ходатайствовать об отложеніи созыва "до окончанія войны" в виду невозможности провести посредством "правильной агитаціи" "элементы, которые представляли бы дѣйствительный голос крестьянства. Депутаты отмѣчали "крайне благожелательное настроеніе всего собранія". 19-го посѣщеніе Гренадерскаго полка — того самаго, в котором дѣйствовал прославившійся потом по-

ручик большевик Дзевалтовскій. Вновь крики "ура", "оваціи". Но среди рѣчей солдат отмѣчают фразы: "штык против нѣмцев, приклад против внутренняго врага". Были произнесены двѣ "крайнія рѣчи" — угроза удалить "вон" правительство, если оно не пойдет об руку с Совѣтом, и требованіе заключенія бывш. императора и Петропавловскую крѣпость.. Однако, возраженіе Масленникова встрѣчает "полное сочувствіе" собранія. Вновь "оваціи и ура". При посѣщеніи гвардейских сапер в Несвѣжѣ впервые за всю поѣздку был очень остро затронут вопрос о мирѣ" одним из членов президіума комитета, утвержденным штабом "редактором латышской газеты", который указывал на "мирную конференцію, как на скорѣйшій способ ликвидировать войну". В рѣчах не было "ни одного слова, враждебнаго к Германіи", тѣм не менѣе в концѣ собранія крики "ура" и т. д. В связи с обнаружившимся "крайним направлением" солдат в штабѣ I корпуса, депутаты отмѣчают рассказы "очевидцев", как пѣхота препятствовала артиллеріи прекращать "братанія", возникавшія по инициативѣ "германцев" и принимавшія в нѣкоторых частях корпуса "прямо уродливыя формы" на Пасху[435].

Вот главнѣйшее, как думается, что можно извлечь из записей, сдѣланных уполномоченными Врем. Комитета (отчет напечатан, к сожалѣнію, с купюрами). Какое можно сдѣлать заключеніе о настроеніях на других фронтах? Показательным явленіем был многочисленный армейскій съѣзд, собравшійся в Минскѣ и засѣдавшій с 7 по 17 апрѣля. Это был съѣзд "военных и рабочих депутатов арміи и тыла Западнаго фронта" (присутствовало около 1200 делегатов). Первый армейскій съѣзд, привѣтствовали думскіе депутаты Родзянко и Родичев. От Исп. Ком. прибыла делегація, в состав которой входили Чхеидзе и Церетелли. Суханов в воспоминаніях бьет в литавры по поводу успѣха совѣтской делегаціи — съѣзд имѣл "огромное значеніе для завоеванія арміи Совѣтом": съѣздом всецѣло овладѣли совѣтскіе люди, совѣтскія настроенія и лозунги, вся вообще совѣтская атмосфера. Резолюціи съѣзда повторяли без всяких поправок и дополненій резолюціи всероссійскаго совѣтскаго "Совѣщанія". "Минскій фронтовой съѣзд знаменовал собой радикальный перелом всей революціонной конъюнктуры и завершеніе совѣтской побѣды над арміей". Мемуарист *post factum* придал минскому съѣзду совершенно не то

значеніе, которое он имѣл.

Съѣзд проходил в конечных чертах в атмосферѣ взаимнаго довѣрія. "Демосфены от плутократіи", как выражается мемуарист, появились в Минскѣ вовсе не для того, чтобы противопоставить какую то особую политику "думско-правительственных сфер" политикѣ революціонной демократіи послѣ правительственной деклараціи по внѣшней политикѣ. Формально позиціи обоих политических центров не расходились. "Именитые столичные делегаты от Совѣта держали себя также с тактом. Чхеидзе говорил о необходимости единенія фронта и тыла для того, чтобы свобода стала, дѣйствительно, "величайшим праздником". Защитѣ свободы посвятил свою рѣчь Церетелли, указывавшій, что сепаратный мир был бы гибелью для Россіи. Скобелев высказывал увѣренность, что армія не допустит удушливых газов с распада и установит единеніе солдат и офицеров и т. д. Их выступленія были "сплошным триумфом", но также "восторженно рукоплескала" аудиторія и "революціонно-патріотическим" фразам думских делегатов. При открытіи съѣзда выступили представители французской и англійской военных миссій. С

энтузіазмом воспринята была и рѣчь новаго главнокомандующаго ген. Гурко, этого подлиннаго военнаго вождя и хорошаго оратора, по характеристикѣ иностраннаго наблюдателя проф. Легра[436]. Такое одинаковое отношеніе ко всѣм ораторам возбуждает даже возмущеніе со стороны Легра: «с'est écoeurant» записывает он в дневник. В дѣйствительности это свидѣтельствуется лишь о настроеніи аудиторіи[437]. Никаких общих политических резолюцій, кромѣ резолюціи всероссійскаго Совѣщанія Совѣтов, никѣм не было предложено — естественно, что онѣ и были приняты без поправок и дополненій.

Но важно, что резолюція о войнѣ, хотя предсѣдателем съѣзда был избран большевик Позерн, глава мѣстнаго совѣта, заявившій себя, однако, перед открытіем отѣзда соц. демократом, стоящим на платформѣ совѣтскаго "Совѣщанія", была принята 610 голосами против 8 при 46 воздержавшихся. "Пораженцы" всѣх мастей должны были ступать перед настроеніем делегатов, в большом количествѣ прибывших из "окопов". Ленинскіе выученики, появившіеся на авансценѣ, не торжествовали и в секціонных засѣданіях съѣзда, гдѣ обсу-

ждались дѣловые вопросы: так в секціи но организациі арміи, разрабатывавшей проект обновленія команднаго состава, подавляющим большинством было отвергнуто выборное начало. Съѣзд объявил дезертирство из арміи "позором и измѣной дѣлу революціи" и требовал добровольнаго немедленнаго возвращенія в свои части покинувших фронт. В состав фронтоваго комитета на съѣздѣ было выбранно 27 офицеров, 35 солдат, 10 рабочих и 3 врача. В состав этого комитета съѣзд включил свящ. Еладинцова, который привѣтствовал съѣзд от имени "горсточки революціоннаго духовенства". Перед закрытіем съѣзда ген. Гурко выступил с рѣчью, предостерегавшей от междукопных переговоров с нѣмцами, которые скрывали таким путем свои продвиженія на фронтѣ. "Война — говорил главнокомандующій — кончится не отказом от анексіи и контрибуцій, а тогда, когда одна воля будет подавлена другой. Мы должны сломить волю врага, и тогда провозглашенныя идеи самоопредѣленія будут проведены в жизнь. Разрушив германскій милитаризм, мы скажем: "не смѣйте держать столько войск, быть постоянной угрозой міру"...

Приблизительно в это время англійскій посол посѣтил предсѣдателя кабинета министров, котораго он застал в "очень оптимистическом настроеніи". Бьюкенен на основаніи данных, доставленных англійскими (военными) атташе, которые вернулись с фронта, обращал вниманіе Правительства на состояніе арміи и настаивал на запрещеніи социалистическим агитаторам посѣщать фронт. Львов совершенно не раздѣлял пессимизма посла. Львов — записывает послѣдній — успокоил меня, сказав, что на фронтѣ есть только два слабых пункта: Двинск и Рига (т. е. Сѣверный фронт). Армія, как цѣлое, крѣпка, и всѣ попытки агитаторов уничтожить дисциплину не будут имѣть успѣха: "Правительство может рассчитывать на поддержку арміи и даже петроградскій гарнизон, не говоря уже о войсках на фронтѣ, которыя предложили уничтожить Совѣт рабочих" (Бьюкенен был "весьма озабочен", что Правительство "безсильно освободиться от контроля Исп. Ком."). "Правительство — прибавил Львов — не может принять подобных предложеній, не подвергая себя нападкам в том, что оно замышляет контр-революцію".

Что же это был только самообман, присущій

идиллистически настроенному премьеру, или выраженіе офіціального оптимизма, вынужденнаго вмѣшательством иностраннаго посла? Допустим и то, и другое, и всетаки открывшіяся возможности вовсе не были проблематичны, ибо дѣйствительность не была так безнадежна, как она в послѣдствіи рисовалась нѣкоторым мемуаристам. В апрѣлѣ армія сохраняла свою силу, и недаром министр ин. дѣл. связанный с проф. Легра старыми дружественными личными отношеніями, говорил ему 17 апрѣля, что серьезнее наступленіе задерживается только вопросом о продовольствіи арміи, затрудненным дезорганизаціей транспорта, а Ставка на запрос великобританскаго ген. штаба от имени союзников о сроках наступленія довольно категорически сообщила, что наступленіе назначено на середину мая[438].

* * *

Если мы вернемся к мартовским дням, то должны будем признать, что перспективы возможностей открывались еще большія. Этими возможностями не сумѣли воспользоваться. Слова приведеннаго выше согласительнаго воззванія ("приказа

№ 3") довольно наглядно передают нам нервную обстановку еще не улегшагося возбужденія первых революціонных дней — дней "свѣтлых, но еще тревожных", по характеристикѣ одновременно изданнаго приказа по Преображенскому полку ("свѣтлыми, ясными" назвал их даже Алексѣев — быть может, больше по тактическим соображеніям — на Государ. Совѣщаніи в Москвѣ). Закрѣпить "свободу", в которой нѣтъ еще полной увѣренности, провозглашеніем *urbі et orbі* новаго правительственнаго принципа, именовавшагося "завоеваніями революціи"; увлечь колеблющіяся и сомнѣвающіяся души красивыми лозунгами-декларациями, дать внѣшнюю коллективную форму выраженія накопленному индивидуальному энтузіазму — вот могучи стимул момента, заглушавшій подчас всѣ партійныя или иныя соображенія.

Революціонная фразеологія всегда, конечно, на грани демагогіи, ибо она забывает "милліоны моментов будущаго", которые предстоит пережить (слова ген. Алексѣева на Гос. Соц.). Но каждый отдѣльный момент запечатлевается волнующими сценами искренняго пафоса. Прислушаемся к голосу современника — он достаточно знамена-

телен. В газетѣ "Рѣчь" — в той газетѣ, позицію которой через короткій промежуток времени дневник Гиппиус будет опредѣлять словами "круглый враг всего, что касается революціи" — рассказывалось о повышенном настроеніи, царившем 13 марта на первом объединенном засѣданіи представителей образовавшагося Совѣта офицерских депутатов петроградскаго гарнизона и Исполнительнаго Комитета, на котором обсуждался проект "декларации" прав солдата (присутствовали и иностранные офицеры). Это была торжественная манифестація единенія солдат и офицеров. В "общем энтузіазмѣ, поцѣлуях и слезах" принимается резолюція, призывающая в основу "прочнаго братскаго единенія" положить чувство "взаимнаго уваженія... чести и общее стремленіе стоять на стражѣ свободы". Мрачно настроенный Деникин, чуждый "иллюзіям", во всѣх этих манифестаціях усмотрит (по крайней мѣрѣ в воспоминаніях) лишь "лживый пафос" (генерал попал в Петербург уже тогда, когда очередные будни стали стирать флер первых дней). Скептики скажут (с извѣстной правдивостью), что дѣйствительность была далека от таких идиллій и дадут примѣры разительнаго противорѣчія. И тѣм не менѣе забыть об этих

(пусть даже поверхностных) настроеніях — значит нарушить историческую перспективу. Нельзя усмотрѣть только "ложный пафос" в грандіозной и торжественной манифестаціи, которую явили собой похороны "жертв революціи" на Марсовом полѣ 23 марта[439], или в аналогичных, сантиментальных сценах на фронтѣ (уполномоченные Врем. Ком. отмѣчали "братаніе" офицеров и солдат 23-го в Двинскѣ, когда, присутствовавшіе плакали); не только "ложный пафос", заставлял рыдать "буржуазную" и "пролетарскую" толпу, собравшуюся на концерт-митинг 25 марта в Маріинском театрѣ, который был организован в пользу "жертв революціи" комитетом Волынскаго полка и на котором присутствовали члены иностраннаго дипломатическаго корпуса и активно участвовали представители Правительства и Совѣта (выступали Керенскій и Чхеидзе). Палеолог вспоминает, что, когда Фигнер развертывала перед аудиторіей скорбный мартиролог погибших за дѣло свободы и похоронный марш в оркестровом исполненіи придавал политической рѣчи патетическій характер религиозных поминок, *большинство* присутствовавших плакало[440]. Только славянская душа (*âme slave*) способна, по

мнѣнію француза-реалиста, так реагировать на слово. Но это было и это захватило всѣх. Керенскій обмѣнивался в Кронштадтѣ поцѣлуем с Рощалем (!!)..., "слезы" и "объятія" отмѣчает Бубликов на первом засѣданіи съѣзда промышленников, собравшегося в Москвѣ 19-го и "единодушно" привѣтствовавшего "сверженіе презрѣнной царской власти" (выраженіе Рябушинскаго на Гос. Сов. в Москвѣ). "Всенародным торжеством — вспоминает Гольденвейзер — был "Праздник революціи", организованный в Кіевѣ 16 марта: это было внѣшнее выраженіе того подъема, тѣх приподнятых радостных настроеній, того "почти" полного единства мыслей и чувств, с которыми переживал Кіев "медовый мѣсяц" революціи.

Подобнее настроеніе не могло не отражаться и на отношеніи к войнѣ. Даже самые "непримиримые противники войны" — большевики, еще не шли дальше лозунга "войны без побѣдителей и побѣжденных". Карикатурой на дѣйствительность являются утвержденія, подобныя тѣм, какія можно найти в исторических изысканіях военнаго историка Головина, не усомнившася написать без всяких оговорок про "начало революціи", что

"крайнія соціалістическія партіи с большевиками во главѣ" в цѣлях "углубленія революціи" толкали солдатскія массы к бунту и убійству офицеров, не останавливаясь перед полным разрушеніем самого организма арміи". Дезорганизаторская работа большевиков, не могших по своей численности оказывать большого вліянія на рѣшенія Исп. Ком., была в сущности далека в то время от такой проповѣди. Оберучев рассказывает, как неистовый и истерическій будущій главковерх Крыленко, занимавшійся в эмиграціи перефразировкой ленинских призывов против войны, на фронтном съѣздѣ в Кіевѣ в апрѣлѣ высказался за наступленіе. Позиція "защиты революціоннаго отечества", которой держалось без колебаній большинство Исп. Ком., и которая может быть выражена позднѣйшим заявленіем Церетелли на московском Гос. Совѣщаніи: "сторонники сепаратнаго мира придут, только перешагнув через труп революціи", не могла вести к сознательному разрушенію арміи. Цѣлью реформ, разрабатывавшихся солдатской секціей Совѣта, являлось укрѣпленіе — может быть эфемерное — военнаго организма...

По мнѣнію ген. Врангеля, в "рѣшительныя ми-

нуты" послѣ переворота не было сдѣлано со стороны старших военных руководителей "никакой попытки овладѣть сверху психологіей арміи"... Мы видѣли, что это было не совсѣм так. Но, повидимому, Врангель раздѣлял в то время позицію Деникина, первое впечатлѣніе котораго при полученіи циркулярной телеграммы Алексѣева было, как мы знаем, формулировано словами: "Ставка выпустила из своих рук управление арміей". Ставка упустила момент не в смыслѣ захвата армейскаго революціоннаго движенія в свои руки. Нѣтъ! "Грозный окрик верховнаго командованія, поддержанный сохранившей в первыя двѣ недѣли дисциплину и повиновеніе арміей, быть может, мог поставить на мѣсто переоцѣнившей свое значеніе Совѣт, не допустить "демократизаціи" арміи и оказать соотвѣтствующее давленіе на весь ход политических событій, не нося характера ни контр-революціи, ни военной диктатуры" — пишет автор "Очерков русской смуты", передавая не то вывод современника, не то заключеніе историка. "Лояльность команднаго состава и *полное* отсутствіе с его стороны активнаго противодѣйствія разрушительной политикѣ Петрограда — по словам Деникина — превзошли всѣ ожиданія революціонной

демократіи"...

Сам Деникин совершенно не склонен был итти на уступки — по собственным словам, он, в качестве главнокомандующаго фронтом, подчеркнуто с самага начала держался системы полного игнорирования комитетов. Період разработки новых реформ застал Деникина на посту нач. штаба верх, главнокомандующаго, *что не могло не оказывать несомнѣннаго вліянія на позицію Ставки*. Ссылаясь на знаніе "солдатской психологіи", Деникин говорит, что строевые начальники не желали придавать армейским реформам (признавая цѣлесообразность нѣкоторых из них — устраненіе "нѣкоторых отживших" форм) характер "завоеваній революціи": надо было дѣйствовать "исподволь, осторожно". Рецепт довольно утопичный в обстановкѣ революціоннаго дѣйствія. Какими силами можно было удержать армию в предѣлах стараго дисциплинарнаго устава? Здѣсь между "генералитетом", принявшим переворот, и "революціонной демократіей", активно участвовавшей в переворотѣ, лежала непроходимая пропасть, отчетливо опредѣленная в рѣчи Кучина на Гос. Совѣщаніи и в деклараціи, прочитанной Чхеидзе от имени рево-

люціонной демократіи: "солдаты будут уходить от революціи и в ней разочаровываться"...[\[441\]](#).

Алексѣев, как много раз мы могли усмотрѣть, отнюдь не держался такой непримиримой позиціи. В мартѣ у него не было того раздраженнаго чувства разочарованія, которое так отчетливо проявилось в позднѣйших письмах и записях дневника. Верховный главнокомандующій умѣл тактично сглаживать шероховатости Ставки, куда "хлынули", по выраженію Деникина, смѣщаемые, увольняемые и недовольные генералы.

"Лойяльная борьба", напоминающая весьма отвлеченныя директивы командиров 32 пѣх. див. о водвореніи порядка во время революціи "без кровопролитія", привела бы не только к преждевременному конфликту с Правительством, но роковым образом превратила бы Ставку, дѣйствительно, в центр контр-революціи. Не трудно допустить возможность появленія на фронтѣ рѣшительнаго генерала, не поддавашагося "иллюзіям" и с тенденціей "водворить порядок". Экспансивный Крымов, участник "дворцоваго переворота", подготавливашагося до революціи Гучковым и др., встрѣтив в 20-х числах марта вызваннаго в Петер-

бург Деникина, говорил ему: "Я предлагал им (правительству) в два дня расчистить Петроград одной дивизией — конечно, *не без кровопролития* ... Ни за что! Гучков не согласен. Львов за голову хватается: "помилуйте, это вызвало бы такія потрясенія! Будет хуже". На днях уѣзжаю к своему корпусу: не стоит терять связи с войсками, только на них и надежда". Надо думать, что подобный разговор Крымова с нѣкоторыми членами Правительства имѣл мѣсто — иначе не мог бы записать нѣчто совсѣм аналогичное Бьюкенен со слов кн. Львова. Врангель на основаніи бесѣды с Крымовым послѣ его возвращенія в 3-й конный корпус, начальником котораго он был назначен вмѣсто гр. Келлера, придает нѣсколько иной характер крымским планам. "Ген. Крымов, повидавши Гучкова, Родзянко, Терещенко и других своих политических друзей, вернулся значительно подбодренным" — пишет Врангель^[442]: "По его словам, Врем. Пр., несмотря на кажущуюся слабость, было достаточно сильно, чтобы взять движеніе в свои руки. Необходимость этого яко-бы в полной мѣрѣ учитывалась членами Врем. Правительства". Крымов заявлял, что "надо дѣлать ставку на казаков"... Если не Крымов, мог быть и другой — по сговору или без вѣдома пра-

вительства. В нѣкоторых военных кругах мысль о "расчисткѣ" революціоннаго Петербурга была популярна. Напримѣр, в записях Куропаткина, относящихся к началу мая, попадаетса имя командующаго VI арміей ген. Горбатовскаго, который предлагал средство для борьбы с развалом арміи "невѣроятное": "сформировать корпус или полкорпуса из офицеров и силою уничтожить петроградскій Совѣт С. и Р. Д." [443]. Врангель утверждает, ссылаясь, между прочим, на заявленія "всѣх полков" Уссурийской дивизіи, которой он командовал, что "ряд войсковых частей обращался с заявленіями к предсѣдателю Правительства, в коих указывалось на готовность поддержать новую власть и бороться со всѣми попытками внести анархію в страну". Но Правительство "не рѣшалось опереться на предлагаемую ему самими войсками помощь". Гучков при поѣздках на фронт "неизмѣнно громко заявлял", принимая депутаціи от разнаго рода частей, что Правительство "ни в какой помощи не нуждается, что никакого двоевластія нѣт, что работа Правительства и Совѣта Р. и С. Д. происходит в полном единеніи". Дневники Болдырева, Селивачева, Легра вносят существенную поправку: в неофициальных, полуинтимных бесѣдах,

на которых рождаются конспиративные затѣи, военный министр говорил нѣчто другое. На Госуд. Совѣщаніи и Милюков вспоминал "длинную вереницу депутаціи от арміи, тогда еще не разложившейся, проходивших перед нами в Маріинском дворцѣ и тревожно спрашивавших нас, Временное Правительство перваго состава: "Правда-ли, что в Петроградѣ двоевластіе, правда ли, что вам мѣшают самочинныя организаціи? Скажите нам, и мы вас освободим от них". Я помню и наши смущенные отвѣты: "Нѣт, нѣт, это преувеличено... Были, правда, попытки, по теперь все приходит в равновѣсіе, в порядок"...

Бездѣйствіе Правительства толкнуло ген. Врангеля на прямой путь конспираціи — созданія в центрѣ тайной военной организаціи. В дни апрѣльскаго правительственнаго кризиса не только были намѣчены зачатки этой организаціи (образован был "небольшой штаб", куда бар. Врангель привлек своих однопольчан гр. Палена и гр. Шувалова, раздобывши "кое какія средства"), но, если повѣрить словам мемуариста, "прочно" налажена была связь со "всѣми военными училищами и нѣкоторыми воинскими частями", "отлично" была

поставлена развѣдка — был уже "разработан подробный план занятія главнѣйших центров города и захвата всѣх тѣх лиц, которыя могли бы оказаться опасными"... Надо было отыскать имя. "Ни в составѣ Правительства, ни среди окружающих его общественных дѣятелей" не было человѣка, способнаго "твердой и непреклонной рѣшимостью" положить "предѣл дальнѣйшему развалу страны". "Его надо было искать в арміи среди немногих популярных вождей. К голосу такого вождя, опирающагося на армію, не могла не прислушаться страна, и достаточно рѣшительно заявленное требованіе, опирающееся на штыки, было бы выполнено. Считаюсь с условіями времени, имя такого вождя должно было быть достаточно "демократичным". Таких имен Врангель знал "только два" — ген. Лечицкаго и ген. Корнилова. С упомянутыми генералами начались переговоры...

К чему могла, бы привести гражданская междоусобица, которой так старалось в первые рѣшающіе дни революціи избѣгнуть верховное командованіе? Гадальныя карты о судьбах Россіи каждый будет раскладывать по своему разуму и предвидѣнію. Позорный конец войны? Сепаратный

мир? Преждевременный развал Россіи? Реставрація при содѣйствіи нѣмцев? "Не каждому дано видѣть, что можно" — резонерствовал Маклаков на Государственном Совѣщаніи. "Политическая программа момента диктуется не волею партій, а волею исторіи" — говорил он, полагая, что эту "волю" познает "своим инстинктом" "глубинная темная масса народа". — "Россія за революцію себя не продаст". Сколько иллюзій семнадцатаго года разбила жизнь, ...исторіи имѣет право установить лишь факт, что всѣ тѣ предначертанія, которыя рождались в средѣ военного командованія, были чужды психологіи момента и в силу этого неосуществимы. "Покуда вѣрят и хотят этой революціи, покуда революціонная власть исполняет свой долг, защищает Россію и ведет Россію, до тѣх пор смѣшны какіе бы то ни было заговоры" — констатировал Маклаков на Государственном Совѣщаніи. То, что могло быть еще сомнительным в августѣ, было безспорной истиной для марта и апрѣля. Непродуманныя политическія авантюры (план ген. Врангеля оказался в точном смыслѣ слова пуфом, встрѣтив весьма небольшіе отклики в "правых" кругах) творили лишь злое дѣло для Россіи. "Достаточная скрытность" никогда не является гаран-

тіей и особенно в той средѣ, которой не свойственны конспиративные замыслы. Таинственные слухи ползли, сѣяли разлад, создавали напряженную общественную атмосферу и расширяли плацдарм, на котором могли возрастать плоды демагогіи крайняго сектора революціонной демократіи.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. РЕВОЛЮЦІОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

І. Концентрація власти.

1. Идея преемственности.

В. Д. Набоков в воспоминаніях удѣляет серьезное вниманіе разсмотрѣнію тѣх "преюдиціальных вопросов", выражаясь ученой терминологіей мемуариста, которые беспокоили юристов при поисках правильной внѣшней формы для выраженія акта 3-го марта. Можно ли было в дѣйствительности считать Мих. Ал. с формальной стороны в момент подписанія отреченія императором? В случаѣ, рѣшенія вопроса в положительном смыслѣ,

отречение мимолетнаго кандидата на російській престол могло бы вызвать сомнѣніе "относительно прав других членов императорской фамиліи" и санкціонировало бы незаконіе с точки зрѣнія существовавших Основных Законов, которое совершил имп. Николай II, отрекшійся в пользу брата. Легисты из этого лабиринта "юридических тонкостей" вышли (или думали выйти), выработав эластичную формулу, гласившую, что "Михаил отказывается от принятаго верховной власти". К этому, по мнѣнію Набокова, собственно и должно было свестись "юридически цѣнное содержаніе акта". Но "по условіям момента казалось необходимым... воспользоваться этим актом для того, чтобы в глазах той части населенія, для которой он мог имѣть серьезное нравственное значеніе — торжественно подкрѣпить *полноту* власти Врем. Правит. и преемственную связь его с Гос. Думой"[\[444\]](#). В первой деклараціи Врем. Правит. — подчеркивает Набоков — "оно говорило о себѣ, как о кабинетѣ", и образованіе этого кабинета, разсматривалось, как "болѣе прочное устройство исполнительной власти". Очевидно, при составленіи этой деклараціи было еще неясно, какія очертанія примет временный государственный строй[\[445\]](#).

Акт, подписанный В. Кн. Михаилом, таким образом, являлся "единственным актом, опредѣлявшим объем власти революціоннаго временнаго правительства и устанавливавшим за ним "в полном объемѣ и законодательную власть". Трудна была задача, которая в дни революціи юридически разрѣшалась на Милліонной. Юридическое сознание Маклакова и через 10 лѣт не могло примириться со "странным и преступным" манифестом 3-го марта, котораго Вел. Князь не имѣл права подписывать даже в том случаѣ, если бы он был монархом, ибо манифест вопреки существующей конституціи, без согласія Думы, объявлял трон вакантным до созыва Учред. Собранія, устанавливал систему выборов этого Учред. Собр. и передавал до его созыва Временному Правительству абсолютную власть, которой не имѣл сам подписавшій акт. Отвлеченная мысль, парящая в теоретических высотах юридической конструкции и далекая от жизненной конкретной обстановки, пріобрѣтает у Маклакова кажущіяся реальныя очертанія только потому, что он уже в качествѣ историка-теоретика, как мы видѣли, в сущности отрицал наличность происшедшей в странѣ в февральскіе дни *революціи* . Новое правительство, — по его мнѣнію —

имѣло всѣ шансы (личный престиж, административный аппарат, армію, авторитет преемственности от старой власти), опираясь на поддержку массы, не сочувствующей беспорядкам, одержать верх в конфликтѣ с возстаніем. "Преступным актом" 3-го марта все было скомпрометировано — манифест явился сигналом (?) возстанія во всей Россіи[446]. Большинство населенія — "спокойное и мирное", перестало, что-либо понимать, когда увидало, что представители Думы, которым оно довѣряло, идут рука в руку с революціонерами. Неужели такая картина хоть сколько-нибудь отвѣчает тому, что происходило в дѣйствительности" В февралѣ-мартѣ произошло нѣчто соціально гораздо болѣе сложное, чѣм бунт, — это соціально болѣе сложное мы и называем "революціей".

Всякая юридическая формула не будет мертворожденной доктриной в том лишь случаѣ, если она соотвѣтствует реальным условіям момента и осознана людьми, выражающими психологию этого момента. Милюков в своем историческом повѣствованіи должен был признать, что в "сознаніи современников этого перваго момента новая власть, созданная революціей, вела свое преемство

не от актов 2 и 3 марта, а от событій 27 февраля. В этом была ея сила, чувствовавшаяся тогда — и ея слабость, обнаружившаяся впоследствии". По мнѣнію историка, всѣ послѣдующія "ошибки революціи" неизбежно вытекали ("должны были развиться" — говорит Милюков) из положенія "дефективности в самом источникѣ, созданном актом 3 марта[447], когда представители "Думы третьяго іюня" в сущности рѣшили вопрос о монархіи. Нельзя отрицать величайших затрудненій, которыя возникли и тяжело отзывались на ходѣ революціи, но причины их лежали не в отсутствіи монархіи в переходное время, а в том, что ни идеологи "цензурной общественности", ни, формально представленное ими временное правительство не сумѣли занять определенной позиціи. Здѣсь, дѣйствительно сказалась "дефективность" происхожденія революціонной власти. Она родилась из революціи — сказал Милюков на митингѣ 2-го марта в Екатерининском залѣ Таврическаго дворца. Безспорно это так, но вышла она из горнила революціи в формах, несоотвѣтственных с самого зарожденія своего этой революціи, что и дѣлало ее "внутренне неустойчивой". Как рассказывают, самоарестовавшійся в первые дни в министерствѣ пут. сообщ. Кри-

вошеин, узнав о составѣ Временнаго Правительства, воскликнул: "Это правительство имѣет один... очень серьезный недостаток. Оно слишком правое... Мѣсяца два тому назад оно удовлетворило бы всѣх. Оно спасло бы положеніе. Теперь же оно слишком умѣренно. Это его слабость. А сейчас нужна сила... И этим, господа, вы губите не только ваше дѣтище — революцію, но и наше общее отечество Россію" (Ломоносов). Участіе представителя совѣтских кругов, Керенскаго, в правительствѣ в качествѣ "единственнаго представителя демократіи" и как бы контроля власти в смыслѣ ея демократичности[448], давая нѣкоторую иллюзію классоваго сотрудничества и авторитет революціонности, вмѣстѣ с тѣм еще рѣзче подчеркивало несоотвѣтствіе, которое отмѣчал испытанный дѣятель стараго режима, представитель либеральнаго направленія в бюрократіи. Только недоразумѣніем можно объяснить утвержденіе Маклакова, что революція привела к власти "умѣренных". В жизни фактически было совсѣм другое. Такое несоотвѣтствіе неизбежно должно было породить острый конфликт между реальной дѣйствительностью и идеологической фикціей.

Никак нельзя сказать, что правительство попыталось отчетливо провести в жизнь формулу, выработанную государствомъдами 3-го марта и предоставлявшую ему "всю полноту власти". Очевидно, эта формула была не ясна в первые дни и самим политическим руководителям. Получилось довольно путанное положеніе, совершенно затемнявшее ясную, как будто бы, формулу. Юридическая концепція преемственности власти от старых источников мало подходила к революціонной психологіи, с которой с каждым днем приходилось все больше и больше считаться. Наслѣдіе от "старого режима" отнюдь не могло придать моральной силы и авторитета новому правительству. И мы видим, как об этой преемственности внѣшне стараются забыть . Яркую иллюстрацію дает исторія текста перваго воззванія Правительства к странѣ, которое в дополненіе к деклараціи, сопровождавшей созданіе власти, должно было разъяснить народу смысл происшедших исторических событій. Порученіе составить проект было дано Некрасову, который пригласил к выполненію его "государствомъдов" Набокова и Лазаревскаго. Проект был выработан при участіи еще члена Думы Добровольскаго, доложен 5 марта Прави-

тельству, встрѣтил "нѣкоторыя частныя возраженія", как потом узнал Набоков, и передан был для "передѣлки" Кокошкину. Послѣдній представил текст, "заново" передѣланный Винавером, и в таком видѣ воззваніе было санкціонировано Правительством и опубликовано 6 марта. Так как воззваніе печаталось опять в типографіи мин. пут. сообщ., то неожиданно у Ломоносова оказался и первоначальный проект, который, по его словам, был передан ему для напечатанія Некрасовым. Мы имѣем возможность таким образом сравнить два текста. Напечатанное нельзя назвать "цѣликом написанным" Винавером — это лишь передѣлка набоковскаго текста. Воззваніе вышло компактнѣе и болѣе ярким: "Совершилось великое! Могучим порывом русскаго народа низвергнут старый порядок. Родилась новая свободная Россія... Единодушный революціонный порыв народа и рѣшимость Гос. Думы создали Временное Правительство, которое и считает своим священным и отвѣтственным долгом осуществить чаянія народныя и вывести страну на свѣтлый путь свободаго гражданскаго устроенія... Учредительное Собрание издаст... основные законы, обезпечивающіе странѣ незыблимыя основы права, равенства и свободы"

и т. д. Что же было устранено? — вся историческая часть [449] и слѣдовательно отпал рассказ о том, как отрекся Царь, как передал он "наслѣдіе" брату, и как "отказался воспріять власть" Великій Князь.

Нельзя не усмотрѣть здѣсь устраненія, сдѣланнаго сознательно в опредѣленных политических видах. Это так ясно уже из того, что тогдашній политическій вождь "цензовой общественности", в корнѣ измѣнившій в эмиграціи свои политическіе взгляды и в силу этого давшій в позднѣйшей своей книгѣ "Россія на переломѣ" иную концепцію революціи, мог написать через 10 лѣт, наперекор тексту, помѣщенному в "Исторіи": "Уходившая в исторію власть в лицѣ отказавшагося в. кн. Мих. Ал. пробовала (?!) дать правительству санкцію преемственности, но в глазах революціи этот титул был настолько спорен и так слабо формулирован самим (?!) в. кн. Мих. Ал., что на него никогда впоследствии не ссылались" [450].

Совершенно естественно, что в Петербургѣ скрывали о назначеніи кн. Львова указом отрекшагося Царя, которое было сдѣлано по инициативѣ думских уполномоченных согласно предварительному плану. Шульгин вспоминает, что, когда он

"при удобном случаѣ попробовал об этом напомнить на Милліонной (вѣрнѣе всего на вечернем засѣданіи в Таврическом дворцѣ), ему сказали, что надо "тщательно скрывать", чтобы не подорвать положенія премьера... Но указ был опубликован на фронтѣ 4-го. О нем, конечно, узнали в Петербургѣ, как и о назначеніи в. кн. Ник. Ник. Это вызвало волненіе, и "Извѣстія" 6 марта писали: "Указ Николая II превратил в. кн. Львова из министра революціи в министра, назначеннаго царем, хотя и бывшим"... и "демократія должна требовать от Врем. Правительства, чтобы оно прямо и недвусмысленно заявило, что, признает указ Николая II о назначеніи в. кн. Львова недѣйствительным. Если правительство откажется выполнить это требованіе, оно тѣм самым признается в своих монархических симпатіях и обнаружит, что недостойно званія Временнаго Правительства возставшаго народа. Революція не нуждается в одобреніи бывшаго монарха".

* * *

Умалчивая о преемственности своей от акта 3 марта, Правительство тѣм самым уничтожало то

"юридическое значеніе", которое государствовѣды находили в содержаніи этого акта. Преемственная связь правительства с конституціей низвергнутого революціей полнтического строя, выраженная по замыслу легистов в формулѣ "по почину Гос. Думы возникшему", была сама по себѣ весьма относительна. Во имя логики юридическая мысль дѣлала нѣкоторый подлог, который совершала и политическая мысль во имя тактики. Еще 1 марта в воззваніи Трудовой группы массы призывались "итти на штурм послѣдней твердыни власти, самоотверженно подчиняясь временному правительству, организованному Гос. Думой". Под временным правительством здѣсь подразумѣвался Временный Комитет Гос. Думы. Но при чем в сущности была Гос. Дума, как таковая? Временный Комитет был избран частным совѣщаніем членов Думы и сдѣлался "фактором революціи". Далѣе произошло соглашеніе Временнаго Комитета с Исп. Ком. столь же самочинно собравшагося Совѣта Р. Д. т. е. соглашеніе "двух революціонных сил". По этому соглашенію Временный Комитет назначил министров — в сущности с молчаливаго одобренія Исп. Комитета. Тут и происходит подлог, когда Врем. Комитет замѣняется термином

даже не частнаго совѣщанія Думы, которое больше не собиралось в дни переворота, а старым законодательным учрежденіем, именовавшимся "Государственной Думой". Сурогат учрежденія становится синонимом самого учрежденія. И такое словоупотребленіе дѣлается общим мѣстом — и в официальных актах (начиная с перваго "манифеста" Временнаго Правительства), и в официальных воззваніях, и в агитаціонной литературѣ.

До манифеста 3-яго марта московская печать (петербургская не выходила) рисуеет организацію власти приблизительно так, как охарактеризовал положеніе Родзянко в разговорѣ с Рузским: "*Верховная* власть временно перешла к народному представительству в видѣ Государственной Думы" — писало "Утро Россіи". Эта "третьеіюньская Дума", пройдя через закаляющее горнило испытаній военных лѣтъ с их мрачными переживаніями и ужаснувшими всѣх разоблаченіями... предстоит перед страной совсѣм в ином образѣ, чѣм пять лѣтъ назад. Сейчас эта Дума с честью выполнила свой долг перед народом, с патриотической рѣшительностью вырывая верховную власть из недостойных рук, и стала естественно организующим цен-

тром, вокруг котораго спланивается отнынѣ новая, свободная Россія... И, как организующій страну центр, мы признаем Гос. Думу, мы привѣтствуем ее, мы ей повинемся". "Государственная Дума — вот наш національный вождь в великой борьбѣ, всколыхнувшей всю страну" — говорило "Русское Слово". И только "Рус. Вѣд." выражались болѣе осторожно: "Думскій Комитет есть зародыш и первая временная форма исполнительной власти, признающей сполна отвѣтственность перед страной и пользующейся ея довѣріем". Московская печать была всецѣло во власти зарождавшейся легенды о том, что Гос. Дума "революціонно воспротивилась роспуску".

В связи с организаціей новой исполнительной власти (уже не Думскаго Комитета, а Временнаго Правительства) воззваніе партіи народной свободы от 3 марта обращалось к гражданам: "Дайте созданному Гос. Думой правительству сдѣлать великое дѣло освобожденія Россіи". В письмѣ 3 марта к новому премьеру, в. кн. Ник. Ник., высказываясь "категорически против соглашенія с Совѣтом Р. Д. по вопросу о созывѣ Учр. Собранія", писал: "Я ни одной минуты не сомнѣваюсь, что Временное Пра-

вительство, сильное авторитетом Гос. Думы и общественным довѣріем, объединит вокруг себя всѣх патріотически мыслящих русских людей". Послѣ акта отреченія Мих. Ал. верховный главнокомандующій, обращаясь к населенію Кавказа, говорил о Гос. Думѣ, представляющей из себя "весь русскій народ" к назначившей временное правительство до тѣх пор, пока "народ русскій, благословляемый Богом, скажет на Всенародном Учред. Собраніи, какой строй государственнаго правленія он считает наилучшим для Россіи". В "Вѣстникѣ Врем. Правит." 8 марта опубликованы были воззванія к "братьям офицерам и солдатам" и жителям деревни от имени Государственной Думы, подписанный ея предсѣдателем... В спеціальному воззванію Родзянко к "офицерам, матросам и рабочим" судостроительных заводов в Николаевѣ, подписанном в видѣ исключенія "предсѣдателем Врем. Комитета", подчеркивалось, что новое правительство избрано "из членов Госуд. Думы, извѣстных своей преданностью народной свободѣ"[\[451\]](#). Эта терминологія перешла и в позднѣйшія изысканія: Маклаков, напр., прямо говорит о назначеніи Царем кн. Львова, избраннаго Думой; Милюков в "Исторіи" и равно Керенскій в

своих историко-мемуарных повѣствованіях очень часто употребляют термин "Государственная Дума" вмѣсто "Временнаго Комитета".

Отмѣченная тенденція не может быть случайной — слишком опредѣленно проходит она в первые дни послѣ стабилизациі положенія. Она имѣет цѣлью нѣсколько затушевать в общественном сознаниі активную роль, которую пришлось играть петроградскому Совѣту в организациі временной государственной власти. Надо думать, что Цент. Ком. партіи к. д. сознательно не упомянул в своем воззваніи 3 марта об участіи Совѣта, равно как и в официальной освѣдомительной радіо-телеграммѣ, составленной Милюковым и отправленной в тот же день правительством за границу, функции Совѣта (одной из "наиболѣе вліятельных" лѣвых политических организацій) сводились к "политическому благоразумію", а все организующее дѣйствіе приписывалось Временному Комитету Гос. Думы, солдатскими демонстраціями в пользу которой началась революція 27 февраля. Это не была "карикатура на революцію", как утверждают лѣвые мемуаристы, но это была стилизація революціи (сдѣланная в мягких тонах) под

вкус руководителей тогдашней "цензовой общест-венности"[452]. "Манифест" 6 марта совсѣм умалчивал о Совѣтѣ, говоря только о рѣшимости Гос. Думы и революціонных порывах народа.

Безспорно авторитет Гос. Думы чрезвычайно вырос в сознаниі масс в первое время революціи. Дума, по признанію Керенскаго, явилась как-бы "символом народа и государства в первые мартовскіе дни"... Правительство не отдѣлялось от Думы — свидѣтельствовавал в послѣдствіи отчет уполномоченной Врем. Комитетом Комиссіи, ко-торая была послана на фронт и в провинцію. Их престиж "вездѣ" стоял "очень высоко" — даже такіе большевицкіе дѣятели, как Крыленко, при-знавали, что на фронтѣ нельзя было "рѣзко" ста-вить вопрос о том, что правительство не может за-щищать интересы народа. Но обыватель не слиш-ком разбирался в терминологіи, и поэтому не при-ходится обманываться — это был авторитет не стараго законодательнаго учрежденія, символизировавшаго народное представительство, о кото-ром говорила радіо-телеграмма за границу, а учре-жденія, явившагося истоком Временнаго Комите-та, на котором почилла благодать революціи[453]...

Сама по себѣ Государственная Дума, исчезнувшая в часы переворота (*brusquement* — по выраженію Керенскаго), была уже фикціей, которую едва ли возможно было воплотить в конкретном образѣ. Родзянко говорит, что он настаивал на том, что акты отреченія Николая II и Михаила должны "состояться в публичном засѣданіи Гос. Думы". Дума таким образом "явилась бы носительницей Верховной власти и органом, перед которым Временное Правительство было бы отвѣтственным... Но этому проекту рѣшительно воспротивились"... Надо было признать, что дѣйствовавшая до переворота конституція осталась в силѣ и послѣ манифеста 3 марта, по "юристы кадетской партіи рѣзко возражали, считая невозможным подвести под такое толкованіе юридическій фундамент".

Идею созыва Думы раздѣлял и Гучков. Он считал, что Временное Правительство оказалось висящим в воздухѣ. Наверху — пустота, внизу — бездна. Единственным выходом из положенія какого-то "захватчика власти — самозванца" мог явиться созыв законодательных учреждений, имѣвших, как никак, "санкцію народнаго избранія". Гучков допускал нѣкоторую перелицовку в их составѣ,

примѣрно в духѣ той, которая производилась тогда в земских и городских самоуправленіях. "В бесѣдах со своими коллегами по Врем. Правительству — рассказывает Гучков в воспоминаніях — я нѣсколько раз поднимал вопрос о созывѣ Думы, но не нашел среди них ни одного сочувствующаго этой идеѣ... А. И. Шингарев, объясняя свое отрицательное отношеніе к моему предложенію возстановить права Гос. Думы, сказал мнѣ: "Вы предлагаете созвать Думу, потому что недостаточно знаете ее состав. Если бы надо было отслужить молебен или панихиду, то для этого ее можно было бы созвать, но на законодательную работу она не способна". Разговор с Шингаревым, передаваемый Гучковым, подтверждает указаніе на то, что юридическая концепція, установленная толкованіем акта 3-го марта со стороны государствовѣдов, не была ясна и лидерам партій. Ими руководила политическая цѣлесообразность, т. е., юридически нѣчто весьма расплывчатое. Родзянко считал, что отрицательное отношеніе к идеѣ созыва Гос. Думы вытекало из стремленій дѣятелей кадетской партіи, желавших "пользоваться во всей полнотѣ своей властью". Такое же приблизительно толкованіе дает и Гучков, не нашедшій сочувствія своей

идеѣ и внѣ Временнаго Правительства: "даже среди членов Комитета Гос. Думы я нашел только двух членов, готовых поддержать мою идею" [454].

"Кадетскіе юристы" стояли на почвѣ концепціи, установленной их толкованіем акта 3 марта и иллюстрирующей существовавшую до отреченія "конституцію". Политическая логика была на их сторонѣ. Вопрос о взаимоотношеніях Временнаго Правительства и Временнаго Комитета Гос. Думы возник в первом же засѣданіи Правительства 4 марта, когда кн. Львов предложил "точно опредѣлить объем власти, которым должно пользоваться Вр. Пр. до установленія Учред. Собр. формы правленія". Из сохранившагося наброска протокола этого засѣданія видно, что министрами было высказано мнѣніе, что "вся полнота власти должна считаться переданной не Государственной Думѣ, а Временному Правительству". Отсюда возникал вопрос о "дальнѣйшем существованіи Комитета Гос. Думы и казалась сомнительной возможность возстановленія занятій Гос. Думы" [455]. Временный Комитет, выполнившій легшія на него функции, формально подлежал ликвидаціи. В "Рус. Вѣд." можно было прочесть сообщеніе, что участ-

ники совѣщанія членов Гос. Думы 5-го также склонялись к тому, что "Члены Думы не должны настаивать на сохраненіи Временнаго Комитета". Между тѣм устраниеніе этой фикціи отнюдь не было в интересах "цензовой общественности", ибо устраниеніе Временнаго Комитета означало и устраниеніе авторитета не существовавшего уже государственно-правового учрежденія — "Думы". Популярность слов "Государственная Дума" в первые недѣли революціи являлась столь сильным притягивающим магнитом, что почти естественно представитель Временнаго Правительства и в то же время "совѣтскій" дѣятель, прибыв в Ставку, привѣтствовал Алексѣева именно от Государственной Думы: "Позвольте мнѣ — сказал Керенскій — в знак братскаго привѣтствія арміи поцѣловать вас, как верховнаго ея представителя и передать родной арміи привѣт от Государственной Думы". Член Думы Янушкевич в своем отчетѣ Временному Комитету о поѣздкѣ на Сѣверный фронт в первых числах марта рассказывал, какой по истинѣ "царскій пріем" был ему оказан: повсюду толпы народа встрѣчали его с музыкой, "носили на руках", перед ним "склонялись знамена". И очень скоро тѣ же члены частнаго совѣщанія Гос.

Думы выносят постановление (14 марта) о том, что до созыва Учред. Собранія Государственная Дума является "выразительницей мнѣнія страны". Не совсѣм прав Родзянко в своем утвержденіи, что Правительство не пошло рука об руку с народным представительством — об этом бывший председатель IV Думы говорил в московском государственном совѣщаніи, называя "третьеиюньскую" Думу "всенародным представительством"[456]. На практикѣ Правительство всемѣрно покровительствовало Временному Комитету — его агитаціонной дѣятельности па фронтѣ и в провинціи. Для этой агитаціи были предоставлены всѣ возможности[457]. И надо признать, что, если "ломка" старого строя все же прошла благополучно, если "взбаламученное море" народных страстей к концу третьяго мѣсяца революціи не затопило страну, то в этом не малая заслуга принадлежит созданному 10 марта "отдѣлу сношеній Временнаго Комитета с провинціей". Как свидѣтельствует его отчет, члены Думы разных партій, объѣзжая провинціи в сопровожденіи делегатов Совѣта, несли вглубь Россіи идею единства политическаго фронта — всѣ они тогда были охвачены революціонным пылом неофитов и никаких реакціонных заданий

себѣ не ставили... Через посредство Временнаго Комитета из членов Думы назначались особые уполномоченные — комиссары правительства.

Бытовое значеніе Временнаго Комитета лежало в иной плоскости, нежели его государственно-правовое положеніе. В первое время это разграниченіе не только не было проведено отчетливо, но скорѣе затемнѣно — быть может, из нежеланія разрубать гордіев узел, который представляла собой проблема формальнаго упраздненія Государственной Думы. Состояніе балансированія приводило к вредной сумятицѣ в умах. Вот показательный разговор Рузскаго с Родзянко, послѣдовавшій 18 марта... "В различных газетах — говорил Рузскій — упоминается о Временном Правительствѣ, сочетаемом с Совѣтом Министров. В "Утрѣ Россіи" от 16 марта даже прямо сказано дословно: опубликовано постановленіе Верховнаго Правительства именовать впредь до установленія постояннаго правительства Совѣт министров — Временным Правительством. У граждан тоже замѣтно шатаніе в пониманіи того, что слѣдует считать Временным Правительством. По моему представленію вопрос является ясным, что правительство

составляет Временный Комитет из состава членов Думы, являющихся избранниками народа, а Совѣтъ Министров с министром-президентом кн. Львовым во главѣ есть исполнительный орган"... "Под понятіем Временное Правительство — авторитетно разъясняет Родзянко — надо понимать Совѣтъ Министров, который и есть исполнительный орган и которому Временный Комитет Г. Д. делегировал от имени народного представительства полноту власти. Временный Комитет Г. Д. является *органом высшаго контроля* над дѣйствіями исполнительной власти и в случаѣ удаленія от власти кого-либо из господ министров — замѣняет таковых"... Сославшись на акт отреченія Мих. Ал., подтверждающій его толкованіе, Родзянко прибавлял: "таким образом никакой неустойчивости нѣтъ. Временное Правительство носит в"себѣ исполнительную и отчасти законодательную власть по соглашенію с Временным Комитетом Г. Д.". "Во всяком случаѣ должен Вам сказать — возражает Рузскій — что неустойчивость существует, и мнѣ приходилось говорить с лицами вполне солидными и уравновѣшенными, которыя категорически высказывались, что по их пониманію высшим нынѣшним правительством является Комитет Гос.

Думы. С этим вопросом связана также присяга. Мнѣ кажется, что слѣдовало бы каким-либо актом разъяснить, чтобы не было поводов для каких-либо кривотолков". — "Я переговорю о ваших сомнѣніях с кн. Львовым, но на-днях выйдет в печати журнал о наших засѣданіях перед образованіем Временнаго Правительства или Совѣта Министров, и тогда все разъяснится. Я прошу вас, однако, *придерживаться выше-изложеннаго мною толкованія* о распределеніи власти"...

Сомнѣнія, связанные с присягой, были не только на Сѣверном фронтѣ. Деникин вспоминает, что к нему от частей корпуса (в Румыніи) стало поступать "множество" недоумѣнных вопросов, среди них был и вопрос: "Кто же у нас представляет верховную власть — Временный Комитет, создавшій Временное Правительство, или это послѣднее?". Деникин "запросил", но "не получил отвѣта". "Само Временное Правительство, повидимому, не отдавало себѣ яснаго отчета о существѣ своей власти" — замѣчает будущій начальник Штаба Верховнаго Главнокомандующаго революціоннаго правительства. Аналогичныя сомнѣнія возникали во всѣх кругах. Вот донскіе шахтеры, представитель кото-

рых спеціально прибул в Петербург для раз'ясненія недоумѣнныхъ вопросовъ и ставилъ ихъ в засѣданіи Исп. Ком. 19 марта. Эти вопросы обращены и къ Совѣту и къ Комитету Гос. Думы, который донецкіе шахтеры склонны разсматривать, какъ высшую государственную власть: Совѣтъ запрашивался объ отношеніи его къ "временному правительству", о директивахъ "проведенія в жизнь классовыхъ интересовъ", о лозунгѣ — "долой войну"; Комитетъ Г.Д. просили раз'яснить: "какую форму правленія предполагаетъ Комитетъ", какъ будутъ связаны "мѣстныя выборныя организаціи самоуправленія с центральной властью", "оборонительная или наступательная война". Наконецъ, шахтеры интересовались "мнѣніемъ всѣхъ" о времени созыва "Учр. Собранія" и вопросомъ, "какъ дѣйствовать противъ отдѣльныхъ групп, самостоятельно выступающихъ по вопросамъ, которые имѣютъ общегосударственное значеніе". Что отвѣтилъ шахтерамъ Исп. Ком., мы не знаемъ. Но мы знаемъ, что всѣ вопросы, касающіеся структуры власти, по существу оставались безъ отвѣта, хотя уже в первые дни при Правительствѣ была во главѣ с Кокоскинымъ особая "государственно-правовая комиссія" для разсмотрѣнія юридическихъ вопросовъ, связанныхъ с из-

мѣненіем политическаго строя... Выхода из заколдованнаго круга недоумѣній и противорѣчій не было указано или не было найдено. Ген. Радко-Дмитріев в приказѣ по арміи Западнаго фронта на мѣстѣ по собственному разумѣнію разъяснил "недоумѣнные" вопросы: отмѣнять существующіе законы может лишь "законно установленная власть, олицетворяемая Исп. Ком. Гос. Думы и новопоставленным правительством" ("Изв.", 10 марта). В арміи среди команднаго состава, как указывают даже официальные рапорты, на первых порах, очевидно, прочно укоренилось представленіе, что послѣ переворота высшим законодательным учрежденіем остается Государственная Дума, перед которой отвѣтственно новое министерство, составленное из членов Думы[458].

II. Двоевластіе.

Правительство "упорно", по выраженію Родзянко, не хотѣло созывать Государственную Думу в видѣ антитезы Совѣтам. Эта "антитеза" поставлена была с перваго дня революціи: в глазах одних в видѣ двух враждебных сил, в глазах других — в видѣ сил параллельных. Соглашеніе, достигнутое в

Петербургѣ, привѣтствовалось в самых широких кругах. Так Комитет Общ. Организаций в Москвѣ, представлявшій общественность в точном смыслѣ слова, т. е., класс буржуазіи, интеллигенцію и профессіи физическаго труда, 3 марта привѣтствовал "Правительство Гос. Думы" и "Совѣт" за постановленіе об Учредит. Собраніи. В сознаніи демократической общественности укрѣпилось представленіе (которое пытались вытравить идеологи "цензовой общественности"), что Временное Правительство в своем происхожденіи связано с волеизъявленіем двух организаций, представлявших интересы противоположных слоев населенія — и капиталистических, и трудовых. Это представленіе цѣликом не укладывалось в формулу, которая позднѣе в дни перваго правительственнаго кризиса включена в апрѣльскую (26-го) декларацию Временнаго Комитета Гос. Думы: Временное Правительство было создано Гос. Думой при *содѣйствіи* Петроградскаго Совѣта.

В низах, вопреки всякой социалистической талмудистикѣ, наиболѣе была популярна формула, гласившая, что "новое народное правительство, во главѣ с кн. Львовым, избрано было Исполн. Ком.

Гос. Думы и Исп. Ком. Совѣта Р. и С. Д." — так опредѣлил итог революціоннаго дѣйствія выборный командир зап. бат. лейб-гвардіи Преображенскаго полка в обращеніи к своим, солдатам 3 марта. Поэтому, когда Временному Комитету приходилось обращаться с воззваніями к рабочим, он должен был указывать, что Временное Правительство избрано "по соглашенію с Совѣтом"[\[459\]](#).

"Государственная Дума" и Совѣт — руководили революціонной борьбой, закончившейся низверженіем стараго режима. Государственная Дума не могла, конечно, служить как бы юридической антитезой для Совѣтов, ибо учрежденія эти были разнаго порядка... Автор "Рожденія революціонной Россіи", принадлежавшій к составу "совѣтской демократіи" в общем, думается, довольно вѣрно в своем историческом трудѣ опредѣлил происхождение и роль совѣтов в мартовскіе дни. Это "просто был центр революціоннаго кипѣнія", "временный эрзац профессиональной и политической организациі рабочаго класса", "наскоро сколоченные лѣса вокруг постройки, которые убираются прочь, как только кончается постройка" (Метафору свою автор в сущности заимствовал из рѣчи Церетелли

в августовском Госуд. Совѣщаніи). "Система совѣтов, как формальный остов государства — русская передѣлка анархо-синдикализма", была мыслью чужеродною, которая при "зарожденіи совѣтов совершенно отсутствовала".

Близко подходил к толкованію Чернова (или, конечно, вѣрнѣе обратно) и докладчик по организаціонному вопросу на первом всероссійском совѣщаніи совѣтов меньшевик Богданов: "совершенно естественно — говорил он, — что ничего не имѣя, мы, (т. е. элементы демократическіе) в процессѣ революціи, в первые дни революціи, 27 февраля попытались устроить первую организацію— стихійно возникшій Совѣт Р. и С. Д. Будь у нас сильная организація, мы, быть может, имѣли бы политическія партіи, профессиональные союзы и т. д. То обстоятельство, что у нас их нѣтъ, заставило революціонную демократію в процессѣ революціи, в горнилѣ революціи создать такіе революціонные органы, и это обстоятельство — отсутствіе организаціи — очевидно, увлекло наиболѣе дѣйственные революціонные элементы демократіи на путь созданія Совѣтов. (Добавим, что в "увлеченіи" этой организаціонной идеей сказалось в

значительной степени механическое воспроизведение рабочей традиции 1905-6 гг.).

Как же характеризовал роль совѣтов докладчик? "Это прежде всего органы *не классовые*, органы не классовой политики и классовой борьбы в определенном смыслѣ этого слова — это органы революціонной борьбы, это — органы демократическіе, это — органы, созданные специально с цѣлью отстаиванія и защиты дѣла революціи и подталкиванія и углубленія этого дѣла". Богданов указывал, что "революціонная демократія" состоит не только из рабочих, не только из солдат и крестьян — "к той же демократа относятся и другіе элементы демократіи, не представленные в этих трех группах, следовательно, формула, что совѣты являются органами революціонной демократіи, должна расширяться в процессѣ работы путем привлеченія других общественных и демократических элементов"[\[460\]](#). Вмѣстѣ с тѣм докладчик отмѣчал, что в данный момент перед всѣми революціонными силами ("революцію сдѣлали не только демократическіе элементы, — утверждал Богданов, — революцію сдѣлали в достаточной степени и элементы цензовые") стоит одна задача, и пото-

му нельзя отдѣлять революціонную демократію от остальных революціонных сил Россіи.

Какой же вывод можно сдѣлать из оцѣнки "страннаго", по выраженію дневника Гиппиус, факта существованія "рядом с Временным Правительством двухтысячной толпы властнаго и буйнаго перманентнаго митинга", именуемаго Совѣтом Р. и С. Д. (численность его к концу марта дошла почти до 3 тыс.)? Только тот, что "никакого замѣчательнаго своеобразія нашей революціи", создавшей принципиальное "двоевластіе" в сущности не было. Пусть на практикѣ было даже "двое безвластіе", как иронически охарактеризовал положеніе Троцкій в петроградском совѣтѣ 21 мая при обсужденіи дилеммы "отложенія" Кронштадта от Россіи. Рѣчь идет о "конституціонном механизмѣ", о принципиальном захватѣ государственных функцій в цѣлях построенія "новаго государства", теоретиком котораго явился Ленин. Для него было почти естественно выхватить из жизни одно явленіе и представить его в видѣ предпосылки к своим позаимствованным из чужого арсенала схемам[461]. Своеобразіе русской революціи заключалось в том, что рядом с "правительством буржуазіи" с са-

мых первых дней имѣлось "еще слабое, зачаточное, но всетаки несомнѣнно существующее на дѣлѣ и растущее другое правительство" (статья о двоевластїи в "Правдѣ" 9 апрѣля).

* * *

Исторія совѣтов в процессѣ революціи пошла не совсѣм по тому пути, который ей предсказывал организаціонный доклад на Совѣщанїи Совѣтов еще до прїѣзда вождя большевизма в Россїю. "Лѣвые интеллигенты", "всунувшіеся" в революціонную атмосферу "митинга-совѣта" и, по записи Гиппиус, могшіе только "смягчить", но не "вести", в действительности планомѣрно, систематически и демагогически прививали (нельзя забывать, что Совѣт на 2/3 своего состава был солдатскїй) политически еще аморфной толпѣ [\[462\]](#) идеологію классовой борьбы под флагом совѣтов за политическїй прїоритет, за переустройство общественнаго уклада на новых соціальных началах в духѣ традиціонной программы "рабочей партїи". Логичность богдановскаго построенїя грубо была нарушена тѣм, что на знамени Исп. Ком. в Петербургѣ в день празднованїя "1 мая" был начерчен только

лозунг: "Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь" (рѣшеніе было принято 18 голосами против 14).

То, что намѣчалось и выявлялось позднѣе в сознаніи современников, переносилось в первоначальный періодъ революціи — его Милюковъ в "Россіи на переломѣ" назвалъ "переходнымъ" и отрицалъ в немъ наличіе тѣхъ признаковъ, которыми опредѣляется двоевластіе: "в первое время этого двоевластія еще не было". То же утверждалъ Милюковъ-политикъ и в 17 году на партійномъ собраніи в Москвѣ 8 апрѣля. В унисонъ с нимъ звучалъ тогда голосъ его антагониста во Врем. Правительствѣ Керенскаго. Послѣдній говорилъ 12 апрѣля делегатамъ арміи, что между правительствомъ и Совѣтомъ полное единеніе в задачахъ и цѣляхъ и имѣется лишь нѣкоторое расхожденіе в тактическихъ вопросахъ[463]. Даже антиподъ "революціонной демократіи" подлинный представитель "цензурной общественности" Гучковъ, и тотъ, объѣзжая в серединѣ марта, в качествѣ военнаго министра, фронтъ, принимая депутаціи отъ разнаго рода воинскихъ частей, неизмѣнно громко заявлялъ — какъ утверждаетъ ген. Врангель — что правительство ни в какой помощи не нуждается, что никакого двоевластія нѣтъ, что

работа Правительства и Совѣта Р. и С. Д. происходит в полном единеніи"[\[464\]](#).

Можно, конечно, предположить, что подобныя заявленія современников во внѣ слѣдует отнести в большей степени к вынужденной обстоятельствами тактикѣ. Вѣдь тот же Гучков почти одновременно писал Алексѣеву (9 марта), характеризуя "дѣйствительное положеніе дѣл": "Временное Правительство не располагает никакой реальной властью и его распоряженія осуществляются лишь в тѣх размѣрах, как допускает Совѣт Р. и С. Д., который располагает важнѣйшими элементами реальной власти, так как войска, желѣзныя дороги, почта и телеграф в его руках. Можно прямо сказать, что *Врем. Правительство существует, лишь пока это допускает Совѣт Р. и С. Д.*". Письмо это часто цитируется, хотя гипербола, в нем заключающаяся, выступает со слишком большой очевидностью, если принять во вниманіе дату письма. Можно было бы допустить большую или меньшую объективность такой оцѣнки со стороны раздраженнаго пессимизма военнаго министра, вынужденнаго выйти из состава правительства в концѣ апрѣля. Но через шесть дней послѣ акта 3 марта, в

момент, когда военное вѣдомство приступило к радикальной чисткѣ команднаго состава и реформѣ арміи?! Наканунѣ Гучков, в качествѣ политическаго дѣятеля, на торжественном засѣданіи центральных торгово-промышленных организаций, гдѣ чествовали министров из промышленной среды, славословил до извѣстной степени революцію и говорил о прочности позиціи правительства — "никакіе заговорщики міра не смогут нас сбить с нея"... "Мы можем, — утверждал оратор, — не оглядываясь направо и налево, начать опять ту нормальную работу во всѣх областях нашей народной жизни, без которой этот переворот не имѣет смысла". Гучков был слишком большой "политик", и трудно учесть, в какой момент он был искренен, — вѣроятно, никогда, в полной мѣрѣ. Его органическая враждебность не только к "революціонной стихіи", но и к "революціонной демократіи", очевидна. Но вѣдь именно внѣшнія выявленія представителей революціоннаго правительства, а не их внутреннія переживанія опредѣляли психологию момента и, что еще важнѣе, повседневную тактику правительства. Формула, данная впоследствии Гучковым на Государ. Совѣщаніи в Москвѣ, — "власть принадлежала безотвѣтствен-

ным людям, а вся отвѣтственность — людям безвластным" — не может быть признана вѣрно передающей дѣйствительность.

* * *

Бытовое двоевластіе, которое Ленин принял за базу и за жизненный аргумент в пользу своего построения, конечно, создалось с перваго дня. Мы уже видѣли отчасти, как "стихійным ходом событий" расширялись функціи петроградскаго Совѣта и рождалось его вмѣшательство в сферу государственнаго управления. В первые дни — дни революціоннаго хаоса — это было почти естественно и, быть может, неизбѣжно. Хаос нѣсколько затянулся и, вѣроятно, ни министр юстиціи, ни члены Исп. Ком. не могли бы объяснить, почему комендант (?!). Таврическаго дворца 20 апрѣля производил обыски и конфисковал бумаги на квартирѣ извѣстных дѣятелей Союза Русскаго Народа-Дубровина и Полубояриновой. Столь же вѣроятно, что никто в Исп. Ком. не помышлял о двоевластіи, когда в этом учрежденіи принимались мѣры, ограничивавшія свободу печати, которая была объявлена в правительственных декла-

раціях в соотвѣтствіи с требованіями демократіи. Очевидно, в силу фактического вліянія Совѣта на типографских рабочих Исп. Ком. была введена разрѣшительная система для газет — разрѣшеніе выходить означало наряд на типографію (всеобщая забастовка революціонных дней формально еще не окончилась). Газеты появились 5 марта — среди вышедших было и "Новое Время", не имѣя на выход требуемой предварительной революціонной санкціи. Исп. Ком. реагировал на этот факт закрытіем газеты "впредь до особаго распоряженія". Газетам же "черносотенным", как "Земщина", "Голос Руси", "Колокол", "Русское Знамя", выход вообще был воспрещен. Можно допустить, что такая временная мѣра, диктуемая страхом перед контр-революціей в неспокойное еще время, была даже тактически цѣлесообразна, но она тѣм не менѣе вызвала всеобщее порицаніе и литературных кругах. В газетах появилось негодующее открытое письмо Совѣту заслуженнаго писателя, близкаго к трудовой группѣ, Водовозова. Пѣшехов вспоминает, как поднял он "скандал" в Исп. Ком. за попытку возстановить "разрѣшительный порядок" для періодических изданій, отмѣненный царской властью послѣ 1905 г. Ему отвѣчали: "ни-

чего не подѣлаешь... Низы требуют"... Но оказалось, что в самом Исп. Ком. имѣлись по этому поводу разногласія — склонность "тащить и не пущать" (выраженіе Суханова) проявили самостоятельно тамошніе "лѣвые" без всякаго давленія со стороны; "низов"[465]. Уже 10 марта под напором происходивших протестов "пятно на демократіи" было уничтожено — Исп. Ком. постановил, что "всѣ изданія могут впредь выходить без предварительной санкціи". Самое интересное в этом скоропротекшем эпизодѣ то, что никто из протестантов даже не задался в то время вопросом: какое право имѣл Исп. Ком. принимать ограничительный мѣры против печати? Еще меньше, повидимому, творившимся беззаконіем озабочено было Правительство, — никаких слѣдов, указывающих на его вмѣшательство, найти нельзя[466].

* * *

Такое бытовое двоевластіе, т. е., частичный захват правительственных функцій мѣстными, самочинно создавшимися в революціонные дни организаціями, прокатилось волной по всей Россіи. Среди этих организацій Совѣты, как таковые, да-

леко не занимали первенствующаго мѣста — какъ явствуетъ изъ протокола Исп. Ком. 15 марта, Совѣты (докладъ бюро о созывѣ съѣзда) къ этому времени возникли только въ 42 городахъ (какъ быстро росло число совѣтовъ, показываетъ тотъ фактъ, что на Совѣщаніи, которое собралось въ концѣ мѣсяца, представлены были уже 138 совѣтовъ. Главенствующей формой были объединенные "Комитеты общественныхъ организацій", выявившіеся въ провинціи въ весьма разнообразныхъ комбинаціяхъ[467]. Въ этихъ комитетахъ имѣли своихъ представителей и совѣты въ качествѣ самостоятельныхъ организацій (подчасъ раздѣльныхъ — рабочихъ и солдатскихъ). Тамъ, гдѣ въ рѣдкихъ случаяхъ совѣты являлись главенствующей организаціей, они далеко не носили узко классового характера — въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ совѣтахъ на первыхъ порахъ были даже кадетскія фракціи, а, напримѣръ, въ Харьковѣ во главѣ Совѣта, главенствовавшего въ первые дни, стоялъ офиціальныи членъ партіи к. д., избранныи въ Совѣтъ врачебными организаціями; въ Ставрополѣ онъ носилъ "всесловный характеръ и включалъ мѣщанскихъ депутатовъ"; въ Москвѣ въ Совѣтъ первоначально входили представители инженеровъ, врачей, адвокатовъ и студенческихъ организацій. Важно отмѣтить, что

"послѣдовательные социалисты", к числу которых относили себя большевики, повсюду в. совѣтах составляли незначительный фракціи и не могли имѣть руководящаго вліянія[468]. Сказать, как это дѣлает Троцкій в своей исторіи революціи, что жизнь в губерніях и уѣздах сосредоточилась вокруг совѣтов, значит дать очень неточную фотографическую картину того, что было. Признаніе петроградскаго совѣта в мартовскіе дни (запись в дневникѣ ген. Куропаткина 12 марта) "вторым правительством" на наш взгляд является глубоко ошибочным. Лишь публицистическим приѣмом является утвержденіе "Рус. Вѣд." 9 авг. (Бѣлоруссов), что "в первые четыре мѣсяца Совѣты были хозяевами Россіи". Детальная лѣтопись русской революціи первых дней могла бы зарегистрировать множество фактов проявленія анархіи на мѣстах. Объективно оцѣнивая, однако, эту революціонную стихію — в атмосферѣ ея и рождалось "двоевластіе — скорѣй приходится дѣйствительно удивляться той легкости, с которой страна "переступила порог между самодержавіем и республикой" ("Хроника"). Недаром тѣ же "Русскія Вѣдомости" в предкорниловскіе дни, когда велась в "цензовых" кругах острая кампанія против совѣтов,

признавали, что совѣты вносят "органическую спайку в анархическое движеніе".

Причины развитія мѣстнаго "правотворчества" лежали, конечно, не только в "стихійном ходѣ событій", однако было бы нѣсколько упрощено по трафарету искать эти причины я "систематической бездѣтельности" министерства в. д., объясняемой идеалистическими настроеніями его руководителя. Может быть, лично кн. Львову и свойственно было, как говорит его біограф, преувеличивать силу "генія русскаго народа" и "великой мудрости народа" и отдавать им предпочтеніе перед "надуманными интеллигентскими рѣшеніями"; может быть, тезис — народ свободно и по-своему устроит судьбу Россіи — и органически сплетается с міровоззрѣніем этого славяпофильствующаго земскаго и общественнаго дѣятеля, но не будем всетаки придавать слишком большое уже значеніе декларативным заявленіям и довольно безотвѣтственным разговорам с газетными сотрудниками, которые обычно цитируются в исторических трудах для характеристики настроеній премьера. Прославленные слова кн. Львова: "мы можем почитать себя счастливыми людьми: поколѣніе наше попало

в наисчастливейшій період русской исторіи" (он ими закончил свою рѣчь на объединенном засѣданіи "четырёх дум" 27 апрѣля), были уже запоздалым отзвуком все того же почти всеобщаго мартовскаго пафоса[469]. Пожалуй нарочитая "восторженность" премьера была уже анахронична, но она свидѣтельствовала о не покидавшем кн. Львова оптимизмѣ даже в дни перваго правительственнаго кризиса.

Красивая фразеологія нерѣдко прикрывала весьма прозаическую дѣйствительность. Так скорѣе приходится толковать слова кн. Львова в газетном интервью 19 марта, принятыя Милюковым историком за "директивы" новым представителям администраціи, пріѣзжавшим в Петербург и "неизмѣнно" получавшим в министерствѣ указанія, которыя находились в соотвѣтствіи с публичными заявленіями руководителя вѣдомства. Кн. Львов представителям печати сказал: "Временное Правительство смѣстило старых губернаторов и назначать новых не будет. На мѣстах... выберут. Такіе вопросы должны разрѣшаться не из центра, а самим населеніем". Роль правительственных комиссаров Львов опредѣлил,

как выполнение функций "посредствующаго звена" между мѣстными общественными комитетами и центральной властью. Здѣсь никакой "маниловщины" не было [470]. Надо помнить, что рѣчь шла о тѣх временных правительственных комиссарах, которые в лицѣ предсѣдателей земских управ согласно распоряженію центра 5 марта замѣнили устраненную или самоупразднившуюся губернскую администрацію. Свое телеграфное распоряженіе министр внутренних дѣл сдѣлал не по собственной инициативѣ, как изображает в воспоминаніях Керенскій. а согласно постановленію Совѣта Министров 4 марта. Набоков считает эту "непродуманную и легкомысленную импровизацію" одним из "самых неудачных" правительственных актов и, вспоминая споры относительно обновленія администраціи на съѣздѣ земских и городских дѣятелей, полагает, что в обстановкѣ 17 г. "изъятію" могли подлежать лишь "единицы". Предположеніе о возможности сохраненія в революціонном катаклизмѣ высшей административной и полицейской власти на своих мѣстах столь противоестественно (искусственное сравненіе с 1905 г. малоподходяще), что дѣлает критику просто совершенно отвлеченной. (Не забудем, что

предреволюціонная думская агитація шла под лозунгом — "освобожденіе народа от полиціи" — рѣчь Милюкова 15 февраля).

Другим политическим дѣятелям первая административная мѣра Правительства казалась "в общем удачным шагом" (Мякотин). Конечно, если бы Временное Правительство, будто бы заранѣе выбранное, предварительно намѣтило и отвѣтственных комиссаров из популярных общественных дѣятелей на мѣстах, эффект назначенія из центра получился бы иной. Представители стараго земства не всегда подходили к настроеніям эпохи и назначеніе их на пост губернских революціонных комиссаров вызвало тренія на мѣстах[471]. В докладѣ Временному Комитету Гос. Думы его отдѣла "сношеній с провинціей" говорилось даже, что назначеніе комиссарами предсѣдателей губернских и уѣздных управ вызвало "общее недовольство". Правительство пошло "навстрѣчу желаніям населенія" и предложило вмѣсто непріемлемых для него "назначенных комиссаров" представлять своих кандидатов. Вот тѣ условія, при которых в центрѣ появилось газетное интервью кн. Львова.

Можно ли сказать вслѣд за Набоковым, что правительство считалось "не с действительным интересом, а с требованиями революціонной фразы, революціонной демагогіи и предполагаемых настроеній масс"? Здѣсь как раз правительство проявило цѣлесообразную гибкость и не дало переродиться мѣстному "правотворчеству" в уродливыя формы анархіи. Еще вопрос: не привели ли бы послѣдовательныя попытки административной опеки, т. е., назначенія правительственных комиссаров "поверх" создавшихся в дни переворота общественных организацій к большей дезорганизациі, чѣм это было в мартѣ.

III. Соціальная политика.

1. Роковая презумпція.

Мѣстное "правотворчество" касалось не только сферы управленія — оно распространялось на всѣ области жизни. Правительство как-то всегда и вездѣ опаздывало. Это и питало бытовое двоевластіе. В чем же был секрет? Правительство запаздывало отчасти из-за присущаго ему догматическаго академизма. Люди, составлявшіе первую

генерацію временнаго правительства стремились дать странѣ наилучшіе законы, не всегда считаясь с реальной потребностью революціоннаго момента[472].

В области законодательныхъ предположеній и разработки проектовъ дѣятельность Правительства была широка и плодотворна — с удовлетвореніемъ вспоминаетъ Набоковъ. В позднѣйшей правительственной деклараціи 26 апрѣля перечислялось то, что сдѣлано "призванное к жизни великимъ народнымъ движеніемъ правительство за два мѣсяца своего пребыванія у власти, согласно обязательству, скрѣпленному "присягой" для осуществленія "требованія народной воли" (подразумѣвалось "соглашеніе" 2 марта): ... "наряду с напряженной дѣятельностью, посвященной текущимъ и неотложнымъ нуждамъ государственной жизни, оборонѣ страны отъ внѣшняго врага, ослабленію продовольственнаго кризиса, улучшенію транспорта, изысканію необходимыхъ для государства финансовыхъ средствъ — оно уже осуществило рядъ реформъ, перестраивающихъ государственную жизнь Россіи на началахъ свободы, права. Провозглашена амнистія. Отмѣнена смертная казнь. Установлено національное и

вѣроисповѣдное равенство. Узаконена свобода собраний и союзов. *Начата* коренная реорганизація мѣстнаго управленія и самоуправленія на самых широких демократических началах... Из необходимых для этой цѣли законоположеній изданы уже постановленія о выборах в Городскія Думы и о милиціи. Выработаны и *будут* изданы в самом непродолжительном времени постановленія о волостном земствѣ, о реформѣ губернскаго и уѣзднаго земства, о мѣстных правительственных органах, мѣстном судѣ и об административной юстиціи. *Установлен план* работы по составленію Положенія о выборах в Учр. Собрание... В отношеніи устройства арміи... осуществляются демократическія реформы, далеко опережающія все, что сдѣлано в этом направленіи в наиболѣе свободных странах міра... Для подготовки к Учр. Собранію *проекта справедливаго и согласнаго с интересами народа рѣшенія великаго земельного вопроса образован Главный Земельный Комитет.* .. Отношеніе Правительства к національным вопросам нашло себѣ ясное и опредѣленное выраженіе в актах, идущих навстрѣчу автономіи Финляндіи, в признаніи за Польшей прав на объединеніе и государственную независимость... Призванное к жизни великим на-

родным движеніем, Временное Правительство признает себя исполнителем и охранителем народной воли. В основу государственнаго управления оно полагало не насиліе и принужденіе, а добровольное повиновеніе свободных граждан созданной ими самими власти. Оно ищет опоры не в физической, а в моральной силѣ. С тѣх пор, как Врем. Правительство стоит у власти, оно ни разу не отступило от этих начал. Ни одной капли народной крови не пролито по его винѣ, ни для одного теченія общественной мысли им не создано насильственной преграды".

К сожалѣнію, проза жизни требовала другого — не творческих предположеній, а творческаго осуществленія. Второго марта, когда опредѣлялись "требованія народной воли", во имя сочетанія двух сил, совершивших революцію, были отброшены всѣ соціально-экономическія программы, которыя неизбѣжно и властно должны были выдвинуться на другой же день. Новое правительство оказалось без соціальной программы — без того минимума, который надлежало осуществить и переходное время, до Учредительнаго Собранія. Без такого удовлетворенія вождедѣльных мечтаній масс ника-

кая власть ни при каких условіях не могла бы "канализировать" (выраженіе Милюкова) революціонную стихію, ибо ее нельзя было успокоить и удовлетворить только словесным пафосом о политических и гражданских свободах. Когда впоследствии б. лидер "цензовой общественности" на іюньском съѣздѣ партіи к. д. говорил, что задача партіи "защитить завоеванія революціи, но не углублять ее", его слова не могли звучать в унисон с тогдашним воспріятіем масс, но и в дни мартовскаго "общенароднаго порыва" они были бы чужды.

Мѣшало не классовое сознаніе буржуазнаго правительства, на котором революціонные демагоги строили свою агитацію. Невѣрно, что Временное Правительство представляло "интересы капитала и крупнаго землевладѣнія", несмотря на присутствіе в нем "нѣскольких либеральных людей", как утверждал представитель читинскаго Совѣта Пумпянскій на мартовском Совѣщаніи Совѣтов. И не только он, но и всѣ единомыслившіе с ним. Полк. Пронин вспоминает, как в. кн. Сергѣй Мих. узнав о составѣ временнаго правительства, замѣтил нѣсколько поверхностно: "все богатые люди".

"Князь — богач" — повторил о кн. Львовѣ Троцкій. Нѣтъ, миллионы Терещенко и Коновалова рефлекторно не окрашивали политики "благовѣрнаго правительственнаго синклита" (под таким титулом в церквах поминалась "революціонная" власть). Неудачный термин — "цензовая общественность" не покрывал собою Временное Правительство. Послѣднее далеко не представляло собою "гармоническое цѣлое", но, как цѣлое, оно пыталось не сходить с позицій арбитра между классовыми стремленіями — лидер "революціонной демократіи" Церетелли с полной искренностью мог говорить, что правительство не вело "классовой политики" [\[473\]](#).

Правительство было в тисках той презумпціи, в атмосферѣ которой оно возникло. От этого гипноза оно не могло окончательно отрѣшиться, несмотря на грозные симптомы иногда клокочущей и бурлящей стихіи. В сознаніи в гораздо большей степени отпечатлѣлся тот общій облик февральских дней, который побудил "Рѣчь" назвать русскую революцію "восьмым чудом свѣта" и внушил нѣкоторую иллюзію политикам, что страна на первых порах может удовлетвориться своего рода

расширенной программой прогрессивнаго блока: "в странѣ нѣтъ и признаков волненій и событій, возбуждающих опасенія" — говорил Родзянко на частном совѣщаніи членов Гос. Думы 5 марта. В критическіе часы впослѣдствіи в интимных бесѣдах — как записывают современники — члены Правительства признавались, что они "вовсе не ожидали, что революція так далеко зайдет". "Она опередила их планы и скомкала их" — записывает ген. Куропаткин бесѣду с кн. Львовым 25 апрѣля: "стали щепками, носящимися по произволу революціонной волны". Дѣйствительность была не так уж далека от безвыходнаго положенія, характеристику котораго давали послѣднія слова премьера. Жизнь довольно властно предъявляла свои требованія, и Правительство оказывалось вынужденным итти на уступки — творить не свою программу, а слѣдовать за стихіей. Оно попадало между молотом и наковальней — между требованіями подлинной уже "цензовой общественности", мало-жертвенной и довольно эгоистично и с напором отстаивавшей свои имущественные интересы, и требованіями революціонной демократіи, защищавшей реальные, а подчас и эфемерные интересы трудовых классов — эфемерные потому, что рево-

люція, как в послѣдствіи выразился один из лидеров "революціонной демократіи", "инерціей собственнаго движенія была увлечена за предѣлы реальных возможностей" (Чернов). Эту "инерцію собственнаго движенія" проще назвать демагогіей, ибо всѣ безоговорочныя ссылки па "желѣзную логику развитія революціи", которую на подобіе "лавины, пришедшей в движеніе, никакія силы человѣческія не могут остановить" (Троцкій), являются попытками или запоздалаго самооправданія или безотвѣтственнаго политиканства. Достаточно ярко выразил закон "инерціи" на мартовском Совѣщаніи Совѣта уфимскій делегат большевик Эльцин, не оторвавшійся еще тогда от общаго соціалистическаго русла и возражавшій "дорогому нам всѣм" меньшевику Церетелли; этот враг "государственнаго анархизма" линію поведенія революціонной демократіи опредѣлял так: "она должна заключаться в том, чтобы выше и выше поднимать революціонную волну, чтобы не дать ей возможности снизиться, ибо... если эта волна снизится, то... останется отмель, и на этой отмели останемся мы... а Временное Правительство будет в руслѣ рѣки, и тогда нам не сдобровать".

Мы не знаем, сумѣло ли бы правительство иного состава — правительство, рожденное на почвѣ большей или меньшей договоренности о войнѣ и социальной программѣ минимум, которую надлежало осуществить в "переходное время" — до Учр. Собранія[474], преодолѣть многообразную стихийную "лаvinу"; оно встрѣтило бы к тому же большее противодѣйствіе со стороны тѣх классов, которые в общем поддерживали политику власти "цензовой общественности". Вокруг такого неизбежно коалиціоннаго правительства могло бы создаться, если не однородная правительственная партія, то объединеніе партійных группировок, связанное как-бы круговой порукой — оно давало бы правительству большую базу, чѣм легко улетучивающіяся настроенія "медового мѣсяца". Такое правительство могло бы дѣйствовать смѣлѣе и рѣшительнѣе, и ему легче было бы противостоять демагогіи. Если договор был немыслим в момент, когда нужно было немедленно дѣйствовать, то ход революціи неизбежно предоставлялся игрѣ случайностей. Временному Правительству перваго состава побороть стихію органически было не под силу. Уже 2-го Гиппіус записала свои "сомнѣнія насчет будущаго" — ея сомнѣнія аналогичны тѣм,

которыя высказывал Кривошеин: "революціонный кабинет не содержит в себѣ ни одного революціонера, кромѣ Керенскаго". ... "Я абсолютно не представляю себѣ, во что превратится его (Милюкова) ум в атмосферѣ революціи. Как он будет шагать на этой горящей, ему ненавистной почвѣ... Тут нужен громадный такт; откуда — если он в несвойственной ему средѣ будет вертѣться?" Психологія, отмѣченная беллетристом-наблюдателем, в гораздо большей степени вліяла на неустойчивую политику власти, нежели отсутствіе того волевого импульса, которое так часто находят в дѣйствіях Временнаго Правительства [475]. Рѣшительнѣе других выразил это мнѣніе вышедшій из состава Правительства и мечтавшій о крутых контр-мѣрах для борьбы с революціей Гучков; он опредѣлял характер правительства словом "слякоть". (Запись Куропаткина 14-го мая); нѣкоторое исключеніе Гучков дѣлал для Милюкова... Суть же была не в "интеллигентском прекраснодушіи", а в том, что правительство усваивало декларативный "язык революціи", т. е., в нѣкоторой степени дух времени, но не ея сущность. Отсюда рождалось впечатлѣніе, что Правительство является лишь "плѣнником революціи", как выразился один из ораторов

большевицкой конференціи в концѣ марта.

2. Восьмичасовой рабочій день.

Конечно, невѣрно утверждение Керенскаго в третьей его книгѣ, предназначенной для иностранцев (L'Experiencе), что соціальному творчеству Временнаго Правительства была положена преграда той клятвой, которую члены Правительства вынуждены были дать — не осуществлять никаких реформ, касающихся основных государственных вопросов: такой клятвы члены Правительства не давали, и во всяком случаѣ она не воспрепятствовала почти в первые дни декларативно провозгласить, по тактическим соображеніям, независимость Польши[476]. Слѣдует признать, что огромной препоной для соціальных экспериментов являлась война с ея напряженными экономическими требованіями. Сама по себѣ война психологически могла содѣйствовать воспріятію тѣх соціально-экономических заданій, которыя ставили соціалистическія партіи. Весь мір, в той или иной степени, переходил к планомѣрному государственному вмѣшательству в народное хозяйство. Далее до революціонное "царское" правительство в Россіи вы-

нуждено было робко вступить на путь регулирования и контроля производства. Но революція, символизировавшая собою хирургическую операцію над общественным организмом, грозила зарѣзать ту курицу, которая несла во время войны, по выраженію Шингарева, "золотая яйца". В этой несовмѣстимости революціи с войной и крылась причина подлинной трагедіи Россіи — трагедіи, из которой без потрясеній, при растущем экономическом кризисѣ, найти выход было чрезвычайно трудно.

Иллюстраціей к сказанному представляется исторія вопроса о восьмичасовом рабочем днѣ, стихійно выдвинувшагося в Петербургѣ в первые же дни и отнюдь не по инициативѣ Совѣта — скорѣе даже "вопреки директивам" центра. Вопрос возник в связи с вынесенной по докладу Чхеидзе 1170 голосами против 30 резолюціей Совѣта 5-го марта по поводу прекращенія политической стачки. Указывая, что "первый рѣшительный натиск возставшаго народа на старый порядок увѣнчался успѣхом и в достаточной степени обезпечил позицію рабочаго класса в его революціонной борьбѣ". Совѣт признал "возможным нынѣ же присту-

пить к возобновленію работ в петроградском районѣ с тѣм, чтобы по первому сигналу вновь прекратить начатая работы". Возобновление работ — мотивировал Совѣт — "представляется желательным в виду того, что продолжение забастовок грозит в сильнѣйшей степени разстроить уже подорванныя старым режимом продовольственныя силы страны". "В цѣлях закрѣпленія завоеванныхъ позицій и достиженія дальнѣйшихъ завоеваній" Совѣт "одновременно с возобновленіем работ" призывал к "немедленному созданію и укрѣпленію рабочихъ организацій всѣхъ видов, как опорныхъ пунктовъ для дальнѣйшей революціонной борьбы до полной ликвидаціи стараго режима и за классовые идеалы пролетаріата". Вмѣстѣ с тѣм Совѣт объявлял, что он приступает к "разработкѣ программы экономическихъ требованій, которыя будутъ предъявлены предпринимателям (и правительству) от имени рабочаго класса". В послѣдующемъ обращеніи к рабочим, в связи с происходившими "недоразумѣніями и конфликтами", Совѣт 9 марта отмѣчал, что "за небольшими исключеніями рабочій классъ столицы проявилъ поразительную дисциплину, вернувшись к станкамъ с такой же солидарностью, с какой он оставил ихъ нѣсколько дней

тому назад, чтобы подать сигнал к великой революціи"[477]. Это "небольшое исключеніе", под влияніем пропаганды большевиков, заявило о своем не подчиненіи директивам Совѣта, потому что, как говорилось, напр., в резолюціи рабочих завода "Динамо", "революціонная волна не захватила всей Россіи" и "старая власть еще не рухнула" — при таких условіях о "ликвидациі забастовок не может быть и рѣчи". Однородных по внѣшней формѣ резолюцій требованіем "немедленнаго ареста Николая и его приспѣшников" мы коснемся в другом контекстѣ[478]. В них, кромѣ призывов к "прекращенію кровавой бойни", "классам неимущим ненужной" и т. д., заключалось и требованіе установленія 8-часового рабочаго дня. Таков был боевой лозунг, выставленный большевиками; он искони органически вошел в сознаніе рабочей среды и потому легко был воспринят и на тѣх собраніях, на которых в "лойяльных" резолюціях о возобновленіи работ как бы высказывалось довѣріе Временному Правительству: "только 8-часовой рабочій день может дать пролетаріату, — говорилось в одной из них, принятой в Москвѣ — возможность на широкое активное участіе в политической и профессиональной борьбѣ. Только полное

раскрѣпощеніе рабочаго класса от тяжелой изнурительной работы может дать возможность рабочему классу стоять на стражѣ интересов своего народа и принять участіе в созывѣ Учредительнаго Собранія... Полагая, что лозунг о 8-часовом рабочем днѣ является также *политическим* лозунгом, а потому осуществленіе рабочаго дня не может быть отложено на будущее, необходимо немедленно провести в жизнь 8-часовой рабочій день для всѣх наемных работников" [479].

Красной нитью в огромном большинствѣ резолюцій о введеніи 8-часового раб. дня (по крайней мѣрѣ в Москвѣ) проходит мысль о необходимости введенія его в обще-государственном масштабѣ: "Временное Правительство особым декретом впредь до утвержденія закона о нормировкѣ рабочаго дня должно установить 8-часовой рабочій день на всю Россію".

Жизнь, однако, опережала академическія рѣшенія, и на заводах послѣ возстановленія работ происходило "непрерывное недоразумѣніе" — явочный порядок введенія ограничительнаго рабочаго времени, смѣна администраціи и т. д. В воззваніи 9 марта петроградскій Совѣт, высказываясь

против "разрозненных выступлений отдельных фабрик", осуждая "абсолютно недопустимые эксцессы" (порча материалов, поломка машин и насилия над личностью), которые "способны лишь причинить величайший вред рабочему делу, особенно в переживаемый тревожный момент", еще раз подчеркнул, что он разрабатывает "перечень общих экономических требований, которые будут предъявлены фабрикантам и правительству от имени рабочего класса". В то же время Совѣт предостерегал предпринимателей против "недозволительных" в отношении к "борцам за освобождение родины" попыток явного и тайного локаута и грозил, что "принужден будет с величайшей энергией вступить в борьбу с этими злоупотреблениями предпринимателей, особенно постыдными в переживаемые нами дни"... в случае закрытия фабрик Совѣту "придется поставить перед рабочим классом, перед городским общественным управлением и перед Временным Правительством вопрос о муниципализации подобных предприятий или о передаче их в управление рабочих коллективов".

Под влиянием этого низового "террора" петербургское общество фабрикантов и заводчиков

само, при посредничествѣ министра торговли и промышленности Коновалова, обратилось в Совѣт для улаженія возникшаго конфликта с рабочими, и 10-го было достигнуто соглашеніе, устанавливающее впредь до изданія закона о нормировкѣ рабочаго дня 8-часового "дѣйствительнаго труда" (сверхурочныя работы по особому соглашенію), учрежденія совѣта старост (фабрично заводскаго комитета) и примирительных камер. В Москвѣ соглашеніе не удалось в силу непримиримой позиціи, занятой мѣстным Обществом фабрикантов и заводчиков, хотя в рядѣ районов предприниматели (крупные) давали свое согласіе на введе 8-часового рабочаго дня. В результатѣ нормированіе продолжительности дня труда стало производиться "самовольно" по отдѣльным предпріятіям, и московскому Совѣту задним числом пришлось 18 марта санкціонировать своим авторитетом то, что было достигнуто "явочным порядком"[\[480\]](#). Совѣт постановил: "признать необходимым введеніе 8-часового рабочаго дня по всей странѣ; обратиться к Временному Правительству с требованіем о немедленном изданіи соотвѣтствующаго декрета и призвать всѣ Совѣты Р. Д. поддержать это требованіе. В Москвѣ же, не дожидаясь изданія такого

декрета, ввести 8-часовой рабочий день, допуская сверхурочныя работы только в отраслях промышленности, работающей на оборону, производящей предметы первой необходимости и по добычѣ топлива".

Соотвѣтствующая волна прокатилась по всей Россіи, причем борьба за 8-часовой рабочий день принимала либо петербургскую, либо московскую форму, т. е., заключалось или соглашеніе с организаціями фабрикантов и заводчиков или нормировка труда вводилась рабочими явочным "революціонным" порядком и санкціонировалась односторонним актом мѣстнаго Совѣта. Это бытовое двоевластіе было, однако, довольно чуждо мысли самочинаго законодательства; можно сказать, что господствовала формулировка, данная на одном из Московских рабочих собраній: "Мы вводим 8-часовой рабочий день с 17 марта и требуем от Совѣта Р. Д. вынести резолюцію о его введеніи, а от Временнаго Правительства *поставить свой штемпель*".

Как же реагировала власть, которой предлагалось поставить авторитетный "штемпель" законодательной санкціи к тому, что в жизни достигалось

"революціонным" путем? Она в сущности бездѣйствовала. 6 марта Правительство одобрило спеціальное обращеніе министра торговли и промышленности Коновалова. Революціонный министр говорил о трудѣ, который является "основой производительной силы страны" и от "успѣхов котораго зависит благополучіе. родины". "Искренне" стремясь "к возможно полному удовлетворенно трудящихся", министр считал "неотложной задачей правильную постановку и надлежащее развитіе рабочаго вопроса". "Свободная самостоятельность и организація трудящихся" (т. е., профессиональные союзы) — констатирует обращеніе — "является одним из главнѣйших условій экономической) возрожденія Россіи". Это были все общія слова, т. е., революціонная риторика... 10-го Исполнительный Комитет Совѣта, узнав от своего уполномоченнаго Гвоздева, что петербургскіе фабриканты и заводчики согласны ввести 8-часовой рабочій день, постановил: "предложить Временному Правительству издать указ о 8-час. раб. днѣ по всей Россіи до Учредительнаго Собранія". Правительство немедленно реагировало, и в журналѣ засѣданія того же 10 марта значится: "предоставить министру торговли и промышленности вой-

ти в обсужденіе вопроса о возможности и условіях введенія сокращеннаго рабочаго времени в различных мѣстностях Россіи по отдѣльным группам предпріятій и представит, предположенія свои на разсмотрѣніе Временнаго Правительства". На этом все дѣло и остановилось — само Правительство дальше подготовки мѣр к введенію 8-часового рабочаго дня в предпріятіях военнаго и морского вѣдомства не пошло. Как будто трудно послѣдовать за воспоминаніями Керенскаго и признать, что Коновалов в согласіи с фабрикантами 11 марта "ввел уже 8-часовой рабочій день на фабриках и заводах Петрограда". Очень сомнительно, чтобы в министерствъ торговли и промышленности "в порядкѣ спѣшности" дѣйствительно разрабатывался "законопроект о 8-часовом рабочем днѣ", как, отвѣчал Исполнительный Комитет на многочисленныя и настойчивыя запросы из провинціи, указывая, что о вступленіи закона в силу будет "своевременно объявлено".

Собравшееся в концѣ марта "Совѣщаніе Совѣтов" не могло пройти мимо развертывавшейся борьбы за сокращеніе рабочаго дня. "Основной вопрос революціи", поставленный на очередь в

огромной полосѣ Россіи, во всяком случаѣ, в крупных центрах, не получил еще "законодательнаго установленія" — указывал докладчик. И Совѣщаніе в резолюціи о введеніи 8-часового рабочаго дня предлагало правительству издать соотвѣтствующій декрет с оговоркой о необходимости допущенія сверхурочных работ в тѣх отраслях промышленности, который работают на нужды обороны и связаны с продовольствіем страны. Совѣщаніе правильно учитывало, что 8-часовой рабочей день не является только вопросом экономической выгоды рабочаго класса, но крайне ослабляет реалистичность своей позиціи, выдвигая наряду с соображеніями о необходимости участія рабочаго класса с переходом Россіи к демократическому строю в общеполитической и культурной жизни страны, но и довольно апріорныя заботы об "ослабленіи кризиса в будущем", о необходимости "позаботиться о смягченіи ужасов грядущей безработицы и об облегченіи пріисканія заработка тѣм, которые вернутся послѣ окончанія войны из арміи". Совѣщаніе поручило Исполнительному Комитету петроградскаго Совѣта вступить с Временным Правительством в переговоры о порядкѣ введенія 8-часового рабочаго дня[481].

В законодательном порядкѣ дѣло мало подвинулось вперед[482]. В итогѣ получилась анархія на мѣстах, гдѣ при отсутствіи указаній из центра, почти неизбѣжно пышным цвѣтом расцвѣтало "революціонное правотворчество", т. е., то, что выше было названо бытовым двое-властіем. Показательным примѣром подобнаго мѣстнаго законодательства служит "обязательное постановленіе" о восьмичасовом рабочем днѣ и примирительных камерах, изданное Борисовским (Минской губ.) Исполнительным Комитетом за подписью и. д. уѣзднаго правительственнаго комиссара прап. Вульфюса на исходѣ второго мѣсяца революціи — 26 апрѣля. Принципіальное рѣшеніе о введеніи 8-час. рабочаго дня в Борисовѣ было принято еще 28 марта; 18 апрѣля положеніе о нормировкѣ труда было осуществлено "явочным порядком"; 26 апрѣля с единогласнаго одобренія "примирительной камеры"[483] издано было особое "обязательное постановленіе" для "закрѣпленія позицій рабочаго пролетаріата". Очевидно, не без вліянія правительственнаго воззванія к рабочим, обслуживающим учрежденія фронта[484], борисовскіе законодатели к общему положенію о 8-час. рабочем днѣ вводили новеллу, по которой "впредь до окончанія

войны" всѣм предпріятіям, "непосредственно и косвенно" работающим на оборону, предоставляется устанавливать "обязательные для рабочих и служащих сверхурочные рабочіе часы", оплачиваемые полуторной платой, при чем в виду Борисовской близости к фронту, всѣ "заводы, фабрики и торгово-промышленныя предпріятія" признавались работающими на оборону; на всѣх предпріятіях учреждались заводскіе комитеты; на примирительную камеру возлагалась обязанность выработать "минимум заработной платы"... Наконец, Исполнительный Комитет объявлял, что пріостановка предпріятія, чрезвычайно вредная для обороны, повлечет за собой "секвестрацію его".

Все это "законодательное" творчество шло внѣ правительственнаго контроля. Нерѣшительность или медлительность Правительства сильно снижали его революціонный авторитет в рабочей массѣ тѣм болѣе, что реальная борьба за 8-часовой рабочій день сопровождалась в "буржуазной" печати довольно шумной противоположной кампаніей. В ней приняли участие и марксистскіе экономисты, с добросовѣстностью догматиков доказывающіе нецѣлесообразность и утопичность осуществленія

рабочаго лозунга в момент хозяйственнаго кризиса[485]. Усвоить эту догматичность довольно трудно, ибо было слишком очевидно, что в взбудораженной атмосферѣ революція естественно приводит к пониженности труда; 8 часов "действительной" работы, как выражалось петербургское соглашеніе 10-11 марта, для народнаго хозяйства имѣло несравненно большее значеніе, чѣм сохраненіе фиктивных норм[486].

* * *

Политическій такт для противодѣйствія демагогіи всякаго рода экстремистов требовал декларативнаго объявленія рабочаго лозунга. Промышленники не могли не понимать этой элементарной истины. В собраніи матеріалов "Рабочее движеніе в 1917 г." имѣется показательный документ, воспроизводящій апрѣльское обращеніе Омскаго биржевого комитета, как "официальнаго представителя интересов торговли и промышленности в Омском районѣ", к владѣльцам мѣстных промышленных предприятий. Омскій комитет обращался к предпринимателям с "убѣдительною просьбой" принять выработанныя Совѣтом условія введенія

8-часового рабочаго дня. "Принятіе этих условій — говорило обращеніе — властно диктуется государственной необходимостью и правильно понятыми интересами промышленности". Биржевой комитет, считая пріостановку работ на оборону "преступной", выражал надежду, что промышленники "пожертвуют частью своих интересов и не явятся виновниками обостренія классовой борьбы в данный исключительной важности историческій момент". И когда центральныя организаціи промышленников с нѣкоторым напором оказывали воздѣйствіе на Правительство в смыслѣ законодательнаго непринятія гибельной по своим послѣдствіям той "временной уступки", на которую они должны были пойти, то в их формальной аргументаціи (докладная записка в мартѣ горнопромышленников Урала), дѣйствительно, трудно не усмотрѣть стремленія, при неопределенности экономических перспектив лишь выиграть время, пока не выяснится, в какую сторону склонится "стрѣлка революціонной судьбы". Такое впечатлѣніе производит, напримѣр, запоздалое (в маѣ) постановление московскаго биржевого комитета. В нем говорилось: "Вопрос о 8-часовом рабочем днѣ не может быть разсматриваем, как вопрос о взаимном согла-

шеніи между предпринимателями и рабочими, так как он имѣет значеніе общегосударственное... почему он не может быть даже предметом временнаго законодательства, а должен быть рѣшен волею всего народа в правильно образованных законодательных учрежденіях... всякое разрѣшеніе этого вопроса в ином порядкѣ было бы посягательством на права народнаго представительства". Поэтому промышленники "не признают для себя возможным разрѣшать его в данный момент, как бы благожелательно ни было их отношеніе к интересам рабочих". В итогѣ в маѣ, когда уже существовало новое "коалиціонное" правительство, лишь начали "выяснять" трудный вопрос о 8 час. рабочем днѣ, как писал в "Русском Словѣ" извѣстный финансист проф. Бернацкій.

Для промышленников вопрос о продолжительности рабочаго дня главным образом являлся проблемой экономической, связанной с повышеніем заработной платы. За "восьмичасовой кампаніей" послѣдовала и столь же стихійно возникшая борьба за повышеніе тарифных ставок, не поспѣвавших за паденіем денежных цѣнностей и дороговизной жизни — борьба, осложненная ор-

ганически связанной с переживаемым хозяйственным кризисом проблемой организациі производства, как единственного выхода из кризиса. Эта экономическая и социальная борьба хронологически уже выходит за предѣлы описанія мартовских дней, когда лишь намѣчались признаки будущей революціонной конфигураціи. Так, московская областная конференція Совѣтов 25-27 марта единогласным рѣшеніем приняла постановление добиваться немедленнаго проведенія в законодательном порядкѣ (а до того фактическое осуществленіе в "мѣстных рамках и в организованных формах") "всей экономической минимальной программы социалистических партій": 8-часовой рабочей день, минимум заработной платы, участіе представителей рабочих на равных правах с предпринимателями во всѣх учрежденіях, руководящих распределеніем сырого матеріала. В жизни "фактическое осуществленіе" социалистических постулатов (в теоріи представлявшееся в видѣ "твердых шагов организованной демократіи", а на практикѣ, по характеристикѣ "Извѣстій" — "необузданной перестройкой") приводило к довольно уродливым формам "рабочаго контроля", требованій подчас заработной платы, обеспечивающей "свободную и

достойную жизнь", но не соотвѣтствующей экономической конъюнктурѣ.

Демагогія, вольная и невольная [487], конечно, и здѣсь сыграла свою зловредную роль, парализуя трезвую оцѣнку рабочей тактики, которую давала, напримѣр, общая резолюція по рабочему вопросу, принятая на Совѣщаніи Совѣтов. В ней на тяжеловатом официальном языкѣ говорилось: "...в обстановкѣ войны и революціи пролетаріат... должен особенно строго взвѣшивать фактическое отношеніе матеріалов и общественных сил труда и капитала, определяемое, главным образом, состояніем промышленности и степенью организованности рабочаго класса, памятуя, что теперь больше, чѣм когда либо, экономическая борьба пріобрѣтает характер борьбы политической, при которой важную роль играет отношеніе к требованіям пролетаріата остальных классов населенія, заинтересованных в укрѣпленіи новаго строя". Демагогическіе призывы находили отзвук в массѣ в силу не только примитивной психологіи "неимущих". "Легенда" относительно астрономической прибыли промышленности, работавшей на оборону страны, крѣпко укоренилась в общественном

сознаніи — об этой "сверхприбыли" не раз с ораторской трибуны старой Государственной Думы говорили депутаты даже не лѣвых фракцій, а правых и умѣренных, входивших в прогрессивный блок[488]. Допустим, что довоенное процвѣтаніе промышленности и ея искусственная взвинченность в первый період войны были уже в безвозвратном прошлом, что эти прибыли истощились в дни изнурительной и затяжной міровой катастрофы, и что промышленность — как доказывают нѣкоторые экономисты — вошла в революціонную полосу разстроенной и ослабленной — побороť укоренившуюся психологію нельзя было отвлеченным, научным анализом, тѣм болѣе, что свѣдѣнія о "колоссальных военных барышах" отдѣльных промышленных и банковских предприятий продолжали появляться на столбцах періодической печати и на устах авторитетных дѣятелей революціи, не вызывая опроверженій. Даже такой спокойный и по существу умѣренный орган печати, как московскія "Русскія Вѣдомости", нѣсколько позже в связи с августовским торгово-промышленным съѣздом, негодовал на то, что съѣзд "совершенно закрыл глаза на вакханалію наживы". В годы войны неслыханные барыши (50-

71%) 15-16 гг. — признавала газета — "внесли сразу в народные массы". "Чудовищность" требований повышения заработной платы в революционное время все же была относительна, как ни далека была жизнь от тезы, что "смысл русской революции" заключался в том, что "пролетариат выступил на защиту русского народного хозяйства, разрушенного войной". (Покровский). Когда мемуаристы говорят о требованиях прибавок в 200-300% и болѣе (утверждения эти безоговорочно переходят па страницы общих исторических изысканий), они обычно не добавляют, что эти прибавки рассчитывались по довоенной шкалѣ: поправка на систематическое падение цѣнности рубля во время революции сводит эту "чудовищность" к прозаической конкретности — данные статистики, как будто объективно устанавливают, что рост заработной платы и общем продолжал отставать от цѣн на продукты питания[489]. Ненормальность положенія, когда заработную плату приходилось выплачивать в счет основного капитала предприятия, как неоднократно указывали представители промышленников в совѣщаніях, созываемых впоследствии министерством торговли и промышленности, приводила к требованиям повышения го-

сударством цѣны на фабрикаты, производимые на оборону: уступки промышленников рабочим — говорил Некрасов на Московском Государственном Совѣщаніи — фактически перекладывались на государство. Послѣднее обращалось к главному своему ресурсу — выпуску бумажных денег.

Выход из заколдованнаго круга мог быть найден только в опредѣленной экономической политикѣ, которой не было у Временнаго Правительства, загнипнотизированнаго концепціей рисовавшагося в отдаленіи вершителя судеб — Учредительнаго Собранія... Только противопоставив такую опредѣленную программу для переходнаго времени, можно было свести на землю социалистическія "утопіи".

3. Земля — народу.

В параллель к постановкѣ вопроса о нормировкѣ трудового дня можно привести иллюстрацію из области недостаточно отчетливой земельной политики Временнаго Правительства, расширявшей рамки мѣстнаго революціоннаго правотворчества и свидетельствовавшей, что у Правительства не было конкретнаго плана аграрных мѣропріятій

временнаго характера для переходнаго періода. В этой области положеніе Правительства "цензовой общественности", конечно, было особенно трудно, так как надлежало примирить не только діаметрально противоположные интересы, но и в корень расходящіеся принципы[490]. При отсутствіи единаго общественнаго мнѣнія не могло быть и той самопроизвольно рождающейся директивы, которую впослѣдствіи Временное Правительство в деклараціи, подводившей итоги его двухмѣсячной дѣятельности, называло "волею народа".

В мартѣ деревня не подавала еще громко своего голоса. Молчала ли деревня потому, что оставшіеся в ней "старики, больные и женщины" встрѣтили спокойно (таково было мнѣніе, напримѣр, кирсановскаго съѣзда земельных собственников) революцію, — обезлюденіе деревни Чернов считает основным мотивом молчанія деревни; молчала ли потому, что просто "еще снѣг не сошел с земли" (мнѣніе составителей соціалистической "Хроники"); молчала ли потому, что плохо была освѣдомлена о переворотѣ и относилась к нему в первый момент недовѣрчиво (уполномоченные Временнаго Комитета в своих донесеніях отмѣча-

ли случаи — и не в каких-нибудь глухих углах обширной страны — когда в деревнѣ, продолжавшей жить с представителями старой власти, урядниками и становыми, не знали о происшедших событіях еще в концѣ марта и боялись, что все может "повернуться на старое"; донесенія думских уполномоченных подтверждают многочисленныя изданныя крестьянскія воспоминанія). Газетныя корреспонденціи того времени отмѣтят нам даже такіе удивительные факты в центрѣ Россіи, как распространенное среди мужиков Дмитровскаго уѣзда Московской губ. убѣжденіе, что приказ "убрать урядников" и дать народу "свободу" пришел не иначе, как от "царя-батюшки". ("Вл. Народа"). — Так или иначе, анархія и двоевластіе на мѣстах не могли грозить большими осложненіями, и Правительство могло укрыться на первых порах за формулу ожиданія Учредительнаго Собранія.

Спокойствіе в деревнѣ нарушила волна дезертиров, пришедших с фронта и подчас — отмѣчает отчет Временнаго Комитета — сыгравших роль первых освѣдомителей о происшедшем переворотѣ. Военный министр в обращеніи к "дезертирам" 7 апрѣля объяснял эту утечку с фронта "рас-

пространеніем... в арміи преступных воззваній о предстоящем теперь же передѣлѣ земли, при чем участниками его явятся будто бы лишь тѣ, кто будет находиться к этому времени внутри страны". Создавалась недвусмысленная опасность, что молва о землѣ может сорвать фронт, и министр земледѣлія спѣшил опровергнуть циркулирующіе слухи "о предстоящей в ближайшее время крупной земельной реформѣ вплоть до конфискаціи частно-владѣльческих земель". По существу Правительство ничего не говорило — его воззваніе по "первѣйшему" по своему значенію земельному вопросу 17 марта справедливо может быть отнесено к разряду скорѣе нравоучительных произведеній на тему о том, что "насиліе и грабеж самое дурное и опасное средство в области экономических отношеній". "Завѣтная мечта многих поколѣній всего земледѣльческаго населенія страны" не может быть проведена в жизнь путем каких-либо захватов. Принятіе закона о землѣ народными представителями невозможно без "серьезной подготовительной работы", выполнить которую Правительство "признает своим неотложным долгом".

Впрочем, были приняты двѣ рѣшительныя

мѣры: 12 марта были переданы в казну земли Кабинета отрешагося Императора и 16-го конфискованы удѣльныя имущества. Оба правительственныя постановленія, если и признать, что тактически они были необходимы, нарушали логику, выраженную формулой: ждать Учредительнаго Собранія. Вѣроятно, в рилу этого Правительство через посредство вел. кн. Николая Михайловича прибѣгло к своеобразной мѣрѣ полученія письменных отказов членов императорской фамиліи от наслѣдственных прав на російскій престол и согласія их на "отдачу" удѣльных земель [491].

Подводя итог наблюденій думских уполномоченных при объѣздѣ послѣ переворота, 28 губерній Европейской Россіи, трехмѣсячный отчет отдѣла сношеній с провинціей Временнаго Комитета говорил: "для крестьян новый строй — это земля". "Это то, чѣм дышит огромная часть населенія Россіи" — существует "твердое убѣжденіе", что земля должна перейти народу. Совершенно естественно, что уполномоченные Временнаго Комитета наблюдали "отсутствіе у крестьян представленія" о запутанности и трудности разрѣшенія земельного вопроса. Мысль о сложности статисти-

ческаго "учета земельных запасов, распредѣленія земельной собственности, выясненія условій и видов землепользованія" и т. д., как это перечисляло правительственное воззваніе, была в большинствѣ случаев чужда крестьянскому сознанию, увлеченному притягательной силой сосѣдней, непосредственно примыкавшей, "обѣтованной" помѣщичьей земли; представленіе о землѣ не выходило за предѣлы своей волости. "Крестьянин — констатирует цитируемый отчет — пытается во многих мѣстах не реальностью, а лозунгами. Он предвкушает золотой вѣкъ осуществленія их. Он часто далек от мысли, что всѣ эти лозунги окажутся мыльными пузырями по той простой причинѣ, что земли нѣтъ, что в большинствѣ средних губерній не только нельзя думать о трудовой нормѣ, но и о лишних 2 десятинах". В отдѣльных случаях, быть может, нѣкоторым уполномоченным в бесѣдах удавалось убѣдить крестьян не принимать "на вѣру" ходячую молву и развѣять тот "обман", в котором они находились, показав наглядно статистическими вычислениями, что при раздѣлѣ всей помѣщичьей земли на дѣлѣ крестьянам придется по 1/8 десятины—напр., в Орловской губ... Но вѣдь уполномоченные интеллигенты из Петербур-

га, да еще облеченные званіем членов Гос. Думы, которые могли заманчивыя перспективы в смыслѣ земельных чаяній свести к реальной действительности, были случайными и рѣдкими гостями в деревнѣ [492]. В большинствѣ случаев проповѣдником являлся какой-нибудь солдат из столицы или партійный агитатор, не слишком свѣдующій и не слишком сркупулезный в своей демагогической пропагандѣ — в дни революціи не было недостатка и в людях, одѣтых в интеллигентскій мундир и готовых выдавать "дутые векселя".

Одним обѣщаніем "собрать матеріал" для Учредительнаго Собранія, представленіе о котором в деревнѣ было неясно [493], нельзя было предотвратить анархическія выступленія в деревнѣ и избѣгнуть самостоятельнаго "правотворчества" в сферѣ земельных отношеній. Надо было отдать себѣ отчет в реальном положеніи и в неизбежности исхода будущей аграрной реформы в сторону интересов "трудового крестьянства". Бороться с "дутыми векселями" можно было лишь ясным и опредѣленным заявленіем, в каком именно направленіи будет происходить подготовительная работа перед Учредительным Собраніем, и од-

новременным принятием в законодательном порядке тех переходных мер, которыя подсказывала жизнь и которыя гарантировали бы в сознании массы неприкосновенность земельного фонда до Учредительнаго Собранія. Пѣшехонов ("осторожный POSSIBILITY", по выраженію Чернова) тогда же пытался выступить с предупрежденіем, что Учредительному Собранію придется "лишь оформить и санкціонировать то, что будет совершено и достигнуто в процессѣ революціоннаго строительства: отложить послѣднее невысказано. Весь вопрос в том, пойдет ли он дальше анархическим путем или в организованных формах". При анархіи получится не тот строй, к которому стремятся всѣ демократическія партіи. Но и "такой строй придется санкціонировать, пересилить революцію Учредительное Собраніе, конечно, будет не в силах". Не имѣя еще собственнаго органа повседневной печати, Пѣшехонов выступал в с.-р. "Дѣль Народ" (23 марта). Планомѣрное "революціонное строительство" Пѣшехонов видѣл в организаціи сѣти земельных комитетов, задачей которых являлась бы подготовка общей реформы и разработка предварительных, неотложных временных мер. Мысль Пѣшехонова была освоена революціонной демо-

кратіей[494] и нашла конкретное себѣ воплощеніе в правительственном мѣропріятіи, но только через мѣсяц и без той опредѣленности, которую вкладывал инициатор земельных комитетов. 21 апрѣля Правительство опубликовало положеніе о Главном и мѣстных Земельных комитетах. На Главный комитет возлагалась задача составленія общаго проекта на основаніи собранных данных и соображеній, которыя будут представлены мѣстными комитетами. На мѣстные комитеты (волостные, уѣздные, губернскіе), помимо собиранія свѣдѣній и составленія "соображеній и заключеній", возлагалось приведеніе в исполненіе постановленій центральной власти; изданіе мѣстных обязательных постановленій, простановка дѣйствій частных лиц, направленных к обезцѣненію земельных имуществ и возбужденіе перед Главным Земельным комитетом вопросов об изыятіи таких имуществ и о наиболѣе цѣлесообразном использованіи их. В воззваніи, сопровождавшем опубликованіе закона, дѣлался нѣкоторый шаг вперед и говорилось, что Учредительное Собраніе "найдет *справедливое рѣшеніе* земельного вопроса и установит *новый* земельный строй". Населеніе вновь призывалось к воздержанію от самовольных дѣйствій в области

земельных отношеній и "спокойно, в сознаниі своей отвѣтственности за будущее нашей родины готовиться к приходу истиннаго устроителя земли русской — народнаго Учредительнаго Собранія". И только в деклараціи Главнаго Земельнаго Комитета 20 мая, т. е. при новом уже коалиціонном правительствѣ, впервые было дано нѣкоторое указаніе, в каком направленіи предполагается справедливое рѣшеніе земельного вопроса — в основу будущей земельной реформы должна быть положена мысль, что всѣ земли сельско-хозяйственнаго назначенія переходят в пользованіе трудового земледѣльческаго населенія[495].

На путь извѣстной активности побудила Правительство вступить сама жизнь — проявленіе в странѣ с большей интенсивностью в апрѣлѣ аграрнаго движенія. Точной статистики этого движенія у нас, конечно, никогда не будет... Вѣдомость Главнаго Управленія по дѣлам милиціи за апрѣль отмѣчает 204 случая земельных правонарушеній против 17 за март[496]. Статистика эта не дает полной картины уже потому, что систематическія свѣдѣнія о "самоуправных дѣйствіях" на мѣстах стали собираться лишь послѣ циркулярной теле-

граммы 11 апрѣля министерства внутренних дѣл губернским и областным комиссарам. Насколько она преуменьшает дѣйствительность, можно судить по отдѣльному случаю... Так в дѣлах Главнаго Земельнаго Комитета, имѣется сводка свѣдѣній (к 1 августа) о движеніи среди крестьян, составленная Орловской губернской земской управой на основаніи анкет министерства земледѣлія: для марта и ней отмѣчено 40 случаев проявленія "движенія среди крестьян", для апрѣля 128... Волна апрѣльских волненій вызвала безпокойство Временнаго Комитета Государственной Думы, обратившагося к, министру земледѣлія Шингареву с запросом о мѣропріятіях для предупреждена "аграрных безпорядков". Отвѣт Шингарева в концѣ апрѣля напечатан у Шляпникова. Министр земледѣлія отмѣчал, что происшедшія аграрныя волненія в нѣкоторых мѣстностях явились "естественным результатом переворота", когда органы новой власти не могли дать "надлежащаго отпора" стремленіям "безотвѣтственных лиц и групп населенія к осуществленію своих чаяній путем захватов и насилій". "Явленія этого порядка... должны были получить в сферѣ земельных отношеній тѣм большее развитіе, что основаніем, им служит та

дѣйствительно наблюдаемая и часто острая земельная нужда крестьянскаго населенія... Можно было ожидать, что аграрные беспорядки... получат весьма широкое распространеніе и примут острую форму... Дѣйствительность не оправдала этих опасеній, в полной мѣрѣ", так как по имѣющимся у министра свѣдѣніям "аграрныя волненія не приняли столь широких размѣров"... "Аграрные беспорядки имѣют мѣсто в отдѣльных мѣстностях — повидимому, в тѣх, гдѣ создалось недружелюбное отношеніе между землевладѣльцами и крестьянами ими особенно сильно ощущалась земельная нужда, сравнительно в незначительном числѣ случаев охватывали цѣлыя волости или уѣзды[497]. При этом крестьяне по большей части прибѣгали не к безвозмездному отобранію владѣльческих земель, а к принудительной сдачѣ им в аренду по назначенной волостным комитетом "справедливой" цѣнѣ, правда весьма пониженной по сравненію с существующей". Шингарев писал, что министерство, учитывая "всѣ серьезныя послѣдствія" аграрных волненій в частности для "обеспеченія арміи и населенія продовольствіем. прибѣгло ко всѣм имѣющимся в его распоряженіи средствам для предупрежденія дальнѣйшаго развитія аграрнаго

движенія". Такими средствами являлись мѣры двоякаго рода:

1) Прекращенія безпорядков...

2) Изданіе в законодательном порядкѣ таких постановленій, которыя..., с одной стороны, дали бы какой-нибудь путь удовлетворенія земельной нужды крестьянскаго населенія, а с другой, направляли бы по законному руслу возникавшіе у него споры с землевладѣльцами на почвѣ земельных правоотношеній до разрѣшенія земельного вопроса в Учредительном Собраніи.

В отношеніи мѣр перваго рода необходимо, однако, принять во вниманіе, что, не имѣя в своем распоряженіи таких органов власти, какіе могли бы прекратить безпорядки путем примѣненія физической силы, находящейся в вѣдѣніи министерства внутренних дѣл...[\[498\]](#), да и по существу *не признавая возможным*, в условіях переживаемаго времени, пользоваться таковой, вѣдомство могло прибѣгнуть только к нравственному воздѣйствію на населеніе... Такого рода обращеніе привело в нѣкоторых случаях к положительным результатам"... "Что же касается мѣропріятій втораго рода — продолжал отвѣт Шингарева — то утвержде-

ныя Временным Правительством постановленія:

а) от 11 апрѣля о засѣвѣ полей и охранѣ посѣвов,

б) от 21 апрѣля об учрежденіи земельных комитетов...

Закон 11 апрѣля устанавливает предоставленіе всѣх пустующих земель в распоряженіе мѣстных продовольственных комитетов с назначеніем послѣдними справедливой арендной платы в пользу владѣльцев за занятіе их земель и принятіе за счет государства убытков, понесенных частными владѣльцами от насильственного захвата их земель, возлагая вмѣстѣ с тѣм на виновных гражданскую и уголовную отвѣтственность". В заключеніе министр выражал свое "глубокое убѣжденіе", что при болѣе тѣсном взаимодействіи между центральным правительством, мѣстными властями и общественными организаціями, "дальнѣйшему распространенію беспорядков на почвѣ земельных отношеній будет положен предѣл".

Оптимистическое заключеніе министра земледѣлія было преждевременно, ибо такіе палліативы не могли успокоить деревню, которую, помимо

реальных требованій жизни, возбуждали идеологи "соціального радикализма"[\[499\]](#). Но на первых порах правительственныя мѣропріятія содѣйствовали значительному ослабленію земельных правонарушеній[\[500\]](#): данныя милиціи снижают цифру апрельских выступленій с 204 на 81; в том же соотвѣтствіи во взятом примѣрѣ Орловской губ. в маѣ случаи движенія с 128 снижаются на 39[\[501\]](#).

Отчет Врем. Комитета, отмѣчая, что за всѣ три первые мѣсяца не было случая примѣненія силы со стороны правительства, указывал, что земельныя примирительный камеры пришли к крестьянам "по душѣ" и имѣли успѣх. Депутаты, объѣзжавшіе провинцію, нарисовали довольно яркую картину настроеній деревни, ея растерянность и отчасти беспомощность, которыя приводили не так уже рѣдко к попыткам самостоятельно рѣшить на мѣстѣ земельный вопрос. "В разъясненіи и точном указаніи выхода из того или другого положенія нужда большая, чѣм во всякой охранѣ", — подводит итог отчет. Не обобщая фактов, отмѣтим черты, подчеркнутыя в отчетѣ. Часто, на примѣр, владѣльцы и управляющіе крупных имѣній убѣгали, оставляя хозяйство на произвол

судьбы. Крестьяне и сама исполнительная власть затруднялись, как наступить в таком случаѣ: помѣщики спѣшили рубить лѣс, распродать живой и мертвый инвентарь. Деревенскіе делегаты "приходят в город за разъясненіем, заходят в комитеты, к комиссару, в Совѣты Р.С.Д., в партію с.-р. и вездѣ получают различныя указанія"; посылают депутатов в столицу, гдѣ на них обрушиваются "вся шумиха, весь водоворот партійных споров и разговоров". И отчет рисует бытовую сцену, как односельчане сажают в холодную вернувшася депутата, который проѣздил общественныя деньги и ничего не узнал: "все забыл, что слышал; так много слышал, что... ничего не запомнил". Нерѣдки случаи, когда совѣтскія деклараціи принимаются за "закон"[\[502\]](#). Большинство уполномоченных, как утверждает отчет, вынесли "крайне мрачный" взгляд на волостные комитеты — они не имѣли ни "авторитета", ни "гражданской отвѣтственности" и легко превращались в "игрушку в руках политическаго агитатора", причем выразители крайних мнѣній, соотвѣтствовавших "чаяніям изголодавшагося по землѣ народа", вызывали наибольшее довѣріе. Другіе наблюдатели отмѣчали и иную сторону в скептицизмѣ населенія к волостному зем-

ству— "хорошіе" крестьяне не шли на выборныя должности, не довѣряя еще новым порядкам; на выборах проявился большой абсентеизм. И в то же время эти пессимистически настроенные наблюдатели должны были отмѣтить и явленіе, противорѣчившее их заключеніям — с возникновеніем комитетов "всякіе эксцессы" в деревнѣ прекратились. И на мѣстѣ эксцессов "все болѣе растут приемы мирнаго выживанія и устраненія от земли всѣх крупных и мелких собственников" не исключая отрубников, "повсемѣстную вражду" к которым отмѣчает отчет Временнаго Комитета; устанавливается высокая, завѣдомо непосильная такса на рабочія руки, особая приплата за пользованіе трудом плѣнных, просто запрещается работа у частных владѣльцев — "не дадим им рабочих, они тогда всѣ, как тараканы, подохнут". Так деревня подчас осуществляла на мѣстѣ правительственный циркуляр 11-го апрѣля о засѣвѣ пустующих полей...

Это отстояло очень далеко от той "пугачевщины", о которой, как о чем то неизбѣжном при революціи, в послѣдніе годы стараго порядка так много говорили в самых разнообразных обще-

ственных кругах. Если этого не произошло в первый период революціи, не обязана ли Россія такому исходу все же в значительной степени дѣятельности весьма несовершенных организацій на мѣстах?

Не только исконная тяга к помѣщичьей землѣ, не только максималистическая агитація пропагандистов "чернаго передѣла", но и реальныя жизненныя потребности, отмѣченныя Шингаревым, приводили к мѣстному правотворчеству, которое уже существенно расходилось с лозунгом пассивнаго ожиданія Учредительнаго Собранія. Уѣздный раненбургскій комиссар, предсѣдательствовавшій в уѣздном исполнительном комитетѣ, в болѣе позднем своем уже польском докладѣ министру земледѣлія по поводу "шумихи" вокруг уѣзда, выступавшаго "первым" в аграрном вопросѣ, объяснял так причины, побудившія Исполнительный Комитет принять рѣшительныя мѣры к использованию помѣщичьей земли для того, чтобы "не осталось не запаханнаго поля, неубраннаго хлѣба".

"Когда в началѣ марта — писал он — поступили на утвержденіе приговоры о черном передѣлѣ земли и об уничтоженіи арендных договоров,

комитет рѣшил взять на себя урегулированіе этого вопроса. На засѣданіе были приглашены землевладѣльцы. Под ужасом впечатлѣнія о гибели почти 2 мил. пудов зерна (в предыдущем году — утверждало донесеніе — помѣщичій хлѣб погиб в большинствѣ экономій — у одних хлѣб остался в полѣ в рядах, у других сгнил в скирдах), под впечатлѣніем пустующих полей и валяющагося на дворах исхудалаго скота, который поднимали за хвост, и который стал гибнуть во многих экономіях, комитет, послѣ двухдневнаго засѣданія 25-26 марта вынес суровое постановленіе: всю землю и весь живой и мертвый инвентарь передать в руки крестьян, а остальное хозяйство, гдѣ это необходимо, передать в завѣдываніе довѣренных лиц". "Такое постановленіе — писал комиссар — я нашел непріемлемым для себя и сложил полномочія предсѣдателя комитета. Это заставило комитет пойти на компромисс: 81 марта, вопрос подвергся новому обсужденію". Постановлено было исключить всѣх мелких землевладѣльцев, в крупных экономіях веденіе хозяйства оставить за владельцами, обезпечив им не менѣе, чѣм 30 дес. в полѣ, и допустить исключеніе для "правильных хозяйств". Постановлено было обезпечить "хозяй-

ственно надежныя" экономіи рабочими руками, оставить в силѣ всѣ арендные договоры. "За рѣдким исключеніем — констатировал комиссар Сухарев — комитету удавалось справиться со своей задачей[503].

Раненбургскій уѣзд был особливо неблагополучен в смыслѣ "крестьянскаго движенія". Слѣдовательно постановленія уѣзднаго комитета носили специфическій характер. Болѣе показательны поэтому постановленія общегубернскаго (рязанскаго) съѣзда "представителей губернскаго, уѣздных, городских, волостных комитетов, земств и городов, крестьянскаго союза, объединеній кооперативов, Совѣтов Р. и С. Д.", собравшагося во второй половинѣ апрѣля. Эти постановленія весьма отчетливо опредѣлили направленіе, в котором на мѣстах рѣшался "земельный вопрос", и служили знаменующим перстом для политики центрального правительства в области временных мѣр. Исходя из положенія, что "земля должна принадлежать всему трудящемуся народу", и что разрѣшеніе основного вопроса о землѣ будет на созываемом *в ближайшем будущем* Учредительном Собраніи, съѣзд "во имя спасенія родины от разгрома внѣш-

ним врагом и защиты молодой свободы от внутренней анархіи" постановил:

1. Признать правильное и полное использование в 1917 году всѣх земельных угодій, независимо от того, кому они принадлежат, вопросом государственной необходимости.

2. Временное, впредь до разрѣшенія земельного вопроса на Учредительном Собраніи, использование путем реквизиціи всѣх пахотных и луговых угодій (в особом "наказѣ" съѣзд пояснил, что под "всѣми земельными угодіями" разумѣются земли всѣх видов: монастырскія, церковныя, удѣльныя, частновладѣльческія и крестьянскія), с предоставленіем всѣх земель, не могущих быть, по заключенію мѣстных комитетов, обработанными, обсѣменными и убранными силами самих владѣльцев, в распоряженіе мѣстных ("волостных и городских под контролем уѣздных) исполнительных комитетов.

3. Использование в реквизиціонном порядкѣ всѣх указанных земель и лугов на основаніи принудительной аренды с платой, проектируемой мѣстными исп. комитетами[504]. На мѣстные исполнительные комитеты возлагалась обязанность

принять всѣ мѣры к обработкѣ земли, убора урожая и сдачи всего излишка хлѣба "на условіях, объявленных в законѣ о государственной хлѣбной монополіи". Вмѣстѣ с тѣм съѣзд признал, "необходимым, чтобы Временным Правительством было издано особое распоряженіе о немедленной пріостановкѣ покупок, продажи, залога и даренія земель и лѣсов[505]. Рѣшеніе съѣзда было сообщено в Петербург через особую делегацію.

В дни Временнаго Правительства перваго состава лишь намѣчалась еще та общая платформа, которая могла быть выставлена от имени организованнаго крестьянства на первом собравшемся в Петербургѣ 4 мая Съѣздѣ Совѣтов Крестьянских Депутатов, и которая нашла отклик по всей Россіи. Апрель и отчасти уже март были періодом организационным: На Совѣщаніи Совѣтов такая платформа, объединившая разныя теченія революціонной демократіи и противопоставленная неопредѣленной правительственной деклараціи, была, однако, уже выработана. Резолюція, принятая 3 апрѣля, говорила о необходимости "перестроить коренным образом" земельныя отношенія: "только... передача земли трудящимся сдѣлает зем-

ледѣльца дѣйствительно свободным". Признавая, что окончательное разрѣшеніе земельного вопроса принадлежит Учредительному Собранію, революціонная демократія, представленная на Совѣщаніи, заявила, что поддержит "самым рѣшительным образом в Учредительном Собраніи безвозмездное отчужденіе всѣх частно-владѣльческих земель для передачи их трудящемуся народу, за исключеніем владѣній, не превышающих максимальных норм, каковыя будут установлены для каждой области мѣстными демократическими комитетами". В "переходное время" Совѣщаніе считало необходимым распространить конфискацію государственной властью удѣльных и кабинетских земель, теперь же на церковныя и монастырскія земли и изданіе Временным Правительством декрета о прекращеніи впредь до разрѣшенія Учредительным Собраніем земельного вопроса всякаго рода земельных сдѣлок.. Совѣщаніе сказало и относительно созданія на мѣстах "до образованія органов демократическаго самоуправления" комитетов для урегулированія заработной платы и для устраненія недоразумѣній между частными владѣльцами и крестьянами. Совѣщаніе предусмотрѣло и закон 11 апрѣля о сдачѣ мѣстными комитетами пу-

стующих частновладѣльческих земель в аренду или обработку их наемным трудом "с помощью владѣльческаго инвентаря" и с оплатой "по установленным комитетамі цѣнам". На мѣстные комитеты Совѣщаніе возлагало "обязанность бороться со всякими попытками самочиннаго разрѣшенія на мѣстах земельного вопроса", считая, что "всякое потрясеніе хозяйственной жизни в настоящее время в области земледѣлія может имѣть для государства непоправимое бѣдствіе. усиливая ту продовольственную разруху, которую сейчас переживает страна".

Реалистическая платформа, выработанная Совѣщаніем, была далека от аграрнаго максимализма[506]. Ахиллесовой пятой для правительства оказалось требованіе о прекращеніи земельных сдѣлок, против чего возражал класс земельных собственников[507]. Между тѣм, если бы сознаніе большинства, по крайней мѣрѣ, земельных собственников с самага начала освоило неизбѣжность в обстановкѣ 17 г. радикальной аграрной реформы в духѣ, намѣченном совѣщаніем[508], если бы Правительство с самага начала пошло хотя бы в декларативной формѣ по этому пути и повтори-

ло бы заключительную формулу резолюціи Совѣщанія — "народ в Учредительном Собраніи рѣшит земельный вопрос в интересах трудящихся масс"; если бы, не предрѣшая даже вопроса в декларативной формѣ, Правительство указало в *первом* своем воззваніи к крестьянам, что разработка вопроса будет вестись в соотвѣтствующем направленіи — в интересах сельскаго трудового населенія[509], как рекомендовала Шингареву телеграмма Совѣта Московскаго Сельскохозяйственнаго Общества 16 марта, отправленная под вліяніем полученных свѣдѣній о начавшихся безпорядках — кто знает, может быть, судьба русской революціи "сложилась бы иначе..."[510].

Настроенія крестьянскія в первые мѣсяцы революціи были, как мы видим, скорѣе міролюбивыми и соглашательскими, "случаи эксцесов" в деревнѣ тонут в общем сознаніи "отвѣтственности, желанія дѣйствовать организовано и закономѣрно" — доносил в центр саратовскій губернскій комиссар, быть может, и склонный к нѣкоторому преувеличенному, официальному оптимизму. Внесем здѣсь ту поправку, которую дѣлает Чернов, приводящій нѣсколько примеров "идиллических оазисов" из

апрельских №№ с.-р. газеты "Земля и Воля" о соглашениях на мѣстах между крестьянами и землевладельцами о земле до Учредительнаго Собранія. (Так в Елецком уѣздѣ крестьяне обязывались обрабатывать и помѣщичьи земли, пользуясь инвентарем владѣльца исполу — помѣщик получал 1/4-1/2 урожая)[\[511\]](#). "Общим правилом были настроенія далеко не соглашательскія" в обоих лагерях — утверждает в историческом обзорѣ бывший министр земледѣлія перваго коалиціоннаго правительства. Эта поправка хронологически все же должна быть отнесена не к тому времени, о котором мы говорим; тогда и будущій "селянскій министр" ("мужицкій министр", как привѣтствовали его с мѣст на Государственном Совѣщаніи), не мало склонный к демагогическому разнуздыванію стихіи, не был активным дѣйствующим лицом и на аренѣ еще только появился Ленин со своей прямолинейной проповѣдью брать силою всю "землю", "не дожидаясь Учредительнаго Собранія" (его открытое письмо делегатам майскаго крестьянскаго съѣзда — этим простым положеніем он замѣнил апрѣльскій тезис о "конфискаціи" помѣщичьей земли). Та опредѣленность в правительственной деклараціи, о которой мы говорим, могла

усилить соглашательскія настроенія в деревнѣ и содѣйствовать миролюбивому разрѣшенію до Учредительнаго Собранія практическихъ вопросовъ, которые ставила жизнь. Во всякомъ случаѣ она могла быть противопоставлена безотвѣтственной демагогіи[512]. Вплоть до октябрьскаго переворота крестьянская мысль в вопросѣ о землѣ цѣликомъ не освоила упрощенную схему: грабь награбленное, как, быть может, далеко не вездѣ (особенно на первых порах) освоила и "паньску затію", ждатель *разрѣшенія* земельного вопроса до созыва Учредительнаго Собранія.

* * *

Закончивъ краткое обозрѣніе аграрной политики Временнаго Правительства перваго призыва, мы с большой сознательностью можемъ отнести к сужденіямъ, высказаннымъ по этому поводу главою послѣдующаго состава правительства — и, конечно, в изданіи, которое предназначалось для иностраннаго демократическаго общественнаго мнѣнія. Переворачивая вверхъ дномъ "соглашеніе" 2 марта, Керенскій в своей послѣдней книгѣ "L'Experience Kerenski" удивительнымъ образом до-

казывает, что именно представители Совѣта, исходя из своей социологической концепціи о "буржуазном этапе революціи", колебались внести в программу будущаго правительства социальныя, аграрныя и рабочія реформы. В дальнѣйшем мемуарист доходит до такого искаженія дѣйствительности, что увѣряет, что уже первое революціонное правительство, несмотря на свое "капиталистическое" происхождение (это и придает русской революціи тип классически русской), выступило с *иниціативой* радикальной земельной реформы в полном соотвѣтствіи с русской революціонной традиціей[513].

Оказывается, что проект Ленина, о котором он мечтал в Швейцаріи, правительством "цензовой общественности" был принят к выполненію задолго до того, как большевики разнуздали ("спустили с цѣпи") свою "аграрную революцію". Первое правительство демократической революціи предоставило самим крестьянам выработать новый земельный порядок — только мнѣніе земельных комитетов имѣло значеніе: всѣ земли подлежали націонализациі и пользоваться ими наперед могли лишь тѣ, кто их обрабатывал... Может быть, в дни, когда

во главѣ коалиціоннаго правительства стоял Керенскій, дѣйствительность и стала только до известной степени приближаться к тому, что говорит Керенскій-мемуарист. Его товарищ по партиі, активный дѣятель Совѣта Крестьянских Депутатов Быховскій утверждал в засѣданіи 7 іюля: "не пройдет одной недѣли, как станут законом всѣ постановлены Всероссійскаго Совѣта Крестьянских Депутатов".

В дни существованія Временнаго Правительства перваго состава подобныя утвержденія можно было встретить лишь в правых кругах земельных собственников, обвинявших Правительство в том, что оно стоит "на вытяжку" перед комитетом.

IV. Совѣтская позиція.

Мы видѣли, как в жизни создавалось "двоевластіе". Можно ли это бытовое явленіе принимать за идеологическій фермент для созданія "совѣтской власти?" Очень относительно, ибо анархія на мѣстах, приводившая даже к созданію каких-то автономных городских и уѣздных "республик" (термин отчета Врем. Комитета), свидѣтельствовала больше о хаосѣ, который дол-

жен был понемногу исчезать по мѣрѣ того, как утрясалась взбаломученная переворотом народная психологія. В сущности он и исчезал. Керенскій с полным правом мог говорить, что максимум безвластія дало правительство перваго состава — правительство "цензовой общественности". Налаживался разрушенный переворотом административный аппарат, начинало нормально функционировать демократическое общественное самоуправленіе. И неизбежно процесс превращенія "контролирующих" совѣтов в органы "управляющіе" должен был ослабѣть. Неоспоримо, авторитет Совѣтов, принимавших столь активное участіе в разрѣшеніи экономических конфликтов (мѣстами они выполняли роль не существовавших професіональных союзов) и в борьбѣ с продовольственной разрухой, значительно вырос в глазах населенія. И все же этот авторитет в большей степени был авторитетом не правительственным, а революціонным, когда совѣтская резолюція в центрѣ принималась на мѣстах, как директива для "фактического осуществленія" — не случайно, напримѣр, совѣт в м. Б. Токмак Таврической губ. 2 апрѣля запросил столичный центр (в данном случаѣ Москву): "вводится ли 8-часовой рабочей день *re-*

волюціонным путем, прибѣгая даже к забастовкам?"

Всякая гипербола в исторіи стоит на грани фантастики. Безконечно преувеличено мемуарное воспріятіе Суханова, утверждающаго про Петербург, что совѣтскій "аппарат управленія" стал произвольно, автоматически, против воли Совѣта вытѣснять официальную государственную машину, работавшую все болѣе и болѣе холостым ходом "...приходилось брать на себя отдѣльныя функціи "управленія", создавая и поддерживая в то же время фикцію, что это "управляет" Маріинскій дворец". Для характеристики "мартовских будней" ограничимся лишь приведеніем оговорки, сдѣланной самим мемуаристом: "пока дѣло далеко еще не дошло до таких предѣлов, пока от государственных "ограниченных" дѣл можно было еще категорически отказываться". Так было в столичном центрѣ, гдѣ бился пульс революціи. Знаменательно, что сам Ленин в період творенія своих апрѣльских "тезисов" приходил к выводу, что именно опыт на мѣстах должен явиться "образцом" "для подталкиванія центра". Матеріалы, собранные Юговым ("Совѣты в первый період революціи") дают

цѣлый асортимент иллюстрацій к этому "опыту на мѣстах". Если отбросить всѣ вышесдѣланныя поясненія и оговорки, можно, пожалуй, придти к выводу, что "двоевластіе" так или иначе проходило "сверху до низу" (итог Троцкаго в исторіи февральской революціи), но нельзя заключить, что в апрѣлѣ эпоха "фактического двоевластія" стала смѣняться эпохой "фактической полноты власти" совѣтов (Суханов). Тот же метавшійся в поисках себѣ политическаго "пристанища" в первые дни революціи между меньшевиками и большевиками "около партійный" Суханов утверждает, что лозунг "вся власть совѣтам" в глазах большевиков "совершенно не имѣл того смысла, какой в него вкладывал Ленин", т. е., значенія "государственно-правовой системы" — замѣны "парламентской республики", "республикой Совѣтов": это было "просто очередным политическим требованіем организаціи правительства на подотчетных Совѣту элементах".

На первых порах при общей неясности конструкціи временной революціонной власти в представленіях и в центрѣ и на мѣстах получалась довольно большая путаница. Если с фронта со

стороны команднаго состава запрашивали разъясненія центра о взаимоотношеніи Правительства с Временным Комитетом, то со стороны солдатских масс спрашивали такого же разъясненія в отношеніи к совѣтам. "Большое недоумѣніе — говорил в засѣданіи Исполнительнаго Комитета 14 марта представитель совѣта из Пскова — вызывает неясность, кто составляет правительство — Временное Правительство или Совѣт Р. С. Д., или оба вмѣстѣ". "Солдаты не знают кого слушать" — заявлял в засѣданіи 15-го представитель одной "маршевой роты"...

Любопытно, как на Совѣщаніи Совѣтов один из делегатов 12-й арміи Скачков, соц.-демократ из числа противников большевиков, явно принадлежавшій к средѣ интеллигентной, сторонник созданія коалиціоннаго правительства и всемѣрной поддержки центрального революціоннаго правительства во имя интересов войны, весьма своеобразно разъяснял форму государственнаго управленія, которая была создана революціей. По его мнѣнію и тѣх, очевидно, кого он представлял, революція создала "неписанную конституцію" с однопалатной системой и исполнительным органом

ея — министерством: "палата депутатов — это вот собраніе всѣх Совѣтов Р. и С. Д., это есть единственная наша палата, которую выбрала революція. Единственное отношеніе со стороны этой палаты к Временному Правительству может быть такое, что Временное Правительство является отвѣтственным министерством этой палаты депутатов. Вот таким образом у нас, на мѣстах, в арміи, в большинствѣ случаев и считали, что правительство выражает волю Совѣта Депутатов, но здѣсь доклад Стеклова внес в наши умы огромную смуту: мы видим, что тов. Стеклов доказывает, что правительство вовсе не выражает воли Совѣта Депутатов, не исполняет ее, хочет устранить ее.

И вот теперь мы уже поставлены в совершенно безвыходное положеніе. Когда мы вернемся назад, вам, в окопах, придется разбираться в каждом постановленіи правительства, положена ли на него марка Совѣта Депутатов или не положена, с его разрѣшенія или не с его разрѣшенія. Вы понимаете, в такой обстановкѣ разрѣшить этот вопрос является совершенно невозможным, и мнѣ кажется, что единственно, что мы можем предложить Совѣту Р. Д. это приложить всѣ усилія к тому, что-

бы воля Временнаго Правительства не расходилась с волею Совѣта Депутатов... Нам не важно, из каких слоев выбрано само правительство, не важно, кто его лица. Нам важно то, что оно должно выражать волю революціоннаго движенія, а если оно не будет выражать, то оно не должно существовать".

Выступленіе Скачкова стояло в прямой связи с обсужденіем одного из центральных вопросов Совѣщанія — об отношеніи революціонной демократіи к правительству. Официальным докладчиком от Исполнительнаго Комитета выступил Стеклов, который должен был обосновать предлагаемую Совѣщаніем не слишком опредѣленную резолюцію о политической цѣлесообразности поддержки Временнаго Правительства, "представляющаго интересы либеральной и демократической буржуазіи" — "постолько, поскольку оно, в согласіи с Совѣтом, будет неуклонно идти в направленіи к упроченію завоеваній революціи и борьбы с "контр-революціонными силами". "Очень странный доклад" (это признает и Суханов), сдѣлал этот достаточно безпринціпный в житейских отношеніях демагог, тогда еще не числившійся в рядах

крайних, но стоявшій в своем революціонном радикализмѣ почти всегда на грани поддержки большевизма. Доклад был интересен по фактам, пожалуй даже объективен в той своей исторической части, которую приходилось уже выше цитировать — в "наивном и откровенном признаніи" (по выраженію Милюкова), почему Демократія не захватила власти в первые дни революціи. В послѣдующем, отвергая измышленія "черносотенной и либеральной буржуазіи", которая, стремясь посѣять раздор, инспирует, и клеветает ("сплетничает") о двоевластіи (формально его нѣтъ, а если оно и существует, то как выраженіе стремленій двух политических сил), Стеклов выступил с обвинительным актом против таившихся в нѣдрах правительства контр-революціонных потенцій... Докладчик "улавливал нежелательные оттѣнки" в нѣкоторых министерских рѣчах, намекая на таинственный "организующій центр", отказываясь "пока" его назвать и видѣл, наконец, угрозу революціи в "ложной гуманности" буржуазнаго правительства: это правительство не издало, на примѣр, "декрета, объявляющаго внѣ закона всѣх генералов — врагов русскаго народа, которые дерзнут поднять (все в будущем времени) святотатствен-

ную руку на русскій народ и завоеванія его революціи". Это правительство, "без вѣдома и согласія Совѣта", оставляло на свободѣ (правда, временно) "под личным наблюденіем министра юстиціи" стараго генерала Иванова[514]... Недоволен был Стеклов и отношеніем к династїи, введшей в Россїи "крѣпостное право" и пр. и пр.

Одним словом, офіціальнѣй доклад от имени Исп. Комитета представлял собой, как выразился с.-р. Гендельман, оговорившїйся тут же, что он "отнюдь" не собирается "защищать правительство", "не дѣловой" анализ, а "какой-то фельетон", которым Стеклов "увеселял" собравшихся. Было немного "забавно", но и "скучно" слушать стекловскїя ламентаци и "разоблаченія происков и козней контр-революціи — спереди, сзади, с боков, с высоты" и его соратнику по выработкѣ соглашенія 2 марта, Суханову. Хотя увеселяющїя мѣста доклада Стеклова и срывали аплодисменты (иногда далее бурные, как отмѣчает стенографическїй отчет — аплодисменты срывали и тѣ, кто осмѣивал увеселительнѣй тон демагога и порицал Исполнительнѣй Комитет, который выпустил такого страннаго докладчика), они привели в смущеніе

лидеров Исполнительнаго Комитета, предварительно заслушавшаго тезисы доклада "весьма наскоро". В самом дѣлѣ вмѣсто того, чтобы защищать предлагаемую резолюцію, Стеклов, с азартом опровергая ее, неожиданно заключил: "надѣюсь, примете резолюцію, которую я имѣю честь предложить вам от имени Исполнительнаго Комитета", а у слушателей по словам Гендельмана, создавалось опредѣленное впечатлѣніе: "Временное Правительство нужно арестовать и посадить туда, гдѣ сидят Протопопов и Щегловитов". В залѣ воцарилось "полное недоумѣніе". Явилась мысль выставить содокладчика. Намѣтилась кандидатура Суханова — очевидно, считался желательным оратор из числа тѣх, кто вел переговоры 2 марта, и побаивались неожиданностей, к которым был склонен "роковой человек", третій ночной партнер Соколов... Из этого ничего не вышло, ибо тезисы будущаго меньшевика-интернаціоналиста без комическаго элемента, одобренные "в общем" предварительно лидером большевицкой фракціи Каменевым, были забракованы идеологическим вдохновителем позиціи Исполнительнаго Комитета, каким сдѣлался вернувшійся из ссылки бывший депутат Думы Церетелли. Его позицію Суханов оха-

рактизовал словами, будто бы ему сказанными Церетелли по поводу проектировавшагося содоклада: "вы, конечно, должны говорить о необходимости соглашения с буржуазіей. Другой позиціи и другого пути для революціи быть не может. Вѣдь вся сила у нас. Правительство уйдет по мановенію нашей руки. Но тогда погибель для революціи".

Спасать положеніе и выправлять линію взялся сам Церетелли, выступавшій, однако, в серединѣ преній и послѣ выявленія позиціи "крайне лѣвых", т. е., фракціи большевиков. Официальным представителем послѣдних был Каменев, выразившій центральную, до нѣкоторой степени компромиссную позицію в своей партіи. Тактически она не совпадала с "апрѣльскими тезисами" вскорѣ прибывшаго в "запломбированном вагонѣ" Ленина[515]. "Никакой поддержки Временному Правительству", — открыто провозгласил Ленин. Прямолинейность вождя у Каменева была завуалирована. "Мы не хотим сейчас сверженія этого Временнаго Правительства" — заявлял Каменев, но, "если не берем инициативы какой либо революціонной борьбы", то "есть другой фактор, который опреде-

ляет положеніе". "Мы дышим атмосферой контр-революціи", организуемой "за спиной" правительства и начавшей свои атаки против демократіи (правительство попустительствует этим контр-революціонным попыткам). Совѣт является "зачатком революціонной власти самого народа", и резолюція Совѣщанія должна говорить не о поддержкѣ Временнаго Правительства, а в предвидѣніи неизбежных столкновеній призывать представителей всей демократіи сплотиться вокруг организующагося центра революціи, которому *неизбѣжно* выпадет на долю взять на себя отраженіе царизма и "буржуазной контр-революціи".

"Истерическая" (по характеристикѣ одного из ораторов) в политическом отношеніи резолюція большевиков вызвала в собраніи недоумѣніе: чего хочет теченіе, представленное в Совѣщаніи Каменевым и подмѣнившее вопрос об отношеніи к Временному Правительству вопросом об отношеніи к Совѣту? "Не поддерживать — значит свалить, а этого Каменев не хочет". (Провинціальный большевик из Екатеринбургa Сосновскій выразился еще опредѣленнѣе: "может ли сейчас идти вопрос о том, чтобы свергнуть настоящее правитель-

ство? Я полагаю, двух мнѣній здѣсь нѣтъ и не было — об этом никто не поднимает рѣчи и не поднимет"). Если бы резолюція, предложенная Каменевым, голосовалась, очевидно, она собрала бы еще меньше голосов, нежели баллотировавшаяся перед тѣм резолюція о войнѣ: за резолюцію большевиков высказалось тогда 57 членов собранія, против 325 за резолюцію Исполнительнаго Комитета при 20 воздержавшихся (с.-д. интернаціоналистов). Вмѣстѣ с большевиками голосовали и будущіе "лѣвые соц. революціонеры", которых Шляпников исчисляет цифрой 20[516].

Развернувшіяся пренія дали широкій спектор разногласій. На них имѣет смысл остановиться, так как из стенографическаго отчета выносишь нѣсколько иное впечатлѣніе, чѣм то, которое получаешь при ознакомленіи с картиной, набросанной мемуаристами. Всероссийское Совѣщаніе — это "финал демократическаго фронта" по мнѣнію Суханова; в дѣйствительности же значительная часть представителей провинціальных совѣтов и армейских частей горячо отстаивала "демократическій фронт". Во имя единства была выдвинута идея коалиціонной власти. В центрѣ ее отстаивал

один только представитель "трудовой группы" Брамсон. Отмѣчая значеніе "организующих центров в лицѣ Совѣтов" (без них "Бог вѣсть, в какой, может быть, анархіи была бы наша страна"), Брамсон призывал "главных дѣятелей социалистических партій", сойти с "пути критики" и найти "достаточно мужества" принять и на себя "отвѣтственность" в переходное время в управленіи страной, "не затуманивать" создавагося положенія страхом перед мнимыми "мрачными тѣнями контр-революціи", а предложить "реальный план активных опредѣленных дѣйствій" ... для того, чтобы вывести страну на "новый путь радостнаго, свѣтлаго и спокойнаго существованія".

"Зоркій, бдительный страж народной революціонной воли" в средѣ "противодѣйствующих сил" будет лучшим средством разрушить "гнѣздо контр-революціи", если таковое имѣется. Другими словами Брамсон предлагал расширить базу демократическаго представительства, имѣя в виду привлеченіе в его состав социалистических дѣятелей, помимо Керенскаго.

Идея расширенія состава правительства встрѣтила большое сочувствіе в собраніи — о нем

говорило немало представителей с мѣст, но по разному мотивируя такую необходимость. Делегат Венцковскій (кого он представлял не указано), как будто, правильно опредѣлил происхождение "двоевластія". "Ясно было заранѣе", что каждая сила, участвовавшая в переворотѣ, будет по своему толковать его послѣдствія. "Двоевластіе" произошло от того, что в правительство вошли лица, в сущности не желавшія революціи. Надо, чтобы в правительствѣ был не один только "заложник демократіи". Когда создастся коалиціонное правительство, которое будет выражать и волю пролетаріата, и волю революціоннаго крестьянства, и волю революціонной арміи, и волю всей демократіи, тогда его представители "менѣе всего" будут "нуждаться в соглядатайствѣ". Трудовик Адамов-Френкель, говорившій от имени Псковскаго совѣта, сдѣлавшагося центром всего Сѣвернаго фронта, указывая на опасность конфликта, когда дѣйствующая армія будет поставлена в положеніе частью идти за Врем. Правительством, а частью за Совѣтами, призывал оказать на Врем. Правительство и на Петроградскій Совѣт давленіе, пока "не поздно", в цѣлях достигнуть вхожденія в правительство представителей "вліятельнѣйших соціа-

листических партій". Титов (с.-р. из Уфы) был увѣрен, что резолюція, предложенная от имени Исполнит. Комитета, не будет принята, ибо "докладчик сдѣлал слишком много для того, чтобы большинство нашего собранія высказалось против этой резолюціи". По мнѣнію уфимскаго делегата, большинство будет удовлетворено резолюціей о вхожденіи в минуту исключительной важности и отвѣтственности вождей Исп. Комитета в состав Врем. Правительства, при чем им гарантирована "безусловная поддержка", "безусловное повиновение". "Это предложеніе — говорил делегат — является мнѣніем, думаю, большинства солдат". Оно не встрѣтит противодѣйствія со стороны Правительства, заявившаго в лицѣ Керенскаго, что Правительство "ничего не имѣет против того, чтобы в любой момент представители Исп. Комитета вошли в его состав (такого заявленія Керенскій, передавая Совѣщанію от имени Правительства "низкій поклон всей демократіи: рабочим, солдатам и крестьянам" — не дѣлал). Исполнительный Комитет "держится той точки зрѣнія, что лишь тогда он может принять власть в свои руки, когда Временное Правительство окончательно дискредитирует себя в глазах всей Россіи, т. е., пока гром,

не грянет, мужик не перекрестится... Но мы не должны допустить, чтобы над нашей родиной, разразился громовой удар". Представитель екатеринославскаго гарнизона Каменскій огласил резолюцію, вынесенную 55 тысячами солдат гарнизона: "Совѣтъ С. Д., в полном согласіи с деятельностью общественных, рабочих и крестьянских организацій, поддерживает Временное Правительство вооруженной силой, укрѣпляет всѣ занятыя им до настоящаго времени позиціи, а также всѣ его начинанія на благо родины, крестьян и рабочих". "Я удивляюсь — говорил делегат, — когда говорят о сдвигѣ Временнаго Правительства вправо так, как в рѣчи вчерашняго докладчика. Я прямого указанія на этот сдвиг не видѣл"... Екатеринославскіе солдаты заявляли, что "пока война, будем поддерживать это Временное Правительство", "не скрывая желанія усилить состав этого правительства за счет лѣвых элементов". Другой представитель екатеринославскаго гарнизона "вполнѣ присоединился" к мнѣнію Брамсона. Представитель бердичевскаго гарнизона с.-р. Усов, разсматривавшій вопрос о правительствѣ "не только с точки зрѣнія революціи и ея достижений, но и с точки зрѣнія обороны страны", говорил о вредѣ двоевластія и

необходимости авторитетнаго правительства, которое обезпечило бы "защиту страны, иначе через 2-3 мѣсяца страх сметет достиженія революціи"; "опасность революціи не в Почаевской лаврѣ, а в разгромѣ". Министерство, сформированное "почти цѣликом из представителей крупной и либеральной буржуазіи", не может пользоваться "довѣріем всей страны". Представитель 10-й арміи Котляров, не касаясь коалиціи, сказал, что он уполномочен заявить, что армія "искренне вѣрит" первому Правительству свободной Россіи и будет всѣми имѣющимися в распоряженіи арміи средствами поддерживать Правительство во всѣх его начинаніях в дѣлѣ укрѣпленія добытой "великой свободы и проведенія демократических реформ" — будет поддерживать "до тѣх пор, пока оно будет итти в интересах русской демократіи и, если оно отступит на шаг, тогда мы от присяги откажемся и станем на сторону Совѣта. Р. С. Д. и будем признавать его правительство". Раздался на совѣщаніи и голос солдата дѣйствующей арміи, внушительно прозвучавшій о полном довѣріи существовавшему правительству без каких-либо оговорок: "Особая, почти миллионная армія велѣла мнѣ передать — заявил делегат Новицкій, — что она вѣрит Вре-

менному Правительству, ибо это Временное Правительство создано самой этой революціей, она дала этих людей революціи; это — лучшие сыны родины". Новицкій сдѣлал свое оглашеніе в связи с обсужденіем резолюціи о войнѣ и не выступил при обсужденіи вопроса об отношеніи к правительству. Не выступил по общему вопросу и .с.-р. Жидков, представитель ташкентскаго совѣта, но мы имѣем "наказ", который был дан 22 марта делегатам, посылаемым на Совѣщаніе. Совѣтскій изслѣдователь, его приводящей (Югов), считает постановленіе ташкентскаго совѣта, выразительное в своих "кадетских формулировках", даже типичным для того времени. Ташкентскіе совѣты Сол. и Раб. Депутатов призывали всѣх, к "организованной спокойной работѣ совмѣстно с Временным Правительством", объявляли о своей "полной поддержкѣ Временнаго Правительства во всѣх его мѣропріятіях, направленных к осуществленію объявленной им программы": "всякая попытка сверженія его или препятствія ему в его работах встрѣтит наше крайнее сопротивленіе". Относительно "военно-рабочих организацій" в наказѣ говорилось: "это— учрежденія совѣщательныя и контролирующая, главная задача пока: поддержка

Временнаго Правительства в объявленной им платформѣ и *крайнее* сопротивление к захвату власти у Временнаго Правительства, как справа, так и слѣва".

Ряд ораторов выступал против коалиціи, также по разному мотивируя свое отрицательное отношеніе к вхожденію соціалистов в правительство. Вот видный московскій с.-р. Гендельман, видѣвшій лишь "количественную" разницу между предложеніем коалиціонистов и большевиков. "Опасность контр-революціи — утверждал московскій делегат — в том будет, если мы возьмем на себя тѣ задачи, с которыми мы не справимся". Соц.-революціонеры считают вопреки представленіям большевиков, что происходящая революція не может быть доведены до "революціи соціальной" и слѣдовательно придется "работать в рамках буржуазных классов". При таких условіях нельзя давать совѣтскаго "авторитета" тѣм мѣрам, который носят "буржуазный характер" и тѣм укрѣпляют позицію Временнаго Правительства. Предсѣдатель московскаго Совѣта меньшевик Хинчук также говорил о ненужности "коалиціоннаго министерства", "согласительных мнѣній" и "совмѣстных

работ": дѣло в силѣ революціонной демократіи; чѣм сильнѣе будет организованное давленіе, тѣм скорѣе Временное Правительство будет осуществлять предъявляемыя ему требованія. По иному ставил вопрос читинскій с.-р. Пумпянскій: "Принять сейчас коалиціонное министерство — это значит понизить гребень революціонной волны... Это значит провести Учредительное Собраніе не в атмосферѣ революціонной... какая чрезвычайно важна для демократіи". "Ложью" называл Пумпянскій вопрос о двоевластіи, поднятый буржуазной печатью: "Гдѣ примѣр, чтобы Совѣт Рабочих издал какой-нибудь положительный приказ?" "Быть может, Совѣт Р. Д. допустил нѣкоторую маленькую безтактность — это возможно, но это не принцип, а техника дѣла". Нѣкій Теплов (представительство не указано) был против "ширмы", которой явится коалиціонное правительство. Он и против довѣрія правительству, составленному из политиков "высокаго уровня", которые пошли "на такой политическій шаг" во избѣжаніе "с самага начала разрыва, с революціонной демократіей": "они согласились на все, но это не значит навсегда". Революціонная демократія должна установить "строгій контроль" над дѣятельностью Правительства и заявить, что

поддержит тѣ шаги, которые будут дѣлаться в направленіи закрѣпленія революціонных завоеваній, ибо "мы не вѣрим в то, что Гучков и Шулгин, если они поѣхали в началѣ переворота для переговоров с Романовыми, то это не значит еще, что они не поѣдут к отпрыскам Романовых и вообще к той буржуазіи, которая безусловно заинтересована в восстановленіи, если не абсолютной царской монархіи, то во всяком случаѣ конституціоннаго строя".

Оригинальную аргументацію против коалиціи, во имя "политическаго реализма" развил одесскій делегат меньшевик Сухов. Это была единственная серьезная рѣчь против коалиціи — достаточно догматическая, но без тѣх трафаретных и шаблонных "словесных заклинаній", которых было слишком много в ораторских выступлениях квалифицированных представителей "революціонной демократіи". Для него вхожденіе социалистов во Временное Правительство было таким же "политическим максимализмом", как и желаніе "передать" Совѣтам Р. и С. Д. всю власть. "Политическій авантюризм", он считал "смертным грѣхом" перед русской революціей. Сухов отмѣчал, что революція

"первая ступень", только "начало пробужденія общественнаго сознанія" и "поэтому при поверхностном взглядѣ на вещи кажется, что есть только одна сила на сценѣ—пролетаріат, да рядом с ним армія", которая до сих пор ощущает "неясное, неопредѣленное стремленіе к свѣтлому будущему, но никак не больше..." "Сейчас многія силы еще не мобилизованы... но онѣ проснутся, и тогда соотношеніе сил может измѣниться не в нашу пользу... Если мы увлечемся нашей властью сейчас, нашим могуществом, то... от Временнаго Правительства мы можем, быть может, требовать любой закон, надавив на него, как слѣдует... Но... измѣнится обстановка, и то, чего мы добились, пойдет обратно. Это будет дезорганизаціей масс, люди потеряют вѣру в дѣло, а тѣ классы, жизненные интересы которых мы нарушили, не учитывая правильно историческую обстановку, они пойдут против нас, и в этом... может крыться зерно контр-революціи. Надо обладать большим политическим тактом, можно оказывать давленіе, но надо точно соображать, дѣйствительно ли мы стремимся к тому, что достижимо не только в условіях временно создавшихся, но и в условіях, которыя будут немедленно, в послѣреволюціонное время", "надо помнить, что

мы не вся Россія" — "мы только соціалистическій — да и не всегда соціалистическій авангард революціонной демократіи"... "Если мы — демократія, если дѣйствительно хотим дѣлать общенародное дѣло, то узурпировать власть, таким образом, как есть искушеніе это сдѣлать, мы не имѣем права". Вхожденіе соціалистов в министерство, оратор считал огромной ошибкой. Они должны были бы своими соціалистическими руками дѣлать не-соціалистическое буржуазное дѣло, и это было бы "гибелью довѣрія демократіи и соціалистических партій к своим вождям. К ним предъявляли бы требованія невыполнимыя"... "Посмотрите на положеніе Керенскаго... развѣ он не горит все время, развѣ ему заодно со всѣми не выражается недоовѣріе? Один человек пошел туда и ему плохо приходится там, плохо под нашим давленіем". "Буржуазное дѣло" должны выполнять "люди из буржуазіи" и насколько Совѣт будет "осуществлять жизненныя требованія демократіи", он получит поддержку страны и "давленіе" на правительство будет дѣйствительным. Не надо только "афишировать этого давленія, не надо опьяняться властью, позволять себѣ таких сцен, как вчера: слыша вчера вызов Врем. Правит., я почувствовал:

вот люди, опьяненные властью, которые, неожиданно получив в руки власть, начинают пускаться на эксцессы" [517].

На собраніи была высказана нѣсколькими представителями с мѣст точка зрѣнія, принципиально, может быть, и далекая от коалиціонной идеи сотрудничества и отстаивавшая скорѣе созданіе однородной демократической власти, но фактически проводившая коалиціонный принцип, поскольку он считался необходимым в создавшейся конъюнктурѣ "активного сочувствія" и "содѣйствія" со стороны "либеральной буржуазіи". Так, делегат одного из провинціальных совѣтов Попов говорил о необходимости существованія "сильной и свободной от всякаго вліянія" (власти) правительства, Временное Правительство это "душа новой Россіи", это ея глаза, это — центр, около котораго должна группироваться вся русская демократія", а чтобы это было так, туда должна войти "настоящая демократія", а не тѣ, которые "покраснѣли за 30 дней". " Двоевластіе призрачно — утверждает Звѣрев. Дѣло не в контролѣ над правительством; само правительство должно быть "единым полновластным органом", исполняющим волю рево-

люціонной демократіи. К числу сторонников такой сильной власти принадлежал, конечно, и упомянутый выше Скачков, который обосновал концепцію о "неписанной конституціи", созданной революціей.

В этой гаммѣ многообразных мнѣній Церетелли стремился не всегда удачно вывести "среднюю" линію. Совѣтскій лидер исходил из положенія, что жизнь еще не измѣнила того исходнаго пункта, который заставил в дни переворота Совѣт пойти на соглашеніе с "буржуазіей" и признать Временное Правительство "носителем власти революціонной Россіи". При существующем соотношеніи сил, Совѣт по мнѣнію Церетелли мог бы теперь "даже захватить власть", но "разум революціи" заставлял исходить из соображенія о том, что "можно удержать и закрѣпить, а не на мгновеніе только завладѣть". Он не дѣлал отвѣтственным Правительство за ту кампанію против Совѣта, которая диктовалась "узкой своекорыстной политикой нѣкоторых кругов буржуазіи"[\[518\]](#).

Акты Правительства свидѣтельствуют, что оно идет на встрѣчу общедемократическим стремленіям. и говорит о том, что "в настоящій момент

уже назрѣла та пора, когда мы должны Временное Правительство разсматривать, как кучку, выражающую своекорыстные интересы отдѣльной части буржуазіи"... значит не видѣть того, что совершается. Правительство творит "общенародное дѣло" и "как у пролетаріата оказалось достаточно сознанія для того, чтобы цѣнить единеніе общенародных сил", так же есть это сознаніе до настоящаго времени в тѣх "кругах буржуазіи, которые представлены Временным Правительством и которые играют доминирующую роль". "Я не утверждаю — заканчивал Церетелли, вступая на рискованный путь предположеній, — что это положеніе сохранится. Быть может, тѣм кругам буржуазіи, которые толкают Временное Правительство на безотвѣтственные шаги, на гражданскую войну... удастся достигнуть своего; быть может, общественное мнѣніе, на которое опирается Временное Правительство, изменится, сдвинет их нынѣшнюю политику на иныя рельсы, вот... тогда и настанет момент, когда Совѣты Р. и С. Д. вступят в конфликт с Временным Правительством — тогда за нашей спиной будет весь народ, и Временному Правительству останется уйти, и будет создан новый орган общенародной власти".

Будущій "благородный рыцарь" (слова Потресова) коалиціи не обмолвился о ней ни словом и не отозвался на призывы, шедшіе из собранія. Он обосновал лишь правильность позиціи, запятой Исполнительным Комитетом, логичность которой была дискредитирована выпадами против Временнаго Правительства офіціальным докладчиком. "Стеклов и Каменев, Каменев и Стеклов — констатировал представитель 12-й арміи Кучин — по существу постановки ими вопроса о взаимоотношеніях Совѣта Р. и С. Д. и Временнаго Правительства, представляют из себя одну совершенно опредѣленную, ничѣм друг от друга не отличающуюся политическую линію" Кучин настаивал на том, чтобы резолюція Совѣщанія дала бы "ясный и опредѣленный отвѣт" на вопрос о взаимоотношеніи между Временным Правительством и Совѣтом: надлежит признать с одной стороны, что Временное Правительство "является законной, признанной властью..., которой мы сами поручили власть"; с другой, что "Совѣт Р. и С. Д. или иной орган, который в дальнѣйшем будет представлять революціонную демократію", активно "будет поддерживать Временное Правительство, как законный орган, осуществляющій программу в духѣ

требованій демократіи".

Начались закулисные переговоры лидеров фракцій. В гуцу их мы проникнуто не можем. "Средняя" линія во имя призрачнаго уже единства революціоннаго фронта стремилась нивеллировать разногласія и под одно знамя поставить несоединимое[519].

В результатѣ получился компромисс, не отвѣчавшій дѣйствительному взаимоотношенію сил и вовсе не соотвѣтствовавшій настроенію большинства собранія. То, что в первоначальном текстѣ резолюціи заключалось "в скрытом видѣ", как выразился докладчик, тѣм же Стекловым, в заключительном словѣ, в новой формулировкѣ было уже отчетливо развернуто. Такой компромисс удовлетворил большевиков, ибо даже внѣшняя словесная формулировка пункта о "контролѣ" и "сплоченіи" вокруг совѣтов цѣликом была заимствована из большевицкой резолюціи — они сняли отдѣльную резолюцію и заявили, что будут голосовать за положенія Исполнительнаго Комитета. Совѣщаніе признавало, что программа Временнаго Правительства "содержит основныя политическія требованія русской демократіи", и что "до

сих пор Временное Правительство в общем и цѣлом (отвратительное выраженіе революціоннаго жаргона) идет по пути выполнения принятых на себя обязательств". Совѣщаніе признавало необходимость постоянного политическаго контроля и воздѣйствія демократіи ("умалчивая о формах этого воздѣйствія) и призывало демократію, "не принимая на себя отвѣтственность за всю дѣятельность правительства в цѣлом, оказывать поддержку Временному Правительству, поскольку оно будет неуклонно игти в направленіи к упроченію и расширенно завоеваній революціи и поскольку свою внѣшнюю политику оно строит на почвѣ отказа от захватных стремленій". Совѣщаніе призывало "всю революціонную демократію Россіи сплотиться вокруг Совѣтов, как созданных революціей центров организаціи сил демократіи, способных в союзѣ с другими прогрессивными силами отразить попытки царистской и буржуазной контр-революціи и упрочить и расширить завоеванія революціи". Вмѣстѣ с тѣм революціонная демократія должна была "быть готовой дать рѣшительный отпор всякой попыткѣ Правительства уйти из под контроля демократіи или уклониться от выполнения принятых им на себя обязательств".

По предложенію фракцій соц.-рев. было прибавлено, что воздѣйствіе революціонной демократіи должно распространяться и на правительственные органы на мѣстах (это взято также из текста большевиков). Не внесли своей отдѣльной резолюціи и меньшевики, считая, что послѣ соглашенія Исполнительнаго Комитета с революціонными соціалистическими партіями в новой формулировкѣ резолюціи находится "ясный и притом положительный отвѣт" на "один из кардинальных вопросов теперешняго момента". "Мы считаем необходимым, — говорил Дан от имени "меньшевицкой части" рос. соц.-дем. партіи — чтобы в резолюціи было сказано, что для дѣла революціи в нынѣшней ея стадіи этот состав правительства играет положительную роль, — свергать его не надо, а надо признать, как существующій факт". Не совсѣм то было сказано в компромиссной редакціи, а главное устранено было находившееся в проектѣ резолюціи, принятом на совѣщаніи меньшевицких делегатов, положеніе, что правительство, созданное революціей, приняло на себя государственную власть *до созыва Учред. Собранія*, т. е. то единственное, что придавало правительству, которое многих не удовлетворяло, извѣстную

устойчивость. И другое пожеланіе меньшевиков, сформулированное Даном, не нашло себѣ яснаго отраженія в резолюціи (не отчетливо оно было выражено и в меньшевицком проектѣ). "Мы хотѣли имѣть — говорил Дан — ясный отвѣт... о так называемом и частію злостно называемом двоевластіи... Всякій не может не понимать, что в хаосѣ колоссальнаго революціоннаго переворота, были исключительные моменты и, может быть, еще будут, когда вся компетенція, вся власть смѣшивается, когда надо непосредственно творить переворот, революціонное дѣло. Мы хотим, чтобы было сказано ясно, что в обычном, нормальном теченіи своем — это клевета, будто Совѣт Р. и С. Д. хочет принять участіе в осуществленіи государственной власти. Мы хотим, чтобы было сказано ясно, что власть — это Временное Правительство, а революціонная демократія в лицѣ Совѣта... осуществляет свое вліяніе на ход политической жизни и дѣятельность правительства путем непрерывнаго организованнаго давленія на него и контроля над ним"... Стоит отмѣтить, что "рабочая группа" кооперативная съѣзда, собравшагося в Москвѣ одновременно с Совѣщаніем, специально постановила требовать от съѣзда опроверженія "лживых

слухов, распускаемых из темных источников в цѣлях раздора, о стремлены совѣтов к захвату власти".

Резолюція Исполнительнаго Комитета была принята единогласно (правда, не без нѣкоторых протестов с мѣст) — так силен еще был гипноз единаго революціоннаго фронта. Вопрос о коалиціи не был поставлен, хотя президіум и заявил при баллотировкѣ резолюціи, что он будет поставлен, как "особый вопрос" вслѣд за принятіем резолюціи. Очевидно, петербургскіе комбинаторы "единаго революціоннаго фронта" боялись, что их непрочная хранина рассыплется, так как идея коалиціоннаго правительства, как мы видим, могла встрѣтить значительный отклик в собраніи[520]: вѣдь почти несомнѣнно, что при практической постановкѣ вопроса логически должны были за положительное рѣшеніе высказаться всѣ тѣ, кто был недоволен "цензовым" правительством, настаивая на сильной, независимой и авторитетной революціонной власти и переходное время до Учредительнаго Собранія. Через мѣсяц, с нѣкоторым уже опозданіем, вопреки всякой догматикѣ "соціалистов в футлярѣ" жизнь разрѣшила положительно

вопрос о коалиціонной власти, но разрѣшила его в ненормальных условіях процесса правительственнаго кризиса.

V. Контактная комиссія.

1. Орган революціоннаго "давленія".

Какой же вывод можно сдѣлать о политических результатах, которые дал первый в сущности все-россійскій съѣзд Совѣтов, лишь по формальному основанію названный "совѣщаніем"? Можно ли согласиться с итогом, подведенным автором первой по времени исторіи революціи? "Революціонная демократія — писал Милюков — за один мѣсяц не успѣла почувствовать почву под ногами, и худой мир для нея был предпочтительнѣе доброй ссоры"... Познакомившійся с преніями на Совѣщаніи по вопросу о конструкціи власти в нашем изложеніи, сознательно детализированном[521], едва ли присоединится к такому выводу. Можно ли без весьма основательных оговорок, утверждать, как то дѣлали авторы соціалистической "Хроники февральской революціи", что Совѣщаніе, в всероссійском масштабѣ поставив

вопрос о государственной власти и формально рѣшив его в пользу Временного Правительства, "по существу *предопредѣлило* исход февральской революціи", указав на Совѣты, как на единственных носителей власти? Да, лидеры "революціонной демократіи" уравнивали, сами того не сознавая, путь грядущему Ленину, как выразился о послѣдующем Плеханов, но это само по себѣ вовсе еще не опредѣляло тогда неизбѣжный исход: совершенно очевидно, что без ухищренной "дипломатіи" Церетели и его единомышленников на Совѣщаніи не была бы принята "каучуковая", в основѣ противорѣчивая и двусмысленная резолюція — единоголосіе было лишь ничего не говорящим признаніем формального единства[\[522\]](#). Также формально (и. быть может, единоголосно) резолюція Совѣщанія прошла и по мѣстным организаціям — иногда с таким опозданіем, что декларированіе анулированной уже в измѣнившемся ходѣ политических событіи принципальной позиціи теряло реальный смысл.

По существу Совѣщаніе не сказало ничего новаго по сравненію с тѣм, что было — его резолюція, в концѣ концов, трафаретно повторяла положеніе,

выдвигавшееся па рабочих митингах в первые дни революціи: поддерживать правительство, пока оно "не измѣнит стремленіям народа", олицетворяемым Совѣтом Р. Д. Эта резолюція не указывала форм, в которых должен осуществляться бдительный революціонный "контроль" над правительством[523]; и, отрицая двоевластіе, фактически санкціонировала прежнюю анархію, когда давленіе общественнаго мнѣнія переходило в форму, которая в нормальное время называлась бы административным эксцессом... Центральная организація, каковой в бытовом порядкѣ сдѣлался петроградскій Исполнительный Комитет, до нѣкоторой степени пыталась регулировать эти эксцессы и указать провинціи в отвѣт на запросы конкретную тактику и предѣлы общественнаго контроля. Шляпников приводит не опубликованную и не обсужденную "инструкцію" Исполнительнаго Комитета, но фактически разосланную в провинцію через иногородній отдѣл. "Инструкція" устанавливала, что Временное Правительство "должно считаться для всей Россіи единственно законным правительством", распоряженія котораго, "если они не опротестованы Петроградским Исп. Комитетом, должны исполняться". Поставленные правитель-

ством "органы власти — посланные им комиссары, должны быть признаны законными властями, если они по своим личным качествам или политическому прошлому не кажутся опасными или вредными для дѣла свободы". Совѣт по отношенію к Правительству является лишь "органом революціоннаго контроля". "Этот контроль осуществляется так, что в случаѣ, если Совѣт находит дѣйствія мѣстных комиссаров опасными для дѣла революціи, он телеграфирует об этом Правительству и Петроградскому Исполнительному Комитету". В отношеній рабочих и фабрикантов, слѣдует "всячески избѣгать неорганизованной экономической борьбы и частных выступленій". Если "соглашеніе" не достигнуто, слѣдует "доводить об этом до свѣдѣнія Петроградскаго Совѣта". При возникновеніи недоумѣній в деревнѣ слѣдует разъяснить крестьянам, что "всякое самоуправство" является недопустимым и вредит дѣлу революціи и т. д. Провинціальныя совѣты — говорится в заключеніе — "должны по возможности согласовать свою дѣятельность с другими общественными организаціями на мѣстах... и с правительственными; учрежденіями... Во всѣх вопросах, касающихся общегородских дѣл, как продовольствіе, милиція, обще-

ственная безопасность, борьба с представителями старой власти, выборы во временное самоуправление и т. д. провинціальныя совѣты должны дѣйствовать с другими организаціями и комиссарами, а *никоим образом не брать на себя одних правительственных функций* ".

Политическая педагогика не очень шла к лицу Исполнительнаго Комитета, ибо самым центром постоянно нарушались основы той тактики, которую рекомендовала "инструкція" провинціальным организаціям. Напримѣр, в засѣданіи 19 марта утверждена была инструкція военным комиссарам, которых рѣшено было назначить " *по соглашенію* с Временным Правительством", при военном министрѣ, при Ставкѣ, при командующих отдельными фронтами и при флотах. Назначались комиссары "в цѣлях установленія прочной и постоянной связи между войсками и их органами и Совѣтами Р. и С. Д. для быстрого и планомѣрнаго разрѣшенія возникающих в области внутренней и политической жизни арміи вопросов и незамедлительной передачи директив, равно, как и в цѣлях предупрежденія каких-либо ошибочных шагов со стороны руководящих нынѣ жизнью арміи орга-

нов". Однако, в тот же день выяснилась необходимость "послать в Або завтра, в 12 ч. ночи, одного из членов с.-д. фракціи Государственной Думы для урегулированія положенія дѣл", и Исполнительный Комитет выносит постановление "послать в Гельсингфорс и Ревель военных комиссаров, которые были бы назначены по соглашенію с офицерско-солдатской организаціей". Отмѣченный казус свидѣтельствуует, что не всегда злая воля нарушала прерогативы Правительства. При негибкости правительственных органов самочинныя дѣйствія вызывались не терпящими отлагательства жизненными обстоятельствами, на которыя приходилось реагировать совѣтским учрежденіям — особенно на первых порах. Но еще в большей степени препятствовали успѣху "педагогических уроков" Исполнительнаго Комитета в центрѣ самочинныя дѣйствія отдѣльных его членов, с которыми центр во имя ложно понимаемаго демократизма боролся очень слабо. Суханов рассказывает, напримѣр, как с.-р. Александров на бланках Исполнительнаго Комитета давал разрѣшенія запахивать помѣщичью землю...

"Организованное давленіе" или "бдительный

контроль" в центрѣ осуществлялся при посредствѣ особой "контактной комиссіи", созванной еще постановленіем Исполнительнаго Комитета 8 марта. Руководителей революціоннаго центра не могло удовлетворить "непрерывное наблюденіе за деятельностью Правительства вошедшаго в его состав, вопреки волѣ этих руководителей, "заложника демократа". Сам Керенскій склонен был преувеличивать свою роль. На совѣщаніи Совѣтов он говорил: "Я вас увѣряю, что все, что можно было сдѣлать, чтобы провести волю пославших меня там, я сдѣлал и увѣряю вас и ручаюсь, что я сдѣлал это удачно, и что торжество демократических принципов обезпечено в Россіи, и оно будет незыблемой основой всего будущаго строя..." Крайне преувеличивал, по крайней мѣрѣ по газетному отчету "Русской Воли", и предсѣдатель Вольно-Экономическаго Общества Чайковскій в привѣтствіи 7 апрѣля посѣтившаго засѣданіе министра: "Если до сих пор не произошло разрыва, если Временное Правительство не сложило своих полномочій, то потому, что в Правительствѣ Керенскій, улаживавшій конфликты". Такую миротворческую роль Керенскаго услѣдить довольно трудно.

Правительство с перваго момента своего существованія не пыталось уклоняться от "воздѣйствія" со стороны Совѣта. В нѣкоторых случаях оно (или отдѣльные его министры) дѣйствовало слитком поспѣшно и даже предупреждая событія. Распоряженіе министра юстиціи в соотвѣтствіи с постановленіем Исп. Комитета 4 марта о "временных судах, вводившее спеціальное представительство рабочих, без надобности дискредитировало тот мировой суд, который сам Керенскій в дни пребыванія в Москвѣ назвал единственным из судов, оставшимся "вѣрным завѣтам совѣсти"... Нашумѣвшая телеграмма Керенскаго и Некрасова о демократизаціи желѣзных дорог, вызвавшая удивленіе даже у Ломоносова, имѣла самыя роковыя послѣдствія.

Как видно из перваго же протокола засѣданія Правительства 4 марта, тогда же было признано необходимым считаться с мнѣніем Совѣта и было постановлено во избѣжаніе "двоевластія" знакомиться с этими мнѣніями в частном порядкѣ до официальных засѣданій. В первые дни "организованное давленіе" Совѣта и заключалось в посылкѣ особых делегацій для переговоров с отдѣльными

министрами по вопросам возбуждавшим прения — так 6-го была послана делегация к военному министру, который, как значится в протоколъ Исполнительнаго Комитета, "всячески уклоняется от прямых сношений с Исполнительным Комитетом, и, повидимому, не склонен подчиняться рѣшеніям Совѣта". По словам Шляпникова, "под давлением снизу" (надо понимать представителей большевицкой партіи) через три дня послѣ "соглашенія" 2 марта Исполнительный Комитет вынужден был снова обсудить вопрос о своем отношеніи к Временному Правительству. Обсужденіе — утверждает коммунистическій историк — "продолжалось 2 дня". Протоколы не отмѣчают этих споров. Только в протоколъ 8 марта значится, что "послѣ оживленнаго обмѣна мнѣній" было признано необходимым во имя исполненія рѣшенія Совѣта и намѣченной им линіи общей политики принять "неотложныя мѣры в цѣлях освѣдомленія Совѣта о намѣреніях и дѣйствіях Правительства, освѣдомленія послѣдняго о требованіях революціоннаго народа, воздѣйствія на Правительство для удовлетворенія этих требованій и непрерывнаго контроля над их осуществленіем". Избрана была делегация в составѣ Скобелева, Стеклова, Суханова,

Филипповскаго и Чхеидзе для соотвѣтствующих предварительных переговоров с Правительством. 11 марта Чхеидзе докладывал Исполнительному Комитету о результатах переговоров: "Наши представители указали Временному Правительству на то, что оно не выполняет данных обѣщаній об оповѣщеніи Исполнительнаго Комитета о всѣх важных мѣропріятіях Правительства, Временное Правительство отрицает этот факт, считая, что оно всегда считается с Исполнительным Комитетом, но вина заключается в отсутствіи такого эластичнаго органа, при помощи котораго можно было бы своевременно... извѣщать. Вообще не Временное Правительство игнорирует Исполнительный Комитет, а наоборот, Исполнительный Комитет часто дѣйствует не в контактѣ с Временным Правительством... Вопрос зашел о контролѣ дѣятельности Правительства и о том, как его слѣдует понимать; представитель Исполнительнаго Комитета объяснил, что важно всегда быть и курсѣ всѣх мѣропріятій Правительства, Временное Правительство выразило на это полную готовность и высказалось за оформленіе такого органа Исполн. Ком, который *мог бы своевременно быть введен в члены Врем. Правительства* "[524].

Так возникла "Контактная Комиссія" в качествѣ постоянного учрежденія, долженствовавшего служить "техническим орудіем" для организованного давленія революціонной демократіи на Временное Правительство. В состав ея вошли лица, избранныя 8-го — впоследствии к ним присоединился Церетелли, никаких официальных записей работ этой комиссії, собиравшейся помимо экстренных надобностей регулярно чуть ли не три раза в недѣлю, не имѣется, и никто из участников Комиссії подробно ея интенсивной деятельности не охарактеризовал. Трудно при таких условіях получить отчетливое представленіе об истинном ликѣ этого единственного в своем родѣ института. Милуков современник и непосредственный участник дѣйствія, в своей "Исторіи" в самых общих чертах говорит, что значительная часть пожеланій Контактной Комиссії удовлетворялась, о чем демонстративно и хвастливо заявлялось в Совѣтѣ. Нѣкоторыя "требованія" встрѣчали, однако, категорически отказ (напримѣр, требованіе об ассигновкѣ 10 милліонов на нужды демократических организацій). На съѣздѣ (т. е. Совѣщаніи) И. Г. Церетелли признал, что в Контактной Комиссії "не было случая, чтобы в важных вопросах Временное

Правительство не шло на соглашеніе". Придется, дѣйствительно, признать, что Временное Правительство проявляло в прямой ущерб дѣлу слишком большую уступчивость. Во избѣжаніе повторенія мы коснемся наиболѣе важных уступок и инцидентов, связанных с "требованіями" совѣтских делегатов, в дальнѣйшем уже предметном изложеніи — это был вопрос о судьбѣ Царя и о нотѣ Правительства по внѣшной политикѣ. Почти все остальное относилось к повседневной политикѣ, без надобности заострявшейся большевизанствующими членами Контактной Комиссіи.

Милюков говорит, что "Контактная Комиссія дѣйствовала *вначаль* очень сдержано и робко при встрѣчах с Правительством". Из наблюдений управляющаго дѣлами Правительства выносятся противоположное впечатлѣніе. Набоков отмѣчает, что главным дѣйствующим лицом среди совѣтских представителей являлся выступающій с безграничным апломбом и с беззастрѣнчивостью, отождествлявшій себя с трудовыми массами. Ни говорливый Скобелев, ни сдержанный Чхеидзе такими качествами не отличались. Филипповскій и Суханов, по словам Набокова, почти никогда не

говорили. Немудрено, что при личных свойствах Стеклова, неутомимаго в поисках контр-революціи и главной мишенью для нападков избравшаго военные верхи, совмѣстныя засѣданія протекали даже по признанію Суханова в "тягостной и напряженной атмосферѣ". Сам мемуарист, как он утверждает, не был в состояніи заразиться ни "воодушевленіем" своего соратника, ни его "полицейским умонастроеніем" и просто "умирал со скуки", выслушивая стекловскіе выпады[525].

Керенскій — вспоминает Набоков — садился в сторонкѣ и хранил молчаніе, только "злобно и презрительно" поглядывая. Он, по словам Набокова, совершенно не выносил Стеклова и с наибольшим раздраженіем реагировал послѣ засѣданія на демагогическія выходки блюстителя интересов демократіи, попрекая кн. Львова в излишней к нему деликатности. Позже — это было уже в апрѣлѣ — Стеклову пришлось нѣсколько "стусеваться" под влияніем разоблаченій, появившихся в печати[526].

При таких условіях "контактныя" засѣданія не достигали своей цѣли и были почти "безплодными". Члены Комиссіи не дѣлали правильных отчете-

тов в Исполнительн. Комитетѣ и, как рассказывает Суханов, обычно обмѣнивались даже между собою мнѣніями уже в автомобилѣ, который их вез на засѣданіе. Поэтому так легко Стеклов и мог свои личныя сужденія выдавать за постановленія центра. (Набоков говорит, что подчас другіе члены Комиссіи тут же должны были его опровергать). Нельзя сказать, что Правительство игнорировало Совѣт.

Если вначалѣ Правительство отряжало 2-3 своих членов для заслушиванія жалоб и пожеланій, выражаемых от имени Совѣта, то потом обычно, по словам Суханова, присутствовал или полностью весь кабинет министров, или огромное большинство его членов. Фатально пожеланія "революціонной демократіи" слишком часто сводились к нудным и мелочным претензіям стекловскаго пошиба. Не было бы удивительно, если бы в такой тягостной обстановкѣ у членов Временнаго Правительства могла появиться мысль об уходѣ. По утвержденію Суханова, Керенскій постоянно грозил тѣм, что "они уйдут". Мемуарист не вѣрил этим "басням". Пожалуй, он был прав. Такой реальной угрозы в дѣйствительности не было.

Оптимизм, даже излишній, не покидал революціонное правительство первого состава.

Формула: "они уйдут" имѣла в сущности то же педагогическое значеніе, что и выдвинутое Шульгиным послѣ военной неудачи 20 марта на Сходѣ (она произвела сильное впечатлѣніе на общественное мнѣніе) в цѣлях пропаганды и заостренное его бойкій публицистическим пером положеніе о "двоевластїи": "пока будет двоевластіе — писал он в "Кіевлянинѣ" — ждать толку нельзя. Совѣт Р. и С. Д. или должен сдѣлать новый переворот и свергнуть Временное Правительство и стать на его мѣсто или же должен предоставить Правительству быть правительством". Неожиданно у Набокова можно найти указаніе на то, что засѣданія Контактной Комиссіи были подчас живительным элексиром для членов кабинета. Он вспоминает, как члены Правительства на общих засѣданїях, при обсужденїи спеціальных вопросов, "полудремали" и оживлялись лишь в закрытых засѣданїях Правительства и... в Контактной Комиссіи, т. е., тогда, когда ставились острые политическіе вопросы.

Мемуаристы "лѣваго сектора" всегда усиленно

подчеркивают давлєніе, которое оказывали на Совѣт массы в области экономической. Контактная Комиссія была "орудіем давлєнія" на Правительство. Между тѣм в опубликованных матеріалах пока нельзя найти намека на то, что в "контактных" засѣданіях поднимались насущные вопросы соціально-экономическаго характера[527]. Поэтому надлежит сдѣлать очень существенную оговорку в позднѣйшем 16 мая, в дни уже новаго коалиціоннаго правительства, утвержденіи Экономическаго Отдѣла Исполнительнаго Комитета, что Временное Правительство "перваго состава уклонялось не только от... выполненія, и от... *постановки* тѣх народно-хозяйственных задач, которыя были формулированы делегатами Совѣщанія провинціальных Совѣтов". Бѣда Правительства, как было указано, заключалась в отсутствіи у него программы и слѣдовательно инициативы... Вся трудность положенія лежала в разрѣшеніи дилеммы переходнаго времени, требовавшей не только "постановки", но в той или иной мѣрѣ и "выполненія"... Пожеланія (не в формулировкѣ органов совѣтской демократіи) почти всегда находили отклик у Правительства — эту связанность между давлєніем со стороны и инициативой государ-

ственной власти прослѣдить нетрудно: наприимѣр, 3 апрѣля на Совѣщаніи Совѣтовъ было принято скороспѣлое постановленіе о "сверхприбыли", а 6-го уже сообщалось в газетах, что Правительство приняло по предложенію министра торговли и промышленности об ограниченіи прибыли во время войны и поручило ему, совмѣстно с министровъ финансов, разработать главный основанія этого ограниченія. Только ненормальными условіями, в которых протекали "контактныя" засѣданія, можно объяснить то, что экономическая мѣра типа внутренняго "займа свободы", опубликованная 27 марта, была принята без предварительнаго освѣдомленія Исполнительнаго Комитета (на совѣщаніи членов Государственной Думы Терещенко сдѣлал соотвѣтствующее сообщеніе) — здѣсь соглашеніе было в прямых интересах самого Правительства. (Воззваніе о займѣ было опубликовано за подписью Временнаго Правительства и Временнаго Комитета Г. Д.). Нетрудно было предвидѣть агітацію большевиковъ против "военныхъ кредитовъ" — "займа неволи", как назвалъ Зиновьевъ "заемъ свободы", но, быть может, и протестъ тѣхъ "циммервальдцевъ", которые во имя обороны страны поддерживали Правительство. В апрѣлѣ всѣ

эти трудности выпукло выдвинулись в жизни.

2. Конфликтные вопросы.

Совѣщаніе Совѣтов должно было нѣсколько стабилизировать положеніе и придать "давленію" со стороны революціонной демократіи на Правительство болѣе парламентскій характер. С другой стороны, Правительство, освояя постепенно административный аппарат власти, разстроенный в дни революціонных пертурбацій, почувствовало под собою нѣкоторую базу. Ни то, ни другое не удовлетворяло "лѣвых", пытавшихся на другой день послѣ Совѣщанія форсировать назрѣвающій "момент разрыва". 5 апрѣля эти "лѣвые" в Исполнительном Комитетѣ требовали измѣненія "всей системы отношенія к Правительству", ибо "политика Правительства ясно показала, что момент, когда мы его должны были поддерживать, проходит... Правительство, укрѣпляясь все болѣе и болѣе, нас игнорирует, наступает момент, когда нам придется отказать ему в поддержкѣ". Судя по протоколу, застрѣльщиком выступал не столько Стеклов, бывшій докладчиком, сколько Суханов, на котораго вся деятельность Контактной Комис-

сіи производила "тягостное впечатлѣніе": "функціи делегаціи", по его мнѣнію, свелись лишь к регистраціи сдѣланнаго Правительством. Опубликованный протокол засѣданія Исп. Ком. нельзя признать очень вразумительным[528], но он дает все же возможность установить, какіе вопросы считались тогда "конфликтными", т. е., вопросы, по которым Правительство не дало отвѣтов, удовлетворивших Комиссію в цѣлом[529].

Среди этих "конфликтных" вопросов первым стоял тот "10-мил-ліонный фонд", который выдвинул в своем текстѣ Милюков, и который никакого, в сущности, принципіальнаго значенія не имѣл, так как отказ в ассигновкѣ официально мотивирован был "недостатком средств". Отказ волновал Исполнительный Комитет, и там сознавали, что это "простая отговорка" — не дали денег "как противникам". Так формулировал в засѣданіи 5-го меньшевик Богданов — сторонник того, чтобы "добиваться 10-милліоннаго фонда", но высказавшійся, однако, против того, чтобы "на этом вопросѣ принимать бой". Требовать 10 милліонов от Правительства постановили еще 15 марта (и даже раньше — протокол 15 марта говорит: "под-

твердить прежнее рѣшеніе" и приступить к "немедленной выработкѣ текста требованія"). Упорство, проявленное Правительством, не совсѣм понятно, так как форму субсидіи можно было приспособить к бытовым условіям времени и устранить внѣшнее узаконеніе "двоевластія", котораго стремились избѣжать. Между тѣм по положенію, которое заняли Совѣты в первое время, они безспорно выполняли и функціи общегосударственнаго значенія — наприимѣр, в области продовольствія (в распоряженіе совѣтской продовольственной комиссіи Главным Интендантством было передано нѣсколько складов). Продолжавшееся бытовое двоевластіе на мѣстах вызывало не только требованія от центра ассигновок из "государственных средств", но и угрозы воспользоваться средствами мѣстнаго казначейства, в случаѣ неоткрытая кредита в кратчайшее время, как то иркутскій исполком телеграфировал 25 апрѣля Чхеидзе. Едва ли приходится сомнѣваться, что эти угрозы, в случаѣ отказа, приводились в исполненіе. Не будет преувеличеніем сказать, что в провинціи совѣты повсюду пользовались правительственными ассигновками. Когда в началѣ октября в Правительствѣ был поднят вопрос о назначеніи

ревизіи общественных и демократических организацій (в том числѣ совѣтов) в выданных им государственных ассигнованіях, "Извѣстія" писали, что петроградскій Совѣт — "никогда никаких сумм из казны не получал". И это представляется очень сомнительным, поскольку рѣчь идет о первом времени. Попытка прослѣдить ручьи, по которым притекали косвенно или в полузамаскированном видѣ ассигновки из Государственного Казначейства, отвлекла бы изложеніе слишком уже в сторону[530]. Без риска отойти от дѣйствительности, можно утверждать, что Совѣт не мог бы выполнять своих многообразных функцій, вплоть до сношеній с внѣшним міром, если бы жил только на добротныя пожертвованія, притекавшія в Совѣт, конечно, не в таких размѣрах, как во Временный Комитет: вмѣсто милліонов здѣсь были десятки тысяч — на 13 марта их было примѣрно 123 тыс. по официальному докладу завѣдовавшего совѣтскими финансами Брамсона. Система совѣтских доходов в видѣ самообложенія рабочих, раскладки по ротам, отчисленій от митингов и "общественных кинематографов" была разработана лишь в концѣ мая[531]. В итогѣ отказом в "10-милліонном фондѣ" — отказом, демонстративное зна-

ченіе котораго анулировалось офіціальной мотивировкой — Правительство лишалось возможности регулировать анархію на мѣстах, что неизбежно было бы при офіціальной ассигновкѣ, подлежащей общегосударственному контролю.

Вторым "конфликтным" вопросом явился вопрос о присягѣ в арміи. Он имѣл уже свою длительную исторію. Формула присяги была установлена Правительством 7 марта, Она гласила для лиц "христіанскаго вѣроисповѣданія": "Клянусь честью солдата и гражданина и обещаюсь перед Богом и своею совѣстью быть вѣрным... Россійскому Государству, как своему отечеству... Обязуюсь повиноваться Временному Правительству... впредь до установленія образа правленія волей народа при посредствѣ Учредительнаго Собранія... В заключеніе данной мною клятвы, осѣняю себя крестным знаменем и ниже подписываюсь..." Эта формула присяги и вызвала протест Исполнительнаго Комитета, обсуждавшійся в Совѣтѣ 12 марта. "Крупным недочетом" опубликованнаго текста было признано, с одной стороны, умолчаніе о "защитѣ революціи" и "свободы", а с другой, нарушеніе "свободы вѣроисповѣданія"... Правительству

было предложено переработать неприемлемую форму присяги, а до выработки ея к "присягѣ не приводить, а гдѣ это сдѣлано, считать присягу недѣйствительной". В собраніи председателем было подчеркнуто, однако, что отклоненіе присяги не означает призыв к неповиновенію Правительству — напротив, "необходимо согласованно дѣйствовать для упроченія новаго строя". 16-го в Исполнительном Комитетѣ было доложено, что Правительство "признало ошибочным изданный приказ о присягѣ без вѣдома Исполнительнаго Комитета" и согласилось до Учредительнаго Собранія не приводить к присягѣ тѣ части войск, которыя не присягали. Рѣшеніе болѣе, чѣм странное — вѣдь исправить текст присяги в духѣ, желательном для Совѣта, было бы вполнѣ возможно. Если сообщеніе, сдѣланное в Исполнительном Комитетѣ, соответствовало дѣйствительности, то вопрос по отношенію к Правительству казался бы исчерпанным. И тѣм не менѣе он вновь выплыл в апрѣлѣ в силу того, что "соглашеніе" было нарушено на фронтѣ и в Петербургѣ — как говорилось в Исполнительном Комитетѣ, командуящим войсками ген. Корниловым. ("Генерал старой закваски, который хочет закончить революцію" — так характе-

ризовали Корнилова в болѣе раннем мартовском засѣданіи). На указаніе Контактной Комиссіи о нарушении "Соглашенія" Правительство отвѣтило, как указывал Стеклов в докладѣ, что "оно об этом слышит в первый раз". Стеклов дѣлал знаменательную оговорку, он допускал, что "к присягѣ приводятся полки *по их собственному желанію*". В этой оговоркѣ и лежит ключ к неожиданной уступчивости, проявленной Исполнительным Комитетом в лицѣ Стеклова: "Мы указали — докладывал представитель Контактной Комиссіи — на тяжелое положеніе революціонных войск, не принявших присяги, и предложили, чтобы всѣ были приведены к присягѣ *по старой формуль*, но чтобы Правительство выпустило специальное разъясненіе в духѣ нашей поправки к тексту". "Опредѣленнаго отвѣта — заключил докладчик — мы не получили". В невыгодном положеніи оказался Совѣт, и Богданов резюмировал 5-го пренія указаніем, что Совѣт "потерпѣл поражение" и нужно "найти почетный выход". Мемуаристы субъективны, и Шляпников говорит, что конфликт на почвѣ присяги принял для Правительства "скандальный характер". Вывод историка, минуя оцѣнку цѣлесообразности разыгравшагося конфликта и

поведенія обѣих сторон, пожалуй, должен будет присоединиться к замѣчанію в дневникѣ ген. Болдырева касательно отмѣны присяги: "новая охапка горячей пакли", брошенной в армію и приводившей на мѣстах к столкновенію присягавших с не-присягавшими.

Третьим "конфликтным" вопросом являлся "проѣзд группы эмигрантов через Германію", т. е., прославленный "пломбированный вагон", в котором прибыл в Россію Ленин, и связанный с ним проект обмѣна пріѣхавших революціонеров на группу нѣмецких военноплѣнных. Правительство не считало себя связанным "обязательствами, данными без его вѣдома и согласія" и заявило, что "ни о каком обмѣнѣ рѣчи быть не может". Здѣсь позиція "интернаціоналистов" была довольно безнадежна[532], ибо в средѣ самого Исполнительнаго Комитета весьма многіе отрицательно относились к той "несомнѣнно недопустимой, по меньшей мѣрѣ, политической ошибкѣ", которую совершили "Ленин и его группа", не «читаясь "с интересами русской революціи" (слова Богданова). При таких условіях Контактная Комиссія должна была потерпѣть "пораженіе" в конфликтном вопросѣ[533].

Нельзя не согласиться с мнѣніем, выраженным Богдановым на засѣданіи 5 апрѣля, что демократія сама дѣлала многое, чтобы "ослабить себя" и "терпѣла пораженія на тѣх вопросах, на которых давать бой ей было "невыгодно".

Перечисленными вопросами исчерпывался обвинительный акт против Правительства поскольку он нашел себѣ отраженіе в протоколѣ 5 апрѣля. Ни в протоколах Исполнительнаго Комитета, ни в воспоминаніях о работах Контактной Комиссіи нѣтъ матеріала для сужденія о вопросѣ, который должен был явиться предметом обмѣна мнѣніями и разногласій между членами Правительства и представителями Совѣта, — вопроса, вызвавшего нѣсколько взволнованных страниц в воспоминаніях Набокова и агитаціонные нападки в послѣднюю декаду существованія Временнаго Правительства перваго состава со стороны нѣкоторых тогдашних органов соціалистической печати. Как надлежало рѣшить вопрос о судьбѣ членов ликвидируемых революціей старых правительственных учреждений? Мы не располагаем данными для характеристики мѣр, принятых Правительством в этом отношеніи. Очевидно, вопрос разрѣшался

просто в том бытовом порядкѣ, при котором чины Охранных Отдѣленій и аналогичных институтов департамента полиціи не могли естественно думать о полученіи от государства пенсій за прежнюю вѣрную службу. Общій вопрос мог быть разрѣшен, конечно, только законодательством о соціальном страхованіи старости. Но не в этой плоскости поставлен вопрос в воспоминаніях Набокова и не в этой плоскости правительственныя распоряженія вызывали "негодование" в "совѣтских кругах", отражавшееся и в прессѣ и на митингах. Дѣло шло о сановниках — о тѣх "высших чиновниках", которые добровольно или вынуждено ушли в отставку и о членах бездѣйствующаго Государственнаго Совѣта. В первый революціонный мѣсяц этот вопрос сам по себѣ не вызывал никакого отклика ни в прессѣ, ни в Совѣтѣ. Он случайно поднялся в Исполнительном Комитетѣ 19 марта в связи с появленіем делегаціи от кронштадтскаго Совѣта, протестовавшей против уплаты жалованія арестованным в Кронштадтѣ офицерам. Совѣту приходилось играть активную роль в умиротвореніи буйных кронштадтцев и в силу этого, может быть, Исполнительный Комитет тактически даже вынужден был вынести поста-

новленіе о задержкѣ уплаты жалованья арестованным впредь то окончанія слѣдствія, и выясненія их виновности. Акт бытового двоевластія получил, однако, расширенное толкованіе и о состоявшемся рѣшеніи, "имѣющем распространительный характер, как в отношеніи чиновников всѣх вѣдомств, так и членов бывшей династіи Романовых" постановлено было "сообщить предсѣдателю Совѣта министров" (формулировка, взята из записи протокола). Как реагировало Правительство? Надо думать, что оно согласилось с такой постановкой, ибо вскорѣ министром юстиціи было отдано аналогичное распоряженіе в отношеніи всѣх лиц, слѣдственное производство о которых шло в Чрезвычайной слѣдственной Комиссіи. А всѣ остальные? Временное Правительство не внесло здѣсь никакой ясности и опредѣленности и выбрало наихудшій путь сепаратных рѣшеній, вызывавших протест и дававших пищу для всякаго рода демагогических выпадов: производится де растрата народных денег на многотысячныя пенсіи бывшим царским слугам. Не имѣя в своем распоряженіи протоколов засѣданій Врем. Правит., трудно провѣрить правильность утвержденій Суханова о постановленіи Правительства 12 апрѣля

выдать пенсіи "бывшим министрам" в размѣрѣ 7 тыс. руб.. что и привело в негодованіе совѣтскіе круги. Повидимому, рѣчь шла об указанных выше отдѣльных постановленіях, о которых упоминает Набоков: "в самом началѣ (вѣроятно, в апрѣлѣ) Временное Правительство в двух случаях назначило пенсіи в размѣрѣ 7-10 тыс. (кажется, дѣло шло о Коковцевѣ и Танѣевѣ)". Ни тот, ни другой не принадлежали, к числу тѣх матеріально необеспеченных людей, которых революція жестоко вернула в "первобытное бытіе" и судьба которых волновала с моральной стороны Набокова. Почему в число избранных попал отец знаменитой Вырубовой, имя которой в этот момент было крайне одіозно? Политическая безтактность часто бывает чревата послѣдствіями. Особо в дѣлѣ о "сановниках" стоял вопрос о членах Государственнаго Совѣта "по назначенію", обреченных на "совершенную праздность послѣ переворота", хотя формально Государственный Совѣт, как учрежденіе, не был упразднен. По словам Поливанова, это почтенное учрежденіе и среди бюрократіи принято было называть "Ново-Дѣвичьим монастырем". "Наиболѣе добросовѣстные и тактичные члены Государственнаго Совѣта — вспоминает Набоков — почувство-

вали неловкость своего положенія и нравственную невозможность получать крупное содержаніе, не дѣлая ничего, и возбудили вопрос об умѣстности подачи в отставку". По поводу того, что члены Государственного Совѣта продолжают получать содержаніе, и "завопили" на митингах и в печати. "Весь этот шум — утверждает управляющій дѣлами Правительства — произвел на Правительство "большое впечатлѣніе". "И тогда, наконец, пришлось поставить во всем объемѣ вопрос о членах Государственного Совѣта... Правительство потратило цѣлых два засѣданія на обсужденіе его — и не могло придти ни к какому опредѣленному рѣшенію. Так вопрос и остался "неразрѣшенным". Правительство не вышло из свойственной ему, столь характерной неопредѣленности потому, что "шум", поднятый вокруг этого вопроса (о том, что "посыпались протестующія резолюціи рабочих и солдатских собраній", говорят составители Хроники февральской революціи)- не был так велик, как изображают мемуаристы, — иначе его резонансы не могли бы не отразиться в общей печати и в дошедших до нас отрывочных протоколах Исполнительнаго Комитета...[\[534\]](#).

"Бум", поднятый "лѣвыми" в Исполнительное Комитетѣ. потерпѣл фіаско. Их цѣлью было добиться превращенія Контактной Комиссій из органа "соглашенія" в орган, диктующій Правительству свою волю. В их представленіи Совѣт должен был играть роль не "задерживающаго центра, а индикатора массоваго настроенія. Поэтому большевики, засѣдавшіе в Исполнительном Комитетѣ (Красиков, Стучка), требовали "гласности в переговорах с Правительством" — устраненія всяких "тайн и дипломатіи", обязательства для Контактной Комиссій вести протоколы, подписываемые обѣими сторонами, и предложенія Правительству дѣлать в "письменной формѣ". "Правые" (Дан, Церетелли, Брамсон) энергично возражали, указывая, что подобное рѣшеніе уничтожает самый смысл существованія Контактной Комиссій — выгода непосредственных личных отношеній в том, что они дают возможность Исполнительному Комитету "ориентироваться в теченіях Правительства". В воспоминаніях Суханов издѣвается над элементарной аргументаціей противников оформленія функцій Контактной Комиссій, превращавших совѣтских делегатов — посредников между "классовыми противниками", в каких-то "проныр-

ливых репортеров". Почему этот вопрос имѣл, однако, по признанію мемуариста "огромную важность" для революціи? Потому, что "лѣвые" желали покончить с "теоріей береженія Правительства", которую далеко не послѣдовательно пыталось проводить в жизнь образовавшееся большинство в Исполнительном Комитетѣ под руководством Церетелли. Напор "лѣвых" смутил "мамелюков", как начинает именоваться с этого момента Суханов советское "болото", шедшее довольно послушно за своим признанным "вождем". В Исполнительном Комитетѣ возникли "сомнѣнія" в рациональности прежней тактики и у сторонников этого большинства: протокол 5 апрѣля нѣсколько неожиданно отмѣчает предложеніе Чхеидзе "никаких непосредственных сношеній с Правительством не имѣть, сношаться с Правительством только письменно и требовать от Правительства письменных же отвѣтов". Предложеніе "лѣвых" -собрало 17 голосов против 21, высказавшихся за сохраненіе status quo и принявших поправку Брамсона о необходимости самой Контрольной Комиссіи вести "подробныя записи переговоров, скрѣпленныя подписями всѣх участников делегаціи".

Исполнительному Комитету не пришлось возвращаться к вопросам, поставленным в заседании 5 апреля. Он занялся своей собственной внутренней реорганизацией. Из Исполнительного Комитета выделено было бюро, к которому переходили функции Контрольной Комиссии, формально упраздненной уже 13 апреля. Через неделю разыгрались события, приведшие к первому правительственному кризису и к замене правительства "цензового" правительством "коалиционным". Взаимоотношение двух "классовых противников" внешне изменилось. Оппозиция в Совете в представлении Суханова сделалась "незамечной" и "окончательно бессильной". Это уже будущее по отношению к тому времени, о котором мы говорим.

Подготовная, вскрывающаяся при обзоре деятельности Контр. Комиссии, свидетельствует о симптомах, мало благоприятных для установления доверия во взаимных отношениях между властью и демократией, поскольку последняя выявляла свой общественный лик через советы. Очевидно, искусственный оптимизм не очень вдумчивого члена Правительства Вл. Львова, заявившего мо-

сковским журналистам, что между Правительством и Совѣтом "установлен тѣсный контакт, и слухи о треніях распространяют злонамѣренныя лица", не отвѣчал дѣйствительности. Может быть, Правительство и нѣсколько злоупотребляло декоративной тактикой, внушаемой отчасти еще не исчезнувшими отзвуками приподнятых революціонных настроеній — тактикой, которую японскій посол в Петербургѣ виконт Цунда в секретном посланіи министру иностранных дѣл в Токио в серединѣ марта опредѣлял словами: "если у людей сложилось поверхностное мнѣніе, что все благополучно, то это происходит от того, что Временное Правительство... скрывает от общества правду". Эта тактика опредѣляла собой официальное знамя, которое рѣяло над общественной жизнью в мартовскіе и отчасти еще в апрѣльскіе дни. Слишком чуткая подчас к температурѣ общественных настроеній "Русская Воля" писала по поводу правительственной деклараціи о войнѣ 28 марта: "Союз Совѣта с Временным Правительством, это — союз жизни; союз в реальном творчествѣ — творчествѣ новых идей в исторіи". Впослѣдствіи реальныя очертанія, в которых протекала тогдашняя дѣйствительность, значительно искажались.

Так Милюков увѣрял читателей своей "Исторіи", что упоминавшееся выше воззваніе Правительства 26 апрѣля, написанное Кокошкиным, было в "первоначальном текстѣ" "суровым обвинительным актом против Совѣта Р. Д.". но "послѣ тоекратной передѣлки", вмѣсто "открытаго обвиненія Совѣта в парализованіи Правительства и в содѣйствіи распаду страны", основная мысль была "очень сильно затушевана" под вліяніем "товарищей Керенскаго" по партіи. В окончательном видѣ "обвинительный акт" гласил: "Говоря об осуществленных и осуществляемых им задачах, Временное Правительство не может скрыть от населенія тѣх затрудненій и препятствій, которыя оно встрѣчает в своей дѣятельности... К сожалѣнію и великой опасности для свободы рост новых соціальных связей, скрѣпляющих страну, отстают от процесса распада, вызваннаго крушеніем стараго государственнаго строя...[\[535\]](#). Стихійныя стремленія осуществлять желанія и домогательства отдѣльных групп и слоев населенія явочным и захватным путем, по мѣрѣ перехода к менѣе сознательным и менѣе организованным слоям населенія грозят разрушить внутреннюю гражданскую спайку и дисциплину, и создают благопріятную почву, с од-

ной стороны, для насильственных актов, сбьющих среди пострадавших озлобление и вражду к новому строго, с другой стороны, для развития частных стремлений и интересов в ущерб общим и к уклонению от исполнения гражданского долга". Управляющий делами правительства Набоков в воспоминаниях называет утверждения историка "преувеличенным отзывом" и свидетельствует, что строки, введенные в воззвание редакцией "Дело Народа" (?!), "довольно туманно и отвлеченно" излагавшие причины происходившей неурядицы, не могли изменить "основного тона возвания". "Строгий государственный документ считает воззвание "одним из слабейших" документов эпохи: "его идеология — ставящая во главу угла добровольное подчинение граждан ими же избранной власти — очень сродни идеологии анархизма". Набоков слишком серьезно принимал внешнюю словесную форму и сущность. Для нас важно, что документ ("духовное завещание" Правительства первого состава) характеризует неизжитую психологию момента и показывает, что два полюса революции окончательно еще не кристаллизировались. Единение во имя достижения задач, поставленных революцией, оставалось в общественном сознании первенствующей

директивой. Большевики и их попутчики из среды народнических максималистов и идеологов "последовательнаго марксистскаго интернаціонализма", выразительницей позиціи. которых сдѣлалась появившаяся в серединѣ апрѣля горьковская "Новая Жизнь", пока стояли на отлетѣ революціи. Стихійныя силы, проявленія которых пытались вызвать в странѣ ленинскіе выученики и их приспѣшники. только еще "глухо клочкотали", по выраженію Троцкаго, в глубинѣ нѣдр революціи. Недаром "Новая Жизнь", стремившаяся к доведенію революціи "до конца", в первом же номерѣ говорила о преждевременности "власти совѣтов", которая вызовет в этот момент "отчаянное сопротивление". Россійскій гражданин в громадном большинствѣ в то время абсолютно не вѣрил в тезу, что "вся наша свобода пойдет прахом", если революція не произойдет в международном европейском масштабѣ.

VI. В поисках базы.

1. Внѣсовѣтская общественность.

Достаточно знаменательно, что среди всѣх по-

литических группировок того времени лишь одна небольшая партия народных социалистов открыто и решительно выступила на своей первой конференции в Москве 23 марта с осуждением попыток, знаменующих установление "двоевластия" и подрывающих авторитет Временного Правительства. Не отрицая общественного контроля над революционным правительством, партия говорила о необходимости в период разрушения старых и создания новых форм политического и социального общества... единой и сильной власти, обладающей действительной, а не призрачной полнотой власти[536]. Дело было не в той проходящей "анархии" на местах, характеризовавшей собою первоначальный, эмбриональный этап революции, а в наличии тенденции культивировать обособленность конкурирующих с властью демократических классовых политических группировок, механически возникших на революционной поверхности по традиции из 1905 года, т. е. "своеобразие" бытовое превращать в своеобразие теоретическое. Не надо было быть ни историком, ни обладать прозорливым предвидением для того, чтобы учесть опасность, которая крылась в замкнутых нормальных политических отношениях идеологических групп, пре-

слѣдующих пусть даже узко партійныя цѣли, сурогатами внутренне аморфных совѣтских организацій. Здѣсь открывалось широкое поле демагогиі, на которой базировался неестественный в наступательном процессѣ шумный внѣшній эффект социалистических партій и который выдвигал на авансцену "социалистическую улицу"... Впослѣдствіи лидером этих партій было сказано не мало не то горьких, не то обличительных слов по адресу народных масс, не доросших по своему культурному развитію до воспріятія новых идей организованной демократіи. Красная митинговая фраза Керенскаго о "взбунтовавшихся рабах" превращалась почти в социологическую формулу[537].

Подобныя жалобы на своего рода разрыв интеллигенціи с народом выносили, однако, лишь обвинительный приговор роковой, непредусмотрительной и пагубной тактикѣ, производившей неизбежно взамѣн зрѣлаго плода недоносок.

Послѣ переворота страну охватила неутолимая жажда просвѣщенія. Из глухих деревенских углов несутся крики: книг, книг, — отмѣчали наблюдатели из числа уполномоченных Временнаго Комитета. Вначалѣ этих книг было мало, и "Россія верну-

лась к апостольским временам": по деревням ходили люди и проповѣдывали "новыя начала". Потом этого книжнаго "просвѣщенія", пожалуй, стало слишком уже много. Пропагандисты очень скоро нарядились в узкіе партійные мундиры. Каждый "начетчик" до извѣстной степени фанатик. Скоропѣлое "политическое просвѣщеніе" стояло на грани политическаго развращенія масс, поскольку просвѣтителі руководились завѣтом протопопа Аввакума: "разѣвай рот шире, само царство небесное валится" (так нѣкогда охарактеризовывалась пропаганда Троцкаго в одном из перлюстрированных политической полиціей писем). Приходится ли удивляться, что "сознательность" пасовала перед "стихіей" и "соціализм сознательнаго пролетаріата" затеривался в мірѣ "охлоса". Это творила "жизнь", но исторія не может снять отвѣтственность и с тѣх, кто создал внѣшнія формы, в которых выражалась эта жизнь. Послѣдующая исторія революціи регистрирует безконечно длинную вереницу фактов, показывающих, что стихію из "нѣдр революціи" вызывали часто, очень часто, и тѣ, кто по своей идеологіи, казалось, были далеки от большевицких концепцій радикальнаго переустройства міра единым революціонным взмахом.

Они становились невольными и безсознательными попутчиками тѣх, кто разрушал демократическій революціонный фронт. Извѣстный "правый" с.-р. Брушвит, вѣроятно, совершенно не отдавал себѣ отчета в том, что он бросает зажженную спичку в пороховую бочку, взрыв которой может уничтожить не только коалиціонное правительство, не только Учред. Собрание, но и демократію в Россіи, когда в состояніи ораторскаго самозабвенія неосторожно на майском крестьянском съѣздѣ в Самарской губ. бросил в массу демагогическіе призывы от имени арміи: "Мы не выпустим ружей из рук даже и послѣ войны — не выпустим до тѣх пор, пока знамя "Земля и Воля" не будет знаменем государства. Во время Учр. Собр. мы будем держать ружья на-караул, но помните, что послѣ этой команды есть другая — "на изготовку"...

Партія народных социалистов, представлявшая собой в значительной степени интеллигентскую группировку, в цѣлом этого грѣха в революціонные дни не воспріяла на себя [538], ибо ея основной практической лозунг органически был связан с девизом, начерченном на ея политическом знамени: "все для народа, все через народ" — то было

утверждение не только народовластія, но и до извѣстной степени проповѣдь осуществленія в жизни постулатов, освоенных народным сознанием и клавшим преграду "революціонному правотворчеству" массовой стихіи. Идеологи "народнаго социализма" никогда не обольщались "безсознательным социализмом", сдѣлавшимся столь модным лозунгом в мартовскіе дни, что даже демонстрація дворников в Москвѣ в маѣ происходила под знаменем: "да здравствует социализм". "Социалистов" стало слишком много. Народным массам главенствующія социалистическія партіи внушали тлетворную мысль, что подлинная демократія заключена в бытовых соединеніях социальных категорій, представленных рабочими и крестьянами. Количественный принцип совершенно устранял естественное раздѣленіе. Роковым образом исчезала категорія трудовой интеллигенціи, имѣвшаяся в программѣ теоретических построеній социалистов-революціонеров[539]. Реальныя отношенія, созданныя характером революціоннаго переворота, заставили революціонных идеологов ввести третью категорію "демократіи" — солдат, при всеобщей воинской повинности, не говоря уже об условіях войны, никакой особой социальной груп-

пы не представлявших. Соціальная логика при этом нарушалась. Ленин был болѣе послѣдователен, когда в своих начальных построениях, игнорируя "солдатских депутатов", выдвигал лозунг — "рабочих, крестьянских и батрацких" совѣтов. Поскольку совѣты могли рассматриваться, как революціонные клубы *sui generis*, постолько лишь в схемѣ революціоннаго строительства могли быть законно признанными совѣты солдатских депутатов, которые в первый момент рѣшительно первенствовали в предводительствуемых революціонной демократіей организаціях и накладывали на них свой не классовый и тѣм самым скорѣе политическій отпечаток.

Для характеристики просовѣтской позиціи революціонной демократіи символистичным является выступленіе "заложника демократіи" в правительствѣ на Всероссийском Совѣщаніи Совѣтов, когда он вырвался из правительственных тенет, чтобы "хоть немного подышать воздухом той среды", из которой вышел. Передавая "низкій поклон *всей демократіи*" от имени Правительства Совѣщанію, Керенскій разъяснял (дважды) и формулу "всей демократіи" — "рабочим, солдатам и

крестьянам", незамѣтно демагогически триединая формула становилась в устах социалистических дѣятелей адекватной понятію демократіи, и они, дѣйствительно, сами, быть может, и "помимо собственного сознанія", по выраженію Плеханова, уравнивали дорогу, ведущую к ленинским воротам. Не отдавая себѣ отчета в послѣдствіи лидер меньшевиков Церетели (его называли "мозгом революціи") будет квалифицировать первый официальный съѣзд совѣтов (в іюнѣ) "полномочным парламентом революціонной демократіи", а лидер соц.-рев. Чернов пойдет дальше и назовет съѣзд совѣтской демократіи "нашим учредительным собраніем".

Народные социалисты были чужды этому своего рода "совѣтскому психозу" и не потому, что представители радикальной интеллигенціи, вошедшіе в партію, как пытается утверждать автор "рожденія революціонной Россіи", принадлежали к группѣ "промежуточной между буржуазной и социалистической" — идеологически послѣдовательные социалисты (правда, не по формулѣ Интернаціонала), обосновывавшіе свою догму не на стихійной борьбѣ классов и выдвигавшіе интересы челове-

ской личности на первый план, вожди партіи видѣли в совѣтском принципѣ нарушение демократических завѣтов, угрожающее народовластію и органу его выражающему, т. е. Учредительному Собранію. И не только грядущему Учр. Собранію, но и стоявшему в ближайшей очереди демократическому общественному самоуправленію (своим параллелизмом). Поэтому, не игнорируя совѣты, как революціонныя организаціи, стихійно созданныя жизнью, партія оставалась к ним холодной и относилась с осторожностью: когда сконструировали окончательно Петербургскій Исп. Комитет, в нем не оказалось представителей народных социалистов — Станкевич (тогда трудовик) отмѣчает, что Мякотин и Пѣшехонов, т. е. признанные вожди партіи, "старательно подчеркивали свою чужеродность". Это ставило партію как бы внѣ совѣтской общественности. Вѣроятно, такую позицію надо признать тактической ошибкой, ибо партія лишалась возможности своей интеллектуальной силой оказывать непосредственное вліяніе. Но болѣе серьезной тактической ошибкой являлся отказ возглавить инициативу возрожденія в срединѣ марта стараго крестьянскаго союза — наслѣдія того же 1905 года. Отказ мотивировался не-

желаніем дробить революціонныя силы. Произошло как раз обратное тому, что рассказывает в своих воспоминаніях Суханов о "попыткѣ" захватить Крестьянскій Союз группой радикальной интеллигенціи, руководившей Союзом в 1905 г. и не желавшей теперь контакта с Совѣтом Крестьян. Деп.. Крестьянскій Союз должен был возникнуть, как постоянная организація, а не по типу временных соединеній для "политико-революціонной борьбы" в схемѣ совѣтской организаціи. Он все-таки возник, попал в руки людей болѣе или менѣе случайных и неопредѣленных по своей общественной позиціи, и не получил широкаго распространенія. Между тѣм при болѣе авторитетном руководительствѣ он мог не только имѣть умѣряющее значеніе в противовѣс крестьянским совѣтам, попавшим в орбиту партіи с.-р.[\[540\]](#), но и сыграть самостоятельную, значительную роль при выборах в Учр. Собраніе.

Мы вкратцѣ остановились на народных социалистах, потому что в дни мартовской общественности только эта группа могла выступить, как организованная единица. Впослѣдствіи внѣ совѣтской общественности оказалась плехановская

группа (сам Плеханов был избран железнодорожниками в Совѣт, но представители группы "Единство" не были допущены), равно как внѣ ея были, в сущности, так называемые соц.-дем. "оборонцы", руководителем которых слѣдует признать одного из наиболее выдающихся идеологов и марксистских публицистов Потресова. К этим общественным подраздѣленіям социалистическаго характера надо отнести и "трудовиков", выступавших послѣ революціи в качествѣ самостоятельной единицы. Назвать "трудовиков" партией в точном смыслѣ слова нельзя было, ибо эта группа — скорѣе своеобразный политическій блок, рожденный в бытовых условіях думской работы — в сущности не имѣла еще своей цѣльной и разработанной идеологической программы и тактики, — ея думскій лидер Керенскій официально числился в рядах соц.-революціонеров. Народнический отѣнок трудовой группы естественно толкал ее на соединеніе с народными социалистами. Это соединеніе и произошло в концѣ іюня не без преній, ибо у этих политических группировок было в первое время разное политическое воспріятіе революціи. Трудовики оказались болѣе радикальны в программных требованіях[541] и болѣе эластичны в

тактикѣ, приноравливая ее в основных линіях к фронту "совѣтской демократіи", в дѣлах которой центр принимал живое участіе, составляя ее "правое" крыло: в петроградскій Исп. Ком. входили Чайковскій, Брамсон и Станкевич.

Всѣ указанная группировки могли создать единый общественный фронт, к которому должны были присоединиться выдѣлившіеся, в концѣ концов, в самостоятельную группу "воленародцы" из партіи соц.-революціонеров. Медленно происходившая в процессѣ революціи дифференцировка партійных группировок ко благу страны была бы ускорена, если бы революціонное правительство с перваго дня родилось в коалиціонной тогѣ. Всѣ попытки сохраненія единого революціоннаго фронта, — соединить разнородные элементы в единой партіи с.-р. и — перекинуть мостик к двуединой уже социал-демократіи — имѣли пагубный результат уже потому, что дѣлали бесплодной идейную и практическую борьбу с большевизмом, порождая сумятицу в умѣ неиспытаннаго в партійных тонкостях "простолюдина" [542]. Что было общаго между будущим лѣвым с.-р. Мстиславским и Бунаковым-Фондаминским, объеди-

нившимся в одном партійном органѣ? Что было общаго между Черновым, как двѣ капли воды, похожим на Ленина, наряженного в "селянскій" костюм, и Авксентьевым, вошедшим в одно коалиціонное правительство? Только то, что нѣкогда и Потресов с Лениным сидѣли за одним партійным столом, объединяло этих общественных антиподов. Ясное расчлененіе противоестественных политических соединеній и способствовало бы выявленію того подлиннаго "коллективнаго ума", который по слову культурнѣйшаго апостола анархизма Кропоткина необходим в революціи, — когда-то в своей "Анархіи" он писал: "вся исторія нам говорит, что никогда еще люди, выброшенные революціонной волной в правительство, не были на высотѣ положенія". При настроеніях мартовских дней, сказавшихся даже на эволюціи большевицкой "Правды", существованіе договорившагося социалистическаго блока привлекало бы к себѣ людей, и это не дало бы возможности родиться противоестественному явленію, когда партія соц.-рев., по злому, современному замѣчанію Потресова, разбухла в первые мѣсяцы революціи до размѣров грандіознаго[543]. Соглашеніе с демократическими элементами партіи к. д. могло

бы дать прочную основу для тактического блока и с цензовыми элементами, или по другой терминологии с буржуазіей, без активного участія которой в революціонном процессѣ при неизбѣжном экономическом кризисѣ в странѣ, которая переживала политически и соціальный катаклизм во время войны, соціалисты могли дать, как выразился позжз в засѣданіи Московскаго совѣта меньшевик Исув, "лишь уравнительный голод". Вопреки здоровому политическому разсчету жизнь пошла не по этому пути и превратила в дни существованія перваго революціоннаго правительства одну партію народной свободы в партію как бы "правительственную".

2. "Правительственная партія".

Съѣздом "правительственной партіи" и назвали нѣкоторыя газеты (напр., "Бирж. Вѣд.") собравшейся в канун марта в Петербургѣ съѣзд партіи народной свободы. По существу это было не совсѣм так уже потому, что, по признанно Набокова, самым вліятельным лицом в Правительствѣ был Керенскій, котораго поддерживало большинство министров. Наблюдавшій Прави-

тельство в "контактных" засѣданіях Суханов говорит, что "лѣвая семерка" — в составѣ обоих Львовых, Керенскаго, Некрасова, Терещенко, Коновалова и Годнева[544] почти всегда была и "оппозиціи" к Милюкову, котораго демократически "День" называл позже "злым гением" революціи. Слѣдовательно, трудно назвать первый період революціи "милюковским", как это часто дѣлается в литературѣ, и видѣть в лидерѣ к.-д. "фактическая глава" Врем. Правительства перваго состава. Поскольку с первым періодом связан пафос революціи, он ярче выражался в личности Керенскаго[545]. Но во внѣ Временное Правительство представлялось правительством "цензовым". Так как правая общественность исчезла с поверхности общественной жизни, то партія к.-д. тѣм самым становилась выразительницей буржуазных настроеній, противопоставляемых совѣтской демократіи. Это была одна из аномалій на зарѣ обновленной жизни страны, искажившая демократически облик заслуженной партіи русской интеллигенціи. В "страшной и красивой грозѣ, в которой пришел новый строй" (слова Милюкова на съѣздѣ) "надклассовая" партія с компромиссными традиціями прогрессивнаго блока не могла уже выполнять функціи "арбитра"

— этого тогда не хотѣл понять общепризнанный глава партіи[546].

Партія к.-д. была противопоставлена демократіи, хотя первый ея съѣзд послѣ революціоннаго переворота пытался перебросить мост к совѣтским элементам. Он осторожно подошел к вопросу о двоевластіи. "Велика заслуга петроградскаго Совѣта Р. и С. Д. в революціонные дни, — говорил докладчик по тактическим вопросам Винавер, — но, к сожалѣнію, он вышел за предѣлы своих функций. Создалась опасность многовластія, опасность чрезвычайно грозная". — Совѣт не должен издавать распоряженій, имѣющих характер правительственных актов. Но член Правительства Некрасов тут же опасенія Винавера сводил на нѣтъ, говоря о "так называемом двоевластіи" и представляя это "двоевластіе" естественным выводом "революціонной психологіи". — не для того же свергнут один самодержец, чтобы создать таких 12[547]. Совѣтам на съѣздѣ было произнесено много комплиментов. Так сам Милюков признавал, что, "если бы не было товарищей слѣва, никакія наши предвидѣнія не помогли бы свергнуть самодержавіе". Поэтому резолюція съѣзда лишь

иносказательно и туманно намекала на двоевластіе. Она говорила: "Пріостановленіе нормальной функціи народнаго представительства не требует организаціи на иных началах общественнаго мнѣнія, освѣдомляющаго Правительство и выражающаго отношеніе общества к мѣропріятіям и общему направленію дѣятельности Врем. Правительства, Однако, организаціи, существующія и могущія для этой цѣли возникнуть, должны оставаться в предѣлах указанных цѣлей и не претендовать на функціи власти исполнительной, вводя населеніе в соблазн многовластія, вреднаго, как для внѣшней обороны, так и для укрѣпленія новаго строя..."[548].

Комплименты "истинным представителям революціи" были, конечно, в значительной степени тактическими приѣмами, так как съѣзд переходил на республиканскіе рельсы[549]. Рѣшеніе это было принято Цент. Ком. партіи уже 11-го марта, — съѣзд должен был провозгласить ту самую "демократическую парламентскую республику", к которой так отрицательно относился Милюков. Дух времени требовал такого рѣшенія. "Бурю рукоплесканій" вызывали на обывательских митингах

слова: "пусть партія к.-д. похоронит § 19 своей программы в той же могилѣ, гдѣ похоронено самодержавіе". И партія спѣшила с этими похоронами. Если старый Петрункевич, не присутствовавшій на съѣздѣ и присоединившій заочно свой голос за демократическую республику писал: "монархія морально покончила самоубійством и не нам оживлять ее", то офіціальныи докладчик на съѣздѣ Кокошкин обосновал новое положеніе аргументами другого свойства и нѣсколько странными для государствовѣда: населеніе не нуждается больше в монархическом символѣ — "но время войны оказалось, что нельзя быть за царя и отечество, так как монархія стала против отечества"[550]. Кн. Евг. Трубецкой говорил о "единой національной волѣ", диктующей новую форму правленія. Резолюція о республикѣ была принята *единогласно* — к ней не только присоединился Милюков, но и "глубоко" радовался государственно мудрому рѣшенію о формѣ правленія, становясь в рѣзкое противорѣчіе с пророческой "проникновенной рѣчью" на Милліонной 3 марта, обрекавшей Россію без монархіи "на гибель и разложеніе". Так быстро шло приспособленіе к окружающей политической атмосферѣ. Можно призвать, что в нормальных

политических условіях форма правленія сама по себѣ еще не служит мѣрилом демократизма и в партійных программах подчас является вопросом не столько принципиальным, сколько тактическим. Съѣзд к.-д. стоял перед неизбѣжным распадом партіи, если бы принял монархическую оріентацію... Мы имѣли уже случай убѣдиться, что настроенія в партіи далеко не соответствовали позиціи, которую пытался занять Милюков в первые дни революціи[551]. Еще раз эти настроенія подчеркнул Кизеветтер, привѣтствуя 9-го апрѣля пріѣхавшаго в Москву послѣ съѣзда Милюкова. Он отмѣчал значительную роль, сыгранную лидером партіи в переворотѣ, но роль именно революціонную, которая опредѣлялась думской рѣчью 1-го ноября 1916 г. о германофильской партіи Царицы. И... тѣм не менѣе единогласіе в признаніи республики выраженіем "единой національной воли" останавливает на себѣ вниманіе. Конечно, требовалось извѣстное гражданское мужество для того, чтобы пойти против теченія и открыто заявить в революціонное время о своем монархизмѣ, который естественно воспринимался лишь в формах легитимных. Между тѣм публичное исповѣданіе убѣжденій, шедших в разрѣз с на-

строением улицы, могло содѣйствовать оздоровленію политической атмосферы и смягчать революціонную нетерпимость к инакомыслящим. Формальное декларированіе "прав челоуѣка-гражданина" далеко еще не означает осуществленіе подлинной политической свободы. Русская революція не представляла исключенія. Россія была лишь на порогѣ того "храма свободы", о котором говорила ветеран русской революціи Брешко-Брешковская в привѣтствіи, обращенном к Совѣщанію Совѣтов. Гражданскаго мужества политическіе дѣятели, убѣжденные в цѣлесообразности конституціонной монархіи, не проявили[552]. В демократических кругах республиканское единокоріе "цензовой общественности" склонны были считать внѣшним флером, навѣянным моментом, который и нововременцев превращал в "республиканцев". Милюкову много раз приходилось опровергать "вздор", заключавшійся в утвержденіи, что партія к.-д. оставалась по существу конституціонно-монархической: "мы совершенные и вѣрные республиканцы. С конституціонной монархіей покончила революція", — категорически, заявлял лидер партіи[553].

На седьмом съѣздѣ партіи к. д. можно отмѣтить и еще нѣкоторыя черты, характеризующія тенденцію перебросить мост к революціонной демократіи. Вѣнавер в докладѣ по тактическим вопросам считал основной задачей партіи в данный момент отпор "контр-революціонным силам", которыя могут во имя стараго посягать на новый строй... Его содокладчик Шаховской предлагал дать директору Ц. К. "искать соглашеніе налѣво", "наших сосѣдей справа, мы можем на первых порах оставить", т. е., ликвидировать прогрессивный блок. Некрасов попытался дать директиву Ц. К. и в области соціальной. Только путем соціальных реформ — говорил он — можно "обойтись... без соціальной революціи": "меньше всего можно говорить — сначала политика, а затѣм соціальные вопросы. Старый режим путем этого лозунга привел нас к революціи". "Вдохновенныя слова" Некрасова, по отзыву "Рус. Вѣд.", были встрѣчены шумным одобреніем. Но они не превратились в директиву и не сдѣлались постулатом текущей политики, хотя в первом своем воззваніи послѣ переворота, 3 марта, партія широковѣщательно говорила, что "новая власть первѣйшей заботой своей сдѣлает обезпеченіе рабочих и крестьян". Дѣло на

съѣздѣ ограничилось академическим разсужденіем на тему о лозунгах в духѣ англійскаго фабианскаго эволюціоннаго социализма и столь же теоретическими разсужденіями в печати будущаго "соціалистовѣда" Изгоева на тему о близости социалистических идей партіи. Аграрный вопрос был отнесен на слѣдующій партійный съезд. Партія народной свободы не спѣшила с разрѣшеніем социальных вопросов: в резолюціи Ц.К. 11 марта, в которой провозглашался республиканскій принцип, говорилось, что аграрный вопрос подлежит разрѣшенію *посль войны*. Лидеры партіи настойчиво затѣм проводили в своих публичных выступленіях мысль о недопустимости социальных реформ до Учред. Собранія. Революціонная романтика, проявившаяся в настроях съезда, настолько не встрѣчала уже сочувствія, что автор первой исторіи революціи впоследствии даже не упомянул в своем текстѣ о съѣздѣ, протоколы котораго дают, однако, яркій документ для характеристики эпохи, когда еще свѣтило "солнце мартовской революціи".

3. Мираж IV Думы.

То, что могло быть, не относится к вѣдѣнію описательной исторіи. Соціалистическія наблюденія ведут нас уже в область "философіи исторіи". Неписанная конституція, установленная жизнью, замѣнила юридическую концепцію, данную актом отреченія 3 марта, фактически иной конструкціей власти. Самодержавіе "12-ти" контролировалось Совѣтом посредством контактной комиссіи. "Цензовая общественность — "единственно организованная" в дни формирования Временнаго Правительства — через короткій промежуток оказалась хуже организованной, нежели демократія социалистическая. Предположенія докладчика по организационному вопросу на Совѣщаніи Совѣтов Богданова совершенно не оправдались. Ему казалось, что "цензовые элементы... в стадіи революціи группируются и осѣдают" на мѣстах в исполнительных комитетах общественных организацій. В дѣйствительности общественные комитеты умирали естественной смертью по мѣрѣ того, как дифференцировались элементы, в них входившіе — эти объединенные комитеты никогда не были представительством "цензовой общественности".

Если бы "цензовая общественность" в мартѣ сорганизовалась в нѣчто подобное тому, что представлял собой впоследствии московскій совѣт общественных дѣятелей, его представители могли бы войти в "контактную комиссію" на тѣх же условіях, что и представители совѣтскіе.

Временный Комитет Гос. Думы, поскольку он находился внѣ этой организованной общественности, не мог служить противовѣсом "давленію" и "контролю" над правительством со стороны совѣтской демократіи. Милюков говорит, что члены Времен. Комитета "обыкновенно" участвовали во всѣх важнѣйших совѣщаніях Правительства с делегатами Совѣта для того, чтобы уравновѣсить "давленіе" и "контроль" Совѣта над Правительством. О том же упоминает Суханов. Оба историка-мемуариста обобщили факты. Совмѣстныя засѣданія никаких слѣдов не оставили — повидимому комбинированное совѣщаніе было созвано два раза в апрѣлѣ в связи с осложненіями, возникшими вокруг "займа свободы" и ноты Правительства по внѣшней политикѣ^[554]. От нас пока ускользает повседневная практика в отношеніях между Правительством и Временным Комитетом,

ибо протоколов засѣданій послѣдняго не имѣем (кромѣ отдѣльных эпизодичныхъ выписок). Из протеста Родзянко, посланнаго кн. Львову 17 марта по поводу телеграфнаго распоряженія министра земледѣлія Шингарева о реквизиціи хлѣба у землевладѣльцев, посѣвная площадь которыхъ превышала 50 десятин[555], явствуетъ, что между Правительствомъ и Временнымъ Комитетомъ существовало опредѣленное соглашеніе, по которому Временный Комитетъ долженъ былъ освѣдомляться о важнѣйшихъ рѣшеніяхъ Правительства. Родзянко, настаивая на немедленной отмѣнѣ распоряженія министра земледѣлія и на передачѣ вопроса "на разрѣшеніе мѣстныхъ компетентныхъ учреждений, который могли бы разрѣшить его не на основаніи теоретическихъ соображеній", в заключеніе выражал сожалѣніе, что "указанныя мѣры были приняты Врем. Правит. *безъ предувѣдомленія* о нихъ Временнаго Комитета *вопреки состоявшемуся соглашенію* и надѣялся, что Врем. Правит. "впредь не откажется придерживаться порядка, установленнаго по взаимному соглашенію его с Врем. Ком. Гос. Думы".

Это соглашеніе было уже прошлым, которое при

осложнившихся отношеніях политических групп не отвѣчало уже ни потребностям момента, ни психологіи главных дѣйствующих лиц. Поэтому "Государственная Дума" и оказалась "не подходящим средством для того, чтобы раздѣлить контроль над Правительством" (слова Милюкова в "Исторіи"). В дни правительственного кризиса мысль невольно обратилась к фактическому первоисточнику власти, т. е., к первичному соглашенію Временнаго Комитета и Совѣта. Другого формального выхода просто не было. Политическая роль Врем. Комитета в эти дни была и его лебединой пѣсней, поскольку значеніе этого учрежденія, рожденнаго революціей, опредѣлялось мартовским "соглашеніем". Набоков рассказывает, что в позднѣйшей бесѣдѣ с Милюковым (он относит ее к апрѣлю 18 г.) ему пришлось коснуться вопроса — была ли "возможность предотвратить катастрофу, если бы Временное Правительство оперлось на Государ. Думу" и не допустило политической роли Совѣта. По мнѣнію мемуариста, эта возможность была "чисто теоретическая". Милюков держался иной точки зрѣнія и считал, что момент был упущен. Таким образом задним числом Милюков присоединялся к неосуществившимся

проектам Родзянко и Гучкова.

Впослѣдствіи сам Милюков охарактеризовал достаточно опредѣленно всю иллюзорность такого плана, назвав в эмигрантской полемикѣ с Гурко Государственную Думу послѣ революціи "пустым мѣстом".

Нетрудно установить момент, с котораго лидер партіи народной свободы в 17 г. измѣнил свой взгляд на роль, которую может сыграть Государственная Дума в революціонное время — это был день, когда Милюков, покинув ряды Врем. Правительства, впервые, по словам Бубликова, появился на частном совѣщаніи членов Думы и стал опредѣлять свое отношеніе к коалиціонному правительству уже в соотвѣтствіи со "знаменитой формулой" Совѣта: "постолько-посколько"[\[556\]](#). Это был день, когда Милюков, по мнѣнію Палеолога, впервые заколебался в своем оптимизмѣ относительно исхода революціи.

Можно отмѣтить в дальнѣйшем усиливающуюся в средѣ "цензовой общественности" тенденцію гальванизировать "политическій труп", как выразился депутат Бубликов в одном из ранних "весенних" газетных интервью. 2 іюня Родзянко обратит-

ся ко всѣм членам Думы с письмом, в котором просил их "выѣзжать из Петрограда только в исключительных случаях, а отсутствующих — принять мѣры к возвращенію в Петроград". "Политическія событія текущаго времени — писал Родзянко — требуют, чтобы гг. члены Гос. Думы были наготовѣ и на мѣстѣ, так как, когда и в какой момент их присутствіе может оказаться совершенно необходимым, установить невозможно. Эти обстоятельства могут наступить внезапно..." В іюльскіе дни послѣ краха той генеральной репетиціи октябрьскаго переворота, которую пытались устроить большевики, в частном совѣщаніи Думы заговорили и болѣе опредѣленно. Открыто высказался за созыв Думы которая должна превратиться в организующій центр, депутат Масленников: "Стыдно Гос. Думѣ сидѣть гдѣ-то на задворках. Пора Гос. Думѣ, которая возглавила революцію нести и отвѣтственность за нее..." Депутат просил предсѣдателя "вызвать всѣх членов Гос. Думы не на частное и подпольное засѣданіе, а на настоящее засѣданіе Гос. Думы", и потребовать, чтобы сюда явилось все правительство в полном составѣ и доложило бы о состояніи страны. Тогда Гос. Дума укажет этому правительству, что дѣлать. и как это

правительство пополнить и замѣстить"[\[557\]](#). "Да здравствует Государственная Дума. единственный орган, способный спасти Россію" — провозглашал Пуришкевич. Чтобы избѣжать "черных дней" контр-революціи, когда остервенѣлый народ взбунтуется против того, кто обманул его ожиданія, нужно, чтобы "Гос. Дума, к которой неслись всѣ народныя чаянія и любовь народа, заговорила громко... и властно". Милюков, выражавшій в большей степени настроеніе цензоваго нежели демократическаго крыла партіи к.д., тактически был болѣе осторожен. Признавая "юридическое положеніе", установленное актом 81-аго марта, "недостаточно ясным". он считал, что Дума была права, "сохраняя себя про запас", и не осложняла положенія "выходом" на первый план, пока правительство было "сильно, общепризнано и имѣло всенародную поддержку". Но "я должен сказать, что я представляю себѣ момент, когда Гос. Дума может сыграть роль и в лицѣ ея временнаго комитета и в лицѣ, может быть, самой себя, как учрежденія. Это в том случаѣ. когда власть временнаго правительства не только лишится всенароднаго признанія, котораго оно, по моему "мнѣнію, уже лишилось сейчас, но и потеряет всякій авторитет..." В заклю-

ченіе Родзянко, принципіально соглашаясь с мотивами Масленникова, полагал, что поднимать этот вопрос в настоящее время еще не слѣдует: "Я принадлежу к тѣм из вас, которые уже давно раздѣляют точку зрѣнія члена Думы Масленникова, но я согласен с Милюковым, что еще не настал тот исключительный момент, когда Гос. Дума, как таковая, должна быть созвана".

Именно эта тенденція возстановить Думу, как государственно-правовое учрежденіе, а вовсе не то, что Временный Комитет дѣлал доклады на частных совѣщаніях членов Гос. Думы, вызывала "раздраженіе" революціонной демократіи[558]. Уже іюньское циркулярное письмо Родзянко вызвало резолюцію собравшагося в началѣ іюня съѣзда Совѣтов против попытки группы бывших членов Гос. Думы выступить от имени Гос. Думы и, "используя положеніе, занятое ею в первые дни революціи", "стать центром для собиранія сил, дѣйствующих против революціи и демократіи". Резолюція устанавливала, что "революція, разрушив основы стараго режима", упразднила Гос. Думу и Гос. Совѣт, как органы законной власти и лишила их лично состоянія званія, дарованнаго им

старым порядком и полагала, что "в дальнѣйшем отпуск средств на содержаніе и функціонированіе Гос. Думы и Гос. Совѣта, как законодательных учрежденій, должен быть Врем. Правит, прекращен", и что "всѣ выступленія бывших членов Гос. Думы и Гос. Совѣта являются выступленіями частных групп граждан свободной Россіи, никакими полномочіями не облеченных". На съѣздѣ вопрос о Думѣ был поставлен по инициативѣ большевиков, требовавших "немедленнаго и окончательнаго упраздненія Гос. Думы и Гос. Совѣта". Безспорно, большевики — и не всегда только большевики — были склонны раздувать в демагогических цѣлях "контр-революціонную" опасность, но в данном случаѣ созыв в дни революціи старой Думы в ея цѣлом, Думы по закону 3 іюля 1907 г., "безстыжому по пренебреженію к интересам народа" — так характеризовал его в докладѣ на съѣздѣ Совѣтов председатель Чр. Сл. Комиссіи Муравьев [\[559\]](#) — дѣйствительно становился в глазах демократіи символом той контр-революціи, борьбу с которой ставил основной своей задачей мартовскій съѣзд партіи к. д. И не только мартовскій: на слѣдующем съѣздѣ партіи в маѣ, когда докладчиком о текущем политическом мо-

ментъ выступал сам Милюков, отмѣчались "теченіа контр-революціонныя", пытающіяся "под вліяніем испуга вернуть революцію назад"[\[560\]](#). Сказалась ли здѣсь только "манія", только сознательное злоупотребленіе "призраком", который в разной степени захватывал круги соціалистическіе и "цензовые", поскольку послѣдніе были связаны с революціей? Реальныя опасенія революціонной демократіи в отношеніи к Гос. Думѣ по всяком случаѣ не были только "призраком": Гучков впоследствии разсказал (в посмертных воспоминаніях), как он пытался организовать "кадры для похода на Москву и Петербург" под флагом Думы, а Деникин сообщает, что Пуришкевич носился с идеей переѣзда Гос. Думы на донскую территорію для организаціи противодѣйствія Временному Правительству.

4. В ожиданіи Учредительнаго Собранія.

Мы заглянули уже в будущее. При таком ретроспективном обзорѣніи прошлаго, вышедшаго из-под пера современников событій, никогда не надо забывать, что описанное, поскольку рѣчь идет о мартовских буднях, принадлежит к другой уже

страницѣ в исторіи революціи. Тогда в сущности вопрос шел о коротком промежуткѣ времени до созыва Учредительнаго Собранія, в період котораго надо было осуществить полумѣры, удовлетворившія бы жажду народнаго нетерпѣнія и противодѣйствовавшія бы соціальной демагогіи. Когда наступал срок обязательства, принятаго Временным Правительством и "закрѣпленнаго присягой"? Его никто вполнѣ не пытался установить. В каком то сравнительно отдаленном времени рисовался этот созыв председателю Временнаго Комитета в момент его переговоров с генералами на фронтѣ в ночь на 2-ое марта. Французскій посол утверждает, что на высказанное им сомнѣніе о возможности созыва У. С. во время войны, Милюков в бесѣдѣ с ним довѣрительно сказал, что он старается не принимать никаких обязательств относительно точной даты выборов. Набоков — тот самый Набоков, под руководством котораго был выработан наисовершеннѣйшій избирательный закон — считал, как мы видим, подлинной трагедіей созыв Учр. Собранія во время войны (какой это символ для Врем. Правит.!). Так было за правительственными кулисами. Открыто общественная мысль усвояла другое — мысль о созывѣ Учр.

Собр. в самое ближайшее время. 4 марта в Москвѣ происходит собраніе дѣятелей земскаго и городского союзов, на котором обсуждается воззваніе к населенію. Видные кадеты Кизеветтер, Котляревскій, Тесленко с горячностью возражают на "оборонческіе" взгляды представителей "демократіи" и доказывают, что вопрос о войнѣ нельзя откладывать до Учр. Собранія, которое соберется через "1-2 мѣсяца" (!). Подготовка к созыву Учр. Собр. начнется — увѣрял Керенскій и Москвѣ 7 марта — в "ближайшіе дни". 13 марта представители Совѣта настаивали перед Правительством на скорѣйшем созывѣ Учр. Собранія. Правительство в отвѣтъ заявило, что срок созыва "должен быть возможно болѣе близкій". "война ни в каком случаѣ не может помѣшать созыву Учр. Собранія", — "разгар военных дѣйствій" может лишь "задержать открытіе засѣданія У. С.". "Во всяком случаѣ предѣльным сроком У. С, по предположенію Врем. Прав, является середина лѣта". Представители Совѣта находили, что этот срок представляется "слишком отдаленным". Созыв У. С. откладывался, и наблюдательный французскій журналист Annet, имѣвшій постоянные частные разговоры с отвѣтственными политическими дѣятелями, спѣшил

информировать общественное мнѣніе во Франціи, что загадочное Учредительное Собрание отложено *ad calendos grecos*. В дѣйствительности лишь постановленіе об образованіи Особого Совѣщанія по выработкѣ закона о выборах в У. С., было вынесено Вр. Правительством к концу марта (25-го). "Вещь совершенно неосуществимая" созвать У. С. через 2-3 мѣсяца — компетентно разъяснял Кошкин на съѣздѣ к. д. Так можно было рѣшать "с жара", "не отдавая себѣ отчета" объяснял, в свою очередь, докладчик по Учр. Собранію в Совѣщаніи Совѣтов Станкевич. Ближайшій срок — это сентябрь. Милюков в "Исторіи" поясняет, что созыв У. С. "не мог состояться до введенія на мѣстах новых демократических органов самоуправления" [\[561\]](#).

С другой стороны, "хотя Правительство обязалось также привлечь к выборам и армію, но у перваго состава Врем. Пр. — продолжает Милюков — сложилось убѣжденіе, что это можно лишь в момент затишья военных операцій, т. е. не раньше поздней осени". Всѣ сознавали, что произвести выборы в Учр. Собр. без участія арміи, фактически невозможно. "Гдѣ вы найдете такую силу, которая

рѣшилась бы устранить от участія в выборах в У. С. ту стихію, которая нам создала и обезпечивает самый созыв этого Собранія", говорил докладчик в Совѣщаніи Совѣтов. Вмѣстѣ с тѣм производить выборы в "боевой обстановкѣ", когда невозможна предвыборная кампанія (дневник ген. Селивачева 10 марта) казалось ненормальным, и с фронта дѣйствительно поступали депутатам, объѣзжавшим дѣйствующую армію отдѣльныя ходатайства об отложеніи выборов даже "до окончанія войны" в виду невозможности агитаціи. Однако, и созыв юридическаго "Особаго Совѣщанія" затормозился. Милюков объясняет задержку тѣм, что Совѣт вначалѣ не отвѣчал на предложеніе опредѣлить численность представителей в Совѣщаніи от демократических организаціи, потом оспаривали эту численность. Дальше пошли проволочки с посылкой делегатов, и вмѣсто 25-30 апрѣля, как предполагала юридическая комиссія при Правительствѣ, работа Совѣщанія так и "не началась" при Временном Правительствѣ перваго состава. Правительственная декларация новаго коалиціоннаго кабинета подчеркивала, что всѣ усилія Правительства направлены на скорѣйшій созыв У. С. Но лишь 25 мая было "опубликовано положеніе" об Особом

Совѣщаніи и началась работа Совѣщанія. "Сентябрь", таким образом, отдалялся на ноябрь. В Кіевѣ в Комитетѣ общ. организацій Керенскій мотивировал эту отсрочку другими соображеніями, чѣм тѣ, которыя выдвигали представители "цензовой общественности", — невозможностью предвыборной кампаніи в разгар сельско-хозяйственных работ.

Так или иначе совершена была величайшая, роковая и непоправимая тактическая ошибка революціи — совершена была и *bona fide* по догматикѣ государствовѣдов и *mala fide* по близоруким соображеніям оттянуть рѣшительный момент в надеждѣ на измѣненіе условій, при которых соберется рѣшающее законодательное учрежденіе. — Давленіе, которое в этом отношеніи на Врем. Правительство оказывали социально-экономическія привилегированныя группы, не подлежит сомнѣнію. В іюльскіе дни послѣ большевицкаго выступленія требованіе отсрочки У. С. становится общим мѣстом почти всей тогдашней правой общественности, опредѣленно высказывавшейся в этом отношеніи в частных совѣщаніях членов Гос. Думы. Совѣт Союза казачьих войск ходатайствовал

перед Керенским об отсрочкѣ выборов на срок "не ранѣ января" в виду "непрекращающагося на мѣстах большевицкаго и анархическаго движенія", которое дѣлает "совершенно невозможной правильную работу по подготовкѣ выборов"... Милюков считает (в "Исторіи") "политическим грѣхом" перваго коалиціоннаго правительства назначеніе выборов в У. С. в явно невозможный срок "в угоду лѣвым соціалистам"... Убѣжденіе, что "отложеніе созыва У. С. понизит то настроеніе, которое теперь имѣется", раздѣляли и в демократических кругах. Эту тезу, между прочим, развил в Совѣщаніи Совѣтов делегат Вологды Сѣров: Настроенія "огромный фактор" и поэтому затягивать созыв У. С. нельзя. Депутат из губерніи с развитой сѣтью кооперативных организацій вмѣстѣ с тѣм с нѣкоторым пессимизмом оцѣнивал революціонныя настроенія современной деревни, откуда война изъела наиболѣе сознательный элемент. Сѣров видѣл главную опасность со стороны деревенской женщины, которая в "большей части до сих пор еще плачет, что нѣтъ на престолѣ Николая Романова: онѣ говорят, что хорошо, чтобы царь, хоть плохенькій. но царь". Сѣров дѣлал отсюда лишь вывод, что "огромная работа" по строительству "но-

вой деревни" не терпит отлагательства.

Никто, конечно, не мог предвидѣть возможности разгона Учред. Собранія тѣми, кто требованіе скорѣйшаго его созыва превращали в свою агитационную платформу. Но не так трудно было предугадать роль, которую в выборах должны были сыграть "истинные представители революціоннаго народа" в Совѣтах. Для докладчика в Совѣщаніи Совѣтов трудовика Станкевича одна сторона вопроса рѣшалась "просто": "Совѣты Р. и С. Д. — говорил он — не могут на время выборов отказаться от роли наблюденія и контроля и обезпеченія правильности выборов"[\[562\]](#). Эта формальная задача представлялась докладчику столь важной, что он боялся усложнить ее другими задачами. Он ставил "под сомнѣніе" возможность для Совѣтов, как выразителей "мнѣнія російской демократіи", выступить на выборах в У. С. со "своей платформой, платформой блока(?) социалистических партій". Самостоятельное выступленіе "трудно примирило с функціей контроля", нуждается в "соглашеніи" с партіями, что и "сложно и щекотливо". — Докладчик от имени Исп. Ком. предлагал вопрос не рѣшать, а оставить его "открытым, не

связывая свободы мѣстных организацій"... Какой то злой ироніей отзывается тот факт, что рѣшеніе руководителей совѣтскаго центра, отнюдь не склонных удовлетвориться только ролью технических инструкторов в "избирательной кампаніи в Учр. Собрание, — рѣшеніе в обликѣ двуликаго Януса — должен был обосновывать представитель трудовой группы. Вмешательство Совѣтов в избирательную кампанію. наряду с политическими партіями, искажало лишь "волю народа", ибо фикціи выдавались за дѣйствительность.

Скорѣйшій созыв Учредительнаго Собранія был в интересах всей страны. Подобную мысль в іюльскіе дни в противность петербургским настроеніям высказали в Москвѣ "Русскія Вѣдомости", "Учредительное Собрание — писала газета — послѣдняя ставка для тѣх, кто не хочет гражданской войны"... "Если есть мирный выход, то он в Учредительном Собраніи". Старый, либерально-демократическій орган, очень близкій партіи к. д. по персональному составу своих руководителей в это время, но никогда не терявшій характера "независимаго органа свободной русской общественной мысли" (Розенберг). предпочитал выборы "не-

совершенные" отсрочкѣ "избирательной кампании". Мнѣ кажется этот вывод совершенно непреложным и в дни перваго революціоннаго Правительства. Быть может, глубоко прав замѣстившій Палеолога на посту французскаго посла в Петербургѣ Нуланс, написавшій в своих воспоминаніях, что Россія избѣгла бы октябрьскаго переворота, если бы не было отложено Учредительное Собраніе. Страна не могла жить мѣсяцами в революціонной лихорадкѣ только в ожиданіи. Каждый день ставил и новыя испытанія "самодержавію" Временнаго Правительства. Жизнь превращала в идеологическій мираж требованія не предвосхищать рѣшеній Учред. Собранія, как "выразителя народной воли". Такія требованія формулировал Ц. К. партіи народной свободы 6 мая в дни, послѣдовавшіе за апрѣльским правительственным кризисом. Отвлеченность "требованій" настолько была очевидна, что тот же Ц. К. партіи в своем заявленіи дѣлал оговорку, сводящую почти на нѣтъ принципиальную позицію, когда рѣчь шла о директивах членам, вступающим в коалиціонное министерство: "впредь до созыва" Уч. Собр., партія считала возможным "содѣйствовать проведенію в жизнь всѣх неотложных мѣропріятій" с цѣлью

"установленія разумной и цѣлесообразной экономической и финансовой политики, подготовки к земельной реформѣ, направленной к передачѣ земли трудовому земледѣльческому населенію" и т. д. "Неотложныя мѣропріятія", "разумная и цѣлесообразная экономическая политика" допускали широкое и субъективное толкованіе.

На восьмом съѣздѣ партіи к. д., который происходил в маѣ, т. е. тогда, когда Милюков покинул ряды Правительства и был лично в оппозиціи кабинету, создавшемуся на коалиціонной основѣ, он говорил, что Временное Правительство перваго состава, "созданное Думой и освященное силами революціи, пользовалось непререкаемым авторитетом". Временное Правительство слишком преувеличивало свою популярность — скажет Родзянко в воспоминаніях; оно видимые признаки единодушія приняло за реальность и это было "зловѣщей иллюзіей" — подведут итоги первые историки революціи. Одно мы можем сказать, революціонное правительство на горе странѣ не сумѣло в значительной степени по собственной винѣ воспользоваться той исключительной популярностью, которую ему дали настроенія

"мартовских дней". — Историк не сможет согласиться с записью в дневникѣ ген. Куропаткина под 18 марта о том, что "авторитет Временнаго Правительства" был "чрезвычайно мал".

В "Исторіи революціи", написанной Милюковым в обстановкѣ, казалось бы, недавних переживаній 17-го года, Временное Правительство представляется каким то комитетом по созыву Учредительнаго Собранія: "всѣ его очередныя мѣры были чисто формальныя и подготовительныя. Оно просто готовило условія для свободнаго выраженія народной воли в Учр. Собр., не предрѣшая по существу, как выразится эта воля относительно всѣх очередных вопросов государственнаго строительства — политических, социальных, національных и экономических". Едва ли это соответствовало дѣйствительности, и приходится усомниться в том, что руководящее ядро в Правительствѣ сознательно шло на политическое самоубійство[563].

Использованная Литература

Авдѣев. Первые дни февральской революціи. Прол. Рев. 13.

Авдѣев. Революція 1917 г. Хроника событий. 1923.

Алданов. Третье марта. Юбилейный сб. в честь Милюкова. Париж. 1929.

Александр Михайлович (в. кн.). Книга воспоминаний. Париж 1933 г.

Алексѣев Н. Рождение приказа номер первый. «Возрождение» № 2554, 1932 г.

Алексѣев (ген.). Из дневника Рус. Ист. Арх., т. I.

Андрей Владимирович (в. кн.). Дневник. Красный Архив XXVI.

Андреев. Из офицерских писем с фронта в 1917 г. Кр. Арх. L-LI. ,

Анэ. La Révolution Russe. Paris 1919.

Арбатов. Екатеринбург, 1917-22. Арх. Рус. Рев. XIII.

Блок. Последние дни императорской власти. 1921 г. (переп. в А. Р. Р. IV).

Болдырев. Из дневника, 1917 г. Кр. Арх. XXIII.

Борьба за октябрь на Артемщинѣ. Харьков 1929.

Боткина-Мельник. Воспоминанія о царской семьѣ. Бѣлград 1921.

Бош. Год борьбы — 1925 г.

Брамсон. К исторіи трудовой партіи. Пет. 1917.

Бубликов. Русская революція. Нью-Йорк 1918.

Булгаков. Революція на автомобилях. «На Чужой Сторонѣ», № 6.

Буржуазія накануне революціи. Ред. Граве, 1927.

Бьюкенен. Моя миссія в Россіи. Берлин 1924.

Васильев. Mes souvenirs. «Monde Slave». 1927.

Вершак. Революція на Кавказѣ. «Воля Россіи».

Верховное Командованіе в первые дни революціи. Кр. Арх. V.

Верховскій. Россія на Голгофѣ. Петр. 1918.

Верховскій. На переломѣ жизни. «Былое» № 27.

Верцинскій. Год революціи. Талин 1929.

Вильчковскій. Пребываніе Государя Императора в Псковѣ по разсказу ген. Рузскаго. Русская Летопись кн. 3.

Винберг. Крестный путь. Мюнхен 1922.

Витте. Воспоминанія. Берлин 1922.

Вишняк. Два пути. Париж 1931.

Вишняк, Lenin. Paris 1933.

Воейков. С Царем и без Царя. Гельсингфорс 1936.

Волконскій. Мои воспоминанія. Мюнхен 1923.

Воронович. Записки предсѣдателя Совѣта солд. депутатов. (Архив Гражданской войны, вып. II). Берлин.

Врангель. Записки. Ч. I. «Бѣлое Дѣло», кн. V.

Врангель Н. От крѣпостного права до большевиков. Берлин, 1924.

Гайстер. Всеподданѣйшій отчет Саратовскаго губ. Столыпина. Кр. Ар. XVII.

Галкин. Октябрьская рев. в Ростовском у. Ростов.

Генкина. Февральскій переворот. Очерк исторіи окт. рев. под ред. Покровскаго II — 1927.

Головин. Русская контр-революція. Париж 1937.

Головин. Внѣшнія усилія Россіи в мировой вой-

нѢ. Париж 1939.

Гольденвейзер. Кіевскія воспоминанія. Арх. Р. Рев. VI.

Горѣлов. На рѣках вавилонских. Берлин 1921.

Государственное Совѣщаніе. Архив Окт. Рев. 1930.

Горев. Предисловіе к книгѣ ген. Мартынова «Февральская Революція».

Градовскій. Шлиссельбургская каторга. «Былое» № 27-28.

Гурко I. Царь и Царица. Париж 1922.

Гурко В. Erinnerungen an Krieg und Revolution. Berlin 1920.

Гучков. Воспоминанія. «Послѣднія Новости».

Данилов (ген.). Мои воспоминанія об имп. Николаѣ II и в. кн. Михаїлѣ Александровичѣ. А. Р. Рев. XIX.

Данилов И. Воспоминанія о подневольной службѣ у большевиков. А. Р. Рев. XIV. .

Демидов. Царское Село 1 марта 17 г. «Посл. Нов.», 12 марта 1927.

Деникин. Очерки русской смуты.

Деникин. Об исправлениях истории. «Посл. Нов.», № 5712.

Дитерихс. Убийство царской семьи. Владивосток 1922.

Дробина. Приказ № 2. Кр. Арх. XXXVII.

Дубенский. Как произошел переворот в России. «Рус. Лѣт.», кн. 3.

Жеваков. Воспоминания. Мюнхен 1923.

Жильяр. Император Николай II и его семья. Вѣна 1931.

Заславский и Канторович. Хроника февральской революции. 1924.

Зволицкий. . .

Зензинов. Из жизни революционера, Париж 1929.

Иванов (ген.). Письмо Гучкову. Кр. Арх. XXIV.

Иванов. Увольнение Н. Н. Романова от должности верховного главнокомандующего. Кр. Арх. X.

Иностранные дипломаты о революции. Кр. Арх.

XXIV.

Ичас. 27 и 28 февраля 1917.г. «Посл. Нов.» 12 марта 1927 г.

Канторович. Фон Линде. «Былое» 24.

Карабчевский. Революция в России. Берлин 1921.

Катенев. Занятие департамента полиции. «Гол. М. (На Ч. С.)» № 6.

Каюров. Шесть дней Февральской революции. Прол. Рев. 13.

Кельсон. Мелодия Февральской революции. «Былое» № 29.

Керенский. Издалека. Париж 1922.

Керенский. La Révolution Russe. Paris 1928.

Керенский. La Verité sur le massacre des Romanoff. Paris 1936.

Керенский. L'Expérience Kerensky. Paris 1936.

Керенский. Февраль и октябрь. «Соврем. Записки».

Керсновский. История русской армии. Бѣлград 1938.

Кипченко и Чекотилло. Отчет комиссаров XI арміи. «Бѣлый Архив» кн. 1.

Кирпичников. Воспоминанія о л.-гв. Волынском полкѣ. «Былое» 1917, кн. 5-6.

Клейнмихель. Из потонувшего Міра. Берлин 1923.

Коковцев. Из моего прошлаго. Париж 1933.

Колчак. Допрос. 1925 г.

Кондратьев. Воспоминанія о подпольной работѣ. «Красн. Лѣт.» № 9.

Короленко. Отечество в опасности. (15 марта -1917 г.).

Короленко. Письмо к Протопопову. «Былое» № 20.

Краснов. Памяти Имп. Русской Арміи. «Русская Лѣтопись» кн. 5.

Крестьянское движеніе т. 1917 г. (1917 г. в документах). 1927.

Курлов. Гибель императорской Россіи. Берлин 1923.

Куропаткин. Из дневника (1917 г.). Кр. Арх. XX.

Легра. Memoires de Russia Paris 1921.

Лелевич. Февральская революція в бѣлогвардейском освѣщеніи. Прол. Рев. 13.

Ленин. Сочиненія, т. XIV (первое изданіе).

Лозинскій. Прол. Рев., № 69.

Ломоносов. Воспоминанія о мартовской революціи.

Лукаш. Преображенцы. Петр. 1917 г.

Лукомскій. Воспоминанія, т I. Берлин 1922.

Людендорф. Воспоминанія.

Львов Вл. Воспоминанія (напечатанныя страницы).

Маклаков. Отрывки ненапечатанных воспоминаній.

Маклаков. Préface aux Interrogat. par le Com. Ext. de 1917.

Максаков и Трунов. Хроника гражданской войны в Сибири. М. 1926.

Максимов. Воспоминанія анархиста. Лѣт. Революціи. Берлин.

Мансырев. Мои воспоминания о Гос. Думѣ.
«Ист. и Совр.» № 3.

Маркович. La Révolution Russe par une française,
Paris 1918.

Маргуліес. Год инервенції. Берлин 1923.

Марков С. Покинутая царская семья. Вѣна 1928.

Мартынов. Царская армія в февральском пере-
воротѣ. 1927 г.

Мартынов. Аграрное движеніе в 1917 г. по доку-
ментам Гл. Зем. Комитета. Кр Арх. XIV.

Массарик. Мірова революція. Прага 1926 г.

Махно.

Мельницкій. Воспоминания матроса. «Прол.
Рев.» 10.

Милюков. Исторія второй русской революціи.

Милюков. Россія на переломѣ, т. I.

Милюков. Первый день. «Посл. Нов.» 1927 г. 12
марта.

Милюков. Послѣдніе совѣты Царицы. «Посл.
Нов.», 23 февр. 1924 г.

Милюков. Гурко и новейшая история. «Посл. Нов.» 1924 г.

Милюков. Роковые годы. «Русскія Записки» XIX.

Милюков. Дневники. Кр. Арх. 51, 57.

Милюков. Суд над кадетским либерализмом. «Совр. Зап.», XLI.

Мельгунов. Золотой ключ к большевицкой революции.

Мельгунов. На путях к дворцовому перевороту.

Мельгунов. В годы гражданской войны.

Мельгунов. Трагедія адм. Колчака.

Мельгунов. Методы и выводы ген. Головина.

Мельгунов. Как большевики захватили власть.

Мельгунов. Гражданская война в освѣщеніи Милюкова.

Мордвинов. Отрывки из воспоминаний. «Рус. Лѣт.», № 5.

Мстиславскій. Гибель царизма. 1927.

Мстиславскій. Пять дней. Берлин 1922.

Мякотин. Великій переворот. М. 1917.

Набоков. Временное Правительство. Арх. Рус. Рев. I.

Набоков. Испытанія дипломата.

Наратов. «Кр. Лѣт.» 23.

Нарышкина. Дневник за 1917 г. «Посл. Нов.» 1936.

Никитин. Роковые годы. Париж 1937.

Николай II. Дневник. Кр Арх. XX.

Николай Мих. (в. кн.). Дневники. Кр. Арх. 49.

Нокс.

Нольде. L'Ancien Régime et la Révolution Russe. Paris 1928.

Нуланс. Mon ambassade en Russie soviétique, 1917-.19. Paris 1933.

Оамер. В дни революціи в Царскосельском дворцѣ. «Сегодня» 16 іюля 33 г.

Оберучев. В дни революціи. Нью-Йорк 1919.

Обзор положенія Россіи за три мѣсяца революціи. (Отчет Врем. Комитета) Кр. Ар. XV.

Октябрь в деревнѣ.

Отчет Оверменской Комиссии Сената. Соед. Шт. 1927.

Отчет о перлюстрации деп. полиции за 1908 г. Кр. Арх. XXVII.

Падение царского режима. Стенографический отчет допросов Чр. Сл. Ком. I-VII, 1926 г.

Палеолог. *La Russie des Tzars.*

Палъй. *Souvenirs de Russie 1916-19.* Paris 1923.

Переписка Н. А. и А. Ф. Романовых Предисловіе Покровскаго. М. 1925 г.

Переписка великих князей (Николая II и вел. князя) 1925 г.

Перетц. В цитадели русской революции. Петр. 1917.

Петрищев. 20 лѣт февральской революции. «Нов. Рус. Слово» март 37 г

Письма солдат, Кр. Арх. 64.

Плеханов. Год на родинѣ. Париж 1921.

Покровскій. Очерки революціоннаго движенія

1924.

Поливанов. Из дневников и воспоминаній. 1924 г.

Полнер. Жизненный путь кн. Львова. Париж 1932.

Половцов. Дни затменія. Париж.

Пронин. Послѣдніе дни Царской Ставки. Белград 1932

Протоколы Исп. Комитета Петр. Совѣта Р. и С. Д. 1925

Протопопов. Из дневника. Кр. Арх. X.

Пташкина. Дневник. Париж 1922.

Пуятина. Les derniers jours du Gr. Duk Mich. Al. Revue de deux Mondes. 1923.

Пѣщехонов. Первая недѣля. «На Чужой Стронѣ», № 1.

Пэрс. Предисловіе к книгѣ Керенскаго «La Verite».

Рабинович. Борьба за армію в 1917 г. 1930.

Рабинович. Тактика высшаго командованія в

февральской революции (письма Лукомского). Кр. Арх. 35.

Рабочее движение в 1917 г. (Арх. Окт. Рев.) 1926.

Разложение армии в 1917 г. 1925.

Раскольников. Кронштадт и Питер в 1917 г. 1925 г.

Рафес. Два года революции на Украинѣ. 1920.

Революционная пропаганда в армии 1916-1917 г. Кр. Арх. XVII.

Рейнгартен. Дневник 1917 г. Кр. Арх. XVI

Родзянко. Государственная Дума и февральская революция. А. Р. Рев. VI.

Родзянко. Письмо кн. Львову 18 марта. Кр. Арх. II.

Романовы в первые дни революции. Кр. Арх. XXIV.

Романовы и союзники. Кр. Арх. XVI.

Романовы Н. и А. Переписка. 1927.

Рубинштейн. Внешняя политика, Кереновщина. «Очерки окт. рев.» под ред. Покровского, т II.

Руднев. При вечерних огнях. Харбин 1928.

Русс. Русскій опыт. Париж 1921.

Савич. Отреченіе от престола имп. Николая П.
«Рус. Лѣт.» 3.

Садилов. Предисловіе к воспоминаніям Родзян-
ко. Арх. Р. Рев. XIII.

Сборник в честь Милюкова.

Селиванов. Дневник. Кр. Арх. IX.

Сергѣй Михайлович (в. кн.). Письма. Кр. Арх.
57.

Сидоров. Вліяніе имперіал. войны на економику
Россіи. Очерки к исторіи октябр. революціи.

Скобелев. 25 февраля — 3 марта. «Веч. Москва»

Смидович. Выход из подполья в Москвѣ. Пр.
Рев. 13.

Смирнов. Autour.

Совѣщаніе Совѣтов. (Арх. Окт. рев.).

Соколов. Убійство царской семьи. Берлин 1925.

Сорокин. Гвардейскій экипаж в февральскіе дни
17 г. «Кат. и Ссылка», № 81.

Ставка и мин. ин. д. Кр. Арх. XXX.

Станкевич. Воспоминанія. Берлин 1920.

Сторожев. Февральская Революція 1917 г.
«Науч. Изв.» 1922 г.

Струве. Размышленія о русской революціи.

Суханов. Записки о революціи. I и II. Берлин
1922.

Сухомлинов. Воспоминанія. Берлин 1924.

Телеграммы Ставки. С примѣчаніями Рузскаго.
«Рус. Лѣт.» кн. 3.

Тихменев. Из воспоминаній о послѣдних днях
пребыванія имп. Николая II в Ставкѣ. Ницца 1925.

Троцкій. Исторія русской революціи. Берлин,
1931.

Тхоржевскій. О Гучковѣ. «Возрожденіе».

Уфимское Совѣщаніе. Рус. Ист. Арх. Прага 1929.

Учредительное Собраніе (стеногр. отчет), 1917 г.
в документах. 1930.

Февральская революція 17 г. (Докумнты Став-
ки). Кр. Арх. XXI-XXII. '

Февральская революция и европейские социалисты. Кр. Арх. XVI.

Февральская революция в Петроградѣ (донесения в военную Комиссию Врем. Ком.). Кр. Арх. XII-XIII.

Февральская революция 1917 г. Частное Совеѣщание Гос. Думы. «Воля Россіи», 1921, № 153.

Февральская революция и Охранное Отдѣление. «Былое».

Хинчук. Из воспоминаний о февр. революци. Прол. Рев. 13.

Чебышев. Близкая даль.

Чернов. Рождение революционной Россіи. Париж 1934

Шамбрэн.

Шессэн.« La Révolution Russe (au pays de la Démence Rouge)» .Paris.

Шестаков. Совѣт Крест. Депутатов.

Шидловскій. Воспоминания. Берлин 1923.

Шкловскій. Сантиментальное путешествие. Берлин 1923.

Шляпников. Канун 1917 г.

Шляпников. Семнадцатый год. 1923-27 г.

Шляпников. Февральская революция и евр. социалисты. Кр. Арх. XV

Шляпников. Февральские дни в Петроградѣ. Прол. Рев. 13

Шредер. От самоуправления к Совѣтам. «Изв. Инст. Из. Россіи». Прага.

Штребель. Германская революция. Берлин 1921.

Штерн. В огнѣ гражданской войны. Париж 1922

Шульгин. Дни. Бѣлград 1925

Щеголев. Послѣдній рейс Николая II. 1928.

Югов. Совѣты в первый період революціи. (Очерки по исторіи окт. революціи. Под ред. Покровскаго) т. II. 1927.

Якоби. Le Tzar Nikolaï II et la Révolution. Paris 1931.

Яхонтов. Тяжелые дни. Арх. Рус. Рев. XVIII.

Энгельгардт. Революціонные дни. «Общее Дѣло» 1921 г.

Z. Послѣдніе совѣты. «Посл. Нов.». 30 апрѣля 1924.

Примечанія

[1]

Изложенные ниже факты с достаточной очевидностью свидѣтельствуют, что революціи всегда происходят не так, как онѣ представляются схоластическим умам. Поэтому и не жизненны современные измышленія всякаго рода «молекулярных теорій» революціонных процессов.

[2]

Дополненіем к ним может послужить очерк Шляпникова, посвященный «Революціи 17 г.», и Генкиной в коллективной работѣ по «Исторіи октябрьской революціи» (1927 г.).

[3]

Так выразился Милюков в своей исторіи революціи. Между тѣм, поскольку самочинно возникшій Временный Комитет выражал мнѣніе «цензо-

вой общественности», постолько и «самозванный» Совѣт мог считаться выразителем настроеній демократіи (соціалистической и рабочей массы). Термин «цензовая общественность», конечно, далеко не покрывал собой тѣ многочисленные элементы, демократическіе по своему составу, которые примыкали к «надклассовой» партіи народной свободы.

[4]

Между тѣм сам Шульгин высокога мнѣнія о своих заданіях — в книгѣ «1920 г.», он, между прочим, пишет: о русской революціи «будет написано столько же лжи, сколько о французской, и поэтому в высшей степени важно для нашего будущаго правдиво изобразить то, что... происходило перед нашими глазами».

[5]

Надо имѣть в виду, что Шляпников в эти дни работал в значительной степени на периферіи и был поглощен текущей работой (непосредственным участіем в «боевом» дѣйствии и мало интересовался вопросом, что из «этого выйдет»). Послѣ-

довательный «революціонизм» мѣшал ему, уже в качествѣ мемуариста, признать инициативу, исходившую от совѣтских кругов.

[6]

Надо признать, что появленіе на исторической авансценѣ представителей политической эмиграціи — «людей знанія», которых на мартовском съѣздѣ к.-д. привѣтствовал фактическій вождь тогдашней «цензовой общественности», — ничего положительнаго революціи не дало: слишком оторвались они от реальной русской жизни.

[7]

Вопрос о техническом правительственном аппаратѣ не так уже неразрѣшим на практикѣ. В 18 г. нѣмцы разрѣшили его просто, создав при социалистическом кабинетѣ «управляющих дѣлами» — Fachminister.

[8]

Таково же было ощущеніе и в Москвѣ. Первый предсѣдатель Совѣта Хинчук в своих воспоми-

наніях попытку посѣять панику приписывает «храбрым» интеллигентным «вождям» из Комитета Общ. Организаций и полученным свѣдѣніям о наступленіи Эверта с Зап. фронта, и противопоставляет растерянность «общественников» увѣренности рабочих, опиравшихся на то, что «воинскія части группами, полным составом» отдавали себя в распоряженіе Совѣта. Старый большевик, Смидович сдѣлал по этому поводу примѣчаніе: «Ничего подобнаго не было. Еще около недѣли в нашем распоряженіи были только тысячи полторы сброда (большинство без винтовок) да пара пушек без снарядов, кажется, без замков».

[9]

Легенду эту породило невѣрное сообщеніе, полученное председателем Думы Родзянко и сообщенное им ген. Рузскому на Сѣверном фронтѣ.

[10]

Для характеристики искренности мемуариста, которому 27-го «и пойти было некуда» (столь неожиданна для него была нарастающая февральская волна), можно привести такую выдержку из

записи Гиппиус 1марта: «По рассказам Бори (т. е. Андрея Бѣлаго), видѣвшаго вчера и Масловскаго и Разумника, оба трезвы, пессимистичны, оба против Совѣта, против «коммуны» и боятся стихіи и крайности».

[11]

Слова Ленина на апрѣльской конференціи 17 г. У Ленина издалека составилось весьма своеобразное представление о ходѣ революціи, оно совершенно не соответствовало истинному положенію дѣл. Он писал в своих «письмах издалека», напечатанных в «Правдѣ»: «Эта восьмидневная революція была, если позволительно так метафорически выразиться, «разыграна» точно послѣ десятка главных и второстепенных репетицій: «актеры» знали друг друга, свои роли, свои мѣста, свою обстановку вдоль и поперек, насквозь до всякаго сколько-нибудь значительнаго отгѣнка политических настроеній и приѣмов дѣйствія».

[12]

См. мои книги «На путях к дворцовому перевороту» и «Золотой нѣмецкій ключ к большевицкой

революціи».

[13]

Солдаты запасных частей, взятые от сохи или станка, преимущественно ратники второго разряда, «запертые в казармах ... плохо содержимые, скучающіе и озлобленные», как характеризует их быт ген. Мартынов, представляли «чрезвычайно благопріятную почву для всякой антиправительственной пропаганды» Они должны были содѣйствовать «успѣху революціи». Агент Охр. Отд. Крестьянинов доносит начальству о «контактѣ», существующем между рабочими и солдатами, у которых все «давно организовано» (правда это были только случайно подслушанные трамвайные разговоры). Скопление в городах этих запасных было чрезвычайное — так в Петербургѣ численность гарнизона доходила до 160 тыс. чел. (явление, обычное и для других городов - напр., в Омскѣ гарнизон состоял из 70 тыс. при 50 тыс. взрослого населенія). «Непростительная ошибка», скажет англійскій посол в своих воспоминаніях. Но, конечно, к числу легенд слѣдует отнести утверждение, что это сознательно было проведено тѣми, кто го-

товил «дворцовый переворот» (больш. историк Покровскій).

[14]

«Центральный большевицкій штаб ... поражает беспомощностью и отсутствием инициативы».- констатирует Троцкій.

[15]

В «Исторіи» Милюкова имѣется явное недоразумѣніе, когда воззванію Исп. Ком. 28-го. призывавшему население объединиться около Совѣта, приписывается мысль созданія самостоятельной совѣтской власти. Такая мысль была высказана в № 2 московских «Извѣстій» (3 марта) — официальном органѣ мѣстнаго Совѣта, редактируемом большевиком Степановым-Скворцовым. В статьѣ московскій Совѣт призывался к созданію временнаго революціоннаго правительства — не для того проливалась на улицах кровь, чтобы замѣнить царское правительство правительством Милюкова-Родзянко для захвата Константинополя и т. д. Статья прозвучала одиноко и никаких послѣдствій не имѣла. Большевицкіє историки должны

признать, что подобные лозунги в тѣ дни «успѣха не имѣли» и остались «висѣть в воздухѣ».

[16]

Пѣшехонов, котораго «влекло туда, в народ, в его гущу», и который испытывал почти отвращеніе («становилось тошно») от мысли, что ему придется работать в «литературной комиссіи», куда он, наряду со Стекловым. Сухановым и Соколовым, был избран накануне, предпочел, к сожалѣнію, отойти от центра и взять на себя комиссарство на Петербургской сторонѣ.

[17]

Плеханов имѣл в виду Милюкова и Родзянко. Оппонируя Церетели, Милюков говорил: «Невѣрно, что своей побѣдой революція обязана неорганизованной стихіи. Она обязана этой побѣдой Гос. Думѣ, объединившей весь народ и давшей санкціи перевороту». Родзянко указывал, что «страна примкнула к Гос. Думѣ, возглавившей ... движеніе и, тѣм самым принявшей на себя и отвѣтственность за исход государственнаго переворота».

[18]

«Вѣдь это была Дума 3 іюня, — писал, напр., Миллюков, в день десятилѣтія революціи, — Дума с искусственно подобранным правым крылом, а в своем большинствѣ «прогрессивнаго блока» лояльная Дума, «оппозиція Его Величеству»— явно для возглавленія революціи она не годилась».

[19]

Сама Гиппиус полагала: «Боюсь, что дѣло гораздо проще. Так как ... никакой картины организованнаго выступленія не наблюдается, то очень похоже, что это обыкновенный голодный бунтик. Без достоинства бунтовали—без достоинства покоримся».

[20]

Частное Совѣщаніе было намѣчено заранѣе и ни в какой связи, вопреки утверженій Шульгина. Керенскаго и др., с указом о роспускѣ, полученным Родзянко наканунѣ под вечер не стояло.

[21]

Насколько легенда прочно укоренилась в сознании современников видно из телеграфнаго отвѣта редакціи «Рус. Вѣд.» на запрос лондонской газеты «Daily Chronicle», который гласил, что Дума отказалась подчиниться указу о роспускѣ.

[22]

В воспоминаніях Шидловскаго предложеніе Некрасова охарактеризовано словами «военная диктатура», по Мансыреву это было (предложеніе президіуму Думы ѣхать немедленно к предсѣдателю Совѣта Министров и просить о надѣленіи Маниковскаго или Поливанова (эти кандидатуры были выдвинуты по отчету «Воля Россіи» октябристом Савичем) «диктаторскими полномочіями для подавленія бунта».

[23]

По словам того же мемуариста, Шингарев был в негодованіи: «подобныя вещи могут дѣлать лишь нѣмцы, наши враги».

[24]

Бюро прогрессивнаго блока было дополнено депутатами лѣваго сектора и вышедшими ранѣе из блока «прогрессистами». В Комитет вошли Родзянко, Милюков, Некрасов, Дмитрюков, Шидловскій, Шульгин, Львов Вл., Караулов, Ржевскій, Коновалов, Керенскій и Чхеидзе.

[25]

Это воспоминанія Кирпичникова, сколько протокол опроса, сдѣланнаго в полковом комитетѣ.

[26]

В иных работах Преображенскій полк появляется в Таврическом уже 26-го, при чем солдаты заявляют, что царь низложен и они себя во власть Думы (Зворыкин). Русскіе лапсусы породили ошибки и у иностранных обозрѣвателей, которые представляют возставшіе полки в порядкѣ (как «на парадѣ») вступающими на революціонную стезю, напр. Измайловскій полк в изображеніи Chessin.

[27]

В с.-д. журналѣ «Мысль» позже в 19 г. появилась статья Кричевскаго в которой на основаніи каких-то документов излагался план, выработанный еще раньше, в предшествующіе дни уличных волненій в штабѣ Преображенскаго Полка, о выступленіи в понедѣльник утром (т. е. 27-го) с цѣлью с оружіем в руках добиваться осуществленія министерства довѣрія. Полк отдавал себя в распоряженіе Гос. Думы, предполагались арест правительства и отреченіе Императора. Солдаты соотвѣтственно были информированы, и план 27-го начал осуществляться, но выступленіе оказалось уже запоздалым, так как народ стихійным порывом предупредил осуществленіе заговора.

[28]

Он добавлял: «прочел статью в англ. журналѣ «New Statements»; там прямо говорится о бывших попытках заключить сепаратный мир, а про Протопопова что он «организовал бунт».

[29]

Интересно как опредѣлил дневник «лозунги» происшедших безпорядков: «война до побѣды», «долой Императрицу», «дайте хлѣба».

[30]

Некрологическое преувеличеніе роли, сыгранной 27-го Линде, не имѣет значенія. Этот молодой философ-математик, цѣликом отдавшійся порывам «историческаго мгновенія», трагически погиб в качествѣ военнаго комиссара на фронтѣ под ударами разнузданной солдатчины в дни подготовки юньскаго наступленія.

[31]

Как далеко это от той уличной толпы, которую изобразил 27-го перед Думой в своем «селянском» увлеченіи Чернов — толпа, от которой пахло «дегтем, овчиной и трудовым потом».

[32]

Не только Станкевича, но и Пѣшехонова поразили «тишина и безлюдіе», которія он нашел в

Таврическом дворцѣ, куда он пришел в 9 1/2 час. вечера, идя уже по пустым улицам города с далекой Петербургской стороны. Шел Пѣшехонов я о Литейному мимо пылающаго еще зданія Судебных Установленій и встрѣчал только «отдѣльных прохожих».

[33]

Милюков изображает его объединенным засѣданіем Временнаго Комитета и Временнаго Правительства, при чем добавляет, что Вр. Пр. охотно пошло на обсужденіе условій, выдвинутых Совѣтом. Надо ли говорить, что в момент когда происходило засѣданіе, Врем. Прав, еще не было сконструировано хотя и были уже намѣчены лица, которыя должны были в него войти.

[34]

Воспоминанія Керенскаго. дѣйствительно, показывают, что он плохо вникал в то, о чем говорилось, поэтому так легко на страницах его повѣствованій появляются необоснованныя утвержденія, в родѣ того, что, напр., программа соглашенія «демократіи» и «цензовиков» предваритель-

но была выработана думским Комитетом.

[35]

На совѣщаніи присутствовал и предсѣдатель Совѣта Чхеидзе, входившій в состав думскаго Комитета, но роль его в часы ночного бдѣнія на 2-е марта совершенно неясна.

[36]

Напр., в біографіи кн. Львова, написанной Полнером.

[37]

Этот человек вообще спѣшил с инициативой — по записи Гиппиус ему приписывается и редакція согласительных пунктов, написанных будто бы его собственной рукой.

[38]

Еще днем Суханов совмѣстно со Стекловым составил воззваніе к солдатам против самосудов и насилій над офицерами. Оно не было напечатано в «Извѣстіях», так как наборщики, отказались наби-

рать его, найдя, что оно стоит в нѣкотором «протіворѣчіи» с одновременно набравшимся «приказом № 1». Так, по крайней мѣрѣ, говорит Суханов.

[39]

Сцену увода Керенским Соколова (а не всѣх делегатов) для частной бесѣды, отмѣчает в воспомінаніях и Вл. Львов, ставя это внушеніе в связь с «приказом № 1», к составленію котораго Соколов был причастен (см. ниже). Возможно, что это было по линіи масонства, связывавшей обоих дѣятелей лѣваго крыла тогдашней предреволюціонной общественности. (См. мою книгу «На путях к дворцовому перевороту»).

[40]

«Праздничное, радостное возбужденіе» Пѣшехонов у себя на Петербургской сторонѣ отмѣтил раньше — 27-го.

[41]

Любопытно, что Булгаков, оказавшись в писа-

тельской средѣ Мережковскаго, нашел, что он «в первый раз сталкивался за эти дни с таким мрачным взглядом на судьбу революціонной Россіи». Дневник Гиппиус, если он точно в своих записях передает тогдашнія настроенія своего автора, отнюдь не дает достаточнаго матеріала для безнадежнаго пессимизма. Возможно, что «дѣтски сіяющій», по выраженію писательницы, толстовец нѣсколько переоцѣнил законный скепсис язвительнаго Антона Крайняго по поводу «кислых извѣстій о нарастающей стихійности и враждѣ Совѣтов и думцев»... Гиппиус признается, что навел на них ужаснѣйшій мрак» пришедшій «в полном отчаяніи и безнадежности» в 11 час. веч. из Думы никто иной, как будущій лѣвый с.-р. Иванов-Разумник: он с «полным ужасом и отвращеніем» смотрѣл на Совѣт. Позже Иванов-Разумник, в страничкѣ воспоминаній, напечатанной в партійном органѣ «Знамя», заявлял, что это он попал в «штаб-квартиру будущей духовной контр-революціи».

[42]

Характерно, что воспоминанія о своего рода

пасхальных настроеніях проходят во множествѣ мемуарных откликов: в Кіевѣ всѣ поздравляли друг друга, как «в свѣтлый Христов день» (Оберучев).

[43]

Эти статьи и составляют как бы подневную записку мемуариста, принадлежавшаго к буржуазной средѣ и освѣщавшаго событія с извѣстной тенденціей.

[44]

Эту сентиментальную сцену нельзя не сопоставить с послѣдующей трактовкой тогдашняго «душевного состоянія» лидера цензовой общественности, данной Алдановым в историческом этюдѣ «Третье марта», который был напечатан в юбилейном сборникѣ в честь Милюкова, Писатель говорит (как будто бы со слов самого Милюкова) о «ужасных подозрѣніях» Милюкова, которыя в «глубинѣ души» шевелились — вел ли он политическіе переговоры с представителями «революціонной демократіи или перед ним были «германскіе агенты» (!).

[45]

Однако, по словам того же мемуариста, нѣчто в этом родѣ пришло в голову через нѣсколько дней члену Гос. Думы казаку Караулову. Он задумал «арестовать всѣх» и объявить себя диктатором. Но, когда, он повел такія рѣчи в одном наиболѣе «надежном полку», он увидѣл, что, если он не перестанет, то ему самому не сдобровать.

[46]

В свое время это организующее значеніе отмѣтил Милюков, относившійся с рѣзким отрицаніем к захватническим тенденціям руководителей Совѣта.

[47]

Яркій примѣр того, как позднѣйшіе біографы неточно передают настроенія своих героев в смутные дни революціи. В упомянутой юбилейной памяткѣ Алданов пишет о Милюковѣ: «Со своим обычным видом «смотрять бодро» он говорил солдатам об открывающейся перед Россіей новой свѣтлой жизни, и видѣніе близкой гибели Россій-

скаго государства складывалось в нем все яснѣе».

[48]

Это не было и специфической чертой интеллигенціи. В одном из послѣдующих документов революціи (доклад депутатов в Врем. Комитетѣ о поѣздках в провинцію) зарегистрирован яркій бытовой облик деревенскаго оратора, пріѣхавшаго из центра односельчанина: «говорит, говорит — уморится; сядет, закроет глаза и сидит, пока не отойдет немного, отошел — начинает, пока опять из сил не выбьется».

[49]

В такое полуобморочное состояніе Керенскій в эти дни необычайнаго нервнаго напряженія впадал довольно часто, и это, как говорят всѣ, производило на толпу сильное гипнотизирующее впечатленіе.

[50]

Термин, появившійся значительно позже.

[51]

В разсказѣ о Петропавловской крѣпости, в котором Ш. повѣствует о своих личных подвигах, он также безнадежно спутал, приписывая себѣ то, чего не было. Опускаем этот эпизод, непосредственнаго отношенія к темѣ не имѣющій.

[52]

В телеграммѣ Родзянко просил свиданія. «Телеграмма эта, — утверждает Ломоносов, — была передана под личным моим наблюдением в Царскій поѣзд под расписку Воейкова, но отвѣта не послѣдовало».

[53]

Ломоносов передает красочную сцену, как он, приставив револьвер «к животу» инж. Устругова, будущаго тов. мин. революціоннаго правительства, побуждал послѣдняго осуществить план перерыва движенія.

[54]

Ломоносов пишет, что он воспроизводит запись

17-го г., но в момент опубликованія воспомінаній он был уже «большевиком», хотя и в «генеральских погонах» и, слѣдовательно, в текстѣ охотнѣе «подчеркнул бы самодѣятельность пролетаріата.

[55]

«Значеніе этой причины необходимо для дальнѣйшей нашей бесѣды». — отмѣтил Рузскій, указывая, что он был «глубоко опечален», узнав, что предположенная встрѣча Царя с предсѣдателем Думы, о чѣм он узнал непосредственно от Царя, не состоится — встрѣча, предвѣщавшая «возможность соглашенія и быстрого умиротворенія родины».

[56]

Эти железнодорожники, стоявшіе на стражѣ революціи, могли олицетворяться в добровольном помощникѣ Бубликова, б. счетоводѣ службы сборов Сѣв.-Зап. ж. д., большевикѣ по партійной принадлежности, Рулевском, находившимся в непосредственных связях с совѣтскими кругами.

[57]

Характерно, что Бьюкенен, связанный довольно тѣсно с лѣвым сектором думскаго комитета, сообщая 1 марта в Лондон Бальфуру, что Дума посылает в Бологое делегатов, которые должны предъявить Императору требованіе отречься от престола в пользу сына, тѣм не менѣе дѣлает оговорку: «если Император останется на престолѣ».

[58]

Основываясь на выше процитированных словах из воспоминаній Шульгина, Щеголев желает безуспѣшно доказать, что Родзянко пытался проникнуть к Царю «по собственному почину, без совѣщанія со своими коллегами по Исп. Ком. Гос. Думы», и что должен был «раскрыть свои карты, когда, по распоряженію Исп. Ком. Сов. Р. Д. ему, всемогущему Родзянко, не дали поѣзда».

[59]

Очевидно, прис. пов. Иванов.

[60]

Кир. Влад. в отвѣтъ жаловался, что «Миша, не смотря на мои настойчивыя просьбы работать ясно и единомышленно с нашим семейством, прячется и только сообщается секретно с Родзянко».

[61]

Так и понял Рузскій, передавая в Ставку Алексѣеву свой разговор: «династическій вопрос поставлен ребром, и войну можно продолжать до побѣдоноснаго конца при исполненіи предъявляемых вновь требованій относительно отреченія от престола».

[62]

Термин «лѣвый», конечно, можно примѣнять лишь относительно, ибо к этому сектору принадлежат такіе люди, как Гучков и Шульгин, не говоря уже о прославленном Вл. Львовѣ, такую ядовитую характеристику котораго дал Шидловскій: «Человѣкъ неуравновѣшенный до ненормальности. Ему во всякую минуту могла придти любая мысль, утром — лѣвая, вечером — черносотенная, и он

всецѣло ей отдавался до слѣдующей смѣны мысли». Родзянко был внѣ этого «лѣваго» сектора, но, конечно, права была в тогдашней записи Гиппиус: имя Родзянко «ровно столько же не пользуется довѣріем демократіи, сколько имена Милюкова и Гучкова».

[63]

«Что ... говорят о Государѣ?» — спросил ген. Дубенскій какого-то полковника, прибывшаго в Псков 2 марта с первым поѣздом из Петрограда послѣ революціонных дней. «Да о Государѣ почти ничего не говорят», — отвѣтил полковник.

[64]

Намек на убійство Распутина.

[65]

Палеолог рассказывает, что 28-го в 5 час. дня его посѣтил человек, высоко стоящій на іерархической лѣстницѣ бюрократіи, нѣкто К. (Коковцев?), заявившій, что он прибыл к нему по порученію Родзянко для того, чтобы узнать мнѣніе

посла по поводу проекта думскаго комитета о монархіи.

[66]

В эту ночь при объѣздѣ города Гучковым в его автомобилѣ был убит кн. Вяземскій, давній единомышленник Гучкова и соучастник в подготовкѣ послѣдняго дворцоваго переворота. Вяземскій погиб от одной из тѣх случайных «шальных пуль», которых было много в тѣ дни в Петербургѣ. Эту версію без всяких каких-либо оговорок передавал мнѣ лично и сам Гучков.

[67]

В это цѣликом увѣровал, напр., Чернов, в качествѣ историка революціи.

[68]

Свидѣтели, бывшіе в Псковѣ, утверждают, что документ, привезенный думскими делегатами, был написан рукою Шульгина. Не очень можно довѣрять мемуаристу с такой ослабленной памятью в отношеніи собственных дѣйствій.

[69]

Распространившаяся в Думѣ молва и вызвала, вѣроятно тѣ недоброжелательно-скептическіе разговоры, которые услышал Набоков 2 марта в Таврическом дворцѣ.

[70]

Повседневность записей в «дневникѣ» Палеолога должна приниматься весьма относительно. Ясно, что многія записи дѣлались задним числом: так не мог Палеолог в полночь 1-го марта получить сообщеніе о «секретном» засѣданіи представителей «либеральных партій», на котором в отсутствіе социалистических депутатов во Врем. Ком. рѣшался по предложенію Гучкова вопрос о будущей формѣ правленія и было принято рѣшеніе о немедленной поѣздкѣ в Псков, чтобы добиться от Царя добровольнаго отреченія.

[71]

«В то время, — пояснял очень обще в Комиссіи Гучков — были получены свѣдѣнія, что какіе-то эшелоны двигаются к Петрограду. Это могло быть

связано с именем Иванова, но меня это не особенно смущало, потому что я знал состояніе и настроеніе арміи и был убѣжден, что какая-нибудь карательная экспедиція могла, конечно, привести к 'нѣкоторому кровопролитію, но к возстановленію старой власти она уже не могла привести».

[72]

Чхеидзе вообще не принимал почти никакого участія в работах Врем. Ком., но вовсе не отказывался от званія члена Комитета, как утверждал Гучков.

[73]

Привожу, конечно, перевод.

[74]

Далѣ Керенскій говорит, что делегаты выѣхали около 4 час. дня.

[75]

«Не возражали ли вы против принятія формы республиканскаго правленія сразу» — настаивал

Соколов. — «Да там и рѣчи об этом не было... По этому вопросу выказываться не приходилось. Со стороны Исп. Ком. это предъявлено не было. Я помню, я возражал по нѣкоторым вопросам, касающимся арміи и смертной казни».

[76]

Из этих слов Гучкова вытекает, что возраженіе Керенскаго в смыслѣ нарушенія «полномочій» относилось только к воцаренію в. кн. Михаила.

[77]

Нам предстоит впредь не раз цитировать указанную запись в дневникѣ Андрея Вл. Этот дневник выдѣляется среди других добросовѣстностью и точностью в изложеніи фактов, нам извѣстных.

[78]

Автор рассказывает, как грабителя переодѣвались солдатами для того, чтобы имѣть свободу дѣйствія. Образныя иллюстраціи подобных «обысков» по квартирам можно найти в воспоминаніях Кельсона и др. Не слѣдует, однако, преуве-

личивать роль этих «полчищ» уголовных. Характерна, напр., московская статистка, не отмѣтившая увеличенія преступности за март по сравненію с отчетами прошлаго времени («Р. В.»). И уголовный мір подвергся в извѣстной степени облагораживающему мартовскому психозу. Чего стоит, напр., одно сообщеніе о революціонной идилліи в Одессѣ, как начальник разбойнической шайки Котовскій, приговоренный к каторгѣ, отпускается из тюрьмы «под честное слово» для предсѣдательства на «митингѣ уголовных». (Впрочем, возможно, что газетное сообщеніе и приукрасило дѣйствительность, и Котовскій не то «разбойник», не то «анархист», прославившійся в большевицкія времена, был просто освобожден толпой из разгромленной тюрьмы — газеты передавали, что из 2.200 бѣжавших арестантов 1.600 вернулась). Но и через полгода уѣздный комиссар из Раненбурга доносил правительству, что в «знаменитой Братовкѣ» (Нарышкинской вол.), «извѣстной своими ворами», в дни революціи краж не было, потому что на сходѣ «дана была клятва: кражи прекратить».

[79]

Агрессивность толпы можно было бы прекрасно охарактеризовать рассказом небезызвѣстнаго Авалова-Бермонта, появившагося в столицѣ на другой день революціи, в самый разгар уличных столкновений, если бы все повѣствованіе мемуариста не вызывало сомнѣній — он даже дату революціи плохо запомнил: для него «роковым днем» является 26 февраля. Бермонт уложил из мѣстѣ перваго же солдата, который пытался его обезоружить, взял извозчика и встав на пролеткѣ с револьвером в руках, без больших затруднений выскользнул из окружавшей толпы. Храбрый мемуарист негодует на тѣх типовых героев, с которыми он встрѣтился в Петербургѣ, и которые носили офицерское званія, но забыли о воинском долгѣ.

[80]

Общее число нѣсколько больше — 1.656, но, по словам Мартынова, сюда были включены заболѣванія, который на счет революціи поставлены быть не могут (малокровіе и пр.!!). В газетах эти заболѣванія болѣе правдоподобно были отнесены к числу «нервных потрясеній».

[81]

Среди «181» имена многих остались «неизвѣстными».

[82]

Но совершенная, конечно, ерунда, что для устройства «похорон жертв революціи собрали из больниц тѣла китайцев, умерших от тифа. Об этих покойниках-«революціонерах» говорит Мельник-Боткина, повторяя злостную пародію нѣкоторых современников.

[83]

Провінція нам может дать много примѣров того, что можно назвать революціонной идилліей. Напр., в Екатеринославѣ помощник полицеймейстера полк. Бѣлоконь шел во главѣ манифестаціи 3 марта; в Бахмутѣ полиція охраняла порядок в аналогичной манифестаціи; в Харьковѣ губернатор объявил 4-го, что всякое выступленіе против новаго правительства будет «всемѣрно преслѣдоваться и караться по всей строгости закона»; курьезно, что о «привлеченіи к отвѣтственно-

сти» врагов новаго строя говорил никто иной, как мѣстный начальник жандармскаго управленія.

[84]

Драма в Лугѣ 1 марта (в этот день Луга, пережила то, что Петербург пережил 28-го) может явиться довольно доказательной иллюстраціей. Вот как она изображена в воспоминаніях Вороновича. Я вынужден отбросить всѣ характерныя детали, объясняющая обстановку, в которой произошел арест Менгдена группою солдат разрозненных частей, преимущественно артиллеристов новобранцев, при попустительствѣ кавалергардов, среди которых «наш старик» пользовался значительными симпатіями. Мотив ареста был тот, что нужно арестовать офицеров «из нѣмцев» по подозрѣнію в шпіонажѣ. Подлежали аресту по приготовленной «записочкѣ»: фон Зейдлиц, бар. Розенберг, Собир, Эгерштром и гр. Клейнмихель. Первые трое, оказавшіеся в управленіи, были, взяты на поруки кавалеристами и оставлены на свободѣ. Полк. Эгерштром и ротм. Клейнмнхель были приведены на гауптвахту, гдѣ был заключен ген. Менгден, как не признающій новаго революціоннаго правитель-

ства. Воронович подчеркивает, что Эгерштрома и Клейнмихеля «ненавидѣли всѣ солдаты пункта» (Клейнмихель наканунѣ приказал «всыпать сто розог» за неотданіе чести). Вызывающее поведеніе арестованных, т. е. угрозы со стороны их в отвѣт на «глумленіе» солдат, вызвали самосуд, жертвой котораго сдѣлался и Менгден... «Убійство Менгдена — говорит Воронович — произвело на солдат удручающее впечатлѣніе. Я слышал, как многіе предлагали немедленно разыскать убійцу старика и расправиться с ним». Что касается Штакельберга, то здѣсь была и нѣкоторая специфичность в обстановкѣ. По разсказу кн. Путятиной, жившей в сосѣднем домѣ, старик генерал со своим деньщиком оказали вооруженное сопротивление «в теченіе нѣскольких часов» толпѣ солдат, пытавшейся проникнуть в дом.

[85]

«Страх» и «неувѣренность» отмѣчает и упомянутая выше протокольная запись опроса в Волынском полку. «Стадо баранов» скажет про перепуганных запасных старик Врангель.

[86]

Трудно определенно решить этот вопрос, хотя во всей литературе, начиная с советской «хроники» революционных событий, приказ этот цитируется, но среди опубликованных официальных документов (два воззвания временного Комитета, помеченные 27-м) его нет. Нельзя забывать, что типографская техника в первую ночь еще так плохо была налажена, что одно из первых советских обращений, предлагавшее населению приютить и накормить возставших солдат, распространялось по городу в литографированном виде.

[87]

В воспоминаниях (с обычной неточностью) можно найти отклик закулисной борьбы, происшедшей в собрании. В Исп. Ком. «явились возбужденные офицеры» — рассказывает Суханов — которые жаловались «на злостное искажение их позиции, так как из Временного Комитета, куда доставлена была резолюция, она пошла в печать уже без Учредительного Собрания». «Я прочел резолюцию (т. е. «проект) — вспоминает Шульгин — и кратко объяснил, что говорить об Учр. Собрании

не нужно». Делегаты обѣщали «вычеркнуть и провести это в собраніи». Однако, резолюція с Учр. Собр. была проведена единогласно. Родзянко, относя резолюцію на 3-ье марта, говорит, что собраніе («в числѣ около ста тысяч человек») так и напечатано в гессеновском «Архивѣ») вынесло «самыя рѣзкія резолюціи до требованія ареста имп. Николая II» — «многочисленная депутация явилась ко мнѣ(тогда во Врем. Ком. с цѣлью поддержать резолюціи и с трудом удалось успокоить взволнованную до невозможности публику». Резолюція была напечатана с упоминаніем об Учредительном Собраніи и, вѣроятно, она оказалась не без вліянія на то «новое теченіе», которое к вечеру перваго марта стало намѣчаться в руководящих кругах «цензовой общественности».

[88]

По словам солдата-большевика Сорокина, принадлежавшаго к составу Гвардейскаго Экипажа, «революціонная осанка» в. кн. Кирилла шла будто бы так далеко, что он сам, взяв винтовку, отстрѣливался от «городовых» — воображаемых и невидимых врагов.

[89]

Подлиннаго текста энгельгардтовскаго приказа я не мог найти. Даже дата его остается сомнительной, ибо многіе из упоминающих о нем относят его к 28-му, не к первому, что, пожалуй болѣе соотвѣтствует обстановкѣ.

[90]

Весьма большое, конечно, »преувеличеніе допустили составители «Хроники февральской революціи» в утвержденіи, что «к 4 часам 27 февраля весь город за исключеніем Адмиралтейства, Зимняго дворца и Петропавловской крѣпости находился во власти возставших».

[91]

Военныя училища, которыя старое правительство не считало возможным привлекать к подавленію уличных беспорядков, были в февральскіе дни на положеніи «нейтральных» (Мстиславскій). Правильно было бы сказать о положеніи колебательном: один из документов военной комиссіи, помѣченный 6 ч.50 м. утра перваго марта, гласит,

напр., что павловское училище «располагалось, может быть, даже выступить против».

[92]

При отсутствіи матеріала приходится воздерживаться от слишком категорических толкованій, к которым склонны комментаторы большевицких изданій, и связать диктаторскія тенденціи Караулова (если только вѣрить указаніям Шульгина) с попытками использовать Преображенскій полк.

[94]

Стеклов, очевидно, имѣл в виду упомянутое объявленіе Энгельгардта.

[95]

Человѣк иного лагеря, сын члена Гос. Думы Алексѣев, тогда еще студент Петербургскаго университета, в статьѣ «Рожденіе приказа номер первый» (с подзаголовком «из дневника»), напечатанной в 32 г. на столбцах эм. газеты «Возрожденіе», развил противоположный взгляд на происхожденіе этого документа. Он утверждал, что сам

присутствовал 28-го в Таврическом дворцѣ, когда «рабочіе и солдатня, представители революціоннаго Петербурга и германскаго ген. штаба создавали «приказ № 1». Алексѣев видѣл отпечатанный на машинкѣ оригинал текста с карандашными и чернильными поправками разными почерками, «заготовленный не в помещеніи Думы » принесенный Кливинским. В его присутствіи оригинал текста по использованіи почему-то был инициаторами передан депутату Караулову, с которым представители революціонной демократіи не были в добрых отношеніях. Глаза Алексѣева вообще в то время видѣли слишком много, а рука его это многое занесла в «дневник». Явившись утром или в ранніе дневные часы в Думу, он застал «необычайное зрѣлище» превращенія Таврическаго дворца в «цитадель» — спѣшно свозилось продовольствіе, заготовляли ручныя гранаты. Вокруг в углах и на балконах говорились рѣчи, «ежеминутно» приводились арестованные и т. д. На этой неудержимой фантастикѣ слишком богатой (памяти очевидца останавливаться, конечно, не стоит. Отмѣчаем ее, как послѣднее (хронологически) выраженіе другой версіи происхожденія «приказа № 1», сдѣлавшейся также общим мѣстом в мемуарах,

вышедших из среды представителей «цензовой общественности» 17 г. Там царит на основаніи «внутренняго убѣжденія» вѣра в германское происхождение приказа, осуществленнаго через посредничество особой «подпольной организаціи» (Гучков, Родзянко, Шидловскій и др. — даже отчасти Миллюков). У таких «историков» революціи, как Якобій, «приказ № 1», являющій собой выполнение обязательств перед германским ген. штабом, цѣликом и проредактароваи послѣдним.

[96]

В записи 17 г. Энгельгардт говорит о выборных солдатах, пришедших «приблизительно от 20 различных частей».

[97]

В записи 17 г. значитя: «приказ, проектированный ими, много меньше затрагивал основы военной (дисциплины, чѣм приказ № 1, и касался лишь выборов младших офицеров и установленія нѣкотораго наблюденія солдат за хозяйством в частях войск».

[98]

В записи 17 г. Энгельгардт свидѣтельствовал, что вопрос был обсужден в засѣданіи Врем. Комитета.

[99]

В записи 17 г. говорится, что предложено было принять участіе в разработкѣ Энгельгардту, как предсѣдателю военной комиссіи Кстати сказать, что он уже им не был. Функціи предсѣдателя принял, Гучков, назначив своим помощником ген. Потапова.

[100]

Мы видим, как далек Керенскій от дѣйствительности, когда утверждает, что «приказ № 1 был опубликован в отвѣт (?) на распоряженіе Энгельгардта.

[101]

Не менѣе рѣзко выразился на совѣщаніи членов Гос. Думы 18 іюля крайне поправѣвшій за дни революціи депутат Масленников — он говорил о

«проходимцах», засѣдавших в Исп. Ком. С. и Р. Д. и проявивших изданіем «приказа № 1» не то «подлость», не то «безуміе»..

[102]

Косвенное подтвержденіе можно найти в воспоминаніях Гучкова, который отнес разработку «приказа» на ночь, когда он возвращался из Пскова.

[103]

Побасенка от том, что «приказ № 1» явился актом «временнаго правительства», настолько прочно укоренилась в сознаніи нѣкоторых кругов, что ее через много лѣт повторил в воспоминаніях в. кн. Александр Мих., а придворный исторіограф ген. Дубенскій так опредѣленно знал, что Алексѣев «полтора часа» уговаривал Гучкова не опубликовать этого «приказа». Военную среду донельзя раздражали заявленія представителей революціонной демократіи. что они в свое время вынуждены были обстоятельствами издать приказ № 1.

[104]

Сам Иванов выѣхал позже, и его вагон был прицѣплен к эшелону в Оршѣ. Этот факт, как мы увидим, он позже и пытался при допросѣ в Чр. Слѣд. Комиссіи использовать, как доказательство того, что никакой карательной экспедиціи не было.

[105]

По разсказу Ломоносова Иванов требовал пропустить до Ц. С. с отдѣльным паровозом только один его вагон. Думскій (комиссар Бубликов запросил Врем. Ком. и получил будто бы приказ: «пропустить». Несуразность этого разсказа столь очевидна (Иванов прибыл в Царское со всѣм своим отрядом), что ген. Мартынов вольно или невольно сдѣлал подмѣну и говорит, что по инструкціи Вр. Ком. Иванову был дан экстренный поѣзд. (Отсюда вывод: Врем. Ком. видѣл в Ивановѣ «не столько врага, сколько союзника»).

[106]

Бородинскій полк шел тремя эшелонами и

спеціальным эшелонам батареи. К моменту, когда разыгрались событія, в Лугѣ находились два первые эшелона.

[107]

Нѣсколько неясно лишь о пулеметной командѣ полка, о которой упоминал Иванов, как ушедшей вмѣстѣ с «моряками» в Петербург. Отсюда пошел слух, что полк «побратался» (Мстиславскій) с возставшими.

[108]

О свиданіи его с имп. Александрой Федоровной в другом мѣстѣ.

[109]

Письмо к Гучкову было опубликовано еще в революціонные дни в «Русском Инвалидѣ».. Между прочим, Иванов писал, что его вагон был просто «прицѣплен» к поѣзду с Георгіевским батальоном. Вѣроятно, это и послужило основой для ломоносовской легенды, приподнесенной автором в видѣ рассказа о том, как под вывѣской таинственной

поѣздки георгіевских кавалеров на выставку трофеев в Ц. С. пытались сокрыть истинную цѣль послыки экспедиціи ген. Иванова.

[110]

Блок пишет, что Доманевскій был командирован ген. Занкевичем для «исполненія должности начальника штаба» в отрядѣ Иванова. Сам Иванов об этом в показаніи не упоминает и говорит, что были (присланы «два человѣка... сообщить и ориентировать»). (В показаніях Иванов говорит о встрѣчѣ с Тилле, но в письмѣ Гучкову называет и Доманевскаго).

[111]

Ген. Занкевич, командовавшій 28-го правительственными войсками на Дворцовой пл., 2-го по приказанію Родзянко запрашивал управление ген. кварт, в Ставкѣ о положеніи на фронтѣ.

[112]

В воззваніи этого не было, но очевидно так была информирована Ставка. По крайней мѣрѣ и ген.

Болдырев в свой псковскій дневник записал нѣчто аналогичное.

[113]

«Прихвастнул я» — замѣчает мемуарист, освѣдомленный через ген. Потапова, что для встрѣчи на «6-й верстѣ» имѣется 4 пушки и шесть тысяч солдат.

[114]

Шульгин утверждает, что на одной из станцій они были даже соединены прямым проводом с находившимся в Гатчинѣ Ивановым и имѣли довольно длительную бесѣду с ним: «старик стремился повидаться с нами, чтобы рѣшить, что дѣлать». Иванов жаловался на то, что отрѣзан от Петербурга, жаловался на разложеніе георгіевцев и пр. Из-за спѣшки дѣло ограничилось лишь інформаціонными разговорами. Сообщение Шульгина довѣрія не возбуждает.

[115]

Ивановым был арестован лишь начальник стан-

ціи не то Вырицы, не то Царскаго Села. В служебной запискѣ Тихменева упоминается начальник царскосельской станціи, котораго Иванов увез с собой в Вырицу «по неизвѣстной причинѣ».

[116]

По утверждению Шидловскаго, «журнал Комитета» был составлен __ «один общій для періода 27 февраля — 10 марта», так что он дѣйствительно писался *post factum*, «и старанія раздѣлить все это время на отдѣльныя засѣданія оказались не осуществимыми». Не подразумѣвается ли под таким протоколом то обзрѣніе, которое редактировал Милюков?

[117]

Интересно, что и во Временном Комитетѣ выставлены были подобные же аргументы в пользу кандидатуры Керенскаго. Так утверждает б. московскій прокурор Чебышев, ссылаясь на Максаква: «Керенскій был назначен в вѣдомство, гдѣ он мог «меньше принести государству вреда».

[118]

Я должен исправить не совсѣм понятную теперь для меня ошибку в текстѣ моей книги «На путях к дворцовому перевороту». Там сказано, что кандидатура Керенскаго выдвинулась тогда, когда предварительный список, оглашенный Милюковым в залах Таврическаго дворца, вызвал бурный протест. Тогда члены Врем. Комитета пожертвовали Маклаковым и уговорили Керенскаго принять назначеніе. Колебались между этими двумя именами. Но как раз в первоначальном наброскѣ состава Временнаго Правительства, помѣченном 1 марта, значится первой фамилія Керенскаго — она зачеркнута, и вставлено Маклаков».

[119]

Этот вопрос подробно разобран в моей книгѣ «Судьба имп. Николая II послѣ отреченія».

[120]

«Я лично — добавляет мемуарист — подписал единственный, подсунутый мнѣ ордер об арестѣ за всю революцію. Моей случайной жертвой был че-

ловѣк, во всяком случаѣ, достойный своей участи болѣе, чѣм сотни и тысячи. Это был Крашенинников — сенатор и предсѣдатель петербургской Судебной Палаты — возможный (?) глава царистской реакціи, вдохновитель серьезных монархических заговоров».

[121]

8-го марта совершенно неожиданно инициатором одного из арестов является представлявшей тогда в Исп. Ком. трудовиков Н. В. Чайковскій: по его предложенію постановлено было арестовать протопр. военного вѣдомства Шавельскаго. Мотивы рѣшенія в протоколѣ не указаны. Шавельскій был арестован и находился под арестом в теченіе двух суток.

[122]

Находившіеся в Думѣ репортеры говорили Керенскому, что он в данный момент всемогущ в Россіи (франц. текст воспоминаній).

[123]

В воспоминаніях Керенскаго студент не играет никакой роли. Это он, Керенскій, пришедшій тогда уже, когда Родзянко приглашал Щегловитова в свой кабинет, оборвал чрезмѣрную любезность Родзянко словами: «Щегловитов здѣсь не ваш гость, и я отказываюсь его освободить». В воспоминаніях Родзянко никакого Керенскаго не было, когда группа преображенцев привела к нему арестованнаго Щегловитова. Пораженный произволом Родзянко приказал освободить Щ., но солдаты сомкнулись вокруг своего плѣнника и самым «вызывающим образом» показали предсѣдателю свои винтовки, послѣ чего Щ. был уведен «нензвѣстно куда». По словам Керенскаго, он немедленно послѣ захвата предсѣдателя Гос. Совѣта направился в министерскій павильон и пытался убѣдить Щегловитова, во имя искупленія своего прошлаго, оказать родинѣ услугу, (протелефонировав в Царское Село о бесполезности сопротивленія и посовѣтовал отдаться на милость народа. Щегловитов с твердостью от этого отказался.

[124]

Для того, чтобы избѣжать упреков за то, что он Думу превращает в полицейскую кордегардію, Керенскій нарочно избрал «министерскій павильон», находившейся как-бы внѣ Думы к соединенный с ней крытой галлереей.

[125]

Были аресты, произведенные и по инициативѣ самого Врем. Комитета — так «по приказу правительства» (т. е. Вр. Ком.), был арестован финл. ген.-губ. Зейн и его помощник Боровитинов.

[126]

Впрочем, условія, в которыя поставлена была графиня, находившаяся с 11 марта уже под домашним арестом, были довольно таки своеобразны в революціонной обстановкѣ. Как утверждает комендант Таврическаго дворца, Перетц, у нея была собственная комбинированная охрана, ею оплачиваемая: 8 человѣк «домашней охраны» и 15 солдат гвардейскаго экипажа. Гвардейцы получали двойную плату — по 2 руб. в .день.

[127]

Упоминавшійся уже французскій журналист Анэ, со слов одного присутствовавших членов Совѣта, говорит, что в Екатерининском залѣ с Сухомлиновым произошел такой инцидент. Какой-то солдат бросился на него со штыком на перевѣс. Не сплосавшій Сухомлинов погрозил солдату пальцем — и солдат отступил. Пусть это будет только ходячим анекдотом — он характеризует обстановку.

[128]

Жевахов все же был арестован. Когда его привезли в Таврической дворец, «толпа ревѣла» и забрасывала камнями каміон. Но конвой покинул арестованнаго, и Жевахову пришлось итти самоарестовываться и самому отыскивать путь в «министерскій павильон».

[129]

По утверждениам Керенскаго, это была в ночь на 3-е марта; по словам самих заключенных, в ночь на 2-ое. Послѣднюю дату сообщает и Зензинов,

принимавшій непосредственное участие в ночной операциі.

[130]

В первые два дня обстановка была, как свидѣтельствуют воспоминанія того-же Жевахова, нѣсколько иной, несмотря на то, что арестованные были окружены «озвѣрѣвшей» толпой, желавшей «растерзать» бывших министров. Сохраним стиль б. тов. обер-прокурора Св. Синода: «Подлѣ арестованных суетились жидки, семинаристы, выпущенные на свободу политическіе преступники. Каждый из них старался быть отмѣнно и изысканно вѣжливым, внимательным и предупредительным. Обращаясь к арестованным, они говорили: «когда мы сидѣли в тюрьмѣ, то вы надѣвали на нас кандалы, а вот мы угощаем вас папиросами; и тут же появлялся огромный поднос с табаком и папиросами. Откуда-то явились и сестры милосердія или же переодѣтыя курсистки с уголовным прошлым, я не знаю»... Сестры разносили чай, одна из них «открыто возмущалась чинимым насильем, была посредницей в перепискѣ заключенных с родными»... Жевахов говорит, что появившійся в пави-

льонѣ с «цѣлой свитой» Керенскій произнес рѣчь на тему, что они арестованы только потому, что он хотѣл сохранить им жизнь, так как при народном гнѣвѣ против слуг прежняго режима каждый из них рисковал сдѣлаться «жертвой народной расправы».

[131]

Ошибка — старшій Хвостов не был арестован, а младшій Алексѣй был арестован позже в процессѣ разсмотрѣнія его дѣла в Чр. Сл. Комиссіи.

[132]

Как будто это подтверждает болѣе правильное опредѣленіе часа, даннаго Курловым.

[133]

Керенскій перечисляет Сухомлинова среди тѣх 8 министров, которых он предупредил в ночь на; 3-е марта, но в списокѣ Керенскаго не оказалось Макарова и других, которых, в общем, по воспоминаніям Зензинова, было 12 человек.

[134]

Эпидемія арестов в большей или меньшей степени прошла по всей Россіи. (В минимальных размѣрах ее можно отмѣтить для Москвы). Со всѣх концов из провинці повезли арестованных в центр. Значительное число их в первое время попадало в Думу, здѣсь они регистрировались, распредѣлялись и освобождались особой думской комиссіей по «принятію задержанных военных и высших гражданских чинов», получившей, в общезитіи наименованіе «комиссія по разгрузкѣ» Таврическаго дворца. Комиссія дѣйствовала в теченіе всего марта. Через мѣсяц в кордегардіи Тав. дворца, отошедшаго в вѣдѣніе Совѣта, так как правительство перешло в Маріинскій дворец, осталось 16 чел. (Р. В.). Однако, отвѣтственныя лица среди арестованных — «опасные для новаго режима» — зачислялись за министром юстиціи, от котораго и зависѣла их дальнѣйшая судьба.

[135]

И не только в сѣверной столицѣ, пережившей боевые дни. Старый революціонер, полк. Оберучев, прошедшій во время эмиграціи жизненную

школу «свободных стран» — Швейцаріи и Соед. Штатов, в кievских воспоминаніях говорит о том «вкусѣ» к предварительным арестам «в порядкѣ цѣлесообразности», который развился среди лиц, возглавлявших общественный организаціи. Толпа шла дальше и, подобно революціонерам «Петербургской стороны», требовала подчас арестов «инакомыслящих».

[136]

Накипь эту стусило не только появленіе на авансценѣ освобожденнаго толпой из-под тюремных замков уголовного элемента, но и участіе в событіях дня добровольцев «старого режима». Прис. пов. Кнатц (Катенев), сдѣлавшійся особым комиссаром «по охранѣ архива, разгромленнаго толпой департамента полиціи, рассказывает о своеобразной картинѣ, представившейся ему при посѣщеніи особняка мин. вн. д. Громили департамент какіе-то «вѣрноподданные» революціонеры открывшіе нестораемые шкапы, заглянувшіе в департаментскія бумаги, но оставившіе совершенно не тронутыми всѣ царскіе портреты. К этим добровольцам старого политическаго сыска могли присоединяться, ко-

нечно, и нѣмецкіе агенты. Надо ли говорить, что усиленно распространявшіеся тогда слухи, что революція освободила болѣе 300 нѣмецких шпионов из Петропавловской крѣпости — сплошная фантазія любителей сенсацій, легко попадавших в дневники и письма иностранных наблюдателей смутной эпохи (напр., гр. Шамбрэн — секретарь французской миссіи).

[137]

Обыватель чувствовал себя на подмостках героической пьесы — скажет Троцкій.

[138]

Русскій человѣкъ, в представлены Оберучева, не мог сразу «вытряхнуть» из себя «жандармское нутро», которое было впитано им, благодаря «жизни при полицейском строѣ старой Россіи». Исторія послѣдних десятилѣтій с особой отчетливостью показала, однако, что дрожжи, на которых поднимается революціонное насиліе, отнюдь не вырабатываются только в лабораторіи традиціи стараго городка.

[139]

Обратим вниманіе — Милюков не счел нужным в этот момент упомянуть о Госуд. Думѣ.

[140]

Пет. Тел. Аг. в ночь на 3-ье марта была разослана соотвѣтствующая циркулярная телеграмма.

[141]

«Что такое революція», задавало вопрос «Новое Время» 12 марта и отвѣчало: «Революція не разрушеніе, а созиданіе, не смерть, а возстаніе к истинной жизни. И да будет еще и еще благословенна великая русская революція».

[142]

В воспоминаніях Шляпникова отмѣчается, что в большевицких кругах послѣ совѣтскаго пленума проявилась тенденція немедленной агитаціи за вооруженное выступленіе против временнаго правительства, но у послѣдняго «тогда оружія было куда больше, чѣм у нас». — «Соотношеніе сил не позволяло ставить вопрос в плоскость борьбы с

оружіем в руках».

[143]

Таким образом Кишкин цѣликом примыкал к позиціи, к которой склонялись в Петербургѣ представители революціонной демократіи, отстаивавшіе первоначально непредрѣшенчество формы правленія. Характерно, что Кишкин еще 1-го марта с большим волненіем, (он даже расплакался) на первом собраніи Комитета общ. орг. говорил против сохраненія монархіи.

[144]

Настроенія «буржуазных» кругов вовсе не были так единодушны. Примѣром может служить Н. Новгород, гдѣ телеграмма правительству с противомонархической резолюціей была принята 3 марта 44 голосами против 30. Впослѣдствіи на Государственном Совѣщаніи Рябушинскій вспоминал, с каким «единодушіем» московскіе промышленники привѣтствовали «сверженіе презрѣнной царской власти». В Симбирскѣ торгово-промышленный союз высказался единогласно за республику.

[145]

В постановленіи Совѣта имѣлось еще требованіе включенія в программу временнаго правительства пункта о предоставленіи всѣм національностям права національнаго и культурнаго самоопредѣленія. Постановление это не отразилось на текстѣ согласительной программы.

[146]

Причины мы не знаем. Годнев занял весьма своеобразную позицію в революціонном правительствѣ. Позднѣе в Совѣщаніи членов Думы 18 іюля он заявил, напр., что согласился занять пост государственнаго контролера - при условіи, что не будет входить в состав Совѣта Министров (?!).

[147]

Ниже мы наглядно увидим, какую путаницу вызвала двойственная терминологія "временнаго правительства" в умах современников.

[148]

Это посильно сдѣлано на страницах первой ча-

сти моей работы, посвященной «Легендѣ о сепаратном мирѣ».

[149]

«На этой почвѣ несомнѣнно, разовьются событія, сдержать которыя можно временно цѣною пролитія крови мирных граждан, но которыя при повтореніи сдержать будет невозможно».

[150]

В напечатанном Сторожевым текстѣ нѣтъ той заключительной фразы, которую приводит в воспоминаніях Родзянко (он передает эту телеграмму, хотя и берет в кавычках, очень сокращенно): «Молю Бога, чтобы в этот час отвѣтственность не пала на Вѣнценосца».

[151]

Дворцовый комендант Воейков в своих воспоминаніях говорит, что Царь не отвѣтил на первую телеграмму Родзянко по формальным причинам, — потому что она была от имени уже распущенной Думы. Придуманное мемуаристом объясненіе

фактически невѣрно, так как телеграмма Родзянко была (получена в Ставкѣ значительно раньше сообщенія Голицына об отсрочкѣ засѣданій Думы. А главное Дума вовсе не была распущена, слѣдовательно, председатель ея не терял своего званія.

[152]

Я тогда же записал со слов ближайших сотрудников «Русских Вѣдомостей» в дневник эту поразившую меня характеристику.

[153]

Копія эта входит в серію документов, опубликованных Вильчковским

[154]

Военный министр отозвался в Чрезвычайной Слѣдственной Комиссіи полным незнаніем по поводу телеграммы и утверждал, что он о ней «в первый раз» слышит.

[155]

Изслѣдователю, и в особенности эмигранту,

пока приходится итти ошупью и (пользоваться разрозненными публикаціями документов: в сводкѣ Блока, у Сторожева, в «Красном Архивѣ» и т. д. В документах Ставки, опубликованных в «Красном Архивѣ», и по другой копіи в воспоминаніях Лукомскаго, личная телеграмма Николая II отсутствует, хотя по утверждению Воейкова, она прошла через военно-походную канцелярію.

[156]

Нѣкоторое сомнѣніе возбуждает телеграмма Рузскаго. На подлинникѣ ея имѣется памѣтка: 2 час. 28-го. А на копіи, имѣющейся в том же дѣлѣ: «Представлено Его Вел. 27». Зная педантичность Алексѣева, трудно предположить ошибку в датированіи. Царь в 1 час ночи переѣхал уже в свой поѣзд, отправлявшійся на зарѣ из Могилева. Можно предположить, что памѣтка на оригиналѣ относится к моменту, когда оригинал был доставлен начальнику штаба. Телеграмма была адресована непосредственно Царю.

[157]

Вѣрнѣе, телеграмма была направлена в адрес

главнокомандующаго Сѣверным фронтом, как ближайшим к столицѣ.

[158]

Телеграмма Бѣляева стояла в рѣзком противорѣчїи с тѣм, что сам Бѣляев телеграфировал перед тѣм, в 1 ч. 20 м., Алексѣеву. Там было сказано: «Начавшіяся с утра в нѣкоторых войсковых частях волненія твердо и энергично подавляются оставшимися вѣрными своему долгу ротами и батальонами. Сейчас не удалось еще подавить бунт, но твердо увѣрен в скором наступленїи спокойствїя, для достиженія коего принимаются безпощадныя мѣры. Власти сохраняют полное спокойствїе». Эта телеграмма, дѣйствительно, разительнo противоречила существовавшей обстановкѣ.

[159]

Прямая ссылка Алексѣева в разговорѣ с Даниловым на телеграмму военнаго министра за № 107, в силу которой Император повелѣл назначить Иванова главнокомандующим Петербургскаго военнаго округа, упраздняет другія существующія версіи. Так Блок утверждал, что Иванов был на-

значен под вліянiем позднѣйшей телеграммы предсѣдателя Совѣта министров Голицына, настаивавшей на командированiи в столицу пользующегося популярностью в войсках боевого генерала, что, в свою очередь, отчасти могло подтверждать версію, которую устанавливал придворный исторіограф ген. Дубенскій. По его словам (в записях, цитируемых Блоком), он и лейб-хирург Федоров (иниціатива принадлежала Дубенскому) уговорили Иванова принять на себя миссію водворенія порядка в столицѣ. Иванов был посажен во время обѣда рядом с Царем и внушил послѣднему мысль о посылкѣ его в Петербург. Обѣд происходил в Ставкѣ в 7 1/2 ч. веч.; Иванов в Чрезвычайной Слѣдственной Комиссіи совершенно опредѣленно заявил, что перед обѣдом Алексѣев объявил ему о его назначеніи, а сам Николай II женѣ телеграфировал в 7 час: «Выѣзжаю завтра 2.30. Конная гвардія получила приказаніе немедленно выступить из Новгорода) в город (т.е. Петербург). Бог даст, беспорядки в войсках скоро будут прекращены».

[160]

Днём Царю представлена была ночная телеграмма Голицына, говорившая о перерывѣ занятій законодательных палат.

[161]

«Великій Князь» — это Михаил Александрович, который, однако, говорил из Петербурга с Алексѣевым значительно позже момента получения в Ставкѣ телеграммы Голицына. Лукомскій этот разговор отнес к 12 час. дня, а был он в 10 1/2 вечера.

[162]

Автор поясняет: «Дѣйствительно, у ген. Алексѣева температура была болѣе 39 градусов».

[163]

В воспоминаніях помощ. ген.-квартирмейстер полк. Пронина, изданных послѣ воспоминаній Лукомскаго, как бы подтверждается рассказ послѣдняго. Достаточно освѣдомленный, как будто, автор говорит: «В течение второй половины дня ген. Алексѣев...

нѣсколько раз был с докладом у Государя и упрашивал его.. послѣдовать совѣтам кн. Голицына и Родзянко и дать отвѣтственное министерство... Вечером ген. А. вновь был у Государя и просил его даровать отвѣтственное министерство. «На колѣнях умолял Его Величество, — сказал он, грустно качая головой, возвратившись из дворца: — не согласен». Надо имѣть в виду, что свой «дневник» автор цитирует в кавычках только с записей 1-го марта.

[164]

Обращаю вниманіе на подчеркнутыя слова.

[165]

«Завтра при утреннем докладѣ, — заканчивал Алексѣев, — еще раз доложу Е. И. В. желательность теперь же принять нѣкоторыя мѣры, так как вполне сознаю, что в таких положеніях упущенное время бывает невознаградимо».

[166]

Результатом этого совѣщанія о продовольствіи

и была правительственная декларация в Гос. Думѣ 25-го и собраніе в тот же день в Городской Думѣ с представителями от общественных и рабочих организацій. (См. мою книгу «На путях к дворцовому перевороту»).

[167]

«Несмотря на всѣ убѣжденія в том, что ему надлежит выйти в отставку, чтобы облегчить Государю Императору разрѣшеніе назрѣвающаго и все возрастающаго конфликта, — добавляет мемуарист, — кн. Голицын оставался неумолимым в своем рѣшеніи, объяснив, что в минуту опасности он своей должности не оставит, считая это позорным бѣгством, и этим только еще больше усложнил и запутал создавшееся положеніе». Это, как мы уже знаем, совершенно не соотвѣтствовало дѣйствительности, так как совѣщаніе было послѣ посылки Голицыным телеграммы в Ставку. Может быть, слова Родзянко надо считать отзвуком предварительной бесѣды, которую вел Родзянко с Голицыным 26-го...

[168]

До нѣкоторой степени в план был посвящен Шульгин, с которым предварительно Маклаков совѣтовался. Шульгин, по обыкновенію не помнит, что в воскресенье 26-го обсуждалось в бюро прогрессивнаго блока, но помнит, что предложил «не отдѣлываться общей формулой» и намѣтить конкретно людей, довѣріем общества облеченных», — на случай, если правительство согласится пойти на путь соглашенія с Думой, но список не составили, потому что нашли, что это «еще... невозможно».

[169]

Хронологическое совпаденіе показаній Бѣляева и отчасти Голицына с записью Палеолога позволяет допустить, что рѣшеніе о телеграммѣ, дѣйстви-тельно, было принято в ночном совѣщаніи министров 26-го. Выбитые событіями 27-го из колеи министры запоздали с отправкой телеграммы, или на них повліяли правые.

[170]

К сожалѣнію непосредственные «записи-днев-

ники» ген. Дубенскаго мы знаем лишь по отрывочным использованіям их Блока, или по выдержкам, прочтенным в Чрезвычайной Слѣдственной Комиссіи при допросѣ Дубенскаго. Другой «свитскій», полк. Мордвинов, в воспоминаніях. правильно отмѣчая, что в телеграммѣ Голицыну Царь не соглашался на перемѣну в составѣ правительства, говорит, что Николай II нѣсколько «раздраженно» и «нетерпѣливо» реагировал на соотвѣтствующія обращенія к нему.

[171]

По словам Пронина. в офицерской средѣ Ставки дворцовый комендант высказывался против реформ: «Знаем мы их, дай им палец, а они захотят отнять и всю руку: ещё посмотрим».

[172]

См. напр., дневник члена Гос. Совѣта гр. А. А. Бобринскаго.

[173]

Государевы дѣти уже были больны. А. Ф, писала

мужу 26-го: «Бэби — это одна сплошная сыпь. — покрыло его, как леопарда. У Ольги большія плоскія пятна. Аня (Вырубова) тоже покрыта сыпью. У всѣх болят глаза и горло».

[174]

Очевидно, рѣчь идет о совѣщаніи правых членов Гос. Совѣта. По словам Протопопова, в засѣданіе Совѣта министров прибыли Трепов, Ширинскій-Шахматов, Маклаков с предложеніем ввести особое положеніе. Предложеніе было отвергнуто, — утверждал Протопопов: он ошибался... В воспоминаніях кн. Шаховского рассказываетя о проектѣ сбросить ночью бомбы на Тавричскій дворец и уничтожить «революціонное гнѣздо», «не оставить камня на камнѣ». Предполагалось использовать летчиков Царскаго Села. «К сожалѣнію, — пишет Шаховской, — Бѣляев не рѣшался сдѣлать это боясь громаднаго числа жертв»...

[175]

В опубликованной перепискѣ Ник. Ал. и Ал. Фед. нѣтъ телеграмм послѣдней. «Мѣстонахожденіе

их редакціи неизвѣстно — сообщается в предисловіи. Таким образом неизвѣстен оригинал, которым пользовался Блок среди матеріалов Чрезвычайной Слѣдственной Комиссіи.

[176]

В опубликованной перепискѣ нѣтъ никаких откликов, а между тѣм Ник. Ал. не оставлял без немедленнаго отвѣта ни одной телеграммы жены. Революціонным анекдотом, подхваченным Троцким и др., является рассказ о том, как телеграммы Царя, которыя слѣдовали одна за другой, возвращались с карандашной помѣткой: мѣстонахождение адресата неизвѣстно. Об этом говорит и Вырубова, — от ея нѣсколько истеричнаго повѣствованія, быть может, и пошел «революціонный» анекдот.

[177]

Иванов арестовал человѣк 30-40, отпущенных им по прибытіи в Ц. Село.

[178]

Надо думать, что телеграмма Хабалова была послана «вслѣд на вокзал Царю», как это было сдѣлано с «вѣрноподданической» депешей выборных членов Гос. Совѣта, полученной около 2 час. ночи.

[179]

Память Иванова не отличалась отчетливостью. Так в показаніях он говорит, что до бесѣды с Царем задал по телеграфу Хабалову десять вопросов о состояніи Петербурга. Блок, имѣвшій в своем распоряженіи тѣ «три жёлтенькіе листочка», на которых собственной рукой Иванова были записаны «пункты», утверждает, что переговоры по прямому проводу происходили в 8 час. утра 28-го, т. е. послѣ выѣзда Царя из Могилева. Вѣроятно, Иванов запросил подробностей в связи с полученной Алексѣевым телеграммой о том, что положеніе «до чрезвычайности трудно». Отвѣт Хабалова был принят в Ставкѣ в 11 час. 30 мин. Главнокомандующій военным округом на вопросы Иванова отвѣтил пессимистически: «В моем распоряженіи в зданіи главнаго адмиралтейства четыре гвардейских роты, пять эскадронов и сотен, двѣ

батареи, прочія войска перешли на сторону революціонеров или остаются на соглашеніи с ними нейтральными. Отдѣльные солдаты и шайки бродят по городу, стрѣляя в прохожих, обезоруживая офицеров; всѣ вокзалы во власти революціонеров, строго ими охраняются; весь город во власти революціонеров, телеграф не дѣйствует, связи с частями города нѣтъ; министры арестованы революціонерами» и т. д. Только относительно продовольствія Хабалов указал, что на 25-ое в городѣ запаса муки было 5 1/2 мил. пудов. Положеніе в Петербургѣ было признано безнадежным уже в 21 ч. 30 м., когда Бѣляев телеграфировал Алексѣеву, что войска по требованію морского министра выведены из адмиралтейства, чтобы не подвергать разгрому зданіе. Перевод войск в другое мѣсто считали безцѣльным в виду «неполной их надежности». Часть была разведена по казармам.

[180]

Блок указывает, что Иванов считал впослѣдствіи свои полномочія отпавшими, так как Алексѣев их не подтвердил. В дѣйствительности Алексѣев телеграфировал военному министру вы-

шеприведенное «высочайшее повелѣніе, отданное словесно через ген.-ад. Иванова около трех часов», и просил Бѣляева «изыскать всѣ способы вручить это повелѣніе предсѣдателю Совѣта Министров».

[181]

Дубенскій, конечно, скажет (в воспоминаніях), что Иванов ему рассказывал послѣ перваго разговора с Царем, что он из уст Царя услышал; что дается «отвѣтственное министерство» и что об этом послана телеграмма в Петербург.

[182]

Современники мемуаристы, которых в той или иной степени можно отнести к числу адептов «стараго режима» (Шульгин, Дубенскій и др.), выражают удивленіе, что в февральскіе дни никто в столицѣ не вспомнил про юнкерскія училища — они могли послужить опорой для защиты поставленнаго под угрозу государствеинаго порядка. В Ставкѣ удивлялись, — вспоминает Дубенскій, — что ген. Хабалов не воспользовался такими твердыми частями, как петроградскія юнкерскія училища, в которых в это время сосредоточива-

лось нѣсколько тысяч юнкеров. «Если бы кто-нибудь понял значеніе военных училищ... эта минута могла спасти все», — разсуждает Шульгин. Надо ли говорить, что по отношенію «к юнкерской молодежи в дни войны еще болѣе примѣнимо положеніе, которое Русскій выдвигал в письмѣ Гурко 19 февраля и повторил в телеграммѣ Царю 27 февраля: современная армія однородна с тылом и отражает его настроенія. По свидѣтельству ген. Гурко было рѣшено вообще не прибѣгать к помощи юнкеров при усмиреніи беспорядков. Думается, что главную роль здѣсь играли не только соображенія «политической благонадежности». Только революція превратила учащуюся молодежь в гражданских борцов. Такая психологія органически была чужда дореволюціонному времени.

[183]

Подобная угроза уже заключалась в объявленіи Хабалова 25-го о досрочном призывѣ рабочей молодежи, если к 28-му не закончится стачка.

[184]

Петербургскія газеты 26-го не вышли. О харак-

терѣ описываемаго собранія приходится судить по отчету Охраннаго Отдѣленія министру вн. д. Отчет напечатан в работѣ Шляпникова.

[185]

Из этого явствует, что легкомысленный Протопопов, высказывавшій 26-го увѣренность, что рабочіе встанут на работу, не так уже был далек от правильной оцѣнки реального положенія или возможной дѣйствительности... Секретарю французскаго посольства тогда казалось, что достаточно Царю въѣхать верхом в столицу в сопровожденіи митрополита, чтобы прекратить волненія.

[186]

Однако и в отношеніи 27-го надлежит сдѣлать оговорку — утром никаких «уличных боев» (Шляпников) не происходило, — быть может лишь к вечеру Петербург мог нѣсколько напоминать «осажденный город», когда повсемѣстно стрѣльба начала сливаться, по выраженію рабочаго Кондратьева в «общій гул», а по неосмотрительно употребленным Родзянко словам «на улицах... началась форменная рѣзня».

[187]

Бѣлецкій в Чрезв. Слѣдств. Ком. объяснял это выдѣленіе недоувѣріем к Рузскому который тяготѣл к Гос. Думѣ и был будто связан с Гучковым.

[188]

Шкловскій, служившій в броневой части, говорит, что за 3-4 дня до революціи было отдано распоряженіе привести моторы на блиндированных автомобилях в состояніе бездѣйствія и сосредоточить послѣдніе в Михайловском манежѣ.

[189]

Из царской переписки, однако, легко выясняется, что гвардейскій экипаж пользовался исключительным доувѣріем верховной власти: матросы всегда были «сердцу их ближе».

[190]

Бывшій саратовскій губернатор Стремеухов, прославившійся своей борьбой с іером. Иллиодором, идет еще дальше и видит (причины февральских «голодных» беспорядков в сознательной за-

держкѣ какими-то «таинственными силами» хлѣба на станціях желѣзных дорог Это была как бы провокація наоборот, которую отмѣчали раннія донесенія департамента полиціи.

[191]

См. мою книгу «На путях к дворцовому перевороту».

[192]

По утвержденію «придворнаго скорохода» Оамера матросы прибыли в Ц. С. уже в декабрѣ.

[193]

Естественно, «сказка» эта о пулеметах на крышах церквей попала и в добросовѣстныя иностранныя обозрѣнія событій революціонных дней (Chessin).

[194]

Легенда о том, как революціонные желѣзнодорожники преградили путь литерным поѣздам на ст. Дно, как было указано, имѣет еще меньшую

базу под собою. Повидимому, и эта легенда родилась в Ставкѣ. По крайней мѣрѣ, ее повторяет вел. князь Александр Мих., ссылаясь на рассказы своего брата Сергѣя, находившагося в Ставкѣ.

[195]

Перед тѣм Ник. Ал. получил успокоительную телеграмму из Царскаго, на которую в Лихославлѣ отвѣтил: ...«Рад, что у вас благополучно. Завтра утром надѣюсь быть дома»....

[196]

Я лично был проѣздом случайным очевидцем фактов, рассказанных буфетчиком со ст. Любань инж. Ломоносову.

[197]

Царь твердо был увѣрен в надежности арміи.

[198]

Столыпин говорил, что Царь в разговорах с ним часто ссылался на многострадальнаго Іова, в день котораго он родился — записал Палеолог со слов

Сазонова. Неудачливость мужа в связи с днем Иова отмѣчала и А. Ф. Малодушія и трусости не было в характерѣ Царя — Верховскій рассказывает, какое сильное впечатлѣніе на него в молодости произвела выдержка Николая II в момент инцидента, происшедшаго на водосвятии на Невѣ 6 января 1905 г., когда одно орудіе из Петропавловской крѣпости произвело выстрѣл картечью, разорвавшейся непосредственно за царской трибуной. Николай II спокойно ожидал всѣ 101 выстрѣл.

[199]

Быть может, именно к этому моменту слѣдует отнести характерную деталь. Прождав болѣе получаса, Рузскій пошел в купѣ Воейкова и застал его спокойно развѣшивающим на стѣнах какія то фотографіи — Воейков «забыл» доложить Царю». (В передачѣ Вильчковскаго сцена относится к моменту, предшествовавшему докладу)

[200]

Каждый из них относит слова Рузскаго к различным моментам.

[201]

В область мемуарных переживаній, очевидно, надо отнести утверждение помощника Лукомскаго, полк. Пронина; «Будь Император в Ставкѣ, событія приняли бы, болѣе, чѣм вѣроятно, другой оборот».

[202]

Керенскій совершенно ошибочно приписывает Родзянко посылку утром 2-го марта специальной телеграммы от имени Думы с требованіем отреченія.

[203]

Волненіе Савича отмѣчает и Данилов. Другой мемуарист, очень пристрастный в своих отметках, нѣсколько по иному изображает настроеніе ген. Савича в этот рѣшающій день — правда, через нѣсколько часов послѣ сцены, о которой идет рѣчь. В посмертных воспоминаніях Гучкова говорится: «В вагонѣ, в котором происходила бесѣда об отреченіи Государя, кромѣ Рузскаго, Шульгина и меня, находился ген. Савич. б. командир корпуса

жандармов. Помню, как меня тогда возмутило его веселое настроеніе. У нас было глубокое ощущеніе трагизма этого момента, а у него: «Ах, слава Богу, кончилось все это..» Этот жандарм, ликующій во время отреченія его монарха, является символической фигурой». В Псковѣ, естественно, появилось чувство облегченія в момент, когда, по выраженію самого Гучкова в показаніях, «тяжелая операція, которая назрѣвала и должна быта совершиться, наконец, закончилась».

[204]

Из писем А, Ф. хорошо извѣстно, насколько она враждебно относилась к этому политическому дѣятелю. В дневникѣ ген. Поливанова за 12 г. вод 18 февраля имѣется такая анекдотическая отмѣтка: «Военный министр передал мнѣ, что Государь сегодня опять говорил с неудовольствіем о Гучковѣ и спрашивал военнаго министра, передал ли он ему, что Государь называет его «подлецом». Сухомлинов отвѣтил. что такого случая еще не представилось». Палеолог называет в дневникѣ Гучкова «личным врагом Их Величеств».

[205]

По воспоминаніям Дубенскаго в разговорѣ с Федоровым Царь упомянул, что он останется около сына, будет заниматься его воспитаніем, устраняясь от всякой политической дѣятельности, но что ему было бы очень тяжело оставить родину. На слова Федорова, что ему «никогда не разрѣшат жить в Россіи, как бывшему императору», Ник. Ал. сказал: «Я это сознаю, но неужели могут думать, что я буду принимать когда-либо участіе в какой-либо политической дѣятельности, послѣ того, как оставлю трон».

[206]

По собственноручной записи Федорова, которой пользовался ген. Мартынов, вопрос о гемофилии наслѣдника Царем был поставлен так: «Григорій Ефимович все время говорил, что А. Ник. к 13 годам будет совершенно здоров. Я и Государыня привыкли вѣрить Гр. Еф., потому что все, что он предсказывал, всегда сбывалось». На это Федоров и отвѣтил: «Если вѣрить в чудо, то можно надѣяться... Современная медицина таких примѣров не знает»,

[207]

В записи Ан. Вл. все время говорится только об одной телеграммѣ. Телеграмму Алексѣеву Царь с самого начала оставил у себя (по записи Вильчковскаго). По существу, конечно, это второстепенный вопрос — важны перипетіи, связанные с этим фактом.

[208]

Всѣ, конечно, помнили, как Шульгин в 1906 г. от имени «одного милліона» волынских жителей представлял Царю демонстративныя петиціи «за самодержавіе».

[209]

Очевидно, «истины» касались не лично одного Воейкова, а всей придворной камарильи. Послѣдняя в послѣдствіи мстила Рузскому усиленным распространеніем молвы о псковской «западнѣ», сдѣлавшей невозможным проѣзд Николая II в Ставку. Винберг уже не стѣсняется в квалификаціи сознательнаго предательства стараго генерала. В «правдивых» воспоминаніях Боткиной, гдѣ

наворочена куча путаницы, «западня» переносится на ст. Дно. Это здѣсь Рузскій вмѣстѣ с думскими депутатами заставил Царя отречься под угрозой ухудшенія положенія его семьи в Царском Селѣ.

[210]

Шульгин говорит, что Царь спросил: «А. Ник. Вл.?» Кто-то сказал, что ген. Рузскій просил доложить, что немного опоздает. — «Тогда мы начнем без него». Колоритная деталь, если принять во вниманіе все происшедшее. Но очень уж много у Шульгина произвольных построений.

[211]

Сторожевым она была напечатана, как анонимная записка. Ген. Мартынов засвидѣтельствовал, что, по словам б. нач. опер. отдѣла Ставки Базилевскаго, это — копія протокола, хранившагося в дѣлах его отдѣленія, т. е., запись Нарышкина.

[212]

«Дать... тѣ совѣты, которые мы находим нуж-

ным» — в изложении рѣчи, данном. Гучковым в показаниях Чр. Сл. Ком. 2 августа.

[213]

В показаниях Чр. Сл. Ком. Гучков, конечно, пропустил всѣ эти выпады против «комитета рабочей партіи». Вѣроятно, Гучков свою аргументацію представлял в болѣе причесанном видѣ, нежели записывал генерал-референт.

[214]

Возможно, что здѣсь политика причесал уже генерал, составлявшій протокол. Гучков, по его словам, говорил рѣзче: «всякая борьба с этим движеніем безнадежна... ни одна воинская часть не возьмет на себя выполнение этой задачи»... всякая часть, «как только она соприкоснется с петроградским гарнизоном и подышет тѣм общим воздухом, которым дышит Петроград... перейдет неминуемо на сторону движенія»... «Поэтому — добавлял Гучков — всякая борьба для вас бесполезна». Сообщая о присоединеніи конвоя Е. В. к новой власти, Гучков сказал: «Видите, вы ни на что рассчитывать не можете». В послѣдующих репликах своих в Чр.

Сл. Ком. Гучков утверждал, что его поддержал Рузскій, сказав, что «никаких воинских частей» он не мог бы послать в Петербург.

[215]

В изложеніи Гучкова сказано: «кому-нибудь из великих князей, напр., Мих. Ал.».

[216]

В своем рассказѣ Савич подтверждал, что Рузскій телеграмму передал Царю при Гучковѣ.

[217]

Шульгин: послѣ взволнованнаго слова Гучкова, голос Царя звучал «спокойно, просто и точно». Только акцент был немного чужой — «гвардейскій».

[218]

Шульгин говорит, что Рузскій знал о перемѣнѣ уже тогда, когда к нему приходил Мордвинов (т. е., Нарышкин) за телеграммами. Оговариваясь, что «событія этого дня» (т. е., до момента приѣзда деле-

готов) «должно быть» рассказаны ему Рузским, Шульгин заключал: «во всяком случаѣ эти событія можно считать «точно установленными, как я изложил». Однако, на дѣлѣ Шульгин не все точно воспринял. И в данном случаѣ версія, изложенная Ан. Вл., представляется болѣе правдоподобной, т. е. Рузскій не знал до послѣдняго момента о происшедшей перемѣнѣ в рѣшеніи Царя.

[219]

Указаніе, что Царь уже взял перо для подписи манифеста, во всяком случаѣ надо отнести к числу мемуарных вольностей.

[220]

Запись фактическаго перерыва не отмѣчает. А. Шульгин говорит, вопреки утвержденіям Рузскаго и Данилова: «кажется, я просил четверть часа — посоветоваться с Гучковым... Но это почему то не вышло».

[221]

Судя по дневнику Болдырева, сомнѣнія Данило-

ва заключались не только в нарушеніи закона о престолонаслѣдіи, но и в морганатическом бракѣ вел. кн. Михаила. На «совѣщаніи в вагонѣ» возник «серьезный вопрос о супружествѣ новаго государя» — записал Болдырев.

[222]

Впослѣдствіи Шульгин, пытался так изобразить ход своей мысли: «пусть будет неправильность!.. Может быть, этим выиграется время. Нѣкоторое время будет править Михаил, а «потом, когда все уgomонится, выяснится, что он не может царствовать, и престол перейдет к Ал. Ник.». «Как будто не я думал, а кто-то другой за меня, болѣе быстро соображающій» — пишет Шульгин. Это было просто разсужденіе *post factum* самооправдывающагося носителя идеи легитимизма.

[223]

Лукомскій говорит, что к, составленію проекта он и Базили приступили, вооружившись сводом законов, послѣ телеграммы Рузскаго а том, что Государь просит составить проект манифеста (т. е., около 3 час. дня).

[224]

На генерала Селивачева на фронтѣ манифест произвел совсѣм иное впечатлѣніе. 3 марта он записал в дневник: «По слогу манифеста совершенно ясно, что он продиктован Государю от первого до послѣдняго слова». Данныя, нами приведенныя, по существу не оставляют мѣста для сомнѣній. Разрѣшить вопрос уже безоговорочно могло бы только недоступное нам ознакомленіе с оригиналом.

[225]

Шульгин — показывал 2 авг. Гучков — «сдѣлал два-три замѣчанія, нашел нужным внести нѣкоторыя второстепенныя поправки». Шульгин предложил: «принеся всенародную присягу». Царь написал: «ненарушимую», что стилистически было гораздо правильнѣе — отмѣчает Шульгин.

[226]

В соотвѣтствіи с заявленіями депутатов.

[227]

«Мы не возражали, быть может, даже подтвердили» — указывал Гучков.

[228]

Этим придавалась юридическая легальность назначеніям, которую в то время хотѣли имѣть делегаты: «Повелѣваем быть Председателем Совѣта Министров» и т. д. Это дало повод Троцкому в «Исторіи русской революціи» говорить о «поддѣлкѣ историческаго акта», так как «дневное рѣшеніе» было «фактически взято обратно в расчетъ на болѣе благопріятный оборот колеса».

[229]

Характерно для обстановки, что ни Гучков не замѣтил имѣвшагося в царском поѣздѣ проекта отреченія, ни Рузскій проекта, привезеннаго депутатами. Но показанія Рузскаго мы знаем все же в интерпретаціи посредника, который записывал утвержденіе генерала, что он «рѣшительно никаких документов» в руках делегатов не видѣл. Гучков же сам свидѣтельствовал в Комиссіи.

[230]

В позднѣйшихъ воспоминаніяхъ Гучковъ говоритъ, что у Царя былъ заготовленъ текстъ манифеста.

[231]

В воспоминаніяхъ Родзянко со словъ «одного изъ членовъ Думы», командированнаго на фронтъ и записавшаго разсказъ Рузскаго, передаетъ, что Царь по окончаніи тяжелой для него сцены отреченія будто бы оказалъ: «Единственно, кто честно и безпристрастно предупредилъ меня и смѣло говорилъ мнѣ правду, былъ Родзянко». Слова эти къ мемуаристу попали все же черезъ третьи руки... Шульгинъ утверждаетъ, что у него вырвалось: «Ахъ, В. В. ...Если бы Вы это сдѣлали раньше»... (очевидно, согласіе на отвѣтственное министерство). «Вы думаете — обошлось бы» — сказалъ «просто» отрекшійся Императоръ.

[232]

Базили въ то еще время, черезъ мѣсяцъ приблизительно, подробно разсказывалъ французскому послу объ отреченіи, и указывалъ на то, что Царь свой

отказ за наслѣдника объяснил в бесѣдѣ невозможностью разстаться с сыном.

[233]

Телеграмма была напечатана в свое время в работѣ Блока. Полк. Никитин говорит на основаніи «категорическаго заявленія» кн. Брасовой, что телеграмма Великому Князю не была передана.

[234]

Ген. Эверт запросил предварительно мнѣнія командующих отдѣльными арміями и сообщил их в Ставку.

[235]

Государственная жизнь, конечно, разрѣшается не в кассационных судебных установленіях. Не могу себѣ представить, какое это могло имѣть значеніе. Фактически утвержденія мемуариста не соотвѣтствуют дѣйствительности. Но законники в Чрезв. Слѣд. Комиссіи Временнаго Правительства интересовались указанным вопросом, путая два акта 2-го марта (дневныя телеграммы и манифест

с отреченіем). Гучков засвидѣтельствовал, что «акт отреченія был безымянный, т. е. копія, которую Гучков получил на руки, была без обращенія. Когда акт зашифровали, его предполагали послать по адресу Предсѣдателя Думы и главнокомандующаго фронтом.

[236]

По существу дѣло было совсѣм не так.

[237]

В дѣйствительности на другой день.

[238]

Утром третьяго Пав. Ал. не мог сообщить об отреченіи Михаила.

[239]

В одном из своих болѣе ранних публичных выступленій (лекція в Бѣлградѣ в 22 году) Шульгин говорил (по крайней мѣрѣ по газетному отчету), что у него скользнула «іезуитская» мысль при согласіи на отреченіе в пользу Михаила: «если фак-

тическія событія пойдут так, что не сможет удержаться династія, то и тут положеніе Михаила будет легче, чѣм ребенка Алексѣя» («Руль.»).

[240]

Он показывает, однако, насколько прав чл. Думы Шидловскій в утвержденіи, что проект об отреченіи в Петербургѣ не был даже серьезно обсужден.

[241]

Письмо через жену кап. Головкина Николай II получил 6-го, как видно из отмѣтки в его дневникѣ.

[242]

Раньше Чернова легенду повторил в сов. Россіи ген. Мартынов, автор, несомнѣнно, лучшей работы по исторіи февральских дней, по крайней мѣрѣ в смыслѣ подбора матеріалов, но повторил ее только, как характеристику точки зрѣнія Милюкова, без каких-либо добавленій от себя. Как связываются в сознаніи всѣх этих изслѣдователей двѣ

столь противоположныя легенды, как легенда де-никинская и легенда милюковская, довольно трудно себѣ уяснить: они воспроизводят обѣ.

[243]

То же утверждал Керенскій и в предшествующей своей книгѣ «L'Experience»

[244]

Отмѣчаем это в противовѣс «уличным» сужденіям о том, как «конвой Е.В.» во время продовольственных стѣсненій «обжирался жареными гусями и поросятами». Таких сужденій набрался толстовец Булгаков, бродя в Петербургѣ перваго марта.

[245]

Отмѣтим, как реагировала на всѣ эти факты в своем дневникѣ Гиппіус, приходившаяся двоюродной сестрой Степанова. Она записала 2-го марта: «Демидов и Вася ... ѣздили в Царское от Дум. Ком. — назначить «коменданта» для охраны царской семьи. Поговорили с тамошним комендантом и

как-то неожиданно глупо вернулись «вообще». Упоминавшаяся франц. журналистка Маркович проще отмѣтила, что Царица у себя во дворцѣ охранялась «двумя депутатами».

[246]

Пародію уже дал в своей изумительной по тенденціозности книгѣ ген. Дитерихс, ярко живописавшій расправы озвѣрѣвшей многочисленной толпы черни в Царском Селѣ 28 февраля.

[247]

Среди документов «военной комиссіи» можно найти сообщеніе, помѣченное 4 ч. дня 28-го, что «собств. Е. И. В. жел. (д.) полк не присоединился, им охраняется царская вѣтка», это было в то время, когда револ. войска, по утверждению Керенскаго, заняли Царскосельскій дворец.

[248]

Кстати, в Павловскѣ до полудня 1 марта порядок не был нарушен.

[249]

На воспоминанія Керенскаго, лично не бывшаго в эти дни в Ц. С, вѣроятно, оказало вліяніе свидѣтельство той же Вырубовой, утверждавшей, что из царскаго окруженія «спаслись всѣ, кто мог». Однако, она дѣлала оговорку, что «вся так называемая половина Ея Величества, всѣ до одного челоуѣка, начиная с камердинера и кончая низшими служащими, всѣ остались».

[250]

У мемуаристов разнаго ранга «удивительным образом» можно встрѣтить выраженіе сожалѣнія или злорадства по поводу того, что в Россіи не нашлось вѣрных ландскнехтов, погибших защищая монархію, на подобіе швейцарцев Людовика XVI. Условія осады Тюльерійскаго дворца весьма мало походили на условія пребыванія царской семьи в Александровском дворцѣ. Параллель здѣсь не умѣстна.

[251]

Князь Палѣй утверждает, что корреспондент

пришел к ним под видом «офицера», и что Великій Князь отказался с ним бесѣдовать — это не помѣшало появленію длиннѣйшаго интервью. Откуда корреспондент мог узнать факты, о которых говорится в интервью и которые соотвѣтствовали дѣйствительности? В. Кн. написал опроверженіе, которое с большими измѣненіями воспроизвело «Новое Время».

[252]

Характерно, что А. Ф. уловила лишь первый абзац «манифеста» в то время, как его сущность была как раз противоположной.

[253]

О нем упоминает кн. Палѣй, рассказывая, как составлялся в 4 часа дня перваго марта кн. Путятиним, причисленным к Мин. Двора, Бирюковым и Ивановым — «Манифест».

[254]

Это утверждает снова кн. Палѣй. Ей рассказывали, что ф. Гроттен на колѣнях просил А. Ф. дать

СВОЮ ПОДПИСЬ.

[255]

«Носи Его (т. е. Распутина) крест, если даже неудобно, ради моего спокойствія». — добавляла А. Ф. почти обычную свою просьбу.

[256]

В воспоминаніях Палѣй сообщает, что в. кн. Павел был освѣдомлен ранним утром 3-го об отреченіи «вѣрным» человѣком, присланным ген. Рессином, командиром Своднаго полка в Ц. Селѣ, и уже в 4 ч. 30 м. утра читал сам Манифест.

[257]

Разговоры об этом «планѣ» должны быть, сопоставлены с пресловутыми сплетнями о сепаратном мирѣ, который будто бы подготовлялся наканунѣ революціи в нѣкоторых правых политических кругах. Эта легенда рассмотрѣна о первой части моей работы.

[258]

Насколько в великокняжеской семьѣ неясно представляли себѣ и впоследствии ход событій, показывают воспоминанія Палѣй, рассказывающей, что ген. Иванов достиг Колпина, гдѣ был арестован мятежными войсками.

[259]

Так могло быть, если свиданіе в. кн. Павла с Императрицей происходило вечером. Кн. Палѣй говорит про 11 час. утра. В это время сам Родзянко знал подробности лишь по «слухам», как видно из его разговора со Ставкой.

[260]

Легенда о «трюкѣ» при желаніи может быть расширена. Судя по откликам русской печати революціоннаго времени, нѣкоторыя англійскія газеты в назначеніи в. кн. Н. Н. верховным главнокомандующим усмотрѣли «макиавеллистическій пріем», хитро придуманный Царем в расчетѣ «вызвать смуту».

[261]

Половцов нѣсколько по иному рассказал эту исторію, вызвавшую в прошлом нѣкоторую полемику на страницах бурцевскаго эмирантскаго «Общаго Дѣла».

[262]

Львов, повидимому, был молчаливым свидѣтелем.

[263]

Датированіе разговоров в публикаціи «Кр. Арх.» расходится с датами в копіях, напечатанных в эмигрантских изданіях. В первом случаѣ разговор с Алексѣевым помѣчен 6 ч. 46 м., а с Рузским в 8 ч. 45 м.; во втором разговор с Рузским помѣчен 5 час. (у Вильчковскаго) и 6 ч. у Лукомскаго. Копія разговора с Алексѣевым вообще отсутствует в зарубежных публикаціях. Не имѣя возможности документально разъяснить разнорѣчія, считаю болѣе логическим эмигрантское датированіе; в концѣ разговора с Псковом имѣется замѣчаніе Рузскаго: ...«не забудьте сообщить в Ставку, ибо дальнѣйшіе

переговоры должны вестись в Ставкѣ, а мнѣ надо сообщать только о ходѣ и положеніи дѣл». 8 ч. 46 мин. вообще время слишком позднее, принимая во вниманіе растерянность, которую вызвала в Петербургѣ ночная телеграмма Гучкова. По записи ген. Болдырева тоже выходит, что Родзянко прежде говорил с Алексѣевым, но запись Болдырева явно сдѣлана позже, ибо в ней попадаются такіа слова «как это потом и оказалось».

[264]

Объективная оцѣнка этой характеристики была сдѣлана выше.

[265]

В разговорѣ с Алексѣевым Родзянко говорил, что «соглашенія» достигнуть не удалось, «установлено только «перемиріе».

[266]

В разговорѣ с Алексѣевым упоминались: Верховный Комитет и Совѣт министров.

[267]

Алексѣеву Родзянко говорил болѣе рѣшительно о «колоссальном подъемѣ патріотических чувств», о «небывалом подъемѣ энергіи», об «абсолютном спокойствіи в странѣ», которые обезпечивают «самую блестящую побѣду».

[268]

Ср. показанія Гучкова в Чр. Сл. Ком.;

[269]

Эти знаменательныя «обмолвки» Родзянко будут разобраны ниже.

[270]

Как фактически отразилась задержка с опубликованіем манифеста в войсках, будет разсмотрѣно ниже.

[271]

В телеграммѣ, посланной в 9 ч. 11 мин. веч. кн. Львову, Ник. Ник. высказывал опасенія, что «отреченіе в пользу в. кн. Мих. Ал., как императора...

неизбѣжно усилит смуту в умах народа. Опасеніе это усугубляется неясной редакціей манифеста и отсутствіем указанія в нем, кто является наслѣдником престола» .. По поводу свѣдѣній о «якобы готовящемся соглашеніи между Правительством и Совѣтом Р. Д. по вопросу о созывѣ через полгода Учр. Собранія», Ник. Ник., как «отвѣчающій перед родиной за успѣх наших армій», «категорически» высказывался, что заключеніе подобнаго соглашения было бы величайшей ошибкой, грозящей гибелью Россіи".

[272]

Алексѣев приводил в примѣр Ревель, гдѣ при ознакомленіи с текстом манифеста образовалось «хорошее приподнятое настроеніе».

[273]

В некрологѣ Милюкова, напечатанном в «Новом Журналѣ»: Керенскій говорит, что на ночном совѣщаніи первым о невозможности воцаренія в. кн. Михаила высказался Родзянко.

[274]

Мстиславскій, повторяя ходячую версію, говорит об арестѣ Гучкова его «чуть не поставили под разстрѣл» и пр.

[275]

Эти рѣчи мемуарист, конечно, сотворил в духѣ будущих большевицких трафаретов — о миллионнах сахарозаводчика Терещенко, «князей и графов» из Врем. Прав. и т. д. Терминологія выдает мемуариста — ни один из ораторов-рабочих не мог 3-го говорить о «революціонной демократіи» (позднѣйшее словоупотребленіе, едва ли не введенное Церетели).

[276]

По разсказу Родзянко делегаты были освобождены дежурной ротой. Об этой ротѣ, явившейся с пулеметом, упоминает и Шульгин. Шляпников утверждает, что потребовалось вмѣшательство Совѣта, и Гучков был освобожден только послѣ переговоров с Исп. Ком. По свидѣтельству еще одного современника (Б. Н. Б.). выступавшаго на

столбцах эмигрантскаго бурцевскаго «Общаго Дѣла», «вмѣшательство Совѣта» выявилося в том, что был арестован комендант станціи полк. Т., который со взводом петраградскаго полка высвободил Гучкова.

[277]

Кн. Путятина, воспоминанія которой точносью не отличаются, утверждала, что Родзянко на Миліонную прибыл за час до остальных и убѣждал Мих. Ал. принять власть. Вѣроятно, автор спутал с тѣм, что было наканунѣ, когда, по ея словам, Родзянко нѣсколько раз посѣтил Великаго Князя и говорил ему о регентствѣ. Вечером 2-го в тѣх же цѣлях квартиру Путятиной посѣтил и вел. кн. Ник. Мих.

[278]

По словам Милюкова, послѣ Родзянко говорил Керенскій. Шульгин утверждает, что Керенскій выступил послѣ перерыва. В рѣчи Керенскій возражал Милюкову. Так как я могу слова Керенскаго изложить только по Шульгину или дать их из третьих уже рук — в описаніи в. кн. Андрея, то откла-

дываю их на время послѣ перерыва. Возможно, что Керенскій выступил два раза. Шульгин с Гучковым опоздали к началу бесѣды.

[279]

На другой день Палеолог, дѣйствительно, обратил вниманіе на то, что Милюков постарѣл «на десять лѣтъ».

[280]

Очерк Алданова носит в себѣ черты слишком опредѣленнаго юбилейнаго преувеличенія. Между прочим, он заключает: «Обращаясь к документам (!) того времени, историк признает, что такого яснаго истинно вѣщаго предвидѣнія надвигающейся на Россію катастрофы не имѣл в первый час революціи ни один другой политическій дѣятель». Послѣдующее изложеніе, стилизирующее факты, устраняет эту иллюзію «предвидѣнія» в отношеніи Милюкова. «Вѣщих предсказаній» о «гибели Россіи» было много, даже слишком много — и особенно перед революціей. Все это больше словесная мишура, которую навѣвали летучія переживанія в данный, иногда короткій отрывок времени.

[281]

В изложеніи Шульгина Керенскій сказал Мих . Ал., что он принадлежит к партіи которая запрещает соприкасаться с лицами императорской крови (!). Еще болѣе образно представил это Андр. Владиміровичу Караулов. Керенскій заявил, что «поступился всѣми своими партійными принципами ради блага отечества и лично явился сюда», за что его «могли бы партійные товарищи растерзать»...

[282]

По отзыву Караулова Керенскій «наиболѣе ярко характеризовал момент». Он сказал, что «вчера еще бы согласился на конституціонную монархію, но сегодня, послѣ того, что пулеметы с церковей разстрѣливали народ, негодование слишком сильное, и Миша (это запись Ан. Вл.), беря корону, становится под удар народнаго негодованія, из под котораго вышел Ники. Успокоить умы теперь нельзя, и Миша может погибнуть, с ним и они всѣ». Эта передача, очевидно, может установить только смысл рѣчи оратора, а не подлинныя его слова, равно как и термины «вчера» и «сегодня» должны

быть понимаемы относительно.

[283]

По воспоминаніям Керенскаго («Новый Журнал»), Шульгин «просто промолчал».

[284]

В изложеніи Милюкова, Мих. Ал. все время молчал. В процитированных строках воспоминаній Родзянко говорится о вопросах, поставленных Мих. Ал. — вѣроятно, это было уже тогда, когда они остались наединѣ. По словам Керенскаго, Вел. Кн. все время проявлял активный интерес, много раз вмѣшивался, переспрашивал и просил повторить.

[285]

Милюков говорит, что отдѣльная бесѣда была только с Родзянко, но и Караулов рассказывал Андр. Влад. о бесѣдѣ с Родзянко и Львовым.

[286]

Информатор Палеолога передавал ему, что Ке-

ренскій попросил Мих. Ал. только не совѣтоваться с женой, на что М. А. отвѣтил: «Успокойтесь, А. Ф., моей жены сейчас нѣтъ здѣсь. Она осталась в Гатчинѣ». Сам Палеолог занес в дневник, что Вел. Кн. не там легко уступил бы, если бы «честолюбивая и ловкая» кн. Брасова была в Петербургѣ.

[287]

Впрочем, нельзя быть увѣренным в том, что опредѣленная точка зрѣнія Набокова не установилась под вліяніем позднѣйших размышленій над протекшими событіями. По крайней мѣрѣ ген. Куропаткин при свиданіи с Набоковым 1 мая (17 г.) записал в дневник: «Набоков не очень спокойно относится к происходящему. Говорит, что совѣм не то они ожидали. Что надо было, чтобы Михаил нашел в себѣ мужество принять престол. Тогда разрухи и безначалія не было бы. Теперь нѣтъ власти».

[288]

Проф. Платонов, преподававшій Мих. Ал. исторію, дал в 1903 г. члену Гос. Сов., руководившему извѣстным «Имп. Рус. Ист. Общ.» Поворцову,

такую, расходящуюся с традиционным представлением, характеристику Великаго Князя: «имѣет чрезвычайно сильную волю и без торопливости, с неуклонной твердостью достигает раз намѣченной цѣли. К сожалѣнію, умственно лѣнив».

[289]

Впрочем, и Караулов, отмѣчавшій большое «волненіе», которое испытывали члены Совѣщанія, рассказывал Андр. Влад., что они «все время посматривали в окно, не идет ли толпа, ибо боялись, что их могут всѣх прикончить».

[290]

Ниже будет особо рассмотрѣно отношеніе фронта к февральскому перевороту.

[291]

Ген. Краснов рассказывает, что 5-го и 6-го в 4 кав. корпусѣ он объявил под «громкое ура» на парадѣ о воцареніи Михаила Александровича и награждал именем новаго императора георгіевскими крестами.

[292]

См. мою книгу «Судьба имп. Николая II послѣ отреченія».

[293]

«А ргіогі, — пишет он, — можно привести очень сильные доводы в пользу благоприятных послѣдствій положительнаго рѣшенія принятія Михаилом престола, несмотря на порочность с точки зрѣнія юридической с самага начала этого акта». «Прежде всего оно сохранило бы преемственность аппарата власти... сохранены были бы основы государственнаго устройства Россіи, и имѣлись на лицо всѣ данныя для того, чтобы обезпечить монархіи характер конституціонный... Устранѣн был бы роковой вопрос о созывѣ Учр. Собранія во время войны. Могло бы быть создано не Временное Правительство, формально облеченное диктаторской властью, фактически вынужденное завоевать... эту власть, а настоящее конституціонное правительство на твердых основах закона... Избѣгнуто бы было то великое потрясеніе всенародной психики, которое вызвано было крушеніем престола».

[294]

В текстъ воспоминаній самого Керенскаго сказано, что он заявил Мих. Ал., что берет обязательство защищать Вел. Князя от всѣх. «Мы пожали друг другу руку. И с этого момента мы остались в добрых отношеніях. Правда, мы встрѣтились только раз в ночь отъѣзда Царя в Тобольск, но... я имѣл нѣсколько раз случай оказать услугу в. князю, облегчая ему немного жизнь в новой обстановкѣ, в которой он находился». Как характерен этот абзац для Керенскаго-мемуариста! В иностранных изданіях своих воспоминаній он не упомянул, что Мих. Ал. в августѣ был арестован по личному распоряженію тогдашняго главы правительства.

[295]

Бѣдный Шульгин, имѣвшій, вѣроятно, нѣсколько потрепанный вид послѣ псковских перипетій, не избѣг обвиненій в демагогической приспособляемости ко вкусам толпы. Так кн. Брасова говорила Маргуліесу, что монархист Шульгин «нарочно не брился» и «надѣл самый грязный пиджак», «когда ѣхал к Царю, чтобы рѣзче подчеркнуть свое издѣвательство над ним».

[296]

Затрудненія, которыя испытывала военная власть на фронтѣ при быстротечном ходѣ событій и при условіях, что верховный главнокомандующій находился на Кавказѣ, Ставка в Могилевѣ, правительство в Петербургѣ, можно иллюстрировать примѣром, по существу, может быть, и второстепенным. Первый приказ верховнаго главнокомандующаго, помѣченный 3-м мартом, совпал с опубликованіем «манифеста» Михаила. В них имѣлось рѣзко бросающееся в глаза противорѣчіе. Ник. Ник. говорил, обращаясь к солдатам: «...что касается вас, чудо-богатыри, сверхдоблестные витязи земли русской, то я знаю, как много вы готовы отдать за благо Россіи и престола»... В манифесте 3 марта выдвигалось Учредительное Собраніе. В Псковѣ обратили вниманіе на такое «серьезное» противорѣчіе. Рузскій хотѣл вычеркнуть слово «престол», но его штаб запротестовал (сообщ. Болдырева). Данилов настаивал на замедленіи выпуска приказа и вступил в переговоры со Ставкой, указывая, что «войскам трудно будет разобраться в таком сличеніи времени отдачи приказа верховнаго главнокомандующаго и манифеста в. кн. Мих.

Ал., ибо оба документа помѣчены третьим марта. Получается безусловное впечатлѣніе несогласованности очень тяжелое в таких государственной важности и деликатных для совѣсти каждого вопросах». Ставка в лицѣ Лукомскаго считала «недопустимым» задержку приказа верховнаго. Нач. штаба, как видно из слов Лукомскаго, не считал возможным какія-либо дальнѣйшія задержки, «пока не получится все черное по бѣлому», ибо «проволочка» привела уже к тому, что «балтійскій флот окончательно взбунтовался». Мы увидим, что этот формальный вопрос послужил прелюдіей довольно больших осложненій тогда, когда приказ в. кн. Ник. Ник. дошел до Совѣта Р. Д.

[297]

Энгельгардт уже считал себя почти военным министром, — так рассказывает Половцов, встрѣтившій его в Главном Штабѣ послѣ разговора со Ставкой: «Гучков не будет больше военным министром — завтра я буду военным министром».

[298]

Бубликов — его воспоминанія вышли раньше

воспоминаній Ломоносова — совершенно также, со слов своих помощников, изображает вечерніе споры 3-го о формѣ опубликованія актов отреченія. приписывая только кн. Львову проект традиціонной внѣшней формулировки манифестов.

[299]

Дѣйствительное положеніе было таково. Когда командующій Балтійским флотом утром 2-го получил из Ревеля телеграмму коменданта крѣпости вице-адм. Герасимова, гласившую, что «положеніе грозит чрезвычайными осложненіями, если не будет мною объявлено категорически, на какой сторонѣ стою я с гарнизоном», он отвѣтил: «Благоволите объявить всѣм частям, что Исп. Ком. Гос. Думы требует от войск полного подчиненія своему начальству, а от рабочих возстановленія усиленной работы, и что я дѣйствую в полном согласіи с этим Комитетом, который занят устройеніем тыла, а от арміи и флота требует только поддержанія строгой дисциплины и полной боевой готовности для войны до побѣды. Если положеніе потребует, во что бы то ни стало, категорическаго отвѣта, то объявите, что я присоединяюсь к Временному

Правительству и приказываю вам и старшему на рейдѣ сдѣлать то же». Вечером Непенин телеграфировал Рузскому о необходимости принять рѣшеніе, «формулированное председателем Думы». Сообщение о манифестѣ в Ревелѣ было объявлено "и получило широкую огласку". «Беспорядки временно прекратились" — доносил Непенин в 8 час. утра 3-го. В три часа дня, однако, положеніе в Ревелѣ вновь приняло угрожающій характер" — сообщал Непенин. "Прибытіе членов Думы не внесло достаточнаго успокоенія... Является желательным прибытіе деп. Керенскаго , который пользуется особым авторитетом среди рабочих... В Гельсингфорсѣ сегодня были беспорядки, прекращенные лично мною и нач. морской обороны в.ад. Максимовым". Затѣм послѣдовала телеграмма от 7 ч. 30 м. веч., на которую ссылался Алексѣев. На другой день в 11 ч. утра Непенин телеграфировал Алексѣеву: «Собрал депутатов от команд и путем уговоров и благодаря юзо-телеграммам мин. юст. Керенскаго удалось прекратить кровопролитіе и беспорядок... Через депутатов передал командам, пролившим кровь офицерскую, что я, с своей стороны, крови не пролью, но оставить их в командах не могу — виновных же пусть разберет

Временное Правительство", а в 4 часа пришло «ошеломившее» всѣх в Ставкѣ извѣстіе: «в воротах Свеаборгскаго порта ад. Непенин убит выстрелом из толпы ».

[300]

См. мою книгу «На путях к дворцовому перевороту».

[301]

Версія о «генералах-измѣнниках», доведенная до полного абсурда в работѣ Якобія «Le Tzar Nicolas II et la Révolution» (издана была и по русски, при чем вызвала горячій протест Деникина в «Посл. Нов.»), просто не заслуживает разсмотрѣнія по существу в историческом повѣствованіи. Не всегда разобравшись в фактах, автор, так специфически их препарировал, что дошел до фантастической концепціи, по которой смерть Царя во имя торжества революціи явилась чуть-ли не результатом соглашенія лидеров думской оппозиціи и генералов.

[302]

Не служит ли это лишним доказательством того, что вопрос об отреченіи во Врем. Комитетѣ тогда не был еще поставлен ребром?

[303]

Первое сообщеніе о Вел. Князѣ, как о «верховном главнокомандующем», появилось в № 3 «Вѣстника» — уже послѣ того, как об этом сообщили совѣтскія "Извѣстія".

[304]

В телеграммѣ городского головы Тифлиса Хатисова, посланной Львову вечером 4-го с отчетом о состоявшемся у Вел. Кн. приѣмѣ, говорится нѣсколько по-иному: «Я заявил — сообщал Хатисов — что широкія массы населенія Тифлиса привѣтствуют назначеніе Е. В. верховным главнокомандующим, но вмѣстѣ с тѣм вызывает много толкованій то обстоятельство, что приказ об этом издан Государем, а не Врем. Прав., в то время, когда Государь отрекся от престола. Верх. Главноком. на это сказал, что назначеніе послѣдовало до

отреченія Государя от престола, и что вслѣд за этим Врем. Прав, санкціонировало это назначеніе, о чем председатель Совѣта министров уже увѣдомил Вел. Кн. и вошел с ним в непрерывныя сношенія ».

[305]

На Правительство сказывали давленіе военные и дипломатическіе представителя союзников. Бьюкенен передает, что он всячески отстаивал Н. Н. в разговорах с Милюковым.

[306]

Условія послыки этого письма изложены в моей книгѣ «Судьба имп. Николая II послѣ отреченія».

[307]

Депутаты, побывавшіе на фронтѣ, вынесли и иное впечатлѣніе. Солдаты говорили им: «Довольно с нас Романовых. Нам не нужно Великаго Князя. Пусть будет, кто угодно».

[308]

Дубенскому «очевидцы присяги» передавали, что Н. Н. был настроен «очень нервно» и что «его рука, подписывая присяжный лист, тряслась».

[309]

Ген. Врангель, со слов адъютанта в. кн. Н. Н. гр. Менгдена, с которым он встрѣтился на ст. Бахмач в момент проѣзда Н. Н. из Тифлиса в Могилев, изображает дѣлю так, что Н. Н. был уже предупрежден о рѣшеніи Врем. Правит. и ѣхал в Могилев с принятым рѣшеніем отказаться от главнаго командованія.

[310]

Насколько помнит Суханов, в Исп. Ком. вопрос об отставкѣ в. кн. Н. Н. спеціально не подвергался разсмотрѣнію. 6-го обсуждался лишь вопрос об отмѣнѣ его приказа по арміи.

[311]

В письмѣ, помѣченном 9 марта, Львов писал, что «народное мнѣніе рѣзко и настойчиво высказыва-

ется против занятія членами дома Романовых какой-либо государственной должности", поэтому «Вр. Пр. не считает себя в правѣ оставаться безучастным к голосу народа, пренебреженіе которым может привести к самым серьезным послѣдствіям". и просит В. Кн. «во имя блага родины» пойти навстрѣчу этим требованіям и сложить с себя ещё до приѣзда в Ставку званіе верх. главнокомандующаго».

[312]

«Рад вновь доказать мою любовь к родинѣ, в чем Россія до сих пор не сомнѣвалась» — отвѣчал Н. Н., указывая, что он не мог сдать верховное командованіе до приѣзда в Ставку, так как письмо Правительства получил 11-го марта, а приѣхал в Ставку 10-го в 4 часа дня.

[313]

Выраженіем «контр-революціонности» Ставки могло служить то обстоятельство, что в Могилевѣ по примѣру Петербурга не сшибали царских «орлов» (кстати, они сохранились вплоть до захвата Ставки в ноябрѣ большевицкими бандами). Не у

всѣх, конечно, было мужество противостоятъ этой революціонной мишурѣ. Ген. Половцев рассказывает, как он при выѣздѣ с новым военным министром на фронт, прежде всего самолично занялся вывинчиваніем в вагонѣ царских портретов, которые желѣзнодорожники забыли снять.

[314]

Нашумѣвшаго письма ген. Гурко, направленіям Царю в первых числах марта, мы коснемся в другой комбинаціи фактов. Этому письму бывшего одно время незадолго перед революціей замѣстителя Алексѣева искусственно придали иной характер, чѣм оно имѣло в дѣйствительности и увидѣли в нем выраженіе реставраціонных вождедѣній генералитета.

[315]

Кн. Путятин — та самая, в квартирѣ которой происходила драматическая сцена с отреченіем в. кн. Михаила, — со слов своего рода знаменитого Пеликана (одесскаго гор. головы и виднаго члена Союза Русскаго Народа — за ним была замужем сестра Путятиной), рассказывает о существованіи

плана, согласно которому кавалерійскій корпус гр. Келлера должен был занять Одессу, чтобы поддержать монархическое движеніе в Подолѣ и на Волыни. Вѣроятно, это отклик тѣх позднѣйших разговоров, которых нам придется коснуться. По выраженію ген. Половцова 3-й корпус в началѣ революціи невѣроятно «скандалил» и, слѣдовательно, не был силою, на которую мог опереться реставраціонный план, если бы он и существовал в реальности.

[316]

Ген. Селивачев в дневникѣ эту армію опредѣлил, как «сплошь состоящую из третьяго сословія — извозчиков, печников и т. п. Родзянко, ссылаясь на характеристику одного из военных корреспондентов, указывает, что командный состав перед революціей был проникнут «штатским духом и болѣе близок к интеллигенціи и ея понятіям».

[317]

Как раз этот «факт, смахивающій на анекдот», и вызывает сомнѣніе. Этот красочный гусар заимствован из статьи полк. Парадѣлова «Комсостав,

его рост и значеніе в арміи» в с.-р. сборникѣ «Народ и армія», изданном в 18 г. Парадѣлов — автор, весьма мало заслуживающій довѣріе в смыслѣ точности сообщаемых фактов и способный к прямым измышленіям.

[318]

Депутаты указывали, что не только солдаты, но и офицеры «плохо представляют себѣ, что такое временное правительство, и что такое Учред. Собрание».

[319]

Куропаткин в дневникѣ рассказывает, как в Нарвѣ был арестован адм. Коломейцев, собственно-ручно снимавшій красные банты с матросов, желая, чтобы на парадѣ 5 марта; всѣ были одѣты по формѣ. Борьба с «красными бантами» продолжалась еще долго, вызывая осложненія в арміи, и высшему начальству приходилось разяснять, что во время революціи нельзя «придираться» к красным бантам: «зачѣм лѣзть на рожон и раздражать толпу» (резолюція пом. воен. мин. Новицкаго 11 апрѣля по поводу столкновеній на румынском

фронтѣ). Эти атрибуты настолько вошли к сознание, что ими стали украшать даже иконы.

[320]

К числу «неправильных толкованій событій» относилось объясненіе акта отреченія «доброй волей» Императора.

[321]

«Относительно того, что надо кончать войну, что они устали, мы слышали только в одном полку. Это вновь сформированный полк, и, пока он еще не войдет в общую колею, нѣтъ сплоченности и спаянности».

[322]

К династіи, по наблюденіям французскаго наблюдателя Легра, на Зап. Фронтѣ большинство солдат равнодушно.

[323]

Керенскій говорит, что представители Думы, т. е., Временнаго Комитета, на фронтѣ не имѣли

успѣха. Для марта это, очевидно, было не так.

[324]

Как попал этот «дневник» в архив «Октябрьской революціи» неизвѣстно. Комментатор называет автора его «умным и разсчетливым классовым врагом».

[325]

В рядѣ мѣст на фронтѣ о переворотѣ узнали из нѣмецких «плакатов». Так было 3 марта в дивизіи ген. Селивачева. Там нѣмцы бросали особыя бомбы с прокламаціями. Были мѣста, гдѣ подчас недѣлю и больше к окопам жили еще только слухами.

[326]

Автор приводит, как примѣр недовѣрія, отказ приносить присягу — подозрѣвают, что она подложная, вслѣдствіе того, что не было подписи Гучкова (в другом мѣстѣ требовали подписи Родзянко). Смущало имѣвшееся в текстѣ слово «государство», гдѣ обязательно должен быть «госу-

дарь», а «государь» непременно самодержец. Один из батальонов грозил захватить пулеметы и разстрѣлять тѣ части, которыя будут присягать. (На Сѣверном фронтѣ возбуждало опасеніе требованіе подписи под присягой).

[327]

Полевой интендантскій склад перевозится из Несвѣжа в Блудов— движеніе замѣчают нѣмцы, открывшіе артил. огонь: солдаты увѣряют, что генералы хотят уморить их голодом и нарочно устраивают склад на обстрѣливаемом германцами мѣстѣ. «Они (солдаты) повсюду выставляют свои караулы, непомерно большіе — у винтовок, у пулеметов, у складов, Они всюду подозревают измѣну и черносотенство. Их успокоить ничѣм нельзя».

[328]

См. в моей книгѣ «Судьба имп. Николая II послѣ отреченія» главу «Муравьевская комиссія», а также книгу «На путях к дворцовому перевороту».

[329]

В батальонѣ. глѣ был автор, уже говорили, что «надо убить офицеров с нѣмецкими фамиліями».

[330]

Этот вывод отнюдь не служит подтвержденіем правильности тенденціознаго обобщенія противоположнаго свойства, с которым мы встрѣтимся при описаніи событій в Балтійском флотѣ.

[331]

См. «На путях к дворцовому перевороту».

[332]

Первая бригада вообще «за все тремя переворота оставалась совсѣм почти спокойной». Кое-что было лишь на «Петропавловскѣ», когда два матроса приставив дуло револьвера ко лбу командующаго Бахарева, грубо требовали оружіе офицеров, которое он от них взял и спрятал в свою каюту. Между сторонами произошел такой разговор: «Не отдам. — Тогда возьмем сами. — Ну так стрѣляйте. — Мы не хотим вашей крови проливать... — Я

не отдам, потому что мнѣ же довѣрила команда. —
...Тогда, конечно... извините».

[333]

«Манифест» этот и по стилю и по контексту явно нѣмецкаго происхождения. Он распространялся наряду с другими аналогичными прокламаціями и в других мѣстах.

[334]

Совѣтская делегація, по сообщенію «Извѣстій», обвиняла в политической спекуляціи со спиртом жандармскаго генерала Фрайберга.

[335]

Алексѣев на этом донесеніи сдѣлал помѣтку:
«Оптимистично. Розовые очки»...

[336]

По внѣшности возстаніе началось болѣе стройно, чѣм в других мѣстах. К флотскому экипажу сразу присоединился крѣпостной артиллерійскій полк, «выступившій со всѣми офицерами». Так

утверждал Раскольников: командир полка нес знамя, оркестр играл марсельезу..

[337]

По сообщенію жандармских властей, на, каждом кораблѣ существовали с.-д. ячейки (большевицкія), из которых и был создан «главный комитет». В концѣ 15 г. этот коллектив был ликвидирован, вѣрнѣе, по жандармскому выраженію «был парализован, но отнюдь не пресѣчен», почему нач. Крѣпост. жанд. управл. возбуждал перед комендантом крѣпости вопрос о высылкѣ на передовыя позиціи или в отдаленный военный округ неблагонадежных матросов.

[338]

В «Правдѣ» (центр, орган большевиков) говорилось: «весь командный состав войск был частью перебит, частью арестован. Немногіе офицеры, выпущенные на свободу, были лишены оружія и погон».

[339]

В петербургской газетѣ «День» в № от 13 апрѣля можно найти одобреніе по поводу появившихся в московском «Утрѣ Россіи» разоблаченій, которыя нарушили «уговор» — не говорить о Кронштадтѣ. Определенно грѣшила по соображеніям тактическим совѣтская комиссія, утверждавшая в своем докладѣ, что «погибли люди, игравшіе двойную роль и тѣ, чья беспощадная, бессмысленная жестокость вызвала к себѣ гнѣвъ возставшим народа». Слѣдственная комиссія рѣшительно не подтвердила этого обобщенія.

[340]

Тактика умалчиванія привела к тому, что молва расцвѣтила событія ужасами до размѣров не бывших, что и отразилось в дневниках и воспоминаніях современников. Так ген. Селивачев, со слов депутата Думы, записывает 28 марта, что в Кронштадтѣ перерѣзали до 1000 человек (редакція «Кр. Арх.» сочла нужным сдѣлать, пожалуй, даже странную оговорку: «явно преувеличенная (?) цифра»). Кн. Палѣй (ея волненіе понятно, ибо в Гельсингфорсѣ был ея сын) также будет вспоми-

нать с излишней реальностью тѣ сцены ужаса (она читала о них в тогдашних газетах), которыя творились опьяненной «от крови и вина» солдатской толпой, а большевик матрос Степан (фамиліи разобрать не мог), эпически будет описывать, как он и его товарищи убивали «офицеров второго Балтійскаго экипажа» — «много офицеров» убили. Не уменьшая картины «ужасов», все же надо сказать, что случаев обливанія керосином и сжиганія офицеров, конечно, не было. Это фантазія мемуаристов, передающих чужіе рассказы (напр., Мельник-Боткина).

[341]

Так сдѣлал Невскій в комментаріях к запискѣ, напечатанной в «Красном Архивѣ».

[342]

Недовольство на фронтѣ этой петербургской, революціонной новеллой, очевидно, было значительно — оно нашло себѣ отраженіе даже в протоколах Исп. Ком.

[343]

Небезынтересно сопоставить с этим запись 9 марта в дневникѣ Селивачева, бывшаго на другом фронтѣ (это большого значенія не имѣет) ... «поинтересовался у командиров полков, как отнеслись нижніе чины к отреченію Государя. На это всѣ отвѣтили, что отнеслись очень спокойно, а нѣкоторые прямо заявили: «Да мы, вѣдь, давно знали и ожидали». Только нѣкоторых смущает вопрос — «а что же будет с наслѣдником».

[344]

Из воспоминаній командира 9 Финл. Стрѣлк. полка Данилова (человѣка откровенно монархических взглядов) можно принести нѣкоторый корректив. Данилов пишет: «Вѣсть об отреченіи Императора была встрѣчена офицерством мрачно, а солдатами недовѣрчиво, и мнѣ... приходилось ходить по окопам и... разъяснять слова манифеста, указывая на волю Царя, которой слѣдует подчиниться тѣм болѣе, что в манифестѣ указывалось, что отреченіе принято для большаго и скорѣйшаго успѣха побѣды над врагом. Как ни тревожно встрѣтили мы манифест, но тѣм не менѣе, привык-

шіе к повиновенію, безпрекословно ему подчинились». Данилов, между прочим, отмѣчает, что в его полку за все время революціи до октябрьскаго переворота не было эксцессов против команднаго состава.

[345]

3 марта к Рузскому поступил какой-то письменный запрос от имени Исп. Ком. за подписью Бонч-Бруевича (к сожалѣнію, его нѣтъ в опубликованных матеріалах), в отвѣтъ на который главнок. Сѣверным фронтом телеграфировал: «...Я и подчиненные мнѣ арміи и воинскіе чины вполнѣ приняли нынѣ новое существующее правительство до рѣшенія Учр. Соб. об образѣ правленія. Прошу содѣйствія, чтобы уполномоченные и другія лица Комитета, прибывающіе в предѣлы Сѣвернаго фронта, предварительно обращенія к рабочим и войскам, обращались ко мнѣ. дабы можно было бы установить полную связь между дѣйствіями центральной и мѣстной власти». Заканчивал Рузскій словами: «желателен ваш пріѣзд сюда».

[346]

Естественно, делегація для воздѣйствія на членов Исп. Ком. нѣсколько муссировала критическое положеніе на фронтѣ.

[347]

Русскій уже 4-го сообщал о нем Алексѣеву и отмѣчал соотвѣтствіе его 7 п. правительственной деклараціи, опубликованной 3-го. Русскій указывал на опасность формулировки «предоставленія солдатам всѣх общественных прав без соотвѣтственных опредѣленій деталей». Необходимо «беззамедлительное разъясненіе и точное установленіе особым приказом взаимоотношенія офицеров и нижних чинов». Алексѣев тотчас же телеграфировал Гучкову, что необходимо, если «не полное уничтоженіе пункта седьмого программы (соглашеніе 2 марта), то совершенная переработка редакціи ея с точным разграниченіем прав и обязанностей солдат».

[348]

Приказ № 2 (о сущности его скажем ниже) не

мог быть задержан, так как он был уже передан по радіо.

[349]

И, однако, в засѣданіи правительства, на которое был вызван так спѣшно Гучков, что Алексѣеву пришлось прервать свой доклад, когда впервые остро был поставлен вопрос об арміи, обсуждались такіе «спѣшные» для момента вопросы, как вопрос о прекращеніи дѣла об убійствѣ Распутина, об отмѣнѣ ограниченій при приѣмѣ евреев в высшія учебныя заведенія и т. д.

[350]

Секретный характер письма объясняется, вѣроятно, и тѣм, что в нем дается пессимистическая картина невозможности своевременно выполнить боевыя заданія, возлагаемая войной на тыл.

[351]

Ушедшій с исторической сцены Император назвал в одном из писем женѣ Петербург лишь «географической точкой». Он не дооцѣнивал полити-

ческаго значенія столицы, Гучков и вмѣстѣ с ним другіе — преувеличивали это значеніе.

[352]

Болдырев рассказывает, что распространился слух, что Гучков будет убит по постановленію «террористической» партіи, но, «конечно, никакого покушенія не было». На всякій случай «по городу предусмотрительно был установлен конный наряд».

[353]

Припомним, что Врангель дал противоположную характеристику позиціи военнаго министра.

[354]

В моих замѣтках того времени, со слов одного из присутствовавших уже при отъѣздѣ министров, записана такая жанровая сценка: ...Поѣзд усиливает свой ход, колеса стучат — все сильнѣе и сильнѣе. С вагонной площадки министр ин. д. говорит прощальную рѣчь. За грохотом не слышно на перронѣ ни его слов, ни его охрипшаго от рѣчей

голоса. Смѣняются ряды публики, а министр с площадки говорит, говорит...

[355]

Станкевич центр тяжести из области проявленія «народной души», не принимавшей войны, переносит в область объективных матеріальных данных. Он утверждает, что послѣ рѣчи ген. Корнилова и Исп. Ком. «всѣ заколебались в возможности продолженія войны»: разстройство транспорта, тиф и цынга, свирѣпствующіе на фронтѣ в силу чрезвычайнаго недостатка продуктов и т. д. Хотя повѣствованіе Корнилова относилось к дореволюціонному времени, «ясно» было, что дѣло должно было и этом отношеніи «лишь ухудшиться». Вывод мемуариста, на преувеличенно-сгущенном фонѣ фактов, едва ли может быть признан обоснованным.

[356]

Мемуарист вспоминает письмо, полученное им с фронта от гр. Игнатъева. Корреспондент писал, что надо отдать себѣ отчет в том, что война кончилась, потому что армія «стихійно не хочет

воевать»: Умные люди должны придумать способ ликвидаціи войны безболѣзненно, иначе произойдет катастрофа». Набоков показал письмо военному министру. Тот отвѣтил, что он получает такія письма массаами и приходится «надѣяться на чудо».

[357]

Любопытно, что наиболѣе яркій случай отказа «итти на позиціи» в 5-ой арміи, считавшейся командным составом наименѣе «благополучной» со стороны эксцессов (арест офицеров), связан с такой бытовой деталью: полк считал несправедливым итти в окопы и пасхальную ночь, так как он стоял на позиціи в эту ночь в предшествующем году.

[358]

Иллюстрацію дают воспоминанія Пуанкарэ. Историк германской революціи Штребель, принадлежавшій к числу «левых» социалистов, так охарактеризовал в своей работѣ «развал германской арміи»: он «начался не с іюльских дней 1918 года; он медленно, но неуклонно подготовлялся на про-

тяженіи нѣскольких лѣт. Безконечная длительность войны, позиціонная война и походная жизнь подточили боевую силу и поколебали дух арміи».

[359]

Чернов спорит с Деникиным, Керенскій с Миллюковым. Послѣдній «в виду опубликованія большевиками новых архивных документов» вынужден был послѣ длительной полемики внести «оговорку» в свое изложеніе, отрицавшее революціонную концепцію Керенскаго. («Еще факты». «Посл. Нов.» 17 ноября 27 г.). Соотвѣтствующая поправка сдѣлана в «Россіи на переломѣ» — в трудѣ, в котором Миллюков стал «приближаться к традиціонной «революціонной» концепціи.

[360]

Обобщеніе в каждом отдѣльном случаѣ требует критическаго анализа и слѣдующей за ним оговорки. Наглядную иллюстрацію можно найти в утвержденіях, раздававшихся на декабрьском совѣщаніи в Ставкѣ. Брусилов, подтверждая замѣчанія Рузскаго, приводил в качествѣ примѣра 7

Сиб. корпус, прибывшій на юго-западный фронт из рижскаго района «совершенно распропагандированным, люди отказывались итти в атаку; были случаи возмущенія, одного ротнаго командира подняли па штыки, пришлось принять кругья мѣры, разстрѣлять нѣсколько человѣк, перемѣнить начальствующих лиц, и теперь корпус приводится в порядок». А вот полк. Никитин в качествѣ офицера при нач. штаба 7 армии, гдѣ корпус приводился в порядок, имѣвшій возможность «спеціально» и «близко» наблюдать 7 Сиб. корпус в дѣйствиі, дает совершенно иную характеристику поведенія «ненадежнаго» корпуса перед революціей в условіях позиціонной борьбы, тяжелѣ которых «трудно придумать»: под Бржезанами «полк не дрогнул» — «дух героя командира (ген. Ступина), дух стараго русскаго солдата был с ними»...

[361]

См. мою книгу «Как большевики захватили власть».

[362]

Не трудно найти и источник легенды — это записка членов Особого Совѣщанія, исчислившая потерю «людского запаса» в 2 милл. — военнообязанных, оставшихся в занятых непріятелем областях, уклонившихся, эмигрантов и пр.

[363]

Для двухмилліоннаго исчисленія дезертиров во время революціи он примѣнил такую своеобразную статистику. Взяв общую цифру 15 милл. призванных к 1 ноября 17 г. и исключив соотвѣтствующія цифры убитых, раненых, плѣнных) и наличный состав дѣйствующей арміи и запасных ея частей, он получил недостаток с 1 1/2 милл. человек. Это и есть, по его мнѣнію, дезертиры; прибавив сюда официальную цифру дезертиров в 365 т. к 100 т. укрывшихся в разных революціонных военных комитетах, он получил цифру в 2 милліона!!! И нѣтъ дѣла военному историку до несовершенства официальной военной статистики, сдѣлавшейся еще болѣе случайной в бурные годы революціи, игнорирует он и факт, устанавливаемый всѣми правительственными войсковыми

комиссарами, что в дни наступленія «дезертиры» из числа членов исполнительных комитетов, в подавляющем большинствѣ случаев оказывались в первых рядах активно сражавшихся. Насколько произвольна военная статистика, руководящаяся головинским принципом исчисления, видно из расчислений другого военного историка Керсановскаго, который весь «недохваток» для дореволюціоннаго времени относит в рубрику убитых. Соотвѣтствующій матеріал дается в моей книгѣ «Легенда о сепаратном мирѣ».

[364]

Оно может быть отмѣчено и на том рижском плацдармѣ, который представлял распропагандированное «гнѣздо» на Сѣверном фронтѣ. В памятной запискѣ, поданной военному министру в 20-х числах марта от имени 379 офицеров XII арміи и подписанной в первую голову командиром латышскаго полка Вацетисом (извѣстным впослѣдствіи большевицким командармом), требовалось удаленіе с командных должностей всего «нѣмецкаго элемента балтійскаго происхожденія».

[365]

То же утверждение прошло красной нитью в рѣчи Брусилова при приѣмѣ в Кіевѣ членов Гос. Думы.

[366]

Напр., в дневникѣ Селивачева имѣется запись: «несомнѣнную карьеру дѣлает Брусиллов: хитрый старик, видя окружающее, первый стал заигрывать с народом». Приспособляемость к общественному мнѣнію Селивачев увидит даже в том, что в свое время Брусиллов, единственный из главнокомандующих, дал «идеальную аттестацію» земским организаціям на фронтѣ, когда хотѣли их уничтожить по причинѣ их «яко бы бесполезности», а на самом дѣлѣ считая их «революціонными».

[367]

Относительную цѣнность этих резолюцій, как нельзя лучше, характеризуют строки из воспоминаній извѣстнаго московскаго большевицкаго деятеля Сидовича, который рассказывает, как т. Кастиловская (старая большевичка) желала в партій-

ном органѣ печатать резолюціи «не так, как онѣ принимались».

[368]

См. «Россійская контр-революція». Методы и выводы ген. Головина.

[369]

Припомним, что ген. Янушкевич в 15 г. эту формулу развивал в официальном обращении к Совѣту министров; в дни революціи она фигурирует в устах извѣстнаго издателя Сытина, в дневникѣ Гиппиус и т. д.

[370]

Эта строки пишутся в рѣшающій для Россіи момент. Каковы бы ни были ближайшія послѣдствія германскаго продвиженія вглубь страны, характер, который пріобрѣтает война на обширной территоріи россійской равнины в 1941-42 г.г., как бы подтверждает закон «евразійской» самобытности.

[371]

Не показательно ли в этом отношении свидѣтельство Махно, что в деревнях, прилегавших к району знаменитаго Гуляй Поля, будущей резиденціи анархическаго «батъки», в первые четыре мѣсяца революціи вообще большевиков не было.

[372]

Керенскій в «Experience» говорит, что революція отчасти родилась, как протест против перспектив сепаратнаго мира. Он лишь повторил слова Церетелли в Гос. Совѣщаніи 17 г. «всѣ знают, что, если бы не было русской великой революціи, мы в настоящій момент имѣли бы сепаратный мир».

[373]

В противорѣчіе с послѣдующей схемой 17 г. Миллюков 3 марта 16 г. говорил в Гос. Думѣ: «революція в Россіи непременно приведет нас к поражению». Шингарев на VI кадетском съѣздѣ в февралѣ 16 г., по утверждению сыскных информаторов, утверждал, что взрыв народнаго отчаянія

похоронит побѣду над Германіей. Как мы видѣли, по свидѣтельству современников, так и воспринял Шингарев революцію 27 февраля.

[374]

От имени союзников на правах старѣйшины дипломатическаго корпуса правительство привѣтствовал англійскій посол, выразившій надежду, что Правительство сдѣлает «все возможное, чтобы довести войну до побѣднаго конца, оставаясь на стражѣ порядка и національнаго единства и стремясь к возобновленію нормальной работы на заводах в к обученію войск и поддержкѣ дисциплины в арміи».

[375]

От имени союзников на правах старѣйшины дипломатическаго корпуса правительство привѣтствовал англійскій посол, выразившій надежду, что Правительство сдѣлает «все возможное, чтобы довести войну до побѣднаго конца, оставаясь на стражѣ порядка и національнаго единства и стремясь к возобновленію нормальной работы на заводах в к обученію войск и поддержкѣ дисциплины в

арміи».

[376]

Аргументація Милюкова рѣшительно ничѣм не отличалась от (аргументації «жестокой -текст испорчен прим. boomzoomer) исторической необходимости», которую давали нѣмецкія адепты «соціал-имперіализма». Различіе было лишь в субъектах, в сторону которых должны были направляться міровыя событія (см. кн. ген. Штрედель «Германская революція»). Станюкович выкопал в писаніях Милюкова в началѣ войны даже такой пассаж: историк и политик (см. книгу «Легенда о сепаратном мирѣ»), полагал, что вся Восточная Пруссія должна быть превращена в новую остзейскую губернію.

[377]

Ей мы посвятили достаточно вниманіе. (См. книгу «Легенда о сепаратном мирѣ»). В предреволюціонное время вопрос о проливах продолжал занимать вниманіе морских общественных кругов, как видно из дневника Рейнгартена. Ему посвящена «бесѣда вторая» по текущим вопросам — 4

февраля. Но формулируется «византійская мечта» только, как экономическая проблема: «Владѣніе проливами представляет для нас не цѣль имперіалистических стремленій, а характер необходимости»... «Требуя проливы, мы должны дать обязательство дальше не итти»... «Мы должны требовать минимум территоріи при проливах. Этот минимум опредѣлился из стратегических соображеній»...

[378]

Так в массах до революціи воспринималась даже пораженческая проповѣдь. См. воспоминанія анархиста Максимова.

[379]

Ген. Селивачев записал в дневник 4 марта: «Все министерство из числа октябристов, лѣвых и трудовиков — это явная гарантія за то, что ни о каком сепаратном мирѣ в Германіи и мечтать не будут... Не это ли начало конца Германіи?».

[380]

Соціал-демократическая печать нѣмецкая (печать большинства) опредѣляла позицію приблизительно так: ...«Пока Московія не связана по рукам и по ногам, и не повержена в прах, не должна быть закончена война, призванная освободить Европу от Азіи, исключить Россію из европейской политики» (Rheinische Zeitung).

[381]

Как видно из воспоминаній Станкевича, представителя «трудовой группы» в Исп. Ком., «правые» считали рискованным выступленіе Совѣта со словом «мир». «Дойдет ли оно до народов міра и какое произведет там впечатлѣніе — неизвѣстно. Но ясно, что до нашего фронта оно дойдет немедленно и поставит перед арміей слишком обязательно и практически представленіе о мирѣ, что может только ослабить и так небольшие остатки боеспособности фронта»... «Послѣ дискуссіи в Комитетѣ и послѣ принятія оговорок о готовности русской демократіи бороться дальше за справедливый мир», трудовики голосовали за воззваніе.

[382]

Любопытно, как видный дѣятель партіи, извѣстный государствовѣд Кокошкин, фактически входившій в состав правительства, мотивировал в соотвѣтствіи с упомянутым интервью Милюкова необходимость для Россіи пріобрѣтенія проливов: они давно принадлежат не Турціи, а Германіи. И проливы будут или германскими, или русскими. Провидцем Кокошкин оказался плохим.

[383]

Можно было наблюдать и столь неподходящую для революціи надпись на знамени одной казачьей части: «выкупаем в германской крови наших лошадей». «Извѣстіям» не нравился популярный среди солдат лозунг: «война до побѣды», и они предлагали замѣнить его словами «война за свободу».

[384]

На кадетском съѣздѣ Щепкин связал «стоходовскую панаму» с обращеніем Совѣта к демократіи всего міра — нѣмцы в отвѣт пустили волну

газа, от которой погибла масса народа (по свѣдѣніям Алексѣева стравленных газами насчитывалось около 800 человек).

[385]

Подмѣченное наблюдательным общественным дѣятелем «требованіе» народа в большей степени относилось к тѣм представителям боевого патріотизма, которые прочно окопались в революціонном тылу и из своего мѣста произносили патетическія и обличительныя рѣчи. Их слова на тему: «хоть рубашку с нас снимите, но Россію спасите», опредѣленно звучали фальшиво.

[386]

Из телеграммы Ставки о Стоходѣ явствует, что эта операція была задумана еще до начала русской революціи. Алексѣев говорил: «в теченіе послѣдних пяти недѣль по свѣдѣніям, получаемым, как от плѣнных, так, и путем воздушной развѣдки, совершенно опредѣленно намѣчалось стремленіе противника произвести атаку против нашего плацдарма на лѣвом берегу Стохода... Представлялось вполне опредѣленным, что противник попытается

произвести наступленіе с наступленіем оттепели».

[387]

За статью в «Правдѣ» о «манифестѣ 14 марта Суханов упрекал Каменева в «оборончествѣ». 25-го марта, по поводу агитациі в Кронштадтѣ «побросать оружіе, заклепать пушки, испортить поставленныя мины», «Правда» помѣстила особое воззваніе к гарнизону, приглашавшее не вѣрять подобнаго рода провокаціонным призывам.

[388]

Мы говорим, конечно, не о ленинской концепціи превращенія міровой войны во всемірную гражданскую бойню под пролетарским стягом.

[389]

Любопытно, что побѣдоносную Францію эпохи «великой революціи» — «сильную духом и вѣрой в свѣтлое будущее родины», вспомнил в приказѣ 5 марта командующій 10-й арміей ген. Горбатовскій, отставленный новой властью.

[390]

Интересно, принимая во вниманіе последующую судьбу в дни революціи ген. Гурко, отмѣтить, что новый главнокомандующій Западным фронтом, в своей телеграммѣ военному министру 24-го марта, выражал твердую уверенность, (что народ, который сумѣл добиться политической свободы, «должен сумѣть завоевать себѣ и политическую свободу внѣшнюю»... «Армія вполнѣ проникнута сознанием тѣсной связи того и другого; нужно, чтобы и весь народ в тылу и его руководители прониклись тѣм же, и тогда побѣда обезпечена, но ее нужно вырвать у врага, а не надѣяться, что она сама к нам придет вслѣдствіе неумѣлых и нерѣшительных дѣйствій противника».

[391]

Измѣнившееся настроеніе настолько затемнило память Алексѣева, что в своем послѣдующем дневникѣ по поводу іюньскаго наступленія он записал: «в началѣ апрѣля высшіе начальники высказали мнѣніе, что о наступательных операціях немислимо думать».

[392]

Проф. Легра в свой апрѣльскій дневник записал объясненіе Милюкова, что серьезному наступленію препятствует лишь продовольственное дѣло, которое было неосуществимо в тогдашних условіях.

[393]

Выступленіе Милюкова было сугубо «безтактно», ибо как раз в этот момент остро стоял вопрос о «займѣ свободы». Интервью в газетах появилось в день похорон жертв революціи.

[394]

Происходившая в эти дни в Москвѣ конференція народных социалистов, которые были как бы внѣ совѣтской общественности и ея «интернаціональнаго міросозерцанія», «оборонческіе» взгляды которых сомнѣнію не подлежали, очень опредѣленно высказалась против каких либо «завоеваній». Формула эта была популярна, — она повторялась и в обращеніи к Совѣту Пироговскаго Съѣзда 8-го апрѣля и Учительскаго Съѣзда 10-

ГО.

[395]

Керенскій в Совѣщаніи Совѣтов увѣренно говорил, что измѣненіе цѣлей войны в Россіи вызовет измѣненіе этих цѣлей у всѣх держав — это «несомнѣнно», это «ясно, как день».

[396]

«Революціонная демократія» несомнѣнно возлагала большія надежды на свой проект созыва в Стокгольмѣ, в концѣ іюня, международной социалистической конференціи, главной задачей которой представлялась, выработка «путей и средств» для «борьбы за мир». По отношенію ко времени, о котором у нас идет рѣчь, это было — будущее, ибо постановленіе Исп. Ком., относительно обращенія к социалистическим партіям и центральным профессиональным организаціям «всего міра» по поводу созыва такой конференціи, было сдѣлано лишь 20-го мая. Была ли это только «утопія»? Отметим, что представитель русскаго дипломатическаго вѣдомства в Лондонѣ, К. Д. Набоков, был увѣрен, что осуществленіе этого проекта привело

бы к компромиссному миру. Идея созыва стокгольмской конференціи отнюдь не принадлежала большевикам, как предполагает, напр., проф. Перс (очевидно, и Милюков). Перс, бывшій в то время в Россіи и прикомандированный к англійской военной миссіи, утверждает, что он сам слышал агитацію большевиков на фронтѣ за заключеніе мира в Стокгольмѣ. Очевидно, англійскій историк не слишком глубоко проник в отношенія социалистических партій : — подлинныя большевики являлись, опредѣленными противниками стокгольмской затѣи.

[397]

В составленіи самого документа Милюков непосредственнаго участія не принял. Составлен был проект заявленія тѣми членами Правительства, которые были в оппозиціи к внѣшной политикѣ министра ин. дѣл. Это была все та же оппозиціонная «семерка».

[398]

Резолюція, предложенная Каменевым, была выработана на большевицкой конференціи, собрав-

шейся наканунѣ Совѣщанія. Конференція не нашла отклика в тогдашней столичной печати. Шляпников приводит свѣдѣнія из отчета, составленнаго Милютиным, который принадлежал к «лѣвой» группѣ, и напечатаннаго в провинціалном (саратовском) партійном органѣ «Соціал-Демократ». Вопрос о войнѣ вызвал на конференціи «горячія пренія». «Одна часть конференціи твердо стояла на почвѣ рѣшеній, принятых в Циммервальдѣ и Кинталѣ; другая часть не менѣ рѣшительно стала на ту позицію, которую до сих пор горячо отстаивали на Западѣ Гэд и Самба, а у нас Маслов, Потресов, иначе говоря «оборонцы». «Правое» крыло считало неприемлемой резолюцію, предложенную бюро, в силу лозунга о «превращеніи империалистической войны в гражданскую» и отсутствія пункта о недопустимости «дезорганизаціи арміи». Принята была компромиссная резолюція в цѣлях «единства большевистских сил» (50 голосов против. 14).

[399]

Резолюція собрала 325 голосов при 20 воздержавшихся и 57 за резолюцію большевиков, кото-

рая, отвергая «дезорганизацію арміи», считала необходимым сохранить ея мощь, как оплот против «контр-революціи». С большевиками голосовали с. р. и с. д. «интернаціоналисты». Таким образом, количество чисто большевицких голосов на собраніи оказалось ничтожным. Группа большевиков от 13 городов голосовала за резолюцію Исп. Комитета.

[400]

Вопрос о проливах был не только «руководящей нитью» в дипломатической политикѣ министерства ин. д., как о том заявил на майском партійном съѣздѣ ушедшій из правительства Милюков. Намѣчавшюся еще осенью 16 г. десантную операцію (см. «Легенду о сепаратном мирѣ») сторонники ея в первые два мѣсяца революціи довольно интенсивно пытались форсировать. В дни посѣщенія Ставки членами Правительства, министр ин. д. был подробно освѣдомлен о предположеніях, касающихся «босфорской операціи» помощи, нач. воен.-морск. отдѣла при Штабѣ верх. главноком. кап. I ранга Бубновым и представителем мин. ин. д. Базили, (босфорскую операцію,

по словам Колчака, готовили к моменту, когда в Черном морѣ наступит «совершенно спокойное положеніе»). Намѣчавшійся план, до извѣстной степени, разрушался намѣреніем военного министра пріостановить подготовительныя работы по оборудованію транспортных средств в Черном морѣ для десанта и использовать в виду кризиса желѣзнодорожных перевозок освободившіеся транспорты для грузовых перевозок минерального топлива для фронта. Базили в письмѣ 23-го марта Милюкову жаловался на эту «весьма прискорбную» мѣру с точки зрѣнія «осуществленія наших цѣлей на проливы», так как для выполненія десантной операціи остался «весьма ограниченный срок: от 1 іюля до 1 августа», и «по поступающим свѣдѣніям, обстановка для удара по Константинополю рисуется в благопріятном свѣтѣ». (Предполагалось, не останавливая работ по оборудованію 90 десантных транспортов, для усиленія грузовых перевозок использовать румынскія рѣчныя плувучія средства, стоявшія на Дунаѣ «без всякаго дѣла». Но Румынія отказывала в этом. От мин. ин. д. требовалось воздѣйствіе «дипломатическим путем»). Письмо Базили совпало с нашумѣвшим интервью Милюкова. Но и послѣ правительственной

декларациі 28-го марта, положившей veto на завоевательные планы, разговоры и даже конкретныя мѣры к подготовкѣ «босфорской операціи» не прекращались. Деникин, занявшій 5-го апрѣля пост начальника штаба в Ставкѣ, говорит, что в апрѣлѣ Милюков, «вдохновленный молодыми пылкими моряками» (в дѣйствительности дѣло было, как мы только что видѣли, не совсѣм так), вел «многokrатно переговоры с ген. Алексѣевым, убѣждая его предпринять эту операцію, которая, по его мнѣнію, могла увѣнчаться успѣхом и поставить протестующую против анексіи революціонную демократію перед совершившимся фактом. Ставка отнеслась совершенно отрицательно к этой затѣѣ, так не соотвѣтствовавшей состоянію наших войск (Алексѣев, как мы знаем, и раньше был противником «босфорской операціи»). Просьбы министра становились, однако, так настойчивы, что ген. Алексѣев счел себя вынужденным дать ему показательный урок: предположена была экспедиція в небольших размѣрах к малоазіатском берегу Турціи». Сформированіе отряда было возложено на румынскій фронт. «Прошло нѣкоторое время и сконфуженный штаб фронта отвѣтил, что сформировать отряд не удалось, так как войска...

не желают итти в десант»... (Слѣдовательно солдаты инстинктивно чувствовали бессмысленность «показательнаго урока»). Насколько назойливо вкоренилась в нѣкоторых кругах мысль о «проливах», показывает слѣдующее письмо Базили из Ставки, помѣченное 11 апрѣля: ...«Приходится все болѣе серьезно считаться, — информировал Базили Милюкова, — с тѣм, что нам, быть может, не удастся по обстоятельствам внутренним, так и в особенности по причинам техническим до конца войны фактически завладѣть проливами... Последній срок принятія рѣшенія — середина мая мѣсяца или в самом крайнем случаѣ, начало іюня мѣсяца («Свѣдѣнія эти сообщаю вам на основаніи слов ген. Деникина», — добавлял Базили). ...Если же мы не завладѣем проливами в теченіе предстоящих мѣсяцев, то есть всѣ основанія предполагать, что война кончится без того, чтобы мы их приобрѣли. Все это невольно приводит меня к мысли, не слѣдует ли — отнюдь не отказываясь от намѣренія осуществить босфорскую операцію и наоборот, продолжая всячески настаивать на ея необходимости — все же имѣть в виду и иное рѣшеніе вопроса о проливах... Единственным же, как мнѣ кажется, сколько-нибудь приѣмлемым для

нас способом рѣшить вопрос о проливах для завладѣнія ими, должно быть признано соглашеніе с Турціей на условіях оставленія за ней суверенности над Константинополем и его районам, но с предоставленіем нам необходимых фактических гарантій — «военного контроля» в отношеніи проливов, т. е. «всемѣрно стремиться к достиженію сепаратнаго мира с Турціей»..., чтобы «до мирной, конференціи создать совершившійся факт». Подобное рѣшеніе, по мнѣнію Базили, «неизмѣримо выгодноѣ «нейтрализаціи» проливов, к которой имѣют такую неосновательную склонность наши крайне (?) лѣвые круги. (Такую мысль, между прочим, высказал в мартѣ в бесѣдѣ с великобританским военным агентом ген. Ноксом Керенскій и Терещенко в разговорѣ с Бьюкененом).

[401]

Таково было мнѣніе В. Д. Набокова, принадлежавшаго к числу тѣх, которые полагали, что одной из причин революціи было утомленіе от войны и нежеланіе ее продолжать.

[402]

Эту истину для всякой эпохи, выходявшей из предѣлов обыденной государственной жизни (такой эпохой была, конечно, «великая европейская война»), понял даже престарѣлый бард неограниченной монархіи Горемыкин, заявившій в 15 г. в Совѣтъ министров: «Политика в условіях настоящей войны неотдѣлима от военных дѣл. Сами военные говорят, что воюет не регулярная армія, а вооруженный народ».

[403]

Тема о «друзьях-братьях» в окопах, которая популяризировалась в войсковых обращеніях первых дней революціи, может быть, и звучала извѣстной фальшью в силу чрезмѣрной своей сентиментальности, но и большевики, склонные утверждать, что повиновение на фронтъ до революціи держалось только «палкой», должны признать, что окопное сидѣніе нивелировало солдат и офицеров.

[404]

Это не помѣшало Струве в позднѣйших «размышленіях о революціи» сказать, что «русская революція подстроена и задумана Германіей».

[405]

У Правительства, очевидно, было три кандидата: Алексѣев, Брусилов и Рузскій. Против Алексѣева прежде всего возражала «революціонная» или «совѣтская» демократія, и сам Алексѣев в послѣдствіи в дневникѣ правильно опредѣлил причины этой оппозиціи — его приказ 3 марта и неуступчивость, им проявленная. На первом же засѣданіи Контактной Комиссіи поднялся вопрос о кандидатѣ, который замѣнит «отрѣшеннаго» от должности в. кн. Ник. Ник. Представители Совѣта стали возражать даже против «временнаго» замѣщенія этого поста Алексѣевым. «Разумѣется, это было неудовлетворительно — пишет в воспоминаніях Суханов — и мы категорически возражали. Но по этому серьезному вопросу мы не имѣли никаких директив и ограничились бесплодными препирательствами, главным образом, со Львовым, доказывавшим, что Алексѣева рѣшительно не кѣм

замѣнить». По утверждению Половцова, кандидатам лѣвыхъ тогда был Брусилов — эту кандидатуру поддерживал Керенскій. Против Алексѣева возстали и правые, — Родзяко обратился к Львову 18-го с особымъ письмомъ по поводу сообщеннаго ему извѣстія, что Правительство склонно поставить во главѣ дѣйствующей арміи Алексѣева. «Это назначеніе не приведет к благополучному окончанію войны» — писал Родзянко: «Я сильно сомнѣваюсь, чтобы ген. Алексѣев сосредоточил в себѣ сумму достаточнаго таланта, и способности, и силы воли, чтобы широко охватить то политическое настроеніе, которое теперь захватило Россію и армію. Вспомните, что ген. Алексѣев являлся постояннымъ противникомъ мѣропріятій, которыя ему неоднократно предлагались из тыла, как неотложныя, дайте себѣ отчет в том, что ген. Алексѣев всегда считал, что армія должна командовать над тылом, что армія должна командовать над волею народа, и что армія должна как бы возглавить собой и правительство и всѣ его мѣропріятія; вспомните обвиненіе ген. Алексѣева, направленное против народнаго представительства, в котором он опредѣленно указывал, что одним из главнѣйшихъ виновниковъ надвигающейся катастрофы является

сам русскій народ в лицѣ своих народных представителей. Не забудьте, что ген. Алексѣев настаивал опредѣленно на немедленном введеніи военной диктатуры». Родзянко доказывал, что имя Алексѣева «мало извѣстно» и «непопулярно», так как с этим именем связана сдача «всѣх крѣпостей, Варшавы и Царства Польскаго». Из обзора, представленнаго Алексѣевым об отношеніи фронта к перевороту, Родзянко было «совершенно ясно, что только Юга-Западный фронт оказался на высотѣ положенія. Там, очевидно, царит дисциплина, чувствуется голова широкаго полета мысли и яснаго пониманія дѣла, которая руководит всѣм этим движеніем. Я имѣю в виду ген. Брусилова, и я дѣлаю из наблюдений моих при своих поѣздках по фронту тот вывод, что единственный генерал, совмѣщающій в себѣ, как блестящія стратегическія дарованія, так и широкое пониманіе политических задач Россіи и способный быстро оцѣнить создавшееся положеніе, это именно ген. Брусилов». «Другим лицом широкаго государственнаго ума» Родзянко считал Поливанова. Письмо Родзянко не носило личнаго характера по своему существу и подкрѣплялось выпиской из протокола засѣданія Врем. Комитета, отстаивавшаго кандидатуру Бру-

силою и признававшего, что «в интересах успешнаго веденія войны представляется мѣрою неотложною освобожденіе ген. Алексѣева от обязанностей Верх. Главнокомандующаго»... Кандидатура Рузскаго отпадала, потому что военный министр, по словам ген. Половцова, сопровождавшаго военнаго министра во время поѣздки его на фронт, «кипѣл негодованіем на пассивность Рузскаго» — дѣло было не в пассивности, а в том оппозиціонном настроеніи («опредѣленная враждебность», по характеристикѣ Половцова), которое встрѣтил Гучков при посѣщеніи Пскова. Деникин колебанія относительно Алексѣева объясняет тѣм, что «сильный Гучков» боялся «уступчивости Алексѣева» (и потому послѣ назначенія Алексѣева поспѣшил назначить без сношенія с послѣдним ему в помощники «боевого генерала», т. е. Деникина). В дѣйствительности и здѣсь причиной была не «мягкость характера», а твердость и неодобрительное отношеніе Алексѣева к первым реформаторским шагам Поливановской комиссіи (близкій Гучкову Пальчинскій, по словам Половцова, открыто высказывался в комиссіи, что Алексѣев «не подходит в главнокомандующіе»). Можно придти к заключенію, что Алексѣева настойчиво

поддержал глава Правительства, наиболѣе связанный с генералом своими прежними сношеніями. Чашу вѣсов перетянула в сторону Алексѣева именно его большая популярность в странѣ и та роль, которую Алексѣев играл в выработкѣ и руководствѣ военными дѣйствіями послѣ кризиса 15 г.

[406]

Термин, примѣнявшійся еще перед войной к нѣкоторым молодым офицерам Ген. Штаба, проповѣдывавшим необходимость, реформы арміи и примкнувшим к окруженію Гучкова.

[407]

Отрицательная оцѣнка команднаго состава со-
здалась под вліяніем все той же повышенной об-
щественной психологіи періода военных неудач,
нѣсколько переоцѣнивавшей таланты нѣмецких
стратегов. Мысль эту высказывал в началѣ еще
войны представитель мин. ин. д. в Ставкѣ Кудашев.
Он писал своему шефу: «Я убѣжден, что наши
генералы — прекрасно знают дѣло... но творче-
ской искры у них нѣт. Они годятся в члены «гоф-
кригс-герихта», осмѣяннаго Суворовым, но не в

Суворовы, а с такими противниками, как нѣмцы, один только Суворов может побѣдить». (17 дек. 14 г.). Почти через год Кудашев вновь возвращается к этой темѣ с болѣе отрицательным отношеніем к русским полководцам: «Война за цѣлый год не выдвинула ни одного Суворова. А так как большинство генералов берется из офицеров ген. штаба, то приходится вывести заключеніе, что Академія, их порождающая, не на высотѣ своего призванія. Этот вывод подтверждается наблюденіем над нѣкоторыми офицерами ген. штаба, у которых преувеличенное самомнѣніе и ничѣм не оправдываемая самоувѣренность прикрывают рѣдкое умственное убожество и полную безличность». Кудашев, очевидно, не склонялся к «эсеровскому рецепту» революціоннаго времени. Но этот рецепт устраненія генштабистов был очень по душѣ имп. Ал. Фед. Она не раз убѣждала мужа в своих интимных письмах (напр. іюль 16 г.): «выгони генералов и выдвинь каких-нибудь молодых энергичных людей. Во время войны нужны способные, а не по чину». «Многіе из наших генералов — писала она в другом, письмѣ — глупые идіоты, которые даже послѣ двух лѣтъ войны не могут научиться первой и наипростѣйшей азбукѣ во-

еннаго искусства». Царица была убѣждена, что «простые офицеры, не хуже офицеров Ген. Штаба, могут разбираться» в сложных стратегических вопросах, Историку, пожалуй, и не совсѣм умѣстно идти по стопам довольно импульсивной и даже истерической женщины. Чрезмѣрные обобщенія всегда рискованы. Достаточно назвать имена хотя бы нѣкоторых из тѣх военных вождей, кто фигурировал на командных постах в дни революціи и гражданской войны для того, чтобы показать несуразность парадоксальнаго утвержденія об «авгіевых конюшнях». Кто назовет бездарностью — Алексѣева, Рузскаго, Брусилова, Корнилова, Колчака, Непенина, Каледина, Деникина, Юденича, Врангеля и др.? А вѣдь их выдвинул на командные посты еще «старый режим».

[408]

Чернов спѣшит сдѣлать поправку: гучковскія мѣры выглядят дѣтской игрушкой сравнительно с тѣм, что было продѣлано над своей арміей великой французской революціей. Подсчитано, что только до іюля 1793 г. в ней было отставлено 593 генерала.

[409]

Врангель, считает, что гучковская «чистка» была «глубоко ошибочна», потому что замѣнила устраняемых людей «чуждыми» тѣм частям, которыми тѣ командовали, что должно было отразиться на «боеспособности» арміи. Между тѣм, в острых случаях, когда смѣна была необходима в силу взаимоотношеній между военачальниками и подчиненными, простое территориальное перемѣщеніе, которое легко могла устроить Ставка, способно было внести успокоеніе.

[410]

Деникин болѣе осторожно говорят: «Думаю, цѣль эта (улучшеніе команднаго состава) достигнута не была. «Новые люди» были подчас людьми «случая, а не знанія и энергіи».

[411]

В «Очерках русской смуты» имѣется даже сравнительная таблица, правда, не именная, гдѣ командующіе арміями и их начальники штаба распредѣлены по группам: поощряющіе демократи-

зацію, не боровшіеся против нея и боровшіеся. Автор пытается — едва ли основательна — сдѣлать вывод о послѣдующем антибольшевизмѣ лиц, занесенных в произвольныя статистическія таблицы общественной морали.

[412]

Для флагов был использован «подручный материал» и на флаги одной из сотен, очевидно, пошли юбки из краснаго ситца с крапинками.

[413]

Слово взято и кавычки самим Селивачевым, отнюдь не придававшим этому слову смысл соціаль- ный.

[414]

«С невѣроятным цинизмом, граничащим с измѣной Родинѣ — писал в 21 году с неостывшей запальчивостью уже историк-мемуарист — это учрежденіе, в состав котораго входило много генералов и офицеров, назначенных военным министром, шаг за шагом, день за днем проводило тле-

творныя идеи и разрушало разумные устои воинскаго строя».

[415]

Вопрос об «отданіи чести» был выдвинут на первый план во всѣх армейских отзывах потому, что именно по этому вопросу (и в сущности только по поводу него) запрашивал министр «срочное заключеніе» нач. штаба. Вопрос остался неразрѣшенным в Поливановской Комиссіи. «Предложено было три рѣшенія» — телеграфировал Гучков: «1. Совершенно умолчать об отданіи чести, что и сдѣлано в выпущенном приказѣ. 2. Сохранить внѣ службы взаимное привѣтствіе, как символ принадлежности к одной семьѣ... Рѣшеніе этого вопросам таким образом, несомнѣнно, вызвало бы протест Совѣга Р. Д., усмотрѣвшаго бы в этом стѣсненіе свободы внѣ службы. 3. Полное согласіе с Совѣтом Р. Д. и принятіе их резолюціи», т. е. регламентация согласно «приказу № 1» — отмѣна обязательнаго отданія чести «внѣ службы». Считая, что в этом вопросѣ необходима «солидарность» с высшими представителями дѣйствующей арміи, Гучков сообщал, что окончательное рѣшеніе

отложено до получения срочнаго заключенія ген. Алексѣва.

[416]

Запрос Гучкова был переслан немедленно Великому Князю.

[417]

Вмѣсто Чхеидзе от Совѣта подписал Скобелев, так как первый, по словам Станкевича, не возражая против рѣшенія, отказался дать подпись, мотивировав будто бы так свой отказ: «Мы все время говорили против войны, как же я могу теперь призывать солдат к продолженію войны» (?!).

[418]

Делегаты были направлены к военному министру общим собраніем представителей всѣх частей арміи 21-22 марта (присутствовало 379 чел.).

[419]

Отмѣтим заодно, что «Совѣт военных делегатов кievскаго военного округа» с самаго начала состо-

ял из офицеров и солдат.

[420]

Половцов, сопровождавшій Гучкова в его поѣздкѣ по фронту, так охарактеризовал «самоуправленіе» в XII арміи: «Радко... устроил себѣ парламент, засѣдающій в театрѣ. Это совѣщаніе вполнѣ благонадежно, а Радко с ним хорошо справляется». Через нѣсколько мѣсяцев Алексѣев в дневникѣ даст совершенно иную характеристику, опираясь на данныя, изложенныя на знамени-том совѣщаніи 16 іюля в Ставкѣ в заявленіи ген. Клембовскаго, замѣнившаго при Брусиловѣ ген. Драгомирова в качествѣ главнокомандующаго Сѣверным фронтом: «В XII арміи развал достиг крайней степени. Братаніе идет во всю и остано-вить его нѣтъ возможности... Вредным элементом стали латыши, геройски дравшіеся в декабрѣ и январѣ мѣсяцах. Произошел нравственный перелом: 2/3 Латвіи в руках нѣмцев... Естественно, нужно скорѣе ждать свободы от нѣмцев... Командующій XII арміей не сумѣл поставить себя в отношеніи армейских комитетов и упустил из своих рук управление арміей. Правит арміей фактически не

Радко-Дмитріев, а предсѣдатель совѣтскаго комитета солдат Ромм. Комитеты творят, что хотят. Комитеты латышских бригад состоят сплошь из большевиков». Исторія еволюціи арміи в послѣдующіе мѣсяцы выходит за предѣлы данной работы. Здѣсь нужны очень существенныя поправки. Состояніе XII арміи в дни октябрьскаго переворота цѣликом не подтверждает пессимистическую оцѣнку Алексѣева. (См. мою книгу «Как большевики захватили власть»). Во всяком случаѣ послѣдующее далеко не было логическим развитіем того, что закладывалось в эпоху мартовскаго реформированія арміи. Но для марта подлинное настроеніе армій очень ярко выразилось в выступленіи Ромма на Совѣщаніи Совѣтов. (См. ниже).

[421]

Двѣ крайнія позиціи, діаметрально противоположныя, были представлены «демагогом» Верховским и человѣком «долга» Деникиным.

[422]

«Положеніе» Поливановской комиссіи, стоявшее ближе к совѣтскому проекту, было опубликовано

вано послѣ утвержденія его Гучковым 10 апрѣля.

[423]

В дневникѣ Верховскаго («Россія на Голгофѣ»), 3 марта ему давалась такая характеристика: «Мы всѣ здѣсь очень любим нашего адмирала. Это настоящій солдат, смѣлый и рѣшительный, горячій, неутомимый боец, любимый своими командами».

[424]

И эту запись сдѣлал человек, перед тѣм записавшій свой спор с подчиненным («большим приверженцем новаго правительства») и доказывавшій, что Гучков дѣйствует под напором Совѣта, распоряженія котораго будут приняты военным министром «для введенія в армію, хотя и пройдут через комиссію ген. Поливанова».

[425]

Гучков сослался на авторитет Корнилова, который будто бы сказал ему при оставленіи поста командующаго войсками петербургскаго округа, что в разложеніи арміи виновен, главным образом, ко-

мандный состав, потакавшій солдатской анархіи. И что было не столько проявленія слабости, сколько революціоннаго карьеризма. Ссылка на Корнилова вызвала большое негодованіе Деникина, хотя по существу вопроса подобный взгляд вполне соответствовал точкѣ зрѣнія, изложенной Деникиным в «Очерках Русской Смуты». Во всяком случаѣ в мартѣ Корнилова также надлежало отнести в сонм «демагогов». Он по собственной инициативѣ посѣтил Исп. Ком. и заявил о своем желаніи дѣйствовать в полном контактѣ с Совѣтом, не возразил против прикомандированія к Штабу совѣтскаго представителя и даже на «лѣвых» произвел «выгодное впечатлѣніе» (Шляпников). Лишь 16-го кѣм то сдѣлано было в Испол. Ком. запротоколированное сообщеніе, что с Корниловым надо быть «осторожным» — он генерал «старой закваски, который хочет закончить революцію».

[426]

См. характеристику Колчака в III-м т. «Трагедія адм. Колчака», гдѣ использован его неопубликованный дневник.

[427]

Мемуарист вспоминает письмо, полученное им с фронта от гр. Игнатьева. Корреспондент писал, что надо отдать себѣ отчет в том, что война кончилась, потому что армія «стихійно не хочет воевать»: «Умные люди должны придумать способ ликвидаціи войны безболѣзненно, иначе произойдет катастрофа». Набоков показал письмо военному министру. Тот отвѣтил, что он получает такіа письма массаи, и приходится «надѣяться на чудо». Набоков высказал свое убѣжденіе Милюкову, который «рѣшительно» не согласился, однако, с этим и считал, что «без войны скорѣй бы все разсыпалось».

[428]

Эти строки писались во вторую міровую войну.

[429]

См. «Золотой ключ».

[430]

Суханов говорит, что в засѣданіи Контактной

Комиссії, собравшейся еще в серединѣ апрѣля в силу болѣзни военного министра на его квартирѣ, Гучков пытался убѣдить совѣтских представителей о невозможности «говорить вслух о мирѣ», ибо при словѣ «мир» в арміи наступает «паралич», и она разлагается.

[431]

Кучин слишком рѣшительно отрицал вліяніе «приказа № 1» — «он никакого значенія не играл в арміи». «Я утверждаю, — говорил представитель фронтовой группы, — что Кавказской арміи он не был извѣстен в тот момент, когда начали создаваться там комитеты... Комитеты явились стихійным процессом в тот момент когда старый порядок в арміи рушился, и не было ничего новаго. Комитеты явились проявленіем инстинкта самосохраненія массы, мудраго инстинкта сознанія представителей масс, которые знали, что им придется в чрезвычайно трудных условіях создавать новый быт арміи..., так как перед ними была масса, только что вырвавшаяся из состоянія рабства».

[432]

Лозунг «полицію на фронт» был популярен в революціонное время, и как-то никто на первых порах не задумывался о послѣдствіях его осуществленія. Так первый армейскій фронтовой съезд в Минскѣ вынес спеціальное о том постановленіе. Результаты сказались очень скоро. Революціонный командующій войсками Кіевскаго округа Оберучев утверждает, что «каждое сообщеніе об отказѣ под вліяніем большевицкой пропаганды заканчивалось обыкновенно так: «предсѣдателем полкового совѣта был бывший жандарм» и т. д. В позднѣйшем отчетѣ комиссара XI арміи на юго-запад. фронтѣ Кириенко также отмѣчалось пагубное вліяніе пополненія частей, стоявших на фронтѣ, городовыми и жандармами, присылаемыми из тыла: многіе из них стали «большевиками» и вносили деморализацію в боеспособных частях (как примѣр, отчет приводит Московскій полк 2 дивизіи гвардейскаго корпуса, гдѣ таких «бывших» оказалось около 150 человек). Думскіе депутаты в свою очередь регистрировали случаи, когда части выносили недовѣріе офицерам под руководством бывших агентов Охранных отдѣленій.

[433]

«Мы знаем, кто жил близко к солдатской массѣ, — говорил оратор, — что глухое и темное броженіе шло в широких, глубинах и нѣдрах арміи до революціоннаго періода... Из теплушек, из трамвайных вагонов, из темных землянок часто раздавались слова, указывающія на озлобленное настроеніе... Мы знаем, как в послѣднее время до революціи увеличивались репрессіи вмѣстѣ с ростом разложенія арміи... Мы слышали; во время сраженій далекіе выстрѣлы тогда. Эта были выстрѣлы разстрѣлов. И мы знаем, как часто применялись плети и розги, но многіе не знают, какую бурю негодованія вызывали онѣ в солдатской массѣ, которая... тайно переживала чувство озлобленія»... Это чувство озлобленія было принесено солдатами в первые же дни революціоннаго періода...

[434]

Депутаты объясняли это требованіе «замѣтным желаніем солдат сохранить добрыя отношенія с запасным батальоном, в который, в цѣлях отдыха, всѣ стрѣлки стремятся попасть». В документѣ, воспроизводящем отчет депутатов, дано такое еще

поясненіе: «В числѣ офицеров, коим выражено недоверіе в зап. бат., находятся два георгіевских кавалера (нынѣ командиров полков)... Нужно замѣтить, что предсѣдатель зап. бат., вынесшаго недоверіе. был впоследствии арестован, как чин Охр. Отд. В арестѣ вышеназванных офицеров, в первые дни революціи бывших популярными среди солдат, сыграли немалую роль прикомандированные к зап. бат. офицеры, сводившіе личные счеты на почвѣ оскорбленнаго самолюбія» (выборное начало и пр.).

[435]

Из официальной сводки свѣдѣній о братаніях на фронтѣ с 1 марта по 1 мая можно вообще заключить, что в апрѣлѣ, не говоря уже о мартѣ, явленіе это на всѣх фронтах было довольно случайное и сравнительно рѣдкое, едва ли выходившее значительно за предѣлы, наблюдавшіеся до революціи оно легко прекращалось пулеметным или артиллерійским огнем. Только 16 апрѣля в «Правдѣ» появилась статья Ленина, призывавшая содѣйствовать «братанію». Он писал: ...«войну невозможно кончить ни простым втыканіем штыков в землю,

ни вообще односторонним отказом одной из воюющих стран. Практическое немедленное средство для того, чтобы ускорить войну, есть и может быть только одно (кромѣ побѣды рабочей революціи над капиталистами), именно: братанье солдат на фронтѣ — немедленная, энергичнѣйшая, всесторонняя, безусловная помощь с нашей стороны братанью солдат обѣих воюющих групп на фронтѣ. Такое братанье уже началось. «Давайте помогать ему» (статья Ленина была «отвѣтом на отрицательную резолюцію Совѣта Солд. Деп. по поводу пропаганды большевиков).

[436]

Какое впечатлѣніе производил Гурко показывает довольно необычный факт, о котором рассказывает Легра, как непосредственный очевидец: послѣ одного из горячих призывов, обращенных главнокомандующим к толпѣ, выступившій из рядов солдат-«большевик» поцѣловал Гурко руку.

[437]

Легра рассказывает, что с Родичевым случился неприятный для оратора инцидент — у него высо-

чила вставная челюсть и упала на пол. Легко представить себѣ, как разсмѣшил бы подобный случай французскую аудиторію пишет Легра, — здѣсь, наоборот, это не вызвало даже улыбки, и Легра должен признать, что это достаточно характеризует психологію слушателей.

[438]

В момент же развала Черноморскаго флота(май), когда нужно было произвести рискованную операцію, Колчак вызвал охотников: число послѣдних — показывал он в дни сибирскаго допроса — значительно превысило нужное количества.

[439]

Русскій современник мог бы повторить метафору Мишле о парижском праздникѣ Федерациі 14 іюля 1760 г. — Это был день «всеобщаго братства, когда Бог явил свой лик. Бог согласія и мира, а не Бог насилія».

[440]

Суханов говорил, что это был восторг «буржуазной» толпы, которая жила «новым подъемом» и дышала «радостью великодушной революції». Это, конечно, невѣрно.

[441]

В. Маклаков отсюда дѣлал в своей рѣчи вывод, что демократія отстаивает «институты комитетов и комиссаров», которые были «естественным явлением дней революції», когда «заполнили пустоту», только потому, что это «проводники революціонной политики». Между тѣм «политическій путь» и «дисциплина» в революціонное время в сознаниі демократіи были неразрывно связаны. Маклакову, склонному к отрѣшенію от жизни и отвлеченным построениям, дилемма казалась легко разрѣшимой простым механическим устранением переживших свое время «суррогатов командного состава».

[442]

Крымов перед своей поѣздкой в Петербург был

крайне разстроен газетными свѣдѣніями о дѣятельности военнаго министра и послал в Петербург предварительно Врангеля с предостерегающим письмом о той опасности, которая грозит Россіи, если армія будет втянута в политику. Крымов был так взволнован, что при чтеніи Врангелем письма «разрыдался». В изображеніи Половцова, Крымов пріѣхал в столицу в боевом настроеніи: «сразу на меня набрасывается со свойственным ему ругательным настроеніем — «как тебѣ не стыдно, вы всѣ тут мямли, нюни распустили; первая солдатская депутація, которая ко мнѣ придет, я ее нагайкой, встрѣчу».

[443]

В одном из опубликованных «солдатских писем» упоминается об откровенных разговорах на эту тему офицеров с солдатами 241 пѣх. полка: «у нас в тылу есть двѣ азіатскія дивизіи и нам нужно присоединиться к ним и ѣхать в Петроград и уничтожить всю эту сволочь».

[444]

Жизненной иллюстраціей к положенію Набоко-

ва может служить письмо на имя кн. Львова извѣстнаго Маркова II, заявлявшаго, что он признает и подчиняется «всѣм законным дѣйствіям» возглавляемаго Львовым правительства. Свое рѣшеніе думскій лидер «Союза Русскаго Народа» мотивировал так: «печальный акт самоупражденія верховной в Государствѣ Россійском власти состоялся послѣ законнаго назначенія вас предсѣдателем Совѣта министров. Таким образом возглавляемое вами правительство является единственной законной властью в государствѣ».

[445]

Набоков, со слов бар. Нольде (?) сообщает, что 2-го в средѣ революціоннаго правительства поднимался вопрос об изданіи законов и принятіи финансовых мѣр в порядкѣ старой ст. 87. Факт был бы очень показателен, если бы не приходилось его сопровождать очень существенной оговоркой. Набоков забыл, что в его руках был черновик перваго засѣданія правительства. Из этого «никуда не годнаго», по признанію Набокова, протокола (см. ниже), однако, опредѣленно вытекает: было признано, что основные законы послѣ пере-

ворота не дѣйствительны, и что необходимо установить новыя нормы законодательства. А главное, первое засѣданіе правительства не могло быть 2-го. Оно происходило 4-го.

[446]

Маклаков отнюдь не оригинален — у него есть предшественник в лицѣ Гакебуша (Горѣлова), развивавшаго еще в 21-м году в «Записках бѣженца» такое своеобразное представленіе о февральских днях.

[447]

Непонятно, почему вниманіе политика-юриста сосредоточивается исключительно на актѣ 3 марта. Логичнѣе было бы всю дефективность отнести к акту 2 марта. В практической своей дѣятельности в 17 г. Маклаков не держался такой точки зрѣнія. В Особом Совѣщаніи по выработкѣ положенія о выборах в У. С. Маклаков при обсужденіи вопроса об избирательном правѣ представителей династіи Романовых (он высказывался положительно в виду добровольнаго отреченія) развивал теорію «легальнаго» происхожденія власти Вре-

меннаго Правительства из актов отреченія. Так, по крайней мѣрѣ, сообщал газетный отчет «Новой Жизни».

[448]

Конференція петербургских соц.-рев. 2-го. привѣтствуя вступленіе Керенскаго в правительство в качествѣ «защитника интересов народа и свободы», мотивировала свою резолюцію «необходимостью контроля над дѣятельностью Временнаго Правительства со стороны трудящихся масс». Московская конференція той-же партіи 3-го призывала «трудовой народ» оказывать «организованное давленіе на Временное Правительство, дабы оно твердо и последовательно осуществляло всѣ политическія свободы и созвало, согласно своему обѣщанію, Учред. Собраніе».

[449]

Для характеристики психологіи современника и психологіи мемуариста интересно сравнить тон воспоминаній Набокова с тоном воззванія, описывавшего расправы и кровавыя казни ничтожнаго, стараго правительства, окруженнаго безответ-

ственной силой темных проходимцев, распутных и преступных, что легло «позором на имя русскаго императора» и отвратило от него «всѣх честных сынов родины».

[450]

Официально не ссылались, но не официально это подчеркивалось в первые дни при сношеніях с иностранными послами, как видно из отмѣток Палеолога, 4 марта послѣ свиданія с министром ин. д. (ср. выше телеграмму Бьюкенена) французскій посол поинтересовался официальным «титолом» новаго правительства. Он еще окончательно не зафиксирован — отвѣтил Милюков в записи дневника Палеолога: пока называемся «временным правительством», но под этим названіем сосредотачивается вся полнота власти и неотвѣтственность перед Думой... Слѣдовательно, источником власти является революція — спросил Палеолог. «Нѣтъ, — отвѣтил Милюков. — Мы ее унаслѣдовали от в. кн. Михаила, который передал ее нам актом отреченія». Как неожиданный курьез можно зарегистрировать, что на акт 3 марта в 18-ом году в Уфѣ при организаціи власти ссылались предста-

вители партіи с-р. От имени Комитета членов Учр. Собр. Вольскій обосновал переход власти формулой юридической преемственности: Вел. Кн. в актѣ отреченія поручил Врем. Правит, созыв Учред. Собранія... «Ясно, что и той власти, которая должна создаться теперь, должна предшествовать государственная преемственность. Разрыв преемственности будет актом, который ослабит самую силу государственной власти».

[451]

Перелистывая газеты того времени, можно попасть на такой, напр., малограмотный курьез: огромное объявленіе одной из кинематографических фирм о пожертвованіи 3000 руб. в пользу Совѣта Р. и С. Д. при Гос. Думѣ!

[452]

Официальная радіо-телеграмма была составлена наспѣх и весьма небрежно. Так она начиналась словами: «28 февраля вечером председатель Гос. Думы получил высочайшій указ об отсрочкѣ засѣданій до апрѣля. В тот же день утром»... 28-ое — это явная описка, но остается «в тот же день

утром». Удивительно, что во всѣх почти последующих изданіях телеграмма перепечатывается в своем первоначальном видѣ без оговорок.

[453]

Так, очевидно, слѣдует понимать, напр., постановленія о поддержкѣ Думы, которыя выносились на волостных сходах Клинского у., Московской губ. в первой половинѣ марта.

[454]

Среди них был Бубликов, как видно из воспоминаній послѣдняго — он был сторонник созыва демократизированной Гос. Думы. Милюков на страницах своей «Исторіи» добавляет, что «сама Дума (?), за исключеніем предсѣдателя и немногих членов, не вела свои полномочія от избранія 1912 г., а только от своей роли во время революціи». Что касается «самой Думы», то о ней не приходится говорить, ибо ея не было, но в отношеніи «частных совѣщаній» нѣкоторых членов Думы утвержденіе историка правильно лишь для характеристики положенія первых дней. Дальше позиція, как мы увидим, существенно видоизмѣнилась, включая и по-

зицію самого Милюкова.

[455]

Исторія этого документа, опубликованнаго Сто-рожевым, такова. Черновик «Журнала Совѣта Ми-нистров 2-го» был найден в портфель б. мин. ин. д. (т. е. Милюкова) с помѣткой «В. Н.» (конечно, На-бокова, приглашеннаго на пост управляющаго дѣлами правительства и с 5-го марта присутство-вавшаго уже на засѣданіях): «Мнѣ представлен предлагаемый первый журнал засѣданія Вр. Пр., составленный секретарем Гос. Думы. Он, по мое-му, никуда не годится, но так как я не присутство-вал, то могу его исправить только, если мнѣ указа-на будет канва и сущность мнѣній». В воспоминаніях Набоков рассказывает, что с Милюковым было условлено, что он возьмет эту запись и воз-становит по памяти ход и рѣшенія перваго «чрез-вычайно важнаго» засѣданія Врем. Прав., в кото-ром оно устанавливало основныя начала своей власти и своей политики. За два мѣсяца своего пребывания к составѣ Врем. Прав. работы этой Милюков не выполнил — указывает Набоков: «Так и осталась запись неиспользованной — ка-

жется, он и не вернул ея. Этим объясняется, что журналы (печатные) засѣданій Врем. Прав, начинаются с № 2». Сторожев почему-то называет этот черновик «апокрифическим». Апокрифична лишь дата, указывающая, вѣроятно, на то, что это не протокол в точном смыслѣ слова, а позднѣйшая запись, воспроизведенная по памяти временно завѣдующим канцеляріей Врем. Прав. Глинкой. В связи с обсужденіем роли Гос. Думы на засѣданіи «Совѣта Министров» 4-го и говорили о непримѣнимости, ст. 87.

[456]

Раньше, на частном совѣщаніи членов Думы 18 юня, то же самое говорил Родичев: «правительство нас игнорировало».

[457]

Не знаю, была ли какая-нибудь официальная асигновка со стороны Правительства. Это вѣроятно, ибо в вѣдѣніе «Государственной Думы», т. е., Временнаго Комитета были переданы, напр., организаци «Краснаго Креста». Временный Комитет получал достаточныя пожертвованія для своей де-

тельности от «буржуазіи» (напр., в мартѣ один Совѣт Сиб. Ком. Банка предоставил в распоряженіе предсѣдателя Гос. Думы миллион рублей, такую же сумму отпустил к «Московскій Банк» — может быть, в газетных свѣдѣніях была неточность, и дѣло шло об асигновках «совѣтом банковских сѣздов»). Но привилегированное положеніе Времен. Комитета заключалось уже в том, что в его распоряженіи была государственная типографія, что впоследствии вызывало горячія нападки со стороны «революціонной демократіи». Напр., в «Дѣлѣ Народа» (1 сентября) Зензинов негодовал на то, что «на государственный счет» печатаются «в сотнях тысяч экземпляров стенографическіе отчеты частных совѣщаній» членов Гос. Думы с «подробными черносотенными и погромными рѣчами Масленникова и Пуришкевича, гдѣ Николай Романов именуется «законным претендентом на русскій престол»...

[458]

См., напр., рапорт командиров 32 дивизіи 9 марта командующему 8 арміей (этот рапорт, напечатанный в приложеніи к работѣ Шляпникова, мы

подробно изложили в отдѣлѣ «Трагедія фронта») и письмо офицеров Особой Арміи, помѣщенное в «Красном Архивѣ».

[459]

«Заложник демократіи» в Правительствѣ, представитель Совѣта при посѣщеніи Москвы 7 марта предпочел употребить болѣе широкою и неопредѣленную формулу: «по почину народа и Гос. Думы», употребленную в винаверском текстѣ «манифеста» 6 марта.

[460]

Впослѣдствіи в общей деклараціи от демократіи, прочитанной Чхеидзе в Гос. Совѣщаніи в Москвѣ, также говорилось, что совѣты с самага начала ставили себѣ цѣлью объединить всѣ живыя силы страны.

[461]

Лишь иностранец мог связать «совѣтскую систему» с традиціонным «русским міром» и «общинной», как это сдѣлал, напримѣр, в своих показаніях

перед «Овермэнской комиссіей» Сената Соед. Шт. (1919 г.) большевизанствующій бывший в Россіи в дни революціи представитель американской краснокрестной организаціи Робинс. Болѣе удивительно, что такую параллель провел серьезный политическій дѣятель и знающій Россію проф. Масарик. И еще болѣе удивительно, что к ней присоединился русскій военный историк Головин, не представляющій себѣ в сущности иностранное (синдикалистическое) происхождение большевицкой концепціи. Можно найти при желаніи нѣчто от «Руссо» в совѣтской системѣ, как это сдѣлал Бенеш, преемник Масарика на президентском посту (статья в «Волѣ Россія», ном. 18, 1924), но очень уже трудно будет установить преемственность между мыслями, которыя внушал Распутин имп. А. Ф. о непосредственной связи власти и народа и теоріей, осуществленной «в первые дни революціи», — эту преемственность нашел извѣстный англійскій журналист Вильтон.

[462]

Совѣт на первых порах был несомнѣнно «правѣе» Исполн. Комитета и, по признанію

Станкевича, от него «всего можно было добиться, если только упорно настаивать».

[463]

В качествѣ историка-мемуариста Керенскій усиленно подчеркивает, что ни одно дѣйствіе Совѣта не носило характера правительственнаго акта, исходящаго от центральной власти. Внѣшность, конечно, имѣла второстепенное значеніе.

[464]

Врангель приводит это в доказательство того, что правительство не сумѣло опереться на предлагаемую ему самими войсками помощь для борьбы с притязаніями Совѣтов. Такое предложеніе поступило, по словам генерала, напимѣр, от всѣх полков Уссурійской дивизіи. Мемуарист здѣсь явно сдѣлал большую хронологическую ошибку. О проектах ген. Врангеля сказано в другом мѣстѣ.

[465]

Из протокола Исп. Ком. мы узнаем, напимѣр, что в тяжелом артиллерійском полку, раскварти-

рованном в Царском Селѣ, солдаты «возмутились о неразрѣшеніи свободы печати». Дѣло о «Новом Времени» имѣло небезинтересный в бытовом отношеніи эпилог, характерный для настроенія «низов», Нѣкій солдат Дмитриев, осуждавшій в трамваѣ запрещеніе выхода «Нов. Времени», предстал 14 марта перед судом по обвиненію в порицаніи Совѣта. По чьей инициативѣ возникло это курьезное дѣло, к сожалѣнію, «День», из котораго мы заимствуем свѣдѣнія, не сообщил. Судил Дмитриева новый временный суд, введенный министром юстиціи: мировой судья и делегированные от Совѣта «солдат и рабочій». Эта «импровизація» Керенскаго, в корень противорѣчащая лестным словам, произнесенным им в Москвѣ о мировом судѣ, была, конечно, «подсказана настроеніем времени». Суд оправдал Дмитриева, признав, что свободному гражданину принадлежит право и свободной критики.

[466]

Позже, в эмиграціи, отвѣчая Водовозову на повторные его упреки за то, что Временное Правительство с первых же дней, своего существованія

допустило нарушение принципа свободы печати, Керенскій в «Днях» (29 дек. 23 г.) прикрыл это забвение громкой фразой: «в порядкѣ неотложных дѣл мы должны были в первую очередь спасать не мертвые газетные листы, а недописанныя еще страницы живых человѣческих жизней».

[467]

В Кіевѣ он был создан, на примѣр, представительством от городского и земскаго союза, національных организацій и политических партій.

[468]

По словам Шляпникова, на первое собраніе 9 марта фракціи большевиков в петроградском совѣтѣ явилось 40 человѣк, среди которых видны были 2-3 солдатских шинели. В Кіевѣ, по признанію Бош, большевики в совѣтѣ Р. Д. должны были выступать с осторожностью, чтобы не вызвать скандала; при выборах в совѣт солдатских депутатов они не принимали никакого участія за отсутствіем связи с войсковыми частями.

[469]

Тогда Львов (7 марта) говорил представителям печати: мы всё безконечно счастливы, что нам удалось дожить до этого великаго момента, что мы можем творить новую жизнь народа — не для народа, а вмѣстѣ с народом... Какое великое счастье жить в эти великіе дни».

[470]

Ближайшіе помощники Львова, которые фактически направляли политику мин. вн. дѣл (Щепкин, Леонтьев), были очень далеки от идеологии своего шефа.

[471]

Конечно, лишь хлесткой «революціонной» фразой являлось гиперболическое заявленіе Церетели в засѣданіи Петроградскаго Совѣта о том, что большинство первых правительственных комиссаров должно быть отнесено к числу «черносотенцев».

[472]

Пѣшехонов рассказывает, что, встрѣчая в первые дни революціи Шингарева, он «каждый раз его неуклонно спрашивал, когда же будет опубликован закон о мѣстном самоуправленіи». Шингарев так же неизмѣнно отвѣчал: «разрабатывается». Характерно, что сам Шингарев до революціи в совѣщаніи прогрессивнаго блока настаивал на спѣшном проведеніи волостной реформы в цѣлях предупрежденія анархіи. Потребность этого закона для деревни была первостепенной не только для поддержки общественнаго порядка, но и в интересах правильнаго снабженія арміи. Чернов не без основанія указывает, что правительство могло бы в спѣшном порядке издать временный закон, позаимствовав его из пухлаго портфеля неосуществившихся законодательных предположеній Гос. Думы — это ввело бы мѣстное «правотворчество» в извѣстныя рамки. Лишь 19 марта Правительство постановило считать должность земских начальников «подлежащей упраздненію» и «срочно разработать проект о преобразованіи органов мѣстнаго самоуправления». Вмѣстѣ с тѣм предложено было правительственным комиссарам до завер-

шения срочной работы по устройству волостных земств» (оно не «завершилось» и через два мѣсяца) образовать под своим наблюдением временные «волостные комитеты». Формально ненавистный населению институт земских начальников, фактически ликвидированный переворотом, был упразднен лишь 30 июня. Так повсюду опаздывало Временное Правительство!

[473]

Тактически скорѣе ошибкой надо признать введение в состав правительства в революционное время лиц с громкими именами, обладателей крупных миллионных состояний — возможный престиж во внѣ парализовался вредом внутренней пропаганды.

[474]

Вопрос об отношении к войнѣ оставляем пока в сторонѣ.

[475]

Припоминаются разсужденія в дореволюцион-

ной записи члена Государственного Совѣта Римскаго-Корсакова о «бездарности слабости русскаго либерализма».

[476]

По другому, чѣм Керенскій, толковал «клятву» членов Правительства первый послѣ революціи съѣзд партіи к.-д.: «Уважая волю народную, Правительство должно предоставить Учредительному Собранію разрѣшеніе всѣх тѣх вопросов, относительно которых, как не обладающих характером неотложности, не принято им на себя непосредственных обязательств в объявленной им программѣ».

[477]

Постановленіе о возобновленіи работ в Москвѣ было принято таким же подавляющим большинством: в Совѣтѣ «за» голосовало 2000 чело-
вѣк, «против» — 60-70.

[478]

См. мою книгу «Судьба имп. Николая II послѣ

отреченія».

[479]

В другой московской резолюціи подчеркивалось, что 8-часовой рабочей день не стоит ни в каком противорѣчии с національной обороной страны.

[480]

Отмѣтим, что среди квалифицированных рабочих (напр., типографіи Сытина) были и рѣшительныя возраженія против введенія нормировки труда явочным порядком.

[481]

Не совсѣм поэтому понятно, как член Исп. Ком., не только участник, но и докладчик в Совѣщаніи Совѣтов, мог в своих воспоминаніях пойти еще дальше, чѣм Керенскій, в установленіи версіи, будто при Временном Правительствѣ перваго состава «во всей странѣ был введен, даже по инициативѣ самих промышленников, 8-часовой рабочей день».

[482]

23 апрѣля Правительство издало положеніе о «рабочих комитетах» в промышленных заведеніях, введенных впервые в Петербургѣ по «соглашенію» между Совѣтом и Обществом фабрикантов. Через 1 1/2 мѣсяца Правительство, таким образом пыталось нормировать то, что фактически было уже осуществлено.

[483]

Примирительныя камеры из 4 членов Совѣщанія фабрикантов 4 членов Совѣта из 3 членов по избранію уѣзднаго Исп. Ком. и по одному представителю, от Союза служащих и Союза торговцев. Любопытно, что среди представителей Союза (очевидно в виду близости фронта) числился полковник.

[484]

8 апрѣля. Указывая, что рабочіе, «выставляя лозунгом переход на 8-час. раб. день», в то же время сами приложили всѣ усилія, чтобы работа велась без перерыва, работая сверхурочно... и что «напря-

женная работа на фронтѣ в сто раз важнѣе работы в тылу..., Правительство гарантировало, что добавочная работа будет оплачиваться особо.

[485]

Парламентскій вождь меньшевиков (Церетели) на съѣздѣ Совѣтов в іюнѣ высказался против осуществленія 8-час. раб. дня в ненормальных условіях жизни страны.

[486]

В литературѣ «буржуазной» слишком часто проявляется склонность преувеличить это паденіе трудоспособности в революціонное время. Забывают отмѣтить фактор, которому министр торговли и промышленности второго коалиціоннаго кабинета Прокоповича на Государственном Совѣщаніи придавал первенствующее значеніе — изношенность производственнаго аппарата.

[487]

К невольной демагогіи относились безотвѣтственныя сужденія, которыя в дни революціи бро-

сались легко в толпу. Вѣроятно, Церетели был убѣжден, что говорит в соотвѣтствіи с дѣйствительностью, когда утверждал при рукоплесканіи собранія в Совѣщаніи Совѣтов, аргументируя принцип безвозмезднаго отчужденія помѣщичьих земель в пользу трудящагося народа, что половина земли в Россіи принадлежала дворянству, и что в годину испытанія страны пустовала огромная площадь землевладѣльческих земель, чѣм и объяснялись до революціи столичные хвосты «желающих получить хлѣбные куски по голодным пайкам».

[488]

Напримѣр, депутат Стемпковскій в рѣчи 21 ноября 16 г., противопоставляя дивиденды промышленников затрудненіям «аграріев». приводил такіа иллюстраціи доходности: Тверская мануфактура в 15 г. имѣла 9,9 мил. при основном капиталѣ в 6 мил.; Коноваловская мануфактура, получавшая до войны 813 т., к 15 г. получила 7 мил. Послѣдняя иллюстрація как раз вызвала официальное опроверженіе со стороны администраціи фирмы, указавшей, что депутат ошибочно принял за доходность не соотвѣтственную цифру в отчетѣ. Конеч-

но, слово с кафедры Гос. Думы запечатлѣвалось ярче, чѣм напечатанное в газетах поясненіе заинтересованной, фирмы, представитель которой сдѣлался первым революціонным министром торговли и промышленности.

[489]

По внѣшности совершенно чудовищным будет позднѣйшее рѣшеніе третейскаго суда в конфликтѣ между рабочими и администраціей Ликинской мануфактуры о прибавкѣ к поденной платѣ, существовавшей в 1913 г., 425% (!!). Третейскій суд составлен был из 3 судей от профессиональнаго союза, 3 судей от администраціи при суперарбитрѣ, назначенном министерством труда.

[490]

Революція, поставившая перед общественным сознанием во всем объемѣ исконный земельный вопрос, вызвала интенсивную работу по выработкѣ основ будущей аграрной, реформы. (В Москвѣ была создана специальная «Лига аграрных реформ»). Предстояло свести в одно программный разнобой политических партій. Единства

мнѣнія не было и у социалистов, которых объединяло лишь общее признаніе положенія, что земля должна находиться в пользованіи трудящихся на ней. Коренное расхожденіе о формѣ осуществленія этого общаго положенія было не только между марксистскими и народническими группировками, но и в средѣ самих народников. Поэтому первый всероссійскій съѣзд «трудовой группы» 9 апрѣля, сознавая, что вопрос об условіях передачи земли народу не был «в достаточной степени освѣщен», поручил своему Ц. Ком. войти в сношенія с социалистическими партіями «для созыва общей народнической конференціи по выработкѣ программы по аграрному вопросу». Рѣшеніе, однако, осталось в области благих пожеланій.

[491]

В письмѣ на имя Керенскаго вел. кн. Николай Михайлович сообщал уже 9-го, что он «легко» получил отказ от Кирилла Владиміровича и «туго» от Дмитрія Константиновича... Однако, в приложенном к письму заявленіи в. кн. Кирилла об удѣльных землях ничего не сказано, что же касается престолонаслѣдія, то Кирилл присоединился к тѣм

«мыслям», которыя выражены были в актѣ в. кн. Михаила.

[492]

Отчет отмѣчает, что авторитетным разъясненіям пріѣзжих интеллигентов из столицы в деревнѣ вѣрили.

[493]

Это отмѣчал и отчет Временнаго Комитета и позднѣйшія воспоминанія самих крестьян, собранный в сб. «1917 год в деревнѣ»

[494]

Идея земельных комитетов возникла еще в годы первой Государственной Думы в трудовой фракціи.

[495]

В тот же день и Москвѣ состоялось учредительное собраніе всероссійскаго союза земельных собственников, ставншаго себѣ цѣлью спасти от гибели земледѣльческую культуру и сельско-хозяй-

ственную промышленность. На собраніи присутствовало 300 землевладѣльцев, в том числѣ хуторян и отрубников.

[496]

Анализ этой статистики, см. в моей книгѣ «Как большевики захватили власть».

[497]

Отчет Временнаго Комитета указывал, что земельные эксцессы наблюдались там, гдѣ населеніе было недостаточно освѣдомлено о государственном переворотѣ.

[498]

Относительно «толстовства» министра вн. дѣл надо отмѣтить, что львовскіе циркуляры, отстаивая желательность устройства примирительных комиссій из землевладѣльцев и земледѣльцев при волостных и уѣздных комитетах, очень рѣшительно требовали от представителей власти Временнаго Правительства, губернских комиссаров, ответственных «вмѣстѣ с мѣстными общественными

комитетами» за сохраненіе и губерніи порядка «всей силой закона» прекращать проявленія самоуправства... Это поясненіе вызывает необходимость поправок к утверждению, что Вр. Пр., как только вопрос коснулся собственнических интересов, скинуло мантию непротивленія злу и предписывало своим агентам на мѣстах устранять аграрные беспорядки вплоть до вызова воинских команд. Такое телеграфное предписаніе 8 апрѣля приводит Гучков. Упоминается оно и в «хроникѣ» революціонныхъ событій, которая, очевидно, воспроизводит какое то неточное газетное сообщеніе. Циркуляр Львова, воспроизведенный с подлинника в «Крестьянскомъ движеніи» помѣчен 12 апрѣля, и ни одним словом не упоминает о вызовѣ воинскихъ частей. Недопустимость такихъ приѣмовъ воздѣйствія признавало не только министерство внутр. дѣл, но и министерство земледѣлія. Это былъ общій взглядъ правительства, совпадавшій с тогдашнимъ общественнымъ мнѣніемъ. Пѣшихоновъ в статьѣ ставилъ вопросъ: «Неужели посылать карательные отряды?» Отчетъ Временнаго Комитета с удовлетвореніемъ отмѣчал, что за три мѣсяца не было случая примѣненія силы.

[499]

К числу их слѣдует отнести, конечно, не только большевицких ораторов, но очень часто и эсеровских. Штерн передает «типичное», по его словам, выступленіе на одном из крестьянских съѣздов Херсонской губерні партійнаго публициста Зака, «безапелляціонно» увѣрявшаго сомнѣвавшихся крестьян о достаточности общероссійскаго Земельнаго Фонда для обезпеченія всѣх безземельных, что земли «на всѣх хватит, я точно подсчитал».

[500]

Вот иллюстрація: Крестьянскій съѣзд в Одессѣ (7 апрѣля — собралось 2000 делегатов) жаловался на наличие огромных участков незасѣянной помѣщичьей земли и на увеличеніе арендной платы. Начальник округа Эбелов всю пустующую помѣщичью землю предоставил крестьянам для засѣва.

[501]

В рѣзком противорѣчїи с этими цифрами стоят данныя, которыя были приведены с.-р. Быховским

в августовском докладѣ в Исп. Ком. Совѣта Кр. Деп. Доклад опирался на статистику Гл. Зем. Ком.: у Быковского был огромный скачек в маѣ — с 57 на 450. Примѣр этот, заимствованный из «Изв. Сов. Кр. Деп.», лишь свидѣтельствует о той осторожности, с которой приходится обращаться с газетными отчетами. (См. мою критику методов Милюкова в книгѣ «Гражданская война в освѣщеніи П. Н. Милюкова»).

[502]

Это отмѣчал упомянутый доклад Быковского в Исполнительном Комитетѣ Совѣта Крестьянских Депутатов о земельных комитетах.

[503]

Постановленія Комитета Правительством 6 апрѣля, было отмѣнено.

[504]

Из отчета Временнаго Комитета видно, что вопрос о пріостановкѣ земельных сдѣлок возникал почти повсемѣстно. С такими ходатайствами об-

ращались на мѣстах к уполномоченным комитета и посылались особые делегаты в центр.

[505]

Берем три основных положенія из детально разработанной резолюціи съѣзда, приведенной полностью в приложеніи у Шляпникова.

[506]

Керенскій вспоминает, что весьма умѣренная «бабушка русской революціи Брешко-Брешковская» весной 17 г. предлагала ему взять «свѣдующих людей» и подѣлить землю.

[507]

До чего характерны позднѣйшія разсужденія кн. Сергѣя Волконскаго — человѣка, котораго нельзя причислить к лику ретроградов. Для него «послѣдующія прикосновенія революціи» представляются менѣе «противными», чѣм то, что пришлось испытывать «лѣтом 1917 г.», когда помѣщики, «жили у себя, но не были хозяевами — в своем карманѣ чужая рука». Мемуарист откровенно го-

ворит, что предпочитает человек, который придет и скажет: «Я беру у тебя этот плуг, потому что он мой», тому, который скажет: «Я предупреждаю вас, что вы этот плуг продать не имѣете права, потому что он не ваш».

[508]

Кн. С. Волконскій, представлявшій на съѣздѣ земельных собственников в Москвѣ борисоглѣбскій '«Союз землевладѣльцев», характеризует этот съѣзд впечатлѣніями «какого-то истерического крика, безсильнаго порыва против надвигающейся стихіи». Автор мемуаров к числу «дѣльных» и «практически обоснованных» сужденій съѣзда относит голосованіе по вопросу о «желательности или нежелательности отчужденій помѣщичьей земли в пользу крестьян» — против поднялось только 5 рук. В 17 г. этот вопрос был уже внѣ сферы академических разговоров.

[509]

Правительственная декларация 6 мая предоставляла Учредительному Собранію рѣшить вопрос о переходѣ земли в руки трудящихся.

[510]

Революція могла бы пойти по иному — доказывает ген. Головин, — если бы Правительство с самого начала сдѣлало бы ставку на «крѣпкаго» мужика, т. е. путем принудительной экспроприации передало бы помѣщичью землю в собственность крестьянам. Внѣ сомнѣнія при таких условіях революціонный процесс выразился бы в других формах. Но такая постановка вопроса слишком апіорна в исторической работѣ. В критикѣ утопичности соціальной программы, выдвигаемой военным историком в качествѣ запоздалой директивы революціонному правительству первого состава, в свое время приходилось указывать, что никакое временное правительство не могло бы провести до Учредительнаго Собранія такой аграрной реформы — ему не на кого было бы опереться: ни «буржуазія», ни «революціонная демократія» его бы не поддержали. Можно ли было найти осязательную поддержку в самой крестьянской массѣ для того, чтобы дѣйствовать наперекор общественным настроеніям? (таким путем могла бы пойти только военная диктатура, для которой в первые революціонные мѣсяцы не было почвы).

Опора на крестьян очень сомнительна. Для нашего военного историка почему-то является непреложной аксіомой положеніе, что русскій крестьянин по существу своему собственник, совершенно чуждый каким либо соціалистическим идеям. Не оспаривая теоретической аргументами подобной концепціи, мы указывали, что во всяком случаѣ, как свидѣтельствууют факты, к моменту революціи прошлое — то прошлое, которое охарактеризовал во всеподданнѣйшем отчетѣ за 1904 г. никто иной, как сам Столыпин, еще будучи Саратовским губернатором, словами, что «крестьяне другого порядка, кромѣ общины, не понимают» — далеко еще не было изжито; другими словами было бы рисковано утверждать, что медленный историческій процесс опредѣленно шел в сознаніи массы, той полосы Россіи, гдѣ не было индивидуальнаго землевладѣнія, по пути замѣны «передѣльно уравнительнаго» міросозерцанія частно собственническим. Мы приводим в противовѣс апріорным утвержденіям данныя сводки, сдѣланной в августѣ 17 г. Совѣтом Крест. Депутатов, на основаніи 242 реальных крестьянских наказов, а не «интеллигентских измышленій» — она вся была проникнута идеей отмѣны частной собственности на землю;

мы приводили и факты, характеризующіе (по матеріалам Главнаго Земельнаго Комитета и Главнаго Управленія по дѣлам милиціи, относительно аграрнаго движенія в революціонные мѣсяцы) непосредственное дѣйствіе народной массы, когда крестьяне-общинники, захватывали наряду с инвентарем и земельными угодыями помѣщиков и принадлежащее столыпинским «отрубникам». При обрисовкѣ первых мѣсяцев для нас, конечно, важнѣе болѣе раннія свидѣтельства, к числу которых относится отчет уполномоченных Временнаго Комитета — и он отмѣчал, что почти на всѣх ранних крестьянских съѣздах безоговорочно принимались резолюціи об уничтоженіи частной собственности на землю; равным образом, он указывая на крайне враждебное отношеніе в деревнѣ к «хуторянам». Отсюда может быть один только вывод: всякая попытка разрѣшить вопрос о землѣ вопреки «стихиі» и искусственно форсировать ломку социально-экономических отношеній, в духѣ предвзятых предпосылок могла породить явленіе, которое можно назвать поножовщиной в деревнѣ и которое не только до бесконечности осложнило бы положеніе временнаго революціоннаго правительства, но и устранило бы возмож-

ность болѣе или менѣе цѣлесообразнаго рѣшенія земельного вопроса в Учредительном Собраніи. В иной совсѣм постановкѣ тезис ген. Головина частично мог бы найти себе подтвержденіе в наблюденіях извѣстнаго публициста и общественнаго дѣятеля Юга Россіи Штерна (к.-д. по политической своей принадлежности); но послѣдній говорит не о правительственной программѣ, а о партійной. По мнѣнію Штерна его партія во время революціи не сумѣла взять на себя защиту интересов мелких собственников: если бы к.-д. оперлись на мелкое крестьянское землевладѣніе, они организовали бы из него активную силу, которая могла бы оказать сопротивление наступленію коммунизма (т. е., создать ту «контр-революціонную» силу, о которой говорит военный историк). Но круг наблюдений Штерна был ограничен (он рассказывал о «громадном» успѣхе партійных ораторов на собраніи крестьян-собственников, преимущественно нѣмцев-колонистов, в Одесском уѣздѣ). Поэтому, вѣроятно, он легко и дѣлал нѣсколько обобщающее заключеніе, что «ничто не указывало, что владѣніе землей рисуется крестьянам непремѣнно на коллективных началах». Россія велика и разнообразна, отсюда вытекала и цѣлесообразность ея

районированія в вопросѣ о формах землепользованія

[511]

Оазисов по Россіи было не мало. Можно привести лишнее еще свидѣтельство, интересное тѣм, что оно исходит от Коковцева. Он утверждает, что в деревнѣ, в которой он жил, было «совсѣм тихо и спокойно. Только чувствовалось недоувѣріе».

[512]

Можно привести немало свидѣтельств в пользу того, что даже вопрос о «выкупѣ» в рядѣ мест крестьянами разрѣшался в пользу вознагражденія владѣльцев по «добросовѣстной, безкорыстной оцѣнкѣ» (Ярославск губ.).

[513]

В своей газетѣ «Дни» 5 Марта 33 г. Керенскій сдѣлал еще болѣе категорическое, граничащее с абсурдом заявленіе — по его словам, уничтоженіе частной собственности на землю Временное Правительство декретировало в мартѣ мѣсяцѣ.

[514]

В «Извѣстіях», т. е. тот же Стеклов писал об освобожденіи «завѣдомаго преступника», обвинявшагося «в самом тяжком преступленіи против народа».

[515]

См. мою книгу «Золотой нѣмецкій ключ» к большевицкой революціи. До приѣзда Ленина единства среди большевиков не было. Были и свои «лѣвые» и свои «правые», боровшіеся против лозунга превращенія «имперіалистической войны в гражданскую». «Оборончески» настроенные элементы стояли и за поддержку Времен. Правительства. Расхожденіе опредѣлилось совершенно ясно на состоявшейся накануне открытіи Совѣщанія Совѣтов партійной конференціи, гдѣ обсуждался проект вносимой большевиками на это совѣщаніе резолюціи. Средняя линія проходила через Каменева, он и выбран был докладчиком на Совѣщаніи.

[516]

Эта цифра очень показательна, если сравнить

число большевицких представителей, офіціально засѣдавших в президіумѣ Совѣщанія — 4 на 6 меньшевиков и 2 эсэров.

[517]

«Внѣфракціонист» соц.-дем. из Гомеля Севрук, от имени большевизанствующей группы Совѣщанія, требовал, чтобы правительство, избранное, по соглашенію с Совѣтом, явилось на засѣданіе и дало бы «отчет» представителям революціонной Россіи. Баллотировкой предложеніе это было отвергнуто.

[518]

Имѣлась в виду интенсивная кампанія части петербургской печати против 8 часового рабочаго дня, создавшая довольно напряженную атмосферу в столицѣ и грозившая осложненіями в отношеніях между рабочими и солдатами (о ней было сказано в связи с разсмотрѣніем вопросов касающихся войны).

[519]

Не надо забывать, что в это время еще продолжались переговоры относительно объединенія двух разошедшихся фракцій соц. демократіи.

[520]

Вывод, который можно сдѣлать из стенографическаго отчета, не совпадает с впечатлѣніями мемуариста, смотрѣвшаго на событія под углом своего «лѣваго» міросозерцанія — для Суханова выступленія «справа» поддерживались на собраніи незначительным меньшинством или буржуазными элементами.

[521]

У Милюкова, пользовавшагося, очевидно, современным отчетом какой-нибудь «буржуазной» газеты, пренія изложены слишком сумарно и неточно: в текстѣ историка фигурируют ораторы, которых нѣтъ в стенографическом отчетѣ.

[522]

См. ниже относительно обостренных отношеній

между «рабочими» делегатами и «солдатами».

[523]

Вѣроятно, руководители сами не имѣли отчетливаго представленія, потому что практическіе вопросы разрѣшались с быстротою курьерскаго поѣзда, по выраженіе одного из делегатов. Так, напр., при протестѣ представителей многотысячнаго бакинскаго пролетаріата и многотысячнаго кіевскаго гарнизона, отказавшихся участвовать в баллотировкѣ, принималось требованіе к правительству об «отчужденія» в пользу націи сверхприбыли промышленников: «такой колоссальной важности документ не может быть принят без обсуждения» — заявили протестанты.

[524]

В такой странной многообѣщающей формѣ (в чем повинен, быть может, протоколист) очевидно было передано пожеланіе Правительства имѣть «совѣтскаго» министра труда, о чем, по свидѣтельству Суханова, не раз потом говорил («требовал») Коновалов в Контактной Комиссіи.

[525]

По воспоминаніям самого мемуариста можно установить, что, быть может, это было и не совсѣм так. Ничемная исторія с ген. Ивановым служит наилучшей иллюстраціей. Арестованный в Кіевѣ (по его словам, арест мотивировался Исполнительным Комитетом необходимостью оградить его от эксцессов), Иванов был переведен в Петербург, гдѣ попал в пресловутый министерскій павильон». 24-го с него была взята подписка о невыѣздѣ и на вѣрность Временному Правительству. Как сообщали газеты, Иванов останется на свободѣ «под личным наблюденіем министра юстиціи» (его дѣло разсматривалось в Гр. Сл. Ком.). «Извѣстія», т. е., Стеклов, негодующе писали, что «освобожденіе такого опаснаго врага народа, представляется совершенно непонятным», и что такія дѣла не должны рѣшаться «по домашнему»... Правительство обязано было опубликовать «сообщеніе по этому дѣлу и на всяком случаѣ довести об этом до свѣдѣнія Исполнительнаго Комитета». В докладѣ на Совѣщаніи Совѣтов Стеклов говорил, что «под вліяніем освобожденія Иванова «мы» (очевидно, через Конт. Комиссію) предъявляли

Правительству в болѣе настоятельной формѣ требованіе осуществить... «обѣщаніе» издать декрет объявляющій злоумышляющих генералов «внѣ закона». «В концѣ концов — утверждал докладчик — под нашим давленіем Правительство поручило министру юстиціи этот декрет издать по соглашенію с Исп. Комитетом». Но декрет так и не был издан—жаловался Стеклов. В данном случаѣ Суханов, якобы чуждый полицейскому умонастроенію Стеклова, был всецѣло на его сторонѣ не только в силу протеста против «безудержнаго ген.-прокурорскаго произвола министра (не было большаго основанія освобождать Иванова, чѣм многих и многих сидящих в Петропавловской крѣпости), но и потому, что надо было считаться с «психологіей масс», безконечно реагировавших на освобожденіе ген. Иванова в силу характера «его преступленія» — он мог быть... разстрѣлян без суда, — утверждали «Извѣстія». «Психологія масс», на которую ссылается Суханов, для нас наиболѣе интересна. «Гуманная выходка Керенскаго переполнила чашу». Министра «от демократіи» стали громко требовать к отвѣту. Предлагали офиціально вызвать его в Исполнительный Комитет. Это требованіе уже было извѣстно Керенско-

му. Но Керенскій не желал знать Исполнительный Комитет... Он явился в Таврической дворец, «прошел прямо в бѣлый зал, гдѣ происходило засѣданіе солдатской секціи, произнес там рѣчь, пожал бурю аплодисментов и уѣхал». Произнес Керенскій, конечно, демагогическую рѣчь — довольно элементарную по газетному отчету. Он объяснил, что раньше не имѣл возможности посѣтить представителей той среды, из которой вышел, что он и раньше в Государственной Думѣ отстаивал солдатскій вопрос, что он первый вывел 27-го революціонныя войска, что, как представитель интересов демократіи, он добился того, что Россія отказалась от всяких завоевательных стремленій, что, как генерал-прокурор, он держит в руках всѣх врагов отечества, что пришел он не оправдываться и не позволит не довѣрять себѣ и тѣм оскорблять всю русскую демократію, что он просит или исключить его из своей среды или безусловно ему довѣрять: «если будут сомнѣнія, придите ко мнѣ днем и ночью, и мы с вами сговоримся». Зал дрожит от овацій, раздаются крики: «вѣрим, вся армія с вами». Министра подхватывают на руки и выносят из зала... «Люди, желающіе внести раздор...» были посрамлены.

[526]

Был сообщен факт, что Стеклов поспѣшил у революціоннаго правительства легализовать для паспорта свой литературный псевдоним, официально отказавшись от природной фамиліи — Нахамкес, о чем безуспѣшно «всеподданнѣйше» ходатайствовал перед старым правительством. Моральный облик «весьма выдающейся фигуры» в революціи — откровенно циничный — выступил еще с большей яркостью. Против Стеклова в Исполнительном Комитетѣ открыто выступил Церетелли, однако, «лѣвые» настойчиво поддержали кандидатуру своего попутчика, считая, что личная біографія этого «кочевника» среди интернаціональных групп никакого «общественнаго значенія» не имѣет. Стеклов не был дезавуирован и остался членом бюро Исполнительнаго Комитета и одним из редакторов официальных «Извѣстій» — он был лишен только тѣх полномочій, которыя имѣл в редакціи в силу положенія «комиссара» Исполнительнаго Комитета.

[527]

В связи с этим нельзя не отмѣтить, указанія Су-

ханова на полное бездѣйствіе созданной при Совѣтѣ «Комиссіи законодательныхъ предположеній».

[528]

Составители комбинировали «пять рукописныхъ черновыхъ вариантовъ». Редакція указываетъ, что от публикаціи нѣкоторыхъ протоколовъ она должна была отказаться за невозможностью дешифровать карандашные наброски.

[529]

Церетелли совсѣмъ не раздѣляя «впечатлѣнія» Суханова.

[530]

В «Русскихъ Вѣдомостяхъ» отмѣчалось, что исполнительныя лица московскаго Совѣта оплачивались изъ правительственнаго кредита — и это сообщеніе никогда и никѣмъ не опровергалось.

[531]

В докладѣ Брамсона на Създѣ Совѣтовъ 23 іюня

указывалось, что в кассу Совѣта (пожертвованій, всяких взносов, сборов и отчисленій) всего поступило 3 1/2 мил., причем половина этих поступленій предназначалась для «военноплѣнных» или на спеціальныя цѣли. Надо имѣть в виду, что через Совѣт проходила не только значительная часть сумм, поступавших в правительство на нужды освобожденных политических заключенных, но и значительныя правительственныя ассигновки на эту же цѣль.

[532]

Суханов считал, что отказ мин. ин.д. пропустить швейцарца Платена внѣшне руководившаго операціей. связанной с проѣздом русских интернаціоналистов в «пломбированном вагонѣ», через Германію, являлся «недопустимым прецедентом» и нарушал установленную договором 2 марта политическую свободу (!).

[533]

Вопрос о «пломбированном вагонѣ», роль (Министерства ин. дѣл. отношеніе общественных кругов и масс, сравнительно детально рассмотрѣны в

книгѣ: «Золотой нѣмецкій ключ» к большевицкой революціи. Правительственная политика была сплошным клубком противорѣчій, в силу чего оно и не могло использовать настроенія создавагося в массѣ.

[534]

В газетах (20 марта) лишь появился довольно произвольный список членов Гос. Совѣта праваго крыла, которым, по распоряженію мин. юстиціи, были пріостановлены выдачи содержанія. Среди них не всѣ были арестованы и привлечены к разслѣдованію, производимому Чрезв. Слѣдств. Комис. под предсѣдательством Муравьева.

[535]

Послѣдняя фраза, по утвержденію Милюкова, «замѣнила «обвинительный акт», составленный Кокошкиным.

[536]

Это подчеркнул в своем первом публичном выступленіи лидер партіи Мякотин. На конференціи

23 марта раздавались даже голоса за подчинение революціонному правительству «без критики», как выразился проф. И. Алексинскій.

[537]

«Сильныя слова» Керенскаго (аксаковская метафора раньше до революціи была употреблена в Гос. Думѣ Маклаковым примѣнительно к войнѣ), были сказаны на фронтовом съѣздѣ 29 апрѣля: «неужели русское, свободное государство, есть государство взбунтовавшихся "рабов.... Я жалѣю, что не умер два мѣсяца назад: я бы умер с великой мечтой, что раз навсегда для Россіи загорѣлась новая жизнь, что мы умѣем без хлыста и палки уважать друг друга и управлять своим государством не так, как управляли прежніе деспоты». Что это «слово отчаянія» или рассчитанная поза? При высту­пленіях Керенскаго в силу импульсивности его характера всегда очень трудно отдѣлить искренній порыв от рассчитаннаго шага. Милюков добавлял: «конечно, в социалистических газетах рѣчь эта не была напечатана». Историк ошибся.

[538]

Непоследовательность, конечно, может быть отмѣчена и здѣсь.

[539]

Органическій дефект совѣтской организаціи, которую фактически не исправили отвлеченные тезисы Богданова, вызвал попытку созданія «Совѣтов трудовой интеллигенціи». Инициатива вышла из кругов «демократических групп» комитета Общ. Орг. Был созван в Москвѣ (в маѣ) даже съѣзд подобных организацій, на который прибыло довольно много людей из провинціи, представлявших около сотни организацій. На Московском Государ. Совѣщ. д-р Жбанков оглашал резолюціи от имени Совѣтов в Москвѣ Петербургѣ, Кіевѣ Харьковѣ, Казани др., но тѣм не менѣе встрѣченные довольно враждебно в социалистических кругах, как организаціи «буржуазныя» и не поддержанные достаточно общей печатью Совѣты трудовой интеллигенціи не получили большого распространенія... Только в одной Москвѣ, гдѣ приняли участіе народные социалисты, Совѣт занял болѣе или менѣе видное положеніе. Дѣятельность его в Петербургѣ

не нашла себѣ откликов.

[540]

«Дѣло Народа» впоследствии с откровенностью признавало Совѣты Кр. Деп. эс-эровской организаціей.

[541]

Напр., в вопросѣ о національном самоопредѣленіи народностей Россіи «вплоть до отдѣленія», между тѣм как народные социалисты были строгими федералистами по областному принципу.

[542]

Сами большевики были противниками этого «объединительнаго угара».

[543]

Московская газета «Власть Народа» фельетонным пером Ангаровой, непосредственно наблюдавшей первый съѣзд партіи с.-р., дала такую, нѣсколько карикатурную характеристику того

агломерата, который представляла собою партія: «крайне правая, просто правая, правая, примыкавшая к центру, центр, сбока еще два центра, правый и лѣвый, и такой же пологій скат совсѣм влѣво».

[544]

Масонское ядро? См. «На путях к дворцовому перевороту».

[545]

Керенскій и был выбран 21-го замѣстителем предсѣдателя правительства по случаю его отсутствія.

[546]

Была сдѣлана в началѣ апрѣля малоавторитетная и малоудачная попытка создать особую «республиканско-демократическую» партію, которая могла бы явиться организующим центром для оказавшейся «за бортом», по выраженій дневника Гиппиус, «интеллигенціи». Партію возглавили члены Думы Барышников, Дмитрюков, прис. пов. Моргуліес, сен. Иванов и др. Ея лозунгом была

«федеративная республика».

[547]

За нѣсколько дней до съѣзда в Москвѣ в «Комитетѣ Общ. Организаций», Некрасов еще опредѣленнѣе протестовал против «легенды» о «каком-то плѣненіи Правительства»... «И Врем. Правит, и Совѣт Р. Д. — говорил министр, — свято блюдут свою связь и единеніе, закрѣпленныя уже в двух деклараціях».

[548]

Насколько затушевывался на съѣздѣ вопрос о двоевластіи показывает тот характерный факт, что в отчетѣ «Рус. Вѣд.» — газетѣ почти партійной — о съѣздѣ вообще нѣтъ изложенія доклада Винавера.

[549]

Комплиментами злоупотребляли и приучили тѣм самым совѣтскую рядовую массу смотрѣть на себя, как на единственное представительство «революціоннаго народа», — как к «истинным представителям революціоннаго народа» — обраща-

лись 24-го к Совѣту представители еврейской организаціи члены Гос. Думы к.-д. Фридман и извѣстный адвокат Грузенберг.

[550]

Кокошкин перефразировал лишь слова Маклакова в Гос. Думѣ 3 ноября 16 года: «старый режим и интересы Россіи теперь разошлись, и перед министрами стоит вопрос: служить режиму и служить Россіи невозможно, как служить Мамонѣ и Богу».

[551]

Отсюда ясна поправка, которую надо сдѣлать к словам, напримѣр, Пасманика, что Милюков в мартовскіе дни отказался от монархіи «под давленіем уличной толпы».

[552]

Позже была сдѣлана попытка, не вышедшая из стадіи предварительной, создать «либеральную» (т. е., монархическую) партію, для переговоров о созданіи которой, как рассказал Тхоржевскій в не-

крологѣ, посвященном в «Возрожденіи» Гучкову, послѣдній ѣздил к Кривошеину. Как свидѣтельствуется сохранившійся документ Родзянки был сдѣлан с этой цѣлью денежный взнос из «экономическаго фонда», созданнаго торгово промышленной и банковской средой, но формально эта монархическая партія должна была защищать «республиканскія либеральныя идеи». Так освѣдомило Пет. Тел. Аг. о засѣданіи Центр. Ком. «Союза 17 октября», на котором Гучков дѣлал соотвѣтствующій доклад. В мартовскіе дни одни старообрядцы в Москвѣ 14 марта рѣшились высказаться за парламентскую монархію, да орган чешских націоналистов в Кіевѣ — «Славянскія Вѣсти» высказал увѣренность, что Учр. Собр. пожелает имѣть царя.

[553]

Этот «вздор» снова превратился в дѣйствительность через год, когда именно Милюковым было вновь поднято знамя легитимной монархіи. «Вздор» и для 17 года оставался реальностью. Бьюкенен рассказывает, что за завтраком, данным Терещенко в честь пріѣхавшаго в Россію Гендерсо-

на, Маклаков вызвал негодование Керенскаго заявленіем, что он «всегда был монархистом». Суть в том, что подобныя заявленія не выходили за предѣлы интимных трапез и бесѣд. Во внѣ говорилось иное. Маклаков принадлежал к числу виднѣйших представителей партіи, стоя на ея правом флангѣ. В том докладѣ 31 марта в Москвѣ, о котором уже приходилось упоминать (доклад был сдѣлан в партійной средѣ, но публичный отчет о нем был напечатан в «Рус. Вѣд.), Маклаков, убѣжденный конституціоналист-монархист, подчеркивал, однако, моральное значеніе именно республики. Говоря о германской опасности, нависшей над Россіей, Маклаков заявлял, что предпочитает в случаѣ, если опасность эта осуществится, видѣть «нищую порабощенную Россію... имперіей, а не республикой!.. Будущія поколѣнія проклянут нас». Отнесем нѣкоторую примитивность в формѣ выраженія мысли докладчика на счет вольной передачи газетнаго репортажа.

[554]

На майском съѣздѣ партіи к. д. Шаховской выступил с проектом созданія при Правительствѣ

постояннаго Государственнаго совѣщанія из представителей Совѣтов и всѣх четырех Государственных Дум.

[555]

Мѣра эта была принята в соотвѣтствіи с рѣшеніем Продовольственнаго Совѣщанія и рассматривалась, как частичное осуществленіе государственной хлѣбной монополіи, на которой настаивал Совѣт.

[556]

Собственныя слова Милюкова на частном совѣщаніи членов Думы 4 мая; что здѣсь не было обмолвки, показывает выступленіе Некрасова на майском съѣздѣ к. д., призывавшаго отказаться от такой позиціи партіи.

[557]

Масленников доказывал, что назначеніе правительства принадлежит только Думѣ.

[558]

Так в «Исторіи» представлено Милюковым. Он говорит: «даже такая скромная роль Гос. Думы» вызывала раздраженіе.

[559]

Дѣло было не только в неудовлетворительности самого «закона». Общим мнѣніем было, что правительство в свое время «аранжировало в широком масштабѣ выборы» (заявленіе Милюкова в той же муравьевской комиссіи); Дума, искусственно подобранная, представляла собой «картинную декорацию», а не законодательное собраніе.

[560]

В «Исторіи» Милюков говорит о «несуществовавшей» тогда к.-р. опасности.

[561]

Положеніе это надо отнести к числу основных демократических требованій, настолько прочно вкоренившихся в общественное сознаніе, что даже в Всер. Цент. Исп. Ком. в послѣдних числах іюля

был поднят вопрос об отложеніи выборов в У. Собр. в виду «отсутствія на мѣстах демократическихъ выбранныхъ органовъ городского, земскаго и волостного самоуправленія, которымъ единственно можно довѣрить производство избирательной работы» (доклад Брамсона 29 іюля). В революціонное время демократическій постулатъ становился предразсудкомъ, ибо правительственная избирательная комиссія в большей степени могла бы гарантировать правильность выборов, чѣмъ общественныя самоуправленія при гипертрофіи политики. Выборы в общественныя самоуправленія в 17 году дали наглядный урокъ того, какъ совершенный законъ в ненормальное время можетъ приводить к абсурду — при переполненіи городовъ тыловыми военными запасными частями правило, что военные голосуютъ на общемъ основаніи с проживающими на мѣстахъ в моментъ составленія списковъ придадо городскому самоуправленію рѣзко политическій характеръ, мало соотвѣтствовавшій мѣстнымъ интересамъ.

[562]

Еще до Учр. Собр. иллюстрацію будущаго

контроля можно было наблюдать в Москвѣ при выборах в новое городское самоуправленіе. Контроль вылился прежде всего в общественную цензуру. Московскій Совѣт объявил «соціалистическими избирательные, списки лишь тѣх партій, которыя входили в московскій Совѣт. Народно-соціалистическій список исключался. Это было непоследовательно, потому что в центрѣ народные соціалисты так или иначе непосредственно участвовали в «совѣтской работѣ». Представитель партій (Пѣшехонов) входил в коалиціонное министерство, которое признавалось до известной степени подотчетным Совѣту в своей соціалистической части; в этот самый момент происходило объединеніе с трудовиками, входившими в отвѣтственные, центральные органы «совѣтской демократіи» — они были представлены и на закончившемся съѣздѣ совѣтов. В результатѣ московскаго дѣйствія представитель народных соціалистов на перманентном митингѣ на Тверском бульварѣ у памятника Пушкина был избит любителями кулачной расправы, отстаивавшими чистоту соціалистических риз. Это не вызвало протеста в нѣдрах Совѣта.

[563]

Сам Милюков так рѣзко подчеркивающій в историческом обзорѣни, что партія его придавала «громадное значеніе» Учред. Собранію, никогда не создавал себѣ фетиша из органа «высшаго выразителя народной воли» и до революціи относился к нему весьма скептически. Правые круги, как раз обвиняли Вр. Пр. за то, что оно вышло за предѣлы формальной подготовки созыва Учред. Собранія.
